

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

КНИГА III.

МОСКВА.

1892.

PRESERVATION
REPLACEMENT
REVIEW ordered 3/29/84

AP50
R875
v. 133
MAIN

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
I. ИЗЪ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПЕРЕПИСКИ БАВЕЛИНА. (1847—1884 гг.). <i>Продолженіе</i>	1
II. ЯДЪ. Романъ Александра Килланда. Гл. VIII—X. Переводъ Э. Р. <i>Продолженіе</i>	17
III. ИМЕНИНЫ.—О. Забытаго.	43
IV. СТИХОТВОРЕНІЕ.—А. Незванова	72
V. УЧЕНИЦА ГАРРИБА. Историческій романъ Огюстена Филона. Гл. X—XIII. Переводъ В. М. Р. <i>Продолженіе</i>	75
VI. ЛЮБОВЬ. (Романъ). Часть I, гл. VII. Часть II, гл. I—II. <i>Продолженіе</i> .—И. Н. Потапенко.	108
VII. ПИСЬМА ИЗЪ АФРИКИ. Генрика Сенкевича. Переводъ съ польскаго В. М. Л. <i>Окончаніе</i>	155
VIII. НОВОЕ СОЧИНЕНІЕ ГЕРБЕРТА СПЕНСЕРА.—Л. Е. Оболенскаго.	1
IX. ЕВРОПА И РЕВОЛЮЦІЯ. (<i>Albert Sorel: «L'Europe et la Révolution»</i> . Т. III.)—Ж. Л.	24
X. РОДОНАЧАЛЬНИКИ АНГЛІЙСКАГО РАДИКАЛИЗМА. <i>Окончаніе</i> .—М. М. Ковалевскаго	37
XI. НѢСКОЛЬКО ЛѢТЪ ВЪ ДЕРЕВНѢ.—Н. Гарина.	59
XII. ЛОКЪ. (<i>Thomas Fowler: «Locke»</i>).—П. Ф. Н.	91
XIII. ПАМЯТИ ЭМИЛЯ ДЕ-ЛАВЕЛЭ.—А. А. Исаева	112
XIV. СУДЕБНАЯ ЗАЩИТА ЖЕРТВЪ ПРОМЫШЛЕННОЙ ЭКСПЛУАТАЦІИ.—П. Н. Обнинскаго	121
XV. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. —В. А. Гольцева	136

- XVI. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ: Неотложность научной разработки сельско-хозяйственныхъ знанийъ въ Россіи.—В. Д. Соколова. 145
- XVII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Ходъ правительственнаго дѣла въ нуждающейся полосоѣ.—Запасы хлѣба и выдача ссудъ.—Журналы нижегородской комиссіи.—Примѣръ кормежной для дѣтей.—Поддержаніе лошадей до весеннихъ работъ.—Циркуляръ о продовольственной организаціи и общественныхъ магазинахъ.—Вопросъ объ общественныхъ запашкахъ.—Льготы заемщикамъ дворянскаго и крестьянскаго банковъ по случаю неурожая.—Основы преобразованія крестьянскаго банка.—Назначеніе С. Ю. Витте.—Вѣдомство и институтъ инженеровъ путей сообщенія.—Льготные тарифы.—Московскіе земскіе выборы. 167
- XVIII. СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО: Малый театръ: *Сафо*, траг. въ 5-ти дѣйств. Франца Грильпарцера, перев. Н. Ѳ. Арбенина.—Выставка картинъ И. Е. Рѣпина въ Москвѣ.—Ан. 192
- XIX. ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ.—Н. К. Михайловскаго. 201
- XX. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. Книги: Беллетристика.—Философія.—Исторія литературы и біографія.—Этнографія.—Политическая экономія и статистика.—Юридическія книги.—Сельское хозяйство.—Техническія книги.—Учебники и дѣтскія книги.—Календари. II. Периодическія изданія: «Русскій Вѣстникъ», январь—февраль.—«Библиографическія Записки», январь—февраль.—Русская Старина» 1891 г.—«Русскій Художественный Архивъ», вып. I. 109

Изъ литературной переписки Кавелина *).

(1847—1884 гг.).

IV.

П. М. Леонтьевъ.

(Род. 18 авг. 1822 г., † 24 марта 1876 г.).

Письма къ Кавелину П. М. Леонтьева, извѣстнаго сотрудника М. П. Каткова во всѣхъ его литературно - публицистическихъ и общественныхъ предпріятіяхъ, относятся къ первымъ годамъ изданія *Русскаго Вѣстника*, когда этотъ журналъ стоялъ въ челѣ прогрессивнаго направленія, идя на встрѣчу всѣмъ тогдашнимъ либеральнымъ начинаніямъ правительства и во главѣ ихъ вопросу объ освобожденіи крестьянъ. Возникновеніе *Русскаго Вѣстника* въ 1856 году было поистинѣ событіемъ въ русскомъ журнальномъ мірѣ, потому что въ теченіе пятнадцати лѣтъ не появлялось новаго періодическаго изданія. Последнимъ новымъ журналомъ былъ погодинскій *Москвитянинъ*, начавшій издаваться въ 1841 году; онъ враждебно относился къ прогрессивнымъ литературнымъ теченіямъ и еле-еле влачилъ въ 1856 году свое существованіе. И вотъ на смѣну этому умирающему журналу выступилъ *Русскій Вѣстникъ*, редакцію котораго составляли люди, близкіе Станкевичу, Бѣлинскому и Грановскому и хранившіе ихъ традиціи. То были: М. Н. Катковъ, Е. Ѳ. Коршъ и П. Н. Бурдяцевъ. Въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, какъ и въ *Современникѣ* девять лѣтъ тому назадъ (въ 1847 г.), объединились всѣ лучшія литературныя силы изъ лагеря западниковъ. Славянофилы не остались передъ ними въ долгу и въ томъ же 1856 г. основали въ Москвѣ свой органъ—*Русскую Бесѣду* подъ редакціей А. Ш. Кошелева и Т. И. Филиппова. Между этими органами двухъ противоположныхъ направленій неизбѣжно должно было произойти столкновеніе, и оно произошло въ томъ же 1856 году, особенно обострившись въ послѣдующіе два года. Главными спорными вопросами явились коренные вопросы славянофильства: о народномъ воззрѣніи, о народности въ наукѣ и о русской сельской общинѣ.

*) *Русская Мысль*, кн. I.

Но не съ одними славянофилами боролся *Русскій Вѣстникъ*. Со втораго года изданія (1857) у Баткова стали возникать недоразумѣнія съ его собственными сотрудниками. Первымъ поводомъ къ нимъ поведъ Тургеневъ, не помѣстивъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* обѣщанной имъ повѣсти, а затѣмъ Батковъ разошелся съ Б. Н. Чичеринымъ, однимъ изъ самыхъ видныхъ сотрудниковъ *Русскаго Вѣстника*. Размолвка съ г. Чичеринымъ вышла у него изъ-за статьи послѣдняго о книгѣ Токвиля: *L'ancien regime et la revolution*, выводы которой оспаривалъ г. Чичеринъ. Отказъ Баткова помѣстить его статью въ своемъ журналѣ (она появилась въ *Отеч. Зап.* 1857 г., августъ) повелъ къ выходу изъ *Русскаго Вѣстника* соредатора Баткова, Е. Ѳ. Борша, и многихъ постоянныхъ его сотрудниковъ, и къ основанію въ Москвѣ, въ 1858 г., подъ редакціей Е. Ѳ. Борша, новаго журнала—*Атеней*.

Письма Леонтьева къ Бавелину относятся къ этому времени, и изъ нихъ ясно видно, какъ дорожила редакція *Русскаго Вѣстника* близостью своихъ отношеній къ Бавелину, котораго Леонтьевъ въ одномъ изъ писемъ называетъ *другомъ* своимъ и Баткова. Редакторамъ *Русскаго Вѣстника* было тогда особенно важно удержать у себя Бавелина, жившаго въ Петербургѣ и, по своимъ тогдашнимъ отношеніямъ, имѣвшаго возможность быть весьма полезнымъ ихъ журналу, который испытывалъ, кромѣ недоразумѣній съ сотрудниками, немало цензурныхъ затрудненій. Просьбой объ устраненіи послѣднихъ и открываются письма Леонтьева къ Бавелину. Дальнѣйшее ихъ содержаніе касается статьи Бавелина *О сельской общинѣ*, обѣщанной имъ *Русскому Вѣстнику*. Весьма интересны возрѣнія Леонтьева на это важное русское бытовое явленіе и тѣ мотивы, которые онъ приводитъ относительно невозможности помѣщенія на страницахъ *Русскаго Вѣстника* статьи Бавелина безъ нѣкоторыхъ поправокъ съ его стороны. Но Бавелинъ, всегда упорный въ своихъ возрѣніяхъ, не согласился на поправки, и статья его была напечатана во 2-й книгѣ *Атеней* за 1859 г. Въ такомъ свѣтѣ представляется по письмамъ Леонтьева «недоразумѣніе» между *Русскимъ Вѣстникомъ* и Бавелинымъ, который также оставилъ сотрудничество въ *Русскомъ Вѣстникѣ*. Близкія отношенія Бавелина съ Батковымъ не только не возобновились, но они все болѣе и болѣе расходились во взглядахъ. Только въ 1865 г. Бавелинъ помѣстилъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* статью *О немецкихъ университетахъ*, потому что, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, не могъ помѣстить ее ни въ *Журналъ Минист. Народнаго Просв.*, ни въ одномъ изъ ежемѣсячныхъ частныхъ петербургскихъ изданій.

Конецъ августа 1857 г.

Увѣренный въ вашемъ добромъ расположеніи, рѣшаюсь подѣлиться съ вами, любезнѣйшій Константинъ Дмитриевичъ, своею теперешнею заботой. Участившіяся въ послѣднее время замѣчанія

князя Вяземскаго ¹⁾ начинаютъ теперь уже тяготить нашего добраго цензора и заставляютъ серьезно подумать о предотвращеніи если не опасности, то, по крайней мѣрѣ, непріятности неловкаго положенія. Предотвращеніе это кажется легко, потому что въ большей части случаевъ оно можетъ быть достигнуто устраненіемъ лишь недоразумѣній. Вотъ теперь, напримѣръ, приходитъ въ голову опасеніе, чтобы не было придано какаго-нибудь значенія статьѣ, весьма (въ сущности) умѣренной и благонамѣренной, о словесномъ дѣлопроизводствѣ въ Россіи. Не худо было бы при случаѣ завести о ней рѣчь съ Вяземскимъ, конечно, не возбуждая въ немъ сомнѣній насчетъ ея или не привлекая на нее особеннаго вниманія Вяземскаго, а такъ, кстати, при разговорѣ, и если будетъ замѣтно въ немъ не совсѣмъ благопріятное мнѣніе, то передать ему, что редакція поступала въ этомъ случаѣ со всею возможною осмотрительностью и рѣшилась дать мѣсто этой статьѣ, лишь получивъ положительное извѣстіе, что въ морскомъ министерствѣ идетъ рѣчь о введеніи въ этомъ вѣдомствѣ публичности и гласности суда. Редакція получила статью г. Яневскаго-Яневича объ этомъ предметѣ и вскорѣ за тѣмъ письмо ея автора, пишущаго, между прочимъ, слѣдующее:

«Государь великій князь генераль-адмиралъ, по прочтеніи другаго остававшагося у меня экземпляра статьи, которую я имѣлъ честь просить васъ помѣстить въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, изволилъ приказать напечатать ее въ октябрьской книгѣ *Морскаго Сборника* съ приглашеніемъ читателей онаго сообщить въ редакцію *Сборника* соображенія свои о томъ, въ какихъ случаяхъ и какимъ порядкомъ можно бы ввести публичность и гласность въ морскомъ судопроизводствѣ».

Статья г. Яневскаго-Яневича будетъ напечатана въ № 18 *Русскаго Вѣстника*, но, имѣя въ виду ея напечатаніе, Михаилъ Никифоровичъ рѣшился помѣстить въ № 17 статью подобнаго же содержанія, изготовленную на всякій случай для удобной минуты ²⁾.

¹⁾ Князь Петръ Андреевичъ Вяземскій, извѣстный писатель, занималъ въ то время постъ товарища министра народнаго просвѣщенія, а этому министерству было подчинено тогда цензурное вѣдомство. К. Д. Кавелинъ давно зналъ кн. Вяземскаго, съ которымъ еще отецъ его сошелся при посредствѣ Жуковскаго.

²⁾ По инициативѣ Его Императорскаго Высочества великаго князя Константина Николаевича, въ *Морскомъ Сборникѣ* обсуждался разнаго преобразования, неизбежнаго въ то время въ народной, общественной и государственной жизни Россіи. Въ № 17 *Рус. Вѣст.* 1857 г. помѣщена статья безъ подписи: *О словесномъ дѣлопроизводствѣ въ Россіи*, а въ № 18 за тотъ же годъ (*Соврем. Литт.*, стр. 82—89) напечатана статья *К. Я. Яневича-Яневскаго*: „О публичности и устности уголовного судопроизводства по русскому положительному праву“.

Вотъ что было бы хорошо, и нужно, притомъ, съ ловкостью передать Вяземскому, и Михаилъ Никифоровичъ просилъ меня написать къ вамъ о томъ. Впрочемъ, повторяю, что это не болѣе, какъ предусмотрительность: извѣстій неблагопріятныхъ пока еще нѣтъ.

Наша жизнь здѣсь течетъ своимъ обычнымъ русломъ довольно спокойно. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ П. Н. Будрявцева, котораго содѣйствіе будетъ теперь очень важно. Нужно ли говорить, какъ радостно было бы получить и отъ васъ приношеніе въ кассу общепользныхъ статей, хотя замѣтки для *Современной Литотисси*, выдержки изъ дневника путевого или изъ новыхъ лекцій ¹⁾? Необходимо всѣми силами стараться о поддержаніи тона, чтобы его вѣрность могла быть замѣчена публикою и, что еще нужнѣе, сотрудниками. Я увѣренъ, что если бы *Русскій Вѣстникъ* успѣлъ побольше высказаться, то горестная исторія, о которой я писалъ вамъ въ концѣ іюня, была бы невозможна. Пусть же тѣ, которые одобряютъ *Русскій Вѣстникъ*, помогаютъ ему высказываться въ своемъ духѣ. Въ странѣ, гдѣ стремленія такъ незрѣлы и понятія такъ конфузны, это святая обязанность людей, чувствующихъ, что ясно смотреть на дѣло и не хотять невозможнаго. Съ этою мыслью дружески жму вамъ руку, любезный сторонникъ, и поздравляю васъ съ прїѣздомъ для новой обширной дѣятельности.

Весь вашъ П. Леонтьевъ.

28 апрѣля 1858 г.

Пакетъ, посланный вами 15 апрѣля, мы получили, любезный Константинъ Дмитріевичъ, только сегодня, 23 апрѣля. Поэтому и не могли отвѣчать до 20 апрѣля, какъ вы желали. Редакція *Русскаго Вѣстника* съ величайшимъ удовольствіемъ вышлетъ господину Х. Д., черезъ васъ, гонорарій за доставленные отъ 15 апрѣля статьи и будетъ высылать его впредь также черезъ васъ. Письмо ваше о неподписаніи буквъ Х. Д. пришло, когда двѣ статьи: *Еще о правѣ крестьянъ на землю* и *Объ общинѣ* были уже напечатаны съ его подписью, первая, впрочемъ, съ нѣкоторыми легкими перемѣнами и съ измѣненіемъ заглавія, вслѣдствіе дошедшихъ до насъ изъ Петербурга и теперь подтвердившихся вашимъ письмомъ и циркуляромъ Ковалеваго слуховъ ²⁾. Статейка эта называется такъ: *Еще объ отношеніи крестьянъ къ землѣ*.

¹⁾ Въ августѣ 1857 г. Кавелинъ только что возвратился изъ-за границы. Лекціи въ Петербургскомъ университетѣ по гражданскому праву онъ началъ въ сентябрѣ.

²⁾ Циркуляръ по цензурѣ министра народн. проsv. Ковалеваго отъ 22 апрѣля 1858 г., запрещающій печатно обсуждать крестьянскій вопросъ въ пользу однихъ лишь крестьянъ, безъ соблюденія интересовъ помѣщиковъ. Циркуляръ этотъ вызванъ былъ,

Тайна относительно статьи о книгѣ Безобразова будетъ соблюдена ¹⁾. Нельзя ли, однако же, взять для будущихъ статей Х. Д. какой-нибудь шифръ, чтобы публика видѣла ихъ принадлежность одному автору. Если не будетъ отъ васъ противорѣчающаго сообщенія, то мы поставимъ подпись Д—въ, которая достаточно скроетъ автора. Если изъ Петербурга не будетъ открыта тайна этого шифра, то изъ Москвы секретъ не выйдетъ наружу.

Мы ужасно боимся банкротства. Серебро въ ломъ вздорожало на 4 коп. золотникъ. Это послѣдній признакъ предстоящаго кризиса. Къ чему это можетъ повести? Неужели продолжаютъ еще печатать кредитные билеты? Всѣ предметы вздорожали относительно денегъ на 25 процентовъ. Вексельный курсъ держится на 10 проц. потери и даже немного поправляется, но это обманчивый указатель при ограниченности нашей внѣшней торговли и при заботахъ правительства поправлять его по возможности. Дѣйствительный излишекъ бумажныхъ денегъ, противъ потребности въ нихъ, можно полагать, не преувеличивая, въ 150 милліоновъ. Очень жутко становится при мысли объ этой цифрѣ, особенно когда подумаешь, что дѣло освобожденія никакъ не можетъ сложиться безъ кредита и, слѣдовательно, безъ облигацій, которыхъ извѣстная часть непременно будетъ исправлять службу денежныхъ знаковъ. Время роковое, требующее гениальнаго государственнаго мужа! Можно все испортить, но, очевидно, можно еще все выиграть.

Ожидаемъ съ нетерпѣніемъ вашей статьи объ общинѣ. Со всѣхъ концовъ Россіи-матушки, оживившейся и одушевляющейся, получаемъ мы письма и статьи по крестьянскому вопросу, и, что утѣшительно, по большей части въ хорошемъ духѣ. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ этого нельзя было ожидать. Добрый признакъ и новое доказательство могущества гласности. Съ этою ободряющею мыслью жму вамъ руку.

Весь вашъ П. Леонтьевъ.

между прочимъ, статьями, помѣщенными въ *Современникъ* за 1858 годъ (кн. 2 и 4) *О новыхъ условіяхъ сельскаго быта*. Во второй изъ этихъ статей находилось изложеніе Записки Кавелина о надѣленіи крестьянъ землей.

¹⁾ Здѣсь разумѣется рецензія на книгу магистра правъ Н. А. Безобразова, писанную въ Миланѣ и изданную въ Берлинѣ подъ заглавіемъ: *Объ усовершенніи узаконеній, касающихся до отчужденія правъ дворянства*. Рецензія помѣщена въ *Рус. Вѣст.* 1858 г., май, кн. 2, *Совр. Литт.*, стр. 153—158, за подписью „а—g“ и подъ заглавіемъ: *Сентъ изъ Милана по крестьянскому вопросу или дума русскаго патриота подъ липами (Unter den Linden)*. Книга эта написана въ защиту крѣпостнаго права, и автора ей отнюдь не слѣдуетъ смѣшивать съ нашимъ ученымъ экономистомъ, академикомъ В. П. Безобразовымъ, который самъ высказался на страницахъ *Рус. Вѣст.* противъ своего однофамильца (*Рус. Вѣст.* 1858 г., июль, кн. 1-я, *Соврем. Литт.*, стр. 27—34).

Москва, 27 октября 1858 г.

Любезный Константинъ Дитриевичъ, посылаемъ вамъ переводъ на Юнгмейстера похъ платитъ вамъ для г. Рехневскаго ¹⁾). По нашимъ книгамъ значится, что былъ высланъ вамъ переводъ на Глазунова для г. Рехневскаго 20 юня за вторую статью и 29 мая за первую статью. Въроятно, переводъ этотъ какъ-нибудь затерялся. За приложение объявленій въ числѣ 6,200 наша такса 26 р.; къ однимъ московскимъ и петербургскимъ экз. (въ числѣ 2,140) объявленія прилагаются за 6 р.; къ однимъ «городскимъ», т.-е. иногороднимъ (въ числѣ 4,060), за 20 р.

Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ вашихъ замѣчаній на статью о русской сельской общинѣ ²⁾). Разумѣется, препятствій съ нашей стороны къ напечатанію ихъ быть не можетъ. Все желаніе наше ограничивается лишь тѣмъ, чтобы вы смотрѣли на эту статью не какъ на мимолетное выраженіе минутной фантазіи, а какъ на плодъ очень продолжительнаго и очень зрѣлаго обсужденія. Будущее покажетъ, я твердо увѣренъ въ этомъ, что ни въ содержаніи статьи, ни въ тонѣ ея нѣтъ ничего нетрезваго. Но мы знали и знаемъ, что трезвость взгляда будетъ урываться отъ многихъ. По здоровомъ обсужденіи, вопросъ объ общинѣ оказывается такимъ вопросомъ, который долженъ произвести разложеніе нашихъ доселѣ бывшихъ литературныхъ партій, то-есть выдѣлить изъ каждой партіи здоровые и свѣжіе элементы, послѣ чего подъ старыми знаменами должны остаться лишеныя жизни осадки, и ничего болѣе. Было своевременно воспользоваться этимъ вопросомъ, чтобы содѣйствовать осуществленію этой цѣли. Надобно было высоко поднять свое знамя, надобно было громко провозгласить свои начала. Это могло показаться высокоумѣремъ, но увѣряю васъ, какъ друга, что высокоумѣрія не было, а была лишь твердость убѣжденія. Изъ скромности можно не выставять себя, не заботиться объ уваженіи или удивленіи людей къ своей особѣ. Не должно ли изъ личной скромности не выставять началъ, не заботиться объ ихъ торжествѣ? *Русскій Вѣстникъ* не нападалъ на лица, не высказалъ ни одного сужденія вслѣдствіе личной пріязни или непріязни, но стоилъ ли бы онъ какого-нибудь уваженія, если бы онъ смотрѣлъ индифферентно на убѣжденія, если бы въ убѣжденіяхъ своихъ дѣлалъ уступки лицамъ? Г. Чернышевскій, какъ говорятъ всѣ, очень хорошій человекъ,

¹⁾ К. Рехневскій — авторъ статьи *Крестыанское сословіе въ Польшѣ*, помѣщ. въ Р. В. 1858 г., май, кн. 1, стр. 48—85, и май, кн. 2, стр. 236—277.

²⁾ Редакціонная статья *О русской сельской общинѣ* помѣщена въ Р. В. 1858 г., сент., кн. 1, стр. 185—285.

очень чистый человекъ и очень способный человекъ; вы пишете, что онъ имѣеть горячихъ приверженцевъ. Нельзя не пожалѣть, что такой человекъ увлекся такими бездушными и бесплодными теоріями, но если онъ еще и другихъ увлекаетъ ими, то не обязанъ ли противодействовать ему всякій, видящій, что эти теоріи ведутъ не къ жизни, а къ смерти всего наиболѣе драгоценнаго для людей и обществъ? Вы, вѣроятно, не все читаете, что пишется, иначе вы, навѣрное, обратили бы вниманіе Чернышевскаго на то, къ чему ведетъ такая дѣятельность. Тысячелѣтіями исторіи выработанныя блага для него ни почемъ. Свобода лицъ, свобода слова, улучшенное правленіе,—все это внѣ его симпатій. Помилуйте, вѣдь, проповѣдовать такія вещи значитъ развращать людей! Чернышевскій, конечно, самъ не знаетъ, что творить. Но можно ли знающему оставаться равнодушнымъ? Буда бы мы годились, если бы спокойно смотрѣли на такихъ витязей, набирающихъ себѣ дружины? Чѣмъ болѣе у нихъ приверженцевъ, тѣмъ сильнѣе побужденіе, тѣмъ священнѣе долгъ противодействовать имъ, не позволять имъ лишать нашу молодежь идей и энтузіазма, лишая ее, въ то же время, всякаго практическаго взгляда на потребности жизни. Больно видѣть, Константинъ Дмитріевичъ, этотъ индифферентизмъ, отъ котораго и ваше письмо не совсѣмъ свободно. Изъ угожденія людямъ нельзя умалчивать своихъ убѣжденій. Il n'est pas permis de trafiquer въ дѣлѣ убѣжденій, съ цѣлію сохранить съ людьми хорошія отношенія. Лучше совсѣмъ не выступать на поле общественной дѣятельности. *Caritas benevolentiae* ведетъ къ минутному успѣху, но всегда портитъ дѣло въ болѣе отдаленномъ будущемъ. Горе тому, кого всѣ хвалятъ. Это лучшее доказательство, что дѣло его суетно. Обстановку своей дѣятельности не человекъ дѣлаетъ: ее даетъ исторія; за нее человекъ не отвѣчаетъ, но онъ отвѣчаетъ за свое дѣло; обширность вліянія зависитъ отъ обстановки, но прочность вліянія зависитъ отъ того, какъ человекъ берется за свое дѣло. Надобно служить дѣлу; служить людямъ унижительно даже для самолюбія, если то не совсѣмъ малодушно.

Теперешняя литературная обстановка наша такъ ничтожна, что было бы ребячествомъ придавать ей какую-нибудь цѣну, позволять ей какое-нибудь вліяніе на себя. *Русскій Вѣстникъ* ничѣмъ не обязанъ ни одному изъ существующихъ литературныхъ кружковъ. Успѣхъ *Вѣстника* служитъ доказательствомъ того, какъ отстали наши литературныя партіи отъ потребностей времени и даже отъ требованій нашего общества. Общество стоитъ у насъ гораздо выше уровня литературныхъ круговъ; оно здоровѣе и зрѣлѣе, и это

очень утѣшительно; это совершенно освобождаетъ отъ всякаго желанія дѣлать глазки на разныя стороны нашего литературнаго міра (не правда ли, что и слово *миръ* съ такимъ эпитетомъ походить на пасквиль?). Многое хотѣлось бы еще высказать вамъ, но на бумагѣ и неудобно, и некогда. Авось какъ-нибудь вы соберетесь пріѣхать къ намъ въ Москву. Теперь время живое; надобно чаще видаться. Прибавляю еще нѣсколько словъ объ общинѣ.

Передѣлъ земли есть несомнѣнно выраженіе существующаго права. Право это еще не выработалось, не опредѣлилось, но несомнѣнно, что оно существуетъ, и что оно принадлежитъ не отдѣльнымъ членамъ общины, а общинѣ, то-есть ея членамъ настоящимъ и будущимъ. Это несомнѣнно. Равно несомнѣнно и то, что передѣлы вредны для земледѣлія и должны быть отиѣнены, и, притомъ, отиѣнены не иначе, какъ закономъ. Отиѣна передѣловъ не есть какое-нибудь нелиберальное вмѣшательство, а обязанность государства, не регламентация, а освобожденіе отъ стѣсненій.

Отиѣна передѣловъ можетъ произойти:

А) Черезъ утвержденіе правъ свободной личной собственности за теперешними владѣльцами участковъ. Но для этого надобно экспроприровать общину, отнять у нея то право, которое принадлежало ей и на которомъ основывались передѣлы. Какъ это право произошло, до того нѣтъ дѣла. Право есть, и его надобно отнять, если хотѣть установить личную собственность. Экспроприация есть насильственный актъ, который можетъ быть оправданъ лишь крайнею необходимостью. Надобно было бы доказать, что никакая другая форма собственности, кромѣ собственности личной, не имѣетъ будущности. Вы не будете утверждать этого, и потому для васъ нечего мнѣ пускаться въ развитіе этой стороны дѣла.

В) Черезъ утвержденіе правъ потомственной неотчуждаемой собственности опять за теперешними владѣльцами участковъ. Для этого также надобно экспроприровать общину, то-есть совершить насильственный актъ. Но, кромѣ того, это поведетъ къ очень дурнымъ послѣдствіямъ. Во-первыхъ, это спасетъ отъ пролетаріата, потому что отъ одного человѣка въ сто лѣтъ можетъ произойти потомство, состоящее изъ ста человѣкъ, и, слѣдовательно, всѣ эти сто человѣкъ, подѣливъ между собою участки, должны сдѣлаться совершенно безпомощными пролетаріями, безпомощными тѣмъ болѣе, что не будутъ имѣть права продавать свои участки. Извѣстное дѣло, что во Франціи, напримѣръ, собственность болѣе всего дробится черезъ наслѣдство. Но во Франціи есть *коррективъ* въ свободной продажѣ, которая возстановляетъ равновѣсіе, а при не-

отчуждаемости дробленіе черезъ наслѣдство должно довести къ самымъ пагубнымъ послѣдствіямъ. Поэтому, если устанавливать неотчуждаемость, необходимо установить и недробность. Теперь спрашивается, есть ли возможность вводить силою майораты среди нашего крестьянскаго быта? Что можетъ быть насильственнѣе этого? И именно *Русскій Вѣстникъ* имѣетъ полное право говорить о насильственности въ этомъ случаѣ, потому что мы, въ принципѣ, отнюдь не противъ майоратовъ и полагаемъ, что очень полезно было бы дозволить если не строгіе майораты, то субституціи на два поколѣнія. Но силою вводить майораты, воля ваша, не вмѣщается въ нашу голову. А безъ майоратовъ институтъ неотчуждаемости крайне вреденъ.

И такъ, оба эти пути ведутъ къ насильственнымъ мѣрамъ. Остается, стало быть, сохранить передѣлы въ принципѣ, измѣнить ихъ по формѣ. Это, очевидно, путь ближайшій и менѣе всего насильственный. Что же можетъ подлежать передѣлу, кромѣ земли, какъ не оброкъ? *Tertium non datur*. Ничего другаго придумать невозможно. Слѣдовательно, надобно придумать форму, въ которой могъ бы осуществиться передѣлъ оброка. Это выводъ безукоризненный; въ этомъ вся задача, и въ рѣшеніи ея мы желали бы видѣть участвующими многихъ, и вась преимущественно. Основная мысль не подлежитъ спору; разработка требуетъ ея приложенія, а отъ приложенія зависитъ будущность Россіи. Основная мысль принадлежитъ намъ, но мы отнюдь не гордимся ею. Мы не открыли Америки; мы только поставили Колумбово яйцо. Тѣмъ не менѣе, мы не можемъ скрывать отъ себя и другихъ огромнаго, всемірнаго значенія этой мысли; не можемъ, съ другой стороны, и опасаться за будущность этой мысли. Рано или поздно она будетъ признана и ляжетъ въ основу дальнѣйшаго развитія нашего отечества. Повторяю вамъ, какъ другу, что говорю трезво, безъ малѣйшаго увлеченія. Не откладывайте намѣренія прислать намъ замѣтки.

Весь вашъ *П. Леонтьевъ*.

Декабря 28-го 1858 г.

Любезнѣйшій Константинъ Дмитріевичъ, пользуюсь поѣздкой въ Петербургъ хорошаго знакомаго нашего и сотрудника редакціи А. А. Н—ва, чтобы доставить вамъ корректуру вашей статьи для пересмотра. Позволяю себѣ рекомендовать вамъ г. Н—ва, который ѣдетъ по дѣлу и, можетъ быть, будетъ просить вась о совѣтѣ и содѣйствіи.

Очень жаль, что постоянный напоръ работъ, къ концу года,

вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ усиливающейся, не позволилъ намъ списаться съ вами прежде набора статьи вашей. Тогда, можетъ быть, не потребовалось бы посылать корректуру, а теперь произошла проволочка, непріятная и намъ, и—опасаюсь—вамъ.

Мы не можемъ говорить съ вами иначе, какъ откровенно, такъ, какъ прилично говорить съ другомъ. Потому передамъ вамъ прямо, безъ околичностей, желанія наши, на которыя просимъ васъ обратить вниманіе при чтеніи корректуры.

Мы протестуемъ противъ того, что мы съ вами радикально расходимся. Большую часть пути мы дѣлаемъ вмѣстѣ. Вы думаете, что въ общинѣ русской лежатъ сѣмена дальнѣйшаго развитія; мы тоже; и вы, и мы—равно дорожимъ общиною не только въ административномъ, но и въ экономическомъ отношеніи; и вы, и мы равно полагаемъ, что не слѣдуетъ разрушать экономическую общину для того, чтобы дать исключительное торжество началу личной собственности; и вы, и мы, наконецъ, равно видимъ въ общинѣ залогъ для будущаго, для самаго отдаленнаго будущаго, въ томъ, что Россія избѣгнетъ тѣхъ бѣдствій, которыя на Западѣ составляютъ почву для утопическихъ ученій социализма и коммунизма. Не важно ли, что мы согласны въ столь многихъ пунктахъ? Въ чемъ же наше разногласіе? Въ томъ только, кому предоставлено будетъ право собственности, государству ли, какъ желаете вы, или самимъ общинамъ, какъ мы находимъ болѣе согласнымъ и съ исторіей, и съ основными началами той социальной теоріи, которой мы держимся. Мы даемъ общинѣ и право собственности полное, и право распоряженій собственностью полное. Вы находите болѣе полезнымъ дать государству право собственности, а общинѣ предоставить ограниченное законами право распоряженій собственностью государства, приравдавъ выморочныхъ участковъ. Объ этомъ можно спорить, и мы очень рады всякой полемикѣ, а потому еще болѣе рады слушать ваши возраженія и всѣми силами вникать въ нихъ. Но такъ какъ мы уже высказались относительно своего мнѣнія, то желали бы, чтобы при изложеніи взглядовъ, несогласныхъ съ нашимъ, были показываемы недостатки и слабыя стороны нашего взгляда. Мы занимались этимъ дѣломъ серьезно. Вопросъ никакъ не считаемъ рѣшеннымъ. Готовы уступить аргументамъ. Желаемъ успѣха лучшему мнѣнію и сами всегда будемъ на сторонѣ того мнѣнія, которое въ совѣсти своей будемъ признавать за лучшее. Но справедливо ли было бы игнорировать то, что было высказано выше? Вѣдь, статья объ общинѣ была отъ редакціи. Редакція въ правѣ ожидать, что, вслѣдствіе того, на эту статью будетъ обращено вниманіе во всѣхъ статьяхъ, ко-

торыя печатаются въ ея журналѣ о томъ же предметѣ. Это, наконецъ, нужно и для публики. Нельзя предоставлять ей самой доискиваться, въ чемъ авторъ согласенъ съ статьею редакціи и въ чемъ нѣтъ. Тѣмъ болѣе желаемъ мы, чтобы такъ поступили вы, чловѣкъ, сочувствіемъ котораго мы дорожимъ, одобреніе котораго высоко цѣнимъ. Вникая въ вашу статью и перечитывая ее, мы приходимъ къ тому убѣжденію, что вы гораздо ближе стоите къ намъ, нежели къ *Благоустройству* ¹⁾. Оно хочетъ наслѣдственныхъ участковъ и совершенно разрушаетъ общину. Вы не оставляете за общиною тѣхъ правъ, которыя она теперь имѣетъ и которыя мы хотѣли бы за ней сохранить (замѣнивъ передѣлъ *земель* передѣломъ *ренты*), если не по формѣ, то по сущности, но вы, все-таки, болѣе бережно обходитесь съ правами общины и не хотите разрушать ее совершенно, какъ дѣлаетъ Кошелевъ. Между тѣмъ, всякій читатель изъ нѣкоторыхъ мѣстъ вашей статьи долженъ заключить, что вы съ нами расходитесь, а сходитесь съ славянофилами и имъ сочувствуете въ этомъ вопросѣ. Мы думаемъ, что такое впечатлѣніе не входитъ въ ваши желанія, а потому просимъ васъ пересмотрѣть тѣ мѣста вашей статьи, гдѣ вы говорите о славянофилахъ. И для статьи вашей, и для журнала будетъ полезно, если читатели яснѣе увидятъ, въ какое положеніе вы ставите себя относительно теорій Кошелева и Самарина. Нашихъ читателей, далѣе, должны не мало удивить похвалы славянофиламъ, особенно послѣ писемъ Байбороды ²⁾. Зачѣмъ же удивлять ихъ и вмѣстѣ ставить редакцію въ положеніе довольно странное передъ публикой? Если наши сужденія о славянофилахъ невѣрны, то лучше прямо оспаривать насъ, нежели хвалить тѣхъ, которые, по нашему убѣжденію, не имѣютъ никакого особеннаго значенія въ литературѣ, тѣмъ самымъ косвенно укорять насъ въ несправедливости сужденій. На простое выраженіе вашего уваженія къ славянофиламъ мы ничего отвѣчать не можемъ. Дайте же намъ возможность защищать свои сужденія. Мы, впрочемъ, не сомнѣваемся въ томъ, что вы не могли имѣть намѣренія протестовать противъ сужденій журнала въ самомъ журналѣ, не хотѣли ни обидѣть насъ, ни уколоть. Мы не сомнѣваемся, не можемъ сомнѣваться въ вашемъ сочувствіи къ намъ, въ вашей дружбѣ. Недоразумѣніе произошло отъ того, что мы долго не видались и что вы не могли знать, какъ мы теперь смотримъ на мнѣнія этихъ господъ и

¹⁾ *Сельское Благоустройство*—журналъ славянофильскій по крестьянскому дѣлу.

²⁾ *Изобличительныя письма*, подписанныя псевдонимомъ *Байборода* (подъ которымъ скрывался Катковъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ сотрудниковъ *Р. В.*), печатались въ *Р. В.* 1857 и 1858 гг. и были направлены противъ славянофиловъ. Они отличались раздражительностью и чрезвычайною рѣзкостью тона.

какъ журналъ отзывается о нихъ. Вы знаете, что мы никакой личности противъ нихъ не имѣемъ, что, напротивъ, по настроенію нашему мы готовы преувеличивать ихъ достоинства, какъ до сихъ поръ не разъ и дѣлали: Что хотите? Истина скажется поневолѣ, и пустота обнаружится рано или поздно сама собою. Мы просимъ васъ взвѣсить силу словъ, сказанныхъ вами о славянофилахъ, и если найдете нужнымъ защищать этихъ господъ, то просимъ васъ сопоставить ихъ теперешній взглядъ на общину съ нашимъ взглядомъ. Такая защита съ вашей стороны послужитъ разъясненію дѣла, чего мы отъ всей души желаемъ. А просто высказывать сочувствіе или уваженіе, вѣдь, это только заставить трехъ-четырехъ человѣкъ приободриться и приосаниться, а читателямъ дастъ почувствовать, что, стало быть, *Русскій Вѣстникъ* былъ не правъ, когда, несмотря на нападки его, ихъ, все-таки, и уважаютъ, и хвалятъ на страницахъ его же, *Русскаго Вѣстника*. Мы какъ-то слишкомъ привыкли къ снисходительности. Это я называлъ въ одномъ изъ моихъ писемъ къ вамъ индифферентизмомъ, не придавая этому слову никакого особеннаго значенія. Мысль моя заключалась вотъ въ чемъ. У насъ есть какое-то странное обыкновеніе раздѣлять людей на хорошихъ и дурныхъ, и хорошимъ все спускать, что бы они ни сморозили, даже, пожалуй, похваливать ихъ *литературную* дѣятельность. Есть у насъ литераторы оплеванные; съ ними можно вести полемику. Что за дѣло, что игра не стоитъ свѣчь! А кто не оплеванъ, съ тѣмъ встрѣчайся не только въ обществѣ, но и въ литературѣ съ уваженіемъ. Гдѣ же это видно въ другихъ литературахъ? Литература имѣетъ дѣло не съ людьми, а съ мнѣніями. О человѣкѣ литература не судитъ. Она судитъ о литераторѣ, и судитъ по тому, что литераторъ высказываетъ печатно. Въ частной жизни можно и должно быть снисходительну до-нельзя. Въ литературѣ не слѣдуетъ быть снисходительну. Иначе не будетъ никакой опредѣленности въ направленіяхъ, и публика будетъ приучена сочувствовать сегодня х, а завтра—а, какъ это у насъ и есть.

Перенеситесь, любезный Константинъ Дмитриевичъ, во Францію. Представьте себѣ, какой эффектъ произвела бы въ *Journal des Débats* статья, въ которой отзывались бы съ большимъ уваженіемъ объ *Univers*, особенно если бы эта статья появилась тотчасъ вслѣдъ за энергичною полемикой. Мнѣ кажется, что *Русскій Вѣстникъ* не менѣе удивилъ бы публику, если бы на его страницахъ появилось ваше одобрительное слово о *Благоустройствѣ* и *Русской Беснѣдѣ*. Вы не захотите ставить насъ въ такое странное положеніе.

Я писалъ, не соображая выраженій, писалъ, какъ пишутъ другу. Толкуйте все сомнительное въ лучшую сторону. Нужно ли говорить, что малѣйшее сомнѣніе ваше относительно смысла словъ моихъ крайне опечалило бы меня и Михаила Никифоровича?

Мы съ нетерпѣніемъ ожидаемъ отъ васъ указаній на то, что собственно въ нашей статьѣ не встрѣтило вашего одобренія, что побудило васъ отказаться отъ простой формулы: *вмѣсто передѣла земли, вводится передѣлъ оброка*. Мы много ломали себѣ голову и ни на чемъ сами не могли остановиться. Серьезныя возраженія были представляемы намъ со стороны защитниковъ личной собственности. Мы идемъ съ жадностью дѣльнаго возраженія и съ другой стороны и просимъ васъ возражать намъ.

Время не ждать. Вопросъ рѣшается; черезъ годъ онъ будетъ, вѣроятно, рѣшенъ. Вотъ одна изъ причинъ еще, чтобы вы явились возражателемъ, а не вызывали насъ на то, чтобы возражать вамъ. Мы должны защищаться. Это нужно и для чести журнала, и для успѣха дѣла.

Изъ другихъ мѣстъ вашей статьи мы не можемъ согласиться съ ограниченіемъ значенія личнаго начала. По-нашему, ничто въ человѣческой жизни не имѣетъ цѣны иначе, какъ по отношенію къ личному началу. Оно мѣра и цѣль всего. Впрочемъ, это я указываю только кстати. А редакторскихъ желаній только два: прямая полемика съ нашею статьёю,—такая полемика, которая вызывала бы насъ защищаться,—и потомъ измѣненіе отзыва о славянофилахъ, или опять прямое возраженіе противъ какого-нибудь нашего сужденія о славянофилахъ.

Оканчивая письмо, не могу не пожелать опять личнаго свиданія. Бесѣда не замѣнима перепиской, особенно если время не позволяетъ писать часто и много.

Не имѣлъ бы права тревожить васъ просьбою о скоромъ отвѣтѣ, но вы знаете типографское дѣло, и потому извините, если я буду просить васъ объ отвѣтѣ въ первыхъ числахъ января мѣсяца.

Поздравляю васъ съ Новымъ годомъ. Что-то несетъ онъ Россіи? Искренно обнимаю васъ.

Весь вашъ *П. Леонтьевъ*.

Завтра думаю писать Галахову ¹⁾ о проектѣ устава. Отсюда пойдетъ уставъ, съ которымъ едва ли согласятся въ Петербургѣ ²⁾.

¹⁾ А. Д. Галаховъ—авторъ монографическихъ изслѣдованій и курса по исторіи русской литературы и составитель хрестоматій, сначала жившій въ Москвѣ, а затѣмъ перешедшій на службу въ Петербургъ.

²⁾ Рѣчь, повидимому, идетъ о проектѣ новаго университетскаго устава, составляв-

Мы—*Русскій Вѣстникъ*—предложили среднее. Если наше предложеніе будетъ принято, то можно надѣяться съ увѣренностью, что къ нему примкнуть почти всѣ, подписавшіе московскій проектъ, за исключеніемъ развѣ тѣхъ, кто прямо желаетъ совершеннаго распада обществу на два—на московское и петербургское.

V.

И. К. Бабеть.

(Р. 1823 г., † 6 іюля 1881 г.).

И. К. Бабеть—кандидатъ историко-филологическаго факультета Московскаго университета (1845 г.), а затѣмъ магистръ историческихъ наукъ и докторъ политической экономіи того же университета. Во время студенчества онъ съ большимъ успѣхомъ занимался изученіемъ античнаго міра, преимущественно исторіей Греціи, и лишь съ начала 50-хъ годовъ посвящалъ себя политической экономіи. Съ 1851 по 1857 г. Бабеть занималъ кафедру этой науки въ Казанскомъ университетѣ, а затѣмъ до 1874 г. въ университетѣ Московскомъ.

Бабеть былъ студентомъ, когда началъ свои чтенія въ Московскомъ университетѣ К. Д. Кавелинъ, и къ этому времени, по всей вѣроятности, относится ихъ сближеніе. Въ 1857 г. Бабеть вмѣстѣ съ Е. Θ. Коршемъ и Б. Н. Чичеринымъ оставилъ *Русскій Вѣстникъ* и явился съ 1858 г. соредакторомъ г. Корша по *Атеню*. Главная задача *Атеней*, какъ это видно изъ объявленія о его изданіи, заключалась въ критическомъ разсмотрѣніи важнѣйшихъ произведеній западно-европейской литературы и науки, для облегченія массы образованной публики въ средствахъ къ знакомству съ лучшими западно-европейскими учеными и литературными трудами. Редакція *Атеней* справедливо видѣла въ тогдашней русской журналистикѣ отсутствіе такой серьезной критики, но русская публика не поддержала изданія Е. Θ. Корша: въ 1858 г. *Атеней* выходилъ еженедѣльно выпусками до 5 печатныхъ листовъ каждый, а въ 1859 г. появлялся два раза въ мѣсяцъ, но на 8-мъ № прекратился.

Москва, 21 ноября 1857 г.

Вамъ передать это письмо Викторъ Ивановичъ Касаткинъ ¹⁾, милый мой Константинъ Дмитріевичъ. Это одинъ изъ главныхъ дѣятелей прекраснаго предпріятія, которое недавно возникло въ Москвѣ и отъ котораго мы ждемъ всего хорошаго. Предпріятіе это заключается въ переводѣ сочиненій по разнымъ отраслямъ знаній

шагося уже въ то время въ совѣтъ Петербургскаго университета. Этотъ проектъ въ дальнѣйшей переработкѣ выразился въ формѣ закона въ уставѣ 1863 года.

¹⁾ Литераторъ, эмигрировавшій влослѣдствіи въ Швейцарію и умершій тамъ въ концѣ 70-хъ годовъ.

на русскій языкъ. Онъ вамъ расскажетъ подробно о нашихъ затѣяхъ.

Нынѣшній поѣздъ повезъ вамъ много гостей въ Петербургъ, двухъ Щепкиныхъ ¹⁾, Барсова ²⁾. Всѣ они вамъ расскажутъ вдоволь о всемъ, что дѣлается въ Москвѣ, о томъ, какъ Кетчеръ ³⁾ кричитъ, свирѣпствуетъ, и какъ чѣмъ больше кричитъ, тѣмъ какъ-то больше его любятъ. Писповѣдуйте Николаю Щепкина, онъ вамъ расскажетъ, какъ ему доставалось и какъ его гонялъ строгій папаша. А безъ папаша, все-таки, ничего не сдѣлаешь.

Мы были встревожены въ Москвѣ слухами о возникающемъ будто бы гоненіи на журналы, о запрещеніи говорить о гласности и устности и т. под. цензурныхъ мѣрахъ. Правда ли это, и неужели въ самомъ дѣлѣ начинаютъ круто поворачивать назадъ? Страшно подумать, Константинъ Дмитріевичъ, а жизнь такъ начала улыбаться, надеждъ было такъ много впереди, что всякую лѣнь и правдность можно бы считать преступленіемъ со стороны порочнаго человѣка...

...Программа *Атеня* у васъ, конечно, есть и вы легко поймете, что всѣ мои труды въ настоящее время посвящаются ему исключительно. Это будетъ ужь дѣйствительно нашъ органъ и поддерживать его нужно всѣми силами.

Видѣли ли вы только что полученную книгу *Ein Russischer Staatsman des Grafen Jacob Johann Sievers Denkwürdigkeiten zur Geschichte Russlands v. Karl Ludw. Blum* ⁴⁾? Я не могу оторваться отъ этой книги. Не говоря уже объ интересныхъ подроб-

¹⁾ Дн. Мих. и Николай Мих., сыновья Мих. Сем. Щепкина.

²⁾ Конст. Петр. Барсовъ, бывшій артиллерійскій офицеръ, потомъ смотритель Екатерининской больницы и, наконецъ, довольно извѣстный въ Москвѣ нотаріусъ.

³⁾ Ник. Христоф. Кетчеръ (р. 1807 г., † окт. 1886 г.), медикъ по профессіи, мечтатель и романтикъ по склонностямъ, переводчикъ Шиллера и Шекспира, былъ своимъ человѣкомъ въ кружкѣ Герцена и Грановскаго и находился съ самыми близкими, дружескими отношеніями ко всѣмъ московскимъ западникамъ 30-хъ, 40-хъ и 50-хъ годовъ и, переживъ почти ихъ всѣхъ, до конца сохранилъ глубокую вѣру въ одушевлявшіе ихъ идеалы. За свои прекрасныя душевныя качества онъ пользовался искреннею любовью цѣлаго ряда поколѣній московскихъ ученыхъ и литераторовъ и, будучи старше большинства изъ нихъ, никогда не оставалъ по отношенію къ болѣе молодымъ своимъ друзьямъ тона старшаго, даже тогда, когда они сами вошли уже въ совершенно зрѣлый возрастъ. Подчасъ изъ было это не совсѣмъ пріятно, но они терпѣливо и дружески сносили выходки Кетчера и его „цензуру нравовъ“, не разрывая съ нимъ отношеній и называя его въ шутку „папашей“.

⁴⁾ Графъ Яковъ Юганъ Сиверсъ, одинъ изъ самыхъ просвѣщенныхъ дѣателей царствованія Екатерины II, сначала новгородскій губернаторъ, а затѣмъ нашъ посолъ въ Польшу во время ея послѣдняго раздѣла, былъ однимъ изъ тѣхъ немногихъ кнѣзей, которые безкорыстно служили Россіи. О книгѣ Влума и о Сиверсѣ имѣются весьма

ностихъ екатерининскаго времени, которыя всѣ почерпнуты изъ переписки графа съ императрицей, васъ привлекаетъ сама личность великаго государственнаго человѣка, отъ вниманія котораго не ускользаетъ ни одна даже самая ничтожная потребность народная, человѣка, который въ то время самаго отъявленнаго торга душами не переставалъ говорить, писать и настаивать на освобожденіи крестьянъ, человѣка, который былъ душою и почти творцемъ наказа о губерніяхъ и городского положенія.

Владиміръ Павловичъ ¹⁾, вѣроятно, этой книги не видалъ еще. Вы бы указали ему на нее, и на мои глаза изъ нея можно было бы извлечь многое для Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича ²⁾.

Обнимаю васъ, мой милый, дорогой Кавелинъ, и прошу не забывать

Бабста.

Если знаете что-нибудь вѣрное о моей особѣ и моей программѣ, то сообщите съ возвращающимися друзьями ³⁾.

интересныя монографіи Д. И. Иловайскаго: 1) *Новгородская губ. сто лѣтъ назадъ*, Рус. Вѣст. 1863 г., кн. 12; 2) *Биографія гр. Сиверса* (по Блуму), *ibid.*, 1866 г., кн. 1—3, и 3) *Гродненскій сеймъ 1763 г.*, *ibid.* 1870 г., кн. 1—4, 6—8, и отд. изд. того же года.

¹⁾ В. П. Титовъ, въ то время воспитатель Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича.

²⁾ К. Д. Кавелинъ 17 сентября 1857 г. началъ преподавать Государю Наслѣднику Николаю Александровичу русскую исторію и правовѣдѣніе.

³⁾ Рѣчь идетъ о назначеніи Бабста въ преподаватели политической экономіи къ Государю Наслѣднику Николаю Александровичу, каковымъ онъ и былъ вскорѣ опредѣленъ.

Я Д Ъ *).

Романъ Александра Килланда.

VIII.

Михаилъ Мордтманъ взялъ себѣ за правило заходить къ Венкѣ каждый день на обратномъ пути съ фабрики. Большія подготовительныя работы потребовали множество рабочихъ. Нужно было сдѣлать прочную каменную набережную, нужно было вывести каменные стѣны, сложить печи въ нѣсколькихъ зданіяхъ. Возникло акціонерное общество со ста тысячами золотыхъ основнаго капитала. Горожане до того воодушевились, что акціонеры рѣшили не приглашать англійскаго торговаго дома къ участию въ предпріятіи, къ которому онъ раньше относился съ такимъ пренебреженіемъ. И такъ, капиталъ былъ собранъ въ самомъ городѣ и фабрика, обреченная въ морѣ шампанскаго и названная «Фортуной», сдѣлалась гордостью и любимымъ дѣтищемъ города.

Мордтманъ былъ веселъ и полонъ надеждъ. Никогда еще не былъ онъ такъ доволенъ собой и всѣмъ на свѣтѣ. Изъ зависимаго положенія въ чужой странѣ онъ сразу очутился во главѣ новаго предпріятія, и долженъ былъ руководить имъ съ самаго начала. Такъ какъ ни директоры, ни акціонеры не имѣли ни малѣйшаго понятія объ этомъ дѣлѣ, то Мордтманъ вскорѣ сталъ для нихъ настоящимъ оракуломъ, а эффектовъ въ его распоряженіи было не мало. Тамъ, гдѣ недоставало знаній, онъ, не стѣсняясь, сыпалъ громкими фразами и приводилъ всѣхъ въ изумленіе.

Нанято было много рабочихъ на продолжительное время; Мордтманъ рассчитывалъ ихъ по субботамъ; женщины приходили къ нему просить денегъ впередъ, и вскорѣ его узнали и полюбили всѣ — и дѣти, и взрослые. Только въ чиновничьихъ и закоренѣло-консервативныхъ

*) *Русская Мысль*, кн. II.

кругах питали къ нему глубокое отвращеніе: тамъ сожалѣли профессора Левдаля за то, что жена его привлекаетъ въ его домъ лицъ, подобныхъ Мордтману. Мордтмана это ни мало не смущало. Отправляясь по утрамъ на фабрику, находившуюся за городомъ, онъ всегда былъ бодръ и веселъ. Рабочіе здѣсь были совсѣмъ не похожи на англійскихъ рабочихъ, которые только и думаютъ, что о своей работѣ. Они низко кланялись Мордтману, снимали передъ нимъ шапки и поздравляли съ добрымъ утромъ. У нихъ всегда находилось свободное время поболтать съ нимъ, лишь бы только у него было желаніе вступить съ ними въ разговоръ.

Одно сознаніе того, что все здѣсь возникло и организовалось по его плану, вызывало въ Мордтманѣ чувство гордости; на всю эту массу чудныхъ построекъ горожане смотрѣли какъ на созданіе его генія; все это громадное дѣло съ неограниченными денежными средствами находилось въ его полномъ распоряженіи; такое положеніе могло вполнѣ удовлетворить дѣятельнаго молодого человѣка. Но его особенно прельщало и все болѣе и болѣе увлекало другое—именно его знакомство съ Венкою Левдаль.

Среди городскихъ дамъ у Мордтмана было мало знакомыхъ; прежде дѣловыя занятія сводили его только съ мужчинами, а теперь, по горло заваленный работой, онъ довольствовался клубомъ и домомъ Левдалей и не искалъ другихъ знакомствъ. Но за то онъ тѣмъ чаще бывалъ въ домѣ профессора. Ему сказали разъ навсегда, что онъ у нихъ во всякое время желанный гость, и Мордтманъ имѣлъ полное основаніе принять это за чистую монету, такъ какъ профессоръ былъ съ нимъ всегда любезенъ и предупредителенъ.

Мордтманъ вовсе не скрывалъ того, что онъ посѣщаетъ Левдалей исключительно ради профессорши, и она сама прекрасно понимала это. Каждый день между двѣнадцатю и часомъ она ожидала, что Мордтманъ придетъ выпить стаканъ вина. Мордтманъ заходилъ на полчаса, пилъ вино и они весело болтали вдвоемъ. Въ дождь, въ дурную погоду онъ подходилъ только къ окну, показывалъ ей свое промокшее платье и они обыкновенно рѣшали, что онъ зайдетъ еще разъ вечеромъ. Венкѣ вздумалось относиться къ нему какъ къ сыну, что для нея въ ея положеніи было совсѣмъ не трудно, хотя разница въ лѣтахъ между ними была не велика. Мордтману это было непріятно, но у него не хватало смѣлости потребовать измѣненія ея отношеній къ нему, и она всегда говорила съ нимъ въ шутливомъ тонѣ, который позволялъ придавать нѣкоторымъ словамъ и взглядамъ не то

значеніе, какое они имѣли на самомъ дѣлѣ. Ей было слишкомъ пріятно видѣть его у себя, общество его доставляло ей слишкомъ много удовольствія для того, чтобы она могла замѣтить, какъ сильно онъ ухаживаетъ за ней. Много лѣтъ вздыхалъ по ней старшій учитель Абѣль, и это никогда не тревожило ее. Конечно, Мордтманъ былъ совсѣмъ иной человѣкъ, совсѣмъ не похожій на Абѣля; но, все-таки, она чувствовала себя совершенно спокойной, а что говорили объ этомъ въ обществѣ—для нея было безразлично. Ей и въ голову не приходило, что это можетъ быть непріятно мужу: онъ никогда не выказывалъ никакой ревности. Во все время ихъ супружеской жизни Карстенъ Левдаль постоянно относился съ величайшею любезностью къ тѣмъ молодымъ людямъ, которые увлекались ее красотой и свѣжестью. Вена не разъ даже сама чувствовала, что онъ заходилъ слишкомъ далеко въ своей снисходительности, но, въ концѣ-концовъ, не могла не согласиться, что, благодаря его разумному, обдуманному обращенію, неловкость и затруднительность ее положенія сглаживались и устранились.

Она никогда серьезно не задумывалась надъ этими вещами, и, именно, потому, что все улаживалось такъ легко и спокойно, а, между тѣмъ, уже вскорѣ послѣ своего замужства поняла, какъ мало общаго у ней съ Карстеномъ Левдалемъ. Онъ былъ такъ остороженъ, такъ несносно методиченъ, что часто казался ей трусомъ, человѣкомъ, на котораго нельзя рассчитывать. Въ то же время, въ характерѣ его было что-то деликатное, рыцарское, что поднимало его въ ее глазахъ, и если она его не особенно глубоко уважала, то, все-таки, никогда не чувствовала такого равнодушія, которое заставило бы отвернуться отъ него. Кромѣ того, она теперь стара. У нея есть уже сынъ-подростокъ, она обладаетъ опытностью и благоразуміемъ; зачѣмъ же ей быть особенно строгой къ себѣ? Вѣдь, это было бы даже смѣшно, если бы она допустила, что она можетъ быть для кого-нибудь опасной... И такъ, она не обращала вниманія ни на какіе толки,—а ихъ было достаточно,—и удовлетворялась пріятнымъ сознаніемъ того, что у нея есть надежный другъ, прекрасный, образованный, свободный отъ всякихъ предразсудковъ человѣкъ, съ удивленіемъ слушающій ее, раздѣляющій ее взгляды, которые мужъ ее обыкновенно называлъ сумасбродными. Но этимъ она, совсѣмъ незамѣтно для самой себя, приносила въ жертву Абрама; она это тѣмъ меньше чувствовала, что съ мальчикомъ въ послѣднее время произошла большая перемена. Онъ не спрашивалъ теперь мать ни о чемъ, не требовалъ, чтобы она играла съ нимъ, не усаживалъ ее за шанки, къ тому же, и она чувствовала теперь какую-

то неловкость по отношенію къ нему, держала себя съ нимъ нѣсколько принужденно и холодно.

При погребеніи маленькаго Марія госпожа Готвальдъ выразила желаніе, чтобы Абрамъ шелъ за гробомъ рядомъ съ пасторомъ: онъ былъ лучшимъ другомъ ея сына, а родственниковъ у нея не было. Но ректоръ не хотѣлъ допустить этого; Абрамъ долженъ былъ идти вмѣстѣ съ своими товарищами: хорошо еще, что ему и это позволили. Это, въ концѣ-концовъ, повело къ тому, что вся школа, а вмѣстѣ съ ней и большая часть города вынесли такое впечатлѣніе, будто Абрамъ Левдаль плохой товарищъ.

Профессоръ не рѣшался простить своего сына слишкомъ рано; онъ былъ очень доволенъ, что метода его оказалась очень хорошей, но въ глубинѣ души чувствовалъ состраданіе къ бѣдному мальчику, который ходилъ, какъ отверженный, подъ строгимъ присмотромъ. Наконецъ, профессоръ не могъ дольше сдерживаться и изрѣдка сталъ обращаться къ сыну то съ улыбкой, то съ какимъ-нибудь дружескимъ замѣчаніемъ. Эти первыя проявленія любви и вниманія производили на Абрама благотворное дѣйствіе. Все-таки, думалъ онъ, отецъ лучше всѣхъ и теперь меньше, чѣмъ когда бы то ни было, могъ понять, какъ это онъ осмѣлился такъ огорчить отца. Теперь онъ сталъ пользоваться самымъ незначительнымъ поводомъ, чтобы заслужить его расположеніе; онъ былъ внимателенъ и услужливъ за столомъ, ставилъ вечеромъ профессору его туфли, а когда наступили экзамены, онъ готовился къ нимъ самымъ усерднымъ образомъ.

Венка обыкновенно присутствовала на экзаменаціонномъ актѣ и съ тѣхъ поръ, какъ сынъ ея поступилъ въ школу, ей доставляло большое удовольствіе слышать, какъ произносятъ его имя, видѣть, какъ онъ самъ подходитъ къ кафедрѣ, получаетъ свою аттестацію, кланяется; при этомъ она сама кивала головой, какъ бы принимая участіе въ его поклонѣ. Но теперь, когда она увидѣла, какъ мужъ ея завязывалъ бѣлый галстукъ, чтобы идти на актъ, въ качествѣ эфора, — раньше она была увѣрена, что онъ ходитъ на акты такъ же, какъ и она, ради Абрама, — ей показалось отвратительнымъ, что родители являются въ школу только на актъ, и затѣмъ весь годъ совсѣмъ не заботятся о своихъ дѣтяхъ. Она не хотѣла участвовать въ обманѣ мужа, не хотѣла видѣть, какъ онъ сидитъ въ креслѣ съ высокою спинкой возлѣ городского головы, какъ олицетвореніе участія родителей учениковъ къ школьному дѣлу. Ей не хотѣлось смѣшивать свои слезы со слезами глухихъ матерей, горько плакавшихъ отъ изящной рѣчи ректора, въ которой

такъ трогательно говорилось о школѣ, о семьѣ и о вѣчномъ жилищѣ нашемъ на небѣ. Поэтому она спокойно смотрѣла, какъ уходили профессоръ и Абрамъ, и не сказала ни слова; профессоръ понималъ все и ни о чемъ не спрашивалъ. И вотъ ей предстояло проскучать до обѣда; теперь она съ удовольствіемъ пошла бы на актъ, но уже раньше рѣшила не ходить. Ей захотѣлось пройти; она взяла шляпу и зонтикъ. Это было 13 июня; погода была ясная, свѣжая, лѣтняя. Венка пошла по направленію къ новой фабрикѣ. Михаилъ Мордтманъ часто приглашалъ ее на фабрику посмотреть, какія чудеса онъ настроилъ. Она въ этомъ не видѣла ничего особеннаго: что же могло быть невиннѣе такой прогулки? Фабрику посѣщали всѣ и, кромѣ того, что же ей станется отъ этого? Тѣмъ не менѣе, она не могла удержаться отъ легкаго волненія, охватившаго ее, когда она остановилась на возвышенности и должна была спуститься въ долину между холмами, гдѣ виднѣлись новыя постройки.

Она замѣтила Мордтмана еще издали. Онъ стоялъ внизу на набережной на громадномъ отесанномъ гранитномъ камнѣ; въ одной рукѣ у него былъ свертокъ чертежей, другою онъ указывалъ на что-то рабочимъ, которые выгружали изъ барки листовое желѣзо при помощи новой подъемной машины. Сѣрое лѣтнее платье охватывало его стройную фигуру; на немъ была странная англійская шляпа, которая очень шла къ нему, затѣмъ — короткія панталоны, а вмѣсто высокихъ сапоговъ, излишнихъ при теплой, сухой погодѣ, парусиновые башмаги съ желтыми ремешками. Врядъ ли можно представить себѣ «трудъ» въ болѣе элегантной формѣ: стоя здѣсь на этомъ гранитномъ пьедесталѣ со сверткомъ чертежей въ рукѣ, Мордтманъ скорѣе напоминалъ инженера, какимъ онъ долженъ представляться въ наши дни. Мордтманъ сыркнулъ съ своего камня при видѣ Венки, послѣдшилъ къ ней на встрѣчу и весело привѣтствовалъ ее въ своемъ царствѣ, которое онъ хотѣлъ сейчасъ же показать ей.

— Но вы, какъ я видѣла, были очень заняты; развѣ вы можете такъ оставить рабочихъ? Изъ-за меня вамъ нечего...

— Ахъ, теперь я здѣсь не нуженъ! Я сдѣлалъ свое дѣло и они справятся и безъ меня.

«Само собой разумѣется!» — думали рабочіе: они сперва не могли понять, зачѣмъ это начальникъ, — какъ онъ велѣлъ называть себя, — вдругъ вспрыгнулъ на камень, созвалъ ихъ и сталъ раздавать приказанія; но когда увидѣли даму, то поняли все.

Мордманъ и Венка расхаживали между постройками и онъ объяснялъ ей устройство фабрики. Ей доставляло большое удовольствіе видѣть всѣ эти удивительныя приспособленія, а его очень забавляла ея вопросы, показывавшіе, что она въ этомъ дѣлѣ совсѣмъ ничего не понимаетъ. Они очень много смѣялись и подошли, наконецъ, въ самомъ веселомъ настроеніи къ зданію конторы, куда онъ попросилъ ее зайти попробовать его портвейнъ.

Между тѣмъ, фабричный колоколъ возвѣстилъ часъ обѣда и рабочіе бучками разбрелись, — одни въ городъ, другіе въ домъ для рабочихъ, гдѣ была устроена столовая. Когда Мордманъ и Венка подошли къ зданію, конторскій персоналъ также исчезъ куда-то; корридоръ, ведшій въ его частную контору, былъ весь заваленъ различными частями машинъ изъ стали и полированной мѣди, помѣщенными здѣсь, чтобъ онѣ не мѣшали гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ и были въ сохранности. Мордманъ извинялся, что здѣсь такъ тѣсно. Одна только контора «начальника» была вполне готова; она была устроена въ англійскомъ вкусѣ — красиво и уютно.

Когда Венка усѣлась на диванъ, обитый зеленымъ сафьяномъ, она почувствовала нѣкоторую неловкость; кругомъ было такъ тихо и пусто, не слышно было ни человѣческихъ голосовъ, ни шума желѣзныхъ листовъ, ни ударовъ молота, только время отъ времени раздавались одинокіе торопливые шаги какого-нибудь рабочаго, спѣшившаго къ обѣду.

— Мнѣ, во всякомъ случаѣ, нужно скоро уйти, — сказала она и развязала ленты своей шляпы, — было очень жарко.

— Ахъ, нѣтъ, у насъ еще много времени; мужъ вашъ, вѣдь, не ждетъ васъ до обѣда?

— Нѣтъ, къ тому же, онъ сегодня — эфоръ! — отвѣтила она шутливо, но сейчасъ же пожалѣла объ этомъ; она увидѣла, что Мордманъ отнесся къ этому, какъ къ вещи, надъ которой они оба обыкновенно потѣшались; это было ей непріятно.

— Вообще вашъ мужъ занимается дѣлами больше, чѣмъ слѣдуетъ.

— Больше чѣмъ слѣдуетъ?

— Ну, да, конечно, при такой женѣ, какъ вы! Такой счастливецъ долженъ бы, по-моему...

— Пожалуйста, пожалуйста, господинъ Мордманъ! Будьте сдержаннѣе.

— Но, вѣдь, вы сами не хотите, чтобы я былъ сдержаннымъ!

— Но въ этомъ случаѣ, только въ этомъ случаѣ я хочу... понимаете?

— Не понимаю, но повинуюсь. Вообще нѣтъ ничего, чего бы одно ваше слово...

— Не говорите пустяковъ, пейте лучше вино.

— Вино—плохое лѣварство отъ любви, госпожа Венга.

— Ахъ, что вы... — отвѣтила она и, избѣгая его взгляда, стала завязывать ленты шляпы.

— Вы хотите уйти? Вы сердитесь на меня?

— Нѣтъ, я не сержусь; но боюсь, что мнѣ скоро придется разсердиться.

— Отчего же? Вѣдь, вы не можете мнѣ запретить любить васъ.

— Господинъ Мордтманъ, не хорошо съ вашей стороны злоупотреблять нашею дружбой. Позвольте мнѣ уйти.

— Но я не сказалъ ничего такого, чего бы вы раньше не знали, — возразилъ онъ почтительно и уныло, открывая ей дверь. — Смѣю ли я проводить васъ до города?

— Нѣтъ! — рѣзко отвѣтила Венга и прошла мимо него; но, желая придать себѣ самый гнѣвный видъ и выбраться отсюда поскорѣе, она забыла о присутствіи въ корридорѣ цѣлаго вороха машинъ и зацѣпилась за что-то ногой. Послышался глухой шумъ, и едва Мордтманъ схватилъ Венку за плечи и втолкнулъ ее въ комнату, какъ какая-то тяжелая вещь рухнула на порогъ.

— Извините, — сказалъ онъ спокойно и прислонилъ упавшій предметъ къ стѣнѣ, — очень непріятно, что эти вещи стоятъ здѣсь; теперь, пожалуйста, будьте осторожны и держитесь поближе къ другой стѣнѣ.

— Боже мой! — вскрикнула Венга; она все еще не могла опомниться отъ испуга и спокойствіе Мордтмана ей очень импонировало, — да, вѣдь, это чуть не упало на меня, сюда страшно ходить!

— И вашъ визитъ особенно несчастенъ, — прибавилъ онъ съ поклономъ, когда профессорша выходила изъ дверей.

Она остановилась на каменной лѣстницѣ и стала надѣвать перчатки.

— Ну, что же? — спросила она, не оглядываясь, — вы пойдете со мной въ городъ или нѣтъ?

— Развѣ вы сами не сказали...

— Да, но съ тѣхъ поръ вы мнѣ спасли жизнь, — сказала она, смѣясь, — и, кромѣ того, вы, конечно, не будете говорить *объ этомъ* ни слова.

Мартманъ все обѣщалъ и побѣждалъ за шляпой. Бъ удивленію Венки, онъ сдержалъ слово: говорилъ оживленно, но не дѣлалъ ни малѣйшей попытки что-нибудь особенно подчеркивать въ разговорѣ; когда они разстались, даже въ выраженіи его глазъ не было ничего такого, что бы могло быть ей непріятно.

Профессорша была очень довольна собою, — теперь она ему раз навсегда указала предѣлы, изъ которыхъ ему не слѣдуетъ выходить. Имъ она также была довольна. Онъ понялъ, что ему слѣдуетъ держаться въ извѣстныхъ границахъ и она можетъ спокойно оставаться съ нимъ въ самыхъ добрыхъ отношеніяхъ, нисколько не опасаясь того, что онъ можетъ зайти слишкомъ далеко. Она пришла домой въ прекрасномъ расположеніи духа; давно уже она не чувствовала себя такою веселой, такою молодой, давно ей не было такъ легко, — и совѣсть ея была облегчена тѣмъ, что она осадилла его; теперь все будетъ хорошо! Она сѣла за рояль, чтобы заняться чѣмъ-нибудь до прихода Левдаля и Абрама, но вскорѣ опять встала и пошла поправлять волосы передъ зеркаломъ.

Между тѣмъ, Абрамъ сидѣлъ между своими товарищами, тѣсно сжатый со всѣхъ сторонъ, а профессоръ засѣдалъ возлѣ городского головы. Большая актовая зала была биткомъ набита дѣтьми и взрослыми, духота стояла невыносимая. Неутомимый ректоръ былъ на кафедрѣ и раздавалъ аттестаціи, вызывая учениковъ въ порядкѣ отиѣтокъ, полученныхъ ими на экзаменѣ. Сказавъ нѣсколько словъ выпускнымъ ученикамъ, поступавшимъ въ университетъ, ректоръ скоро покончилъ съ первымъ отдѣленіемъ четвертаго латинскаго класса и перешелъ ко второму. «Гансъ Эгедъ Брехъ!» — произнесъ ректоръ. Брехъ былъ первымъ во всей школѣ, вторымъ былъ Абрамъ Кнорр-Левдаль. Абрамъ повысился въ разрядныхъ спискахъ; ему и во снѣ не снилось, что онъ займетъ такое мѣсто, хотя ему и везло на экзаменахъ. Онъ съ трудомъ выбрался изъ-за скамьи и подошелъ къ кафедрѣ. Профессоръ смотрѣлъ на него, чтобы выразить ему свое одобреніе, но Абрамъ не поднималъ глазъ на отца. Ректоръ далъ ему аттестацію и сказалъ: «Ты былъ прилеженъ, Абрамъ, и поэтому хорошо сдалъ экзаменъ; если бы только мы — твои учителя — могли быть тобой довольны въ слѣдующемъ году и въ другихъ отношеніяхъ!»

Вся радость Абрама исчезла; онъ оцупью добрался до своего мѣста, ему показалось, будто въ залѣ наступила мертвая тишина и повѣяло холодомъ отъ всѣхъ этихъ равнодушныхъ глазъ, устремленныхъ на него. Профессоръ Левдаль громко откашлялся; теперь

пора бы ужь, — думалъ онъ, — оставить его въ покоѣ! Ему было непріятно, что его сына публично такъ унижаютъ.

Переключка для полученія аттестацій продолжалась дальше; отцы и матери напряженно прислушивались до тѣхъ поръ, пока не произносилось ожидаемое ими имя. Лица ихъ на минуту оживлялись, какъ только ихъ сынъ подходилъ къ кафедрѣ, и затѣмъ понемногу погружались въ равнодушное состояніе, — имъ было непріятно сидѣть въ такой духотѣ; они желали только одного, чтобы все это скорѣе кончилось, чтобы ректоръ прочелъ, наконецъ, свою заключительную рѣчь.

Для малышей же чтеніе аттестацій имѣло совсѣмъ другое значеніе. Честолюбіе и тщеславіе, разочарованіе и отчаяніе разгорались въ нихъ до полного самозабвенія; недоброжелательство и ненависть, высокомеріе и злорадство, — все вплоть до мстительности охватывало ряды ихъ маленькихъ головокъ. Это было какъ бы приготовленіе къ жизни, упражненіе въ искусствѣ пробираться впередъ, прокладывая себѣ дорогу локтями, обгонять другъ друга, хотя бы только затѣмъ, чтобы быть на лучшемъ счету. Равенство и товарищество здѣсь совершенно забывались; дѣло шло о томъ, чтобы приучить дѣтей думать о положеніи и славѣ, о борьбѣ съ другими; и дѣти мало-по-малу приучались завидовать тѣмъ, кто выше ихъ, и презирать того, кто ниже. Въ продолженіе цѣлаго года не дѣлалось попытокъ, чтобы обратить ученье, добываніе знаній въ одно общее, братское дѣло, и теперь въ концѣ года не было сказано ни одного слова о томъ, что это знаніе должно распространять братство и равенство. Наоборотъ, знаніемъ дѣтей пользовались только затѣмъ, чтобы этихъ дѣтей тщательно распредѣлить и перенумеровать, раздѣлить на высшихъ и низшихъ.

Наконецъ, были прочитаны и розданы всѣ триста девятнадцать аттестацій. Ректоръ вытеръ свою лысину, зарядилъ себѣ носъ порядочною дозой табаку и началъ длинную рѣчь. Онъ сказалъ, прежде всего, нѣсколько прощальныхъ словъ окончившимъ, четыремъ долговызымъ блѣднымъ юношамъ въ длинныхъ черныхъ сюртукахъ, въ которыхъ они казались какими-то фигурами, выточенными изъ чернаго твердаго вещества. Если о деревѣ судять по его плодамъ, то одинъ фактъ, что такой большой ученый аппаратъ съ массой переполненныхъ классовъ даетъ для университета не болѣе четырехъ такихъ молодцовъ, очень краснорѣчивъ. Да, путь къ Парнасу длиненъ и труденъ; такъ много учениковъ отстаютъ по дорогѣ, но за то тѣ, которые достигаютъ цѣли, представляютъ квинтъ-эссенцію рода человѣческаго.

Ректоръ выразилъ надежду, что эти четыре образцовые юноши сдѣлаютъ честь школѣ, больше же всего онъ просилъ ихъ сохранить добрую душу и дѣтскую вѣру, прибрѣтенныя ими въ школѣ. Затѣмъ онъ сталъ выяснять понятіе школы, взявъ за исходную точку коренное значеніе этого слова: «Школа, — говорилъ онъ, — это очагъ, къ которому стекается молодежь, еще нетронутая заботами жизни...»

«Ну, и очагъ, нечего сказать!» — пробормоталъ Мортенъ Брузе, толкнувъ Абрама локтемъ. Но Абрамъ не обернулся, не пошевелилъ даже ни однимъ мускуломъ лица; онъ побоялся, чтобы кто-нибудь не подумалъ, что онъ сидитъ безпокойно. Абрамъ думалъ только о томъ, что онъ сталъ вторымъ ученикомъ; онъ еще никогда не поднимался на такую высоту; а ректоръ, между тѣмъ, говорилъ, что школа подготавливаетъ къ жизни, что она, прежде всего, воспитываетъ нравственность... «Нравственность, — продолжалъ онъ, — считавшаяся у нашихъ древнихъ учителей, грековъ и римлянъ, самымъ высокимъ и благороднымъ элементомъ воспитанія, есть только слабое опредѣленіе его конечной цѣли, которую должны имѣть въ виду мы. Ибо намъ свѣтитъ солнце откровенія; передъ нами не заслонена туманомъ земнаго существованія высшая жизнь. За предѣлами этого міра намъ дана надежда, — свѣтлая, свободная и чудная надежда на блаженную жизнь на небѣ. Наше юношество должно воспитываться не только для того, чтобы стать гражданами и людьми, но, прежде всего, для того, чтобы быть христианами. Знаніе должно освѣщаться свѣтомъ религіи; начало, значеніе, конечную цѣль всякаго знанія нужно искать въ религіи».

Дѣти изнемогали отъ усталости, духоты и длинной рѣчи ректора, скучной, какъ проповѣдь. Солнце свѣтило сквозь тонкія синія занавѣски, и на черную группу учителей, помѣстившихся справа отъ каеэдры, падалъ мертвый, голубоватый свѣтъ. Дикобразъ спалъ стоя, — въ школѣ ходилъ слухъ, что онъ всегда спитъ стоя; старшій учитель Абэль лорнировалъ дамъ; адъютантъ Боррингъ забрался въ самый уголъ и чинилъ перья; Медянка стоялъ, погруженный въ размышленія, въ продолженіе всей рѣчи ректора. У всѣхъ былъ такой видъ, будто имъ давно наскучила вся эта исторія, — будто они ждутъ не дождутся, когда это празднество кончится.

«А вы, мои товарищи! — сказалъ ректоръ съ волненіемъ, — вы, посвятившіе себя трудному, но прекрасному призванію учить юношество наукамъ и нравственности! Да пошлетъ вамъ Всемогущій силы и на дальнѣйшіе труды, дабы вы могли исполнять свой вели-

какой долгъ съ тѣмъ же усердіемъ, съ тою же ревностью и любовью, какъ и раньше. Примите выраженія моей благодарности и благодарности школы за ревностную дѣятельность вашу въ истекшемъ году, и дай Богъ, чтобы мы снова встрѣтились здѣсь свѣжими и здоровыми, дабы снова приняться за наше дѣло!» Затѣмъ онъ обратился къ дѣтямъ и горячо просилъ ихъ упражняться во всѣхъ добродѣтеляхъ и служить добру, какъ подобаетъ «истиннымъ чадамъ свѣта». Глаза матерей при этомъ увлажнились слезами, а добрый ректоръ продолжалъ еще говорить о дѣтяхъ, о дѣтскомъ сердцѣ, о дѣтской вѣрѣ; наконецъ, послѣ заключительной молитвы и пѣнія, въ которомъ приняла участіе вся школа, празднество кончилось.

При выходѣ началась страшная давка; никакая сила не могла уже дальше удержать мальчиковъ въ залѣ. Хотя предписаніе гласило, что ученики должны ждать, пока всѣ гости выйдутъ изъ залы, но школьники одинъ за другимъ вскакивали со своихъ мѣстъ, проталкивались между дамами и исчезали въ толпѣ. Матери, усталыя, заплаканныя, съ трудомъ пробирались сквозь толпу, — изъ отцовъ явились только немногіе. Какъ отрадно было видѣть всю эту молодежь, собравшуюся вмѣстѣ, какъ прекрасно и назидательно говорилъ ректоръ! Напрасно только онъ говорилъ въ концѣ своей рѣчи, что родители слишкомъ равнодушно относятся къ дѣятельности школы; конечно, это не могло относиться къ присутствующимъ: скорѣе это можно сказать о тѣхъ изъ родителей, которые не явились на актъ, какъ, на примѣръ, госпожа Левдадь. Дѣйствительно, это ужь изъ рукъ вонъ, тѣмъ болѣе, что мужъ ея — эфюръ. Впрочемъ, она никогда не ходитъ туда, гдѣ можно услышать слово Божіе.

Дѣти и взрослые торопились выйти изъ школьнаго зданія. Благовоспитанные мальчики шли чинно возлѣ своихъ родителей со сложенными аттестатами въ рукахъ, нѣкоторые уходили за школьное зданіе, рвали тамъ свои аттестаты и топтали ихъ ногами; нѣкоторые же въ припрыжку, съ крикомъ, бѣжали по улицѣ; статуеобразные юноши въ черныхъ сюртукахъ пошли за толпой учителей въ комнату ректора, чтобы тамъ принять участіе въ дружеской пирушкѣ.

Абрамъ пошелъ съ отцомъ домой. Профессоръ Левдадь былъ взволнованъ. Идя рядомъ съ сыномъ, профессоръ сказалъ ему: «Ты былъ очень прилеженъ, Абрамъ, и я вижу изъ этого, что ты стараешься загладить свою ошибку; ну, не будемъ больше объ этомъ говорить. Я поговорю съ ректоромъ, чтобы и онъ объ этомъ больше не упоминалъ».

Придя домой, Абрамъ бросился въ комнату и закричалъ: «Мама, мама, я перешелъ вторымъ ученикомъ!» Профессорша, сияя отъ радости, побѣжала къ нему на встрѣчу, заключила его въ свои объятія, стала цѣловать его, кружиться съ нимъ по комнатѣ и, когда профессоръ съ обычною важною произнесъ: «тише, дѣти!» — она засмѣялась, взяла подъ руку сына и пошла съ нимъ къ столу. Профессоръ велѣлъ принести вина и такимъ образомъ устроился семейный праздникъ. Абрамъ чувствовалъ себя легко, свободно, какъ птица, и когда отецъ чокнулся съ нимъ, онъ подумалъ, что отецъ его самый великій и лучшій человекъ на свѣтѣ.

Къ матери онъ также чувствовалъ сегодня такую нѣжность, какой онъ давно уже не испытывалъ. Абрамъ собственно любилъ ихъ обоихъ одинаково сильно, теперь же онъ утопалъ въ морѣ блаженства и все, что ему пришлось вынести, превратилось въ смутное воспоминаніе, которое онъ старался забыть и изгладить изъ памяти.

— Развѣ я не говорилъ, — замѣтилъ профессоръ, когда она рассказала ему о томъ, гдѣ она была, — что ты очень интересуешься фабрикой?

Она только засмѣялась и ничего не отвѣтила ему; вѣдь, она сегодня такъ хорошо себя чувствуетъ, такъ счастлива!

IX.

Конfirmaція Абрама все откладывалась или, лучше сказать, о ней совсѣмъ не говорили, такъ какъ профессоръ слишкомъ хорошо зналъ, что жена его будетъ противиться этому всѣми силами. Когда Абрамъ былъ еще ребенкомъ, она постоянно говорила: «Онъ не будетъ конфирмироваться». Мужъ ея при этомъ всегда молчалъ и думалъ: «Еще будетъ время подумать объ этомъ». Не въ его правилахъ было наталкиваться на неприятели раньше, чѣмъ это окажется неизбѣжнымъ. Поэтому онъ не затрогивалъ этого вопроса, пока Абраму не наступилъ шестнадцатый годъ, — возрастъ, считавшійся въ здѣшнихъ мѣстахъ позднимъ для конfirmaціи. Теперь нужно было, чтобы къ осени духовникъ подготовилъ Абрама къ конfirmaціи, такъ какъ конфирмироваться ему было необходимо, — профессоръ такъ же непоколебимо стоялъ за конfirmaцію, какъ жена его — противъ конfirmaціи.

Однажды утромъ, одѣваясь, — Абрамъ ушелъ въ школу, — профессоръ сказалъ совершенно спокойнымъ тономъ, точно онъ говорилъ о чемъ-нибудь, стоявшемъ внѣ всякихъ споровъ и разногласій:

— Я думаю, что на слѣдующій мѣсяцъ нужно уже посылать Абрама къ пробсту Спарру подготавливаться.

— Подготавливаться? У Спарра? Что это значитъ?

Профессорша быстро повернулась на своемъ стулѣ; она сдѣла противъ зеркала и приводила въ порядокъ свои роскошные волосы.

— Подготавливаться къ конфирмаціи, моя милая! Ты совсѣмъ забыла, что ему уже скоро шестнадцать лѣтъ?

— Скорѣе ты забылъ о нашемъ условіи, что Абрамъ не будетъ конфирмироваться.

— Условіе? Нѣтъ, Венга, этого не было.

— Развѣ я не повторяла сотни разъ, что это ни на что не нужно?

— Да. Но условія никакого не было.

— Но, вѣдь, ты соглашался со мной; ты никогда не возражалъ мнѣ ни слова.

— Я не говорилъ ничего потому, что въ этомъ не было никакой надобности. Но согласишься, ты меня, вѣдь, знаешь настолько, что не можешь сомнѣваться въ томъ, что я захочу конфирмировать своего сына, какъ этого требуютъ наши обычаи.

— Но какъ ты можешь руководствоваться обычаями въ такомъ важномъ дѣлѣ?

— Поговоримъ спокойно: горячность не приведетъ ни къ чему хорошему. Подумай, имѣешь ли ты право ставить сына въ исключительное положеніе, которое будетъ для него мученіемъ, которое много повредитъ ему въ жизни?

— Я хочу оказать моему сыну великое благодѣяніе—сдѣлать его исключеніемъ среди лицемѣровъ и ханжей.

— Фразы, милая Венга! Ты, повидимому, думаешь, что сынъ твой только часть тебя самой и никогда не будетъ ничѣмъ инымъ.

— Что ты этимъ хочешь сказать?

— Думала ли ты когда-нибудь о томъ, что Абрамъ можетъ стать вѣрующимъ христіаниномъ? Я знаю, что ты скажешь: ты очень мало вѣришь въ мои христіанскія чувства, но развѣ ты не можешь себѣ представить, что Абрамъ будетъ истиннымъ христіаниномъ?

— Да,—отвѣтила задумчиво профессорша,—объ этомъ я часто думала, и напрасно ты предполагаешь, что я стала бы противоѣствовать этому или считала бы это несчастьемъ для насъ. Искренность для меня выше всего. Двоедушіе, ложь и лицемѣріе—вотъ отъ чего я хочу охранить моего сына.

— Если ты хочешь добиться полной искренности, ты должна предоставить ему и полную свободу.

— Я этого и хочу. По-моему, пусть онъ самъ выбираетъ...

— Нѣтъ, ужъ извини! Ты не дашь ему полной свободы выбора, разъ ты не допускаешь его до той ступени развитія, черезъ которую проходить вся остальная молодежь, или заставляешь его перескочить черезъ нее.

— Но, вѣдь, эта ступень развитія, какъ ты ее называешь, и есть именно преддверіе лжи: это мое глубокое убѣжденіе!

— Въ этомъ я вовсе не сомнѣваюсь, Венка, и дѣйствительно, многое можно сказать противъ конфирмаціи, но тутъ дѣло идетъ не о твоей вѣрѣ и не о моей, а о вѣрѣ Абрама. Не потому, что я самъ... гм!...— глаза ихъ встрѣтились въ зеркалѣ,—ну, да, у меня нѣтъ никакого расположенія къ религіи, также какъ и у тебя; я хочу дать своему сыну христіанское воспитаніе вовсе не потому, чтобы я самъ вѣрилъ. Но, по моему мнѣнію, ни ты, ни я—никто изъ насъ не вправе лишать его того, что можетъ разъяснить ему выборъ въ этомъ отношеніи, или принуждать его къ тому, что сдѣлаетъ для него этотъ выборъ невозможнымъ. Мы лучше всего поступимъ относительно него, если скажемъ ему: выбирай самъ, что тебѣ дѣлать! Или, можетъ быть, ты уже что-нибудь выбралъ?

— Ты извращаешь мою мысль, Барстенъ!

— Совсѣмъ нѣтъ! Абрамъ уже въ такомъ возрастѣ, что онъ можетъ понять, въ чемъ дѣло, поэтому - то я и ждалъ такъ долго; пусть онъ самъ рѣшитъ, конфирмироваться ли ему, или нѣтъ. Мнѣ кажется, что именно ты съ твоимъ глубокимъ сознаниемъ необходимости свободы и права должна это одобрить.

— Ну, хорошо, пусть онъ самъ рѣшаетъ!—вскричала профессорша, но вслѣдъ затѣмъ прибавила:—Ахъ, нѣтъ, какой смыслъ—предоставить такому мальчику право выбора? Онъ, конечно, предпочтетъ пойти за остальными, лишь бы только его оставили въ покоѣ. Нѣтъ, нѣтъ, Барстенъ, мы совершимъ большое преступленіе, если мы сами направимъ нашего сына на ложь, на обманъ!

— Скажи мнѣ, Венка, до какихъ же поръ ты хочешь рѣшать все за сына? Не думаешь ли ты выбрать для него современемъ и жену?

— Глупости, Барстенъ! Развѣ я не настаивала всегда на томъ, чтобы онъ пользовался полною свободой?

— Странная свобода! А если Абрамъ, дѣйствительно, хочетъ конфирмироваться?

— Если такъ, то онъ хочетъ этого потому, что у него нѣтъ еще надлежащаго пониманія.

— А если черезъ нѣсколько лѣтъ у него будетъ такъ мало «надлежащаго пониманія», что онъ захочетъ взять себѣ такую жену, относительно которой ты будешь твердо убѣждена, — со своею обычною непоколебимостью, — что она сдѣлаетъ твоего сына несчастнымъ, что тогда?

— Съ тобой, Барстень, говорить — одно мученіе, ты все перепутываешь!

— Не нужно горячиться, это совершенно лишнее. Мы говорили такъ спокойно и разумно. Врядъ ли только я, дѣйствительно, все перепутываю. Развѣ нельзя допустить, что ты къ своей сильной любви къ Абраму примѣшиваешь, безъ всякаго желанія съ твоей стороны, немного того деспотизма, — извини меня, пожалуйста, — который неразрывно соединенъ со всякою любовью? Развѣ ты, въ своемъ усердіи дѣлать для него все самое лучшее, не можешь придти къ желанію вѣчно и все рѣшать за него, между тѣмъ какъ ты сама же такъ часто говорила, что свобода выбора для человѣка важнѣе всего?

— Я буду говорить спокойно; я, конечно, не хочу тебя оскорблять; но нужно признаться тебѣ, что говорить съ тобой очень трудно, — ты водишь меня въ какомъ-то заколдованномъ кругу и представляешь все въ извращенномъ видѣ. Мнѣ бы никогда и въ голову не пришло, что я соглашусь допустить своего сына до конфирмаціи. Но теперь я готова согласиться, что твои взгляды не лишены нѣкотораго основанія.

— На этотъ разъ мои взгляды болѣе согласны съ твоими принципами, чѣмъ твои собственные, — возразилъ профессоръ; онъ уже окончилъ одѣваться и хотѣлъ уйти.

— Вотъ что только я тебѣ должна сказать! — вскрикнула вдругъ профессорша, когда онъ уже отворилъ дверь, — въ тотъ день, когда Абрамъ долженъ будетъ идти въ церковь, чтобы дать этотъ злосчастный клятвенный обѣтъ, я оставляю за собой право спросить его въ тотъ день, знаетъ ли онъ, что онъ дѣлаетъ, и если окажется, что онъ поступаетъ не совсѣмъ честно и правдиво, то ни ты, ни всѣ проповѣдники въ мірѣ не вправѣ заставлятъ его глать публично!

— Дѣлай такъ, какъ найдешь лучшимъ, — отвѣтилъ мужъ и вышелъ.

Онъ былъ доволенъ, что ему удалось добиться такой уступки, на которую онъ даже не рассчитывалъ; остальное онъ предоста-

вилъ времени. Профессорша была взволнована и разстроена; она не могла освободиться отъ тяжелой мысли, что мужъ выманилъ у нея согласіе на конфирмацію Абрама. Она говорила объ этомъ съ Мордтманомъ, который вполнѣ согласился съ ней и употребилъ даже болѣе сильныя выраженія, но, въ сущности, ему до этого не было никакого дѣла. Затѣмъ она обратилась къ Абраму и однажды вечеромъ, когда профессоръ былъ въ клубѣ, начала съ нимъ серьезный разговоръ. Она высказала ему ясно и откровенно, насколько это было возможно, все, что она думала о конфирмаціи, и спросила его, согласенъ ли онъ со всѣмъ этимъ и пришелъ ли онъ къ какому-нибудь рѣшенію?

Абрамъ сидѣлъ съ опущенными глазами, не отвѣчая и не прерывая мать. Всякіе разговоры о религіозныхъ вещахъ были для него настоящею пыткой. Въ школѣ религія изучалась, какъ и всякій другой предметъ, и только ректоръ въ своихъ рѣчахъ или, когда случалось что-нибудь особенно важное, дѣлалъ школьникамъ христіанскія увѣщанія, да профессоръ иногда вставлялъ фразы вроде: «сохрани тебя Богъ отъ этого». Абрамъ зналъ хорошо, какой видъ слѣдуетъ принять въ такихъ случаяхъ, и всегда могъ пробормотать какой-нибудь отвѣтъ; но пока разговоръ продолжался, ему бывало очень непріятно. Теперь же въ разговорѣ съ матерью ему было еще хуже; ей онъ не смѣлъ отвѣтить ходячею фразой, да она и слушать бы не стала заученныя фразы. Какой же, дѣйствительно, серьезный отвѣтъ онъ могъ дать на ея вопросы?

Ему, конечно, хотѣлось конфирмироваться; самолюбіе его давно страдало при мысли, что передъ алтаремъ онъ долженъ предстать послѣднимъ изъ своихъ сверстниковъ. Тому, что ему казалось столь простымъ и зауряднымъ, мать придавала такую важность, будто это былъ поворотный пунктъ его жизни. И когда она серьезно, подавленнымъ голосомъ, убѣждала его быть правдивымъ и откровеннымъ, все равно, вѣрить ли онъ, или нѣтъ, онъ думалъ о томъ, зачѣмъ она такъ странно говорить съ нимъ? Это было такъ дико, такъ непонятно для него! И ректоръ, котораго всѣ считали крайне богобоязненнымъ человѣкомъ, и его отецъ, бывший настолько религіознымъ, насколько Абрамъ считалъ это нужнымъ, да и всѣ жители города относились къ конфирмаціи съ уваженіемъ; они сочли бы всякое слово, сказанное противъ этого священнаго обряда, за кощунство. Но Абрама особенно поражало, что мать говоритъ о конфирмаціи такимъ торжественнымъ и серьезнымъ тономъ, точно вѣрующая, а раньше онъ отъ нея же слышалъ признаніе, что она не тверда въ вѣрѣ, а люди о безвѣріи

Венки отзывались и еще рѣзче. Мать сама не вѣрить, слѣдовательно, и не можетъ имѣть надлежащаго понятія объ этихъ вещахъ. Имъ овладѣло нетерпѣливое желаніе какъ можно скорѣе избавиться отъ этого разговора. Какъ же она, невѣрующая, можетъ предъявлять въ этомъ отношеніи большія требованія, чѣмъ сами вѣрующіе?

Молчаніе мальчика вывело ее, наконецъ, изъ терпѣнія.

— Скажи мнѣ, — спросила она, — Абрамъ, на что ты рѣшаешься: пойдешь къ конфирмаціи или нѣтъ?

— Не знаю, — отвѣтилъ Абрамъ.

— Ты долженъ знать; ты уже въ такихъ годахъ, что долженъ самъ выбирать. Подумай нѣсколько дней; я хочу тебѣ сказать то, что я уже говорила сегодня утромъ твоему отцу. Въ день конфирмаціи, раньше чѣмъ ты пойдешь въ церковь, ты долженъ исповѣдаться передо мной, и если не сможешь сказать мнѣ, твоей матери, вполнѣ правдиво: я хочу и могу дать обѣтъ, то, вѣрь, я, твоя мать, не допущу тебя къ конфирмаціи, — вѣрь моему слову!

Скоро вернулся профессоръ. За ужиномъ разговоръ шелъ о постороннихъ вещахъ. Но сознаніе необходимости придти къ какому-нибудь рѣшенію мучило Абрама въ теченіе нѣсколькихъ дней. Онъ рѣшилъ конфирмироваться; когда у него въ школѣ спросили, пойдетъ ли онъ зимой къ священнику, онъ отвѣтилъ утвердительно. Заявить объ этомъ священнику слѣдовало черезъ нѣсколько недѣль; ни отецъ, ни мать не спрашивали у него отвѣта; такъ прошло опять нѣкоторое время.

Въ школѣ все шло попрежнему; только въ новомъ классѣ у Абрама было еще больше уроковъ латинскаго и греческаго языковъ. Понемногу онъ сталъ сближаться съ Брохомъ, котораго прежде терпѣть не могъ; теперь же они, какъ лучшіе ученики, сидѣли на первой скамьѣ рядомъ. Абрамъ теперь былъ очень прилеженъ. Маленькій Марій не оставилъ по себѣ никакого воспоминанія, онъ исчезъ безслѣдно, мѣсто его было занято и никто никогда не произносилъ его имени, всѣ скоро забыли о немъ. Ежедневная работа въ той же школѣ, по тѣмъ же предметамъ, въ тѣ же часы, у тѣхъ же учителей, съ тѣми же сосѣдями, влияла на школьниковъ такъ, что мысль не могла заниматься тѣмъ, чего уже не существовало; а Марій Готвальдъ, если они вообще о немъ когда-нибудь думали, представлялся имъ маленькимъ мальчикомъ, котораго они знали много лѣтъ назадъ, когда они сами были еще маленькими, въ низшихъ классахъ школы.

Изъ всѣхъ товарищей одинъ лишь сохранилъ о немъ воспо-

минаніе, это былъ Абрамъ,—и не одно только воспоминаніе о томъ происшествіи, которое было для него такъ мучительно, на которомъ онъ старался останавливаться какъ можно рѣже. Госпожа Готвальдъ, у которой на свѣтѣ ничего не осталось, кромѣ воспоминаній о своемъ маленькомъ Маріи, крѣпко привязалась къ его лучшему другу. Она, бывало, лишь только увидитъ Абрама, стучитъ въ окно или выбѣгаетъ за дверь и зазываетъ его къ себѣ. Абрамъ охотно уклонился бы отъ этого; ему не хотѣлось, чтобы кто-нибудь видѣлъ, что онъ ходитъ къ ней, и, кромѣ того, ему было не особенно пріятно слушать госпожу Готвальдъ. Она, бывало, усадитъ его на диванъ и сейчасъ же начинаетъ разговоръ о маленькомъ Маріи; вѣдь, ей по цѣлымъ днямъ не съ кѣмъ было говорить о томъ, о чемъ она день и ночь думаетъ.

При такой одинокой уединенной жизни у нея не было ни одной подруги. По вечерамъ являлись въ ея маленькую комнатку обыкновенные гости—тяжелыя чувства стыда, раскаянія и униженія, располагались вокругъ по всемъ стѣнамъ и оттуда пристально смотрѣли на нее. Но къ этимъ старымъ гостямъ прибавился еще одинъ, гораздо хуже всѣхъ остальныхъ. Это былъ мучительный упрекъ въ томъ, что она изъ тщеславія хотѣла заставить сына учиться больше, чѣмъ могла вмѣстить его бѣдная голова; но объ этомъ она никогда не рѣшалась говорить. Она повторяла Абраму каждый разъ одни и тѣ же рассказы, спрашивала его, правда ли, что маленький Марій былъ лучшимъ ученикомъ по латинскому языку, и безпрестанно толковала о томъ, какъ сильно онъ любилъ своего друга, какъ восхищался имъ и уважалъ его. «Доходило до того,—говорила эта бѣдная женщина съ своею грустною улыбкой,—что я, дура, ревновала его къ Абраму Левдалю. Посмотри сюда, на послѣднемъ листѣ одной изъ своихъ записныхъ тетрадей онъ написалъ большими буквами: «А. Л. герой всей нашей школы». Это относится къ тебѣ... къ вамъ»...—госпожа Готвальдъ смущалась, она не знала, можетъ ли она говорить ему «ты», такъ какъ онъ держался очень чопорно и казался такимъ большимъ. Ей никакъ не удавалось заставить его дольше посидѣть или приходитъ къ ней чаще, пока ей разъ ни пришло въ голову угостить его виномъ и пряниками; это имѣло хорошія послѣдствія. Теперь онъ сталъ иногда заходить по собственному побужденію, по крайней мѣрѣ, въ сумерки, и терпѣливо выслушивалъ ея однообразные рассказы; иногда онъ самъ также рассказывалъ случаи изъ ихъ совмѣстной жизни, что приводило въ восхищеніе бѣдную госпожу Готвальдъ. Абрамъ отправлялся къ госпожѣ Готвальдъ и воз-

вращался отъ нея всегда украдкой; онъ хорошо понималъ, что его отецъ ни въ какомъ случаѣ не одобритъ этого знакомства съ матерью его покойнаго друга. Но развѣ можно устоять въ шестнадцать лѣтъ противъ такихъ соблазновъ, какъ тортъ и вино?

Между тѣмъ, Михаилъ Мордтманъ усердно занимался фабрикой, которая теперь была уже почти готова; но такъ какъ настала ненастная осенняя погода и въ ежедневныхъ осмотрахъ фабрики онъ не находилъ прежняго удовольствія, то онъ и перевелъ контору фабрики «Фортуна» въ городъ. Своими отношеніями къ профессоршѣ онъ не былъ особенно доволенъ, — дѣло его подвигалось слишкомъ медленно, можетъ быть, даже и вовсе не подвигалось. Онъ чувствовалъ сильное влеченіе къ ней, — близкое знакомство съ такою красивою и интересною женщиной, мужъ которой былъ выше всякихъ предразсудковъ, казалось ему крайне заманчивымъ. Онъ былъ вполне увѣренъ, что если она еще не влюблена въ него, то непремѣнно влюбится; онъ видѣлъ это изъ массы самыхъ незначительныхъ мелочей. Профессорша въ послѣднее время стала какою-то странной, возбужденной и непостоянной; она то молча, задумчиво смотрѣла въ пространство, то вдругъ ею овладѣвала какая-то болтливость, которая становилась почти надоедливой. Мордтманъ былъ увѣренъ, что онъ именно и есть причина этихъ душевныхъ волненій; госпожа Левдалъ, какъ нарочно, была въ это время такъ хороша и очаровательна, что молодой человѣкъ, державшій себя до сихъ поръ такъ осторожно, потерялъ всякое самообладаніе. Въмѣсто прежнихъ посѣщеній въ обѣденные часы, у нихъ начались теперь душевныя бесѣды въ сумеркахъ, въ длинныя осенніе вечера, у камина. Венка обыкновенно расхаживала при этомъ по комнатѣ; онъ сидѣлъ на софѣ передъ каминомъ. Профессора въ это время почти никогда не было дома, но иногда онъ приходилъ и заставлялъ ихъ вдвоемъ, что ихъ нисколько не смущало.

Но когда Мордтманъ смотрѣлъ на нее, какъ она равномерно и спокойно ходитъ около него, имъ овладѣвало сильное волненіе. Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ она была въ очень тяжеломъ настроеніи; они говорили о смерти и тому подобныхъ грустныхъ вещахъ; онъ говорилъ мало, она отвѣчала ему односложно и они сошлись на томъ, что жизнь не стоитъ того, чтобы ею дорожить. Въ сущности, Мордтманъ смотрѣлъ на жизнь совершенно иначе: онъ только поддавался настроенію Венки. Самъ онъ былъ полонъ нетерпѣливой надежды; теперь онъ не могъ взвѣшивать послѣдствій, не могъ думать. Каждый разъ, когда Венка проходила мимо него, ему было все труднѣе и труднѣе пропустить ее и не прижать ее къ своей груди.

Послѣ довольно длинной паузы она остановилась прямо передъ нимъ, посмотрѣла ему въ лицо и сказала:

— Зачѣмъ же вы говорите то, чего вы совсѣмъ не думаете?

— Это не я сижу здѣсь; не я говорю... Я не знаю, что я говорю, не знаю, гдѣ я и что я дѣлаю; я знаю только, что я не могу дольше выносить этого...—Съ этими словами онъ обвилъ руками ея станъ и привлекъ ее къ себѣ, такъ что она очутилась у него на козлѣняхъ, освѣщенная яркимъ пламенемъ камнина. Онъ наклонился къ ней и поцѣловалъ ее въ щеку.—Намъ нельзя уже скрывать другъ отъ друга, правда?

— Да, правда,— отвѣтила она тихо и положила ему на плечо руку. Но вслѣдъ затѣмъ она медленно освободилась и встала.— Нѣтъ, нѣтъ...—сказала она точно въ полузабытѣи.

Онъ вскочилъ и хотѣлъ обнять ее, съ страстными безсвязными словами.

— Нѣтъ, нѣтъ! — вскричала она вдругъ, точно проснувшись отъ глубокаго сна.— Не трогайте меня! Вы не въ своемъ умѣ... Неужели вы думаете, что я могу дѣлиться?...

— Но теперь ты принадлежишь мнѣ... только мнѣ...

— Нѣтъ, никогда! Вспомните...

— Лучше ты вспомни, какъ часто мы объ этомъ говорили и какъ ты сама всегда защищала права любви...

— Не теперь, не такъ... не сбивайте меня съ толку, оставьте меня; подумайте только, что мы губимъ... нѣтъ, пусть останется все попрежнему, а если невозможно, то лучше уѣзжайте! Прошу васъ, оставьте меня въ покоѣ!

— А я? Обо мнѣ ты совсѣмъ не думаешь, что со мною будетъ?

Она схватила его за плечи, повернула къ свѣту и пристально посмотрѣла ему въ лицо. Они оба громко и отрывисто дышали, лицо его было блѣдно и измучено, и онъ, сжимая руки Венки, бормоталъ какія-то непонятныя слова.

— Что я сдѣлала! — сказала Венка: страсть его была въ эту минуту такъ искренна и сильна, что она вполнѣ повѣрила ей и это поразило ее.—Я дурно поступала относительно насъ обоихъ.

— О, нѣтъ, нѣтъ! Ты сама рѣшила, теперь ты моя, если ты меня не обманываешь.

— Я васъ не обманываю, другъ мой!

— Такъ сдѣлайте рѣшительный шагъ, будьте моей!

— Послушайте меня, послушайте моего совѣта; мы теперь не сознаемъ себя; я, какъ старшая, должна рѣшить, что...

— Ахъ, что тамъ...— прервалъ онъ ее нерпѣливо, но она закрыла ему ротъ рукой.

— Уйдите, уйдите! Приходите черезъ нѣсколько дней, черезъ нѣсколько дней... Намъ обоимъ нужно хорошенько подумать и размыслить; не будемъ дѣлать подѣ впечатлѣніемъ минуты того, что можетъ причинить непоправимое зло какъ намъ самимъ, такъ и другимъ. Послушайте моего совѣта; согласитесь, что я права.

Онъ и слушать ее не хотѣлъ; но она своими просьбами и ласковыми словами заставила его подойти въ дверямъ. Здѣсь онъ еще разъ обнялъ ее, поцѣловалъ и полубезсознательно прошелъ черезъ переднюю.

Она бросилась на софу и закрыла глаза руками. Поцѣлуй его жегъ ее, она любила его; ею овладѣла какая-то грусть, вызывавшая въ ней чувство еще не испытаннаго ею блаженства и какой-то особенной боли; всѣ мысли ея принадлежали ему одному: она не могла заставить себя думать ни о своемъ мужѣ, ни о сынѣ; полусознательная тоска, съ которой она такъ долго боролась, примѣшалась къ ея смущенію.

Мужъ ея пришелъ домой и прямо изъ передней прошелъ въ свою пріемную. Тамъ былъ стѣнной шкафъ, въ которомъ хранились сильнодѣйствующія средства. Профессоръ взялъ бутылку съ укрѣпляющими каплями, смѣшалъ порядочную дозу ихъ съ водой и выпилъ. Затѣмъ онъ осмотрѣлъ свое лицо въ зеркалъ; оно было очень блѣдно.

Постоявъ такимъ образомъ нѣсколько минутъ, онъ потушилъ огонь и прошелъ черезъ спальню, чтобы вымыть себѣ тамъ руки, что онъ дѣлалъ постоянно, когда возвращался вечеромъ отъ больныхъ.

— Добрый вечеръ, Венка, не зажжешь ли ты лампу? — спросилъ онъ, проходя мимо нея.

— Да, — отвѣтила она, не двигаясь съ мѣста.

Абрамъ много занимался. Онъ вмѣстѣ съ Брокомъ былъ у Мортена Брузе, выкурилъ нѣсколько трубокъ; голова у него горѣла и онъ испытывалъ какое-то ѣдкое раздраженіе кожи, и вообще чувствовалъ себя не совсѣмъ хорошо.

— Ну, Абрамъ, — спросилъ отецъ, прохаживаясь по комнатѣ и дѣлая свой туалетъ, — что же ты рѣшилъ относительно конфирмаціи? Нужно рѣшить скорѣе, если ты хочешь теперь подтвердить; или ты не хочешь?

— Нѣтъ, я хочу.

— Хорошо, ты знаешь, что это отъ тебя зависить; если ты хочешь быть конфирмованъ, то за чѣмъ же остановка? Говорилъ ли ты объ этомъ матери?

— Нѣтъ, можетъ быть, ты самъ скажешь ей объ этомъ?

— Нѣтъ, зачѣмъ же? Пойди теперь же, мать тамъ, въ комнатѣ.

Абрамъ робко вошелъ къ ней.

— Мама, — сказалъ онъ, посидѣвъ нѣкоторое время у печи, — я, все-таки, думаю, что мнѣ слѣдуетъ пойти къ пробсту.

— Да? Этого можно было ожидать! — отвѣтила профессорна жестоко; мысли ея были далеко отъ него.

Этотъ отвѣтъ поразилъ Абрама. Какъ она можетъ такъ относиться къ дѣлу послѣ того, какъ она съ такою любовью, съ такою откровенностью говорила ему о томъ, чтобы онъ самъ сдѣлалъ выборъ? Онъ съ прежнею робостью вышелъ изъ комнаты; теперь онъ съ ужасомъ сталъ ждать того утра, когда мать придетъ къ нему, чтобы основательно проэкзаменовать его.

Когда Михаилъ Мордтманъ, пошатываясь, выходилъ изъ дома, онъ натолкнулся въ дверяхъ на профессора. Профессоръ стукнулъ палкой о камни тротуара и Мордману показалось, что онъ хотѣлъ что-то сказать, но удержался. Ему также показалось, будто лицо профессора, когда онъ бѣгло посмотрѣлъ на него и поклонился ему, имѣло какое-то особенное выраженіе. Но мысли его были слишкомъ заняты тѣмъ, что произошло между нимъ и Венкой. Онъ поспѣшилъ домой и заперся, чтобы остаться наединѣ съ своимъ счастьемъ. Онъ бросился въ кресло, но скоро снова вскочилъ и сталъ быстро ходить по комнатѣ; затѣмъ онъ взялъ ея портретъ, который она сама ему подарила, и сталъ что-то говорить съ нимъ, съ самимъ собой; онъ былъ полонъ самаго безоблачнаго счастья и гордился тѣмъ, что достигъ цѣли.

Но лишь только его волненіе немного улеглось, имъ овладѣло воспоминаніе о профессорѣ. У него было такое странное лицо! Мордмана это начало беспокоить. Теперь только ему стало ясно, какъ безумно и безразсудно они вели себя. Еще нѣсколько минутъ, и профессоръ засталъ бы ихъ въ такомъ возбужденіи, скрыть котораго не было никакой возможности. Чтобы ихъ отношенія имѣли прочность, нужно обставить дѣло совсѣмъ иначе; это дало его мыслямъ другое направленіе. Онъ закурилъ сигару и предался размышленіямъ.

Х.

Пробстъ Спарре подготовлялъ молодежь въ старомъ домѣ, предназначавшемся для собраній конфирмантовъ, и хотя мальчиковъ

было очень много, но они почти терялись въ огромной, низкой залѣ, выкрашенной въ сѣрую краску. Мѣста готовящихся къ конфирмаціи были такъ распредѣлены, что сразу можно было замѣтить различіе въ общественномъ положеніи юношей. На длинной скамейкѣ, стоявшей среди комнаты передъ каедрой, помѣщались мальчики народныхъ школъ, на краяхъ сидѣли бѣдные дѣти изъ Западнаго и другихъ дальнихъ кварталовъ города. По правую сторону отъ священника, ближе къ каедрѣ, на меньшихъ скамейкахъ, упиравшихся однимъ концомъ въ стѣну, находились прилично одѣтые мальчики другихъ школъ; гимназисты сидѣли на первой скамейкѣ, причѣмъ Абрамъ занималъ первое мѣсто возлѣ наставника.

У пробста Спарре постоянно бывало много конфирмантовъ, такъ какъ о немъ ходила слава, что у него легче *пройти*, чѣмъ у другихъ городскихъ проповѣдниковъ.

Ученики народныхъ школъ были иногда поразительно наивны, а гимназисты, готовые въ такихъ случаяхъ лопнуть со смѣха, нерѣдко приводили въ смущеніе пробста Спарре. Поэтому пробстъ былъ въ первые дни очень сдержанъ съ Абрамомъ.

Абрамъ казался слишкомъ рослымъ для конфирманта и пробсту пришлось слышать о немъ мало хорошаго, а свободомысліе его матери было вещь слишкомъ извѣстной.

Но мало-по-малу молодой Левдаль, такой сдержанный, почтительный, никогда не улыбавшійся, какіе бы глупые отвѣты ни давались мальчиками, сидѣвшими на длинной скамьѣ, сталъ нравиться пробсту. При этомъ Абрамъ оказывалъ ему маленькія услуги, помогалъ ему надѣвать верхнее платье, подавалъ книгу, открытую на надлежащей страницѣ, поднималъ съ пола карандашъ. Въ концѣ-концовъ, пробсту было пріятно видѣть возлѣ себя этого благовоспитаннаго молодого человѣка. Мало-по-малу между нимъ и Абрамомъ возникло нѣчто вродѣ товарищескихъ отношеній: они обмѣнивались взглядами, если во время экзамена случалось что-нибудь особенное, или пробстъ бормоталъ какую-нибудь латинскую фразу, на что Абрамъ отвѣчалъ пріятливою улыбкой, все равно, понималъ ли онъ сказанное пробстомъ, или нѣтъ.

Такимъ образомъ, подготовленіе къ конфирмаціи было для Абрама своего рода удовольствіемъ. Уходить утромъ среди уроковъ изъ школы самѣ по себѣ очень пріятно, но еще пріятнѣе было Абраму уходить къ пробсту, садиться возлѣ его каедры и сознавать, что онъ здѣсь первый, что онъ здѣсь лучше всѣхъ. Онъ еще въ школъ зналъ наизусть «Толкованія» Понтопидана и теперь онъ

даже представить себѣ не могъ, какой страшный трудъ нужно было преодолѣть, чтобы отвѣчать пробсту, какой страхъ овладѣвалъ дѣтьми во время экзамена, когда даже самые необузданные мальчишки изъ народной школы сидѣли блѣдные и неподвижные, съ широко-раскрытыми глазами. Для нихъ это было важнѣйшее событіе въ жизни, пробраться черезъ это «игольное ушко» стоило имъ страшныхъ усилій, для Абрама же это были совершенные пустяки. Его страшило только то утро, когда мать зайдетъ къ нему въ комнату, чтобы выслушать его правдивую исповѣдь. И онъ часто представлялъ себѣ, что вотъ она входитъ къ нему въ комнату, что же ему отвѣтить ей? Подготовленіе къ конфирмаціи не могло его серьезно настроить, не говоря уже о томъ, чтобы она хоть сколько-нибудь могла затронуть его душу; но предъ матерью онъ могъ предстать только съ полною искренностью, это онъ прекрасно зналъ, малѣйшая попытка къ притворству будетъ ею тотчасъ же открыта. Къ счастью, стояла только осень и до Пасхи оставалось еще долго.

Абрамъ мало-по-малу привыкъ считать Броха хорошимъ товарищемъ и они оба водились большею частью съ учениками старшаго касса, которые въ слѣдующемъ году должны были уже перейти въ университетъ; они курили табакъ, играли въ карты и гуляли по вечерамъ съ молодыми дѣвушками. Въ наружности Абрама было что-то такое, что заставляло относиться къ нему съ уваженіемъ и дало ему даже возможность занять извѣстное положеніе между старшими товарищами. Оппозиціонныя стремленія, свойственныя ему по самой природѣ, были насильственно подавлены и нашли себѣ другой исходъ—въ насмѣшкахъ и издѣвательствѣ. Онъ не стѣснялся упражнять свое остроуміе даже надъ серьезными вещами; въ школѣ и дома онъ велъ себя въ высшей степени скромно и почти-тельно, здѣсь же, сидя съ товарищами въ комнатѣ, наполненной табачнымъ дымомъ, онъ зло насмѣхался надъ всѣмъ, все представлялъ въ каррикатурномъ видѣ. Брехъ смѣялся до изнеможенія; дружное одобреніе товарищей увлекало Абрама все дальше и дальше; онъ ничего не щадилъ, точно желая вознаградить себя дикою необузданностью и дерзкостью тамъ, гдѣ онъ чувствовалъ себя вполне свободнымъ, за насильственную сдержанность въ школѣ и дома.

Въ школѣ дѣла его шли хорошо; онъ былъ прилеженъ, насколько это было нужно, и, кромѣ того, онъ какъ-то умѣлъ распознавать къ себѣ учителей, такъ что даже Аальбомъ забылъ «чорта», посланнаго по его адресу, благодаря вкрадливой любезности Абра-

ма; одинъ только ректоръ былъ попрежнему настроенъ противъ него.

Профессоръ Ледваль въ это время все болѣе и болѣе сближался съ сыномъ; по воскресеньямъ онъ предпринималъ съ нимъ дальнія прогулки и говорилъ съ Абрамомъ почти какъ съ взрослымъ. Профессоръ дѣлалъ все это съ цѣлью подчинить его своей волѣ какъ можно больше; кромѣ того, онъ нуждался въ развлеченіи, потому что его теперь давило какое-то тяжелое бремя. Между ними, наконецъ, установилось такое довѣріе, что Абрамъ увлекался и рассказывалъ такія вещи, о которыхъ въ другое время, навѣрное, не сталъ бы говорить. Такъ, однажды, во время разговора, онъ почти противъ своей воли рассказалъ отцу случай, происшедшій у нихъ въ школѣ. У нихъ въ классѣ разбило стекло; всѣ знали, что его разбилъ Мортенъ Крузе; но когда ректоръ спросилъ, кто это сдѣлалъ, никто не хотѣлъ отвѣтить; Броха случайно не было, такъ что первымъ былъ Левдаль. Ничто не могло такъ раздражить ректора, какъ сопротивленіе; какъ старый школьный наставникъ, онъ сейчасъ же понялъ, что классъ сговорился не выдавать виновнаго. Онъ набросился на Абрама со словами: «Берегись, Ледваль, помни, что ты уже развѣ чуть не вылетѣлъ изъ училища; тогда ты легко отдѣлся; но берегись втораго раза. Знаешь ли ты, кто это сдѣлалъ, или нѣтъ?»

— Ты, конечно, сейчасъ же отвѣтилъ?—спросилъ профессоръ безпокойно.

— Да, я отвѣтилъ,—сказалъ Абрамъ и посмотрѣлъ въ противуположную сторону.

— Ты сказалъ, что это сдѣлалъ Мортенъ Крузе?

— Да.

— Конечно, ты и долженъ былъ такъ отвѣтить; было бы безуміемъ съ твоей стороны повторить твою старую выходягу, особенно теперь, когда ты ходишь къ проповѣднику. Я прекрасно знаю, что есть люди, которые стали бы говорить такой вздоръ, что не хорошо выдавать товарища или вообще что-нибудь въ этомъ родѣ; но тебѣ совсѣмъ нечего обращать на это вниманія. Послушаніе и повиновеніе начальству—безспорно самая важная обязанность и высшая добродѣтель всякаго молодаго человѣка и честнаго гражданина; если же ты сойдешься съ негоднями, то, въ концѣ-концовъ, самъ станешь такимъ же, какъ они, тогда какъ, открывая дурное и достойное наказанія, ты дѣлаешь хорошо для самого же себя и защищаешь справедливость.

Когда они затѣмъ отошли немного, профессоръ вскозь сказалъ:

— Матери ты объ этомъ лучше не говори: не стѣитъ говорить о такихъ пустякахъ.

Абрамъ не поднималъ глазъ; въ некоторое время они старались не смотрѣть другъ на друга, какъ будто чувствуя, что у нихъ есть тайна отъ матери; Абрамъ, успокоенный одобреніемъ отца, не смущался уже тѣмъ, что мать его совсѣмъ иначе посмотрѣла бы на это дѣло.

Она же была въ это время въ какомъ-то странномъ настроеніи. Она сильно измѣнилась: кромѣ Мордтмана, у нея было еще и другое горе. Ея страшныя опасенія превратились въ увѣренность, и эта увѣренность наполняла все ея существо страданіемъ, котораго она стыдилась, которое она старалась преодолѣть. Венка не могла уже скрыть отъ себя, что она скоро снова будетъ матерью.

Э. Р.

(Окончаніе слѣдуетъ).

И М Е Н И Н Ы.

I.

До обѣда.

— Ай, батюшки, ужь «достойну» благовѣстятъ! Сейчасъ съ молебномъ придуть, а у насъ еще не все готово. Пока пироги додѣлаешь, пока умоешься да пріодѣнешься, глядь—вотъ они и тутъ! Да и гости того гляди съѣзжаться начнутъ... Авдотья, вездѣ ли у тебя чисто въ комнатахъ? Батя, устраивай тамъ... А что самоваръ?... Мальчиги, помогайте, помогайте! Разставляйте чайную посуду, готовьте понемногу закуску... Работникъ чтобъ былъ постоянно на сторожѣ. Вѣдь, вотъ, вотъ... и не замѣтишь какъ... Чтобъ не застали врасплохъ. Скорѣй, скорѣй! Дружно, живо!...

Такъ волновалась и суетилась пожилая, но еще красивая мать-благочинника, Надежда Александровна Чистосердова, утромъ 16 іюля *недавняго* года. Это былъ день тезоименитства супруга ея, о. Аенногена. О. Аенногенъ во все долгое время своего священства ежегодно въ это число служилъ обѣдню, а послѣ обѣдни—молебенъ своему патрону. Этотъ молебенъ совершался каждый разъ уже не въ храмѣ, а въ домѣ именинника. О. Чистосердовъ весьма религіозенъ и «строго-исполнитель» по своему священнослуженію. Онъ всегда желаетъ и требуетъ, чтобы и всѣ члены семьи его усердно «прилежали» къ храму Божію. И, при обычномъ теченіи домашней жизни, супруга и всѣ наличныя чада о. благочиннаго аккуратно являются, если не во всѣхъ церковнымъ службамъ, то уже непременно къ обѣднѣ. Но «по нуждѣ бываетъ премѣненіе закона». Такое «премѣненіе» въ чрезвычайныхъ случаяхъ допускалъ и строгій о. Аенногенъ. Къ числу чрезвычайныхъ случаевъ нельзя было не отнести именинъ о. благочиннаго, когда, вслѣдствіе посѣщенія обѣдни всѣми членами его семьи, могла оказаться «конфуз-

ная неуправка» по дому. Богъ «и намѣреніе цѣлуеть», а потому можетъ простить рѣдко допускаемое неисполненіе добраго намѣренія. А люди? О, они съ замираніемъ сердца выжидаютъ и высна-триваютъ, не провинишься ли ты передъ ними въ чѣмъ-нибудь. Умудренный жизнью, о. Аѣиногенъ прекрасно зналъ все это и, сѣрѣя сердце, совершалъ въ день своего ангела литургію при отсутствіи своихъ «присныхъ», которыхъ привыкъ видѣть въ храмѣ на обычныхъ мѣстахъ. Но, съ другой стороны, чтобъ окончательно не лишитъ ихъ молитвеннаго общенія съ собой въ столь знаменательный для него день, онъ переносилъ служеніе молебна своему ангелу къ себѣ въ домъ.

— Идутъ!—воскликнула благочинника, глядя въ окно и оправляя на себѣ старинное шелковое платье.— Слава Богу, что успѣла во-время образиться. И не чаяла. Ну, давайте встрѣчать, становитесь всѣ въ строй!

Многочисленная семья о. Аѣиногена, состоящая преимущественно изъ мужчинъ, между которыми были учитель семинаріи, студентъ-филологъ и три семинариста, чинно выстроилась въ залѣ въ два ряда, воспріявъ въ свой составъ еще нѣсколькихъ родичей обоего пола, прибывшихъ на торжество изъ близкихъ и дальнихъ краевъ.

Вотъ широко распахнулась входная дверь, и, при общемъ безмолвіи, въ залу вступилъ о. именинникъ, старецъ за шестьдесятъ лѣтъ, благообразной и внушительной наружности, въ черной шерстяной рясѣ, въ камилавкѣ, съ наперснымъ крестомъ на груди и съ камышевою тростью въ десницѣ. Мимоходомъ поставивши трость въ уголь залы, онъ быстро прошелъ прямо къ божицѣ. За нимъ прослѣдовали старички—дьяконъ и псаломщикъ, одѣтые и причесанные по праздничному, въ честь своего старшаго сослуживца и начальника. На чревѣ отца дьякона блестяло необычное для деревни и ранга носителя украшеніе — широкій мишурный поясъ. Батюшка облачился въ ризу, дьяконъ раскрылъ на требуемомъ мѣстѣ толстую богослужебную книгу («миною мѣсячную»), псаломщикъ раздобылся для кадила «жаргѣ», всѣ трое дружно кашлянули — и начался молебенъ святому мученику Аѣиногену. Пѣли и читали довольно долго, съ усердною выразительностью, причемъ поминали «честной домъ сей», «предстоящихъ и молящихся». Правоспособные изъ предстоящихъ «подтягивали» клиру. По окончаніи молебна всѣ пошли прикладываться ко кресту. При цѣлованіи креста, который о. Аѣиногенъ держалъ въ рукѣ, никто не поздравлялъ именинника, рассматривая его въ данный моментъ только какъ свя-

ценнослужителя. Церемонія поздравленія совершена была особо. Пока о. Аениогенъ снималъ съ себя облаченіе, вся семья его, со включеніемъ прїѣзжихъ родичей, расположилась въ залѣ въ два параллельныхъ ряда, тянущихся отъ святаго угла залы, гдѣ стоялъ батюшка, до дверей гостиной. Переднія мѣста заняты были лицами наиболѣе дорогими для патерфамиліуса. О. именинникъ, прежде всего, подходитъ къ своей супругѣ, стоящей во главѣ праваго фланга. Матушка, слегка наклонивъ голову, принимаетъ у него благословеніе, цѣлуетъ ему руку и затѣмъ, проговоривъ поздравительную формулу, трижды цѣлуетъ его въ губы, по-пасхальному. Батюшка достаетъ изъ кармана «службную» просвиру и вручаетъ ее благовѣрной. Благовѣрная, крестясь, цѣлуетъ просвиру и выбываетъ изъ строя. О. Аениогенъ подвигается дальше по линіи, преподаетъ каждому благословеніе, выслушиваетъ отъ каждого подбаюющій привѣтъ и съ каждымъ лобызается. Кто-то «изъ городскихъ» родичей именинника озадачиваетъ его поднесеніемъ большой картонной коробки съ сухимъ кондитерскимъ пирожнымъ.

— Ну, къ чему это? Что за фокусы такіе?— съ благодушнымъ упрекомъ произноситъ именинникъ и награждаетъ жертвователя добавочнымъ поцѣлуемъ.

Загремѣли чайныя чашки, стаканы. Потянуло запахомъ испареній крѣпкаго, усердно провареннаго чая. Чада и домочадцы о. Аениогена съ безцѣльной суетливостью мелькаютъ по комнатѣ, переживая моментъ какого-то переходнаго состоянія. О. именинникъ, «истово» перекрестясь, первый усѣлся за большой чайный столъ; потомъ любезно пригласилъ къ соучастію въ чаепитіи и своихъ сослуживцевъ; сюда же одинъ за другимъ, уже безъ приглашенія, начали присоединяться родичи хозяина, всѣ причищенные и принаряженные. Фигура о. Аениогена внушительно господствовала надъ всѣми остальными.

Брупная, свѣжая и выразительная фізіономія его, обрамленная широкою и длинною сѣдою бородой, свѣтилась сознаниемъ исполненнаго долга, сознаниемъ права на вкушеніе незатѣйливыхъ земныхъ благъ послѣ трудовъ праведныхъ и сладкимъ успокоительнымъ чувствамъ общенія и единенія съ любящими, доброжелательными ближними. Матушка съ торжественно-серьезнымъ спокойствіемъ разливала чай. Чаепитіе совершалось почти въ безмолвной тишинѣ и съ старинными русскими пріемами. Отчетливо раздавались отрывистые звуки откусыванья сахара, ясно слышалось, какъ черпали дномъ чашки о край блюда, какъ дули на чай, для скорѣйшаго охлажденія онаго, и т. п. Да, повидимому, никто и не чувствовалъ

особенной потребности въ сложной бесѣдѣ. Въ кругу вѣжливо сплоченныхъ взаимною любовью родичей отрывочная фраза, даже обмѣнъ взглядовъ, сопровождаемыхъ молчаливою улыбкой, выражали больше, чѣмъ въ другихъ случаяхъ самыя краснорѣчивыя объясненія. Нѣкоторое значеніе при этомъ имѣло, конечно, и то обстоятельство, что именинный день только начинался и празднующіе его, какъ говорится, еще не разошлись.

Оживленіе въ домѣ о. Аениогена началось съ того момента, какъ стали съѣзжаться сторонніе гости, и чѣмъ болѣе съѣжалось гостей, тѣмъ замѣтнѣе росло это оживленіе.

Не успѣвъ о. Аениогенъ допить второй чашки, какъ работникъ возвѣстилъ, что ѣдетъ о. Сергій съ супругой. Мимо оконъ мелькнула огромная, расписная дуга и важнымъ, степеннымъ шагомъ прослѣдовала раскормленная доморошенная савраска, запряженная въ обширную телѣгу. Савраской собственноручно правилъ ея хозяинъ, сторбленный маленькій старичокъ въ рясѣ и камилавкѣ, съ наперснымъ крестомъ и Анной третьей степени на распахнутой груди. Бокъ-о-бокъ съ батюшкой возсѣдала его подруга жизни, миниатюрная старушка, вся въ черномъ, точно монахиня. Чаепитіе разстроилось. О. именинникъ и его родство выгнѣзли изъ-за стола и въ ожидательномъ настроеніи стояли у двери, ведущей въ переднюю. Миниатюрная матушка-гостя не заставила долго ждать себя: не болѣе, какъ минуты черезъ двѣ по прибытіи, она уже энергично лобызала членовъ многолюдной семьи о. Аениогена, перемежая свои поцѣлуи ласковымъ привѣтомъ и благожеланіями. Но батюшка-гость довольно долго не показывался «въ погон». Вручая свою савраску работнику о. Аениогена, онъ вѣжно и трогательно внушалъ ему, какъ «заняться ею». Потомъ почтенный гость счелъ нужнымъ, передъ важнымъ моментомъ свиданія съ именинникомъ и начальникомъ, привести себя въ лучшій порядокъ. Войдя въ сѣни, онъ досталъ изъ кармана большой ситцевый платокъ и обмахнулъ имъ у себя пылъ съ лица, шеи и плечъ. Далѣе, принялся не спѣша расчешать свои косы, которыхъ оказалось штукъ шесть, каждая съ мышинный хвостикъ. Окончивъ этотъ процессъ, онъ началъ бережно расчесывать ихъ карманнымъ гребешкомъ. Когда о. Сергій убѣдился, что кудри его достаточно пушисты, онъ самодовольно улыбнулся, натянулъ на загорѣлыя и загорѣлыя руки бѣлыя нитяныя перчатки и, бодро крикнувъ, распахнулъ дверь въ погон.

Теперь хозяевамъ уже некогда стало смотрѣть въ окна, и слѣдующіе затѣмъ гости прибывали какъ-то уже незамѣтно, точно под-

градывались. Въ какой-нибудь часъ вновь прїѣзжихъ гостей набралось человекъ тридцать. Однихъ священниковъ явилось десять человекъ, не только изъ «подлежащаго» благочинія, но и изъ чужихъ. Иной пожаловалъ со всѣмъ семействомъ, иной только съ супругой, иной лишь со старшею дочкой-невѣстой «на всякій случай», иной со старшимъ сыномъ «кончалымъ» и чающимъ движениа... Были и вдовцы - одиночки. Матушки сгруппировались около хозяйки въ столовой, молодежь обоего пола заняла гостиную, гдѣ въ углу стоялъ манопанъ, батюшки овладѣли заломъ. Не было человека, который бы сидѣлъ молча. А, вѣдь, сколько голосовъ-то, да все какіе голоса! Звуки вылетали изъ легкихъ, не нуждающихся въ Кохѣ. Мало-по-малу въ тихой обители о. Авенигена поднялся такой шумъ, какой бываетъ на большихъ сельскихъ сходкахъ, созванныхъ по какому-нибудь жгучему вопросу. Все это произошло какъ-то само собой, никто не желалъ шумѣть и не замѣчалъ шума. Оставимъ матушекъ въ столовой бесѣдовать о хозяйствѣ, о недостаткахъ того или другаго изъ отсутствующихъ ближнихъ, о состоявшихся и имѣющихъ состояться марьяжныхъ комбинаціяхъ «въ своемъ кругу» и т. п.; оставимъ представителей и представительницъ молодаго поколѣнія продолжать оживленную болтовню и перейдемъ въ залъ, къ почтеннымъ отцамъ, которые какъ бы старались уравнивать мелочность и легкомысліе бесѣды своихъ супруговъ и чадъ серьезностью своего времяпрепровожденія.

— Вотъ что, отцы святіи! — возглаголетъ благочинный, — пока намъ хозяйка изготавитъ подобающую трапезу, позвольте воспользоваться нѣкоторыми изъ васъ для общаго блага. Сказано: подобаетъ *се* творити и *онѣхъ* не оставятъ, или попросту: дѣвица пой, а дѣльце помни. Здѣсь встали члены благочинническаго совѣта. Прошу вашего вниманія.

— Мы тоже обратимъ вниманіе, хоть и не члены, — отозвался кто-то изъ сонма.

— Тѣмъ лучше, — одобрилъ о. благочинный. — Если при двухъ или трехъ свидѣтеляхъ *станетъ всякъ глаголѣ*, то судъ можетъ выйти еще совершеннѣе, когда будетъ, такъ сказать, «цѣлый облакъ свидѣтелей». Такъ вотъ позвольте изложить передъ вами слѣдующее... Покорнѣйше прошу всѣхъ сѣсть поближе. Знаете, «рядкомъ да ладкомъ», къ тому же, и слышнѣй будетъ, а то вонъ, вѣдь, какъ наши-то тамъ разошлись... Ну те-съ, дѣло вотъ въ чемъ. Дьяконъ Щелкушинъ, вошедшій зятемъ во дворъ ко вдовой дьяколицѣ села Коноплянокъ, утруждалъ его преосвященство прошені-

емъ о томъ, чтобы возвратили ему землю, якобы незаконно обмѣненную мѣстнымъ причтомъ по смерти бывшего дьякона, приходящагося тестемъ просителю. Владыка же препроводилъ это прошеніе ко мнѣ, съ требованіемъ отъ меня разслѣдованія и заключенія по сему дѣлу. Не можетъ ли кто изъ васъ, отцы святіи, сообщить мнѣ нѣчто, служащее къ уясненію этого казуса, и преподать мнѣ подходящій совѣтъ?

На эту рѣчь о. Аѳиногена первый отозвался о. Сергій. Вставъ съ своего мѣста и заложивъ руки за спину, онъ съ серьезнымъ, сосредоточеннымъ видомъ зашагалъ по линіи стульевъ, занятыхъ собратьями, и началъ:

— Наученный многолѣтнимъ опытомъ, я, по старческому своему разумѣнію, трагую настоящее дѣло такъ. Дьяконъ этотъ, или проситель, непременно человѣкъ корыстолюбивый, лѣнивый, заносчивый и склонный ко вляузямъ. Почему корыстолюбивый? Потому что ищетъ чужой земли. Почему лѣнивый? Потому что не хочется ему по совѣсти воздѣлать въ потѣ лица состоящую у него въ пользованіи землю, пришедшую въ упадокъ при безхозяйственности его тещи. Почему заносчивый? Потому что, имѣя еще молоко матери на губахъ и служа безъ году недѣлю, уже возстаетъ противъ своего начальника, іерея, и всего остального причта. Почему влязникъ? Ибо, вмѣсто полюбовнаго соглашенія и смиреннаго молчанія, бумажно восходитъ ко владыкѣ. А дѣло, какъ я слышалъ, происходило въ такомъ видѣ. Осталась эта дьяконица вдовой. Какъ разъ въ это время случился пожаръ; всѣ духовные погорѣли до тла. А у духовныхъ этихъ еще издавна была какая-то неправильность въ распредѣленіи усадебной земли. Собираясь строить новые дома, они и рѣшили: «Давайте подѣлимъ теперь усадьбы по-надлежащему, благо подоспѣлъ удобный случай». И подѣлили. И сама вдова-дьяконица подписалась подъ этимъ раздѣломъ. И вдругъ теперь зятѣкъ ея ищетъ какой-то прежней земли! Увидѣлъ, что чужая земля удобрена, а своя заброшена, и давай мѣнять лычко на ремешекъ! Гдѣ же тутъ истина и правда, гдѣ тутъ совѣсть? Нѣтъ; о. благочинный и вы всѣ, отцы святіи, по моему, слѣдуетъ рѣшительно отказать просителю. Мало того, что отказать, но еще слѣдуетъ обуздывать его хорошенько, дабы и впредь не осмѣливался... а также и прочіе, ему подобные. Этимъ молодымъ только поддайся, они тебя всего оберутъ. Падни на готовенькое - то. Отказать и больше ничего!—заключилъ о. Сергій, энергично махнулъ рукой и сѣлъ на первый попавшійся свободный стулъ.

— Не может ли еще кто высказаться по сему же предмету?— приглашалъ о. благочинный и почему-то остановилъ взоръ на отцѣ Никанорѣ, высокому, стройному батюшкѣ среднихъ лѣтъ, любимцу сосѣднихъ помѣщиковъ.

О. Никаноръ принялъ этотъ взоръ за личный вызовъ и, кашлянувъ, заговорилъ:

— По моему мнѣнію, тутъ несомнѣнно есть какое-либо правонарушеніе, иначе молодому человѣку было бы рискованно лѣзть къ епископу съ такою просьбой. А разъ есть правонарушеніе, необходимо возстановить права потерпѣвшей стороны. Согласію вдовы на передѣлъ усадебъ, хотя бы и письменному, едва ли слѣдуетъ придавать значеніе; знаемъ мы эти *добровольныя* согласія нашихъ вдовъ...

Обмѣнъ мнѣній по тому же вопросу продолжался еще нѣсколько минутъ и, наконецъ, было постановлено: поручить одному изъ «здѣ сидящихъ» членовъ благочинническаго совѣта собрать въ наискорѣйшемъ времени точныя соотвѣтствующія свѣдѣнія на мѣстѣ жительства просителя и сообщить ихъ о. благочинному.

— Вотъ спасибо, отцы, что общими силами приняли участіе и оказали помощь!—весело воскликнулъ о. Аенигенъ.—Займемся встати и нѣкоторыми другими важными дѣлами. У меня собралось нѣсколько указовъ. Пора теперь рабочая. Бого съ ними разсылать, да и гдѣ васъ разыскивать для подписей? Разбредетесь по полямъ, по лугамъ. А, между тѣмъ, хочется ускорить теченіе дѣла. Я вамъ сейчасъ прочту эти указы, а вы сейчасъ же и распишетесь въ чтеніи ихъ, такъ чтобы послѣ ужъ не посылать къ вамъ. Идетъ?

— Ладно! Хорошо! Прекрасно!—подхватили отцы.

О. благочинный проворно вынулъ изъ стола нѣсколько бумагъ и громогласно началъ приводить въ извѣстность ихъ содержаніе. Въ одномъ указѣ прописывалось, что, вслѣдствіе несчастія, происшедшаго отъ неумѣлой церемоніальной стрѣльбы изъ ружья во время пасхальной утрени въ какомъ-то селѣ, подобная стрѣльба впредь воспрещается. Другой указъ требовалъ сообщенія (въ какое-то совѣтъ не духовное учрежденіе) свѣдѣній о мѣстныхъ древностяхъ, курганахъ, преданіяхъ и т. п. Прочитавъ указы, о. Аенигенъ попросилъ отцовъ расписаться подъ ними, а самъ ушелъ справиться насчетъ обѣда и, въ случаѣ надобности, поторопить къ подачѣ его. Въ залѣ нѣсколько минутъ стояло затишье. Слышенъ былъ шелестъ указныхъ листовъ, переходившихъ изъ рукъ въ руки, да полувнятно произносились лаконическіе діалоги вродѣ слѣдующихъ:

— Гдѣ тутъ?

— А вотъ...

— Это что?

— *Не стрѣляй.*

— А это?

— *Давай древности.*

— Все, что-ль?

— А церковно-приходскія?

— О, Господи!...

— Капнуль... Чѣмъ бы это... тово?...

— А вотъ у о. Сергія изъ табакерочки...

— Бога ради, не гнѣвайтесь, отцы святіи, — просилъ вернувшійся именинникъ, пряча указы, — проголодались вы у меня. Что дѣлать-то? Бабы повара съ лакеями, а то... сами знаете... Но нѣтъ худа безъ добра, за то мы успѣли совершить нѣкоторыя серьезныя дѣла. Впрочемъ, тамъ, въ уголку столовой, я сейчасъ видѣлъ что-то буфетное. Мать-благочинниха озаботилась... Пойдемте пропустимъ по вступительной.

Отцы дружно поднялись съ мѣсть, причемъ старецъ Сергіи произнесъ:

— Полезную рѣчь полезно и слушать, особливо послѣ трудовъ.

Черезъ нѣсколько минутъ отцы направлялись изъ «буфетнаго угла» опять въ залъ, утираясь и бодро покашливая.

— Теперь хоть бы и еще какое-нибудь важное дѣло, — проговорилъ кто-то шутливымъ тономъ.

— Вотъ я, напримѣръ, могу предложить о. благочинному одно дѣльце, — заявилъ о. Алексѣй, молоденькій курносенькій блондинчикъ.

— Предлагай, предлагай, — благодушно отозвался о. Аенингенъ. — Мнѣ дѣлами не надоѣшь, я ихъ люблю.

— Я привезъ вамъ для сдачи книги, которыя бралъ изъ благочиннической бібліотеки.

— Хорошо, давай ихъ сюда. Можетъ быть, отцы, между вами есть еще сдатчики? Ужь за одно бы...

Дѣйствительно, оказалось и еще нѣсколько «сдатчиковъ». О. благочинный досталъ толстую записную тетрадь и, принимая отъ читателей книгу за книгой, дѣлалъ въ ней соответствующія отмѣтки. Вотъ одинъ кудрявый «молодыкъ» съ улыбкой подноситъ цѣлое беремя книгъ.

— Что такое? — удивился о. благочинный. — Вѣдь, ты недавно ихъ взялъ, неужели успѣлъ уже всё прочесть?

— Грѣшенъ, ха, ха, не успѣлъ.

— Такъ зачѣмъ же сдаешь?

— Да когда-жь теперь? Рабочая пора. То и дѣло отлучаешься. Дѣло мое вдовье, ха - ха, посмотрѣть безъ меня некому, того и гляди растаскаютъ эту литературу - то, плати тогда за нее, ха-ха.

— Такъ зачѣмъ было брать?

— Я и самъ не знаю, ха-ха-ха. Такъ, отъ скуки... Очень ужъ на душѣ тяжело бываетъ, ха-ха-ха. Послѣ рабочей поры и опять ихъ попрошу.

— Что-то ты чудишь, братъ, посмотрю я,—въ полголоса зашѣтилъ о. благочинный.

— Можетъ быть, ха - ха. Что дѣлать-то? Но, вѣдь, вамъ же видно, ха-ха.

Когда приемъ книгъ кончился, о. Никаноръ (тотъ самый, который въ «дѣлѣ дьякона» усмотрѣлъ правонарушение) громко произнесъ:

— О. благочинный, позвольте провести нѣкоторую прикосновенную къ настоящему случаю и благовременную мысль.

— Ну?—о. Аенногенъ сдвинулъ очки на лобъ и съ серьезнымъ видомъ уставился на оратора.

— По вашей инициативѣ мы завели благочинническую библиотеку и свободно пользуемся изъ нея книгами. Это, конечно, прекрасно. Но нельзя не пожалѣть, что подборъ книгъ въ нашей библиотекѣ крайне односторонній: все богословіе да богословіе. Весьма желательно, чтобы въ нее были приобретаемы и нѣкоторыя свѣтскія изданія. Я не разумѣю здѣсь себя,—я беру свѣтскія книги у прихожанъ-номѣщиковъ,—но другіе мои товарищи такой возможности не имѣютъ, а, между тѣмъ, священнику въ наше время необходимо знакомиться съ жизнью и литературой въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Поэтому я съ своей стороны покорнѣе просилъ бы васъ хоть съ начала будущаго года озаботиться приобрѣтеніемъ въ нашу библиотеку свѣтскихъ изданій; какихъ именно—объ этомъ можно будетъ имѣть особое сужденіе. Я увѣренъ, что въ этомъ желаніи моемъ и въ этой моей просьбѣ меня поддержать всѣ присутствующіе здѣсь почтеннѣйшіе собратья мои.

— Конечно,—произнесъ одинъ собратъ.

— Разумѣется,—произнесъ другой.

Остальные, вмѣсто яснаго выраженія такого или иного мнѣнія, ограничили себя загадочнымъ покашливаніемъ. О. благочинный улыб-

нулса, покачалъ головой и, солидно выпрямившись, заговорилъ тономъ непререкаемаго авторитета:

— Ты, братецъ,—да и вообще каждый изъ васъ,—снержа сдѣлайся самимъ собою, т.-е. такимъ, какимъ ты долженъ быть, какъ пастырь и учитель. Прежде всего, сдѣлайся настоящимъ, серьезнымъ богословомъ, а тамъ...

— А развѣ мы не таковы?—возразилъ о. Никаноръ.—Мало ли мы изучали въ семинаріи разныхъ богословій?.. Неужели и теперь намъ твердить прежнее?

— «Изучали», — повторилъ о. благочинный, — знаемъ мы, какъ вы изучали! Бое-какъ, изъ пятого въ десятое, второпяхъ да впопыхахъ, съ пропусками да съ искаженіями. Если кто въ свое время и добросовѣстно учился, то, все-таки, нельзя считать вполне достаточною подготовкой усвоенія однихъ учебниковъ. А на другія, пополнительныя занятія не было ни времени, ни средствъ. «Изучали»... А знаешь ли ты, какъ слѣдуетъ, содержаніе Библіи? Нѣтъ. Читалъ ли ты творенія отцовъ церкви, хотя бы только наиболѣе знаменитыхъ? Нѣтъ. Знакомъ ли ты съ капитальнѣйшею исторіей Макарія? Нѣтъ. Имѣешь ли ты полныя, обстоятельныя свѣдѣнія по исторіи раскола? Нѣтъ. Разобрался ли ты въ многочисленнѣйшихъ и разнообразнѣйшихъ церковныхъ законоположеніяхъ? Нѣтъ... Вѣдь, это горькая правда. Вотъ тебѣ и «изучали»! Недаромъ вашего брата затыкаютъ за-ноясъ какой-нибудь мужикъ изъ раскольниковъ или сектантовъ. Нѣтъ, ты не кичись своимъ семинарскимъ «изученіемъ», а благословаясь усаживайся во время каждаго досуга за святыхъ отцовъ, за церковную исторію, за духовныя журналы и т. п. Еще много времени требуется для приобрѣтенія тобою настоящей богословской зрѣлости, для твоего, такъ сказать, преображенія въ истиннаго пастыря. А то «изучали»!...

— Однако, сами-то вы читаете свѣтскіе журналы и разныя свѣтскія книги,—замѣтилъ о. Никаноръ.

О. Аонногенъ сорвалъ съ себя очки, бросилъ на связку дѣловыхъ бумагъ и, вскочивъ съ мѣста, повышеннымъ и обидчивымъ тономъ возразилъ:

— Да, я читаю, вѣрно-съ, читаю. Но, во-первыхъ, мнѣ выписываетъ и привозитъ кое-что сынъ, а, во-вторыхъ, прежде чѣмъ я началъ читать свѣтское, я счелъ долгомъ прочесть все то, что вотъ сейчасъ вамъ совѣтовалъ. Такъ-то, голубчикъ! А то: «мы изучали», да «ты самъ читаешь». Нѣтъ, братъ, если...

— Проси-ва дорогихъ гостей къ пирожку,—перебила появив-

шлася въ залѣ благочинника.—Прикусать пока налегкѣ, а сейчасъ и столъ будетъ готовъ: собираютъ...

— Извините, отцы, — конфузливо заговорилъ о. благочинный. — Нѣсколько увлекся. Дурная привычка: не могу спорить спокойно. Пожалуйте-ка, я васъ хоть немножко вознагражу за долгое пощеніе и претерпѣніе обиды.

Отцы совершили путешествіе къ благочинническому пирогу и ночтили его преусерднымъ вкушеніемъ.

— Я придумалъ для васъ, почтенные сослужители, еще вознагражденіе, — шутливо объявилъ о. Аениогенъ, когда «сослужители» снова перешли въ залу, гдѣ уже «обряжали» обѣденный столъ.

— Очень благодарны. Что же это за вознагражденіе?

— Да хочу васъ деньгами одѣлать.

Раздался дружный смѣхъ. Будрявый вдовецъ воскликнулъ:

— Ай-да хозяйнѣ! Напоилъ, накормилъ, да еще на дальнѣйшее продовольствіе даетъ, ха-ха-ха! Дай Богъ побольше такихъ именинниковъ, ха-ха!

— Шутки въ сторону, а дѣло, други мои, сводится вотъ къ чему, — продолжалъ благочинный уже серьезнымъ тономъ. — Надняхъ миѣ присланы изъ епархіальнаго попечительства деньги для раздачи, въ установленныхъ размѣрахъ, пособій вдовамъ и сиротамъ нашего округа. Такъ вотъ, у кого изъ васъ есть въ селѣ такіе воспособляемые, покорнѣйше прошу принять отъ меня подъ росписку, сколько кому изъ нихъ причитается. Приѣдете домой и раздадите, тоже подъ росписку. Пожалуйста! Прежде я разсмалъ эти деньги, но сейчасъ только сообразилъ: отчего не приурочить раздачу ихъ къ столу удобному случаю? Такъ можно, а?

— Отчего-жь?

— Съ удовольствіемъ.

— Сдѣлайте милость.

И именинникъ на нѣсколько минутъ превратился въ казначея. Когда расписыванье кончилось, вдовецъ съ притворнымъ сокрушеніемъ произнесъ:

— О, вдовы-сироты, теперь вы вдвойнѣ несчастны! Долго вамъ не видаться съ попечительскимъ пособіемъ!

— Ужь и любишь ты языкъ точить, — упрекнулъ о. благочинный.

— Совсѣмъ нѣтъ, ваше высокоблагословеніе, — возразилъ шутникъ. — Это я потому только, что въ моемъ причтѣ никто

не получаетъ пособія, ха-ха... Не позволите ли мнѣ получить всю эту сумму? Я далъ бы вамъ обязательство лично развезти ее по всему благочинію, ей-ей! Пора теперь глухая, бездоходная, а расходы большіе, ха-ха...

— Ну, будетъ болтать-то,—строго сказалъ благочинный.— Смотри, какъ бы у тебя это шутовство въ привычку не обратилось. Не забывай, что ты іерей...

— Вообще дискредитировать...—началъ было съ своей стороны о. Никаноръ, но тутъ одинъ изъ сыновей именинника, энергично помогавшій матери въ хлопотахъ, тономъ вокзальнаго сторожа возгласилъ:

— Обѣдъ готовъ, пожалуйста садитесь!

II.

За обѣдомъ.

Обѣдъ былъ приготовленъ въ двухъ комнатахъ: въ залѣ для священниковъ и другихъ мужчинъ съ «положеніемъ» и въ столовой—для лицъ «женскаго пола» и молодыхъ мужчинъ безъ положенія.

— О. Сергій, прошу благословить трапезу,—предложилъ именинникъ.

— Нѣтъ, о. благочинный, увольте: это приличествуетъ вамъ, какъ нашему общему начальнику.

— Ну, полно, полно, не задерживай. Ты у насъ старѣйшій во всемъ благочиніи. Молись и благословляй!

О. Сергій обратился къ святому углу (а за нимъ и всѣ прочіе), раздѣльно, торжественно прочиталъ «Отче нашъ», съ особымъ удареніемъ на словахъ «хлѣбъ нашъ насущный», потомъ приблизился къ столу и, подхвативъ лѣвою рукой широкій рукавъ рясы у правой руки, высоко поднятою десницею началъ благословлять предложенное. «Самъ, Владыко, благослови *ясти*, —какимъ-то таинственнымъ голосомъ произносилъ онъ, осѣняя яствы,—*пити* рабомъ твоимъ», —продолжалъ онъ, перенося благословляющую десницу на группу графиновъ и бутылокъ.

Усѣлись за столъ «благообразно и по чину». Предсѣдательское мѣсто предоставлено было старѣйшему, о. Сергію. По одну сторону его усадили, въ видѣ исключенія изъ женъ, «подругу вѣчную» его, Анѣису Мартыновну; по другую сторону отъ него сѣлъ именинникъ. Далѣе гости слѣдовали въ нисходящемъ порядкѣ, по важности «положенія» и по степени заслугъ. Тутъ же пріютились и

«свѣтскіе» мужчины: сынъ именинника Макарій, учитель духовной семинаріи (прочія чада о. Аѣнногена продолжали помогать матери въ разныхъ служебныхъ хлопотахъ), франтовитый арендаторъ сосѣдняго помѣщичьяго имѣнія, чиновникъ изъ ближайшаго уѣзднаго города и волостной писарь. Только что усѣлись за столъ, какъ въ залъ влетѣлъ впопыхахъ коренастый, курчавый, съ рѣзкою, боевою фізіономіей, мужикъ, — мѣстный церковный староста.

— Гдѣ же это ты пропадалъ?—спросилъ именинникъ.

— Пощадите великодушно, — просилъ опоздавшій, — рой у меня улетѣлъ; мучился, мучился, хоть языкъ высунь; но все, по милости Божіей, совершилось.

— Ну, садись скорѣй.

— Позвольте мнѣ возлѣ Макаръ Оиноэныча...

— Ладно, только поскорѣй.

О. Аѣнногенъ налилъ длинный рядъ рюмокъ и возгласилъ:

— Помните, отцы, прежде я сдабривалъ водку лимонною и апельсинною коркой, а теперь, какъ видите, этого уже нѣтъ у меня: досталъ наилучшей, ректификованной, — такъ вотъ и написано. Нуте-ка, во славу Божію и на доброе здоровье!...

О. Сергій соорудилъ преждевременный спичъ:

— Желаю вамъ, о. благочинный, прѣмного лѣтъ священствовать и начальничествовать. Пошли вамъ Господи высшихъ награжденій отъ державной власти, и не по статуту, какъ нѣкоторые, а собственно въ воздаяніе вашихъ благодѣтельныхъ заслугъ.

Произошло чопанье, и гости дружно и ревностно принялись за холодное. Когда хозяйинъ, вновь наполнивъ рюмки, лаконически повторилъ пригласительное: «нуте-ка», кто-то изъ батюшекъ сказалъ: «не погодить ли?»

— А что-жь время-то попусту терять?—возразилъ вдовецъ. — Подадутъ другое блюдо, тогда нужно будетъ ѣсть, а не пить.

Рюмки были выпиты, но замѣчаніе: «не погодить ли?» — послужило темою для довольно живаго разговора.

— *Не вино вино, а укориженно пьянство*, — внушительно произнесъ о. Сергій. — Но мы, слава Богу, кажимся не пьяницы.

— Кому какъ покажется, — вставилъ учитель.

— Это вѣрно, — подтвердилъ о. Никаноръ. — Понятіе пьянства очень растяжимое. Мнѣ припоминается на этотъ счетъ одинъ довольно замѣчательный случай. Въ Полянскомъ уѣздѣ, въ селѣ Прудахъ, — откуда мой тесть, — былъ дьячокъ, многосемейный, бѣднѣйшій и пренесчастнѣйшій (три раза горѣлъ). И рѣшился онъ просить себѣ лучшаго мѣста. Является къ архіерею. «Что те-

бѣ?»—«Такъ и такъ, ваше преосвященство, обнищаль, жить нечѣмъ, а семья—девять душъ. Сблаговолите перевести меня куда-нибудь получше или произвести въ дьяконы. Нахожусь вынужденъ... Жена день и ночь плачетъ и все посылаетъ меня къ вашимъ стопамъ. Ажь жуду нагнала. Явите божескую милость!»—«Отчего же это ты обнищаль? Не у тебя одного большая семья. Ты, должно быть, водку пьешь?»—«Пью, ваше преосвященство».—«Вообще-то пить водку не предосудительно, но дѣло въ томъ, какъ пить. Иной выпьетъ рюмочку, да и довольно. А, вѣдь, ты небось и двѣ, и три, а?»—«Пью и двѣ, и три».—«Вотъ то-то и есть-то. Это вотъ мнѣ-то ты признался въ двухъ-трехъ, а на самомъ-то дѣлѣ, можетъ быть, и четыре, и пять осушаешь, а? Говори правду, не скрывай».—«Что-жъ мнѣ тутъ скрывать? Пью и по пяти; это питье небольшое».—«А-а, такъ ты вотъ какой! По пяти у тебя *небольшое* питье! Гм, гм... Теперь понятно»... Архіерей позвалъ домашняго секретаря и велѣлъ ему немедленно принести справку, какъ отмѣченъ проситель по поведенію. Пока секретарь наводилъ требуемую справку, владыка въ нѣкоторомъ волненіи ходилъ взадъ и впередъ по приѣмной, перебирая четки, а дьячокъ стоялъ, какъ вкопанный, сложивъ руки на груди и опустивъ голову. «Пять рюмокъ—небольшое питье!—повторилъ владыка.—Какое же, по-твоему, большое? Ужь не десять ли, а?»—«Что-жъ тутъ особеннаго—десять?»—смирненно возразилъ дьячокъ.—«Что-о-о?»—«Я говорю: десять еще не Богъ знаетъ что такое».—«О, Боже мой! Такъ ты, стало быть, и по десяти?!»—«Бываетъ».—«Послѣ этого тебѣ не только повышенія, но и... Вотъ сейчасъ посмотрю твое поведеніе».—«Но, вѣдь, я, ваше преосвященство, пьянъ не бываю».—«Съ десяти-то?... Вотъ погоди, погоди!...» Секретарь принесъ справку, по коей оказалось, что проситель «поведенія хорошаго», а эта отмѣтка, какъ извѣстно, для дьячка вполне рекомендательная. Преосвященный въ удивленіи развелъ руками.—«Бто у тебя благочинный?» Дьячокъ назвалъ своего благочиннаго. «Какъ же онъ отмѣчаетъ тебя хорошаго поведенія, когда ты пьяница?»—«Съ роду я не былъ пьяницей, ваше преосвященство,—Господь свидѣтель, извольте спросить у кого угодно».—«Зачѣмъ я буду спрашивать, когда ты самъ мнѣ сообщалъ про себя чудовищныя вещи? Я даже не знаю, гдѣ и остановиться въ счетѣ истребляемыхъ тобой рюмокъ этой отравы. Право, я... я готовъ даже допустить, что ты въ состояніи выпить рюмокъ... рюмокъ пятнадцать... Правда, а? Можешь?»—«Иной разъ приходится...»—Преосвященный еще болѣе взволновался.—«Такъ и есть!

Послушай, вѣдь, это оскотѣніе! вѣдь, это озвѣреніе! Вѣдь, это... это чистое осатанѣніе! Отъ пятнадцати недалеко до двадцати. Говори ужь встать, что, моля, пью и двадцать,—ну, говори!»— «Ваше преосвященство, не гнѣвайтесь вы, ради Господа, на меня грѣшнаго! Я вамъ, какъ святителю Божію, исповѣдаюсь чистосердечно, что я не пьяница. Ну, точно, пью я и двадцать, въ особыхъ случаяхъ, но, вѣдь, опять-таки пьянъ-то я не бываю». — «Дуракъ ты, и самъ не знаешь, что болтаешь,—заговорилъ владыка, уже смягченнымъ тономъ.—На такую безумную трату даже большаго состоянія не хватитъ, не только дьячковскаго. Я даже удивляюсь, какъ ты съ рукой не ходишь, а также и семья твоя... Вѣдь, при такой жизни можно упасть ниже всякаго нищенства». — «Владыка многомилостивый, выслушайте меня съ милосердіемъ. Я, вѣдь, водки не покупаю (не на что) и дома ее не держу, а употребляю по временамъ въ приходѣ и вообще въ людяхъ. А сколько придется выпить, это смотря по компаніи или по происшествіямъ: мелкое происшествіе (напримѣръ, крещеніе младенца)—мало выпьешь; крупное происшествіе (напримѣръ, свадьба)—много выпьешь. Бъ тому-же, много значитъ то, какъ пить: сидя или на ходу. Вотъ хоть бы на Святой недѣлѣ, когда мы ходимъ по приходу и насъ во многихъ домахъ угощаютъ, такъ въ это время я вамъ не то что двадцать, а и...» Преосвященный невольно разсмѣялся; проситель смутился и замолкъ. «Ну, ну, продолжай», — поощрилъ владыка, и дьячокъ продолжалъ:—«...Больше тогда выпью, и останусь живъ и здоровъ, и службу свою справлю безъ всякаго ослабленія. Потому что тогда не одно питье, но и ѣда большая, а потомъ ходьба, пѣніе, а потомъ опять ѣда, питье,—все въ перемежку. Это, ваше преосвященство, совсѣмъ не то, какъ ежели бы сидя... Говорю вамъ самую сущую истину, какъ на исповѣди... А жену и семейство я люблю и прилагаю о нихъ всяческое попеченіе, но совсѣмъ нѣтъ никакихъ силъ... Не погубите, многомилостивый!» Дьячокъ заплакалъ и повалился архіерею въ ноги. Преосвященный долго ходилъ по пріемной молча съ серьезнымъ видомъ. «Двадцать и болѣе... Все-таки, никакъ не могу себѣ этого представить», — проговорилъ онъ самъ съ собой.— «Но пьянъ не бываю», — отозвался сквозь слезы дьячокъ. Наконецъ, преосвященный быстро подошелъ къ просителю и, благословляя его большимъ крестомъ, ласково произнесъ: «Ступай съ Богомъ домой и скажи своей женѣ и дѣткамъ, что я скоро переведу тебя въ лучший приходъ; но помни, что не только двадцать, но и пять уже много...» Дьячокъ этотъ потомъ ходилъ со двора на дворъ, даже

ѣздили по сосѣднимъ селамъ рассказывать про свою оригинальную бесѣду съ владыкой и ея счастливыя послѣдствія. Я самъ слышалъ отъ него этотъ разсказъ и передаю его вамъ почти буквально... Такъ вотъ какъ рѣзко могутъ расходиться люди въ пониманіи того, что такое пьянство!—заклучилъ расквацигъ, приступая ко второму кушанью, съ которымъ успѣли уже покончить почти всѣ его слушатели.

— Ишь, вѣдь, какъ милостиво отнесся владыка къ дьячку, — замѣтилъ одинъ изъ священниковъ. — Не только выслушалъ его до конца, но и большое добро ему сдѣлалъ.

— Сказать правду, въ нашихъ владыкахъ совершилась важная переменна, — поддержалъ другой. — Стали проще, доступнѣе, участливѣе. Вспомните-ка, на примѣръ, прежніе архіерейскіе объѣзды по епархіи: сколько народу, бывало, понаѣдетъ! Какая была пышность! Сколько трепету натерпишься! Экзаменуютъ тебя, бывало, какъ мальчишку, какъ будто мало было намъ экзаменовъ въ 10—12 лѣтъ ученья! А самое-то настоящее дѣло оставалось какъ-то въ сторонѣ. И давно ли это было? Удивительно, какъ времена переѣнчивы! Теперь владыку-то ждешь съ удовольствіемъ. Приѣдетъ онъ въ деревню почти одинъ, запросто, во все вникаетъ, со всѣми поговорить, обо всемъ разспросить, и потомъ, глядишь, либо что-нибудь исправится, либо положится начало чему-нибудь новому, хорошему.

— Но хорошъ и тотъ дьячокъ, — напомнилъ о. Никаноръ.

— Измѣрять свое поведеніе аршиномъ дьячка, по меньшей мѣрѣ, не обязательно, — заговорилъ Макарь Аеиногенычъ. — Нынче ужъ и свѣтскіе мыслители и писатели выступаютъ съ проповѣдью воздержанія, а мы, вѣдь, «соль земли»; и воспитаніе, и положеніе наше обязываетъ насъ идти противъ всякаго проявленія дикости въ челоуѣкѣ.

— Охъ, ужъ эти свѣтскіе проповѣдники! — воскликнулъ о. благочинный. — Не свое они берутъ на себя. «Проповѣдь воздержанія»... Развѣ въ церкви Христовой когда-нибудь умолкала эта проповѣдь? Развѣ пастыри Руси православной не обличали и не обличаютъ невоздержаніе? Услуга баринаѣтутъ непрощенная и безпозлезная!...

Въ залѣ появилась матушка-благочинника, раскраснѣвшаяся отъ жары и усиленныхъ хлопотъ.

— Простите, гости дорогіе, что не скоро подаются блюда, — проговорила она ласково и нараспѣвъ. — Да что-то вы плохо ку-

шааете, посмотрю я. Именинникъ-то, должно быть, не угощаетъ, а все разговоры разговариваетъ. Либо кушанья мои не нравятся...

Отцы дружно поблагодарили хозяйку и увѣрили ее, что они кушаютъ охотно и исправно. Супруга о. Сергія, приложивъ ладонь къ груди и умиленно взирая на благочиннаго, клятвенно увѣряла, что она никогда такъ «аппетитно» и такъ много не ѣла, какъ сегодня. Когда всё затихли, церковный староста сказалъ:

— Дражайшая хозяйшка, будьте безъ всякаго сумнѣнія. То и дѣлаемъ, что кушаемъ, то и дѣлаемъ. А ежели бываетъ перемежка, такъ это намъ на пользу: въ эту пору у насъ хорошія рѣчи разводятся. Недаромъ сказано: не хлѣбомъ единымъ сытъ будетъ человекъ. Такъ-то!

Матушка, довольная и благостно улыбающаяся, оставила залу.

— Однако, у васъ, о. благочинный, староста-то начитанный и съ нѣкоторымъ слогомъ,—замѣтилъ о. Никаноръ.

— Да, онъ у меня мужъ книжный, ученый,—отозвался о. Аенингень.

Староста тряхнулъ кудрями, пріосанился и самодовольно обвелъ глазами застольную публику.

— Какія же ты книги читалъ?—спросилъ о. Никаноръ.

— Благодаря Бога, всякія и разныя,—отвѣтилъ «книжный мужъ». —Больше всего вотъ Макарьѣ Остроуменскому снабжаютъ,—дай имъ Господь здоровья.

— А все ли ты понимаешь въ книгахъ?

— Иной разъ все, а бываетъ, что и не все. Ежели не забуду и ежели досугъ есть, прошу толкованія у о. благочиннаго, а когда пріѣзжаютъ Макарьѣ Остроуменскому, такъ у нихъ. Вотъ недавно читаю одну душеспасительную и умнѣйшую книгу и вижу: стоитъ тамъ *Зигабъ*. Думаю себѣ: что такое? Господи помилуй!

— Какъ ты сказалъ?

— *Зигабъ*.

— Ка-акъ?—переспросилъ о. Никаноръ, прищурясь и сложивъ одно ухо въ сторону старосты.

— Да что это вы, батюшка, словно впервой слышите это слово?... Извините, Бога ради, но мнѣ сдается, что и вы тутъ находитесь въ сумнѣніи. Путь-ка, скажите, въ самомъ дѣлѣ, что обозначаетъ *Зигабъ*?

О. Никаноръ въ недоумѣніи пожимаетъ плечами и разводитъ руками.

— Э-э, вотъ оно дѣло-то какое!—съ торжествомъ восклицаетъ староста.—Выходитъ, и вы не знаете, а еще ба-атюшка!...

Раздался громкій хохоть слушателей «состязанія». О. Никаноръ безсознательно конфузится и безъ всякой надобности вытираетъ лицо платкомъ.

— А мы съ Макарьѣмъ Оиноеннычемъ, слава Богу, уразумѣли, что это за Зигабъ таковой,—похвалился сіяющей «ученый мужъ».

Макаръ Аиногеннычъ счелъ нужнымъ разсвѣять мистификацію, объяснивъ публикѣ, что загадочный Зигабъ есть ничто иное, какъ сокращенно напечатанное въ «толковомъ евангеліи» имя одного изъ комментаторовъ Св. Писанія, *Зигабена*. Вновь раздается хохоть, уже съ участіемъ о. Никанора. Староста, принявъ этотъ хохоть за торжество своей побѣды, весело воскликнулъ:

— По этому случаю, о. благочинный, непременно слѣдуетъ *реквизитированной!*

Всѣ принялись за рюмки.

— За здравствуетъ *Зигабъ!*—провозгласилъ вдовецъ.

Староста принявъ этотъ тостъ насчетъ своей персоны и расходился пуце прежняго. Никѣмъ не спрашиваемый, онъ громко и заносчиво сообщалъ:

— Мы, слава Богу, не осрамимся, да! Мы не только насчетъ духовныхъ, но и насчетъ свѣтскихъ книгъ свѣдуци, да! Макарь Оиноеннычъ-то... онъ, вѣдь, вотъ онъ, вотъ, да! Онъ, дай Богъ ему многолѣтія, по всему меня провелъ и все мнѣ прояснилъ: что, къ примѣру, очерки и что, къ примѣру, романъ. Ежели штуки недолгія, и каждую въ одинъ день осилишь, это значить очерки, а ежели штука продолжительная и въ ней много народу прописано, и пока прочитаешь, такъ порядкомъ упаришься, это значить романъ, да! А которые небось думали: «эка невидаль—староста! мужикъ, да и только!» А мы, слава Богу, не то, что...

Но тутъ хозяинъ счелъ нужнымъ унять оратора, хотя онъ доставлялъ гостямъ не малое удовольствіе.

Гости пьютъ и ѣдятъ,
Рѣчи гутеряютъ.

Отъ водочки перешли къ винцу.

Бесѣда сдѣлалась общею и оживилась настолько, что трудно было разобрать, кто съ кѣмъ спорить и о чемъ идетъ споръ, часто пересыпаемый цитатами изъ писанія. Едва ли не болѣе всѣхъ увлекался отецъ благочинный, всегда неумѣренно пылкій въ диспутахъ. Поставленный въ затрудненіе возраженіями одного изъ молодыхъ «батюшекъ», онъ вскочилъ даже съ своего мѣста и, быстро шагая вокругъ стола, уже готовилъ противнику отвѣтъ громо-

вый, когда вдруг раздался голосъ хозяйки, вошедшей въ залу въ сопровожденіи средняго сына, который несъ на огромномъ поддонѣ огромный сладкій пирогъ

— Что это ты, родимый, Господь съ тобой? Гости сидятъ безъ угощенія, а хозяйинъ бѣгаетъ по комнатамъ и кричитъ какія-то пожарныя слова. Прошу васъ, мои золотые, сладенькаго... Не знаю, угодила ли; по крайней мѣрѣ, стараніе было большое и самое душевное. Ну-ка, именинникъ, распорядись-ка передъ сладенькимъ-то.

Хозяинъ изъ неумолимаго громовержца-обличителя мгновенно превратился въ кроткаго прислужника. Онъ усердно помогъ установить по срединѣ стола исполинскій пирогъ, надрѣзанный крупными порціями, и, торопливо наливая рюмки виномъ, конфузливо заговорилъ какимъ-то страннымъ, тоненькимъ и трескучимъ голосомъ:

— Ахъ, мои гости милые, не посѣтуйте на меня, безпардоннаго. Опять увлекся и опять потому же: не могу спорить равнодушно... Ну-те-ка!

— За здоровье именинника!—провозгласилъ «средній сынъ», стоя рядомъ съ матерью среди залы.

— Позвольте, позвольте!—крикнулъ благочинническій дьяконъ.

Онъ подошелъ къ святому углу и велегласно произнесъ:

— Начальнику нашему, всечестному отцу Аеиногену, съ богоданною его супругой и богохранимою его фамиліей, многая лѣта!

Сонмъ празднующихъ, къ которому тотчасъ же присоединился и дьяконъ, весьма усердно, хотя и не совсѣмъ стройно, исполнилъ «многая лѣта».

— Урра-а-а! — прокричали въ сосѣдней комнатѣ свѣжіе, сильные голоса, мужскіе и женскіе.

Матушки-благочинныхъ и супругъ о. Сергія не безъ усилій вручили рюмки съ виномъ. Пошли чоканья.

— Горько!—воскликнулъ вдовецъ.

— Ну, ну, ты, безъ крайностей!—замѣтилъ о. благочинный.

— Горько!—съ какимъ-то ожесточеніемъ повторилъ тотъ же отецъ, и на этотъ разъ кто-то изъ-за столъниковъ поддержалъ его.

Гости медлили отправлять поздравительныя рюмки по надлежащему адресу. Дѣло принимало новый оборотъ. Всѣ съ нетерпѣніемъ ждали, чѣмъ оно кончится. А оно кончилось скоро и просто.

— А что-жъ вы думаете, отецъ благочинный?—началъ ста-

рецъ Сергій.—Въ благожелательномъ смыслѣ намъ не стыдно лобызать своихъ супругъ даже и всенародно. Онѣ—наши ангелы-хранители, чему я имѣю многіе и разительные примѣры. А по-сему...

Свободною рукой онъ быстро привлекъ къ себѣ свою супругу и звонко чмокнулъ ее въ губы. То же самое не замедлилъ сдѣлать и именинникъ по отношенію къ своей супругѣ.

— Ура!—воскликнули отцы.

— Урра-а!—подхватили молодые люди, уже стоявшіе съ рюмками въ залѣ и составлявшіе прекрасную живую обстановку для «благожелательнаго лобызанья» древнихъ супруговъ.

Когда сладкій пирогъ былъ уже на исходѣ, а трапеза, угрожавшая сдѣлаться безконечною, подавала надежду возымѣть скорый конецъ, старосту угораздило замедлить правильный ходъ событій еще на нѣсколько минутъ.

— Отецъ благочинный!— началъ онъ. — Хотите осуждайте меня, хотите—нѣтъ, а я къ вамъ съ просьбой.

— Что такое?

— Вина у васъ я не буду теперь просить, это для меня дюжо нѣжно, а одолжите мнѣ, по одному серьезному дѣлу, этой... рецзинифинтированной.

О. Аениогенъ немедленно исполнилъ его просьбу. Съ усиленіемъ поднявшись съ мѣста, «книжный мужъ» произнесъ:

— Отцы духовные, прошу прислушать! О здравіи милаго моего раба Божія Макара Аиноенныча!...

И, не дожидаясь танихъ или иныхъ послѣдствій своего воззванія и тоста, онъ мигомъ опрокинулъ рюмку въ свои краснорѣчивыя уста.

III.

П о с л ѣ о б ѣ д а.

Ни одинъ изъ гостей, ни изъ ближнихъ, ни изъ дальнихъ, не обнаруживалъ ни малѣйшаго желанія убраться во-своихъ. Только староста ушелъ домой прямо изъ-за стола, заявивши, что ему необходимо соснуть. Лишь только началась суматоха уборки комнатъ, гости одинъ за другимъ высыпали на площадь. Батюшки, подъ предводительствомъ о. благочиннаго, чинно шагали особымъ отрядомъ, къ которому присоединились и другія лица «съ положеніемъ». Молодежь бѣгала, хохотала. Нѣкоторые кавалеры оказали вниманіе гигантскимъ шагамъ, устроеннымъ возлѣ бла-

гочинническаго дома, и обнаружили значительную силу и ловкость. Была сдѣлана попытка пустить въ ходъ крокетъ, но не имѣла успѣха, такъ какъ большинство затѣйниковъ были совершенно незнакомы съ этою игрою, а опытные въ ней сыновья именника продолжали оставаться въ домѣ въ качествѣ помощниковъ по восстановленію порядковъ и по приготовленію къ ближайшему будущему. Заѣзжія тетуски и бабушки размѣстились на бревнышкахъ, въ сообществѣ дѣтей младенческаго и отроческаго возраста. А на крыльцахъ ближайшихъ крестьянскихъ домовъ постепенно скоплялись прихожане о. Аенингена полюбоваться на пестрое сонмище его гостей.

Разсчитавъ, что въ домѣ все уже «благоустроилось» послѣ обѣда и что даже пыль, поднявшаяся отъ подметанія половъ, успѣла улечься, о. Аенингенъ пригласилъ своихъ гостей обратно въ хоромы. Всѣ вернулись, исключая о. Сергія, пожелавшаго лично напоить свою савраску. Когда всѣ усѣлись въ знакомомъ залѣ, первый заговорилъ о. Никаноръ:

— Вы, отецъ благочинный, быстро идете въ гору относительно благосостоянія. Я замѣтилъ это съ истиннымъ удовольствіемъ и говорю это съ искреннимъ сочувствіемъ. Дай Богъ!

— Какое-жъ у меня особенное благосостояніе? — возразилъ о. Аенингенъ.

— А какъ же? Вотъ вы домикъ такъ мило перестроили; музыка у васъ завелась; даже игры барскія появились: гигантскіе шаги, крокетъ, это я только у своихъ помѣщиковъ видѣлъ. И все это въ короткое время.

— Да, но за домикъ-то я до сихъ поръ долженъ порядочную сумму, а всѣ эти забавы даже вовсе не мною и пріобрѣтены. Это вотъ Макаръ—нашъ благодѣтель по этой части. Хоть учительское жалованье его и не большое, но онъ пока человѣкъ одинокій, воздержанный; содержаніе у нихъ въ городѣ дешевое; за квартиру платитъ пополамъ съ товарищемъ; на каникулы каждый разъ пріѣзжаетъ домой; вотъ у него кое-что и сберегается. А мужичка-то онъ у меня нѣжный, любящій, всячески старается внести въ родную семью какое-нибудь утѣшеніе. И мы ему, конечно, очень благодарны за это.

— Еще бы! Такой сынъ, можно сказать, рѣдкость по нынѣшнимъ временамъ,—поддержалъ о. Никаноръ.

— Вотъ хоть бы этотъ манопанъ, — продолжалъ именникъ, — онъ, вѣдь, не дорогъ, не то что рояль, рублей семьдесятъ, но для меня онъ неожиданная находка и незамѣнимое благо.

Грусть ли найдешь на тебя — сядешь, сыграешь «лучинушку». Посвятить тебя хорошее, свѣтлое чувство — исполнишь одинъ изъ чудныхъ турчаниновскихъ задостойниковъ. Макарушка нагулилъ много всякихъ пьесъ, и духовныхъ, и свѣтскихъ. И все это припоровлено словно къ нашему деревенскому положенію: ученья для этой игры не требуется; прямо садись и играй кто хочетъ, ребенокъ ли, старецъ ли — все равно. Да, это все нашъ добрый Макарушка доставилъ. Хорошо, что у насъ объ этомъ рѣчь зашла, и я получилъ возможность выяснить, откуда у меня столь показное благосостояніе. А то иной изъ васъ, взирая на все это, можетъ быть, съ лукавствомъ мыслилъ: «Вотъ что значитъ быть благочиннымъ! Такое доходное положеніе!» Такъ пусть никто... А, наблюдатель *)! — воскликнулъ онъ, замѣтивъ въ передней новаго гостя. — Нечего сказать, въ-время потрафилъ!

Наблюдателемъ оказался священникъ-брюнетъ съ предлинною, узкою бородой и чрезвычайно мелкими чертами лица. Войдя въ залу, онъ помолился на иконы и привѣтствовалъ именинника какимъ-то ребячьимъ, пискливымъ голосомъ:

— Обѣдню отслужилъ, да нѣсколько требъ справилъ, а, вѣдь, до васъ пятнадцать верстъ, — проговорилъ онъ въ объясненіе своего опозданія и началъ здороваться подрядъ со всѣми присутствующими въ залѣ.

— Ну, братъ, ты знаешь, что *tarde venientibus ossa*: бѣги скорѣй къ благочинныхъ, а то и *ossa* истребятся, — благодушно говорилъ именинникъ. — Ты такъ меня обидѣлъ, что я тебя, заблудшаго, и угощать не пойду. Самъ промышлай о себѣ какъ хочешь.

— Да я...

— Маршъ, маршъ, безъ разговору!

Наблюдатель, хихикая и путаясь въ рясы, скорымъ шагомъ устремился изъ залы.

— Я очень радъ, что о. наблюдатель пріѣхалъ, хотя и поздно, — сказалъ Макаръ Аенипогенычъ. — А то гдѣ бы я его увидѣлъ? Онъ можетъ сообщить мнѣ много интереснаго относительно церковно-приходскихъ школъ.

— Вотъ слабость у человѣка! Носится съ этими церковно-приходскими школами, да и только! — съ мягкимъ упрекомъ произнесъ о. благочинный.

— Да я что... Я могу смотрѣть на нихъ и такъ, и иначе, и это будетъ совершенно безразлично для дѣла. Но вотъ вы положительно должны *носиться* съ этими школами, иначе...

*) Надъ церковно-приходскими школами.

— Не понимаю я этого, не понимаю,—я уже нѣсколько разъ тебѣ объ этомъ говорилъ, готовъ повторить то же и при честныхъ отцахъ. По долгу пастыря я обязанъ учить народъ и учу, по оффиціи благочиннаго—я обязанъ принимать къ свѣдѣнію и исполненію указы объ устройствѣ школъ и по возможности принимаю; но употреблять особенныя усилія, изъ кожи вонъ лѣзть, чтобы какъ можно больше было церковно-приходскихъ школъ—не могу, грѣшный человѣкъ, не могу. Какъ-нибудь подъ смѣлую руку я это и владыкѣ выскажу, и онъ меня не осудитъ. Да иначе и быть не должно. Помните! Намъ говорятъ: «школы открывайте, а деньги для этого берите, гдѣ знаете». Но гдѣ же ихъ взять? У насъ ихъ нѣтъ. Побуждать народъ къ пожертвованію? Но, вѣдь, народъ и такъ уже вносить на школы, да на однѣ ли школы? Вотъ тутъ-то для меня и заключается вся тягота. Духу не хватаетъ воззвать къ народу: «Давайте *еще* денегъ, мы вамъ устроимъ *еще* школы, особенныя, наиболѣе для васъ полезныя». Нѣтъ, что хотите, не могу я этого, не могу! Цѣль разумная, намѣреніе благое, но способности не по мнѣ, грѣшный человѣкъ. Выйдетъ что-нибудь само собой, устроится добровольно—часъ добрый! А убѣждать, склонять, ялничить,—нѣтъ, не могу, не по характеру мнѣ это, да и не по силамъ народу. Нѣтъ, не отступлюсь отъ своего мнѣнія!

— Опять спорять! Фу-ты, Господи!—воскликнулъ о. Сергій, появившись въ дверяхъ залы.—Пойду въ мирное отдѣленіе: тамъ хозяйшка благодатный чайкъ изготавляетъ.

Нѣкоторые батюшки поддакнули о. благочинному.

Тутъ вступилъ въ бесѣду доселѣ молчавшій о. Максимъ, старикъ лѣтъ подъ шестьдесятъ, съ угрюмою, морщинистою физиономіей.

— А меня вотъ... перевели въ такое село, гдѣ... еще язычество не перевелось,—возвѣстилъ онъ, запинаясь и щурясь.—Жалія ужъ тутъ пожертвованія на церковно-приходскія школы! Простого не придумаю, что и дѣлать съ такимъ народомъ...

О. благочинный съ озабоченнымъ видомъ приступилъ къ дознанію.

— Какое же это у тебя язычество?

— Да нехорошее... На Троицынъ день лошадиную голову обносили кругомъ села, а ночью до свѣту все галдѣли и безстыдныя пѣсни пѣли, да еще возлѣ самага моего дома, на лужайкѣ.

— Ну, а ты что-жь?

— Да что я? Развѣ тутъ можно что-нибудь?... Выйду, пошумлю, разгоню, а чрезъ малое время они опять сюда же и

опять за то же. Цѣлую ночь покою не давали. Попадья моя говорить: «Объяви на нихъ, каторжныхъ, становому; чего на нихъ смотрѣть?» А я поразмыслилъ, да и думаю: ну ихъ совсѣмъ! Еще, пожалуй, бѣды наживешь: разозлятся—сожгутъ. До меня жили—не искореняли этого, а мнѣ развѣ больше всѣхъ нужно? Мнѣ и на свѣтъ-то ужь не много осталось жить.

— Зачѣмъ же къ становому?—возразилъ о. благочинный.— Это можно уладить и безъ станового. Хорошо, что сообщилъ мнѣ... Въ первый разъ слышу. Нѣчто подобное и у меня было. Когда я перешелъ въ теперешній свой приходъ, здѣсь крестьяне справляли какой-то русалій праздникъ. Да, вѣдь, какъ? Трое сутокъ, бывало, бѣснуются, просто съ ума посойдутъ... Я взялъ да учредилъ какъ разъ въ это время крестный ходъ по полямъ. Во всѣ эти ихніе русальи дни съ утра до ночи ходимъ по полямъ съ иконами и поемъ; каждую полосу освятимъ, даже въ луга заходимъ. Мужики сперва упрямылись и возражали, но я объявилъ, что буду совершать крестный ходъ даромъ,—и это помогло. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ въ эти дни съ радостію участвуютъ въ крестномъ ходу, а этихъ русалій давно нѣтъ и въ поминѣ. Попробуй-ка и ты это сдѣлать; навѣрное, будетъ успѣхъ.

О. Максимъ недовѣрчиво покачалъ головой.

Подали чай. Всѣ выпили по стакану въ совершенномъ безмолвіи. Является о. Сергій и съ блаженнѣйшею улыбкой на лицѣ взываетъ:

— Что же вы, возлюбленные, затихли, а? Напились мы, наѣлись, набесѣдовались, а нѣкоторые и наспорились. Чѣмъ же теперь будемъ продолжать именинное торжество? Давайте-ка что-нибудь споемъ.

Молчаніе.

— Что же вы, а? Не подумайте, что я затѣваю что-либо свѣтское. Выберемъ что-нибудь такое, чтѣ приличествовало бы.

— Папаша, за вами пріѣхали... [пріобщать, — доложилъ о. Аеиногену меньшей сынъ.]

О. Аеиногенъ досталъ съ божницы дароносицу, перекрестился и, заявивъ гостямъ, что онъ не прощается, поспѣшно удалился.

— Такъ что же, отцы, воспоемъ?—возобновилъ о. Сергій и, не дожидаясь отвѣта, затунулъ рѣзкимъ, гнусливымъ теноркомъ: «По-о-онтомъ погры фарао-она съ колесни-ницами».

Бъ пѣвцу подходитъ супруга.

— Постой-ка ты съ своими «колесницами»! Молодые люди по-

танцовать хотять. Нужно имъ мѣсто очистить. Миѣ поручено просить всѣхъ. Тамъ за врыльцомъ столъ поставили, тагово славно, въ тѣни да въ холодкѣ. Пожалуйте-ка. А тутъ пусть потанцуютъ, Христось съ ними!

Гости повиновались. Писарь на ходу шлепнулъ Макара Аѣногеныча по плечу и говоритъ:

— Нельзя ли намъ въ винтикъ сыграть? Я давно хотѣлъ сказать, да до сихъ поръ какъ-то неудобно было.

— Пожалуй, — согласился Макаръ Аѣногенычъ. — Хоть я и предполагалъ разспросить наблюдателя о школахъ, но это можно будетъ и послѣ.

И минутъ черезъ десять въ укромномъ кабинетѣ о. благочиннаго, ни для кого незамѣтно, устроилась партія винта изъ однихъ свѣтскихъ лицъ.

Въ гостиной, гдѣ стоялъ манопанъ, одному молодому дьякону въ минуту преподано было, какъ управляться съ этимъ инструментомъ. И импровизованный музыкантъ, къ величайшему удовольствію юной публики и къ своему собственному, огласилъ покой о. благочиннаго «вьюшками». Кадриль составила многоядная, но не совсѣмъ ладная: въ одномъ мѣстѣ дама замѣняла кавалера, въ другомъ, вмѣсто настоящаго кавалера, дѣйствовалъ чуть не младенецъ, котораго толкали и пихали въ разные стороны, воображая, что обучаютъ его дѣлать требуемыя фигуры. Темпъ у о. дьякона вышелъ столъ медленный, что подъ него можно было только прогуливаться, а не танцовать. Но нетерпѣливая, горячая молодежь игнорировала этотъ темпъ и скакала на-авось. Послѣ четвертой фигуры оживленіе молодыхъ людей дошло до того, что они велѣли музыканту играть одно и то же, чтобы не было никакого перерыва. Къ концу кадрили нѣкоторые изъ танцующихъ совершенно заглушали звуки музыки сильнѣйшими притопываніями, поддѣваніями и выкрикиваніями. Оттанцуютъ и бросятся на стулья. Отдышатся и опять то же самое. Дымъ коромысломъ!

На о. Сергія, какъ говорится, *пывунз* напалъ. Такъ какъ распѣвать за чайнымъ столомъ онъ счелъ неудобнымъ, то пошелъ бродить вокругъ дома. Потомъ въ распахнутыя настѣжь двери параднаго крыльца завернулъ опять въ домъ. «Яко стѣна огустѣ оба по-ома вода-а», — пѣлъ онъ, двигаясь мимо кабинета, и вдругъ остановился.

— Это что такое? — воскликнулъ онъ. — Сейчасъ были всѣ вкупѣ и разумную бесѣду вели и вдругъ за ѣтакое низменное

дѣло! Да еще гдѣ?— въ родительскомъ кабинетѣ! Вѣдь, это храмъ... домашній!

О. Сергій подошелъ къ Макару Аеиногенычу и сталъ у него за спиной.

— Прежде въ этомъ домѣ никогда такими пустяками не занимались,— продолжалъ онъ.— Ишь, какія карточки-то чистенькія. Видно, что не здѣшнія, не деревенскія... Какъ же вы это, понарочкѣ или взаправду, а? Макарь Аеиногенычъ, на деньги?

— Да, на деньги, — сухо и спѣшно отвѣтилъ тотъ. — Два бубны!

— А гдѣ-жь деньги-то,— приставалъ о. Сергій,— а? Макарь Аеиногенычъ, гдѣ-жь, молъ, деньги-то?

— Тутъ послѣ расплачиваются,— скороговоркой бросилъ допрашиваемый.— Виновать, не разслушалъ... Вы, кажется, сказали «два безъ козырей», да? Пассъ!

— Ахъ, вы, господа, господа!... По старости лѣтъ и какъ отецъ духовный, я считаю долгомъ вамъ внушить: пжоньте вы на это занятіе! Не-хо-ро-шо! Ей-ей, нехорошо! Ибо къ чему это вестъ? А вотъ къ чему: мыслей умныхъ тутъ не рождается; подъ ближняго дѣлаются подкопы; происходитъ возмущеніе духа, прекословіе, возгораются свѣры, а «рабомъ Божиимъ не подобаетъ свариться»; и, сверхъ всего этого, ущербъ состоянію. Вы на большія деньги - то играете, а?... Макарь Аеиногенычъ, на большія?

— Фу, чертовщина, безъ двухъ!— воскликнулъ Макарь Аеиногенычъ.— Просчиталъ козырей... Это все вы, о. Сергій. Чего вы тутъ разглагольствуете и пристааете надъ самымъ ухомъ и совершенно не въ-время?

— Ну, вотъ! ну, вотъ! Не правду ли я сейчасъ говорилъ?— торжествуя, отозвался о. Сергій.— Давеча вы были прекраснѣйшій мужчина, а сѣли за карты—сейчасъ и гнѣвъ, и воспламененіе, и обида...

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, о. Сергій, не мѣшайте, пожалуй-ста,— проговорилъ Макарь Аеиногенычъ уже спокойно и ласково. — Вѣдь, вы нашли было себѣ занятіе... вотъ и пѣли бы себѣ тамъ.

— Что-жь, и запою... Это занятіе не чета вашему. Сказано: «Аще кто благодушествуетъ, да поетъ». А я, по милости Божіей, благодушествую и нахожусь на тезоименитствѣ высоко- и глубокоуважаемаго начальника своего... «Лю-юдѣмъ пѣ-ше море ходя-ацнмъ», — затянулъ пѣвецъ и направился изъ кабинета.

На встрѣчу ему съ хохотомъ и визгомъ неслись изъ залы танцоры, стремясь на свѣжій воздухъ—къ гигантскимъ шагамъ и крокету. Чуть не сбитый съ ногъ, о. Сергій сперва было поморщился, но въ ту же минуту, какъ бы подбодренный пахнувшей на него свѣжестью молодой жизни, весело закричалъ вслѣдъ бѣгущимъ:

— Та-та-та-та-та! вали-вали-вали! Эхъ, ловко! Это не то что сидѣть и въ карты играть!...—и радостная, любовная улыбка долго сіяла на устахъ неподвижно стоящаго старца.

О. Аѣиногенъ возвратился съ требы угрюмый и встревоженный.

— Идите сюда всё, всё рѣшительно! — громко и торопливо скликалъ онъ разбредшихся гостей.

Вскорѣ зала была уже биткомъ набита и своими, и прїѣзжими. Всѣ съ нетерпѣніемъ смотрѣли на о. Аѣиногена, который стоялъ въ святомъ углу, лицомъ къ публикѣ. Дождавшись, пока въ комнатѣ установилась совершенная тишина, онъ съ разстановкой произнесъ:

— Сообщаю вамъ прискорбнѣйшую новость: о. Александръ Стремнинскій скончался.

Всѣ перекрестились.

«Царство небесное!... Господи помилуй!» — послышалось въ залѣ.

— Откуда вы узнали?

— Сейчасъ дорогой дочь его вдовая встрѣтилась. Ѣдетъ туда. Сегодня утромъ, — говоритъ, — пришло извѣстіе. И горько, бѣдная, плачетъ. Поскорбимъ и мы объ этомъ дорогомъ человѣкѣ и бывшемъ нашемъ начальникѣ. Или нѣтъ, не поскорбимъ, — христіанинъ не долженъ скорбѣть, — а помолимся о немъ. Пойдемте-ка сейчасъ въ церковь и отслужимъ по немъ паннихиду.

Минуты черезъ двѣ домъ о. Аѣиногена совершенно опустѣлъ. Всѣ, постоянные и временные обитатели его, были уже въ церкви. Печальное молебствіе было совершено съ необычайною для села торжественностью. Среди церкви, подъ главенствомъ о. благочиннаго, въ два ряда стояли священники. Въ служеніи участвовали три дьякона. На влѣвѣ пѣли человѣкъ десять семинаристовъ.

Солнце садилось. Вернувшіеся изъ церкви гости столпились возлѣ крыльца благочинническаго дома. Нѣкоторые говорили, что пора разѣзжаться, но тутъ же сдавались на увѣреніе хозяина, что еще рано. Вдругъ съ высокой площадки крыльца раздалось громкое воззваніе о. Сергія.

— Святіи отцы и сослужители!— началъ онъ, вытянувъ руки, облеченныя въ бѣлыя нитяныя перчатки. — Всѣмъ вамъ вѣдомо, какое великое благо сдѣлалъ нашему благочинію почившій собратъ нашъ. По его мысли и плану и его стараніемъ учреждено у насъ мѣстное попечительство, которое отираетъ слезы многимъ немущимъ и несчастнымъ. А у него у самого, блаженной памяти, осталось теперь восемь человѣкъ семьи. Посему благовременно и благородно будетъ съ нашей стороны почтить его память признательностью... Сложимся по силѣ-возможности и отошлемъ вдовѣ его на утѣшеніе въ столь тягостныя минуты.

— Вотъ это мысль! Bravo, о. Сергій! Спасибо!— воскликнулъ вдовецъ. — Я вполне съ вами согласенъ.

Послышались другіе голоса:

— Я тоже!

— И я!

— Идетъ!

— Подписку, подписку!

Почувствовавъ какой-то необыкновенный подъемъ духа, отцы съ шумомъ вступили въ залу.

— Листъ! О. благочинный, давайте намъ листъ!

— Сейчасъ, сейчасъ, съ удовольствіемъ,— отозвался о. Аеиногенъ. — Мнѣ вдвойнѣ пріятно: и доброе дѣло дѣлаете, и безъ моего внушенія, значить, свободно и искренно. Господи благослови!

Онъ перекрестился и взялъ перо.

Подписка дала 98 рублей.

— Пошлемъ вдовѣ телеграмму за подписью всѣхъ участниковъ, что мы помолились и сдѣлали сборъ,— предложилъ о. Никаноръ.

— Къ какой статіи?— возразилъ о. Аеиногенъ. — Еще смутишь ее телеграммой. Притомъ, такая большая телеграмма, да еще съ эстафетой, дорого стодитъ. Лучше эти деньги припишемъ къ пожертвованной суммѣ.

— Ну, ладно...

Подали огни и, вмѣстѣ съ тѣмъ, подали въ столовой закуску, состоящую изъ остатковъ отъ утренняго пира. Благотворители проявляли такое довольство и оживленіе, какъ будто каждый изъ нихъ самъ получилъ крупную субсидію. Бесѣда снова приняла веселый тонъ. За столомъ сидѣло человѣкъ десять, остальные толклись на ногахъ, подходя къ столу только въ тѣхъ случаяхъ, когда требовались наглядныя доказательства братскаго единенія ихъ съ сидящими. Говорили въ нѣсколько голосовъ сразу, и громкій смѣхъ пе-

ремѣшивался съ громкимъ говоромъ. Серьезныхъ вопросовъ уже не затрогивали.

Сборы гостей въ путь, начавшіеся часовъ съ девяти, длились около часу. У кого дѣтишки разоспались, у кого хоть и не разоспались, но раскапризничались и ни за что не хотѣли отходить отъ манопана. У иного работникъ-кучеръ оказался до того пьянымъ, что никакъ не могъ ввести лошадь въ оглобли. Одному дочка шепчетъ: «Ради Бога, папаша, одну кадриль, только одну!» Другого сыночекъ упрасиваетъ: «Не спѣшите, пожалуйста! Бои вѣка собралось общество, такъ весело, — еще хоть четверть часа, сдѣлайте милость!»

Гости порѣшили двинуться всѣмъ сразу, хотя весьма немногимъ приходилось ѣхать по одной и той же дорогѣ. И вотъ, наконецъ, подлѣ благочинническаго крыльца, на площадкѣ, въ темнотѣ поднялась суматоха разѣзда. Плачь дѣтей, громкій ропотъ матерей, веселый смѣхъ молодежи, выкрикиваніе благодарностей, благожеланій, приглашеній, ржаніе безповойныхъ коней, — все это сливалось въ оглушительный гулъ. Словно партія гонимыхъ нуждой и потерявшихъ голову переселенцевъ собиралась двинуться, куда глаза глядятъ.

Наблюдатель остался почевать и немедленно по разѣздѣ гостей отправился съ сыновьями благочиннаго на покой въ сарай. Въ домѣ остались одни старики-хозяева. Огни погасли, и все, по видимому, успокоилось. Но это только по видимому. Отъ тяжелыхъ хлопотъ и тревогъ столь экстреннаго дня, а частью и отъ непривычно-тѣснаго параднаго костюма благочинника почувствовала страшный приступъ головной боли и подняла такой стонъ, что благочинный совершенно растерялся. Кое-какъ успокоивъ больную домашними медицинскими средствами, онъ почувствовалъ, что и у него самого не все ладно: тамъ покалываетъ, тамъ щемить. Потерявъ расположеніе ко сну, онъ одѣлся во что попало, вышелъ въ залъ и подсѣлъ къ окну.

Взошла поздняя, ущербленная луна, а о. Аениогенъ все сидитъ у окна, задумчиво смотря въ даль...

О. Забытый.

Кумиръ Небукаднецара.

1.

Онъ кликнулъ кличь: «Мои народы!
Вы всѣ рабы, я господинъ!
И пусть отсель изъ рода въ роды
Надъ вами будетъ богъ одинъ.»

2.

«Въ равнину Дуры васъ зову я:
Бросайте всякъ боговъ своихъ
И погланяйте, торжествуя,
Сему созданью рукъ моихъ.»

3.

Толпы несмѣтныя кишѣли,
Быль слышенъ мусивійскій громъ,
Жрецы послушно гимны пѣли,
Склонясь предъ новымъ алтаремъ.

4.

И отъ Египта до Памира
На зовъ сошлись князья земли
И рукотворнаго кумира
Владыкой жизни нарекли.

5.

Онъ былъ великъ, тяжелъ и страшень,
Съ лица какъ быкъ, спиной драконъ,
Надъ грудой жертвенною брашенъ,
Бадильнымъ дымомъ окруженъ.

6.

И противъ идола на тронѣ,
Держа въ рукѣ священный шаръ,
И въ семярусной коронѣ
Явился Небукаднецаръ.

7.

Онъ говорилъ: «Мои народы!
Я—царь царей, я—богъ земной;
Вездѣ топталъ я стягъ свободы,
Земля умоляла предо мной.

8.

«Но видѣлъ я, что дерзновенно
Другимъ молились вы богамъ,
Забывъ, что только царь вселенной
Могъ дать боговъ своимъ рабамъ.

9.

«Теперь вамъ богъ дается новый,
Его святилъ мой царскій мечъ,
А для ослушниковъ готовы
Бресты и пламенная печь».

10.

И по равнинѣ дикимъ стономъ
Пронесся кликъ: «Ты богъ боговъ!»
Сливаясь съ мусикійскимъ звономъ
И съ гласомъ трепетныхъ жрецовъ.

11.

Въ сей день безумья и позора
Я крѣико къ Господу воззвалъ,
И громче мерзостнаго хора
Мой голосъ въ небѣ прозвучалъ.

12.

И отъ высотъ Нахараима
Дохнуло бурною зимой,
Бакъ пламя жертвенника зрима,
Твердь разступилась надо мной.

13.

Все небо ярко пламенѣло,
И дунуль Духъ и погасилъ
Огонь небесъ, и поблѣднѣло
Лицо земли предъ Богомъ силъ.

14.

И бѣлоснѣжныя метели,
Мѣшаясь съ градомъ и дождемъ,
Борою льдистою одѣли
Равнину Дурскую кругомъ.

15.

Онъ палъ въ паденіи великомъ
И опрокинутый лежалъ,
А отъ него въ смятеньи дикомъ
Народъ испуганный бѣжалъ.

16.

Гдѣ жилъ вчера владыка міра,
Я нынѣ видѣлъ пастуховъ:
Они творца того кумира
Пасли среди его скотовъ.

А. Незвановъ.

УЧЕНИЦА ГАРРИКА *).

Историческій романъ Огюстена Филона.

Х.

Бонтрасть между положеніемъ Эстеръ на сценѣ и дома продолжался: послѣ фееріи наступала скромная и прозаическая дѣйствительность. Нѣсколько дней спустя послѣ своего триумфа Эстеръ, съ вышиваніемъ въ рукахъ, сидѣла одна въ концѣ сада. Небольшую террасу, на которой расположилась молодая дѣвушка, окружала стѣна въ половину человѣческаго роста. Обвитый ползучими растеніями трельяжъ образовалъ бы непроницаемую преграду, если бы въ немъ не осталось широкое овальное отверстіе съ видомъ на поле. Эстеръ отложила работу, облокотилась на рѣшетку и обвела взглядомъ Тотиль-Фильдъ, гдѣ группы мужчинъ бѣгали, кричали, играли въ шары или мячъ. Вдали скользили по рѣкѣ сѣрые паруса; ихъ можно было скорѣе угадать, чѣмъ разглядѣть. За крышей Чельзійской больницы колыхались зеленыя вершины деревьевъ. Съ правой стороны, надъ старинною Бенсингтонскою колокольней, солнце медленно склонялось къ западу. Въ нѣсколькихъ ярдахъ расположился цыганскій таборъ. Полунагія дѣти играли на солнцѣ, женщины развѣшивали мокрое бѣлье. Старики, усѣвшись въ тѣни, молча курили трубки и слѣдили глазами за распряженными лошадьми, которыя щипали рѣдкую траву. Молодая цыганка бродила около террасы и медленно, съ улыбкой, приблизилась къ Эстеръ. Высокая, стройная женщина съ смуглымъ лицомъ, блестящими черными волосами, дерзкимъ, пронизывающимъ взглядомъ удивительно неподвижныхъ глазъ, не согрѣтыхъ теплотой человѣческой души, съ любопытствомъ разглядывала Эстеръ. Она прислонилась къ стволу старой ивы.

*) *Русская Мысль*, кн. II.

— Прекрасный день для тѣхъ, чье сердце согрѣто любовью, — проговорила она.

— Любовь—глупость!—возразила Эстеръ.

— Часто тѣ, кто говорить такъ, уже подвластны ей.

— Умѣешь ты предсказывать будущее?

— Дайте мнѣ руку и вы увидите.

— Да, знаю я васъ, цыганокъ. За шесть денье ты предскажешь мнѣ любовь прикащика, за шиллингъ—джентльмена, а за полкроны — лорда. Если дать тебѣ золотой, такъ ты напророчишь принца...

— Что скажешь ты,—рѣзко перебила цыганка,—если я даромъ предскажу тебѣ судьбу? Но только берегись: я говорю и хорошее, и дурное... А, ты боишься, значить, вѣришь!...

— Вотъ моя рука,—сказала Эстеръ, невольно взволнованная. Но напрасно она наклонялась и вытягивала руку: цыганка не могла достать ее.

— Подождите!—воскликнула Эстеръ.

Она быстро подбѣжала къ небольшой калиткѣ, открыла задвижку и очутилась лицомъ къ лицу съ цыганкой; та долго не выпускала изъ своей грубой большой руки бѣлую и нѣжную ручку артистки.

— Ну, что же?

— Линія жизни у васъ прекрасна, но она пересѣкается здѣсь...

— Грозитъ опасность?

— Большая перемѣна.

— Когда?

— Если бы я знала день вашего рожденія, я сказала бы вамъ даже часъ. Насколько я вижу, это случится раньше, чѣмъ вамъ исполнится восемнадцать лѣтъ...

— Мнѣ исполнится восемнадцать въ пятницу.

— Въ такомъ случаѣ, время близко... Будьте готовы... Я еще кое-что знаю. Васъ любятъ нѣсколько мужчинъ...

— Какъ можешь ты видѣть это по рукѣ?

— Дитя! я въ вашихъ мысляхъ читаю теперь, какъ въ открытой книгѣ.

Эстеръ хотѣла выдернуть руку, но почувствовала, что она жата точно въ тискахъ. Цыганка стояла передъ ней, выпрямившись во весь ростъ, съ неподвижными глазами, тяжело дышала свозъ полуоткрытыя губы и говорила точно во снѣ.

— Ихъ трое. Одинъ одѣтъ въ черное.

— Рейбенъ!—прошптала Эстеръ.

— Другой красивый джентльменъ.

— А третій?

— Третій... Я не могу различить его лица... Нѣтъ... вижу те-перь... О, какъ странно!

— Что?

— Онъ похожъ на втораго...

— А!

— И онъ держитъ въ рукѣ...

— Что же онъ держитъ?

— Кисть, кажется, да... онъ—художникъ.

Черезъ минуту она продолжала:

— Двое изъ нихъ скоро исчезнуть, но самый достойный же-нится на тебѣ и ты будешь знатною дамой.

Лучъ гордости блеснулъ въ глазахъ Эстеръ.

— Если это исполнится, приходи ко мнѣ: я подарю тебѣ коль-цо, которое ты видишь на моемъ пальцѣ.

— Мнѣ не надо кольца; дай мнѣ платокъ, который ты держишь въ рукѣ.

— Зачѣмъ нужна тебѣ ничего не стоящая вещь? Развѣ ты же-лаешь мнѣ добра? Развѣ ты любишь меня?

— Я ненавижу тебя, какъ и всѣхъ христіанъ. Но мнѣ необходи-ма для колдовства вещь, принадлежавшая дѣвушкѣ.

Эстеръ колебалась. Цыганка вырвала изъ ея рукъ батистовый платокъ и точно видѣніе исчезла за поворотомъ стѣны. Смущенная дѣвушка неподвижно стояла на томъ мѣстѣ, гдѣ ее оставила цы-ганка. Ей казалось, что странная женщина навела на нее какое-то оцѣпенѣніе, котораго она не могла стряхнуть. Наконецъ, она затворила валитку и отступила назадъ. Тогда она замѣтила у сво-ихъ ногъ сложенную бумажку. Она подняла ее, развернула и про-читала слѣдующее:

«Вы любите меня. Я это чувствую, знаю. Вѣрьте моей любви и чести. Я хочу избавить васъ отъ рабства, въ которомъ вы нахо-дитесь, чтобы окружить васъ блескомъ и радостями. Будьте въ пят-ницу въ Пантеонѣ въ коричневомъ домино съ голубыми бантами и когда вы услышите сзади васъ слова: «луна взошла», бросьте да-му, которая будетъ сопровождать васъ, и слѣдуйте за тѣмъ, кто возьметъ вашу руку. Въ знакъ согласія пришлите мнѣ какую-ни-будь вещь, которую вы носили. Меня не обманетъ любимый вами запахъ вервены. Вдыхая его, я буду думать, что вы около меня и что я уже держу въ объятіяхъ мою Эстеръ».

Ни адреса, ни подписи. Но не было сомнѣнія ни въ томъ, кто написалъ записку, ни кому она предназначалась.

— Какъ я глупа! Какой комедіи повѣрила! Я-то думала, что имѣю дѣло съ колдуньей, а это просто подкупленная цыганка. Она бросила это письмо къ моимъ ногамъ. Она, навѣрное, знала его содержаніе. Поэтому она и украла мой платокъ, за который ей дорого заплатить. А я-то удивлялась ея безкорыстію!

Она съ легкою досадою подумала о томъ, что въ эту самую минуту лордъ Моубрей воображаетъ, будто держитъ въ рукахъ залогъ побѣды.

«О! — подумала она. — Пускай! Его торжество продолжится не долго, такъ какъ я не буду въ пятницу на костюмированномъ балѣ. Если бы я и хотѣла, то не могла бы. Сколько разъ лэди Верекеръ и театральныя подружки хотѣли повезти меня. Рейбену стоило только слово сказать о неприличіи Пантеона, и тетка, которая боится его, сейчасъ же отказывала. Значитъ, нечего бояться».

Тѣнь неудовольствія и досады заключалась въ этихъ успокоительныхъ словахъ, но неожиданное обстоятельство измѣнило ходъ дѣла. За чаемъ Рейбенъ отсутствовалъ; его не видно было уже нѣсколько дней; онъ былъ, повидимому, поглощенъ великими планами, о которыхъ никому не говорилъ.

— Милое дитя, — съ таинственнымъ видомъ начала немного смущенная мистрисъ Мэршамъ, — я приготовила тебѣ сюрпризъ. Тебѣ давно хотѣлось видѣть костюмированный балъ въ Пантеонѣ. Не могла ли я довѣрить тебя такой легкомысленной женщиной, какъ твой новый другъ, лэди Верекеръ? Я рѣшила повезти тебя сама.

— Вы, тетя?

— Отчего бы нѣтъ? Все чисто для чистыхъ, и если глаза мои согрѣшать, глядя на дурное, то мнѣ останется то утѣшеніе, что я огражу твою невинность отъ всякаго непристойнаго зрѣлища. Я буду все время молиться и Богъ не оставитъ насъ.

— Но намъ нуженъ кавалеръ.

— Я подумала объ этомъ и просила О'Флэннигана сопутствовать намъ. Онъ храбрый мужчина и, въ случаѣ необходимости, защититъ насъ. Онъ согласился и намъ остается только позаботиться о костюмахъ.

Добрая мистрисъ Мэршамъ забыла прибавить, что ей самой не меньше племянницы хотѣлось видѣть костюмированный балъ и что любопытство, свѣдавшее ее столько лѣтъ, играло не маловажную роль въ приготовленномъ ею «сюрпризѣ».

— Въ особенности, — прибавила она, — ни слова Рейбену.

Оставшись одна въ своей комнатѣ, Эстеръ раздумывала о стран-

ной судьбѣ, толкавшей ее на встрѣчу опасности. Но она могла ѣхать въ Пантеонъ, даже надѣть коричневое домино съ голубыми лентами и ничего дурнаго отъ этого не произойдетъ. Сердце ея билось и она ощущала то сладостное головокруженіе, которое ведетъ правнучекъ Евы на самый край пропасти.

Что дѣлать? У кого спросить совѣта? У нея не было ни матери, ни подруги, никого, кто былъ бы достоинъ этого названія. Въ подобныхъ случаяхъ игроки бросаютъ вверхъ монету; люди набожные открываютъ Священное Писаніе и первый попавшійся на глаза стихъ, подобно оракулу, разрѣшаетъ сомнѣнія. Въ эту минуту Эстеръ стояла передъ столикомъ съ бюстомъ Шекспира и вазой съ цвѣтами, которые она сжедневно мѣняла—нѣчто вродѣ приношенія на домашнемъ алтарѣ. Прислоненная къ стѣнѣ книга in-quarto заключала въ себѣ произведенія великаго драматурга. По этимъ такъ хорошо знакомымъ страницамъ Эстеръ научилась думать и чувствовать, узнала людей, свѣтъ и любовь. Это была ея Библия, самая священная, самая поучительная книга; въ ней заключалась ея религія и философія. Поэтому, осѣненная внезапною мыслью, она взяла книгу, которая сама раскрылась на первой сценѣ втораго акта комедіи: *Конецъ—всему дѣлу отънецъ*.

Ей бросились въ глаза пять словъ на срединѣ страницы: «*Vu heaven, I'll steal away!*» («*Клянусь небомъ, я убѣгу!*»).

Отвѣтъ не заключалъ ничего двусмысленнаго. Эстеръ опустила голову, точно злой рогъ увлекалъ ее.

Въ эту минуту въ головѣ ея мелькнуло воспоминаніе о Фрэнкѣ. Она видѣла передъ собою его милое, печальное лицо и глаза его упрекали ее за измѣну. Сердце Эстеръ мучительно сжалось; ей казалось, что, подобно пиратамъ Темзы, которыхъ она проклинала недавно за жестокость, она вторично бросала юношу въ черную пучину, готовую поглотить его.

Но она съ досадою отогнала эту мысль. Говорилъ ей развѣ Фрэнкъ о своей любви? Развѣ она знаетъ, что онъ ее любитъ?

Ея совѣсть сейчасъ же отвѣтила: «*Да, ты знаешь; его глаза сказали тебѣ это*».

Ну, что же, пускай онъ любитъ! Но развѣ можетъ она мечтать о чловѣкѣ, у котораго нѣтъ ничего, который едва прокормитъ ее своимъ трудомъ? Можетъ ли она при своей бѣдности выйти замужъ за нищаго Фрэнка? Ей представились двѣ совершенно противоположныя картины. Въ первой—жалкая, преждевременно увядшая Эстеръ кормитъ больнаго ребенка въ убогой конурѣ. Во второй картинѣ она, залитая брилліантами и въ цвѣтахъ, входитъ въ Сентъ-

Джемсъ; мужчины склоняются передъ ней, а лакей громко произноситъ: «лэди Моубрей!»

Когда мистрисъ Мэршамъ спросила:

— Какое у тебя будетъ домино?

Она отвѣтила:

— Боричневое съ голубыми лентами.

Тетка съ племянницей уѣхали въ Дрюри-Лэнъ, а Модъ спала въ кухнѣ. На маленькѣй домикѣ Тотиль - Фильда надвигалась тихая майская ночь. Гуляющіе скрылись; цыганскій таборъ перекочевалъ въ другую окрестность Лондона. Кромѣ послѣднихъ звуковъ, долетавшихъ изъ Вестминстера, ничто не нарушало тишины этого полузагороднаго квартала, уже уснувшаго среди ночнаго безмолвія. Нѣсколько тѣней, однако, скользнуло вдоль старой стѣны; группы изъ двухъ, трехъ человѣкъ тихо входили въ калитку, около которой Эстеръ разговаривала съ цыганкой. Поставленный на порогѣ фонарь освѣщаль узкій проходъ, скрытый плющомъ. Черезъ минуту или двѣ новая группа послѣдовала за первой. Войдя въ садъ, они, повидимому, колебались и дѣлали въ темнотѣ нѣсколько шаговъ наугадъ.

Рейбенъ звалъ ихъ въ полголоса:

— Сюда, братья!

Они направлялись къ нему, спускались по лѣстницѣ въ семь или восемь ступеней и входили въ залу со сводами, гдѣ находились уже пришедшіе раньше. Полъ былъ земляной, на стѣнахъ сохранились слѣды плѣсени. Вся мебель состояла изъ нѣсколькихъ деревянныхъ скамей и стола; съ потолка спускалась только одна лампа; красноватый свѣтъ ея мигалъ при малѣйшемъ дуновеніи вѣтра.

Когда собрались всѣ, Рейбенъ тщательно заперъ двери. Въ комнатѣ находилось человѣкъ двадцать. Двое были одѣты въ духовное платье, но съ простотою, отличающею членовъ диссидентской церкви. Остальные, судя по виду, были мелкіе торговцы и рабочіе; одинъ кожевникъ пришелъ въ своемъ кожаномъ фартукѣ; мясникъ съ ножомъ у пояса. Только одинъ былъ одѣтъ по-барски, хотя тоже весь въ темномъ. Его маленькое, блѣдное лицо съ женственно-тонкими чертами освѣщалось черными, блестящими, необыкновенно близко сдвинутыми глазами съ жесткимъ и подозрительнымъ выраженіемъ. Товарищи относились къ нему съ большимъ почтеніемъ и единодушно уступали ему во всемъ первое мѣсто. Его звали лордъ Джорджъ. На самомъ дѣлѣ, это былъ лордъ Джорджъ Гордонъ, шотландскій дворянинъ, начинавшій своими странностями обращать на себя вниманіе въ палатѣ общинъ. Послѣ нѣ-

скольких лѣтъ кутежа, дурачества, путешествій, онъ поступилъ въ морскую службу, просилъ командировки у министровъ, не получилъ ея и сразу перешелъ въ оппозицію. Затѣмъ онъ рѣзко измѣнилъ тонъ и приемы и сталъ во главѣ партіи крайнихъ, возстававшей противъ пересмотра законовъ о католикахъ.

Лордъ Джорджъ Гордонъ сѣлъ за столъ между однимъ изъ священниковъ и Рейбенемъ.

— Друзья, — началъ онъ мягкимъ и тихимъ голосомъ, — нашъ хозяинъ, достойный юноша, осѣненный Святымъ Духомъ, Рейбенъ Мэршамъ, сообщилъ мнѣ, что незабвенное воспоминаніе связано съ комнатою, гдѣ мы теперь собрались. Когда нечестивый Карлъ Стюартъ взомелъ на престолъ, отнятый у его отца Божьимъ гнѣвомъ и возвращенный ему людскою слабостью, здѣсь укрылись два чело-вѣка, приговоренные къ страшной казни, и долго жили въ этомъ подземельѣ. Доносъ служанки открылъ ихъ убѣжище. Солдаты тирани захватили ихъ и они взошли на эшафотъ, хваля Бога, пославшаго имъ пальму мученичества... Тѣни великихъ покойниковъ, святые мученики, привѣтствую васъ, невидимо присутствующихъ здѣсь! Оставайтесь съ нами, вдохновите насъ, защитите!

Дрожь пробѣжала по тѣлу присутствующихъ. Священникъ поднялся съ мѣста.

— Такъ какъ мы собрались во славу Божию и Его Сына, то призовемъ сначала Его святое имя и помолимся!

Онъ упалъ на колѣни, всѣ послѣдовали его примѣру. Священникъ запѣлъ въ полголоса псаломъ: «На рѣкахъ Вавилонскихъ...»

Присутствующіе, нарочно понизивъ свои громкіе, сильные голоса, запѣли хоромъ. Когда прозвучало послѣднее «аминь», лордъ Джорджъ заговорилъ опять:

— Друзья мои, вамъ всѣмъ, конечно, извѣстно, зачѣмъ мы собрались сегодня ночью. Для тѣхъ изъ васъ, кто еще не присутствовалъ на нашихъ собраніяхъ, я вкратцѣ изложу событія. Поддерживаемое гнусною философіей невѣріе сдѣлало у насъ быстрые успѣхи; оно маскируется теперь новымъ словомъ терпимость. Благодаря этому обстоятельству, Римъ дерзко поднялъ голову и съ презрѣніемъ смотритъ на насъ. Сыны святыхъ, позвольте ли вы это?

— Нѣтъ! — отвѣтили двадцать голосовъ.

— Вамъ извѣстно, что въ палату общинъ внесенъ билль о смягченіи уголовныхъ законовъ противъ католиковъ. Я возвысилъ голосъ для протеста: мои слова были заглушены, меня самого приняли за сумасшедшаго. Обѣ партіи соединяются противъ насъ.

Раздались восклицанія:

— Боркъ—тайный іезуитъ!

— Фоксъ—негодяй, пьяница, картежникъ!

— Лордъ Нортъ только и думаетъ о томъ, какъ бы наколотить свои карманы и желудокъ!

— Парламентъ сгнилъ!

— Надо обратиться къ королю,—замѣтилъ кто-то.

— Я думалъ объ этомъ,—возразилъ лордъ Джорджъ.—Я далъ ему одну изъ брошюръ, которыя написалъ по этому предмету. Его величество выслушалъ первую часть и обѣщалъ прочесть вторую. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, я все еще жду отвѣтъ короля.

— Король не можетъ вмѣшиваться въ рѣшенія парламента и въ вотированіе законовъ,—замѣтилъ сидящій около Гордона священникъ.

— А развѣ онъ воздерживается отъ этого, когда дѣло идетъ о выгодѣ его политики или когда онъ хочетъ отставить ненавистнаго ему министра?

Божевникъ рѣшительно выдвинулся впередъ.

— Король обманываетъ насъ. Онъ недавно обѣдалъ у лорда Петрэ. А знаете вы, кто лордъ Петрэ? Ярый католикъ.

— Это не относится къ дѣлу.

— Подождите,—возразилъ кожевникъ съ спокойною настойчивостью.— Тотъ, кто вступаетъ въ дружбу съ католикомъ, самъ сдѣлается скоро католикомъ. Кто знаетъ, не перешелъ ли король въ католичество?

— Достоверно извѣстно только то,—сказалъ Рейбенъ,—что намъ не на кого рассчитывать, кромѣ самихъ себя. Если мы не устроимъ палату общинъ, законъ будетъ принятъ.

— Да, это вѣрно,—замѣтилъ лордъ Джорджъ.—Я объявилъ, что приду въ пятницу представить вашу петицію парламенту и что за мной будутъ стоять двѣсти тысячъ человѣкъ. Заставите вы меня солгать?

— Конечно, нѣтъ,—отвѣтилъ священникъ.— Каждый изъ насъ—представитель десяти тысячъ. Мы отвѣчаемъ за свои кварталы.

— Методисты пойдутъ?—спросилъ Рейбенъ.

— Всѣ до одинаго,—отвѣтилъ чей-то голосъ.—Джонъ Уэслей высказался противъ терпимости.

— Въ такомъ случаѣ,—заговорилъ Гордонъ,—успѣхъ обезпеченъ. Отправляйтесь въ десять часовъ въ Сентъ-Джорджъ Фильдъ. Тамъ будутъ отданы послѣднія распоряженія. Не пренебрегайте ничѣмъ, братья, для того, чтобы манифестація вышла грозной, страш-

ной, беспощадной. Вдохните въ сердца людей вдохновляющій васъ жаръ. Пусть услышатъ гласъ народа, который есть гласъ Бога. Богобоязненная Англія дремлетъ цѣлое столѣтіе, погруженная въ механическое исполненіе обрядовъ, меркантильныя соображенія, честолюбивыя интриги, свѣтскія удовольствія. Послѣ завтра солнце должно освѣтить ея пробужденіе. Надо, чтобы это пробужденіе своею неожиданностью и силой испугало враговъ Божиихъ. Нашъ боевой кличъ будетъ тотъ же, что у нашихъ предковъ: «Израиль, къ шатрамъ!»

— Братъя, — обратился къ собранію священникъ, — воспоемъ гимнъ, который пѣли іудеи, когда Господь вывелъ ихъ изъ страны Египетской: «Пою Іеговъ...».

Они опять запѣли въ полголоса, но выраженіе ихъ сдерживаемыхъ низкихъ голосовъ придавало страшнымъ словамъ всю ихъ энергію:

«О, Боже, ты разбилъ Твоихъ враговъ. Море поглотило ихъ; они пошли въ глубину, какъ камень. Ты пустилъ ярость Твою и она попала на нихъ, какъ соломѣ... Врагъ сказалъ: погонюсь, настигну, раздѣлю добычу, насытится ими душа моя, обнажу мечъ мой и истребятъ ихъ рука моя. Ты дунулъ духомъ Твоимъ и они погрузились, какъ свинецъ, въ сильныхъ водахъ... Кто равенъ Тебѣ, Іегова, между Богами?»

Они пѣли и вдохновеніе носилось надъ ихъ склоненными головами; геройская отвага воспламеняла ихъ души. Имъ казалось, что духъ Божій сошелъ на нихъ, но не Богъ милосердія, который благословляетъ и прощаетъ, возвышаетъ падшую женщину, блудницу дѣлаетъ святой, осушаетъ слезы, врачуетъ раны, обѣщаетъ покой обезсизненнымъ, славу униженнымъ, любовь покинутымъ, небо всѣмъ тѣмъ, кто терпитъ на землѣ страданія и отчаяніе, а Богъ всемогущій, Богъ грозный, Богъ мщенія, Богъ, который требуетъ кровавыхъ жертвъ и преслѣдуетъ на внукахъ преступленія дѣда, на невинномъ младенцѣ прегрѣшенія исчезнувшихъ поколѣній.

— День славы близокъ! — воскликнулъ Рейбенъ. — Счастливы тѣ, кто погибнетъ въ бою!

— Аминь! — отвѣтили присутствующіе.

Послѣ этого всѣ разошлись.

XI.

Ярко сіяло солнце на безоблачномъ небѣ 2 іюня 1780 года. Въ десятомъ часу громадная толпа запрудила Сентъ-Джорджъ-Фильдъ и его окрестности. Многіе изъ числа прибывающихъ, видимо, ис-

кали другъ друга и собирались группами, точно повинуваясь за-равнѣ полученному распоряженію. Они тихо разговаривали между собою, съ мрачнымъ и рѣшительнымъ видомъ. Множество мелкихъ буржуа и торговцевъ явилось на призывъ священниковъ въ убѣжденіи, что они совершаютъ святое дѣло, если свергнуть религиозное иго, отъ котораго освободились ихъ отцы. Они, — ихъ видъ доказывалъ это, — способны были больше кричать, чѣмъ дѣйствовать. Вокругъ собралась толпа любопытныхъ, рѣшившихъ насладиться зрѣлищемъ до конца, хотя бы имъ пришлось за это немного и пострадать. На нѣкоторыхъ лицахъ появлялось нетерпѣливое ожиданіе безпорядка, предчувствіе чего-то приближающагося. Но дневной свѣтъ стѣснялъ этихъ людей: они чувствовали, что ихъ часъ еще не насталъ и что слѣдовало пустить впередъ псалмопѣвцевъ и крикуновъ. Около одиннадцати часовъ явился лордъ Джорджъ Гордонъ; его встрѣтили радостными криками. Онъ сталъ на возвышеніе, началъ говорить, но толпа не разслышала словъ; она видѣла только его энергичные жесты и отвѣтила криками: «Долой папство! Смерть папистамъ!»

Предводители ходили по рядамъ и старались водворить порядокъ среди несмѣтной толпы людей, одушевленныхъ столь разнообразными чувствами. Но едва они отворачивались, какъ безпорядокъ возобновлялся. Наконецъ, имъ удалось составить четыре отряда, которые направились разными путями и перешли Темзу по тремъ мостамъ: Вестминстерскому, Блэвфрайарскому и Лондонскому.

Во главѣ послѣдняго отряда шелъ Рейбенъ Мэршамъ; его прекрасное лицо, грозно сверкающія очи и развѣвающіеся бѣлокурые волосы привлекали всѣ взоры, въ особенности женскіе. Нѣсколько человекъ несли передъ нимъ знамена съ надписями: «No papery!» Сзади, медленно, въ тактъ божественному пѣснопѣнію, подвигалась сомкнутыми рядами фаланга убѣжденныхъ сектантовъ. Шумная, безпорядочная толпа, полная самыхъ разнородныхъ ощущений, стремилась за ними точно бурный потокъ, ворвавшійся въ узкую улицу.

Изъ оконъ и дверей лавочекъ заинтересованная публика съ любопытствомъ смотрѣла на проходившую мимо процессію. Изрѣдка спокойный и практическій человекъ пожималъ плечами и бормоталъ: «Фанатики!» или: «Еще день пропалъ для работы!» Но большинство сочувствовало дѣлу экспедиціи и приветствовало шествіе традиціоннымъ крикомъ: «No papery! Долой папство!»

Никто не показывался на ихъ пути; полиціи не видно было. Да и что могли бы сдѣлать противъ такого полчища всѣ лондонскіе

полисмены, робкіе и безвредные полисмены, даже если бы изъ нихъ составился отрядъ? Что касается солдатъ, то къ нимъ прибѣгали только въ крайнихъ случаяхъ.

Такимъ образомъ, Рейбенъ безъ препятствій миновалъ Лодгэтъ-Гилль, поднялся по Флитъ-Стриту и, пройдя древнюю арку Темплъ-Бара, нынѣ исчезнувшую, очутился въ Страндѣ. Подобно рѣкѣ, принимающей въ себя притоки, отрядъ все увеличивался отъ людскихъ потоковъ, бѣгущихъ изъ сѣверныхъ кварталовъ и прибывающихъ изъ переулковъ. Передъ домами завѣдомыхъ католиковъ толпа останавливалась, кричала, вопила проклятія и мѣломъ отмѣчала двери, обреченныя близкому мщенію.

Толпа прослѣдовала вдоль всего Странда, пересѣгла Чэрингъ-Броссъ, прошла мимо Уайтголля и разсѣялась на Вестминстерской площади, которая, хотя и была значительно меньшихъ размѣровъ, чѣмъ теперь, и болѣе загромождена зданіями, однако, представляла удобное мѣсто для подобныхъ народныхъ демонстрацій. Остальные отряды уже прибыли на мѣсто. Соединившись вмѣстѣ, они составили такое громадное, тѣсно-сплоченное полчище, передъ которымъ ничто, казалось, не могло устоять. Толпа, гордая сознаниемъ своей силы, издала крикъ, въ которомъ слились всѣ голоса и отъ котораго потряслись стекла Вестминстера.

Приближался часъ засѣданія. Не успѣвшіе прибыть заблаговременно, члены обѣихъ палатъ храбро старались проникнуть въ зданіе парламента. Народъ набрасывался на тѣхъ, кого узнавалъ, преслѣдовалъ ихъ, оскорблялъ, билъ. Особенно обрушивалась народная ненависть на выдающихся ораторовъ, министровъ, прелатовъ, которыхъ обвиняли въ томъ, что они измѣнили религію и продали Англію папѣ. Точно гибнущее судно, колыхались на этомъ бунующемъ людскомъ океанѣ кареты съ разбитыми стеклами, испуганно-фыркающими лошадьми, красными отъ злости или блѣдными отъ страха кучерами, изъ рукъ которыхъ вырывали бичи и вожжи, дрожащими лакеями, едва цѣплявшимися за ремни на запяткахъ. Кареты трещали, наклонялись на бокъ, едва не опрокидывались. Сидящихъ въ нихъ несчастныхъ людей вытаскивали за руки, за ноги или за напудренные косы. «Убить! Утопить!» — кричала толпа. Лордъ Нортъ, лордъ Сэндвичъ, архіепископъ Іоркскій и многіе другіе близко видѣли смерть и спаслись только благодаря своему присутствію духа или энергическимъ мѣрамъ нѣсколькихъ друзей. Успѣхъ, а еще больше джинъ и пиво, которое сосѣдніе кабатчики лили рѣкой, опьянялъ чернь.

Одинъ за другимъ проникали внутрь зданія члены парламента

въ изорванныхъ манжетахъ и жабо, испачканные въ грязи и крови. Каждый относился къ событію смотря по характеру: одни смѣялись и бранились, другіе, блѣдные отъ бѣшенства, стискивали зубы и молча вытирали лобъ, раненый ударомъ камня, или изорванное ухо, съ котораго капала кровь на великолѣпную одежду. Эти люди носили шпаги, многіе служили въ военной службѣ; большинство, шутя, рисковало жизнью на дуэляхъ. Они не боялись лондонской черни и въ нихъ пробуждался только дремлющій въ англичанахъ инстинктъ борьбы, страсть къ сраженію. Одинъ изъ старѣйшихъ членовъ разсказалъ, какъ шестьдесятъ лѣтъ назадъ джентльмены «лояльныхъ обществъ», которымъ якобитская чернь въ 1720 году хотѣла запретить пить за здоровье короля Георга, напали въ Чипсейдъ и Флитъ-Стритъ на толпу и свернули головы нѣсколькимъ негодьямъ.

Это воспоминаніе зажигало блескъ въ глазахъ старика и воодушевляло слушающую его молодежь.

— Что, если бы и намъ сдѣлать вылазку? — предложилъ кто-то.

Десятокъ молодыхъ людей съ высоко поднятыми палками напали неожиданно на толпу и освободили пріятеля, которому грозила опасность. Этотъ маневръ успѣшно повторился нѣсколько разъ, къ величайшему удовольствію участвующихъ. Нагрѣтъ бока этимъ негодьямъ — какой пріятный спортъ! Если недостаточно будетъ палокъ, они обнажатъ оружіе и слегка поцарапаютъ ихъ! Чернь, изъ остатка уваженія, каждый разъ съ ревомъ разступалась, чтобы дать дорогу, но вслѣдъ затѣмъ еще яростіе надвигалась. Она сломала желѣзныя рѣшетки, которыми старались удержать толпу, заполонила дворъ и уже неистовствовала у подножія главной лѣстницы. Отдѣленные отъ нея нѣсколькими ступенями, депутаты тѣснились въ прихожей, которая вела въ залу засѣданій. Время отъ времени появлялся членъ правительства, окидывалъ равнодушнымъ взглядомъ положеніе вещей и затѣмъ возвращался на министерскую скамью подѣлиться новостями съ коллегами.

Натаніель Раксаль, объѣздившій полсвѣта, участвовавшій въ заговорѣ съ королевой, рисковавшій головой въ различныхъ странахъ, не пропустившій ни одного возстанія, стоялъ, облокотившись на рѣшетку, и наблюдалъ за зрѣлищемъ съ спокойнымъ и глубокомысленнымъ вниманіемъ энтомолога, склоненнаго надъ микроскопомъ. Изрѣдка онъ вынималъ часы, — прекрасные золотые часы, купленные въ Парижѣ, — которые звонили каждый часъ и играли джюкирхенскій перезвонъ въ полдень и полночь. Если суж-

дено было, чтобы чернь осквернила парламент своимъ вторженіемъ, Раксаль долженъ былъ съ минутною точностью передать исторію, когда совершился этотъ фактъ. Смерть застала бы его за этимъ занятіемъ раньше, чѣмъ онъ замѣтилъ бы ея приближеніе.

Въ эту минуту среди оглушительнаго шума народъ на плечахъ торжественно вносилъ по лѣстницѣ лорда Джорджа Гордона. При видѣ его раздались громкіе крики. Товарищи спрашивали его, хватали за руки, требовали, чтобы онъ удалилъ толпу.

Ни на кого не глядя, лордъ Гордонъ, очень спокойный на видъ и съ обычною неопредѣленною улыбкой на устахъ, произнесъ мягкимъ голосомъ:

— Потрудитесь дать мнѣ дорогу, господа!

Всѣ послѣдовали за нимъ въ залу. Съ своимъ сводчатымъ потолкомъ, темными, рѣзными панелями, готическими украшеніями и цвѣтными стеклами, на которыхъ была изображена исторія Ветхаго Завета и главнѣйшія событія изъ жизни Иисуса Христа, бывшая капелла св. Стефана все еще сохраняла свой религіозный характеръ. Парламентъ засѣдалъ въ ней уже сто двадцать лѣтъ. Она не слыхала голоса Томаса Мора и Бэкона, но ея стѣны потряслись краснорѣчіемъ Шефтсбѣри, Болингброка, Питта Старшаго и въ нихъ жилъ еще отголосокъ великихъ рѣчей, которыя Вольтеръ объявилъ достойными римскаго сената.

Царившая въ ней въ эту минуту тишина представляла странный контрастъ съ шумомъ на улицѣ. Въ обычный часъ была прочитана молитва, спикеръ занялъ свое мѣсто и на столѣ въ знакъ официальнаго открытія засѣданія появилась булава, «игрушка», какъ презрительно называлъ ее Бромвель. Министры сидѣли направо отъ спикера на длинной скамьѣ со спинкой, противъ нихъ главы оппозиціи; за столомъ клеркъ; у рѣшетки стоялъ приставъ; всѣ находились на своихъ мѣстахъ.

Лордъ Джоржъ Гордонъ спросилъ и получилъ разрѣшеніе положить на столъ петицію лондонскихъ жителей, которые возставали противъ милостей, оказанныхъ католикамъ.

— Двѣсти тысячъ человекъ сопровождаютъ его, «чтобы почтительно выразить...»

Горькій смѣхъ перебилъ его. Лордъ Джоржъ продолжалъ:

— «Чтобы почтительно, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, рѣшительно заявить о своей непоколебимой преданности свободѣ, завоеванной ихъ отцами цѣною столькихъ усилій».

Послѣ этихъ словъ онъ удалился, не преминувъ поклониться

спикеру на томъ именно мѣстѣ, гдѣ эта формальность должна быть исполнена.

Вновь опустѣла зала и члены столпились въ прихожей. Показался Гордонъ и крики возобновились. На проклятія и угрозы сверху отвѣчали восторженными криками снизу. Шумъ достигъ такихъ размѣровъ, что люди, хотя и кричали надъ самымъ ухомъ сосѣда, но, все-таки, не могли слышать другъ друга. Членамъ представилось, что Гордонъ собирается уходить, и ему загородили дорогу.

— Вы останетесь у насъ заложникомъ, мы васъ не выпустимъ.

Лордъ Джоржъ жестомъ показалъ, что онъ и не собирается уходить, а только хочетъ сказать нѣсколько словъ народу. Онъ спустился на одну или двѣ ступени и попробовалъ говорить. Можно было слышать только нѣсколько словъ: «Святое дѣло... великіе мученики... ненавистное идолопоклонство... права народа... до смерти!»

Увидавъ, что его слова не могутъ заглушить шума, Гордонъ возвратился къ коллегамъ, и толпа готова была послѣдовать за нимъ. Тогда полковникъ Гордонъ, родственникъ молодого лорда, но совершенно иного направленія, обнажилъ шпагу.

— Вы видите это... Блжнусь вамъ, что если хоть одинъ изъ негодаевъ придетъ сюда, я убью васъ прежде, чѣмъ онъ переступить порогъ парламента.

Легкая усмѣшка не покинула безцвѣтнаго и холоднаго лица Гордона; онъ спокойно выслушивалъ бросаемыя ему въ лицо оскорбленія.

— Злодѣи! — воскликнулъ Рейбенъ. — Они убьютъ его!

И, выхвативъ изъ-подъ плаща пистолеть, хотѣлъ броситься впередъ, когда послышался барабанный бой. Полковникъ Вудфордъ велъ нѣсколько ротъ солдатъ на защиту парламента.

Толпа отступила, но медленно, безъ паники, въ порядкѣ, шагъ за шагомъ, съ глухимъ взрывомъ ненависти, предвѣщавшимъ горячее сопротивленіе. Солдаты осторожно подвигались впередъ, довольствуясь тѣмъ, что занимали очищаемое мѣсто. Со всѣхъ сторонъ сыпалась брань, нѣсколько камней полетѣло въ ряды.

— Неужели вы будете драться за папу? — кричалъ кто-то изъ толпы.

— Развѣ англійскою кровью красятъ одежду кардиналовъ? — спрашивалъ другой.

Солдаты, видимо, неохотно, съ отвращеніемъ исполняли свою обязанность. Красивая парадная гвардія, рѣдко посылаемая на вой-

ну, не имѣла никакого желанія участвовать въ подавленіи бунта. Ходилъ слухъ, что она возстанетъ и откажется повиноваться офицерамъ.

Внутри парламента произошла странная перемѣна. Если нѣкоторые члены радовались, что они освобождены, то другіе негодовали. Появленіе войска среди представителей націи казалось имъ нарушеніемъ правъ парламента, почти равносильнымъ народному вторженію. Слово, всегда магическое въ подобныхъ случаяхъ, переходило изъ устъ въ уста: *breach of privilege*. Когда минуетъ или хотя бы отдалится опасность, тогда пробуждается чувство справедливости, уваженіе къ личности и гражданину. Вѣдь, эти люди, протестующіе противъ рѣшеній законодателей, пользуются своимъ правомъ, хотя и въ слишкомъ шумной формѣ. Неужели ихъ станутъ убивать? Еще туда-сюда кулачная расправа, удары палками и царапины шпагами, но ружейные выстрѣлы?! Нѣтъ, нѣтъ, надо беречь порохъ для французовъ!

Настала ночь. На площади становилось спокойнѣе, такъ какъ умы не могутъ долго оставаться настроенными на тотъ же діаметръ и часто самыя критическія положенія въ народныхъ возстаніяхъ разрѣшались единственно вслѣдствіе продолжительности. Часъ ужина чувствовали всѣ желудки, въ особенности тѣхъ, которые не успѣли пообѣдать. Судья Аддингтонъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобы сдѣлать попытку къ примиренію.

— Друзья мои, — воскликнулъ онъ, — дайте мнѣ честное слово, что вы удалитесь, и я отошлю солдатъ!

Раздались одобрительныя возгласы. Гвардія начала отступление; рукоплесканія удвоились. Чернь находила, что она доказала свое могущество, проучила своихъ повелителей, и медленно удалялась отъ парламента. Понемногу крики стихли и Вестминстерская площадь опустѣла. Объ партіи воображали, что побѣдили, и спокойствіе, повидимому, водворилось.

Но иллюзія продолжалась не долго. Нѣсколько минутъ спустя громкіе крики, ярко вспыхнувшее пламя и зарево возвѣстили, что настоящее буйство только еще начиналось. Скоро сдѣлалось извѣстно, что чернь напала на капеллу сардинскаго посланника въ Дьюкъ-Стритъ и другую капеллу римскаго исповѣданія въ Ворвигъ-Стритъ. Народъ ломалъ, опрокидывалъ, вытаскивалъ на улицу скамейки, картины, стулья, распятія, исповѣдальни, оставляя одні голыя стѣны, а изъ всѣхъ этихъ предметовъ идопоклонства устраивалъ иллюминацію. Испуганные католики бѣжали, какъ будто Лон-

донъ въ XVIII вѣкѣ готовился присутствовать при протестантской Варолюмеевской ночи.

Смятеніе царило въ одномъ кварталѣ, веселье въ другомъ. Въ то время, какъ въ Дьюкъ-Стритѣ раздавались отчаянные крики, въ Пантеонѣ танцовали.

ХІІ.

Мистрисъ Мэршамъ и Эстеръ провели весь день за приготовленіемъ костюмовъ. Отголосокъ народнаго волненія долетѣлъ до нихъ; имъ сказали, что большая толпа народа окружила парламентъ.

— А! — сказала мистрисъ Мэршамъ, не очень встревоженная. — Это петиція противъ папистовъ!

И она сейчасъ же забыла объ этомъ.

Что же касается Эстеръ, то ея голова, такъ возбужденная накануне, совершенно успокоилась. Предсказаніе цыганки, изреченіе Шекспира, всеобщій заговоръ, политическія событія, даже тщесловіе ея, ничто не могло перевѣсить чувства, скрытаго въ глубинѣ сердца. Она приняла твердое рѣшеніе. Поѣдетъ на балъ, будетъ веселиться насколько это возможно, но не позволить, чтобы ее похитили. «Луна можетъ всходить», но она не отвѣтитъ на условный знакъ. Она твердо рѣшилась дѣйствовать такъ... развѣ только въ послѣднюю минуту, въ припадкѣ новаго каприза, сдѣлаетъ какъ разъ обратное.

Эстеръ рано одѣлась и мистрисъ Мэршамъ не заставила себя ждать. Но прошло болѣе часа, а кавалеръ ихъ О'Флэнниганъ не явился.

Около девяти часовъ дамы услышали у дверей страшный шумъ и какъ будто дѣтскіе крики. Охваченная любопытствомъ и нетерпѣніемъ, Эстеръ пошла отпереть. Она съ изумленіемъ увидѣла дюжину мальчишекъ, бросавшихъ грязью въ странное существо, въ одеждѣ джентльмена, но съ громадною ослиною головой на плечахъ. Чудовище, слѣпое или пьяное на видъ, шатаясь, бросилось въ садъ.

— Заприте, заприте скорѣй! — вылетѣлъ неясный шепотъ изъ ослиной морды. — Вы видите, меня преслѣдуютъ.

Дѣвушка машинально повиновалась. Тогда незнакомецъ сбросилъ ослиную голову и глазамъ обѣихъ дамъ представилось блѣдное, взволнованное лицо профессора музыки.

— Мосье О'Флэнниганъ.

— Я самый! Удивляюсь, какъ я еще живъ. Вы видѣли этихъ безумцевъ?

— Безумцевъ? Старшему изъ нихъ нѣтъ двѣнадцати лѣтъ.

— Увѣрены ли вы?

— Вполнѣ. Но къ чему эта ослиная голова?

— Сегодня преслѣдуютъ католиковъ; поэтому я нарядился. Что могло быть естественнѣе, такъ какъ мы ѣдемъ въ маскарадъ? Я взялъ въ магазинѣ джюри-лэнскихъ аксесуаровъ ослиную голову, которая необходима для роли Основы въ комедіи *Сонъ въ летнюю ночь*. Она идетъ ко мнѣ, не правда ли?

— Какъ будто для васъ сдѣлана.

— Въ несчастію, въ Чэрингъ-Броссѣ чернь налетѣла на мои носилки, опрокинула ихъ, и подлые носильщики бросили меня одного. Я надѣлъ ослиную голову, но, должно быть, недостаточно быстро, чтобы не быть узаннымъ. Я бросился бѣжать, меня преслѣдовали съ криками: «Въ воду паниста!» Они исполнили бы на дѣлѣ то, что говорили.

Эстеръ разсмѣялась.

— Дѣти просто пугали васъ.

— Да, дѣти... Поэтому-то я и не обнажилъ оружія... О, если бы я имѣлъ дѣло съ мужчинами, они дорого заплатились бы за свою дерзость!

— Вы великодушны, мосье О'Флэнниганъ. Это достойно васъ. Теперь ѣдемъ скорѣе.

— Но безопасно на улицахъ?—спросила мистрисъ Мэршамъ.

— Бажется, все кончилось... Ничего не слышать.

И, въ самомъ дѣлѣ, было тихо, такъ какъ въ это именно время мятежники очистили площадь передъ парламентомъ.

Наемная карета безъ затрудненій привезла обѣихъ дамъ и ихъ спутника въ Оксфордъ-Стритъ или, какъ говорили тогда, Оксфордъ-Родъ, гдѣ находился Пантеонъ.

Маскарады, очень любимые современниками Георга I и Георга II, сразу прекратили свое существованіе въ половинѣ вѣка, въ эпоху, когда землетрясеніе напугало Европу. Лондонъ ожидалъ участи Лиссабона. Какой-то уличный пророкъ предсказалъ число, когда послѣдуетъ разрушеніе города. Наканунѣ страшнаго дня большая часть населенія покинула городъ и расположилась на открытомъ воздухѣ. Даже послѣ того, какъ благополучно миновалъ роковой срокъ, безотчетный страхъ носился въ воздухѣ, парализовалъ всѣ удовольствія. Народные проповѣдники громили съ кафедръ современные пороки и въ особенности нападали на неприличную распу-

щенность маскарадовъ. Господь покараетъ Англію. Его десница уже простерлась къ ней. Бонецъ маскарадамъ, иначе дождь изъ сѣры или смолы уничтожитъ новый Вавилонъ; земля разверзнется, чтобы поглотить грѣшниковъ и грѣшницъ въ ихъ непристойныхъ нарядахъ и маскахъ, прикрывающихъ всевозможные пороки. Въ подобномъ видѣ они предстанутъ предъ лицомъ Всевышняго и отъ веселья бальной залы рѣзко перейдутъ къ неописуемымъ мукамъ ада.

Маскарады сразу исчезли.

Понемногу паника улеглась, забылась, сдѣлалась историческимъ воспоминаніемъ. Нѣкоторые вольнодумцы начали даже посмѣиваться надъ ней. Въ первый разъ, когда какой-то устроитель развлеченій заговорилъ о возобновленіи маскарадовъ, кто-то шутя замѣтилъ: «Должно быть, произойдетъ землетрясеніе!» Фраза понравилась и всѣ устремились на вечера, которые открыла Тереза Корнелисъ въ Барлейль-гоузѣ въ Сого-Скварѣ.

Сначала добрая Тереза Корнелисъ не требовала платы. *Fi donci* Если она и брала немного денегъ, то только на покупку топлива лондонскимъ бѣднымъ, замерзавшимъ въ ту зиму отъ холода. Но настало лѣто: въ Барлейль-гоузѣ продолжали танцовать. Корнелисъ объясняла, что она руководится цѣлью поддержать коммерцію, переживавшую кризисъ (коммерція всегда переживаетъ кризисъ). Между тѣмъ, епископы начали громко жаловаться на распущенность, царившую у мистрисъ Корнелисъ: если вѣрить имъ, Барлейль-гоузъ сдѣлался неприличнымъ мѣстомъ.

Тогда-то зародилась мысль устроить маскарадъ, доступъ въ который былъ бы запрещенъ куртизанкамъ, и гдѣ могли бы бывать только свѣтскія женщины. Пантеонъ открылъ свои двери 27 января 1772 года. Въ тотъ же вечеръ въ дверяхъ залы показалась миссъ Абингтонъ, первая изъ числа исключенныхъ; она улыбалась и съ побѣдоноснымъ видомъ обмахивалась вѣеромъ.

— Мадемуазель, — вѣжливо прошепталъ распорядитель, — къ моему величайшему огорченію, я вынужденъ отказать вамъ въ пропускѣ въ залу. Таковъ формальный уставъ и...

Миссъ Абингтонъ обернулась и сдѣлала знакъ. Къ ней двинулась въ большомъ порядкѣ свита изъ сорока джентльменовъ со шпагами въ рукахъ. Несчастный распорядитель уступилъ передъ численностью и дама полусвѣта торжественно вступила въ большую залу. Въ открытую брешь за нею слѣдомъ проникла вся армія порока.

Вечеръ былъ въ разгарѣ, когда мистрисъ Мэршамъ съ племян-

ницей, обѣ въ домино и маскахъ, вошли въ большую ротонду. Послѣ свѣжести и тишины улицъ, по которымъ ѣхала карета, онѣ растерялись, чуть не задохлись, попавъ въ середину этого горнила и какофонии. Смущеніе ихъ граничило съ отчаяніемъ. Воздухъ былъ пропитанъ тяжелымъ запахомъ духовъ. Жара была такъ велика, что свѣчи таяли, капали на посѣтителей, которые не замѣчали этого. Тысячи людей, то пьяныхъ, то увлеченныхъ весельемъ и шумомъ, смѣялись, кричали, суетились, поднимали ногами пыль, которая стояла туманомъ надъ головами. Толпа производила такой шумъ, что пронзительныя и рѣзкія взвизгиванія скрипокъ, оглушительныя звуки барабановъ едва могли на минуту заглушить его.

— Это Бедламъ!—воскликнула Эстеръ.

— Адъ какой-то!—отвѣтила мистрисъ Мёршамъ.

Она дрожала отъ волненія и уже раскаивалась, зачѣмъ поѣхала. О'Флэнниганъ задыхался въ ослиной головѣ, ничего не видѣлъ, ничего не слышалъ; онѣ повернулся поочередно къ своимъ спутницамъ, причемъ не рассчиталъ длины своей выдавшейся морды и ударилъ бы ихъ прямо въ лицо, если бы онѣ во-время не отстранились. По-немногу они начали различать въ толкотнѣ кое-какія подробности, замѣтили нѣсколько характерныхъ фигуръ. Полуприкрытая кисеей султанша сидѣла въ бархатномъ паланкинѣ на картонномъ слонѣ, ноги котораго составляли четыре сильныхъ челоуѣва. Слона велъ величественный мусульманинъ съ длинною бородой, въ золотистомъ кафтанѣ и съ громаднымъ рубиномъ на тюрбанѣ. Два маленькихъ негра, одинъ съ курильницей, другой съ вѣеромъ изъ перьевъ въ рукахъ, совали проходящей публикѣ таинственные листки бумаги, тщательно сложенные. Въ нихъ оказывался адресъ магазина въ Бондъ - Стритъ, гдѣ продавались индѣйскія матеріи по самой дешевой цѣнѣ, и маскарадъ служилъ для него рекламой. Шествіе заканчивала группа одалисокъ, среди которыхъ кривляющійся евнухъ несъ дощечку съ надписью: «Продажныя рабыни». Одалисокъ неотступно осаждала толпа людей-обезьянъ, которыхъ никто не могъ бы превзойти въ смѣлости и нахальствѣ. Кормилица съ металлическими украшеніями на головѣ важно расхаживала, держа на рукахъ запеленатую собаченку, вмѣсто ребенка. Кто-то нарядился полу-мельникомъ, полу-трубочистомъ: одна сторона была бѣлая отъ муки, другая черная отъ сажи. Прямая линия раздѣляла его лобъ, носъ, подбородокъ и все тѣло на двѣ части. Дальше прогуливались: потайной фонарь, артишокъ, гигантскій паукъ, наконецъ, мертвецъ въ саванѣ, съ гробомъ подъ мышкой, въ который онѣ игривымъ жестомъ приглашалъ дамъ, отвѣчавшихъ ему громкимъ

хохотомъ. Адамъ и Ева въ трико тѣлеснаго цвѣта въ фиговомъ поясѣ изъ крашеной бумаги несли небольшое дерево, вокругъ ствола котораго обвился очень искусно сдѣланный змѣй. Ева рвала съ дерева запрещенные плоды и предлагала ихъ мужчинамъ съ наивною улыбкой.

Попадались и живыя каррикатуры, которыя легко было узнать и понять. Компасъ, представлявшій нѣкоторое сходство съ головой Георга III, повернулъ стрѣлку къ сѣверу. т. - е. къ лорду Норту, который подвигался въ костюмъ Борея и велъ подъ руку страшнаго людоѣда: символъ дружбы между первымъ министромъ и индѣйскимъ населеніемъ. Другая группа состояла изъ испанца, француза-щеголя, одѣтаго по послѣдней версальской модѣ, и плантатора Виргиніи, — три врага Англіи въ ту эпоху. Они бѣжали впереди дамы Британіи, которая была ихъ плетью, къ величайшей радости присутствующихъ въ залѣ патриотовъ. Какая-то женщина олицетворяла тайную интригу (*backstairs intrigue*, буквально: интрига задняго крыльца). Она таинственно шептала, раздавала мѣшки съ деньгами, грамоты на право полученія пенсіи и держала національный гербъ, изъ котораго ганноверскій конь ударомъ копыта выгонялъ британскаго льва; она топтала ногами изорванную бумагу, на которой виднѣлась надпись крупными буквами: биль о законахъ. Около нея римскій папа съ тиарой на головѣ кувыркался и позвякивалъ ключами святаго Петра.

— Надо пойти наверхъ, чтобы видѣть общую картину, — сказала Эстеръ тетѣ.

Кое-какъ онѣ дотащили до конца лѣстницы О'Флэннигана, который спотыкался на каждой ступени. Облокотившись на бархатную рампу, онѣ долго смотрѣли внизъ. Большая круглая зала казалась кратеромъ вулкана и поднимавшійся къ нимъ паръ обжигалъ ихъ лица. Въ эту минуту дамы и кавалеры въ дикомъ вихрѣ кружились по залѣ съ возрастающею быстротой. Горе тѣмъ, кто встрѣчался на ихъ пути! Горе тому, кто падалъ! Его немилосердно топтали ногами.

Опьяненные виномъ и пляской, они утратили понятіе о приличіяхъ и препятствіяхъ, перестали сознавать личное существованіе и готовы были завертѣться до смерти. Дамы обернулись назадъ. Вокругъ нихъ происходили разнообразныя сцены и удовольствіе принимало здѣсь другой характеръ. Въ залахъ, изображавшихъ по тогдашней модѣ внутренность китайскихъ или японскихъ домиковъ, публика сидѣла за столиками, пила и ѣла. Тутъ были и женщины; однѣ проголодались и съ жад-

ностью набрасывались на паштетъ изъ поросенка со сливами, другія — наслаждались пирожками и кремомъ. Шампанское и рейнвейнъ лились рѣкой. Изъ темныхъ угловъ долеталъ шепотъ, сдержанный смѣхъ и звуки поцѣлуевъ. Дальше стѣснились еще меньше и ужинъ переходилъ въ оргію. Молоденькая дѣвушка, лѣтъ шестнадцати, танцевала на столѣ въ мужской треуголкѣ, съѣхавшей ей на глаза. Другая, полупьяная и съ растрепанными волосами, полулежала на колѣняхъ какого-то мужчины, протягивала обнаженную руку другому, безсознательно улыбалась третьему... Еще какая-то улеглась на диванѣ и спала такъ спокойно, точно на собственной кровати.

— Пройдемъ скорѣе! — сказала мистрисъ Мёршамъ, уже проглянвшая свое любопытство.

Въ эту минуту Эстеръ замѣтила между двумя колоннами мужчину и женщину, полускрытыхъ занавѣской. Маска, къ удивленію, была въ одинаковомъ домино съ нею: коричневомъ съ голубыми лентами. Мужчина повернулся къ ней лицомъ, говорилъ въ полголоса, повидимому, о чемъ-то просилъ, умолялъ; она обмахивалась вѣеромъ, отрицательно качала головой и кокетливымъ жестомъ говорила «нѣтъ», то «нѣтъ», которое бываетъ предвѣстникомъ и почти синонимомъ «да». Вѣроятно, какая-нибудь минутная любовь, тысячами зарождающаяся и потухающая въ такія ночи! Однако, кавалеръ имѣлъ болѣе серьезный видъ, чѣмъ всѣ окружавшіе его люди. Въ томъ, какъ онъ сжималъ маленькую ручку и старался заглянуть сквозь отверстія маски въ глаза незнакомки, проглядывала тревога, страсть, мука... Онъ отвернулъ на минуту голову. Этого было достаточно, чтобы Эстеръ узнала Фрэнка Мондея.

Эта сцена произвела на Эстеръ такое неожиданное и сильное впечатлѣніе, какого она и представить себѣ не могла. Кровь прилила къ ея сердцу, ноги задрожали, она безсознательно слѣдовала за увлекавшею ее теткой. Эстеръ достаточно было одного мгновенія, чтобы понять, что она любитъ Фрэнка, а также узнать, что Фрэнкъ не любитъ ее. Ее подкупили его нѣжныя фразы, печальные взоры, рассказъ о дѣтскихъ страданіяхъ; ей казалось такъ пріятнымъ утѣшить одинокаго сироту. Ради него она готова была жертвовать своими мечтами о блескѣ, роскоши, весельѣ... А онъ, Фрэнкъ, былъ такъ же легкомысленъ, какъ и другіе; онъ никогда не думалъ о ней! При этой мысли Эстеръ негодовала на самое себя. Духъ смѣлости и жажда приключеній, такъ часто мучившіе ее, вновь пробудились въ ней и влекли ее впередъ, подобно тому, какъ боль, причиняемая шпорой, подгоняетъ кровную лошадь.

«Счастливо я отдѣлалась!—думала Эстеръ.—Хижина, чердакъ съ Фрэнкомъ, нищета, голодь,—вотъ счастье, которое я едва не полюбила, я, дочь Шекспира, созданная для блеска, великихъ ролей и сильныхъ ощущеній!... Жребій брошенъ, я буду леди Моубрей!»

Дамы въ сопровожденіи своего кавалера съ ослиною головою спустились внизъ. Вдругъ какая-то женщина бросилась къ О'Флэннигану и издала такой пронзительный крикъ, что даже среди этого оглушительнаго шума болѣе тридцати человѣкъ обернулись, остановились, заинтересованные сценою, которая произойдетъ.

— Негодай!—кричала женщина.—Такъ-то ты бросаешь жену съ голодными дѣтьми?

— Я?—пробормоталъ О'Флэнниганъ и оцѣпенѣлъ отъ изумленія; онъ едва дышалъ, такъ какъ незнакомка схватила его за жабо.

— Да, вы!... Въ то время, какъ вы здѣсь прогуливаетесь съ особами, до которыхъ мнѣ стыдно было бы прикоснуться пальцемъ, вы бросаете вашу законную жену на попеченіе прихода.

— Сударыня, вы ошибаетесь... Я весьма сочувствую вашему несчастію, но позвольте вамъ замѣтить, что вы слишкомъ душите меня. Вы изорвете жабо, а оно принадлежит магазину Дрюри-Лэнскаго театра. Повторяю вамъ, что вы ошибаетесь.

О'Флэнниганъ снялъ ослиную голову и показалъ свое честное, открытое лицо, съ растеряннымъ выраженіемъ. Зрители затанли дыханіе.

— Нѣтъ, не ошибаюсь... Вы мой мужъ, Патъ О'Флэнниганъ, профессоръ музыки и суфлеръ въ Дрюри-Лэнскомъ театрѣ.

— Конечно, я О'Флэнниганъ, профессоръ и суфлеръ въ Дрюри-Лэнскомъ театрѣ... Но чтобы я былъ вашимъ мужемъ... Убей меня Богъ, если я васъ когда-нибудь видѣлъ!...

— Вы меня никогда не видали? Вы никогда не видали Молли Макъ-Морро, съ которой васъ вѣнчалъ Брейскій священникъ въ Ирландіи? Вы никогда не видали матери вашихъ шестерыхъ дѣтей?

Мистрисъ Мэршамъ выпустила руку несчастнаго О'Флэннигана.

— Возможно ли?—воскликнула она.—Неужели это дѣйствительно мистрисъ О'Флэнниганъ?

— Увѣряю васъ, мистрисъ Мэршамъ, что не существуетъ никакой мистрисъ О'Флэнниганъ. Эта женщина или сумасшедшая, или негодяйка; она подослана моими врагами.

— Сумасшедшая! Негодяйка! Если есть здѣсь негодяйка, такъ только вотъ эта нахалка, которая крадетъ чужую собственность и отвлекаетъ женатаго человѣка отъ его обязанностей!

— О!—произнесла мистрисъ Мэршамъ въ ужасѣ.

— Я не знаю, — кричала женщина, — что останавливает меня сорвать съ нея маску и испарпать ей лицо ногтями!

Она угрожающе приблизилась и протянула сжатый кулак къ лицу мистрисъ Мършамъ, которая слабо прошептала:

— Помогите!

Вокругъ собралась толпа; тотъ, кто плохо видѣлъ, толкалъ другихъ, влѣзалъ на стулъ. Раздавались восклицанія: «Двѣ женщины! Онѣ подерутся! Bravo! Не мѣшайте имъ!»

Составлялись пары.

— Держу за законную пять противъ одного!

— Идетъ!

Другіе потѣшались надъ жалкою фізіономіей О'Флэннигана. Мистрисъ Мършамъ выпустила руку Эстеръ, стоявшей немного позади. Никто не обратилъ на нее вниманія. Вдругъ сзади нея чей-то голосъ отчетливо произнесъ:

— Луна взошла!

Эстеръ вздрогнула, сердце ея громко застучало. Вся жизнь зависѣла отъ того, какъ она поступитъ. Въ эту минуту въ умѣ ея представилась нѣмая сцена, которую она видѣла наверху: Фрэнкъ сжималъ руку незнакомки въ домино и взоромъ умолялъ ее.

«Будь, что будетъ!» — подумала Эстеръ.

Она закрыла глаза, точно готовилась броситься въ пропасть. Кто-то схватилъ ее за руку и увлекъ впередъ. Она безмолвно подѣловала за проводникомъ.

XIII.

Положеніе несчастнаго О'Флэннигана и его дамы становилось критическимъ, когда неожиданно на полѣ битвы появился союзникъ въ лицѣ величественнаго мусульманина, изображавшаго вожакаго слона.

— Вотъ гнусная комедія! — воскликнулъ онъ. — Этотъ джентльменъ невиненъ, я въ томъ порукой. Да неужели вы не узнаете цыганку, которая воровитъ на ярмаркѣ св. Вареломея и которая не разъ появлялась передъ судьями въ Боу-Стритъ?

— Дѣйствительно, — замѣтилъ кто-то, — это Рахава, цыганская царица.

— Надо позвать полицію и отправить цыганку въ тюрьму.

Со всѣхъ сторонъ посыпались неодобрительные возгласы.

— Нѣтъ, нѣтъ! — кричала толпа. — Не надо полиціи! Это шутка! Не надо дѣлать ей зла!

При упоминаніи полиціи и тюрьмы цыганка быстро повернулась и исчезла въ толпѣ. Съ помощью своего благороднаго защитника О'Флэнниганъ довелъ задыхавшуюся отъ стыда и злости мистрисъ Мёршамъ до уединенной залы и усадилъ на скамейку. Лакей принесъ стаканъ воды. Взволнованная дама выпила половину и оглядѣлась кругомъ.

— Не забуду я этого вечера, — проговорилъ она. — Богъ наказалъ меня за любопытство, какъ покаралъ нѣкогда нашу прародительницу Еву. Но, вѣдь, я, — прибавила старуха, обманывая самое себя, — я хотѣла доставить удовольствіе племянницѣ.

При этихъ словахъ она вспомнила о молодой дѣвушкѣ.

— Но гдѣ же Эстеръ?

— Въ самомъ дѣлѣ, куда же дѣвалась миссъ Вудвиль? — спросилъ О'Флэнниганъ.

Она высказала различныя предположенія: молодая дѣвушка испугалась, ихъ разлучила толпа.

— Надо отыскать ее! — воскликнула мистрисъ Мёршамъ.

— Въ чемъ она? — спросилъ персіянинъ.

Мистрисъ Мёршамъ описала костюмъ племянницы.

— Безполезно искать. Миссъ Вудвиль похищена или, вѣрнѣе, добровольно послѣдовала за своимъ похитителемъ. Вся эта смѣшная исторія, — я понимаю теперь, — имѣла одну цѣль: ошеломить васъ, отвлечь ваше вниманіе. Въ ту минуту, когда я спѣшилъ вамъ на помощь, я собственными глазами видѣлъ, какъ коричневое домино съ голубыми лентами направлялось къ выходу подъ руку съ замаскированнымъ джентльменомъ.

— Эстеръ? Это невозможно!

— Это не подлежитъ сомнѣнію... Но я могу сказать вамъ еще больше: я могу назвать имя похитителя.

— Назовите!

— Лордъ Моубрей.

— Но кто же вы сами, чтобы знать такъ много? — спросилъ О'Флэнниганъ. — Вы или козлунъ, или самъ чортъ?

Вмѣсто отвѣта, персіянинъ снялъ свою накладную бороду.

— Мосъе Фишеръ! — воскликнули въ одинъ голосъ квалерша и ея кавалеръ.

— Къ вашимъ услугамъ. Эта борода принадлежитъ Просперовъ въ «Бурѣ».

— А! Сегодня, публика растащила, кажется, всѣ аксесуары Шекспира!... Но скажите мнѣ, Фишеръ, почему вы знаете, что лордъ Моубрей похитилъ миссъ Вудвиль?

— Я имѣю доказательства, — таинственно отвѣтилъ Фишеръ. — Я держалъ ихъ въ рукахъ: вы можете повѣрить мнѣ.

Парикмахеръ не нашелъ нужнымъ распространяться и сообщать, что на упомянутыхъ «доказательствахъ» было вычеканено изображеніе его величества.

— Боже мой, что дѣлать? — воскликнула мистрисъ Мэршамъ, ломая руки.

— Надо предупредить вашего сына, — посоветовалъ ирландецъ.

Бвакерша ужаснулась.

— Рейбена! Какими упреками осыпать онъ меня!

— Онъ женихъ своей кузины, онъ энергиченъ и рѣшителенъ. Если кто-нибудь можетъ спасти молодую дѣвушку отъ ожидающей ее страшной участи, то только онъ... Нельзя терять ни минуты.

— Но гдѣ найти его?

— Нѣтъ ничего легче, — замѣтилъ Фишеръ. — Его цѣлый день видѣли во главѣ враговъ папства. Если я не ошибаюсь, онъ любитъся теперь пожаромъ сардинской капеллы.

Рѣшено было отвести мистрисъ Мэршамъ въ домъ Фишера по близости отъ Оксфордъ-Рода, а мужчинамъ отправиться на поиски Рейбена. У парикмахера всюду были друзья. У подѣзда ему сообщили кое-какія свѣдѣнія, подтвердившія его предположенія. Видѣли, какъ капитанъ Гекманъ, неразлучный съ лордомъ Моубрей, бродилъ по Оксфордъ-Роду съ пистолетомъ въ рукахъ. Карета безъ герба и съ кучеромъ въ темной ливреѣ стояла въ сторонѣ. Джентльменъ въ маскѣ подъ руку съ дамой въ коричневомъ домино съ голубыми лентами вышли изъ подѣзда. Онъ сдѣлалъ знакъ. Карета подѣехала; кавалеръ и дама сѣли въ нее. Тогда Гекманъ вскочилъ на возлы и крикнулъ: «Въ Чельзи!» Карета быстро помчалась налѣво и чуть-чуть не раздавила прохожихъ. Существовала другая версія, которую рассказывалъ одинъ папъ. Мужчина былъ въ маскѣ, дама въ домино того же цвѣта. Только дѣйствіе произошло у одного изъ боковыхъ подѣздовъ. Вмѣсто кареты, дама сѣла въ носилки, которыя направились направо, въ сторону Сити. Во всѣхъ подобныхъ событіяхъ бываютъ разногласія въ показаніяхъ. Кому вѣрить? Конечно, тѣмъ, кто узналъ Гекмана и слышалъ данный кучеру адресъ. Моубрей, безъ сомнѣнія, увлекалъ свою жертву въ «Folie» въ Чельзи.

Фишеръ былъ расторопный и не глупый человѣкъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ освободился отъ тюрбана, персидскаго кафтана, фальшивой бороды и отыскалъ Рейбена въ Дьюкъ-Стритъ.

Разрушители кончили свое дѣло; толпа, утомленная зрѣлищемъ, рѣдѣла. Костеръ, образовавшійся изъ украшеній капеллы, началъ потухать за недостаткомъ матеріала. Четырнадцать, пятнадцать лѣтніе ребятишки замѣнили взрослыхъ людей, прыгали черезъ обуглившіеся обломки, кричали, разгребали головешки, отчего коегдѣ ярко вспыхивало пламя. Свѣтъ озарялъ тогда на мгновение всю улицу, освѣщавъ въ окнахъ испуганныя лица женщинъ, а въ темныхъ углахъ небольшія группы бунтовщиковъ въ надвинутыхъ на глаза шляпахъ. Среди нихъ стоялъ холодный, неумолимый Рейбенъ и слѣдилъ за тѣмъ, чтобы никто не приближался къ огню, чтобы никто ничего не спасъ и не похитилъ.

Въ это самое время Фишеръ приблизился къ Рейбену и шепнулъ ему на ухо нѣсколько словъ.

Рейбенъ вздрогнулъ отъ неожиданности и негодованія.

— Лордъ Моубрей похитилъ Эстеръ! Увезъ въ Чельзи!

Онъ, однако, сдержался и подумалъ немного.

— Друзья мои, — произнесъ онъ твердымъ, но сдержаннымъ голосомъ, чтобы его слышали тридцать или сорокъ человекъ, которые окружали еще его, — намъ нечего больше тутъ дѣлать. Если мы останемся дольше, насъ заберутъ солдаты; я получилъ сейчасъ извѣстіе, что они приближаются. Разойдемся, чтобы собраться черезъ часъ въ Чельзи около Бонъ-гоуза. Тамъ мы сдѣлаемъ нападеніе на домъ, хозяинъ котораго тайно покровительствуетъ панистамъ...

Въ эту минуту Рейбенъ глгалъ. Но ему пришли на память многочисленные примѣры изъ священнаго писанія, оправдывавшіе подобную благонамѣренную ложь, и потому, бросивъ выразительный взглядъ толпѣ грабителей, до сихъ поръ весьма недовольной, онъ продолжалъ увѣреннымъ тономъ:

— Этотъ домъ помонъ сокровищъ. Въ немъ же спрятана молодая дѣвушка, одна изъ нашихъ, которую этотъ негодяй похитилъ, чтобы сдѣлать своею игрушкой. Поспѣшимъ, если хотимъ поспѣть во-время, чтобы спасти ее!

Его слова были встрѣчены одобрительнымъ крикомъ. Небольшой отрядъ раздѣлился группами и разными дорогами направился къ условному мѣсту. Рейбенъ пошелъ съ Фишеромъ, который разсказалъ дорогой всѣ подробности происшествія.

Бонъ-гоузъ славился въ то время сытными, немного тяжеловатыми пирожками.

Въ лѣтнее время туда ѣзжали компаніи поѣсть «buns» и запить ихъ портвейномъ. Самъ Георгъ III, проѣздомъ изъ Бью въ

Сентъ-Джемсъ, останавливался тутъ и удостоивалъ фамиллярною бесѣдой мистрисъ Хэндсъ—кондитершу.

Она, вѣроятно, крѣпко спала въ ту ночь и не слыхала, какъ шумѣла толпа, собиравшаяся около ограды ея сада. Рейбенъ увидѣлъ очень немногихъ изъ тѣхъ фанатиковъ - сектантовъ, которыхъ велъ къ парламенту. Утомленные дневнымъ трудомъ, довольные, что устрашили, какъ имъ казалось, представителей нации и разрушили два идолопоклонническихъ вертепа, они, вѣроятно, разбрелись по домамъ. Изъ всей рѣчи Рейбена одна фраза произвела впечатлѣнiе: «этотъ домъ полонъ сокровищъ». Это не удивляло его, такъ какъ онъ произнесъ ее не безъ умысла. Но если Рейбенъ остался невозмутимъ, то Фишеръ содрогнулся при видѣ окружавшихъ ихъ разбойничьихъ физиономій. Собралось человекъ сорокъ, вооруженныхъ пистолетами, палками и кинжалами. Страшные, рѣшительные, готовые на все, привыкшіе, повидимому, къ подобнымъ ночнымъ походамъ, они подвигались безъ шума, повиновались быстро, точно дисциплинированные.

— Домъ вонъ тамъ, за деревьями, — сказалъ Рейбенъ. — Надо оцѣнить его такъ, чтобы никто не могъ убѣжать. По три человекъ къ каждому выходу.

— Я былъ конюхомъ въ Фоли-Моубрей, — сказалъ, выдвигаясь впередъ, рыжій малый. — Въ сѣверной стѣнѣ есть лазейка, черезъ которую я отправлялся по ночамъ къ подругѣ сердца—Пегъ, которая жила служанкой въ гостиницѣ Nell Gwinne. Если хотите, я проведу васъ.

— Ведите, — лаконически отвѣтилъ Рейбенъ.

Нѣсколько минутъ спустя отрядъ проникъ въ паркъ и тихо прошелъ подъ высокими деревьями, избѣгая усыпанныхъ пескомъ дорожекъ. Густая трава смягчала шаги, а поднявшійся легкій вѣтерокъ заглушалъ производимый ими шумъ. Изрѣдка только раздавался ударъ о камешекъ или трескъ сухой вѣтки подъ ногами. Въ пятидесяти ярдахъ отъ дома раскинулась широкая лужайка.

— Стой! — командовалъ Рейбенъ сдержаннымъ голосомъ.

Въ домѣ было темно, онъ казался нежилымъ. Но послѣ долгаго наблюденія Рейбенъ и Фишеръ различили въ первомъ этажѣ между половинками ставенъ полоску свѣта.

«Они тутъ», — подумалъ Рейбенъ, дрожа отъ негодованія, и громко командовалъ:

— Впередъ!

Отрядъ бросился впередъ. Но, вѣроятно, кто-нибудь сторожилъ, кого они не замѣтили. Произошла тревога и тяжелыя дубовыя двери

захлопнулись передъ ними. Внутри дома слышалось щелканье замковъ и стукъ укрѣпленныхъ запоровъ.

Послѣдовала минута затишья, потомъ раздался крикъ, въ которомъ слышались сорокъ ругательствъ. Бывшій конюхъ заговорилъ опять:

— За праченой сложены толстыя бревна, приготовленные для постройки лѣтняго павильона. Однимъ такимъ бревномъ мы можемъ выбить двери.

Рейбенъ согласился. Черезъ нѣсколько минутъ двадцать человекъ принесли импровизированный таранъ и, мѣрно раскачиваясь по командѣ, начали ударять имъ въ дверь. Послѣ третьяго удара раздавался трескъ.

— Послушайте, — сказала Фишеръ, — кто-то говорить сверху.

Задыхающіеся, обливающіеся потомъ люди остановились. На самомъ дѣлѣ въ первомъ этажѣ открылось окно и мужчина, — лордъ Моубрей, безъ сомнѣнія, — появился на балконѣ. Всѣ взгляды устремились на него и изъ всѣхъ устъ вылетѣли бранныя слова. Съ спокойнымъ любопытствомъ оглядѣлъ Моубрей волнующуюся и рычащую толпу.

— Джентльмены, — заговорилъ онъ, — насъ здѣсь десятокъ хорошо вооруженныхъ человекъ и мы рѣшили защищаться до конца. Первый, кто проникнетъ въ мой домъ, дорого заплатится за любопытство. Но, прежде чѣмъ убивать, вступаю въ переговоры. Что вамъ надо отъ меня? Можетъ быть, вы воображаете, что я напишу? Я членъ англиканской церкви, какъ говорила мнѣ моя кормилица, и готовъ произнести передъ вами отреченіе отъ католическихъ догматовъ, такъ же, впрочемъ, какъ и всѣ остальные отреченія, готовъ поклясться Христомъ, Магометомъ, Вааломъ и Вельзевуломъ.

Такая рѣчь возмутила бы добродѣтельныхъ друзей Рейбена, но теперь вызвала хохотъ сопровождавшей его черни. Молодой Мэршамъ почувствовалъ, какое преимущество даетъ Моубрею его насмѣшливое хладнокровіе, высшее достоинство въ глазахъ англійской черни. Онъ поторопился вмѣшаться.

— Вы скрываете здѣсь молодую дѣвушку, которую похитили у родителей.

— Правда, — возразилъ лордъ Моубрей. — Здѣсь находится молодая дама... Желаете видѣть ее?

— Немедленно. Я требую.

— Я не слышалъ послѣдняго слова и готовъ исполнить вашу

просьбу. Мадамъ, будьте добры, покажитесь господамъ, которые беспокоятся о васъ.

Онъ повернулся внутрь комнаты, почтительно поклонился и граціозно протянулъ руку, чтобы помочь дамѣ выйти на балконъ. Въ то же время, онъ произнесъ:

— Гэкманъ, мой добрый другъ, посвѣтите намъ.

Капитанъ Гэкманъ появился на балконѣ съ зажженнымъ факеломъ въ рукѣ.

— Это она! — воскликнулъ Фишеръ. — Я узнаю коричневое домино и голубые ленты. Я готовъ погляться, что костюмъ взять у меня.

— Мадамъ, — продолжалъ Моубрей, съ новыми изъявленіями вѣжливости, — по доброй ли волѣ находитесь вы здѣсь?

Замаскированная женщина сдѣлала утвердительный жестъ.

— Кто-нибудь васъ обидѣлъ или оскорбилъ здѣсь?

Она отрицательно покачала головой.

— Эстеръ, — воскликнулъ Рейбенъ, — возможно ли, чтобы вы забыли?...

Моубрей перебилъ его:

— Что вы?... Развѣ въ такомъ многочисленномъ собраніи начинаютъ семейныя объясненія или читаютъ наставленія молодымъ дѣвушкамъ?... Потрудитесь войти сюда. Мой домъ открытъ для васъ, но только для васъ одного. Даю вамъ слово, что если послѣ нѣсколькихъ минутъ разговора вы будете продолжать требовать эту даму, она можетъ слѣдовать за вами... Вы, съ своей стороны, поглянитесь...

— Я никогда не влянусь, — рѣзко перебилъ Рейбенъ.

— Напрасно, — вѣжливо продолжалъ Моубрей, — это представляетъ нѣкоторыя удобства.

— Въ писаніи сказано: «не поминай имени Господа Бога твоего всуе».

— Ну, такъ общайте мнѣ, по крайней мѣрѣ, что ваши люди въ это время не двинутся съ мѣста и не причинять никакого вреда.

— Общай!

Затѣмъ Рейбенъ обратился къ спутницамъ:

— Если черезъ четверть часа я не выйду изъ дома, войдите въ него и перебейте всѣхъ, кого найдете.

— Это самое лучшее, — иронически замѣтилъ Моубрей.

Когда Рейбенъ, въ качествѣ переговорщика въ враждебномъ станѣ, появился въ гостиной перваго этажа, Моубрей сказалъ:

— Теперь вы можете снять маску, мадамъ.

Молодая женщина развизала штурри маски и Рейбенъ увидѣлъ передъ собою Беллу Верекеръ; ея черные глаза смотрѣли на него съ страннымъ выраженіемъ любопытства и насмѣшки.

— Вы поражены, мосье, — продолжалъ лордъ Моубрей, — такъ же, какъ я самъ былъ пораженъ часъ тому назадъ. Блжнусь небомъ, что я не миледи желалъ похитить. Но, какъ говорить пословица: взявшись за гушь, не говори, что не дужь, — хотя ничего не можетъ быть несноснѣе поцѣлуевъ прежней любовницы...

— Накалы! — проговорила леди Верекеръ, играя вѣеромъ.

Рейбенъ стоялъ мрачный, съ выраженіемъ недовѣрія на лицѣ.

— Кто мнѣ поручится, что миледи не ваша соучастница?

Леди Верекеръ воскликнула съ притворнымъ негодованіемъ, сквозь которое проглядывала насмѣшка:

— Я, я, рискнувшая собственною репутаціей, чтобы спасти мою лучшую подругу отъ позора!

Не обращая вниманія на важность такой жертвы, Мэршамъ продолжалъ:

— Почему я знаю, что моя кузина не спрятана гдѣ-нибудь въ этомъ проклятомъ домѣ? Достоверно только то, что она исчезла.

— Если она похищена, то, вѣроятно, самимъ чортомъ. Я, къ несчастью, тутъ не причемъ. Осмотрите весь мой домъ, я позволяю вамъ. Я ни въ чемъ не могу отказать такому любезному человѣку, какъ вы.

Въ сопровожденіи Гекмана, Фишера и бывшего конюха, знавшаго всѣ закоулки, Рейбенъ Мэршамъ обошелъ всю Фоли-Моубрей. Капиталь Гекманъ, доводя до утрировки дѣланную любезность своего патрона, шелъ впереди, отворялъ чуланы, гардеробы, шкафы, предлагалъ осмотрѣть такія мѣста, гдѣ могъ бы помѣститься развѣ только кроликъ. Рейбенъ и его спутники не обращали никакого вниманія на его дерзости и палками постукивали въ стѣны.

— Эстеръ, Эстеръ! — кричалъ Рейбенъ громкимъ голосомъ. Но никто не отвѣчалъ ему.

Около каждой двери капитанъ Гекманъ, по правиламъ французской вѣжливости, почтительно сторонился; такимъ образомъ они обошли кухни, людскія, не пропустивъ ни одного мѣстечка. Гекманъ настоялъ, чтобы они прошли вдоль обоихъ подземныхъ ходовъ, изъ которыхъ одинъ выходилъ въ поле, другой къ берегу рѣки.

— Теперь, — сказалъ онъ, — вы знаете домъ не хуже самого строителя.

— Ну, что? — спросилъ Моубрей у Рейбена, когда тотъ возвратился послѣ своихъ тщетныхъ поисковъ.

— Я ничего не нашёл, милордъ, — возразилъ Рейбенъ съ отъѣвномъ замѣшательства.

— Вы догадываетесь, вѣроятно, чего я жду отъ васъ?

— Чтобъ я удалилъ толпу? Я сейчасъ исполню это.

Онъ вышелъ на балконъ и подзвалъ своихъ спутниковъ.

— Здѣсь нѣтъ молодой дѣвушки, которую я ищу. Ваше присутствіе, слѣдовательно, излишне и вы можете разойтись.

Зловѣщій ропотъ пробѣжалъ по рядамъ небольшого отряда.

— Эти джентльмены уйдутъ не раньше, чѣмъ мой дворецкій одѣллитъ каждого полъ-гинеей, чтобы выпить за мое здоровье, — сказалъ Моубрей. — Досадно было бы, если бы такіе прекрасные люди побезпокоились даромъ.

Брики «ура», «да здравствуетъ лордъ Моубрей!» раздались въ отвѣтъ на его щедрость.

— Я зналъ, — продолжалъ молодой лордъ, — что мы съ вами столкнемся. По тому, какъ вы ломали мою дверь, я составилъ высокое представленіе о вашемъ умѣннѣ дѣйствовать и, мнѣ кажется, я совершилъ бы великія дѣла, если бы былъ вашимъ предводителемъ... Да вотъ! Не далеко отсюда находится гнѣздо католиковъ, которое можно ограбить. Я самъ поведу васъ туда, но не потому, чтобъ я имѣлъ что-нибудь противъ папистовъ. Я буду дѣйствовать изъ любви къ искусству.

Вновь раздались восторженные клики. Рейбенъ почувствовалъ, что его роль кончена, что отнынѣ лордъ Моубрей единственный повелитель надъ этими людьми. Онъ съ гордымъ видомъ мрачно направился къ дверямъ.

— Я остаюсь при своемъ подозрѣніи. Мы еще увидимся, лордъ Моубрей.

— Стойте! Я сталъ бы упрекать себя, если бы скрылъ это отъ васъ. Въ домѣ есть комната, которой вы не замѣтили.

Лордъ Моубрей отставилъ небольшую картину и нажалъ незамѣтную пружину. Деревянная вставка въ стѣнѣ безшумно поднялась кверху, вродѣ театрального занавѣса, за нею открылся узкій проходъ. Моубрей предложилъ руку леди Верекеръ и вошелъ съ нею въ дверь, за ними послѣдовалъ Рейбенъ. Онъ увидѣлъ круглую гостиную, роскошно и оригинально меблированную. Съ потолка падалъ нѣжно-розовый свѣтъ, слабо освѣщая замствованные у Боккачіо странные сюжеты, изображенные на тканяхъ, которыми были затянуты стѣны. Ноги утопали въ коврѣ, мягкомъ, какъ трава на лужайкѣ, которой еще не касалась нога человѣческая. Ни-

ная мягкая мебель была сдѣлана какъ бы для того, чтобы не чувствовать и не слышать паденія.

Прежде чѣмъ Рейбенъ обвелъ взглядомъ комнату, вставка опустилась, оставивъ на мѣстѣ двери полированную стѣну. Моубрей исчезъ; Мэршамъ остался одинъ съ Беллой. Въ припадкѣ бѣшенства онъ бросился къ стѣнѣ, царапалъ ее ногтями, стучалъ кулаками.

Въ десяти футахъ надъ его головой отворилось потайное окно; насмѣшливое лицо Моубрея высунулось изъ него.

— Вы напрасно стараетесь... Стѣна выдержитъ всѣ ваши усилія. Никто васъ не услышитъ, никто не отворитъ раньше завтрашняго дня. Провести ночь въ заключеніи съ такою хорошенькою женщиной не слишкомъ строгое наказаніе за вашу дерзость, тѣмъ болѣе, что эта тюрьма спасаетъ васъ отъ другой. Въ эту минуту всюду ищутъ Рейбена Мэршама и, право, этотъ будуаръ не хуже камеры Ньюгэта. Что же касается лэди Верекеръ, то я не могъ допустить, чтобы такая высоко нравственная красавица отправлялась ночью одна... И такъ, покоритесь оба судьбѣ и постарайтесь пріятнѣе провести время. При подобномъ обстоятельстве моя бабушка начала бы рассказывать сказку. Можетъ быть, вы придумаете лучшее... Ахъ, я забылъ! Налѣво, на столикѣ, стоитъ паштетъ изъ дичи и бутылка вина... Покойной ночи!

Окно затворилось.

Лэди Верекеръ разсмѣялась съ своею всегдашнею кокетливою манерой.

— Надо сознаться, что штука ловко сыграна, — проговорила она. — Онъ правъ: мы должны покориться... Но здѣсь можно задохнуться!...

Белла сбросила домино и очутилась въ розовомъ шелковомъ платьѣ съ очень откровеннымъ вырѣзомъ лифа. Она опустилась на широкій диванъ, растянулась на немъ, подложивъ подъ голову подушку и не заботясь о томъ, не открылись ли при этомъ движеніи ея стройныя, словно точеныя ножки, которыми шелковыя чулки придавали блескъ мрамора. Она, повидимому, устроивалась спать, но ея большіе черные глаза, влажные, блестящіе, возбужденные, слѣдили за каждымъ движеніемъ молодого человѣка. Рейбенъ стоялъ на колыняхъ, спиной къ ней, и быстро шевелилъ губами. Белла поднялась, тихо подкралась къ нему и смиреннымъ, трогательно-молящимъ голосомъ позвала его.

— О Рейбенъ, Рейбенъ, сжальтесь надо мною!... Вы святой, а я грѣшница... Кто знаетъ, не устроилъ ли Богъ наше пребы-

ваніе здѣсь съ глазу на глазъ для того, чтобы вы спасли меня, привели къ источнику милосердія, гдѣ душа омывается и очищается? Научите меня молиться и плакать. Рейбенъ, вы прекрасны, какъ грозный ангелъ мести! Неужели вы не можете явиться иногда вѣстникомъ прощенія?

Взволнованный до глубины души Рейбенъ обернулся. Онъ увидѣлъ около самаго своего лица ея алія губы, блѣдную щеку, горячіе взоры, онъ видѣлъ, какъ трепетала ея грудь, и точно огнемъ обжигало его дыханіе этой женщины. И все смѣшалось въ немъ, будто завертѣлось въ вихрѣ...

Ничто въ этомъ странномъ будуарѣ не давало возможности провѣрить убѣгающее время. Ничто не нарушало ночнаго безмолвія, развѣ только трескъ хрустальныхъ розетокъ на подсвѣчникахъ, который раздавался по мѣрѣ того, какъ догорала свѣча. Наконецъ, занимающійся дневной свѣтъ озарилъ комнату. Въ зеркалахъ, отражавшихъ столько сценъ оргій, Рейбенъ увидѣлъ, какъ по лицу его текли горячія слезы. Слова изъ священнаго писанія не выходили у него изъ головы: «Такъ палъ въ Израилѣ сильный мужъ?» Онъ отвѣчалъ самому себѣ: «Обманутый коварствомъ Далилы!» И съ чувствомъ отвращенія, въ которомъ, быть можетъ, уже зарождалось желаніе, его взглядъ скользилъ по очаровательной красавицѣ, покоившейся мирнымъ сномъ съ улыбкой на полуоткрытыхъ устахъ, словно жаждущихъ еще поцѣлуя.

В. Р.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Л Ю Б О В Ъ *)

(Романъ).

УП.

Осеннія ночи хороши...

Теплый паръ разстилается надъ озеромъ съдыми вллубами причудливыхъ формъ. Камышь погустѣлъ и выросъ, выбросивъ на своихъ верхушкахъ длинныя, пушистыя головки; листья его подсохли и шелестъ ихъ сталъ яснѣе, отчетливѣе; прислушиваясь къ этому шелесту, словно чуешь тихую, грустную пѣсню изъ словъ, и только не знаешь языка, на которомъ сложена та пѣсня...

Небо стало глубже, темная синева его сгустилась и какъ бы отвердѣла, звѣзды еще чаще, чѣмъ въ лѣтнія ночи, и блескъ ихъ ярче, но отъ него уже вѣетъ легкимъ холодомъ. Среди глубокой тишины слышно, какъ въ саду отрываются отъ вѣтокъ листья, падая на землю цѣлыми тучами при малѣйшемъ дуновеніи вѣтерка.

Нельзя уже сидѣть на балконѣ, не держа наготовѣ пледъ. Утренняя прохлада не дожидается зари, какъ лѣтомъ, чтобы легкимъ дуновеньемъ пронестись надъ землей, освѣживъ воздухъ передъ новымъ тепломъ восходящаго солнца. Уже до полуночи влажный воздухъ пропитывается холодкомъ и есть какое-то особенное наслажденіе въ томъ, чтобы поплотнѣе кутаться въ пледъ, слегка вздрагивая отъ холодноватой сырости. Это наслажденіе здоровыхъ людей, больные же въ такія ночи прячутся въ дальній уголь дома и плотно прикрываютъ окна.

Рано спускаются на землю сѣрыя, дымчатая сумерки, быстро сгущаются и переходятъ въ долгій осенній вечеръ, а затѣмъ и въ еще болѣе долгую осеннюю ночь. На селѣ мелькаютъ слабые огонь-

*) *Русская Мысль*, кн. II.

ки, лай собакъ чаще и тревожнѣй. Скоро онѣ почувуютъ въ ближнемъ лѣскѣ голоднаго волка и подымутъ всю ночь не умолкающій жалобный вой, наводящій уныніе.

Восемь часовъ. Анатолій Петровичъ въ это время въ конторѣ принимаетъ дневной отчетъ отъ управляющаго. Онъ скоро долженъ вернуться. Въ гостиной на продолговатомъ столѣ ярко горитъ высокая лампа. Одна створка двери, ведущей на балконъ, открыта и полоса свѣта падаетъ на полъ и кусокъ зеленой рѣшетки.

Наташа сидитъ въ тѣни. Въ углу балкона мягкое невысокое кресло, обращенное спинкой къ саду. Она видитъ часть озера и слабо сѣрбяющія точки раскинувшихся въ беспорядкѣ избъ. Огоньки на селѣ мелькаютъ все рѣже и рѣже, то тамъ, то здѣсь погасая. Деревня рано засыпаетъ.

Изъ-за камыша выплылъ мѣсяцъ и, прежде всего, заигралъ блѣднымъ свѣтомъ на церковномъ крестѣ. Но вотъ уже и куполь, и вся крыша вырисовались подъ его зеленоватыми лучами. Старая церковь съ деревянною крышей, которая, должно быть, протекаетъ, съ полуразрушившеюся каменною оградой, съ однимъ куполомъ, безъ колокольни. Четыре колокола висятъ подъ деревяннымъ навѣсомъ на двухъ столбахъ. Это и есть та самая фамильная церковь Бряцаловыхъ, въ которой имъ такъ необходимо было вѣнчаться... Не видно, чтобы родъ Бряцаловыхъ слишкомъ заботился о поддержаніи въ должномъ видѣ предмета своей фамильной гордости.

Наташа кутается въ большой шелковый платокъ и думаетъ о томъ, что пора бы Анатолію вернуться. Горничная прошла черезъ гостиную, выглянула на балконъ и объявила, что самоваръ на столѣ.

— Заварите чай, пожалуйста, — сказала Наташа и опять углубилась взорами въ темноту ночи.

Отъ старой деревянной церкви мысль ея перенеслась къ другой церкви, гдѣ-то на окраинѣ города. Бажется, это былъ какой-то пріютъ для дѣвочекъ-сиротъ. Молоденькій попикъ глядѣлъ на нихъ веселыми глазами, торопливо читалъ молитвы, а когда кончилъ, предложилъ пожертвовать что-нибудь на сиротъ. Анатолій Петровичъ сейчасъ же исполнилъ предложеніе и, должно быть, очень щедро, потому что батюшка послѣ этого въ самыхъ опредѣленныхъ выраженіяхъ посулилъ имъ счастливую жизнь.

Великолѣпны были ихъ спутники, — каждый въ своемъ родѣ. Федя былъ взволнованъ такъ, какъ будто его самого вѣнчали. Онъ долго еще потомъ носилъ въ груди восторгъ отъ довѣрія, которое оказала ему Наташа. Онъ чувствовалъ себя въ нѣкоторомъ смыс-

лѣ героемъ событія. Вѣдь, это именно онъ нашелъ батюшку, который согласился тихонько обвинять молодыхъ людей, носящихъ столь извѣстныя въ городѣ фамиліи. Безъ сомнѣнія, батюшка долженъ былъ предположить здѣсь какую-нибудь страшную тайну, но такъ какъ ему хорошо заплатили и, кромѣ того, одарили пріютомъ, то онъ не разспрашивалъ. Въ томъ, что здѣсь не было ничего преступнаго, онъ не могъ сомнѣваться, видя въ числѣ свидѣтелей и шаферовъ такихъ почтенныхъ лицъ, какъ Богатый, поэтическая голова котораго была украшена длинными сѣдыми локонами, извѣстный въ городѣ адвокат Штенко и Чинаровъ, про котораго батюшка слышалъ, что онъ бывший профессоръ.

Аполлонъ Алексѣевичъ былъ въ черномъ сюртукѣ, а Богатый во фракѣ. Такое несоотвѣтствіе въ костюмахъ происходило отъ того, что музыкантъ привыкъ къ своему фраку, надѣвая его по обязанности въ мало-мальски торжественныхъ случаяхъ, а у бывшего профессора вовсе не было фрака. Аполлонъ Алексѣевичъ былъ необычайно оживленъ и въ продолженіе всего обряда пытался шепотомъ заговорить то съ музыкантомъ, то съ Федей, то съ Наташей, а на Бряцалова все время косился, считая его, должно быть, виновникомъ того обстоятельства, что онъ, Чинаровъ, такъ дѣятельно идетъ противъ собственнаго убѣжденія. Богатый дѣлалъ свое дѣло спокойно, сосредоточенно и внимательно, съ нѣкоторымъ какъ бы вдохновеніемъ, какъ будто разыгрывалъ въ концертѣ передъ публикой какую-нибудь музыкальную пьесу. А Штенко былъ блѣденъ и жаловался на головную боль.

Изъ церкви Штенко уѣхалъ куда-то по дѣлу, попросившись со всѣми наскоро и объявивъ, что страшно торопится. Чинаровъ присталъ къ батюшкѣ:

— Ужь вы, отецъ, будьте милостивы, документикъ намъ сейчасъ же изготовьте. Намъ онъ нужнѣе всего.

— Какой документъ?—спросилъ батюшка.

— А брачное свидѣтельство! Какъ же, безъ него насъ въ родительскій домъ не пустятъ!

Батюшка улыбнулся, какъ человѣкъ, понимающій, въ чемъ тайна, но изъ деликатности не желающій объяснить этого, и сейчасъ же посадилъ дьячка писать свидѣтельство съ приложеніемъ печати.

Бряцаловъ, Наташа и Федя поѣхали въ квартиру Чинарова, а Аполлонъ Алексѣевичъ въ сопровожденіи музыканта и съ документомъ въ карманѣ отправился къ Лобачевой. Было немного больше двѣнадцати часовъ, время, когда Егоръ Егорычъ приходилъ къ завтраку.

Они застали Хильцова и Александру Сергѣевну въ кабинетѣ. Егоръ Егорычъ встрѣтилъ Аполлона сердито.

— Что за манера—опаздывать? Распустились всё въ послѣднее время. И Наташа съ своимъ героемъ пропадаетъ по цѣлымъ днямъ...

— А что? У тебя уже водочно-селедочное настроеніе?—спросилъ Аполлонъ.

— Ну, да, и совершенно законное настроеніе...

— Гм... А ты полагаешь, Егоръ, что все законное должно быть свято?—хитро прищуривъ глаза, спросилъ Чинаровъ.

— Само собою.

— Вотъ и ладно. Погоди же, я прочитаю тебѣ одну бумажку. Пріятно, братъ. И вы, Александра Сергѣевна, слушайте,—это и васъ немного касается... Слушайте!

Онъ вынулъ изъ кармана документъ и началъ читать его съ разстановкой, явственно отчеканивая каждое слово. Пока шель рядъ формальныхъ фразъ, которыя могли относиться къ кому угодно, на лицахъ Егора и Александры Сергѣевны выразалось недоумѣніе. Но когда Чинаровъ произнесъ полностью имена Бряцалова и Наташи, Егоръ перебилъ его:

— Что за непонятная мистификація?

— Погоди, дай кончить! «Поручителями были... въ чемъ подписомъ и приложеніемъ церковной печати удостовѣряемъ... священникъ... дьяконъ...». А вотъ тебѣ подпись, а вотъ и церковная печать...—и Чинаровъ положилъ развернутую бумагу передъ самыми глазами Егора Егорыча. Тотъ взглянулъ и убѣдился.

— Такъ это значитъ такъ и было?—спросилъ онъ, посмотрѣвъ вопросительнымъ взоромъ на обоихъ вѣстниковъ.

— Такъ все было, какъ написано,—отвѣтилъ Богатый.

— Что же это значитъ?

— Да ты какъ будто и не сердисься,—вотъ странно! А Александра Сергѣевна даже улыбается!—съ изумленіемъ воскликнулъ Чинаровъ.

— Наташа такъ много уже сдѣлала «по-своему», что научила меня ждать отъ нея всего. А Саша... вѣдь, она всегда и всему улыбается. Но ты-то, старая размазня, ты-то какъ попалъ въ это ребячество? Вѣдь, это, въ концѣ-концовъ, ребячество и я не понимаю, какъ основательный господинъ Бряцаловъ пошелъ на это...

— Нѣтъ, не ребячество, а безобидный способъ деликатно обойти двѣ сатанинскія гордости, вотъ что это! Обидѣтъ обѣ стороны

одинаково—это то же, что примирить ихъ. И знай, Егоръ, что эта глубокая идея принадлежит мнѣ!...

Бончилось это тѣмъ, что черезъ полчаса всѣ завтракали вѣсть.

Егоръ, пообсудивши дѣло хладнокровно, согласился, что, пожалуй, другаго выхода и не было.

Не такъ просто обошлось дѣло въ Бряцаловкѣ. Они пріѣхали сюда въ тотъ же день. Наташа осталась наверху, а Анатолій Петровичъ отправился прямо къ матери. Онъ заявилъ ей безъ всякихъ предисловій:

— Я пріѣхалъ съ женой,—и тутъ же объяснилъ ей, какъ было дѣло.

Антонина Ѳедоровна строго нахмурила брови и отвѣтила ему такимъ гнѣвнымъ взглядомъ, какимъ еще никогда не смотрѣла на сына.

— Не годится, Анатолій Петровичъ, на старости лѣтъ со мной играть штуки!—рѣзко сказала она.

Онъ еще разъ попытался объяснить ей, что это было вызвано необходимостью и что они рѣшились обидѣть обѣ стороны, только щадя самолюбіе ихъ. Она не хотѣла слушать. Это извѣстіе разомъ разбивало ея мечту, уже нѣсколько дней услаждавшую ея одиночество, мечту о торжественномъ шествіи въ церковь, наполненную народомъ и ярко освѣщенную, а, главное, отнимало у нея всякую возможность хоть на этомъ показать, что родъ Бряцаловыхъ гораздо больше стоитъ, чѣмъ какой-то захудалый родъ Лобачевыхъ.

— Ну, и живи себѣ съ своею женой тамъ наверху, а я ее и видѣть не желаю!—рѣшительнымъ тономъ заявила она.

Лицо Анатолія Петровича сдѣлалось блѣднымъ; въ глазахъ появился холодный блескъ и какой-то едва уловимый оттѣнокъ выраженія жестокости. Онъ сказалъ:

— Я не хотѣлъ бы, чтобъ моя женитьба поссорила меня съ матерью, а, между тѣмъ...

— Ну, что же между тѣмъ?

И она посмотрѣла на него взглядомъ, такимъ же холоднымъ, какъ и его взглядъ, и съ тѣмъ же самымъ неуловимымъ оттѣнкомъ жестокости.

— Между тѣмъ, вы, вѣроятно, тоже не хотѣли бы въ первый день моей женитьбы поссорить меня съ женой...

Холодный блескъ глазъ потухъ. Вѣдь, она ожидала дерзости, но сынъ, очевидно, счумѣлъ сдержатъ себя. Собственно говоря,

Антонина Федоровна съ перваго же момента разговора съ сыномъ увидѣла, что и на этотъ разъ придется уступить; но она никакъ не могла сдѣлать этого сразу. Ей нужно было время для того, чтобы переломить свою гордость.

— Куда ужъ мнѣ, старой развалинѣ! — промолвила она меланхолически и тотчасъ же вся ея фигура приняла выраженіе старческой хилости и безпомощности. Она опустила голову и сказала слабымъ голосомъ: — а принять васъ сейчасъ не могу... голова болитъ!

Это былъ жалкій компромиссъ гордости. Анатолій Петровичъ тутъ же понялъ, что старуха уже спасовала, и когда онъ увидѣлъ, какъ это дорого стоило ей, ему стало жаль ее. Онъ взялъ ея руку и съ большимъ чувствомъ поцѣловалъ.

— Вы позволите намъ сойти внизъ къ чаю? — полувопросительно сказалъ онъ.

Она подняла вѣки и потомъ медленно закрыла ихъ, что замѣняло у нея утвердительный отвѣтъ въ тѣхъ случаяхъ, когда она не хотѣла сказать: «да».

Бряцаловъ вышелъ.

За вечернимъ чаемъ Антонина Федоровна сохраняла видъ ослабленной и обиженной женщины. Наташа, войдя въ столовую, подошла прямо къ ней и поцѣловала у нея руку. Повидимому, она ничего другаго и не могла ждать, а, между тѣмъ, Анатолій Петровичъ замѣтилъ на ея блѣдномъ лицѣ тонкую черточку, явно для него выражавшую удовольствіе и чувство удовлетворенности. Несмотря на великую гордость, ей нужно было хоть что-нибудь, хоть малѣйшее доказательство того, что ея авторитетъ въ этомъ домѣ еще живъ и будетъ жить, какія бы ни произошли перемѣны.

Это цѣлованіе руки обезоружило Антонину Федоровну и, конечно, Анатолій Петровичъ хорошо предусмотрѣлъ это, когда настойчиво попросилъ у Наташи слова, что она это сдѣлаетъ. Не сдѣлай этого Наташа, быть можетъ, въ бряцаловскомъ домѣ все пошло бы иначе и, пожалуй, гораздо хуже. Теперь же сразу установились отношенія, дававшія возможность всѣмъ дышать свободно и думать, что ничьи существенные интересы не затронуты. По-прежнему наверху жили своею особою жизнью, а внизу своей; сходились только за обѣдомъ и завтракомъ, старательно поддерживая въ это время легкій, почти салонный разговоръ, и всѣ живущіе въ большомъ домѣ старой бряцаловской усадьбы, за высокою стѣной и тяжелыми желѣзными воротами, имѣли полное основаніе утверждать, что въ этомъ домѣ никакихъ существенныхъ пере-

мѣнь не произошло, развѣ только то, что открыли наверху всѣ комнаты и прибавили горничную для услугъ молодой барынь.

На лѣстницѣ послышались шаги. Бряцаловъ появился въ гостиной и сейчасъ же прошелъ на балконъ. Онъ зналъ, что тамъ темно и что въ уголку сидитъ Наташа, кутаясь въ платокъ. Это сдѣлалось ея привычкой въ послѣднія недѣли, когда Анатолий Петровичъ каждый день тотчасъ же послѣ обѣда уходилъ въ контору и возвращался къ позднему чаю. Онъ торопился поскорѣе покончить съ хлѣбомъ этого года, чтобы надолго почить отъ дѣлъ.

— Вотъ и я, Наташа! А ты все сидишь здѣсь съ своими мечтами!—весело сказалъ онъ, цѣлуя ея руки.—Скажешь ли ты когда-нибудь мнѣ, о чемъ ты думала здѣсь въ темномъ уголку въ эти долгіе вечера?

— Нѣтъ, не скажу,—отвѣтила Наташа.

— О?! Почему же?

— Потому что я еще ни о чемъ не думала...

— Еще? Значить, это впереди?

— Вѣроятно. По крайней мѣрѣ, я на это надѣюсь.

— Развѣ это необходимо?

— По крайней мѣрѣ, я привыкла думать, что человѣкъ—разумное, мыслящее существо.

— Значить, ты негодуешь на твое состояніе?

Она встала, положила ему руки на плечи и улыбнулась.

— Развѣ такъ негодуютъ?—сказала она, смѣясь.—Хотя надо бы, чтобъ пришло это спасительное негодование... Какъ ты думаешь?

— Спасительное? Отъ чего же оно должно спасти и кого?—тономъ удивленія спросилъ Бряцаловъ.

— Кого? Меня, да и тебя тоже. Ты полюбилъ во мнѣ личность самостоятельную и мыслящую, а гдѣ она? Я только пріятно провожу жизнь и больше ничего. Моя личность съ каждымъ днемъ становится туманнѣй и туманнѣй, она превратится въ нуль и тогда...

— Ну, и что же тогда, Наташа?

— Тогда ты будешь имѣть полное право разлюбить меня.

— О, это прелесть! Значить, ты этого боишься? Это очаровательно!... Но этого никогда не будетъ. Вѣрь мнѣ, что я наполненъ тобою, что нѣтъ такого мгновенія, когда бы я не думалъ о тебѣ, нѣтъ такого дѣла, которое я не дѣлалъ бы для тебя... Право такъ, моя милая!... И если ты такъ же счастлива, какъ и я, то чего же намъ еще нужно?

Онъ легонько охватилъ правою рукой ея талию и повелъ ее съ балкона въ гостиную, а оттуда въ столовую. Это была небольшая комната въ одно окно, широкое, съ полукруглымъ верхомъ; маленькій рѣзной буфетъ, круглый столъ, низенькій самоварный столикъ, нѣсколько стульевъ составляли всю ея обстановку. Столовая, очевидно, была рассчитана на свою семью, причемъ возможность прїѣзда гостей совсѣмъ не была принята во вниманіе.

— А знаешь, Наташа, я, вѣдь, почти покончилъ всѣ дѣла по хозяйству — сказалъ Бряцаловъ, протянувъ къ ней руку за стаканомъ чаю. — Остается только съѣздить въ городъ, сдать хлѣбъ и получить деньги. И какъ ты думаешь, что изъ этого слѣдуетъ?

— Вѣроятно, то, что ты хорошій хозяинъ? — промолвила Наташа.

— Это само собою разумѣется и всѣми признано. Но не въ этомъ дѣло...

— Не знаю, въ чемъ.

— А въ томъ, что мы можемъ съ тобой уѣхать за границу. Вѣдь, ты этого хотѣла...

— Хотѣла.

— А теперь?

— А теперь я еще подумаю.

Онъ взглянулъ на нее вопросительно.

— Ты, Наташа, стала говорить загадками, — промолвилъ онъ серьезнымъ тономъ. — Почему два мѣсяца тому назадъ, кажется, въ день нашего вѣнчанія, ты на мой вопросъ: хочешь ли ѣхать за границу? — отвѣтила просто: да, хочу... а теперь прибавляешь: я еще подумаю. Вѣдь, никакихъ перемѣнъ не произошло? Почему же тогда можно было просто хотѣть этого, а теперь надо сперва подумать?

Она улыбнулась глазами.

— Но, вѣдь, два мѣсяца не думать, развѣ это — не довольно? Развѣ послѣ такого срока не пора уже начать думать... понемногу?

— Это почти то же, что ты говорила; значить, не ново! — сказалъ онъ чуть-чуть нетерпѣливымъ тономъ.

— А это не отвѣтъ и не возраженіе, — спокойно замѣтила Наташа. — Дай-ка я тебѣ еще налью чаю...

— Я не хочу.

— Почему? Ты всегда пьешь два стакана, а потомъ куришь...

— Потому что ты говоришь со мной страннымъ тономъ и странныя вещи...

— О, Анатолий, это нехорошо... право, нехорошо... Я говорю простымъ и спокойнымъ тономъ и самыя простыя вещи. А что я хочу подумать, прежде чѣмъ сказать да или нѣтъ, такъ это для тебя не должно быть новостью. Ты знаешь, что я привыкла обдумывать каждый свой шагъ. Вотъ я живу здѣсь съ тобой два мѣсяца въ совершенно новой для меня обстановкѣ и ни разу еще не подумала о томъ, что это за обстановка, что вобругъ меня дѣлается и какъ... Можетъ быть, все это дѣлается такъ, что я не должна быть спокойна и счастлива... А, между тѣмъ, я спокойна и счастлива безъ мѣры... Это нехорошо...

Бряцаловъ всталъ и подошелъ къ ней. Онъ положилъ руку на ея голову и нѣжно пригладилъ ея волосы.

— Наташа, — промолвилъ онъ, — ты заговорила объ этомъ, такъ и я скажу. Ты видишь, я встревоженъ этимъ разговоромъ. Мнѣ такъ хорошо, что я боюсь, какъ бы что-нибудь не измѣнилось.. Малѣйшая черточка, ну, хоть перемѣна въ твоемъ тонѣ, уже пугаетъ меня. Я знаю, что ты счастлива, я это вижу по всему и по твоимъ глазкамъ, — вѣдь, они никогда не лгутъ... Но я знаю тебя; ты натура активная и долго не станешь довольствоваться пассивнымъ счастьемъ... Это правда, Наташа, и я вижу это изъ твоихъ сегодняшнихъ рѣчей. У тебя въ сердцѣ уже что-то начинаетъ бродить... Правда, вѣдь?... Ну, вотъ видишь, какъ я тебя хорошо знаю... Пстой же, дай мнѣ одно обѣщаніе...

— Ну, какое? — спросила она, поднявъ голову и глядя на него снизу вверхъ влюбленными глазами. — Какой ты хитрецъ! Ты видишь, что я влюблена въ тебя, и хочешь злоупотребить этимъ.

— Да, злоупотребить, это правда. Дай мнѣ слово сейчасъ и безъ всякихъ отговорокъ, что мы ѣдемъ за границу черезъ недѣлю... Безъ «подумаю» и безъ всего этого. Думать будемъ послѣ... Ну?

Онъ нагнулся и поцѣловалъ ее въ лобъ. Щеки ея горѣли, на губахъ сіяла улыбка счастья.

— Ёдемъ... куда хочешь, мой милый! — сказала она прерывающимся голосомъ. — А думать будемъ послѣ.

И она засмѣялась.

— А лучше бы и вовсе не думать...

— А какъ же?

— Просто любить и наслаждаться любовью.

Она покачала головой.

— Нѣтъ, этого обѣщать я тебѣ не могу. Этого ты не добьешься отъ меня никакими чарами, Анатолий. Я буду думать; я только отвладываю, и это уже слабость.

— Ну, хорошо. Потомъ, потомъ? — спрашивалъ онъ съ улыбкой.

— Потомъ, потомъ! — въ тонъ ему отвѣтила она. — Ты очень дурно поступаешь съ мной, Анатолий.

— Какъ?

— Ты знаешь, что твои ласки отнимаютъ у меня волю, и...

— Ха-ха-ха!... Слава Богу, что такъ! Твои ласки дѣлаютъ то же со мной... Видишь, какъ это хорошо выходитъ: когда мы ласкаемъ другъ друга, мы оба теряемъ волю и нами обоими руководить любовь...

— Слѣпой руководитель... развѣ это хорошо?

— Хорошо. Отдадимся ему. Пусть ведетъ насъ, куда ему заблагоразсудится.

Онъ обнялъ ее и крѣпко прижалъ къ себѣ.

На другой день они оба поѣхали въ городъ. Раннимъ утромъ, едва только потухли звѣзды, коляска уже стояла у крыльца. Наташа научилась вставать рано, когда это было нужно. Вѣдь, они ложились спать часовъ въ десять, самое позднее — въ одиннадцать.

Утро было сѣрое. Во влажномъ воздухѣ чуялся пронизывающій холодъ глубокой осени, приходилось одѣваться потѣпльѣй.

— Видишь, какія погоды начинаются. Самое время уѣхать куда-нибудь на югъ, — сказалъ Брицаловъ, когда лошади двинулись и, при быстромъ движеніи, въ закрытое помѣщеніе коляски проникла холодная струя сыраго воздуха.

— Ты все еще убѣждаешь меня?... Я же дала слово и не возьму его назадъ, — отвѣтила Наташа.

— Чтѣ бы ни сказали тамъ, дома? — пылливо спросилъ Анатолий Петровичъ.

— А что же тамъ могутъ сказать? Я ничего не предвижу...

— А я предвижу. Егоръ Егорычъ, пожалуй, ничего не скажетъ. Вѣдь, онъ самъ не прочь хорошо пожить, и хорошую сигару выкурить, и бутылку отиѣнной мадеры распить, и заграничнымъ путешествіемъ развлечься. Но господинъ Чинаровъ... О, онъ многое можетъ сказать!

— Зачѣмъ ты его такъ называешь: господинъ Чинаровъ?

— Затѣмъ, что онъ меня называетъ: господинъ Брицаловъ. Что же, я нахожу, что онъ господинъ не менѣе, чѣмъ я... Прежде всего, онъ долженъ усмотрѣть въ нашемъ путешествіи непродуманную трату времени и силъ, тогда какъ все это можно было бы съ большою пользою употребить на... ну, хоть на словозмѣненіе о

томъ, какъ вѣрнѣе спасти мѣръ, лежа въ постели или нервно шагая по комнатѣ... ну, а, главное, онъ тебѣ ни за что не проститъ, что ты ѣдешь, все-таки, съ господиномъ Бряцаловымъ. Онъ думаетъ, что я для тебя такой же господинъ Бряцаловъ, какъ и для него, а то обстоятельство, что я твой мужъ, а ты—моя жена, представляется ему какимъ-то недоразумѣниемъ, случайнымъ и легко устранимымъ...

— Вотъ и видно, что ты все еще злобствуешь на него, оттого такъ и говоришь!—замѣтила Наташа.

— Я не злобствую, Наташа, но всегда испытываю какую-то безотчетную грусть, когда ты попадаешь въ общество Чинарова. Вѣдь, это—мой врагъ, а ты его уважаешь. Я не противъ этого говорю, Наташа, ты не думай... Но повѣрь мнѣ, что если бы наступила когда-нибудь такая тяжелая минута (хотя это немислимо), что мы съ тобой разошлись бы, онъ, Чинаровъ, привѣтствовалъ бы это крикомъ «ура» и прыгалъ бы отъ радости по городскимъ улицамъ...

— Это на него похоже,—съ улыбкой замѣтила Наташа.

— Вотъ видишь! И ты знаешь это? Теперь ты понимаешь, почему мнѣ всегда дѣлается грустно, когда ты бываешь въ этомъ обществѣ.

— Выходитъ, Анатолій, что ты «думаешь» больше, чѣмъ я. А еще мнѣ совѣтовалъ «не думать»... Давай ужъ вмѣстѣ отложимъ это на послѣ.

— Ахъ, это «послѣ»!... Что отъ него можно ждать хорошаго?

— Ты увидишь, что въ немъ будетъ много хорошаго. По крайней мѣрѣ, я вѣрю въ это.

Анатолій Петровичъ взглянулъ на нее подозрительно. Его давно уже беспокоило то обстоятельство, что Наташа смотритъ на настоящее, на это безмятежное счастье вдвоемъ, какъ на какую-то переходную стадію къ чему-то. Словно эту жизнь, ту, которую они ведутъ вотъ уже въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ, она только допускаетъ, какъ компромиссъ, а передъ ея глазами носится какая-то иная форма жизни, какой-то идеалъ, ему неизвѣстный. Это его тревожило, потому что онъ былъ вполне доволенъ настоящимъ и боялся какой бы то ни было переменъ. Тысячу разъ онъ собирался прямо поставить ей вопросъ: въ какомъ видѣ представляется ей желанная жизнь, но когда приходила минута сказать это, имъ овладевалъ страхъ. Нѣтъ, лучше не затрогивать этого вопроса. Она теперь вся охвачена сильнымъ молодымъ чувствомъ. Богъ знаетъ, что способно сдѣлать это чувство. Быть можетъ, оно лучше и вѣр-

нѣе, чѣмъ самыя сильныя доводы, устранить, сгладить тѣ разногласія въ ихъ взглядахъ, которыя такъ раздѣляютъ ихъ.

Бряцаловъ поѣхалъ по дѣламъ, а Наташа осталась у матери. Ему нужно было покончить съ рожью и пшеницей, а затѣмъ начать хлопоты по добыванію заграничнаго паспорта.

Они пріѣхали въ городъ очень рано. Александра Сергѣевна была еще въ постели. Наташа прошла прямо къ ней въ спальню.

— Какъ пріятно начинается день! — радостно воскликнула Александра Сергѣевна, цѣлуя ее. — Я тебѣ очень, очень рада, Наташа! Ты не можешь себѣ представить, какъ я скучаю безъ васъ, — безъ тебя и Вѣры... Это ужасно, что вы обѣ ушли отъ меня разомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, Александра Сергѣевна испытывала нестерпимую скуку. Вѣдь, она рѣшительно всю жизнь послѣ замужества провела съ своими дѣвочками, посвящая имъ все свое время. Когда онѣ выросли, стали учиться въ гимназій и выучились, она все не умѣла смотрѣть на нихъ иначе, какъ на маленькихъ дѣвочекъ, ежеминутно нуждающихся въ ея услугахъ. И вдругъ сразу такая рѣзкая перемѣна: Вѣра оказалась настолько взрослою дѣвушкой, что рѣшилась ѣхать одна въ Петербургъ, а Наташа окончательно отпала отъ семьи, выйдя замужъ, да еще сдѣлавъ, притомъ, такой выборъ, который никѣмъ изъ ихъ круга не одобряется. Она осталась одна въ небольшой квартирѣ, которая теперь казалась ей громадной, и если бы къ ней не заходили Егоръ Егорычъ и Чинаровъ, то ей въ теченіе дня не съ кѣмъ было бы обмѣняться двумя словами. Но Егоръ приходилъ къ завтраку, къ этому же времени являлся и Чинаровъ. Поэтому она старалась подольше оставаться въ постели. Аполлонъ Алексѣевичъ послѣ завтрака не уходилъ; онъ располагался въ кабинетѣ на диванѣ и, не отрываясь, до самаго обѣда перечитывалъ газеты и пробѣгалъ журналы. Въ это время съ нимъ не стоило и заговаривать. Онъ отвѣчалъ односложно и даже это его раздражало. Чтеніе газетъ было его страстью. Безъ этого онъ не могъ прожить дня и, когда случалось, что болѣзнь его обострялась и онъ дня два-три не выходилъ изъ дому, газеты посылались къ нему на квартиру. Бѣда, если забывали сдѣлать это. Онъ чувствовалъ себя совсѣмъ несчастнымъ человѣкомъ, на него нападало отчаяніе и ему казалось, что весь міръ, а въ томъ числѣ и его лучшіе друзья, забыли его.

Вечера тоже большею частью Александрѣ Сергѣевнѣ приходилось проводить одной. Егоръ занимался въ кабинетѣ. Онъ перечитывалъ журналы, причемъ видъ у него въ это время былъ строго-

дѣловой. Съ отъѣздомъ изъ дому дѣвушекъ прежнія шумныя компаніи собирались слишкомъ рѣдко. За три осеннихъ мѣсяца ихъ обычные гости сошлись у нихъ только одинъ разъ. Тутъ и обнаружилось, что, несмотря на почтенный возрастъ собравшихся и на серьезность темъ, все же чувствовалось отсутствіе дѣвушекъ, которыя и были душою собраний.

— Эхъ, что тамъ ни говори, а скучно безъ нашихъ пташекъ! — сказала Аполлонъ Алексѣевичъ, обратившись къ Александрѣ Сергѣевнѣ.

Она сочувственно кивнула ему головой. Ей-то было это извѣстно лучше, чѣмъ кому бы то ни было.

Въ Бряцаловѣ она была раза два, по каждый разъ всего на нѣсколько часовъ. Необходимость «представляться» Антонинѣ Федоровнѣ стѣсняла ее и она не находила удобнымъ оставаться дольше. Какъ ни упрашивала Наташа, какъ ни былъ радушенъ Анатолій Петровичъ, она ни за что не соглашалась. Они уступили ей у себя наверху двѣ комнаты, но не могли избавить ее отъ необходимости обѣдать внизу, а это было довольно тяжело. Антонина Федоровна принимала такой величественный видъ и говорила съ такимъ непоколебимымъ авторитетомъ, что не было никакой возможности поддерживать съ нею разговоръ. Александра Сергѣевна смотрѣла на Наташу и думала: «Неужели тебѣ каждый день приходится выдерживать такую строгую скуку?»

— Ну, дѣтка моя, рассказывай, какъ тебѣ живется! — сказала она, усадивъ Наташу къ себѣ на постель.

— Я счастлива, мамочка! — отвѣтила Наташа.

— Вотъ и слава Богу! А Вѣра тоже пишетъ, что она счастлива... ну, значить, и я съ вами счастлива. И это все, чего я хочу...

— Ахъ, ты, моя добрая! — Наташа поцѣловала мать. — А Вѣра тебѣ пишетъ? Для меня тамъ ничего нѣтъ?

— Маленькая приписка. Завтра высылаетъ тебѣ большое письмо и извиняется, что замѣшкалась. Пишетъ, что утопаетъ въ книгахъ... Вотъ какая она!

«Что-то она скажетъ, — подумала Наташа, — когда узнаетъ, что я утопаю въ любви?»

— А знаешь, мамочка, мы ѣдемъ за границу.

— Куда, за границу? — испуганнымъ голосомъ спросила Александра Сергѣевна.

— Что это ты такъ говоришь, будто недовольна?

— Надолго? — вмѣсто отвѣта, спросила Александра Сергѣевна.

— Не знаю. Зиму уж навѣрное проѣздимъ.

— Зиму?!

Александра Сергѣевна задумалась и грустное выраженіе появилось на ея лицѣ.

— Вотъ я никакъ не ожидала, чтобы тебѣ это было неприятно, милая,— сказала Наташа и нѣжно взяла ее за руку.

— Да это и не то совсѣмъ... Не то, что неприятно. Миѣ тогда будетъ совсѣмъ скучно. Подумай: Вѣру я увижу не раньше лѣта, а тебя... Богъ знаетъ когда... Вѣдь, я такъ привыкла къ вамъ, мои дѣвочки, за цѣлую жизнь...

— Мамочка!

У Наташи сжалось сердце отъ боли. Въ самомъ дѣлѣ, какъ это жестоко съ ихъ стороны: разомъ оставить бѣдную добрую женщину. Сколько эгоизма въ этомъ молодомъ увлеченіи—все равно чѣмъ, ученьемъ ли, какъ у Вѣры, личнымъ ли чувствомъ, какъ у нея. Безъ сомнѣнія, если бы года два тому назадъ мать, ради какого-нибудь своего личного увлеченія, оставила ихъ, то этотъ поступокъ былъ бы признанъ жестокимъ, эгоистичнымъ, а имъ ничего. Онѣ оставили ее совсѣмъ одинокой и всѣ находятъ, что это въ порядкѣ вещей, такъ и должно быть.

Наташа такъ была растрогана этимъ самообличеніемъ, что готова была перемѣнить рѣшеніе.

— Мамочка, если хочешь, я не поѣду...

Но она тутъ же оборвала свою рѣчь и прикусила губу. «Но, вѣдь, я общалась это Анатолю!» — подумала она. Александра Сергѣевна выручила:

— О, ни за что, ни за что! Поѣзжай, ты должна видѣть свѣтъ. Я, напротивъ, рада, что ты ѣдешь... А если миѣ немножко грустно, такъ, вѣдь, это естественно... право!

Она вытерла слезы, улыбнулась и поцѣловала дочь.

Часовъ около двѣнадцати пришли Чинаровъ и Егоръ. Увидѣвъ Наташу, они разомъ вослигнули:

— А-а! Вотъ кто? Приятный сюрпризъ!

Оба искренно обрадовались.

— Вѣдь, вотъ,—сказалъ Аполлонъ Алексѣевичъ,—кажется, мы люди почтенные и самостоятельные, по цѣлой жизни прожили, а, между тѣмъ, безъ васъ, Наташа, и безъ Вѣры чувствуемъ себя такъ, какъ будто мы ни на что уже не нужны, ей Богу!... Да и правда, Егоръ Егорычъ, на что мы съ тобой собственно нужны? Ну, въ прежнее время ты занимался воспитаніемъ птенцовъ, а я обучалъ ихъ наукамъ и вообще уму-разуму. А теперь, когда птенцы

оперились, взмахнули крылами и улетѣли изъ гнѣздышка, единственное, что намъ осталось въ жизни, это—завтракать, обѣдать и курить сигары...

— Ну, что же, и будемъ добросовѣстно завтракать, обѣдать и курить сигары, да беречь старое гнѣздышко. Можетъ, пташкамъ оно еще когда-нибудь понадобится, — сказалъ Егоръ Егорычъ. — Да и, наконецъ, пташки—онѣ, вѣдь, неблагодарны. Вѣдь, вотъ, упорхнули обѣ, и ты думаешь, имъ жаль насъ, стариковъ? Нимало...

Онъ махнулъ рукой и пережѣнилъ разговоръ.

— Ну-ка, Наташа, дай посмотрѣть на тебя. Какія пережѣны? Чутьочку похудѣла и щечки блѣдыѣ стали. Взглядъ выразительный и увѣренный... Ну, расскажи намъ что-нибудь изъ твоей жизни... Про бряцаловскіе порядки, про отношенія помѣщицкѣй экономіи къ деревнѣ. Слышали-то мы много, да мало ли что ни говорить. А ужъ ты у насъ будешь самый достовѣрный свидѣтель...

— Я ровно ничего не знаю, — отвѣтила Наташа. — Я ни во что не вмѣшивалась и не вникала...

— Гм... Да! — ироническимъ тономъ замѣтилъ Аполлонъ Алексѣевичъ. — Этакъ дѣйствительно можно жизнь прожить безъ тревожныхъ вопросовъ и волненій. Ни во что не вмѣшиваться и не вникать... а? Какъ ты думаешь, Егоръ?

— Думаю я, что ты ничего не понимаешь, Аполлонъ, вотъ что я думаю, — отвѣтилъ Егоръ Егорычъ.

— Это какъ?

— А такъ. Ты не понимаешь, что замужство въ жизни женщины—этотъ переходъ отъ одной формы жизни къ другой, это совсѣмъ не то, что женитьба для мужчины. У мужчины вся пережѣна въ томъ, что онъ жилъ одинъ, а тутъ сталъ жить вдвоемъ,—ну, тамъ квартира стала побольше, расходы увеличились,—словомъ, все несущественное. А для дѣвушки въ этой новой жизни все ново, рѣшительно все... И ей такъ много приходится вникать въ каждую подробность этой пережѣны, что ужъ ни во что другое вникать не приходится. А ты ничего этого не понимаешь, Аполлонъ Алексѣевичъ, и иронизируешь...

— Это правда, что въ женскихъ дѣлахъ я ничего не понимаю и готовъ взять назадъ свою иронию.

Бъ удивленію Наташи, Егоръ и по вопросу о заграничной поѣздкѣ сразу высказалъ одобреніе. Чинаровъ и тутъ сдѣлалъ кислую мину и подумалъ: «За эту поѣздку господинъ Бряцаловъ совсѣмъ перекрестить ее въ свою вѣру. Что останется, Аполлонъ Алексѣевичъ, отъ твоихъ горячихъ проповѣдей?» Но онъ ничего

не сказалъ вслухъ. «Можетъ быть, окажется, что я и въ этомъ вопросѣ ничего не понимаю. Лучше помолчу».

Часа въ три, прямо изъ гимназіи, пришелъ Федя. Наташа увидѣла его въ окно еще на улицѣ и невольно разсмѣялась. При его высокомъ ростѣ и замѣтно уже подростшихъ уснахахъ, гимназическій ранецъ на спинѣ придавалъ ему смѣшной видъ. При этомъ лицо его было необыкновенно серьезно.

— Я утромъ, когда шелъ въ гимназію, встрѣтилъ на улицѣ Анатолія Петровича, — сказалъ онъ Наташѣ, — и изъ этого заключилъ, что и вы здѣсь, — онъ прибавилъ тихонько, когда всѣ другіе были чѣмъ-то отвлечены. — Я хотѣлъ бы сказать вамъ два слова, Наташа.

Наташа взглянула на него вопросительно. «Неужели это будетъ продолженіе того разговора?» Она почувствовала, что ей это было бы неприятно, а онъ по выраженію лица ея понялъ, что она именно это думаетъ и этого боится.

— Нѣтъ, вы не беспокойтесь, Наташа, я только два слова, — сказалъ онъ успокоительнымъ тономъ.

Они прошли въ прежнюю Наташину комнату. Здѣсь все оставалось по-старому, недоставало только книгъ на этажеркѣ и на столѣ, да на кроватяхъ лежали обнаженные тюфяки — безъ одѣяла, подушекъ и простынь.

— Какой здѣсь теперь холодный видъ, не правда ли? Нежилой... Какъ-то скучно и тоскливо, — сказалъ Федя, обводя комнату взглядомъ. — Я такъ любилъ заходить сюда и сидѣть здѣсь, когда была Вѣра и вы... — онъ сказалъ это съ видимою грустью.

А Наташа произнесла съ улыбкой:

— Ну, сядемте, Федя, и вспомнимъ старину.

— Нѣтъ, старину я не хотѣлъ бы вспоминать слишкомъ подробно, — промолвилъ онъ, стараясь тоже улыбнуться, но у него это не вышло. Онъ сѣлъ у стола, а Наташа легко опустилась на свою прежнюю кровать.

— Ну, какъ же вы поживаете, Федя? — спросила Наташа. — Вѣдь, мы съ вами не видались съ того самаго дня, какъ вы перевѣнчали насъ съ Анатоліемъ.

— Я жилъ не даромъ, Наташа. Все работалъ надъ собой, чертовски работалъ! — съ большою экспрессіей отвѣтилъ Федя. — Я, знаете ли, употребилъ самый безпощадный методъ: разобралъ всего себя, весь свой нравственный складъ и всю свою жизнь по косточкамъ и нашелъ, что все это никуда не годится... никуда не го-

дится!... И что такъ жить нельзя... я даже, кажется, брошу гимназію, да, это очень можетъ быть, что я брошу.

— Что вы, Одея? Почему это?

— Потому, что это не существенно и ни на что не нужно... Я хочу научиться какому-нибудь ремеслу. Впрочемъ, я еще самъ не знаю... Это не рѣшеніе, а только обрывки мыслей, можетъ быть, глупыхъ.

— Въ какомъ вы классѣ, Одея?—спросила Наташа.

— Въ седьмомъ.

— Видите, какъ вамъ мало осталось. Нѣтъ, ужъ вы не бросайте; можетъ быть, потомъ жалѣть будете. Вѣдь, ремеслу можно будетъ выучиться и кончивъ гимназію. Знаете что? Вотъ вы мнѣ тогда оказали довѣріе, рассказали про себя... Ну, а теперь сдѣлайте маленькое одолженіе...

— Какое хотите, Наташа!—порывисто воскликнулъ онъ и даже вскочилъ съ своего мѣста, какъ будто ему предстояло сію же минуту бѣжать и дѣлать одолженіе.—Для васъ, Наташа, я не знаю что готовъ сдѣлать!—прибавилъ онъ почти торжественнымъ тономъ.

— Ну, такъ вотъ что. Мы съ Анатоліемъ черезъ недѣлю ѣдемъ за границу и я не знаю, когда вернусь. Дайте же мнѣ слово, что, не посоветовавшись со мной лично, вы не бросите гимназію. И больше ничего!...

— Я даю вамъ слово, Наташа,—промолвилъ онъ нѣсколько упавшимъ голосомъ и на лицѣ его выразилось разочарованіе. Очевидно, онъ былъ недоволенъ, что Наташа не потребовала отъ него никакой существенной жертвы.

— А теперь говорите ваши два слова,—сказала Наташа.

— Вы ничего не писали Вѣрѣ о томъ... о нашемъ разговорѣ?—спросилъ онъ, слегка покраснѣвъ.

— Нѣтъ, ничего, и не думаю писать... Да и не имѣла права.

— Такъ, пожалуйста, и не пишите, Наташа. Этого никто не долженъ знать, кромѣ васъ и меня... а въ особенности Вѣра... Я, въ сущности, очень дорожу ея дружбой, а пойметъ ли она это такъ великодушно, какъ вы поняли, не знаю... Вотъ я все, Наташа... Такъ вы за границу? Желаю вамъ добраго пути!... — Онъ протянулъ ей руку и вѣрно пожалъ руку Наташи. Они вышли въ гостиную. Здѣсь сидѣли Егоръ, Чинаровъ и Александра Сергѣевна. Егоръ сказалъ:

— Замѣчено, что въ послѣдніе мѣсяцы у нашего милаго мальчика Одеяньки завелась какая-то тайна и что въ заговоръ посвящена Наташа!

Федя покраснѣлъ, но ничего не сказалъ, а Наташа заявила просто:

— Это правда. У насъ есть тайна и мы ее никому не скажемъ!

Анатолій Петровичъ пріѣхалъ къ обѣду, а послѣ обѣда они стали торопиться въ деревню.

Черезъ недѣлю ихъ провожали за границу. Проводы были коротки и молчаливы. На вокзалъ всѣ пріѣхали поздно и никто не высказывалъ отъѣзжающимъ какихъ-нибудь горячихъ пожеланій. Просто желали счастливаго пути. Это оттого, что здѣсь былъ Бряцаловъ, присутствіе котораго дѣйствовало на всѣхъ охлаждающимъ образомъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Петербургъ, 28 октября. Ты негодуешь, милый Натанъ, и ты права, а я виновата. Я уже двѣ недѣли ничего тебѣ не писала. Ты отвѣтила на послѣднее мое письмо тотчасъ же и я это опѣнила, но... и, все-таки, оказалась виноватой. Двѣ недѣли я не могла тебѣ писать. Почему? Какъ бы тебѣ это объяснить? Ну, если я скажу, что не могла писать только тебѣ, а другимъ могла и писала, поймешь ли ты? Напримѣръ, я за это время написала мамочкѣ два письма. Мамочка—она у насъ добрая и умная, она—прелесть, но у нея простая душа и въ сущность вещей она вникать не умѣетъ. Ей скажешь: я счастлива,—она вѣритъ и ликуетъ,—несчастлива, она тоже вѣритъ и скорбитъ. А тебѣ все это надо доказать, разобратъ по косточкамъ; вотъ этого-то я и не могла сдѣлать, не умѣла. И не думай, что теперь умѣю. Нѣтъ еще. Но надо же намъ съ тобой поговорить. Ничего, поговоримъ такъ.

Дорогой Натанъ, я уже два мѣсяца учусь. Ты спросишь, довольна ли я своимъ ученьемъ? На это я отвѣчу: я довольна, что учусь. А то, чему я учусь, для меня еще не выяснилось. Вѣдь, мы еще только дѣлаемъ первые шаги. По всѣмъ предметамъ мы еще сидимъ на «введеніи». Знаю только одно, что всѣ обѣщаютъ много интереснаго и каждый увѣряетъ, что его наука—самая лучшая. Нѣтъ, это не совсѣмъ такъ, но немножко на это похоже. Это имѣетъ такой видъ, что каждый хочетъ похвалить свой товаръ преимущественно передъ товаромъ другаго, но ничего подобнаго, понятно, нѣтъ, это просто лекторскій приемъ. Они, вѣдь, хвалятъ не

изъ-за корысти, а потому, что каждый изъ нихъ влюбленъ въ свой предметъ. Въ самомъ дѣлѣ, Наташа, ине изъ нашихъ лекторовъ прямо-таки влюблены въ свою науку, какъ въ женщину. Когда они начинаютъ говорить объ основаніяхъ, источникахъ, методахъ, то глаза ихъ загораются и голосъ дрожить, на щекахъ играетъ румянецъ, какъ будто рѣчь идетъ о любимой женщинѣ, а не о какой-нибудь исторіи философскихъ системъ. Это люди, насквозь проникнутые любовью къ своей наукѣ, они, можетъ быть, питаютъ къ ней страсть, которая наполняетъ все ихъ существо и зажигаетъ въ груди ихъ пламень. Вотъ кому я завидую и вотъ на чьемъ мѣстѣ я хотѣла бы быть. Понимаешь ли, Наташа,—дойти до такого проникновенія наукой, чтобы она казалась тебѣ живой... А ну, впрочемъ, ты всему этому снисходительно улыбаешься и думаешь: «Вѣра бредитъ попржнему!» Да, Наташа, у меня все попржнему; три мѣсяца въ Петербургѣ нисколько не измѣнили меня.

Я живу у Пѣвческаго моста, у моей доброй финки. Ты не можешь себѣ представить, какъ она добра ко мнѣ, эта женщина. Съ какою заботливостью она съ вечера спрашиваетъ меня, что я завтра буду ѣсть за чаемъ,—лепешку ли, розанъ ли, баранки ли, выборгскій ли крендель, московскій ли калачъ. Ну, и, конечно, я стараюсь какъ можно чаще доставить ей высокое наслажденіе, оказывая честь выборгскому кренделю, котораго терпѣть не могу (онъ сладкій, представь себѣ). А она за это даритъ меня такою искренно-радушною улыбкой, какой я еще никогда въ жизни не видала. Вѣдь, этотъ крендель—последнее слово финской національной кухни.

Должна тебѣ сказать, Наташа, что съ утреннимъ чаемъ я ѣмъ сливочное масло. Это страшная роскошь. Оно стоитъ семьдесятъ копѣекъ за фунтъ, и сначала я, было, рѣшила, что такая роскошь нашей сестрѣ-студенткѣ не годится. Но когда я съ недѣлку прожила безъ масла, на меня напала такая тоска, такое отчаяніе, что я просто разревѣлась. Ну, не глупо ли это? Приѣхала за полторы тысячи верстъ учиться, насквозь проникнута жаждой просвѣщенія и вдругъ плачу оттого, что нѣтъ масла къ чаю... Это все мамочка виновата, она приучила меня къ вкуснымъ, сочнымъ бутербродамъ... Да, да, сижу надъ чаемъ и не могу пить его... противень онъ мнѣ, ненавистенъ... безъ масла. Ну, и пришлось отступить отъ принципа. Теперь я ѣмъ славное сливочное масло и моя утренняя тоска прошла. Впрочемъ, мнѣ четверть фунта хватаетъ на пять дней, а значить на мѣсяць 1½ фунта, деньгами около рубля. Но принципъ, Наташа, принципъ!... О, ты опять улыбаешься! Принципъ въ вопросѣ о бутербродѣ?! А знаешь ли, что говоритъ Мон-

цева, моя старшая сибирячка? Она говоритъ: «Принципъ только тогда и принципъ, когда онъ охватываетъ всю жизнь отъ самыхъ важныхъ шаговъ до ничтожныхъ мелочей. Кто думаетъ, что принципы надо примѣнять только въ крупныхъ дѣлахъ, а мелкія можно совершать такъ себѣ, тотъ смѣшиваетъ принципъ съ капризомъ. Вѣдь, жизнь маленькихъ людей состоитъ изъ маленькихъ дѣлъ». Она у меня строгая — Монцева, когда-нибудь ближе познакомлю тебя съ нею. Но масло мое сливочное одобрила и сказала, что не слыхала такого принципа, который мѣшала бы ѣсть хорошее масло. Постой, постой, что же это я все о маслѣ?... Я живу одна, но рѣдко бываю одна. Мои сибирячки постоянно сидятъ у меня. У меня тепло, а у нихъ страшно холодная квартира, онѣ у меня грѣются. Притомъ же, для удобства мы и обѣдаемъ вмѣстѣ. Бормитъ насъ моя финка и мы съ нею въ разговорѣ. Обѣдъ стоитъ на каждую 12 рублей въ мѣсяцъ, обѣдъ сытный и довольно вкусный, дешевле никакъ нельзя. Но у Монцевой и Бухтѣевой весь бюджетъ — рублей тридцать на двоихъ, гдѣ же имъ платить столько? Вотъ мы съ финкой и придумали: она беретъ съ нихъ десять рублей съ обѣихъ, а остальные плачу ей я. И еслибъ ты видѣла, какъ она великодушно разыгрываетъ свою роль безкорыстной хозяйки, съ какою великодушною скромностью она выслушиваетъ отъ моихъ сибирячекъ похвалы ея безкорыстію... Но, главное, мы вмѣстѣ учимся. Читаемъ, читаемъ безъ усталы, споримъ до хрипоты и, представь себѣ, я очень часто побиваю обѣихъ сибирячекъ. Онѣ сначала дивились, а потомъ добросовѣстно признали мои діалектическія преимущества. А, вѣдь, это все Аполлонъ! Это я у него научилась. Въ библіотекѣ я не записалась, а всякую книгу покупаю и моя собственная библіотека растетъ, растетъ... Въ ней уже тридцать двѣ книги.

Ты хочешь что-нибудь знать о курсисткахъ, но я пока еще не умѣю высказать хорошенько свои впечатлѣнія. Многого меня удивляетъ, даже поражаетъ, иное смѣшить, есть и такое, что огорчаетъ... Но объ этомъ послѣ, когда буду въ состояніи высказаться яснѣе.

Ну, а ты, Наташа? Что ты скажешь о своихъ двухъ мѣсяцахъ новой жизни? Знаешь ли, моя дорогая, что я при полученіи каждаго твоего письма дрожу отъ мысли: а что, если оно начинается такъ: Вѣра, Вѣра, какъ я жестоко ошиблась! Отъ души, отъ всей души желаю, чтобъ этого никогда не было... Пиши. Твоя Вѣра.

12 ноября. Ты, Вѣра, и вообразить не можешь, откуда я тебѣ пишу. Обратила ли ты вниманіе на заграничную марку? Пишу изъ

Лемберга, гдѣ мы остановились отдохнуть. Да, мы за границей, я и Анатолій. Выѣхали изъ дому 7-го.

Письмо твое я получила, разумѣется, еще дома, но не отвѣтила тотчасъ же, потому что была поглощена хлопотами. Не люблю писать тебѣ, когда голова завалена всякою чепухой. Теперь у меня никакихъ заботъ, и я ни о чемъ и ни о комъ не обязана думать, могу свободно думать о тебѣ и говорить съ тобой. Анатолій пошелъ разыскивать какого-то знакомаго галичанина, котораго зналъ въ Бѣевѣ. Онъ намъ покажетъ городъ.

Какъ видишь, мой милый Вѣрогъ, письмо мое не начинается тѣми страшными словами, которыя тебя такъ пугаютъ. И ты напрасно ждешь этихъ словъ. Если я могу въ комъ-нибудь ошибиться, то это въ себѣ самой, въ своихъ собственныхъ силахъ, а не въ немъ. Вѣдь ты, Вѣра, единственный человѣкъ, читавшій его письма ко мнѣ,—значить, знаешь то, что я знаю. Такъ развѣ жь онъ представлялся мнѣ когда-нибудь идеаломъ добродѣтели? Напротивъ, я знаю его со стороны его недостатковъ, онъ даже слишкомъ постарался объ этомъ. Въ чемъ же разочаровываться? Не въ чемъ. Другое дѣло—я сама, мои силы. Тутъ, можетъ быть, много найдется интереснаго и поучительнаго. И я, какъ ты, могу сказать, что «иное меня удивляетъ, даже поражаетъ, иное смѣшитъ, есть и такое, что огорчаетъ». Но и я, какъ ты, еще не могу высказаться обо всемъ этомъ вполне ясно. Подождемъ.

Съ матерью Анатолія у меня установились отношенія почти тѣльной уступчивости. Такъ иногда бываетъ, когда двое незнакомыхъ ѣдутъ въ одномъ купѣ или въ каютѣ и, не имѣя къ тому никакой охоты, стараются наперерывъ оказать другъ другу любовь. «Вамъ, можетъ быть, мѣшаетъ свѣтъ? Такъ я съ удовольствіемъ погашу». — «О, нѣтъ, пожалуйста, нисколько! Я люблю спать при свѣтѣ». А въ дѣйствительности первому хочется читать газету и онъ погасилъ бы далеко не съ удовольствіемъ, а второй при свѣтѣ не можетъ глазъ сомкнуть.

Но это все пустое, я лучше расскажу тебѣ одну сценку, въ которой дѣйствующимъ лицомъ былъ Штенко. Я писала тебѣ, помнишь, что онъ какъ-то зашелъ ко мнѣ въ комнату, одобрилъ мой выборъ, наговорилъ мнѣ пріятностей и въ заключеніе дрожащимъ голосомъ сказалъ, что весь къ моимъ услугамъ, если бы со мной случилось что нибудь... Ну, конечно, что-нибудь дурное, иными словами, если бы я разошлась съ Анатоліемъ. Какая скверная предсудительность! Теперь онъ явился провожать насъ на вокзалъ и въ то время, когда Анатолій ушелъ сдавать багажъ, подошелъ

ко мнѣ очень близко и сказалъ: «Я хочу вамъ напомнить, Наталья Николаевна, то, что говорилъ мѣсяца три назадъ: если бы вамъ потребовалась дружеская услуга...» Я такъ и вскипѣла и, несмотря на мою сдержанность, не выдержала и перебила его: «То я бы обратилась къ кому угодно, но только не къ вамъ!» — сказала я. И еслибъ ты видѣла, что съ нимъ сдѣлалось! Я, право, совсѣмъ не понимаю этого человѣка; то онъ производитъ впечатлѣніе холоднаго криводушца, у котораго во всемъ тонкій расчетъ, то вдругъ — порывъ. Онъ страшно поблѣднѣлъ, глаза его наполнились слезами, голосъ задрожалъ.

— Право, я этого отъ васъ не заслужилъ, — сказалъ онъ. — Отъ васъ, Наталья Николаевна! — повторилъ онъ, какъ-то трогательно подчеркивая, и тотчасъ же убѣжалъ съ вокзала.

Вотъ каковъ Штенко. Пойми его. Пойми и его дружбу съ Анатолиемъ, если онъ подстерегаетъ его семейную неудачу... На какой почвѣ вырастаютъ такіе люди, какъ Штенко?

Ну, Вѣра, на этотъ разъ довольно. Пришелъ Анатолій съ своимъ галичаниномъ. Пищи мнѣ... Сейчасъ спрошу куда. Пиши въ Вѣну. Оказывается, что здѣсь мы пробудемъ дня три, отсюда прямо въ Вѣну, а тамъ засядемъ, можетъ быть, на цѣлый мѣсяцъ. Вотъ туда и пиши *poste restante*. Въ Лембергѣ говорятъ по-нѣмецки, по-польски, по-еврейски и по-русски, но есть такіе, которые говорятъ на странномъ языкѣ, представляющемъ смѣсь всѣхъ четырехъ. Городъ шумный и у меня послѣ тишины нашего губернскаго города, а тѣмъ болѣе Бряцаловки, уши болятъ отъ этого шума. Что-то будетъ въ Вѣнѣ? Что-то будетъ въ Парижѣ? Прощай. Твоя Наташа Бряцалова.

Петербургъ, 20 ноября. Ты совсѣмъ смутила меня, Наташа. Вдругъ изъ Лемберга. Что такое Лембергъ? Я сразу не сообразила. Оказалось, что это Львовъ. Какимъ образомъ и почему? Прости мнѣ, дорогой дружокъ, но я твою поѣздку... не то, что не одобряю, нѣтъ, но я не понимаю ее. Я смотрѣла на твое замужство, какъ на дѣло. Помнишь, ты говорила мнѣ, что тебя занимаетъ живое дѣло, но гдѣ же оно? Ты будешь переѣзжать изъ города въ городъ, любоваться видами и картинными галереями, вы проживете много денегъ, много бряцаловскихъ денегъ, — не въ томъ смыслѣ, что это деньги Анатолія Петровича, а не твои, — нѣтъ, онъ твой мужъ и вамъ нечего считаться... Но ты знаешь, какъ добываются эти деньги. Ты же помнишь ту исторію, изъ-за которой онъ тогда пересталъ бывать у насъ. Не сердись на меня, Наташа; я говорю, что думаю, гово-

рю тебѣ, а это для меня все равно, что себѣ самой. Я не могу удержаться, чтобъ еще разъ не процитировать слова Мюнцевой: «Принципъ только тогда и принципъ, когда онъ охватываетъ всю жизнь отъ самыхъ важныхъ шаговъ до ничтожныхъ мелочей...» Ну, а это какъ же? Разъясни, разъясни, пожалуйста, какъ можно скорѣе; я мучаюсь. И писать больше ничего не могу. Прости. Твоя Вѣра.

Вѣна, 2 декабря. Ты меня вызываешь, Вѣра, на объясненіе, которое у меня еще не готово. Я задумалась и скоро успокою тебя, если удастся успокоить. А теперь скажу только, что твое письмо не только не обидѣло меня, а, напротивъ, тронуло. Да, тронуло, Вѣрокъ. Если ты такъ горячо принимаешь въ сердцу каждый мой шагъ, значить, ты, попрежнему, живешь со мной одною жизнью. Развѣ это не высокое наслажденіе—сознавать, что, какъ бы далеко ты ни былъ, всегда есть гдѣ-то сердце, которое бьется въ тактъ съ твоимъ сердцемъ?

Я получила здѣсь письмо отъ Егора. Оно коротко и сухо. Тамъ тоже моя повѣдка не нравится, хотя Егоръ и высказалъ ей одобреніе. Но это, должно быть, потому, что Аполлонъ слишкомъ ужъ прямо забраговалъ ее (не словами, а только взглядомъ, который я хорошо поняла), и ему хотѣлось смягчить это въ моихъ глазахъ. Но не въ этомъ дѣло. Я очень хорошо знаю, что и Егоръ, и Аполлонъ примирились съ моимъ замужествомъ только вѣнскимъ образомъ. Они просто не хотятъ огорчать меня. Но въ душѣ они негодуютъ, не ждутъ отъ меня ровно ничего хорошаго, считаютъ пропащей и вообще махнули на меня рукой. У меня же теперь нѣтъ ничего такого, чѣмъ бы я могла импонировать имъ... И я оставила все это безъ возраженій. Оставила все идти такъ, какъ оно идетъ, надѣюсь, до поры до времени. Но объ этомъ послѣ. А вотъ о чемъ: Егоръ пишетъ буквально слѣдующее: «Мать поручила мнѣ передать тебѣ, Наташа, что на твое имя она внесла въ банкъ пятнадцать тысячъ, но бумага находится у меня и ты можешь во всякое время взять ее, когда понадобится. Это твои собственные деньги, которыя должны лежать неприкосновенно до тѣхъ поръ, пока не понадобятся тебѣ лично, на черный день». Это подлинныя слова Егора. Такъ вотъ какъ, Вѣра. Меня *выдѣлили* совсѣмъ,—значить, считаютъ окончательно отрѣзаннымъ ломтемъ. Мнѣ было горько читать эти строки, но я ничего не возразила, а отвѣтила просто: «благодарю». Сухость и краткость письма Егора дали мнѣ понять, что переписка моя съ ними должна прекратиться. Очевид-

но, имъ тяжело думать обо мнѣ. Я и съ этимъ мирюсь. Я такъ разсуждаю: если у меня будетъ что-нибудь привлекательное для нихъ, то они сами возвратятся ко мнѣ. Убѣждать же кого бы то ни было я не намѣрена; это и бесполезно. Мамочку буду извѣщать о своемъ здоровьѣ, ей больше ничего и не нужно. Вѣдь, она просто любить, да и только; но обрати вниманіе, Вѣра, на слова: «пока не понадобятся тебѣ лично, на черный день». Вотъ и они предвидятъ какой-то *черный день* совершенно такъ, какъ и Штенко. Что же это? Развѣ это, въ самомъ дѣлѣ, такъ неизбѣжно? Или я такъ близорука и не вижу вокругъ себя какихъ-то такихъ признаковъ, которые имъ видны со стороны? Скажи, Вѣра, не видишь ли ты чего -нибудь зловѣщаго, что уже прямо пророчило бы черный день?

Мое письмо сегодня вышло мрачно. Жди другаго, въ которомъ я постараюсь отвѣтить на твой прежній вопросъ. Твоя Н. Б.

Вѣна, 7 декабря. Да, дорогая Вѣра, когда подумаешь обо всемъ этомъ, то начинаешь подозрѣвать, что дѣло плохо. Я никакъ не ожидала отъ себя, что личное чувство можетъ овладѣть мной до такой степени. Я люблю Анатолія до того, что не въ состояніи отказать ему въ чемъ бы то ни было. Когда я была его невѣстой, мнѣ казалось, что онъ невольно подчинится мнѣ во всемъ и ему самому это казалось, и онъ, шутя, говорилъ мнѣ: «Ты меня скрутишь въ бараній рогъ». И правда, что у меня была надъ нимъ какая-то сила. Тогда я смотрѣла въ будущее бодро и дѣлительно. Я думала, что сейчасъ же воспользуюсь этою своею силой и поверну все по-своему. Я знала, что встрѣчу страшное противодѣйствіе, но это меня не пугало, потому что я вѣрила въ свою силу. Но когда я сдѣлалась его женой, я тотчасъ же покорилась... не ему, а своему чувству къ нему. Я потеряла волю, милая Вѣра, я потеряла волю. Близость къ нему словно загнипнотизировала меня и мнѣ не только хочется покорно исполнять его желанія, но и ловить ихъ. Мнѣ доставляетъ особенное наслажденіе иногда поступиться для него какимъ-нибудь своимъ убѣжденіемъ. Вѣдь, это жертва, которую я приношу ему, любимому человѣку. Я вижу на твоёмъ лицѣ, Вѣра, ужасъ. Ты спрашиваешь, куда же это поведетъ? Вѣдь, эта дорога ведетъ совсѣмъ въ сторону, противоположную тому, къ чему ты стремилась... Пстой, я скажу больше: я ловлю себя на томъ, что мнѣ начинаютъ нравиться его недостатки, — не то, что нравиться, а я нахожу, что они, будучи недостатками вообще, извинительны въ немъ. Онъ кажется мнѣ существомъ исключи-

тельными, которому все можно простить. Что это, Вѣра? Я думаю вотъ что: я просто оказалась *женщиной*,—да, женщина взяла во мнѣ перевѣсъ надъ человѣкомъ... Вотъ это все я тебѣ пишу, потому что ты заставила меня подумать объ этомъ. Мнѣ стоило страшныхъ усилій произвести этотъ безопадный анализъ, это—для тебя. И я вижу, что это постыдная слабость, я это ясно вижу. Но сейчасъ думаю о немъ, представляю, что онъ пришелъ и положилъ руку мнѣ на голову и уже сердце у меня усиленно бьется, и уже я во власти моего чувства.

Вотъ почему я, живя въ деревнѣ, ни на что не хотѣла обращать вниманія, вотъ почему я безпрекословно согласилась ѣхать за границу. Иногда у меня мелькаетъ мысль о моихъ стремленіяхъ и цѣляхъ, я упрекаю себя за слабость, за бездѣятельность. Я чувствую себя оскорбленной, я плачу, я вся дрожу отъ гнѣва на самое себя... когда я только представляю себѣ, что у насъ съ нимъ изъ-за чего-нибудь могла бы произойти легкая размолвка, на меня нападаетъ ужасъ и сердце сжимается отъ боли.

Вотъ тебѣ, Вѣра, вся правда. Дѣлай съ нею, что хочешь. До 20 декабря въ Вѣнѣ, а тамъ до конца января въ Женевѣ и окрестностяхъ, но адресъ въ Женеву. Твоя Наташа.

Петербургъ, 22 декабря. Я не писала тебѣ въ Вѣну, потому что не могла писать. Подъ вліяніемъ твоего послѣдняго письма, моя бѣдная Наташа, я ходила съ опущенною головой, я ни о чемъ не могла думать, я почти не понимала того, что мнѣ говорили, на лекціяхъ сидѣла какъ истуканъ и даже нѣсколько дней совсѣмъ не ходила на курсы, что для меня очень много значить. Наташа, что же это такое? Что же это? Вѣдь, это ужасное паденіе, ты попала въ сѣти,—какъ ни пошло это выраженіе,—въ сѣти любви. Милая, неужели это такъ и останется? У тебя туманъ на глазахъ... Впрочемъ, нѣтъ, ты все видишь, ты понимаешь... Но тѣмъ хуже, если ты ничего не можешь измѣнить, тѣмъ хуже. Я ничего не понимаю въ любви, но если она такъ поработаетъ душу, то Богъ съ нею; что въ ней хорошаго? Съ нею надо бороться, какъ съ врагомъ... О, я буду бояться ее! Я воспользуюсь твоимъ опытомъ...

И такъ, ты не владѣешь собой, ты потеряла волю. Видишь, куда ты пошла... Развѣ я не «избрала благою часть», какъ Марія? Да, я ее избрала. Я чувствую, что у меня начинается проходить періодъ восторженнаго поклоненія всему, что хоть капельку связано съ наукой. Я начинаю ко всему относиться критически и оттого видѣть яснѣе. Я, напримѣръ, теперь сама легко отличаю

талантливыхъ профессоровъ отъ бездарныхъ, тогда какъ прежде они всѣ казались мнѣ въ одинаковой степени богорожденными. Даже до того дошло, что я иногда съ ними не соглашаюсь. Еще не такъ давно на лекціи исторіи я задала одинъ вопросъ, который всѣхъ поразилъ, и подожгла этимъ вопросомъ цѣлую аудиторію. Мы потомъ, когда профессоръ ушелъ, рѣзко раздѣлились на партіи и спорили до изнеможенія. И еще скажу тебѣ вотъ что: я иногда слушаю профессора и припоминаю прочитанную книгу по тому же вопросу и отдаю предпочтеніе книгѣ и мысленно спорю съ нимъ. Это значитъ, что въ моей головѣ устанавливается порядокъ, мой умъ развивается. И какое это наслажденіе, Наташа, чувствовать и сознавать, что умъ твой развивается и что ты начинаешь понимать то, что прежде было тебѣ неясно или совсѣмъ темно! Это такое же ощущеніе, какъ еслибъ у тебя стали выростать крылья и вотъ ты понемножку владѣешь ими, сперва робко, а потомъ все смѣлѣе и смѣлѣе, поднимаешься надъ землею, каждый разъ выше и выше, и взоръ твой захватываетъ все большее пространство, но когда-нибудь ты подынешься туда, гдѣ парятъ орлы, и Богъ знаетъ, что откроется твоему уму!... Наташа, это настоящее счастье. Вотъ оно!

Я давно ничего не писала тебѣ про Миропольскаго. Онъ бываетъ у меня почти каждый день, но не надолго. Онъ страшно много занимается. Его теперь увлекаетъ химія, онъ весь погрузился въ нее и начинаетъ уже жалѣть, что поступилъ въ академію, а не въ университетъ. Мы надъ нимъ посмѣиваемся. «А какъ же ваши мечты о томъ, чтобы спасти человѣчество? Или вы думаете спасти его химіей?» Онъ всячески отбивается. «Что подѣлаете? Это мое увлеченіе, я влюбленъ въ химію». Но я думаю, что его влюбленность пройдетъ. Ему бы только добратъся до третьяго курса, гдѣ пахнетъ настоящею медициною, и онъ за нее ухватится. Онъ созданъ быть врачомъ. А, впрочемъ, онъ тебя, вѣроятно, нисколько не интересуется? Я совсѣмъ выпустила изъ вида, что ты его не знаешь. Но онъ любопытный субъектъ. Представь себѣ, онъ смотритъ на наши книжки и вздыхаетъ. Хотѣлось бы, говорить, проникнуть въ нихъ, да химія не позволяетъ,—некогда. Но мы ему излагаемъ наши книжки, а онъ намъ за это рассказываетъ чудеса своей обожаемой химіи.

Ну, а, въ концѣ - концовъ, все - таки, спрошу тебя: какъ же это будетъ, Наташа? Неужели у тебя совсѣмъ опустились руки? Неужели ты и не надѣешься вернуть свое прежнее мужество? Милая, поищи и найди въ себѣ силы,—онѣ найдутся, непременно найдутся. Но Боже тебя сохрани когда-нибудь подумать, что всему

конецъ и надо опустить руки окончательно. Паденіе начинается съ того момента, когда мы сами признали свое безсиліе. Нѣтъ, надо, даже падая, вѣрять въ свои силы,—это можетъ спасти. Сказать ли тебѣ, Наташа, то, что я держала отъ тебя въ тайнѣ? Я получила нѣсколько писемъ отъ Чинарова. Онъ давно уже говоритъ, что на тебя нужно махнуть рукой. Еще когда ты жила въ деревнѣ и изрѣдка пріѣзжала въ городъ, онъ, наблюдая тебя, пришелъ къ заключенію, что ты «обрицаешься окончательно». Я не вѣрила, думала, что онъ увлекается, а ты взяла, да и сама подтвердила. Но я, все-таки, не вѣрю. Не вѣрю, да и только!...

Съ какимъ нетерпѣніемъ я отъ тебя жду просвѣтленнаго письма! Я живу этою мыслью. Знаешь, что? Вотъ славно было бы, еслибъ ты хоть на одну недѣлю, на одинъ день даже заглянула къ намъ въ Петербургъ! Мнѣ почему-то думается, что стоить только намъ съ тобой повидаться, какъ ты станешь прежнею Наташей, которая поражала меня своею самостоятельностью, настойчивостью, упорствомъ въ достиженіи разъ намѣченной цѣли. Помнишь ли ты ту *Наташу*? Я помню, я очень хорошо помню... Твоя Вѣра.

Женева, 2 января. Съ новымъ годомъ, дорогой другъ. Здѣшній уже давно минулъ, но я никакъ не могу привыкнуть считать по-здѣшнему, а все по-нашему. Это то же, что твоя исторія съ масломъ. И многое, милая Вѣра, бываетъ въ жизни такихъ «исторій съ масломъ». Какой-нибудь пустякъ оказывается до того вѣвшимися въ нашу плоть и кровь, что безъ него нельзя жить, какъ безъ пары ногъ или безъ головы. Но ты и не подозреваешь, дорогой Вѣрогъ, какія въ письмѣ твоемъ нашлись для меня утѣшительныя вещи; ты и подумать не можешь. Я дѣлаю смѣлыя аналогіи. Можетъ быть, онѣ больше утѣшительны, чѣмъ справедливы, не знаю, но на меня онѣ дѣйствуютъ великоколѣпно. Ты пишешь, что въ первое время, какъ ты попала на курсы, ты ни къ чему не могла отнестись критически. Всѣ профессора казались тебѣ «одинаково богорожденными», все, что они ни говорили, какъ и все, что ни встрѣчала ты въ книгахъ, казалось тебѣ одинаково умнымъ и справедливымъ,—ты все принимала на вѣру. Не кажется ли это тебѣ аналогичнымъ съ моею потерей воли? Ахъ, Наташа, говори же, что кажется!... Но вотъ въ головѣ твоей «устанавливается порядокъ»... Ну, можетъ быть, и въ моемъ сердцѣ когда-нибудь начнетъ устанавливаться порядокъ. Не слишкомъ ли смѣла моя аналогія? А вотъ и другая, еще лучше для меня. Миропольскій хотѣлъ спасти человѣчество посредствомъ медицины, но неожиданно

увлекся химіей, влюбился въ нее и отодвинулъ въ сторону спасеніе человѣчества. Онъ тоже, подѣ влияніемъ любви къ своей химіи, потерялъ волю, но ты пишешь, что ему только бы добраться до третьяго курса и тогда онъ вернется къ своей медицинѣ. Милая, можетъ быть, и мнѣ надо добраться до третьяго курса... Прости мнѣ эту смѣшную аналогію. Но ты не думай, что она только смѣшна. Ты не думай, что въ любви женщины къ мужчинамъ нѣтъ градаций, похожихъ на ваши четыре курса. Все это мнѣ представляется туманно, но мнѣ кажется, лучше сказать, мнѣ чувствуется, что еслибъ я стала матерью, я бы совсѣмъ иначе смотрѣла на міръ. Я не знаю какъ, но мнѣ думается, что это дѣлаетъ важную перемену въ жизни женщины. И такъ, дорогой Вѣрокъ, мнѣ это такъ же необходимо, какъ Миропольскому перейти на третій курсъ... А хочу я этого страстно! О, еслибъ это случилось, и какое это было бы несчастье, еслибъ я никогда не сдѣлалась матерью!...

Мы попали въ Женеву неудачно. Представь себѣ, здѣсь снѣгъ, правда, не такой, какъ у васъ въ Петербургѣ. Онъ выпадаетъ утромъ, а къ полудню его уже нѣтъ; но погоды не хороши. Вѣтрено и пасмурно. Монблана не видно, а озеро волнуется, точно сердится. Да и не оно одно сердится, а у всѣхъ здѣсь сердитыя лица, потому что никто и ничто здѣсь не привыкло къ такимъ погодамъ. Здѣсь страстно любятъ солнце и природа, и люди. Намъ здѣсь совсѣмъ нечего сидѣть, а если мы нигуда не двигаемся, то только потому, что вся Европа теперь въ снѣгу и жметъ отъ холода. Значить, вездѣ сѣверно. У насъ день и ночь горитъ каминъ и, все-таки, мы дрожимъ отъ холода и кутаемся днемъ въ пледы, а ночью покрываемся отъ головы до ногъ перинами. Къ этимъ перинамъ мнѣ было ужасно трудно привыкнутьъ, я находила ихъ нелѣпостью и крайне неудобнымъ приспособленіемъ. Онѣ ежеминутно сползали съ меня на полъ. Но теперь привыкла къ нимъ и нахожу ихъ очень удобными. Это опять «исторія съ масломъ», не правда ли? Ну, а вотъ тебѣ еще: здѣсь не оказалось самовара и намъ давали чай въ какихъ-то кофейникахъ. Я отказалась пить, — ну, просто не могла и сидѣла цѣлую недѣлю безъ чая. Я страшно страдала, и хотя не плакала, но злилась. Бончилось это тѣмъ, что мы купили въ тридорога самоваръ въ сосѣднемъ отелѣ. Тамъ оказался лишній. Ну, а это развѣ не «исторія съ масломъ»?

Отсюда, чуть только холода спадутъ, ѣдемъ въ Парижъ. Думаю, что послѣ десятаго (нашего) февраля письма можешь посылать въ Парижъ. Наниши мнѣ, какъ ты находишь мои аналогіи? Твой Натанъ.

Петербургъ, 7 января. Я пишу тебѣ въ Женеву. У насъ холодно, должно быть, и у васъ то же, а потому вы никуда не двинулись изъ Женевы и ты, попрежнему, сражаешься съ тамошними перинами. Впрочемъ, я забыла, что ты съ ними помирилась. У меня были праздники и вотъ я, можетъ быть, въ первый разъ послѣ гимназіи поняла, что такое праздники. Мы — я, Бухтѣева, Монцева и Миропольскій съ нами — разомъ, какъ только окончили занятія на курсахъ и въ академіи, почувствовали, что всѣ утомлены страшно и что намъ необходимъ праздникъ. Вѣдь, подумай, мы только и дѣлали, что учились. Рѣшено было книги и лекціи отложить въ сторону и не смотрѣть на нихъ. Я даже задрапировала мои шестьдесятъ четыре книги (у меня ихъ уже шестьдесятъ четыре и всѣ прочитаны!) сѣрымъ сукномъ подъ цвѣтъ моихъ обоевъ на стѣнахъ, чтобы даже нечаянно какъ-нибудь не взглянуть на нихъ. Ну, мы и отдыхали, дѣйствительно. Были въ циркѣ, два раза въ оперѣ, разъ въ балетѣ, три раза въ Александринкѣ, а подъ новый годъ даже плясали въ складчину. Тутъ была ветчина, колбаса, телятина и сыръ, вино и пиво, говорили тосты, кричали «ура», я выпила цѣлый стаканъ бѣлаго столоваго вина, чокалась съ Миропольскимъ и у меня кружилась голова. Но это ничего, Наташа, право же, среди этого шума, среди этихъ слегка кружащихся головъ въ продолженіе всего долгаго вечера (отъ девяти до четырехъ утра) не было сказано ни одного пошлаго слова. За то веселились отъ души и я въ самомъ дѣлѣ, несмотря на усталость, отдохнула, т. е. отдохнула моя голова. Помнишь, я тебѣ писала, что многое меня удивляетъ, поражаетъ, иное смѣшитъ, иное огорчаетъ. Но не думай, что все это глубоко и серьезно, — нѣтъ, все это есть, ну, и все же дурнаго ничего нѣтъ, или почти ничего. Вотъ тебѣ примѣръ: есть среди насъ такіа, что увлекаются оперой. И это не то, чтобъ онѣ очень любили музыку, — нѣтъ, это какъ бы входить въ программу самоусовершенствованія. Я наблюдала, что когда онѣ заберутся въ ложу компаніей въ восемнадцать душъ, то онѣ не просто слушаютъ музыку, а какъ-то священнодѣйствуютъ. Лица оживлены, почти вдохновенны. Считается чѣмъ-то вродѣ гражданскаго подвига простоять на морозѣ всю ночь у Маринскаго театра, чтобы получить ложу или галерею. Но это только смѣшно и дурнаго тутъ ничего нѣтъ. Есть такіа, которыя устроили культъ оперы; онѣ буквально простаиваютъ ночи ради билета и бываютъ въ оперѣ чуть не каждый день. Почему именно опера — неизвѣстно. Въ Александринскомъ театру, гдѣ даются комедіи и драмы и гдѣ, казалось бы, много можно найти поучитель-

наго, холодны, а къ балету — общее презрѣніе. Очень много бываетъ вечеринокъ и плясать на нихъ считается тоже благороднымъ занятіемъ. Но и въ этомъ нѣтъ ничего дурнаго, Наташа, не правда ли? Одно только нехорошо, что все это какъ бы входитъ въ программу высшаго образованія, и тѣ, что каждый вечеръ съ горящими глазами и красными лицами рукоплещутъ въ оперѣ, задыхаясь отъ жары въ ложѣ, гдѣ восемнадцать душъ, и тѣ, что простодушно пляшутъ на вечеринкахъ, думаютъ, кажется, что онѣ такимъ образомъ получаютъ высшее образованіе и рѣшаютъ женскій вопросъ. Впрочемъ, эти послѣднія слова не мои, а Монцевой. Она, когда видитъ компанію, собирающуюся въ оперу, говоритъ: «Вишь, идутъ рѣшать женскій вопросъ». Но она очень строга, очень строга. Она злится: «Зачѣмъ онѣ пріѣхали? Зачѣмъ онѣ прикрываются знаменемъ высшаго образованія? Никакого образованія онѣ не получаютъ и не стоило имъ трогаться съ мѣста». Но я думаю, что это у нихъ пройдетъ, право. Нѣтъ, Монцева очень строга и какъ она мучаетъ бѣдную Бухтѣеву! Она хорошенькая и молоденькая, и ей очень хочется поплясать на вечеринкѣ. Куда-а?! Ни за что! Грозитъ вѣчною ссорой. Тоже вотъ еще наблюденіе Монцевой. Когда она слушаетъ разговоръ на курсахъ между двумя лекціями, глаза ея выражаютъ негодованіе и она говоритъ: «Посмотрите, какія мы сплетницы, такія же точно, какъ тѣ, что остались въ нашихъ уѣздныхъ городахъ. Слышите, о чемъ мы говоримъ? О томъ, какіе глаза у профессора литературы и сколько бы могло быть лѣтъ молодому историку. Нѣтъ, слушайте, слушайте: «Макарова, что это вы на лекціи по философіи всегда садитесь на первой скамьѣ и смотрите въ глаза профессору? Однако, замѣчено, что онъ больше поглядываетъ въ сторону Чинкурской, а не въ вашу!» Макарова краснѣетъ и чуть не плачетъ. Какія мы сплетницы и пустомели!» Это говоритъ Монцева и забываетъ, что тутъ же ведутся другіе разговоры, совсѣмъ иного рода. А я думаю, что все это пустяки и ничего не значить. Не можемъ же мы отъ одного только желанія учиться, оттого только, что оставили свои дома и пріѣхали на курсы, избавиться отъ всѣхъ нашихъ недостатковъ, воспитанныхъ вѣками. Мы пріѣзжаемъ сюда такими же, какъ были, немножко только лучше, потому что одно уже желаніе стать лучшими дѣлаетъ насъ лучшими; ну, а здѣсь немного совершенствуемся. И дѣло должно идти медленно и стоять упорнаго труда; Монцева въ этомъ случаѣ заблуждается. Но есть, милая Наташа, среди насъ женщины удивительныя! У нихъ каждый шагъ и каждая минута расчитаны такъ, чтобъ идти на самоусовершенствованіе, онѣ

какъ-то сразу, одною только рѣшимостью, съумѣли заставить себя отказаться отъ всѣхъ нашихъ слабостей и видно, что это имъ тяжело, но онѣ сами не замѣчаютъ, что страдаютъ. Это настоящія подвижницы женскаго вопроса. Передъ ними я преклоняюсь, потому что мнѣ далеко до нихъ. Вотъ Монцева изъ этой породы. Какъ бы я хотѣла, чтобъ ты съ нею познакомилась, Наташа! Ну, довольно, поѣзжай въ Парижъ. Я думаю, тамъ ты такъ завертишься, что не скоро отъ тебя дождешься письма.

Ахъ, да! Насчетъ твоихъ аналогій одно могу сказать: отъ души желаю, чтобъ онѣ были правильны и осуществились! Прощай. Твоя Вѣра.

Парижъ, 3 марта. Ты была права, Вѣра. Въ Парижѣ я завертѣлась. Но только не подумай, что это мѣшало мнѣ писать, — ужь для этого я нашла бы время, — нѣтъ, не потому, а дѣло въ томъ, что я не могла сообщить тебѣ ничего утѣшительнаго. Все шло по-старому, все. Для иллюстраціи я расскажу тебѣ такой случай. Получилъ Анатолій отъ своего главнаго прикащика письмо и, уходя куда-то, оставилъ его на столѣ. Я прочтала его. Въ этомъ письмѣ прикащикъ сообщаетъ, что приходили къ нему мужики ржи просить, у нихъ недохватъ, и онъ далъ имъ по пяти мѣръ, но съ тѣмъ, чтобы послѣ урожая они вернули по восьми мѣръ. Когда я прочтала это письмо, первое мое движеніе было спросить Анатолія, что это значить, и неужели это дѣлается съ его разрѣшенія и имъ одобряется? Я была возмущена искренно. Но когда онъ пришелъ, я ни слова не сказала... Мнѣ показалось, что изъ этого можетъ выйти страшная исторія, ссора, а я боюсь этого больше всего на свѣтѣ. Мнѣ кажется, что я умру отъ отчаянія, если онъ будетъ сердиться на меня не больше получаса. Я чувствую себя до такой степени связанной съ нимъ, я чувствую себя частью его... Мнѣ самой горько объ этомъ думать, мой добрый Вѣрокъ, но только когда я одна; когда же я съ нимъ, то я ни о чемъ не думаю, а все о немъ. Плохо я тебя утѣшила, не правда ли? Твоя Наташа.

Парижъ, 15 марта. О, ты не можешь себѣ представить, что со мной произошло! О, я начинаю уже въ душѣ ликовать! Мнѣ кажется, что *стыи* начинаютъ спадать съ меня. И я никогда не ожидала, что это до такой степени глубоко мѣняетъ женщину... Да, вѣдь, ты не знаешь, въ чемъ дѣло. Представь, былъ такой моментъ, когда я взглянула на Анатолія и почувствовала, что или онъ сталъ немного ниже, или я выше стала... Да, да, вотъ имен-

но такое ощущеніе, какъ будто я выше стала. *Я буду матерью*, это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Вѣра, еслибъ ты видѣла, съ какою гордостью я сообщила ему объ этомъ! Вотъ въ этотъ-то моментъ я и почувствовала, что выше стала. Мало этого. Въ его глазахъ я замѣтила новую черту, черту почтительнаго уваженія. Я буду матерью, Вѣра, и это удивительно важно. Что такое замуство безъ дѣтей?—безсмыслица. Супруги, убѣдившіеся, что у нихъ никогда не будетъ дѣтей, должны перестать быть мужемъ и женой... О, видишь, какъ высокохѣрно заговорила женщина, для которой минула опасность!...

Однимъ словомъ, я почувствовала, что у меня есть передъ нимъ такое важное преимущество, передъ которымъ онъ всегда долженъ будетъ склонить голову. А главное, главное... Я теперь вся сосредоточилась на своемъ новомъ положеніи, а по отношенію къ Анатолию у меня совсѣмъ исчезло рабство (потому что— что же это было, какъ не оно?); если я была загнипотизирована, то я проснулась и начинаю протирать глаза. О, еслибъ ты видѣла, съ какимъ обожаніемъ онъ цѣловалъ мои руки, когда узналъ объ этомъ! Мнѣ казалось, что мы помѣнялись ролями и въ эту минуту уже онъ добровольно поступаетъ ко мнѣ въ рабство. И знаешь ли, Вѣра, какія у меня явились горделивыя мысли? Я думаю, что моя прежняя слабость есть примѣта сильной натуры. Сильныя натуры не умѣютъ ничему отдаваться на половину. Онѣ окунаются съ головой какъ въ хорошее, такъ и въ дурное... Развѣ мелкая натура способна сдѣлаться страстнымъ игрокомъ до забвенія всякаго благоразумія? Нѣтъ, она всегда будетъ играть по маленькой... Да, то была слабость, но я подчинилась ей безъ колебаній. А теперь мнѣ чутся, что я способна идти на борьбу тоже безъ колебаній...

Впрочемъ, милая Вѣра, это, можетъ быть, все мнѣ показалось. Увидимъ. А пока рѣшено: лѣто и потомъ до новаго января проживемъ въ Швейцаріи и только къ будущей веснѣ вернемся въ Бряцаловку. Ужь теперь ты не смѣешь укорять меня, Вѣра, потому что я буду жить въ Швейцаріи не для себя, а для... вотъ это-то и неизвѣстно. Но лигованью моему нѣтъ конца. Теперь я буду провѣрять себя самымъ тщательнымъ образомъ и обо всемъ тебѣ доложу. Мнѣ страшно хочется тебя утѣнить. Прощай, до слѣдующаго письма. Твоя Н. Б.

28 мая. Милый Натанъ! Я пишу тебѣ изъ нашего прекраснаго губернскаго города, который такъ же грязенъ, какъ и былъ.

Пишу всего нѣсколько словъ. Въ Петербургѣ была страшно занята экзаменами. Выдержала ихъ блестяще и теперь я—второкурсница. Bravo! Бухтѣва и Монцева тоже выдержали, но въ Сибирь, конечно, не поѣхали. Онѣ разлучились, бѣдняги. Обѣ поѣхали на уроки въ разные мѣста—добывать деньги на зиму. Какъ мнѣ было тяжело съ ними разставаться! Миропольскій здѣсь и бываетъ у насъ каждый день. Что случилось съ Федей, не понимаю. Онѣ перешелъ въ восьмой классъ. Похудѣлъ страшно, сталъ нелюдимъ, зачитывается книгами, чего прежде не бывало. У насъ бываетъ рѣдко и меня какъ-то почтительно игнорируетъ. Что за переѣзна? Штенко совсѣмъ у насъ не бываетъ. Аполлонъ сталъ часто хворать, бѣдный, сильно и скверно покашливаетъ. Егоръ и мамочка ни чуточки не измѣнились, любятъ меня страшно, а по тебѣ тихонько вздыхаютъ. Вздыхаетъ Егоръ, а мамочка, какъ эхо...

Какъ твоё здоровье и душевное состояніе? Твое послѣднее письмо было очаровательно. Можешь ли ты подтвердить его? Твоя В.

Женева, 20 іюня. О, какъ мнѣ иногда бываетъ смѣшно! Иногда мнѣ кажется, что я какое-то совершенное существо—могучее и сильное, и что еслибъ Анатолій покинулъ меня сейчасъ, я только улыбнулась бы. Онѣ мнѣ болѣе не нуженъ, насъ двое и безъ него... но нѣтъ, это глупости. Онѣ мнѣ очень нуженъ, потому что я очень люблю его. Но замѣчаешь ли ты, какая разница? «Очень люблю его»... Какъ отъ этого далеко до рабства! Милый Вѣрокъ, и я тоже «перешла на второй курсъ»... Не правда ли? Здоровье мое не слишкомъ хорошо. Здѣсь жарко и это на меня дурно дѣйствуетъ. Я много капризничаю, и мнѣ доставляетъ великое удовольствіе видѣть, какъ Анатолій, — тотъ самый Анатолій, который нѣсколько недѣль тому назадъ былъ моимъ царемъ, — рабски исполняетъ всѣ мои капризы. Въ этомъ я вижу счастливый залогъ будущаго. На-дняхъ я заставила его прогнать меня на лодкѣ по озеру. Онѣ увѣрялъ, что это мнѣ вредно, но я настояла на своемъ; и дѣйствительно, я потомъ была больна цѣлыя сутки, но это ничего, — я настояла на своемъ. Это была маленькая проба. Я упражняю свой характеръ, — онѣ застоялся... Скоро будетъ виноградъ и я буду его поѣдать массаами. Не такъ далеко и декабрь, милый Вѣрокъ, когда я подарю міру достойнаго продолжателя знаменитаго рода Бряцаловыхъ. Конечно, это не будетъ продолжатель рода Лобачевыхъ ни въ какомъ случаѣ, ибо родъ Лобачевыхъ (къ кото-

рому, безъ сомнѣнія, исторія отнесеть и Егора, и Аполлона) меня забраковала. Надѣюсь, что это будетъ мужчина, а Анатолий говоритъ, что ему все равно и что онъ великодушно не настаиваетъ на томъ, чтобъ это былъ непременно мужчина. Ты скоро въ Петербургъ. Пожалуй, мы уже не успѣемъ списаться. Ну, прощай, моя второкуреница! Воображаю, какая ты теперь ученая. Я думаю, мнѣ теперь съ тобой не сговорить. А сколько у тебя теперь книгъ? Я остановилась на шестидесяти четырехъ... Твоя Наташа.

Женева, 13 декабря. Милостивая государыня, глубокоуважаемая Александра Сергѣевна! Спѣшу увѣдомить васъ, что Наташа вчера разрѣшилась отъ бремени сыномъ вполне благополучно. Она проситъ меня сейчасъ же написать вамъ объ этомъ, что я исполняю. Мой глубокий поклонъ Егору Егоровичу. Сына назовемъ Петромъ. Приѣдемъ ли скоро въ Россію, неизвѣстно, — это будетъ зависѣть отъ состоянія здоровья новорожденнаго, а кажется, что онъ не особенно крѣпокъ. Сердечно уважающій васъ и искренно преданный Анатолий Бряцаловъ.

Женева, 21 декабря. Вѣрокъ, дорогой! У меня сынъ, только слабенькій. И отчего онъ такой слабенькій? Кажется, и я, и Анатолий здоровы. Экая досада! Его зовутъ Петромъ. Сегодня мнѣ позволили писать и вотъ я пишу тебѣ нѣсколько словъ. Я еще очень слаба, но, въ то же время, и очень сильна... Ты понимаешь... О, еще въ тысячу разъ сильнѣе, чѣмъ тогда, чѣмъ когда бы то ни было! Еслибъ ты знала, какое я чувствую къ себѣ уваженіе, какую почтительность! Я ничего и никого не боюсь. Теперь насъ двое — я и Петръ. Ужъ онъ всецѣло мой, онъ — моего лагеря. Я ему мысленно нашептываю, какимъ онъ долженъ быть, во что вѣровать, къ чему стремиться, чего добиваться, за что бороться. Да нѣтъ, ты не понимаешь этого высокаго чувства, когда кажется, что и онъ тебѣ отвѣчаетъ, что его глазки совсѣмъ не такъ безмысленны, какъ думаютъ другіе, что онъ хочетъ сказать тебѣ: да, да, я твой, я съ тобою, я буду мыслить и чувствовать такъ же, какъ и ты... О, мы съ Петромъ согнемъ въ бараній рогъ Анатолия!... Но представь себѣ, малютка такъ слабъ, что его не скоро еще можно будетъ перевезти въ Россію. Сперва мы поѣдемъ куда-нибудь въ Ментонъ и развѣ къ лѣту — домой. А какъ страстно хочется повидаться съ тобой! И какъ тянетъ туда! Еслибъ ты знала, какую я ощущаю въ груди своей энергію!... О, Наташа, прѣжняя Наташа возвратилась къ себѣ самой, только съ тою

разницей, что теперь она испытанна и завалена. Лякуй, Вѣрокъ! Оглядываюсь назадъ и пожимаю плечами. Боже, неужели была эта слабость, это рабство? Было, все было!... И вотъ что странно: не думаешь ли ты, что я теперь охладѣла къ Анатолю и меньше прежняго люблю его? О, нѣтъ, напротивъ, мнѣ кажется, что наши души еще тѣснѣе сблизились (а какъ онъ со мною нѣженъ!). Но нѣтъ этого обиднаго подчиненія, этой боязни испортить отношенія. Есть какая-то непонятная и непоколебимая увѣренность въ себя... И все это сдѣлалъ маленькій Петръ. Но какъ онъ слабъ — этотъ виновникъ великаго переворота въ моей душѣ!...

Ты скажешь: ну, а еслибъ ты не сдѣлалась матерью, неужели этого переворота не произошло бы? О, нѣтъ, нѣтъ, не думай этого, Вѣра, но тогда, можетъ быть, онъ стоилъ бы мнѣ страшной борьбы съ самою собою, съ моимъ чувствомъ, и въ этой борьбѣ погибло бы много силъ, которыя нужны мнѣ на другую борьбу... Такъ я думаю, а, можетъ быть, и ошибаюсь...

Ты хочешь знать, хорошенькій ли онъ и на кого похожъ? Ничего еще разобрать нельзя, но мнѣ ужасно нравится и кажется, что онъ похожъ на Анатоля, а онъ увѣряетъ, что на меня, и оба безъ всякаго основанія, потому что, въ сущности, онъ не только ни на кого, но даже ни на что не похожъ.

Ну, у тебя опять будутъ праздники и ты опять будешь отдыхать. Будешь въ циркѣ, въ оперѣ и на вечеринкѣ. Будешь чокаться съ Миропольскимъ. Благанйся ему, если онъ такой хорошій.

Ахъ, какъ тянетъ меня домой, и не столько въ Бридаловку, сколько въ губернскаго городъ, къ нашимъ милымъ старичкамъ, несмотря на всѣ обиды!

Отъ Антонины Федоровны получили торжественное телеграфическое поздравленіе съ наследникомъ.

Прощай, дорогая, пиши, не забывай! Кажется, я тебя хорошо утѣшила! Твоя Наташа.

II.

— Дѣвочка моя! — воскликнула Александра Сергѣевна задыхающимся отъ неожиданнаго волненія голосомъ и окаменѣла отъ изумленія среди гостиной съ приподнятыми руками.

Но черезъ секунду она сжимала въ своихъ объятіяхъ дочь и рѣшительно не хотѣла выпустить ее, несмотря на то, что это было необходимо, потому что, съ одной стороны, Егоръ Егорычъ,

столь же изумленный, имѣлъ полное право расцѣловать прїѣзжую, съ другой же стороны, Бряцаловъ, успѣвшій уже радушно поздороваться съ Егоромъ, ждалъ своей очереди, чтобы поцѣловать руку у тещи. Но самое главное было то, что позади всѣхъ стояла высокая молодая женщина съ лицомъ некрасивымъ, но очень свѣжимъ и здоровымъ, держа въ рукахъ нѣчто, завернутое въ голубое одѣяло и лежавшее неподвижно.

— Онъ спитъ!—сказала Наташа, указывая на голубое одѣяло, когда всѣ привѣтствія были выполнены.—Мамочка, дай имъ нашу комнату! Вамъ покажутъ комнату, Бригитта!... Она порядочно говоритъ по-русски,—прибавила Наташа, обращаясь опять къ матери.

Александра Сергѣевна тотчасъ же увела кормилицу съ ребенкомъ, а Егоръ Егорычъ взялъ Наташу за обѣ руки и хотѣлъ усадить ее въ кресло, и только тутъ сообразилъ, что ей надо сперва снять верхнее платье. Черезъ минуту вся семья сидѣла въ гостиной, раздавались восклицанія удивленія, вопросы, почему не извѣстия о прїѣздѣ, какъ ѣздило, не утомлены ли они, не голодны ли... Александра Сергѣевна любовно смотрѣла на дочь и находила, что она замѣтно похудѣла, а Егоръ Егорычъ объявилъ, что Наташа, несмотря на худобу, расцвѣла и похорошѣла. Анатолий же Петровичъ нисколько не измѣнился, словно со времени послѣдняго свиданія не прошло и одного дня. Но больше всего говорили о мальчикѣ, котораго старикамъ не удалось еще посмотретьъ, такъ какъ онъ продолжалъ еще спать. Онъ окрѣпъ и сдѣлался почти сильнымъ. Это было недоразумѣнїе, что его считали слабымъ. Прїѣзжіе рассказывали смѣшные эпизоды изъ послѣднихъ дней путешествія, старики смѣялись.

— А что же это нѣтъ Аполлона Алексѣевича?—спросила Наташа, такъ какъ это былъ часъ завтрака, когда Чинаровъ всегда бывалъ здѣсь.

Александра Сергѣевна вздохнула.

— Весна. Мартъ мѣсяць... Въ это время ему всегда бываетъ хуже, а въ этомъ году какъ-то въ особенности...

— Бѣдный Аполмонъ! А мнѣ такъ хотѣлось бы повидаться съ нимъ. Впрочемъ, я у васъ останусь дня на два, пока Анатолий устроитъ все дома... Правда, Анатолий?

— Мнѣ этого не хотѣлось бы,—сказалъ Анатолий Петровичъ, слегка сдвинувъ брови.

— Ну, а, все-таки, мы сдѣлаемъ такъ. Подумай, сколько времени я не видала моихъ старичковъ!

Александра Сергѣевна наклонилась къ Наташѣ и поцѣловала ее въ щеку.

— Пусть будетъ такъ!— сказала Анатолій Петровичъ и тонъ его явно свидѣтельствовалъ, что онъ этимъ крайне недоволенъ.

Еще въ вагонѣ у нихъ былъ объ этомъ разговоръ. Онъ и тогда высказывался противъ того, чтобы Наташа съ мальчикомъ и кормилицей оставались нѣсколько дней въ городѣ. Вѣдь, Антонина Федоровна, конечно, потребуетъ немедленно торжественнаго представленія ей внука. Наташа ссылалась на усталость и на то, что тамъ, въ деревнѣ, навѣрное, еще дня два надо все чистить и мыть, потому что на всемъ лежитъ аршинная пыль, но онъ настаивалъ на своемъ. Вопросъ тогда остался нерѣшеннымъ, а теперь Наташа рѣшила его такъ просто и такимъ безапелляционнымъ тономъ. Можетъ быть, именно этотъ тонъ и заставилъ его нахмурить брови, потому что, въ сущности, доводы Наташи были основательны. Онъ и самъ былъ увѣренъ, что въ Бряцаловкѣ хватить чистки дня на два. Вѣдь, они никого не предупредили. Можетъ быть, его и то раздражало, что здѣсь, въ этой обстановкѣ, при Хильцовѣ и Александрѣ Сергѣевнѣ, онъ не нашелъ въ себѣ силы настоять на своемъ и почти сразу согласился съ Наташей.

Но онъ подавилъ въ себѣ неприятное чувство и уже принималъ участіе въ общемъ разговорѣ. Послѣ завтрака ему подали почтовыхъ лошадей, запряженныхъ въ довольно скверную трясучую бричку. Онъ зашелъ въ комнату, гдѣ былъ мальчикъ, и поцѣловалъ его, а затѣмъ поцѣловалъ руку у Наташи.

— Послѣ-завтра я приплю за вами, — сказалъ онъ, — ты непременно пріѣдешь, Наташа?

— Разумѣется, пріѣду, — отвѣтила Наташа.

— Ты даешь слово?— и онъ посмотрѣлъ ей въ лицо пытливымъ взглядомъ.

Наташа разсмѣялась и поцѣловала его въ губы.

— Милый, ты не сердись! Мнѣ такъ хочется поболтать съ мамочкой! За то ужъ въ городъ не скоро пріѣдемъ!...

Лицо Анатолія Петровича совсѣмъ просвѣтлѣло.

— Ну, ладно... Я и не думалъ сердиться. Мнѣ только будетъ скучно безъ тебя и безъ Пети.

— Поскучай немножко!

Они еще разъ поцѣловались и Бряцаловъ уѣхалъ. Со времени женитьбы ему приходилось въ первый разъ разлучаться съ женой на такой долгій срокъ и ему казалось, что эти два дня придется бороться со страшною скугой.

— Ну, —сказалъ Егоръ Егорычъ, когда они опять вошли въ гостиную, —кто же изъ васъ ного въ рукахъ держитъ, а?

— Развѣ это необходимо?—спросила Наташа.

— Я не знаю, необходимо ли это, но знаю, что у Бряцаловыхъ есть такая замашка.

— А у Лобачевыхъ нѣтъ?

Егоръ Егорычъ посмотрѣлъ на Александру Сергѣевну и поды его густыми усами заиграла улыбка.

— Не примѣчалъ что-то, —отвѣтилъ онъ.

— Не знаю, —сказала Наташа, какъ бы раздумывая, —мы еще не пробовали своихъ силъ.

— А теперь самый разъ попробовать, —замѣтилъ Егоръ Егорычъ. —Бряцаловская окрестность въ самомъ жалкомъ положеніи. Снѣгу не было, озими померзли, да и на яровые мало надежды, потому что земля суха, какъ камень... Это мнѣ Булатовъ говорилъ. Ну, и у насъ то же самое. Я недавно ѣздилъ въ деревню. У бряцаловскихъ уже теперь хлѣба не хватило... А, между тѣмъ, ходятъ странные слухи...

— Какіе? О комъ?—съ тревожнымъ любопытствомъ поспѣшно спросила Наташа.

— Слухи о бряцаловской экономіи. Будто прикащикъ выдастъ хлѣбъ на самыхъ адскихъ условіяхъ. Сперва онъ за пять мѣръ требовалъ отдачи восемь, а теперь и то еще поднялъ процентъ и уже за десять даетъ пять мѣръ.

Наташа вздрогнула. Она вспомнила о письмѣ прикащика, которое ей случайно пришлось прочитать за границей, но промолчала объ этомъ.

— Можетъ ли это быть?—промолвила она дрожащимъ голосомъ.

— Да ужь повѣрь, что слухи изъ чего-нибудь возникаютъ... Ну, и относительно бряцаловской экономіи тутъ не было бы ничего удивительнаго... Бывали и въ прошломъ примѣры...

— Можетъ быть, это дѣлается безъ вѣдома Анатолія Петровича...—какимъ-то неувѣреннымъ голосомъ произнесла она. Сама она почти была увѣрена въ противномъ, но ей не хотѣлось выдать это Егору.

— Можетъ быть, можетъ быть... А ты узнай. Это, вѣдь, любопытно...

— Разумѣется, я узнаю... и сейчасъ же, какъ приѣду, узнаю.

Александра Сергѣевна видѣла, что этотъ разговоръ сразу испортилъ хорошее настроеніе Наташи. Она взяла ее за руку и по-

влекла въ ту комнату, гдѣ была кормилица съ мальчикомъ. Начался генеральный осмотръ ребенка, причеиъ онъ былъ найденъ удовлетворительнымъ. Его вынесли въ гостиную и показали Егору Егорычу.

— Ничего,—сказалъ Егоръ,—мальчикъ славный, у него только одинъ недостатокъ...

— Какой?—спросила Наташа.

— Повидимому, онъ будетъ похожъ на отца, а не на мать.

— Ахъ, Егоръ, Егоръ!...

Наташа покачала головой и больше ничего не прибавила. Въ этотъ день она отдыхала съ дороги, поэтому просила не сообщать о ея прїѣздѣ ни Чинарову, ни Федѣ. Но на слѣдующій день, въ воскресенье, Федя пришелъ съ утра. Наташа не сразу узнала его, до того онъ переиѣнился. Лицо его сдѣлалось длиннымъ, щеки похудѣли, выросла узенькая жидкая бородка и небольшіе усы. Но самая существенная переиѣна произошла въ глазахъ. Прежнее грустно-задумчивое выраженіе смѣнилось строгимъ и какимъ-то упорнымъ.

— Какъ вы измѣнились, Федя!—невольнo воскликнула Наташа.

— Да, я совсѣмъ измѣнился, Наташа,—сказалъ онъ положительнымъ, убѣжденнымъ тономъ и ничего не прибавилъ въ поясненіе.

— Нашъ Фединька сталъ совсѣмъ серьезнымъ человекомъ,—пояснилъ за него Егоръ Егорычъ.— Одно жаль: прескверно учится...

— Вы?—спросила Наталья Николаевна. Ей почему-то казалось, что Федя, и прежде бывший въ числѣ лучшихъ учениковъ, теперь долженъ былъ еще больше отличаться. Она взглянула на него, и онъ отвѣтилъ ей простымъ взглядомъ, безъ малѣйшаго смущенія.

— Да, я учусь такъ себѣ. У меня тройки,—сказалъ онъ и опять замолчалъ.

— Вотъ что, Федя. Пойдемте къ Аполлону Алексѣевичу. Мнѣ хочется повидать его,—предложила Наташа. Егоръ и Александра Сергѣевна одобрили. Аполлонъ очень обрадуется. У него въ послѣднее время появилось тревожное подозрѣніе, что его всѣ забыли и что онъ въ тягость всѣмъ добрымъ знакомымъ. Предупредительность Наташи должна тронуть его.

Они взяли извозчика и поѣхали. Чинаровъ жилъ недалеко, но идти пѣшкомъ не было никакой возможности. Ночью выпалъ дождь,

правда, небольшой, но его было достаточно, чтобы на улицах губернского города появилась грязь.

Наташа осталась ждать внизу, а Федя поднялся по скрипучей лестницѣ. Чинаровъ сидѣлъ въ креслѣ въ своей обыкновенной позѣ, протянувъ свои длинныя ноги на двухъ стульяхъ и прикрывъ ихъ пледомъ. Топилась печь, дверца ея была открыта. Аполлонъ Алексѣевичъ сидѣлъ лицомъ къ огню, задумчиво смотрѣлъ на капризные изгибы пламени и слушалъ легкій трескъ горящихъ дровъ.

— О, незабвенный и меня не забывающій Федя!—воскликнулъ Чинаровъ.—Но что вамъ за охота, голубчикъ, добровольно посѣщать мою трущобу, гдѣ все такъ краснорѣчиво говорить о постепенномъ разрушеніи?

Онъ легонько покашлялъ и подаль руку Федѣ. Обстановка въ двухъ комнатахъ, въ самомъ дѣлѣ, явно шла къ разрушенію. Дыры на сидѣньяхъ въ стульяхъ расширились, зеленое сукно стола больше прежняго позеленѣло и покоробилось. На гвоздяхъ висѣли черныя сюртуки и другія принадлежности костюма, тѣ же, что были полтора года назадъ, но сильно уже потерты. Чинаровъ говорилъ, что подновляться ему не на что, да и не для чего.

— Бъ вамъ хочеть зайти одна дама, Аполлонъ Алексѣевичъ,—сказалъ Федя.

— Дама?—Чинаровъ поднялъ брови и глаза его сдѣлались большими и круглыми.—Какая же это дама?

— Одна дама,—повторилъ Федя и слегка улыбнулся.

— Таинственная? Ну, что же, когда хочеть, пусть войдетъ, только вы, голубчикъ, снесите въ ту комнату всю эту рухлядь... Скажите, пожалуйста, къ Чинарову ходятъ дамы!...

Федя забралъ все, что висѣло на гвоздяхъ, и отнесъ въ сосѣдную комнату, потомъ вышелъ и спустился внизъ. Черезъ полминуты въ комнату вошла Наташа. Чинаровъ ахнулъ.

— Ну, кто хотите, кого хотите... только не васъ я ждалъ! Откуда? Когда? Какимъ образомъ? Ахъ, какая же вы милая, Наташа! Вотъ спасибо! Садитесь-ка, да поближе! Федя, голубчикъ, дайте вонъ тотъ стулъ, единственный безъ изъяна!... Вотъ такъ... Садитесь-ка! Славно, ей-ей славно! Ну, похудѣла, похорошѣла... А я думалъ, что обо мнѣ и не вспомните... Думалъ, что совсѣмъ забраковали своего прежняго учителя...

— Я не бракую ничего прежняго, Аполлонъ Алексѣевичъ,—съ своею обычною полуулыбкой промолвила Наташа, занявъ мѣсто

на «единственномъ» стулѣ, который поставили неподалеку отъ Чинарова.—И прежнихъ друзей...—прибавила она и остановилась.

— Ну, упрекъ, упрекъ! Это уже Вѣра меня выдала!... Но, вѣдь, вы же знаете, голубушка, что я—кого люблю, того и браню... А Вѣра-то какова, а? Буда-а! Я даже и не ожидалъ, что она такъ далеко уйдетъ. Она ничего не хочетъ знать, кромѣ своихъ книгъ. Онѣ для нея—живые люди... Ну, послушайте, голубушка, вы на меня не сердитесь, а? Я сказалъ ей, что на васъ, кажется, надо махнуть рукой... Такъ это же я сказалъ съ болью въ сердцѣ. А нѣтъ, не надо, а? Дайте - ка мнѣ вашу ручку... Вотъ такъ... И скажите по душѣ: надо или не надо?

Наташа протянула ему руку и сказала:

— А помните, тогда... вы обѣщали просто вѣрить мнѣ?

— Ну, вѣрю, вѣрю... Не понимаю, пока... Но вѣрю, дитя мое... Ей-Богу же я васъ люблю, Наташа, сердечно и хочу видѣть васъ высоко-высоко надъ этою пошлостью житейской... Вѣдь, я умираю... Что же мнѣ больше остается? Прежде хоть могъ горло драть, проповѣдывать... А теперь и этого не могу, сижу пригвожденный вотъ къ этому мѣсту. Меня утѣшаютъ письма Вѣры... У меня ихъ цѣлый ворохъ и я храню ихъ, какъ драгоценность... А если еще вы порадуете меня, то я умру совсѣмъ, совсѣмъ спокойно... Все-жь-таки я считаю такъ, что положилъ въ васъ обонхъ часть моей души...

Онъ крѣпко жаль руку Наташи и на глазахъ его блестя слезы.

Когда они возвращались на прежнемъ извозчикѣ, который везъ ихъ шагомъ изъ боязни попасть въ какую-нибудь яму, замаскированную жидкою грязью, Федя сказалъ:

— Вотъ видите, Наташа, я держу слово, которое далъ вамъ: я перешелъ въ восьмой классъ и кончу гимназію...

— А безъ слова вы этого не сдѣлали бы?—спросила Наташа.

— Нѣтъ. Я поступилъ бы совсѣмъ иначе... Мнѣ это не нужно... Вѣдь, аттестатъ нуженъ, чтобы поступить въ университетъ или въ другое мѣсто, а это—чтобы служить, а служба затѣмъ, чтобы зарабатывать средства. У меня же есть маленькія средства, а большихъ мнѣ не надо... Я бы уединился, совсѣмъ, совсѣмъ, и занялся бы умственнымъ и нравственнымъ усовершенствованіемъ. Я бы закалилъ свой характеръ и развилъ свой умъ, и тогда... Тогда я зналъ бы, что дѣлать... Вотъ если бы вы теперь, сейчасъ, ска-

зали, что отдаете мнѣ обратно мое слово, то я завтра же оставилъ бы гимназію...

— Нѣтъ, я вамъ не возвращаю ваше слово, — сказала Наташа. — Вотъ вамъ и испытаніе для вашего характера: додержитесь до конца.

— Я додержусь. Разъ я далъ слово, додержусь...

На другой день открытая помѣстительная коляска везла Наталью Николаевну съ кормилицей и Петей по широкой степной дорогѣ. Почва просохла, отъ колесъ стремительно летѣли въ сторону гуски влажной земли. Небо было пасмурно, но новаго дождя не обѣщало. Прохладный воздухъ былъ пропитанъ весеннею свѣжестью. Въ попадавшихся по дорогѣ мелникъ и рѣденькихъ лѣскахъ на деревьяхъ можно было уже разглядѣть только что выползшія раннія почки. Живыя, бодрыя лошади съ кудрявыми гривами и подвязанными узломъ хвостами бѣжали весело и коляска ровно катилась по мягкой землѣ, какъ по ковру. Надъ головами пролетали и кружились вспугнутыя въ ближнемъ лѣскѣ вороны. Тонкая, какъ шелковая нить, трава, молодая, едва выползшая изъ-подъ земли, радостно зеленѣла по обѣ стороны дороги.

У Наташи усиленно билось сердце. Чувалось ей, что теперь она ѣдетъ въ Бряцаловку совсѣмъ не той, какой въ послѣдній разъ выѣхала изъ нея, что теперь она не способна просидѣть ни одного часа съ закрытыми на все глазами, какъ просидѣла все это время отъ самаго дня свадьбы и чуть не до этого дня. Что это было? Сонъ, затменіе или, какъ называютъ это Вѣра, «сѣти любви»? Но развѣ любовь ея стала меньше? Развѣ ей не такъ же, какъ прежде, хочется поскорѣ увидѣть и обнять Анатолія и подѣлиться съ нимъ двухдневными впечатлѣніями? Нѣтъ, это все осталось попрежнему. Нѣтъ, просто она была ослѣплена любовью, которой никогда не знала и которая съ тѣмъ большею силой охватила ее. Такъ, среди ночной темноты, внезапно заблеставшій яркій свѣтъ въ первыя мгновенія ослѣпляетъ зрѣніе, а потомъ онъ же освѣщаетъ путь и помогаетъ видѣть лучше. Она теперь видитъ лучше. Умъ ея ясенъ, а сердце усиленно бьется не потому, чтобы она со страхомъ глядѣла въ будущее, а потому, что ей чувствуется борьба, которая начнется, можетъ быть, съ первыхъ же шаговъ вступленія въ Бряцаловку. По крайней мѣрѣ, этотъ вопросъ, вытекшій изъ разговора съ Егоромъ, уже стоитъ въ ея головѣ живой и готовый вырваться оттуда и никакія силы уже не удержать его тамъ. И пусть этотъ вопросъ будетъ пробнымъ камнемъ.

Вблизи уже виднѣется усадьба. Изъ-за невысокихъ деревьевъ

фруктового сада выглядывает верхній этажъ дома. Балконъ пустъ. Поверхность широкаго озера тиха.

Ихъ встрѣчаютъ Спиридонъ и горничная,—оба съ широкою улыбкой, съ лицами, выражающими удовольствіе. Изъ кухни выползли «крѣпостные» — кучеръ Арсентій, Целагея, дѣвка Аксинья — и издали съ дѣтскимъ любопытствомъ, какъ люди совсѣмъ другаго міра, глядятъ на молодую барыню, на заморскую кормилицу и особенно озабочены тѣмъ, чтобъ увидѣть хоть кончикъ носа юнаго барчонка, но это имъ не удастся, потому что спящаго Петю, закутаннаго съ ногъ до головы въ одѣяло, тотчасъ уносятъ наверхъ.

На небѣ разсѣваются тучи, свозъ ихъ проглядываетъ солнечный лучъ и въ воздухѣ разливается такъ много мягкаго, нѣжнаго тепла. Въ верхнемъ этажѣ уже вынуты вторыя рамы, быстро раскрывается окно и Анатолій Петровичъ привѣтливо киваетъ головой. Не утомила ли ее дорога? Здоровъ ли Петя? Онъ все еще никакъ не можетъ довести до конца счеты съ прикащикомъ. Еще бы! Столько времени не было никакого контроля. Всѣ дѣла запутались. Но онъ сейчасъ прогнать прикащика и выйдетъ къ ней.

Наташа улыбается ему, поднявъ лицо вверхъ и прищуривъ глаза, а въ головѣ ея безконечно повторяются слова: «Счеты съ прикащикомъ! Счеты съ прикащикомъ! Это тѣ самыя... Я хотѣла бы ихъ слышать...»

Она уже наверху и давно раздѣлась. Ей пріятно видѣть свое гнѣздо, къ которому она успѣла привыкнуть. Бригиттѣ съ Петей отвели комнату рядомъ со спальней. Она вышла на балконъ, оглядѣла всю окрестность и осталась довольна видомъ. Все по-старому — и озеро, и камышъ, еще молодой и приземистый, и село, и церковь, и колокольня на двухъ столбахъ съ деревяннымъ навѣсомъ. Но ее толкало въ комнату, поближе къ кабинету, гдѣ у Анатолія шелъ дѣловой разговоръ съ прикащикомъ. Ей хотѣлось слышать что-нибудь изъ этого разговора, уловить хоть одно слово, которое, быть можетъ, дастъ ей поводъ заговорить съ Анатоліемъ.

«Но зачѣмъ же непременно сейчасъ? Не успѣла пріѣхать, обійтаться и умя словами, и вдругъ...: Вѣдь это — крайность...»

Но она тутъ же возражала себѣ: «А то развѣ не было крайностью, когда я мѣсяцы и годы закрывала на все глаза и ничего не хотѣла видѣть?...: Крайность за крайность... Да и нѣтъ, не то. Надо, чтобъ теперь не было ни одного ложнаго шага, потому что за первымъ обыкновенно слѣдуетъ второй и такъ дальше... Если можно сдѣлать одинъ компромиссъ, отчего нельзя сдѣлать два,

три?... Борьба!... Какое слово! Но, вѣдь, это борьба не съ врагомъ, а съ другомъ, ради его самого...»

Она сошла въ гостиную и прислушалась. Сердце у нея билось сильно и часто. Дверь въ кабинетъ наглухо закрыта, разговоръ доносится неясно, нельзя разобрать ни одного слова. Она открываетъ дверь и входитъ въ кабинетъ.

Въ первое мгновеніе Анатолій Петровичъ быстро подымаетъ голову и смотритъ на нее изумленными глазами, но потомъ взглядъ его дѣлается спокойнымъ, онъ встаетъ, нагибается къ ней черезъ столъ и цѣлуетъ ея руку.

— Только одну минуту, Наташа! Сейчасъ отпущу его...— говоритъ онъ.

— О, нѣтъ, не торопись... Я посижу,— отвѣчаетъ она и садится на стулъ у окна, выходящаго во дворъ.

— Тебѣ будетъ скучно.

— Ничего. Пожалуйста, не беспокойся...

«Не дрожить ли мой голосъ?— думаетъ она.— Нѣтъ, кажется, ничего. Это нехорошо, что я пришла уже съ заранѣе обдуманномъ замысломъ...»

Анатолій Петровичъ сѣлъ на прежнее мѣсто. Передъ нимъ на столѣ никакихъ бумагъ, ни конторскихъ книгъ. Значить, это словесный отчетъ объ общемъ положеніи дѣлъ.

Прикащикъ говоритъ, очевидно, продолжая прерванную рѣчь:

— Я и то полагалъ не давать... Цѣны крѣпки... Но по вашему письму долженъ былъ отпустить. Самъ Булатовъ дважды пріѣзжалъ... Сто двадцать четвертей въ три пріема ему отпущено. По теперешнимъ цѣнамъ можно бы лишнихъ четыре сотни получить...

— Ну, это моя ошибка... Ладно!— разсѣянно сказалъ Брицаловъ.— А рожь?

— Рожь?

Наташа смотрѣла на прикащика, котораго вблизи видѣла въ первый разъ. Это былъ довольно крупный мужчина, лѣтъ за сорокъ, съ бородатымъ лицомъ, съ котораго не сходило добродушное выраженіе. У него былъ пріятный голосъ, мягкій взглядъ и вообще въ немъ не было ничего отталяющаго. Въ короткомъ те. по-сѣромъ пиджакѣ и широкихъ штанахъ, онъ производилъ впечатлѣніе угловатаго, неуклюжаго малаго.

— Ржи только и осталось, что на посѣвъ,— объяснялъ онъ.— Опять же по вашему письму выдано было одновременно брицаловскими двѣсти восемьдесятъ пудовъ подъ росписки. За деньги не

брали, потому денегъ ни у кого не было. Возвратъ послѣ урожая — зерномъ съ условленнымъ начетомъ...

— А какой начеть условленъ? — спросила Наташа, и это было совершенно неожиданно и для Бряцалова, и для прикащика. Анатолий Петровичъ посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ, но удивленіе быстро смѣнилось другимъ выраженіемъ, которое Наташа сразу опредѣлить не умѣла. Брови его быстро сдвинулись и по лицу проскользнула тѣнь.

— Начеть? — переспросилъ прикащикъ почтительно, но, въ то же время, и не безъ нерѣзительности, какъ бы еще сомнѣваясь, слѣдуетъ ли молодой барынѣ путаться въ хозяйственные дѣла. — Начеть, какъ обыкновенно... По положенію...

— Какое же это положеніе?

Бряцаловъ откинулся на спинку стула.

— Объясни, Антонъ Григорьевичъ, — сказалъ онъ просто, но Наташѣ показалось, что въ его тонѣ есть что-то для нея вызывающее. «Онъ понялъ, что я пришла не случайно, — подумала она. — Пусть!»

— Примѣрно, дается пять мѣръ, — объяснилъ прикащикъ, — а возвратъ послѣ урожая по восьми, либо инымъ по восьми съ половиной...

— И по десяти? — спросила Наташа.

— Нѣтъ, по десяти не случалось, — съ полнымъ убѣжденіемъ отвѣтилъ Антонъ Григорьевичъ. — По восьми съ половиной...

— Сколько мѣсяцевъ до урожая? — продолжала спрашивать Наташа и подумала: «Нехорошо, что голосъ мой дрожить и щеки покраснѣли... Я это чувствую... Нехорошо это при прикащикѣ... Анатолий не смотритъ на меня, но чувствуетъ, я это вижу».

— Мѣсяца будетъ четыре...

— Семьдесятъ процентовъ на четыре мѣсяца... Значить, больше двухсотъ годовыхъ... «Я страшно волнуюсь... У меня дрожатъ губы... это нехорошо... голосъ прерывается»...

Анатолий Петровичъ обернулся къ ней и его пристальный, острый взглядъ встрѣтился съ горячимъ взглядомъ ея блестящихъ глазъ.

— Ты можешь идти, Антонъ Григорьевичъ, — нервно произнесъ онъ и при этомъ сдѣлалъ крутой жестъ, приглашавшій прикащика тотчасъ выйти. Антонъ Григорьевичъ, какъ бы понявъ, что тутъ происходитъ не простой счетъ процентовъ, быстро повернулся и вышелъ, даже не поклонившись.

Анатолий Петровичъ нервно улыбнулся, взглянувъ на нее изподлобья.

— Я не зналъ, что ты умѣешь такъ ловко высчитывать проценты, — сказалъ онъ, съ усиленіемъ стараясь казаться спокойнымъ.

— А я не знала, что ты умѣешь брать ихъ... такъ невѣроятно много.

Все ея волненіе выливалось въ голосъ, который прерывался и дрожалъ.

— Да тебѣ и не нужно знать это, другъ мой...

Она вдругъ поднялась, быстро подошла къ нему и протянула ему обѣ руки.

— Анатолий, ради Бога!... Вѣдь, ты мнѣ дороже всѣхъ людей на свѣтѣ!... Ты не долженъ допускать этого...

Онъ не только не взялъ ея протянутыя руки, а даже отодвинулся отъ стола вмѣстѣ съ стуломъ. Въ глазахъ его появилось холодное выраженіе.

— Порывомъ ничего не доказывается... Нервы никогда не были правы... — отрывисто произнесъ онъ, ожесточенно дусая нижнюю губу. Онъ прибавилъ саркастически: — Пребываніе въ городѣ замѣтно портитъ твой характеръ...

Она опустила руки и положила ихъ на столъ. Подъ вліяніемъ его замѣчанія о нервахъ она какъ-то вдругъ успокоилась. Въ головѣ ея промелькнула мысль, что онъ правъ: не слѣдуетъ распускать свои нервы.

— Такъ это надо еще доказывать? — спросила она пониженнымъ, ровнымъ голосомъ.

— Если ты хочешь кого-нибудь убѣдить, — небрежно, какъ бы вскользь замѣтилъ онъ.

— Хорошо... Я поищу доказательствъ...

— Только ищи ихъ не въ прописяхъ, потому что прописи мнѣ всѣ извѣстны.

— Хорошо, хорошо!...

— Завтракъ поданъ! — громко объявила горничная изъ гостиной.

Въ этотъ день они завтракали наверху.

— Пойдемъ завтракать, — сказалъ Бряцаловъ, поднявшись и направляясь къ двери и какъ бы этимъ давая ей понять, что разговоръ «о процентахъ» онъ считаетъ оконченнымъ.

Наташа вышла, быстро прошла на балконъ и постояла тамъ съ минуту, прежде чѣмъ пойти въ столовую. «Что это — ссора,

первая ссора? Пусть... если это нужно, если безъ этого нельзя!» — думала она, порывисто вдыхая свѣжій воздухъ.

Сердце у нея сильно билось, въ вискахъ стучало, но не было ощущенія ни страха, ни тревоги. Напротивъ, грудь ея была полна какого-то торжественнаго чувства, сознанія, что она сдѣлала первый правильный шагъ.

«Я перешла на третій курсъ...» — мысленно произнесла она и вспомнила о Вѣрѣ.

И. Потапенко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПИСЬМА ИЗЪ АФРИКИ *).

Генрина Сѣнковича.

XVII.

У-Дое когда-то были народомъ многочисленнымъ и воинственнымъ, но погибли почти всё отъ руки еще болѣе могучаго племени У-Замбара и отъ междуусобныхъ войнъ. Когда-то они жили значительно выше, на сѣверномъ берегу Пенгани. Сюда, гдѣ они живутъ теперь, ихъ привелъ Муэне-Пира и этимъ спасъ остатки своего народа отъ окончательной гибели. У-Дое осталось такъ немного, что они всё могли умѣститься въ нѣсколькихъ деревушкахъ. Мѣстное населеніе У-Зигуа и У-Зарамо очень неблагоприятно смотрѣло на эту иммиграцію. Начались волненія и охватили все междурѣчье, которое образуютъ Кингани и Вами.

Арабы, которымъ якобы принадлежала эта страна, не хотѣли положить конца этимъ волненіямъ, по той простой причинѣ, что это не только не мѣшало имъ, а даже приносило значительныя выгоды: цѣны на невольниковъ въ Занзибарѣ тотчасъ же понизились. Но старикъ Муэне-Пира, съ своими людьми, закаленными въ прежнихъ войнахъ, съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ отражалъ всё нападенія и не уступалъ занятаго мѣста. У-Дое превышали своихъ противниковъ еще и тѣмъ, что индентантскій вопросъ, надъ которымъ вся Европа ломаетъ голову, для нихъ вовсе не существовалъ: они просто побѣдили убитыхъ и плѣнниковъ. Наконецъ, подданныхъ Муэне-Пира оставили въ покоѣ, тѣмъ болѣе, что земли, которыя они заняли, стояли до сихъ поръ пустыми. Съ той поры для Муэне-Пира начались лучшія времена. У-Дое, привыкшіе къ пастушескому, привели съ собой большія стада и занимаются скотоводствомъ до сего дня. Стада умножались, несмотря на муху

*) *Русская Мысль*, кн. II.

тсе-тсе, и, такимъ образомъ, Муэне-Пира столица и Муэне-Пира царь начали мало-по-малу снова обростать пухомъ. Но успѣхъ портить человѣка. Не знаю, въ силу ли традиціи или въ силу требованій гигиены, какъ извѣстно, предписывающей разнообразіе въ пищѣ, Муэне теперь первый началъ задирать сосѣдей и учинять экспедиціи за человѣческимъ мясомъ, которое и ему, и его воинамъ правилось больше, чѣмъ говядина. Это вызвало новую бурю, и чѣмъ бы она кончилась для несчастнаго племени У-Доэ — неизвѣстно. Но явились нѣмцы, наложили свою руку на все и внушили доблестному старцу, что если ему не нравится говядина, то пусть онъ сдѣлается вегетарианцемъ. *Inde irae.*

Достоинно вниманія, что У-Доэ будто бы никогда не ѣли бѣлыхъ. Братъ Оскаръ говорилъ мнѣ, что между ними существуетъ убѣжденіе, что если они съѣдятъ бѣлаго, то всѣ погибнутъ. По моему мнѣнію, это убѣжденіе должно основываться на какомъ-нибудь грустномъ опытѣ. Можетъ быть, они когда-нибудь съѣли, напримѣръ, газетнаго репортера, который засѣлъ у нихъ костью въ горлѣ, или ученаго, послѣ приѣма котораго всѣ мѣстныя средства оказались безсильными, или поэта, вызвавшаго цѣлую эпидемію безсилія.

Однимъ словомъ, «здѣсь что-то должно быть», какъ говорила одна почтенная матрона при видѣ молодой барыньки, разговаривающей съ знакомымъ мужчиной. Для путешественниковъ это останется навсегда тайной, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и гарантіей, въ особенности если этотъ путешественникъ также принадлежитъ къ пишущей братіи.

Визиты въ странѣ У-Доэ, очевидно, длятся неизмѣнно долго. Часъ ушлывалъ за часомъ, спать намъ хотѣлось все больше и больше, а Муэне все торчалъ въ нашей палаткѣ. Сыновья его также сидѣли, точно вросли въ землю. Наконецъ, я зажегъ проволоку магнія, думая, что такой фейерверкъ, съ одной стороны, блестяще закончить наше гостепрѣимство, съ другой — послужитъ гостямъ сигналомъ убираться домой. О, какъ я ошибался! Проволока, дѣйствительно, вспыхнула, какъ солнце, и спадала бриллиантовыми слезами на землю. Старикъ моментально подвернулъ подъ себя ноги и началъ кричать голосомъ испуганнаго попугая: «ака! ака! ака!» — но восхитился до такой степени, что совсѣмъ забылъ о своемъ домѣ. Что тутъ дѣлать? Мы не были увѣрены, насколько будетъ согласно съ этикетомъ этой страны потрепать ея славнаго представителя по спинѣ и указать ему дверь палатки, но пришлось, наконецъ, обратиться и къ этому радикальному средству. Ночь мы про-

спали крѣпко, благодаря сильному утомленію. Утро принесло намъ доказательство, что Муэне-Пира нисколько не обидѣлся за наше вчерашнее замѣчаніе, потому что мы увидали у дверей палатки большую глиняную посудину, до верху наполненную помбой. Чья-то благодѣтельная рука поставила ее еще въ то время, когда мы спали. Но нашъ восторгъ передъ помбой успѣлъ уже остыть за ночь. Можетъ быть, насъ поразилъ грязно-сѣрый цвѣтъ напѣтка, можетъ быть, видъ нѣсколькихъ большихъ и малыхъ насѣкомыхъ, которые нашли въ немъ преждевременную смерть, — какъ бы то ни было, мы позвали Бруно и отдали всю помбу нашимъ людямъ. Нечего добавлять, что посудина была принята и опорожнена съ величайшимъ наслажденіемъ.

Только при свѣтѣ дня мы замѣтили, что деревня Муэне-Пира по большей части лежала въ развалинахъ. То не могли быть результаты старыхъ войнъ, — слѣды пожара были совершенно свѣжи. Даже большія деревья, стоящія на площади, несли на своихъ вѣтвяхъ слѣды огня. Пожаръ этотъ начался вслѣдствіе урагана, который разметалъ костры и разбросалъ головни по соломеннымъ крышамъ. Всѣ хижины погорѣли, но для чернаго это — небольшое несчастіе: глины здѣсь сколько угодно, хворосту тоже. И дѣйствительно, между деревьями уже возвышались новыя хаты.

Муэне-Пира — большая деревня, съ населеніемъ въ нѣсколько сотъ человѣкъ. У-Дов отличаются отъ сосѣдей заостренными передними зубами. Зубы эти посажены нѣсколько наискось, но меньше, чѣмъ у сосѣднихъ У-Зарамо и У-Зигуа, вслѣдствіе чего ихъ лицевой уголъ болѣе приближается къ прямому. Такихъ прелестныхъ дѣтей я не видалъ нигдѣ. Здѣсь они смѣлѣе, чѣмъ въ другихъ деревняхъ, и охотно приближались на нашъ зовъ. Въ особенности понравился намъ мальчуганъ лѣтъ двухъ, который съ полнымъ довѣріемъ ковылялъ къ намъ на своихъ еще нетвердыхъ ножонкахъ и обхватывалъ лапсами наши ноги, очевидно, считая ихъ за подпорки, созданныя нарочно для того, чтобы черному джентльмену было за что ухватиться. Съ наименьшимъ довѣріемъ онъ засовывалъ въ ротъ все, что мы ему давали. Мать этого мальчика ходила за нами и улыбалась съ такою же нѣжностью, какъ могла бы улыбаться самая рафинированная бѣлая жепщина. Въ этой улыбкѣ видѣлась и гордость матери, радующейся храбрости своего ребенка, и опасеніе, чтобы его не обидѣли. Другія дѣти черною гирляндой размѣстились вокругъ нашей палатки и просиживали по цѣлымъ часамъ въ молчаніи, къ нашему великому удивленію.

Вообще деревня, несмотря на слѣды опустошенія, производила

впечатлѣніе зажиточности и порядка. У-Доо гораздо богаче своихъ сосѣдей. Хлѣбопашествомъ они занимаются мало, чтобы только собрать достаточное количество сорго для помбы. За то у нихъ множество скота. Послѣ Багамои мы въ первый разъ увидали здѣсь стадо горбатыхъ, тяжелыхъ зебу. Должно быть, въ этихъ мѣстахъ мухи тсе-тсе не такъ много, какъ въ другихъ.

Въ Муэне-Пира мы пробыли до трехъ часовъ пополудни. Нашимъ ужасно хотѣлось остаться еще на одинъ ночлегъ, потому что во всѣхъ хатахъ остались еще недопитые остатки помбы. Бруно робко попытался было объяснить намъ, что на дорогѣ мы не найдемъ воды, но мы отвѣтили ему, что воды и завтра не будетъ, коли нѣтъ сегодня, и приказали собираться.

Опять широкія, однообразныя пространства, только пригорки становятся выше. Переходы похожи одинъ на другой. Вся прелесть путешествія состоитъ въ томъ, что идешь въ страны неизвѣданныя, дѣвственныя, что болѣе и болѣе углубляешься въ безконечную пустыню и живешь новою жизнью, не знающемоу тѣхъ перегородокъ, которыя ограничиваютъ твою свободу въ городахъ.

Каждую минуту мнѣ приходитъ на память отрывокъ изъ *Фариса* Мицкевича:

«Природу чары сна объемлятъ,
Здѣсь ни слѣда стопы людской,
Стихіи безмятежно дремлютъ,
Какъ звѣри въ тишинѣ лѣсной,
Что не боятся человѣка,
Его не видѣвши отъ вѣка».

Когда съ вершинимъ пригорка смотришь вдаль, то кажется, что передъ тобою лежитъ лѣсъ и лѣсъ. Но нѣтъ. Деревья стоятъ рѣдко, только мелкая заросль сплетается въ густыя куртины, разбросанныя тамъ и сямъ между большими деревьями. Долины, въ которыхъ скопляется влага, всѣ поросли айромъ, почти въ два раза выше человѣческаго роста. Люди, какъ муравьи, ползущіе по тропинкѣ, погружаются въ эти зеленныя волны, точно въ озеро, и только по колебанію тростниковъ можно догадаться, что посреди нихъ проходитъ караванъ.

По утрамъ на стебляхъ и листьяхъ собирается обильная роса; платья наши промокаютъ до нитки, а обнаженные плечи и руки негровъ свѣтятся точно послѣ купанья. И намъ, и имъ это доставляетъ только удовольствіе, потому что подуесть вѣтерокъ на мокрую одежду или влажное тѣло—и сдѣлается прохладно, а въ этомъ

климатъ ватарръ не угрожаетъ человѣку, если онъ находится въ движеніи.

Идемъ мы такъ, то долинками, то пригорками, и, наконецъ, доходимъ до деревушки Тебе, откуда только одинъ день пути до Мандеры. Мы заранѣе составили планъ—захватить съ собою короля Тебе, завятаго охотника, но въ деревнѣ нѣтъ никого. Переночевали, на разсвѣтѣ отправляемся дальше и около восьми часовъ доходимъ до Вами. Это уже другая африканская рѣка, черезъ которую намъ предстоитъ переправляться.

Берега Вами въ этомъ мѣстѣ покрыты не зарослями, какъ берега Кингани, а настоящими дѣвственными лѣсами. Рѣка быстро бѣжитъ по срединѣ своего русла, а ближе къ берегамъ ея теченіе задерживается огромными камнями, вслѣдствіе чего рѣка раздѣляется и образуетъ небольшіе заливы съ почти стоячею водою. Заливы эти кажутся бездонными, — такъ ясно отражаютъ они и глубокое голубое небо, и высокія пирамиды стройныхъ деревьевъ.

Гирлянды лѣанъ перекидываются съ дерева на дерево, свѣшиваются и тамъ, и здѣсь, и надъ водою, и дальше, въ самой глубинѣ, точно занавѣси надъ вратами мрачныхъ лѣсныхъ святилищъ. Внутри этихъ святилищъ свѣтъ такой торжественный и неясный, какъ будто онъ проходитъ сквозь готическое окно; стволы деревьевъ вырисовываются, словно колонны у алтаря, а глубина почти совсѣмъ недоступна для глаза; повсюду покой, молчаніе, — странное, почти мистическое затишье.

Зайдешь туда и кажется, что вторгнулся въ какой-то храмъ, нарушилъ чью-то тайну, оскорбилъ кого-то. Всякая сверхъестественная суцность показала бы здѣсь реальностью, какъ на картинахъ Бёклина. Невольно прислушиваешься, не раздастся ли въ лѣсныхъ глубинахъ крикъ дриады. Кажется совершенно естественнымъ, что здѣсь кто-то по временамъ смѣется, кричитъ, и когда никакое человѣческое око не шпионитъ за лѣсомъ и за рѣкой, тогда изъ-подъ занавѣсокъ лѣанъ выглядываютъ какія-то необыкновенныя лица, прежде всего, зорко оглядываются вокругъ, а потомъ сонмъ странныхъ существъ выскакиваетъ изъ чащи и съ наслажденіемъ начинаетъ плескаться въ прозрачныхъ струяхъ заливовъ.

Въ иныхъ мѣстахъ съ деревьевъ спускаются гирлянды цвѣтовъ и застываютъ надъ воднымъ зеркаломъ красными или розовыми пятнами. Тамъ, гдѣ лѣсъ не опушенъ густыми кустами, видна черная и влажная земля, похожая на землю, употребляемую въ теп-

лицахъ; надъ нею виситъ легкая кружевная занавѣсь папоротниковъ, еще выше видны стволы, опутанные цѣлою сѣтью лианъ, и надъ всѣмъ разстилается одинъ огромный куполъ листьевъ, зеленыхъ, красноватыхъ, большихъ и малыхъ, то острыхъ, то круглыхъ, то вѣеровидныхъ.

Лѣсъ, какъ обыкновенно всѣ экваторіальныя лѣса, состоитъ изъ разныхъ деревьевъ: тутъ растутъ и пальметты, и драцены, и каучуковыя деревья, и сикоморы, и тамариксы, и мимозы, — одни приземистыя и толстыя, другія стройныя, стремящіяся къ небу. Порою нельзя отличить, какіе листья принадлежатъ какому дереву, — все это мѣшается другъ съ другомъ и съ листьями лианъ, толкаетъ одно другое, заглушаетъ, соперничаетъ, чтобы свободнѣе пробраться къ свѣту.

Тамъ, гдѣ лѣсъ окруженъ опушкой, впередъ ни на шагъ ничего не видно. Человѣкъ въ этихъ дѣвственныхъ затишьяхъ, гдѣ всякій папоротникъ возвышается надъ нимъ, какъ балдахинъ, мелькаетъ въ своихъ глазахъ и представляется себѣ ничтожнымъ слизнякомъ, который неизвѣстно зачѣмъ очутился здѣсь.

Стоимъ мы долго и молча наслаждаемся видомъ. Но пора и переправляться черезъ рѣку. Эта минута уже менѣе привлекательна, потому что Вами славится своими крокодилами. На всякій случай я беру револьверъ и стрѣляю въ глубину рѣки, потомъ, безъ долгихъ размышленій, схожу въ воду, въ сопровожденіи нѣсколькихъ негровъ.

Передо мною идутъ Биршали и Франсуа, за мной Судимуэ, Симба и М'Камба. Я очень люблю негровъ, но долженъ сознаться, въ эту минуту съ нѣкоторымъ облегченіемъ вспоминаю, что и крокодилы любятъ ихъ также и вообще предпочитаютъ черное мясо бѣлому.

Переправа поистинѣ несносная. Въ прибрежныхъ заливахъ вода почти стоячая, а по серединѣ рѣки быстра до невозможности. До нѣкоторой степени ея быстрота гарантируетъ насъ отъ крокодиловъ, но переходъ затрудняетъ до невозможности. Памятуя, что кого теченіе подхватитъ и унесетъ въ болѣе глубокое и спокойное мѣсто, того крокодилы непремѣнно отыщутъ, я изо всей мочи опираюсь на пилу, которую взялъ у одного изъ пагази, но, несмотря на то, подвигаюсь съ великимъ трудомъ.

Наконецъ, пика ломается у меня въ рукахъ, я хватаюсь за шею Франсуа и иду дальше. Дно рѣки завалено подводными камнями. Я то освобождаюсь по колѣна, то снова погружаюсь по поясъ. Приятное занятіе — стоять на подводномъ камнѣ и нащупывать

ногою почву, съ надеждой, что въ расщелинѣ сидитъ какой-нибудь чортъ, который того и гляди схватитъ тебя за ногу!

Наконецъ, слава Богу, мы доходимъ до болѣе спокойной воды, а потомъ и до скалы. Отсюда остается перейти только маленькій и мелкій заливъ, примыкающій прямо къ лѣсу. Смѣюсь я теперь надъ всякими крокодилами, но переправу, все-таки, проглинаю, потому что измучился страшно и ободралъ ноги объ острые подводные каменья. Хочется мнѣ видѣть, какъ повезетъ моему товарищу и остальнымъ пагази, и я выхожу на скалу, но тутъ меня ожидаетъ новая пріятная неожиданность. Скала такъ накалилась на солнцѣ, что не успѣлъ я сѣсть, какъ вскочилъ, точно ужаленный, и побѣжалъ въ лѣсъ подъ сѣнь деревьевъ и папоротниковъ.

У негровъ кожа, должно быть, не въ примѣръ толще: нашъ М'са минуту спустя спокойно сидѣлъ на томъ же самомъ камнѣ и я не замѣтилъ, чтобъ онъ обратился въ сухарь.

Товарищъ мой перебрался черезъ рѣку съ такимъ же успѣхомъ, какъ и я. Теперь намъ оставалось только смотрѣть, какъ переправляются наши люди.

А зрѣлище было занимательное. Негры идутъ одинъ за другимъ, съ тюками на головахъ. Въ мѣстахъ, гдѣ вода глубже, они поднимаютъ свою ношу вверхъ и съ поднятыми руками, кажется, точно приносятъ въ даръ небу добычу, заключающуюся въ тюкахъ.

Взволнованная вода играетъ на солнцѣ, черныя, голыя тѣла то почти совсѣмъ выходятъ изъ воды, то скрываются по шею, и надъ всѣмъ этимъ видѣнъ только рядъ тюковъ, которые какъ будто сами собою переплываютъ черезъ рѣку.

Тѣ изъ негровъ, которые уже переправились, бродятъ въ мелкихъ заливахъ или группами располагаются въ тѣни деревьевъ. Отовсюду доносится смѣхъ, окаяки; пустыня оживаетъ и наполняется шумомъ людскихъ голосовъ; наконецъ, всѣ собираются на этомъ берегу, за то тотъ пустѣетъ, вода вновь разглаживается, огромныя пятна свѣта и тѣни вновь укладываются въ старыя границы и великолѣпная картина принимаетъ свой обычный дѣвственный характеръ.

Мы одѣваемся и идемъ далѣе. Едва замѣтная тропинка все вьется по срединѣ лѣса, подъ глубокою тѣнью деревьевъ. Вѣтви и листья вверхъ образуютъ своды, черезъ которые солнце проникнуть не можетъ.

Лица наши кажутся зеленоватыми, а обнаженные тѣла негровъ оксидированною, почернѣвшею отъ времени бронзой. Справа и слѣва доносится шелестъ крыльевъ цесарокъ или другой какой-

нибудь птицы, но какой—не разглядишь. Порою свиснетъ кто-то, словно нашъ дроздъ, или заплачетъ, какъ ребенокъ; здѣсь зашелеститъ что-то въ папоротникахъ, тамъ кто-то всколыхнетъ гирлянду лианы, но повсюду суровость, спокойствіе и сумракъ.

Вдругъ лѣсъ обрывается, точно его кто ножомъ обрѣзалъ. Наши глаза поневолѣ смыкаются отъ обилія свѣта. Предъ нами картина ясная и веселая: пологіе пригорки купаются въ солнечномъ блескѣ, вдали вырисовываются группы деревьевъ, какъ возлѣ нашихъ деревень. На одномъ изъ пригорковъ, далеко-далеко, что-то бѣлѣется, словно часовня.

Вдругъ Бруно приближается ко мнѣ, указываетъ на этотъ бѣлѣющійся предметъ и возглашаетъ:

— Мандера!

ХVIII.

Мандера — маленькая миссія на границѣ маленькихъ странъ У-доэ и У-Сигуа. Живутъ въ ней только три монаха: настоятель Борманъ, отецъ Эндерлинъ и братъ Александръ. Домъ у нихъ низкій, построенный изъ тѣхъ же самыхъ матеріаловъ, какъ и негрятянскія хаты, и отличающійся отъ нихъ только своею величиною, съ квадратными просвѣтами, замѣняющими окна, оштукатуренный только изнутри. Около дома—маленькая пристройка, гдѣ помѣщаются столовая и кухня, дальше длинный сарай,—тамъ живутъ, учатся и молятся дѣти. Конецъ двора примыкаетъ къ негрятянской деревушкѣ изъ нѣсколькихъ хатъ. Видимо, сначала было намѣреніе основать здѣсь большую миссію, въ которой черное народонаселеніе могло бы находить защиту въ случаѣ опасности, потому что всѣ постройки, дворъ и садъ миссіи окружены рвомъ, образующимъ квадратъ. По серединѣ каждаго бока квадрата возвышается каменная башня съ амбразурами. Эти башни составляютъ ворота миссіи. По обѣимъ сторонамъ рва посажены агавы и кактусы. Они разрослись съ тѣхъ поръ и представляютъ цѣлые валы твердыхъ, мясистыхъ листьевъ, вооруженныхъ острыми шипами. Никакой звѣрь, ни человекъ не смогутъ продраться сквозь нихъ. Кто сумѣлъ бы даже перескочить черезъ первый валъ, тотъ очутился бы въ глубокомъ рву, передъ другимъ валомъ, еще болѣе широкимъ и высокимъ. Такая крѣпость, при самой слабой защитѣ башенъ, являлась бы неприступною даже для регулярнаго войска, не говоря уже о нагихъ неграхъ или полунагихъ арабахъ.

Когда-то миссія, пріютившаяся среди людоѣдовъ, почти подчи-

венная власти арабовъ, должна была часто охранять своихъ овецъ отъ волковъ различнаго сорта, теперъ же ея неприступные валы охраняютъ только миссіонерскихъ козъ отъ пантеръ, живущихъ вдоль лѣсистыхъ береговъ Вами.

Послѣ трудныхъ переходовъ, послѣ ночлеговъ въ негритянскихъ деревушкахъ, культура, которую мы встрѣтили здѣсь, производитъ глубокое и отрадное впечатлѣніе. Бѣдность видна повсюду, но повсюду виднѣнъ и трудъ. Вотъ дома, какъ-никакъ, а на европейскій манеръ, вотъ аллеи тѣнистыхъ манго, кокосовыя пальмы, какихъ мы не видали послѣ Багамои, разныя плодовые деревья, грядки съ овощами и даже цвѣты.

Нужно испытать, что такое значить путешествіе по Африкѣ, чтобы понять, какъ можетъ обрадовать такой видъ, въ особенности когда путникъ встрѣчаетъ образованнаго лица такихъ же людей, какъ и онъ самъ. Намъ улыбается мысль объ отдыхѣ, о томъ, что мы въ теченіе двухъ дней избавлены отъ своихъ хозяйственныхъ обязанностей, что намъ не нужно хлопотать объ обѣдахъ, ужинахъ, что мы будемъ спать какъ слѣдуетъ, раздѣвшись, въ настоящихъ кроватяхъ.

Приняли насъ здѣсь, какъ принимали повсюду, — сердечно и радушно. Во время обѣда мы ближе знакомимся съ хозяевами. Настоятель, отецъ Борманъ, человѣкъ лѣтъ сорока, русый, маленький, худенькій человѣкъ, съ изможденнымъ лицомъ, на которомъ видѣются ясныя слѣды лихорадки. Родомъ онъ, какъ и отецъ Эндерлинъ, и большинство миссіонеровъ, изъ Эльзаса. При первомъ взглядѣ видно, что климатъ оказалъ на него свое вліяніе, потому что, при всей своей подвижности, отецъ Борманъ смотритъ чловѣкомъ, только что оставившимъ ложе послѣ тяжелой болѣзни. Несмотря на то, онъ чувствуетъ себя хорошо и ходитъ по горамъ (въ чемъ я могъ убѣдиться впоследствии на своемъ личномъ опытѣ), какъ антилопа.

Отца Эндерлина поддерживаетъ молодость. Одинъ онъ кажется такимъ здоровымъ, какъ будто бы жилъ въ Европѣ, и не знаю, дошелъ ли онъ до тридцатаго года своей жизни. Самый старшій въ миссіи — это братъ Александръ. Помню я его грустную улыбку, какою онъ отвѣчалъ на мой вопросъ: не болѣнъ ли онъ? На самомъ дѣлѣ, изъ послѣдняго миссіонерскаго путешествія онъ привезъ лихорадку, которая не отпускаетъ его ни на минуту, что не мѣшаетъ ему исправлять свои обязанности при дѣтяхъ и работать надъ постройкой маленькой церкви, — ее до сихъ поръ нѣтъ въ Мандерѣ.

Несмотря на то, онъ чувствовалъ себя очень слабымъ, ожидалъ смерти и не могъ освободиться отъ ностальгіи. Я понимаю, что мысль о смерти ему, отдаленному отъ близкихъ и отъ родины, должна была наполнять сердце глубокою тоской. И все это было ясно написано на его лицѣ, на ряду съ покорностью судьбѣ. Братъ Александръ былъ человѣкъ образованный, много занимался зоологіей и ботаникой, доставлялъ въ музей интересные образцы и умѣлъ ихъ препарировать. Признаюсь, меня до нѣкоторой степени удивляло его скромное положеніе въ миссіи, но о причинахъ этого я не хотѣлъ допытываться.

Когда мы покидали Мандеру, братъ Александръ чувствовалъ себя лучше. Потомъ я не имѣлъ о немъ никакихъ свѣдѣній.

Первый день прошелъ скоро. Мы вполнѣ пользовались нашимъ досугомъ: то спали, то сидѣли на качалкахъ подъ верандой и смотрѣли на залитый солнцемъ садъ. Между обѣдомъ и ужиномъ— разговоръ съ миссіонерами. Во время маленькой прогулки передъ заходомъ солнца прибѣжали дѣти и сообщили намъ, что между досками, приготовленными для постройки церкви, сидитъ «ньюка» (змѣя). До сихъ поръ я не видалъ змѣй въ Африкѣ и поэтому послѣшилъ пойти за ружьемъ. Дѣти начали растаскивать доски съ большою храбростью и, наконецъ, выгнали изъ-за нихъ несчастную «ньюку». Я выстрѣлилъ, и дробь перебила змѣю пополамъ, такъ что другую половину я нашелъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ первой. Не лишено интереса, что когда передняя часть перестала двигаться тотчасъ же послѣ выстрѣла, задняя судорожно извивалась еще съ полчаса. Змѣя была около метра длиною, черная, съ двумя продольными полосами отъ головы до хвоста. Цвѣтомъ она напоминала пьявку. Братъ Александръ говорилъ мнѣ, что эта змѣя принадлежитъ съ очень ядовитому виду; къ несчастью, я не могъ сохранить ее, такъ какъ шкура уже была совершенно попорчена.

Ночь принесла мнѣ чудесный отдыхъ: во-первыхъ, я провелъ ее раздѣвшись, въ постели, во-вторыхъ, это была единственная прохладная ночь съ самаго Адена. Мандера лежитъ уже на значительной высотѣ надъ уровнемъ моря, страна постепенно повышается отъ самаго океана, а отъ береговъ Вами до самой миссіи идетъ все время въ гору. Я чувствовалъ себя здоровымъ, готовымъ къ дальнѣйшимъ трудностямъ, за то товарищъ мой (онъ ночевалъ въ одной изъ каменныхъ башенъ) пришелъ блѣдный, невыспавшійся и заявилъ, что всю ночь онъ провелъ, какъ король Попель, въ энергичной борьбѣ съ огромными крысами, которые устроили себѣ гнѣздо въ его кровати и, очевидно, приняли его за

«ньяме» (дичь), предназначенную къ немедленному поглощенію. Братъ Александръ объявилъ за это немедленно войну крысамъ и, несмотря на чудеса храбрости съ ихъ стороны, выгналъ ихъ и изъ бровати, и изъ самой башни.

Утромъ мы могли убѣдиться, какое великое вліяніе оказываютъ миссіонеры на окрестное населеніе. Около десяти часовъ пришла цѣлая толпа негровъ судиться за женщину. Я догадывался, что это не христіане, потому что въ средѣ христіанъ владѣльцемъ женщины считается тотъ, кто перевѣнчался съ нею, но, все-таки, думалъ, что эти люди изъ близкой мѣстности. Куда тамъ! Оказалось, что они живутъ въ четырехъ дняхъ пути. Два молодыхъ негра стали другъ противъ друга, какъ тяжущіяся стороны, молодая и, говоря къ слову, совсѣмъ недурная негрятянка, какъ предметъ спора, ея отецъ, обвиняемый въ томъ, что получилъ задатки съ обѣихъ сторонъ, пять или шесть свидѣтелей—на второмъ планѣ.

Я смотрѣлъ на эту сцену суда съ великимъ интересомъ. Отецъ Борманъ сѣлъ передъ верандой и черные начали давать показанія по очереди. Конечно, я не понималъ ни слова, за исключеніемъ восклицанія: «О, М'буанамъ Куба!» которымъ неизмѣнно начиналась каждая рѣчь, но удивлялся легкости, съ которою выражался каждый, обилію словъ и силъ акцентовъ. Не случилось ни разу, чтобы одинъ перебилъ другого, но когда одна сторона говорила, другая поднимала глаза и руки вверху, точно взывая ко всемогущему небу объ отмщеніи за столь гнусную ложь. Дѣвица тоже говорила долго и широковъщательно, отъ времени до времени зажимывая глаза, какъ бы желая насладиться собственнымъ краснорѣчіемъ.

Отецъ Борманъ молча выслушалъ всѣхъ, задавъ нѣсколько вопросовъ и потомъ присудилъ черную красавицу одному изъ претендентовъ. Тотъ, не тратя времени, обнялъ ее за шею и вся толпа удалилась подъ тѣнь амбара отдохнуть послѣ длинной дороги. Я не слышалъ ни малѣйшаго ропота, не видалъ никакихъ проявленій неудовольствія со стороны проигравшихъ. Дѣло послѣ немногихъ словъ отца Бормана окончилось, какъ будто его кто ножомъ обрѣзалъ, и это меня удивляло, тѣмъ болѣе, что миссіонеры не облечены никакою рѣшающею властью. Это просто доказательство слѣпой вѣры черныхъ въ высшую мудрость и высшую справедливость миссіонеровъ. Отецъ Борманъ говорилъ мнѣ, что такую роль мирового судьи ему приходится играть очень часто и что никогда еще не случалось, чтобы его рѣшеніе не считалось окончательнымъ.

Это былъ день торжественныхъ пріемовъ, потому что черезъ часъ и ко мнѣ пришла депутація отъ нашихъ людей, съ просьбой, чтобъ я выплатилъ имъ по пезасъ (су) на прожитіе. Франсуа не оказывалось на мѣстѣ, поэтому я, узнавъ отъ брата Александра, въ чемъ дѣло, отвѣтилъ, что мнѣ все равно, дать ли деньги теперь или въ Багамою, но что я жалю, что не нанялъ въ носильщики занзибарцевъ, — тѣ, какъ бы то ни было, мужчины, а теперь я вижу, что мнѣ приходится имѣть дѣло съ дѣтьми, которые не знаютъ даже того, что въ Мандерѣ ничего нельзя достать за деньги. Упоминаніе о занзибарцахъ, очевидно, было очень оскорбительно для самолюбія нашихъ людей, потому что, когда братъ перевелъ имъ мою рѣчь, они устыдились и тотчасъ же ушли, и потомъ, во время остальной дороги, никто и не заикался о деньгахъ. Бруно пришелъ ко мнѣ черезъ часъ и объявилъ, что онъ лично ничего не хотѣлъ, ни къ какому заговору не принадлежалъ и вообще не такъ глупъ, какъ другіе.

Принимая въ соображеніе всѣ условія путешествія, которыя дѣлали его для нашихъ негровъ исключительно легкимъ, я не могу представить себѣ, чтобы гдѣ-нибудь на свѣтѣ можно было найти людей болѣе податливыхъ, болѣе воспримчивыхъ къ каждому слову, болѣе усердныхъ. Я увѣренъ, что путешественникъ, который составилъ бы свой караванъ, на примѣръ, изъ египетскихъ арабовъ, долженъ былъ бы каждый день прибѣгать къ помощи палки, а—кто знаетъ?—можетъ быть, и къ револьверу. А съ нашими людьми почти не было надобности возвышать голосъ. Очевидно, что такія отношенія на половину уменьшаютъ трудности и неприятности путешествія.

Весь первый день пребывания въ Мандерѣ наши носильщики, сидя подъ верандою сарая, шили себѣ рубахи изъ бѣлаго колена, который получили въ видѣ платы. На слѣдующее утро они нарядились въ новыя одежды и ходили по Мандерѣ точно павлины, съ важными минами, съ гордостью посматривая на мѣстное населеніе, какъ люди «большаго свѣта». Вообще въ Мандерѣ имъ было хорошо, кассавы сколько угодно, ѣсть они могли ее съ солью, а соль они любятъ страстно и считаютъ ее такимъ предметомъ роскоши, которую не всякій негръ можетъ позволять себѣ каждый день.

Чтобъ отдохнуть какъ слѣдуетъ, мы провели въ Мандерѣ два дня. Прошли они очень быстро то въ разговорѣ съ монахами, то въ изученіи миссіи. Отецъ Борманъ подтвердилъ намъ то, что мы слышали отъ брата Оскара въ Багамою, — именно, что теперь са-

мая неудачная пора для охоты. Стоялъ мартъ, соотвѣтствующій концу лѣта на сѣверномъ полушаріи, время самыхъ сильныхъ жаровъ и высыханія лужъ, когда звѣрь отступаетъ въ горы, чтобы въ тѣнистыхъ ущельяхъ найти защиту отъ зноя. Въ особенности зебры, антилопы и буйволы, которые живутъ не въ чащѣ, а на открытыхъ лугахъ, ищутъ въ это время уголковъ менѣ жаркихъ, а за ними тянется стадо хищниковъ. По близости рѣкъ еще можно найти маленькія стада, и отецъ Борманъ увѣрялъ насъ, что, идя по направленію къ горѣ М'Понгве, которая и была послѣднею цѣлью нашей экспедиціи, мы навѣрное встрѣтимъ антилопъ.

Здоровье намъ до сихъ поръ не измѣняло и насъ разбирала большая охота дойти, по крайней мѣрѣ, до горъ У-Загара, въ восьми или десяти дняхъ пути отъ Мандеры, но поздняя пора заставила насъ отказаться отъ этой мысли. Массика могла начаться каждый день, а во время массики звѣрь прячется въ чащу, человекъ подъ кровлю хаты, караваны останавливаются, весь край заливаема дождемъ и обращается въ сплошное болото, издающее смертоносныя испаренія, вдыхать которыя отваживается только тотъ, кто предпринялъ огромное путешествіе и не можетъ его окончить въ сухую пору. Единственный способъ, это — переждать въ какой-нибудь миссіи дождливую пору и потомъ пускаться дальше, но это могутъ сдѣлать или путешественники по профессіи, или люди, которые никого не оставили дома. Притомъ, охоту мы могли найти на обратномъ пути въ Гугуруму, въ странѣ совершенно необитаемой, на сѣверъ отъ Кингани, недалеко отъ ея устья. Тамъ находится лужа съ прѣсною водою, а такъ какъ на нѣсколько миль вокругъ другой нѣтъ, вода же въ Кингани, по близости моря, соленая, то всякій крупный звѣрь, живущій по близости, долженъ приходить къ этой лужѣ, какъ къ единственному водою. Борманъ сильно убѣждалъ насъ, разбить на нѣсколько дней нашу палатку въ Гугуруму или въ сосѣдней Карабакъ и мы, конечно, рѣшили послѣдовать этому совѣту.

Тѣмъ временемъ насъ ожидало еще путешествіе къ верховьямъ рѣки Вами, къ подножію М'Понгве, изъ которой вытекаетъ маленькая рѣчка М'суа, впадающая въ Лунгеренгере, одинъ изъ притоковъ Кингани. Мы съ удовольствіемъ услышали, что отецъ Борманъ тоже намѣревается принять участіе въ этомъ путешествіи.

И дѣйствительно, на слѣдующій день, послѣ обѣда, мы двинулись втроемъ, въ сопровожденіи нашихъ людей и одного царька сосѣдней деревушки, который былъ извѣстенъ отцу Борману какъ опытный охотникъ. Передъ выходомъ послали приказъ Тебе, что-

бы онъ пришелъ въ Мандеру и ждалъ нашего возвращенія, а потомъ проводилъ бы насъ до Вianци и Брагиму, прелестныхъ деревушекъ, расположенныхъ на Вами по дорогѣ къ Гугуруму.

XIX.

Во второй разъ мы перешли Вами въ другомъ мѣстѣ, но также лѣсистомъ и одинаково красивомъ. Приближалась ночь, и поэтому мы разбили нашу палатку тутъ же у берега, на маленькой полянкѣ, окруженной деревьями. Въ травѣ гнѣздились скорпионы, — мы приказали вырвать траву съ корнемъ на пространствѣ нѣсколькихъ квадратныхъ метровъ и такимъ образомъ застраховали себя отъ посѣщенія неприятныхъ гостей. Ночь прошла у насъ спокойно, гиппопотамовъ мы не слышали вовсе, потому что въ быстрой Вами ихъ вообще меньше, чѣмъ въ Бингани. Идя по берегу, мы иногда встрѣчали слѣды гиппопотамовъ; можетъ быть, тамъ, гдѣ Вами разливается ниже и течетъ спокойнѣе, ихъ и больше. Въ окрестности Мандеры эти огромныя животныя стали рѣдкостью еще и отъ того, что миссія часто устраивала на нихъ охоты, свидѣтельствомъ чему служить множество череповъ въ складѣ брата Александра. Ловили ихъ по большей части въ ямы, — это почти единственный способъ заполучить звѣря, потому что подстрѣленный онъ исчезаетъ неизвѣстно куда.

На разсвѣтѣ мы покинули Вами. Главною цѣлью мы поставили охоту, и потому, оставивъ всѣ проторенныя тропинки, пошли напрямикъ черезъ горы по направленію къ М'Понгве. Насъ сопровождалъ отецъ Борманъ и царекъ, который вчера прибылъ въ Мандеру. Этотъ послѣдній представлялъ великолѣпный типъ негра-охотника. Сухой, небольшого роста, съ выдающимися мускулами и дикими глазами, онъ напоминалъ отчасти рысь, отчасти пантеру. Въ окрестности онъ считался неутомимымъ охотникомъ и, что очень рѣдко среди негровъ, хорошимъ стрѣлкомъ. И дѣйствительно, должно быть, хорошо стрѣлялъ онъ, если попадалъ въ цѣль изъ своего карабина, которому насчитывалось, по крайней мѣрѣ, пятьдесятъ лѣтъ.

Въ шесть часовъ, едва солнце взошло, наступила страшная жара. Чтобы охватить большее пространство, мы растянулись какъ можно шире, одинъ отъ другаго метровъ на двѣсти. Долго буду помнить я этотъ переходъ, потому что во всю свою жизнь не видалъ человѣка, который ходилъ бы такъ же, какъ отецъ Борманъ. Мнѣ казалось, что у него выросли крылья за пле-

чами. Едва увидишь его у подножія пригорка, какъ онъ очутится на вершинѣ. Дикій царекъ летѣлъ также, точно гонимый вѣтромъ. Отчасти изъ самолюбія, отчасти для того, чтобы не порывать цѣпи, мы старались идти на одной линіи съ ними, но это удавалось намъ съ большимъ трудомъ. Поступательное движеніе представляло огромныя трудности. По временамъ дорогу преграждали ущелья, — правда, не глубокія, но съ отвѣсными стѣнами, — на которыя нужно было вскарабкиваться, или долины, заросшія анромъ въ нѣсколько метровъ вышиной, на вершинахъ за ноги хватались цѣпкія травы или, что еще хуже, колючія мимозы. А бѣжать, все-таки, было нужно.

Пришла мнѣ въ голову мысль утомить отца Бормана и его дикаго друга, и я помчался впередъ еще быстрѣе ихъ. Когда прошелъ часъ, потомъ другой, и мои усилія, казалось, только подбодрили ихъ, я счелъ себя побѣжденнымъ и, сойдясь съ ними на открытомъ мѣстѣ, категорически заявилъ, что, не обладая ни ихъ филиграновой корпуленціей, ни крыльями, я не могу дальше идти такимъ аллюромъ.

Наконецъ, такой головоломный походъ былъ прямо неудобенъ для охоты, потому что человекъ, еле переводящій духъ отъ усталости, неминуемо промахнется по всякой дичинѣ, хотя бы стрѣлялъ на небольшомъ разстояніи. И самъ отецъ Борманъ убѣдился въ этомъ, пропуделявши по чудесной антилопѣ-скакунѣ. Положимъ, онъ утверждалъ, что подстрѣлилъ ее, но крови не было видно. Вскорѣ я увидалъ, какъ мой товарищъ поднимаетъ свой тяжелый карабинъ. Раздался выстрѣлъ, какъ изъ пушки, мимо меня промелькнула полнымъ бѣгомъ огромная антилопа-куду и тотчасъ же скрылась въ мимозахъ. Стоя въ какихъ-нибудь трехъ-стахъ метрахъ, я видѣлъ все, какъ на ладони, а такъ какъ выстрѣлъ былъ сдѣланъ на не большемъ разстояніи, то я былъ увѣренъ, что онъ не миновалъ цѣли. И дѣйствительно, приблизившись, я самъ видѣлъ капли крови на травѣ и на листьяхъ мимозъ. Мы послали нашихъ людей по слѣду, а сами бросились впередъ, — на дальнихъ пригоркахъ появилось цѣлое стадо антилопъ, штукъ пять.

Но скорѣ мы убѣдились, что безъ облавы охотиться совсѣмъ невозможно, въ особенности если чутье животнаго настрожено. Входимъ мы на какой-нибудь пригорокъ, и видимъ за триста или четыреста метровъ, что наши антилопы, которыя до сихъ поръ паслись какъ будто спокойно, поднимаютъ головы, прядутъ ушами, точно поясняютъ, что видятъ и чувуютъ насъ, потомъ все стадо

легкими прыжками удаляется вперед и опять останавливается въ двухъ или трехъ выстрѣлахъ отъ насъ. Видъ этихъ великолѣпныхъ животныхъ на фонѣ горъ, покрытыхъ зеленью и деревьями, былъ очарователенъ. Палевыя спины и бѣлыя брюшки ихъ то ярко свѣтились на солнцѣ, то угасали въ тѣни. Мнѣ все казалось, что я вижу стадо оленей въ какомъ-нибудь роскошномъ англійскомъ паркѣ.

Старый самецъ всегда останавливался первый, обращалъ къ намъ голову, вооруженную могучими, винтообразными рогами, смотрѣлъ съ минуту, словно хотѣлъ убѣдиться, раздѣляетъ ли насъ приличное пространство, и потомъ спокойно принимался щипать траву. Слухъ у антилопъ долженъ быть превосходный, потому что насъ не разъ укрывали отъ нихъ то кусты, то неровности почвы, а стадо всегда успѣвало уйти въ-время. Пробовали мы обойти его, но и это не помогало. Не знаю, долго ли бы продолжалось это неудачное преслѣдованіе, еслибъ антилопамъ, наконецъ, не надоѣла эта забава и еслибъ онѣ вскорѣ не исчезли совсѣмъ изъ вида.

А солнце тѣмъ временемъ взобралось еще выше и жара стала уже совсѣмъ невыносимою. Нужно было какъ можно скорѣе укрыться въ палатку, чтобъ избѣжать солнечнаго удара,—съ нимъ въ Африкѣ нельзя шутить. Мы вошли въ ближайшій лѣсъ, а вскорѣ подоспѣли и наши носильщики съ палаткой и багажомъ.

Есть счастью, тутъ же, въ лѣсномъ ущельи, оказалась вода, значитъ, можно было остановиться. Изъ охоты нынѣшняго дня мы извлекли только ту выгоду, что видѣли антилопъ, безъ которыхъ африканскій пейзажъ не можетъ представиться въ надлежащемъ видѣ, а, во-вторыхъ, идя напрямикъ къ М'Понгве, да еще такимъ сумасшедшимъ шагомъ, мы сдѣлали огромный переходъ, равняющійся, по крайней мѣрѣ, двумъ обыкновеннымъ переходамъ.

Хорошо бы теперь отдохнуть, но, увы, нужно было вспомнить о нашихъ хозяйственныхъ обязанностяхъ. Людямъ, не испытавшимъ этого, такое слово можетъ показаться пустымъ, но хозяйство составляетъ самую скверную часть путешествія. Иные сундуки заперты, — изволь-ка, подбирай къ нимъ ключи. Консервы, правда, защиты въ рогожѣ, но ярлыки отъ влажности и отъ жара отклеились отъ жестяныхъ коробокъ, — поди, угадывай, что въ какой коробкѣ. Открывать коробки нужно самому, потому что, если это доверить негру, то онъ вывалитъ на земь все содержимое, вмѣстѣ съ соусомъ. Переводчика чортъ унесъ въ лѣсъ, поваръ не понимаетъ тебя, а ты повара, а если хочешь ѣсть что-нибудь хоть немного

сносное, если не желаешь, чтобъ онъ всыпалъ чаю въ зелень, сахару въ сардели, соли въ кофе, то долженъ наблюдать за всѣмъ самъ и сидѣть при огнѣ, когда температура и безъ того перешла 40°. Во время нашего послѣобѣденнаго сна возвратились люди, ходившіе за антилопой, подстрѣленную моимъ товарищемъ. Нашли они ее въ лужѣ крови, но при видѣ ихъ антилопа вскочила и убѣжала, несмотря на то, что одинъ негръ выстрѣлилъ въ нее изъ карабина. Дальнѣйшіе поиски не привели ни къ чему. Разсчитывая, что далеко она уйти не могла ни въ какомъ случаѣ, я рѣшилъ послать за нею еще разъ передъ разсвѣтомъ. Если пантеры и придутъ къ ней, то намъ, все-таки, останется кусокъ хорошаго мяса. Утромъ царекъ-охотникъ пошелъ съ нѣсколькими нашими пагази и снова повторилась вчерашняя исторія: антилопу опять нашли въ лужѣ крови, и опять она поднялась съ мѣста и ушла. Это даетъ охотникамъ надлежащее понятіе о необыкновенной живучести большихъ африканскихъ животныхъ. Антилопа могла получить слабую рану, но въ ней, все-таки, сидѣла пуля изъ штуцера крупнаго калибра; я видѣлъ самъ, какъ сильно текла изъ нея кровь, и, все-таки, черезъ сутки она не только не ослабѣла, но могла даже спастись бѣгствомъ.

Въ лѣсу, на опушкѣ котораго мы разбили палатку, а въ особенности на полянкѣ передъ палаткой, было множество цесарокъ. Поохотились мы за ними, улеглись спать, и на утро подъ проливнымъ дождемъ добрались до М'Понгве. Формой она напоминаетъ лежащій на землѣ выпуклый щитъ. Непрерывная цѣпь такихъ горъ, но только различной величины, тянется въ западномъ направленіи до горъ У-Загара. Чудный край, волнистый, покрытый группами деревьевъ, иногда доходящихъ до огромныхъ размѣровъ, но однообразный на своемъ необъятномъ пространствѣ.

Деревень въ этой сторонѣ почти нѣтъ. Пустыня здѣсь совершенная, тишина такая, что, когда вѣтеръ не колышетъ травъ, можно услышать дыханіе собственной измученной груди. Въ этомъ кроется какое-то особое очарованіе. Земля, деревья, пространство, воздухъ, солнечный свѣтъ, — словомъ, всѣ стихіи сливаются въ одно однообразное, но великое и словно погруженное въ сонъ. Тѣ, которые хоть разъ въ жизни испытали тоску по безконечности и безстрастномъ покоѣ, могутъ въ этой странѣ найти то, чего напрасно искали въ другихъ странахъ.

Нужно было проводить отца Бормана въ Мандеру. Мы простояли еще ночь на берегу Ваи, переправились черезъ нее въ третій разъ и пришли въ Мандеру въ два часа дня. Жара стояла такая, какую

я и не запомню. Въ нашихъ широтахъ трудно и вообразить, до какой степени доходить зной на этихъ пригоркахъ, открытыхъ для вертикальныхъ лучей солнца. Грудь наша вдыхала положительно какой-то банный воздухъ. Пока мы шли лѣсомъ, еще можно было кое-какъ терпѣть, но когда достигли до возвышенностей, на которыхъ негры имѣютъ обычай выжигать траву передъ наступленіемъ миссии, мнѣ казалось, что вотъ-вотъ кто-нибудь изъ насъ свалится. Стекловидная, черная земля была раскалена, какъ подъ печки. Въ добавокъ ко всему, какъ обыкновенно въ полуденное время, въ воздухѣ не было ни малѣйшаго движенія; листья на деревьяхъ висѣли неподвижно, эвфорбиі, казалось, освобождались отъ своего опѣенія и таяли подъ палящими лучами солнца. Если бы не влажность воздуха, то никакое растеніе не вынесло бы этой страшной температуры, но для человѣка эта влажность дѣлаетъ зной еще болѣе невыносимымъ.

Золь я былъ и на себя, и на отца Бормана, потому что, въ сущности, ни мнѣ, ни ему не было ни малѣйшей надобности свѣшить. Но въ дорогѣ часто случается такъ, что идешь, хотя бы даже подъ страхомъ смерти, только потому, что разъ двинулся съ мѣста, или просто изъ самолюбія никто первый не хочетъ сказать: «я не пойду дальше!» — а, между тѣмъ, еще шагъ — и человѣкъ можетъ упасть, какъ пораженный громомъ.

Напрягая остатокъ силъ, мы добрались до Мандеры. Бонецъ дороги, когда миссія была видна, какъ на ладони, былъ ужасенъ. Товарищъ мой пришелъ съ сильною головою болью, которая, впрочемъ, скоро прошла въ закрытыхъ и сквозныхъ помѣщеніяхъ миссіи. Только въ 4 часамъ, послѣ хорошаго отдыха и обѣда, къ намъ вернулась прежняя бодрость. Подъ вечеръ на небо нашли тучи и закрыли солнце, — подулъ вѣтерокъ и жара спала.

Братъ Александръ говоритъ, что такіе дождливые вечера и утра при необыкновенно жаркихъ дняхъ — предвѣстники миссии. Она должна была придти со дня на день, а съ ея приходомъ неизбѣжно кончалось и наше путешествіе. До сихъ поръ ни одинъ изъ насъ, несмотря на утомленіе и отсутствіе предосторожностей, не хворалъ серьезно и мы даже начали хвастаться другъ передъ другомъ и считать себя одаренными исключительною способностью къ африканскимъ путешествіямъ.

Мандеру мы оставили на другой день послѣ полудня, причемъ добрые миссіонеры надарили намъ безчисленное количество птичьихъ чучель. Забрать ихъ съ собою для насъ не представляло ни малѣйшей трудности, потому что наши запасы значительно умень-

пились. Вино и содовую воду мы выпили почти до капли, такъ что многимъ носильщикамъ нечего было нести. Теперь мы намѣтили себѣ добраться большими и спѣшными переходами къ сѣверной части теченія Бингани, къ Гугуруму, лежащему въ одномъ днѣ пути до Багамойо, и добраться до тѣхъ поръ, пока проливные дожди не сдѣлаютъ нашего пребыванія подъ кровомъ палатки невозможнымъ.

XX.

Нѣсколько маленькиѣхъ деревушекъ, имена которыхъ я не упомяну или совсѣмъ безыменныхъ, а потомъ Дигвасу, Тебе, Вianци, Брагиму, — вотъ главные пункты нашей дороги, не считая остановокъ въ мѣстностяхъ необитаемыхъ, но поблизости воды. Прежде всего, мы перешли черезъ маленькій рукавъ Вами, обрамленный великолѣпнымъ дѣвственнымъ лѣсомъ, и заночевали въ небольшой, совершенно пустой деревушкѣ. Короля Тебе, который пришелъ въ назначенное время въ Мандеру, мы отправили еще раньше въ Брагиму съ приказаніемъ, чтобъ онъ ждалъ насъ тамъ и приготовилъ бы себѣ все, что нужно для похода въ Гугуруму. До Дигвасу мы добрались на второй день. Дорога наша почти все время шла вдоль Вами, по лѣсистой и чрезвычайно красивой мѣстности. Это былъ переходъ трудный и даже не безопасный. По цѣлымъ часамъ мы подвигались по глинистой тропинкѣ, не шире фута, съ одной стороны которой возвышалась отвѣсная стѣна берега, съ другой, прямо подъ ногами, протекала глубокая, спокойная въ этихъ мѣстахъ Вами. Тамъ, гдѣ тропинка искривлялась, тамъ, гдѣ ее заграждали выдающіеся корни деревьевъ, нужно было употреблять всѣ усилія, чтобы не поскользнуться и не упасть въ воду. А упадешь — спасенія нѣтъ: здѣсь такая масса крокодиловъ. То и дѣло я видѣлъ, какъ на спокойной поверхности воды проносились три точки, и это ничто иное, какъ оконечность пасти и возвышенія надъ глазами крокодила. Это зрѣлище придавало намъ необыкновенную охоту держаться руками и ногами за нашу закраину, а когда въ нѣкоторыхъ мѣстахъ глина осыпалась подъ нашими ногами, мы подвигались съ легкостью зефира. При такихъ условіяхъ каждый откроетъ въ себѣ небывалые эквилибристическіе таланты.

Не съ особеннымъ удовольствіемъ я думалъ, что, въ концѣ-концовъ, намъ еще придется перейти черезъ эту живописную рѣку, и, признаюсь, въ глубинѣ души желалъ, чтобы она была менѣе живописна, но за то не такъ богата крокодилами. На счастье, въ дерев-

нѣ Дигвасу нашлась пирѳга, на которой мы перебрались на другой берегъ безъ всякихъ приключеній, даже не видали и зловѣщихъ черныхъ точекъ.

Деревня лежитъ на полянѣ, посреди зарослей, въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ отъ рѣки. Круглыя хижины окружаютъ площадку, на которой когда-то совершались палаверы (совѣты) подѣ тѣнью великолѣпной мимозы. Это было если не самое толстое, то, по крайней мѣрѣ, самое развѣсистое дерево, которое я видѣлъ въ Африкѣ. Можетъ быть, я ошибаюсь, называя его мимозой, но, во всякомъ случаѣ, его тонкіе, перистые листья очень походили на листья мимозы. Огромная его крона осѣняла пространство на нѣсколько метровъ вокругъ. Наша палатка, стоящая тутъ же около ствола, казалась лепесткомъ бѣлаго цвѣтка. Подѣ тѣнью дерева помѣстились не только наши люди, но и всѣ мѣстные жители, которые, по обыкновенію, пришли поглазѣть на насъ.

Послѣ полудня я захватилъ ружье и пошелъ на рѣку, въ надеждѣ, не удастся ли мнѣ подстрѣлить крокодила.

Мнѣ посчастливилось: не успѣлъ я пройти полкилометра, какъ увидалъ знакомыя мнѣ три точки, медленно подвигающіяся надъ водою. Я хорошенько нацѣлился въ пространство между двумя верхними и потянулъ за курокъ. Стрѣлялъ я на близкомъ разстояніи, при обстоятельствахъ самыхъ благопріятныхъ, поэтому и былъ увѣренъ, что не промахнулся, но послѣ выстрѣла голова исчезла подѣ водой, оставивъ меня въ жертву терзаніямъ любопытства. Понятно, что охота такого рода представляетъ мало прелести. Я хотѣлъ было уже возвратиться назадъ, переменить штуцеръ на обыкновенное ружье и отправиться пострѣлять цесарокъ, какъ вдругъ прибѣжали наши люди съ Франсуа во главѣ и дали мнѣ знать, что два крокодила вылѣзли на песчаную отмель, почти напротивъ деревушки.

Они говорили правду. Очевидно, въ Дигвасу никто не охотится на крокодиловъ, поэтому на песчаной отмели лежали два отвратительныхъ пресмыгающихся, лежали совершенно спокойно, не обращая вниманія на крики и болтовню нашихъ людей, столпившихся у берега. Оба крокодила еще не достигли настоящаго роста. Выбравъ того, который побольше, я послалъ ему подѣ лопатку пулю со стальнымъ наконечникомъ. Чудовище подскочило на цѣлый метръ кверху и бросилось въ воду, но черезъ нѣсколько минутъ появилось вновь на мели, за нѣсколько десятковъ шаговъ. Симба вызвался тотчасъ же идти за нимъ, но я не позволилъ ему двинуться съ мѣста, до тѣхъ поръ, пока не увидалъ въ бинокль,

что крокодилъ, который до сихъ поръ открывалъ конвульсивно пасть, не пересталъ звать и не повернулся кверху брюхомъ. Тогда Симба отправился за нимъ съ нѣсколькими другими неграми, но ихъ и меня ожидалъ еще сюрпризъ. Крокодилъ снова повернулся, направился къ берегу и ни за что не хотѣлъ сдаваться. Черные начали танцовать вокругъ него, тщательно оберегая свои икры; продолжалось это съ полчаса. Наконецъ, удалось накинуть на него петлю и притащить на берегъ. Дѣлалось это съ такою стремительностью, что вода такъ и кипѣла вокругъ.

Когда крокодила подтащили ко мнѣ, онъ былъ уже мертвъ. Осмотрѣвъ его, я понялъ, что пуля со стальнымъ наконечникомъ не только пробила чешую, но и вышла на вылетъ, и, несмотря на то, пресмыкающееся, все-таки, прожило полчаса. Вообще крокодила, подстрѣленнаго въ водѣ или около воды, не достанешь, также какъ и гиппопотама, а свою добычу мы извлекли только благодаря тому, что она зашла на мель.

На закатѣ солнца мы съ товарищемъ отправились охотиться на птицъ. Я, между прочимъ, убилъ двухъ попугаевъ, но нашелъ только одного, и голубя, должно быть, самой маленькой породы на всемъ свѣтѣ. Эта прелестная птичка съ бѣлымъ и кирпично-краснымъ оперениемъ не больше нашего жаворонка. Хотѣлось мнѣ, во что бы то ни стало, сохранить ея шкурку, но, въ сожалѣнію, у меня не было никакихъ инструментовъ и никакихъ противугнильныхъ средствъ.

Удачный исходъ дѣла съ крокодиломъ, казался, сулилъ мнѣ удачу и въ Гугуруму, поэтому я отправился спать въ самомъ хорошемъ расположеніи духа. Но уснуть, несмотря на всѣ усилія, я не могъ, потому что наши негры опять всю ночь толкли кассаву, а М'са, усѣвшись на корточкахъ передъ огнемъ, распѣвалъ въ носъ свое вѣчное: «М'буанамъ Буба, Багамойо, венги рупіа» и т. д.

Утромъ пришелъ Брагиму, царь деревни Брагиму, очень странная фигура, вѣчно разговаривающая сама съ собой или раздражающаяся смѣхомъ безъ всякаго повода. На меня онъ произвелъ впечатлѣніе сумасшедшаго. Я сейчасъ же отправилъ его домой, чтобъ онъ задержалъ Тебе, а мы сами на ночь отправились въ Віанци, причемъ по дорогѣ нѣсколько разъ пропуделяли по цесаркамъ. Къ вечеру снова собрались тучи, но вѣтеръ тотчасъ же разогналъ ихъ.

Мы торопились въ Гугуруму и поэтому не щадили ногъ, тѣмъ болѣе, что здоровье не измѣняло намъ. Термометръ для измѣренія температуры тѣла, — а имъ долженъ быть снабженъ каждый чело- вѣкъ, вдушій въ Африку, — показывалъ 36° съ чѣмъ-то, — темпера-

туру, характеризующую признакъ слабости и анеміи въ Европѣ, но вполне нормальную и желательную въ Африкѣ. При такихъ условіяхъ насъ разбирала охота остаться въ Гугуруму подольше, чтобы захватить массу и посмотрѣть, что она изъ себя представляетъ.

Ночлеги въ заросляхъ теперь насъ освѣжали меньше, потому что мы вновь спускались въ низкое поморье, гдѣ ночи бываютъ душныя и жаркія. Впрочемъ, во время переходовъ тучи отъ времени до времени заслоняли солнце, что доставляло намъ необыкновенное облегченіе.

Царя Брагиму мы нагнали въ Віанци. На слѣдующій день онъ служилъ намъ проводникомъ къ своей резиденціи. Идя быстро впередъ, онъ всю дорогу разговаривалъ самъ съ собою, размахивалъ руками и отъ времени до времени раздражался смѣхомъ. То былъ огромный переходъ, потому что мы вышли еще на разсвѣтѣ и до Брагиму добрались только къ часу дня. Въ концѣ-концовъ, я чувствовалъ себя такъ же утомленнымъ, какъ послѣ погони за антилопами у М'Понгве. При каждой деревушкѣ мы думали, что наше путешествіе кончилось, но на вопросъ: «Брагиму карибу?» (Брагиму близко?)—наши негры постоянно отвѣчали намъ: «бали!» (далеко!)

Я обратилъ вниманіе на одну вещь. Когда мы проходили мимо женщинъ, занимающихся въ полѣ, вдаль отъ деревни, то всѣ онѣ, при видѣ чужихъ людей, въ испугѣ бросали свои орудія и спасались бѣгствомъ. Это остатокъ отъ старыхъ временъ, когда еще охотились на невольниковъ и когда женщина являлась самою желательною добычей.

Въ Брагиму, за все время нашего путешествія, я видѣлъ негритянку, которая могла считаться красивою. Это была дѣвочка лѣтъ пятнадцати. Тебе принесъ ее къ намъ на плечахъ,— до сихъ поръ она не видала бѣлыхъ и страшно боялась ихъ. Прильнувъ къ здоровому негру и охвативъ его руками и ногами, она казалась любопытнымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, испуганнымъ звѣркомъ. Формы ея были почти еще дѣтскія, волосы, не уложенные въ искусную африканскую прическу, торчали во всѣ стороны, что очень мало украшало ее. Однако, дикая красавица очень скоро освоилась съ нами.

Брагиму положительно бѣсилъ меня. Если онъ вслухъ не разговаривалъ съ самимъ собою, то обращался къ намъ съ однимъ и тѣмъ же словомъ: «диван!» (вина), протягивалъ впередъ руки и размахивалъ ими, какъ напризный ребенокъ. Мы сами уже пили воду съ коньякомъ, потому что у насъ оставалась только одна

бутылка невыносимо горькаго хиннаго вина. Чтобы наказать нахала, я налилъ ему полставана этого нектара. Брагиму выпилъ, облизался, сказалъ «мсури!» (хорошо) и попросилъ еще. Я прогналъ его прочь.

Аптека моя въ этотъ день была въ полномъ ходу, потому что, кромѣ хиннаго вина, изъ нея пришлось отпустить и еще кое-что. Вечеромъ пришелъ ко мнѣ нашъ носильщикъ М'Камба. Лицо его все посѣрѣло, онъ поминутно съ страдальческимъ видомъ хватался за животъ. Изъ этого жеста я понялъ, въ чемъ дѣло, и далъ ему три огромныхъ капсули. М'Камба сгрызъ капсули, какъ черносливъ, и заявилъ, что лѣкарство «мсури», а на другой день былъ здоровъ, какъ левъ, и несъ свой тюкъ съ самою бодрою миной. Еще по дорогѣ въ Занзибаръ я слышалъ, что подъ этими широтами рициновое масло почти отравя, но миссіонеры увѣрили меня въ противномъ, и теперь на примѣрѣ М'Камба я убѣдился, что они были правы.

Изъ Брагиму мы пошли дальше, по болѣе или менѣе пустынному краю. Еще два перехода отдѣляли насъ отъ Гугуруму, но мы рѣшили сдѣлать ихъ въ одинъ день. Первый постой выпалъ намъ въ страшно густыхъ кустахъ, у лужи съ вонючею водою, цвѣта кофе съ молокомъ. Такъ какъ мы должны были идти дальше, то я и не приказалъ разбивать палатку и мы съ товарищемъ оба легли въ тѣни кустовъ. Въ большой дорожной шляпѣ спать невозможно, нельзя приклонить голову, — я надѣлъ легкую полотняную фуражку и уснулъ, какъ убитый, а тѣмъ временемъ солнце обошло длинную дугу, такъ что лучи его пробрались сбоку сквозь листья и упали мнѣ на лобъ. Я проснулся тотчасъ же съ головою болью, которая съ каждою минутой все увеличивалась. Я намочилъ платокъ и положилъ его на лобъ подъ шляпу, — это принесло мнѣ значительное облегченіе. Около двухъ часовъ, значить, раньше обыкновеннаго времени, когда начинается послѣобѣденный походъ, наши негры сами стали собираться, потому что до Гугуруму было еще далеко, а намъ необходимо дойти туда до захода солнца. Прошли мы нѣсколько километровъ и моя головная боль исчезла безъ слѣда, хотя я, все-таки, чувствовалъ какую-то необыкновенную тяжесть во всемъ тѣлѣ. Съ трудомъ я могъ удерживаться во главѣ каравана. Впереди меня шелъ только Тебе и, какъ на зло, все ускорялъ шаги, поминутно поглядывая на солнце.

Уровень земли понижался все болѣе и болѣе, террасами. На одной изъ нихъ Тебе остановился и, указывая въ пространство, залитое ослѣпительнымъ блескомъ, произнесъ:

— Багари! (море).

менемъ спустилась ночь и на небо вышла полная луна. Сбросивъ съ себя шляпу, сумку, манерку и бинокль, я началъ ходить во-вкругъ палатки, чтобы на ночномъ воздухѣ освѣжить пылающую голову и унять боль въ костяхъ, которая, несмотря на два перехода, не позволяла мнѣ сидѣть на мѣстѣ.

Но едва я отдалился на нѣсколько шаговъ отъ костра, какъ Тебеи и Франсуа точно тѣни выросли передо мною.

— М'буанамъ Куба, здѣсь нельзя удалиться отъ огня.

Я вернулся назадъ. Мнѣ было все хуже и хуже. Ни сидѣть, ни лежать, ни стоять, — хоть изъ шкуры вонъ вытѣвай. М'Са подалъ ужинъ; но я вдругъ почувствовалъ непреодолимое отвращеніе къ пищѣ. Поставилъ я термометръ и увидалъ, что температура моего тѣла равняется 39,5; — температура огромная въ Африкѣ, гдѣ и 37° считается уже признакомъ ненормальнаго состоянія.

Я взялъ записную книжку, которая не покидала меня никогда, и при свѣтѣ огня написалъ крупными буквами надъ датой дня: «Лихорадка». Черезъ какой-нибудь часъ въ моей головѣ началась борьба между сознаниемъ и горячкой. Колебалось это то на ту, то на другую сторону. Однако, я не поддался, и, несмотря на мимолетныя галлюцинаціи, вообще отдавалъ себѣ отчетъ во всемъ, какъ человекъ здоровый. Помню, что я нарочно не ставилъ во второй разъ термометръ; мнѣ пришло въ голову, что если я увижу 40° или больше, то пойму, что спасенія уже нѣтъ, и неминуемо поддамся болѣзни; а я хотѣлъ побороть ее и возвратиться домой.

Я сознавалъ также, что лихорадка въ Гугуруму меня переселитъ, но если я окажусь въ Багамои, подъ опекою миссіонеровъ, то не отдамся въ ея власть. При этой мысли я сейчасъ же позвалъ Бруно и приказалъ, чтобы къ утру была готова половина нашихъ людей. Палатки не нужно, — взять только мою походную кровать, на которой меня и понесутъ въ случаѣ нужды.

Товарищъ мой во что бы то ни стало хотѣлъ идти вмѣстѣ со мной, но я представилъ ему резонъ, что въ дорогѣ онъ все равно поможетъ мнѣ ничѣмъ не можетъ; а я въ теченіе дня добреду кое-какъ въ Багамои, подъ крыло отца Стефана. Послѣ долгихъ переговоровъ дѣло кончилось на томъ, что если завтра я буду чувствовать себя лучше, то останусь охотиться въ Гугуруму, если нѣтъ, то уйду.

Огромная доза хинина подрѣзала мою лихорадку. Явилась только слабость и полнѣйшее равнодушіе ко всему, — равнодушіе, достигающее до такой степени, что когда я, сидя у палатки на полотняномъ охотничьемъ стулѣ, услышалъ рычаніе льва, то оно не произ-

вело на меня никакого впечатлѣнія, не пробудило ни моихъ охотничьихъ инстинктовъ, ни чувства самосохраненія. Просто-на-просто, я принадлежалъ какъ будто къ другому міру. Я даже доускалъ предположеніе, что это рычаніе было ничто иное, какъ галлюцинація моего слуха, но нѣтъ,—оно было черезъ-чуръ ясно, черезъ-чуръ слышно,—наконецъ, и другіе также слышали его. Очевидно, звѣрь приближался къ водѣ, но, завидѣвъ огонь и силуэты человѣческихъ фигуръ, громовымъ рычаніемъ заявилъ свое неудовольствіе по поводу появленія незваныхъ пришлецовъ. Въ Гугуруму львы появляются не случайно, какъ въ Багамою, а живутъ постоянно. Доказательствомъ этому служить самое названіе мѣстности: Гугуруму на языкѣ суагили значитъ—рычаніе льва.

Къ утру припадокъ прошелъ, осталась только ужасная слабость. Для меня теперь стало ясно, что я схватилъ ту злую лихорадку, два приступа которой можно пережить, но третій всегда кончается смертью. Я твердо рѣшилъ допустить самое большее—второй припадокъ, но отъ третьяго отказаться, а чтобы легче сдержать свой обѣтъ, на утро двинулся въ Багамою, хотя ноги почти подламывались подо мной.

XXI.

Послѣ часовой ходьбы мы добрались до Карабаки. Это названіе скорѣе обозначаетъ мѣстность, чѣмъ какое-нибудь селеніе, потому что здѣсь я нашелъ только одну заброшенную и разрушенную негритянскую хижину. Очень можетъ быть, что негры приходятъ сюда и поселяются на извѣстное время, разъ въ теченіе года,—по крайней мѣрѣ, я видѣлъ пригорки съ выжженной травой. Хотя и страшно утомленный, я не захотѣлъ останавливаться въ этой хижинѣ изъ опасенія, чтобъ окончательно не расхвораться. За Карабакой намъ пришлось перебираться черезъ рвы шириною нѣсколько шаговъ, наполненные вязкою соленою грязью. Люди глубоко увязали въ ней. Миѣ было невозможно раздѣваться и одѣваться при каждомъ переходѣ,—я приказалъ переносить себя. Симба, который принялъ на себя эту обязанность, погружался въ грязь еще больше, стибался и положительно стоналъ подо мною, но, выкарабкавшись на другой берегъ, начиналъ смѣяться отъ радости, что не уронилъ своего М'буанамъ Куба въ грязь. Всякій другой на его мѣстѣ, только не негръ, проклиналъ бы меня на чемъ свѣтъ стоитъ.

На одномъ изъ холмовъ, недалеко отъ Бингани, я встрѣтилъ самый большой боабабъ, какой миѣ пришлось видѣть во время всего

путешествія. Стволъ его былъ въ нѣсколько десятковъ футовъ въ окружности. Издали мнѣ показалось, что я вижу леопарда, притаившагося между вѣтвями, я было взялъ уже штуцеръ и прицѣлился, но потомъ оказалось, что меня смутилъ кусокъ пестрой, отставшей коры.

Потомъ потянулись на нѣсколько километровъ огромныя болота, вплоть до самой Бингани, которая отдѣляется отъ нихъ поясомъ низкихъ кустовъ. На мое горе день былъ безоблачный; около 7½ часовъ солнце начало сильно припекать. Кромѣ того, меня мучило невыносимо-яркое отраженіе свѣта отъ стекловидной поверхности болота. Я приказалъ было нести себя на своей походной кровати, но вскорѣ отказался отъ этого намѣренія. Испаренія негритянскихъ тѣлъ душили меня, а солнце пекло еще немилосерднѣе. Я снова рѣшился идти пѣшкомъ.

Покуда глазъ хватить, все болото и болото, частью залитое неглубоко соленою водою, частью открытое, но пропитанное влагою и блестящее. Идти по открытому мѣсту гораздо труднѣе: на каждомъ шагу къ моимъ ботинкамъ приставали огромныя куски ила въ нѣсколько фунтовъ вѣсомъ. Это окончательно обезсиливало меня; въ концѣ-концовъ, я рѣшилъ снять ботинки и идти босикомъ. Долго тащился я, измученный лихорадкой, трудною ходьбой и жаждой. И моя манерка, и бутылки моихъ негровъ истощились совершенно. Жажда томила меня тѣмъ больше, что вокругъ повсюду была вода. Кое-гдѣ видѣлись, на подобіе острововъ, болѣе высокія и сухія мѣста, покрытыя непроницаемыми зарослями, и тянулись иногда на цѣлый километръ. На минуту я искалъ тамъ отдыха, но минута эта проходила и снова нужно было идти по болоту, гдѣ ни одинъ листокъ не защищалъ отъ солнца. По дорогѣ, на гладкой поверхности ила, я видѣлъ множество совершенно ясныхъ слѣдовъ большихъ животныхъ, — были тамъ отпечатки ногъ гиппопотамовъ, кабановъ - ндири, антилопъ, зебръ, жирафъ и леопардовъ, — всѣ они направлялись къ этимъ островкамъ, покрытымъ зарослями. Я былъ боленъ, совершенно обезсиленъ, но, тѣмъ не менѣе, мнѣ жалъ было покинуть эти мѣста и съ завистью я думалъ о своемъ товарищѣ, который остался въ Гугуруму, около единственнаго водоя во всей окрестности. Я далъ себѣ клятву, что если въ миссіи поправлюсь совершенно, то вернусь сюда, хотя бы на нѣсколько дней. Меня злило, что я не началъ дороги съ Гугуруму, а сдѣлать это было очень легко.

Жара становилась сильнѣе. Я шелъ все съ болѣе трудомъ и думалъ, что болота никогда не кончатся. Не знаю ихъ ширины,

не думаю, что они занимают очень большое пространство. Наконец мы добрались до впасть, в которой поросли берега рѣки. Дорога и рѣка была грязная, но идти, по крайней мѣрѣ, можно было идти въ тѣни (и потому я думаю, что это было бы очень удобно).

И вдругъ предъ нами предстала рѣка. Въ этомъ мѣстѣ она была вдвое шире, чѣмъ у дѣлащаго выше М'Тони. Напротивъ южной берега видѣлась вода, а на этомъ мѣстѣ мы нашли широту, дающую, но необыкновенно узкую, а вдобавокъ еще и дырявую. Когда я пошелъ въ нее, вода фонтанами брызнула во все стороны. Не смотря на то, мои люди нагрузились эту широту во все мѣсты. Мы ихъ выгнали и позволили остаться только тремъ гробцамъ. Дыры мы все-таки заткнули: отняли отъ берега. Во время перенавы я держалъ ружье наготовѣ: можетъ, какому-нибудь гиппопотаму или крокодилу придетъ охотиться на насъ. Но вѣдь въ нашу широту не перевернуть (въ вверхъ) дно. Гиппопотамы, правда, не любятъ соленой воды, но самъ видѣлъ въ М'Тони, какъ они обходятъ отъ морской волны, сверкая по рѣкѣ, какъ соленомъ дѣлѣ видѣлъ и ихъ слѣды, что знаетъ, можетъ быть, и болѣе. Но вѣдь это такъ, а въ этомъ мѣстѣ рѣки, а отъ берега почти (или) совсемъ нетъ. Однако, перебрались мы благополучно. На берегу я вынулъ свои вещи, большыя, съ удручающею мыслью, что до Балагоа еще два часа ходьбы, а дорога эту преобладала прайшю во время самага сильнаго зноя. Я послалъ людей за оставшимися на томъ берегу, а самъ пошелъ въ жилищу снасти отъ солнца. Въ жилищѣ не было: ни дровъ, ни посуды, ни обстановки, а я вынулъ, что въ ней было, бѣлый или дивизированный паръ. Между прочимъ, я нашлъ двѣ бѣлыхъ жестянки, въ нихъ у насъ было одно держатъ паросинь; а въ другихъ жестянкахъ — радость — и рѣсную воду. Не знаю, долго ли она потечетъ — достаточно, что она показалась мнѣ божественнымъ напиткомъ. Это мѣсто — и потому въ жилищѣ доверженна счастья, а отъ рѣки стаяны; въ дорожной сумкѣ, я нашла на дѣлѣ: я не знаю, что она была, а вѣдь она была; которая меня снабды въ Малдеръ братъ Александръ. А дѣлѣ мѣнный родъ, прибавленный въ водѣ, и освѣжилъ меня; и придалъ силъ въ дальнѣйшему путешествію. Я только вынулъ, а вѣдь мы переправились еще черезъ нѣсколько рѣкъ на полныхъ кы прайшю, а вынулъ на бѣлѣ высушить мѣсто. Теперь мы окружены жесткая степь, на которой одинокія приверженны деревья; жалась дремали подъ зноемъ солнечныхъ лучей. Въ восточной сторонѣ, гдѣ земля твердою линіей отдѣлялась отъ лазурнаго неба, дождило отъ времени до времени дуновение моря. Окрестность напоминала

мнѣ что-то знаемое. Наконецъ, черезъ часъ я увидала вдали тучу то вродѣ дымной донны. Негры заговорили еще громче и обивали вѣдъ чѣмъ обыкновенно, а у меня сердце забилось: сильнѣе и узналъ лѣсъ мисси и Багамайо.

По мѣрѣ того, какъ мы двигались впередъ, надъ этою земною лентой все дешевле и дешевле начинали вырисовываться обгатые руины таны надъ мѣ. Отрадное зрѣище, въ особенности для большого невольца! Разстояніе было еще велико, но мы пробѣжали его шокъ тѣ безвѣрнѣе. Троника: сѣвѣлась настоящею дорогою. Висѣла сто желтой стѣнѣ, на сѣ: окружали зеленыя плантаціи: расбаны банановъ, совсѣмъ другой мѣръ, гостепріимный, принаряженный, носящій на себѣ слѣды труда человѣка. А вотъ и необозримые ряды дождя надъ мѣ, вверху надъ ними шумъ огромныхъ листьевъ, видѣу дѣра свѣта и тѣней. Я доидеъ до мѣста, по цѣлому послѣднѣмъ усилій. Несмотря на все напряженіе анергіи, я почувствовала, что дальше не двинусь ни на шагъ, если только не приважутъ меня себя, а мнѣ стыдно было показаться въ миссію: я послалахъ. Въ счастіи, одинъ изъ моихъ людей зналъ, что путь межъ у дороги есть колодезь. У колодца оказалась скорлупа водосована горѣха, и насаженная на длинной жерди. Принесли мнѣ воды, чистой и холодной, и это снова поставило меня ни ногою что обивали.

Дѣтъ дается, еще на два или на три километра. Помню, что онъ догадался мнѣ необходимо: большимъ. Наконецъ, я увидѣла далѣ, блѣды стѣны мисси и черезъ минуту очутился, рабѣсты съ моимъ деграмъ, передъ верандой.

Миссіонеры всѣ вышли на встрѣчу, сылая меня привѣстіями, и съ безпокойствомъ депытываясь о судьбѣ моего товарища, который остался въ Гуткуруму. Я притворился болѣе здоровымъ, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ, и дѣйствительно почувствовалъ, что одию свою, лихорадку. Какъ хорошо сидѣть на креслѣ подъ стѣною верандой, отдыхать, дотягивать вино и смѣтрѣть на знакомыя лица и знакомый садъ! Миссіонерскія собаки тоже пришли повидаться со мною и положили мнѣ на долѣни свои огромныя головы. Я испытывалъ почти такое же впечатлѣніе, какъ будто родился и воспитался въ Багамайо. Расположеніе духа у меня было отличное, я и не думалъ ложиться въ постель.

Отецъ Стефанъ тотчасъ же пригласилъ меня въ свой домикъ обѣдать. Передъ тѣмъ, дакъ садиться за столъ, я принялъ огромную порцію хинина, вслѣдствіе чего въ теченіе обѣда не ощущалъ слабости. Только тогда пришелъ вставать, я почувствовалъ, что блѣднѣю и силы побѣждаютъ меня. У меня явилось болѣе чѣмъ

чувство, почти увѣренность, что если я не перемогусь и опять сяду, то больше уже не встану. Понятно, я перемогся и вмѣстѣ съ отцомъ Стефаномъ вышелъ въ садъ, а черезъ часъ пошелъ спать и заснулъ мертвымъ сномъ.

Долго спустя послѣ полуночи меня охватилъ второй припадокъ лихорадки. Я проснулся въ ужасномъ жару, но не могъ его измѣрить, потому что термометръ выскользнулъ изъ моихъ рукъ и разбился въ мелкіе куски. Къ счастью, на столѣ я нашелъ приготовленный приемъ хинина и настойку на какихъ-то травахъ, которую отецъ Стефанъ даетъ для уменьшенія жара. Настойка эта мнѣ такъ понравилась, что мнѣ казалось, будто я пью здоровье.

До утра я, все-таки, немного бредилъ. То я испытывалъ впечатлѣніе, будто вмѣстѣ съ кроватью проваливаюсь куда-то въ пропасть, то казалось, что моя комната — это огромная походная палатка, величиною въ цѣлый міръ. Только лай собакъ на верандѣ приводилъ меня въ память. Тогда я припоминалъ, что нахожусь въ миссіи, узнавалъ свою комнату и лампу, горящую на столѣ.

Въ утру я пришелъ въ себя совершенно и рѣшилъ не только встать, но и одѣться, какъ приличествуетъ цивилизованному человеку. Въ чемоданѣ, который я оставилъ въ миссіи, все страшно заплѣсневило отъ сырости. Несмотря на то, одѣвшись, я показался себѣ образцомъ моды. Богу одному вѣдомо, сколько мнѣ потребовалось усилій, чтобы преобразиться во франта, но я превозмогъ все въ увѣренности, что такимъ образомъ борюсь съ болѣзью. Вообще я выказалъ много силы сопротивленія. Я зналъ, что отъ третьяго припадка люди обыкновенно умираютъ, и не позволялъ себѣ даже допускать мысль, что этотъ третій припадокъ когда-нибудь наступитъ. Можетъ быть, поэтому онъ и не пришелъ ко мнѣ.

Днемъ вернулся мой товарищъ съ остальными людьми. Онъ самъ тоже былъ нездоровъ и, кромѣ того, беспокоился обо мнѣ. Въ Гугуруму онъ подстрѣлилъ кабана-ндири, котораго сначала принималъ было за льва.

Послѣ обѣда у отца Стефана я опять почувствовалъ, что если не встану съ своего стула, то умру. Я весь обливался холоднымъ потомъ. Около четырехъ часовъ насъ пришелъ навѣстить Виссманъ. У меня не было силы не только встать, но даже и придти въ себя, поэтому я Виссмана видѣлъ какъ сивозъ жалюзи окна. Его бодрая фигура, добродушное, здоровое лицо преисполнили меня удивленіемъ, тѣмъ болѣе, что онъ только что возвратился изъ далекой экспедиціи противъ племени Массая. Орывки изъ его рассказовъ объ этой экспедиціи доходили съ веранды до моихъ ушей.

Виссманъ произвелъ на меня впечатлѣніе человѣка необыкновенной силы и энергіи. Вообще-то его здоровье было не особенно крѣпко. Вскорѣ послѣ моего отъѣзда и онъ схватилъ сильную лихорадку и долженъ былъ искать спасенія въ сухомъ и укрѣпляющемъ климатѣ Египта.

А пока онъ принесъ намъ добрую вѣсть, что пароходъ его имени отходить завтра утромъ изъ Багамои въ Занзибаръ. Я рѣшилъ непремѣнно воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, — все, что ускорило мое возвращеніе, тѣмъ самымъ отдаляло возможность третьяго пароксизма. Багамои не такъ здорово, какъ Занзибаръ, — тамъ, все-таки, приморскій климатъ. Кромѣ того, тамъ я могъ найти убѣжище въ больницѣ французскихъ сестеръ. Въ больницѣ окна выходятъ прямо на океанъ, — значить, тамъ и днемъ, и ночью можно дышать свѣжимъ и солонватымъ воздухомъ моря. Кромѣ того, больница устроена съ большимъ комфортомъ, чѣмъ всѣ занзибарскіе отели; люди, прибывающіе съ материка, часто притворяются больными, чтобы попасть туда подъ благодѣтельное попеченіе сестеръ и пользоваться пищей, въ составъ которой входитъ все лучшее, что только можно найти въ Занзибарѣ.

На четвертый день, въ полдень, простившись съ миссіонерами и покончивъ счеты съ нашими людьми, мы перешли на палубу парохода *Виссманъ*. Какое счастье, что мнѣ опять пришлось ѣхать не на арабской дау! Я былъ очень слабъ, но, тѣмъ не менѣе, вполнѣ чувствовалъ разницу, которая представляется каждому, пришедшему на берегъ моря послѣ путешествія по материка. Тамъ зеленныя и желтыя краски поглощаютъ солнечный свѣтъ, здѣсь — одинъ блескъ, одна безконечность лазури вверху и внизу, ясно, просторно, дышется легко. Человѣкъ съ радостью распрямляетъ свои утомленныя ноги и радуется своему отдыху и жизни.

Четыре часа пути, одна бутылка шампанскаго. — и надъ ясно-голубою поверхностью начинаютъ подниматься сначала башня съ маякомъ, потомъ дворецъ султана, домъ англійскаго консульства и, наконецъ, весь рядъ домовъ, смотрящихъ огнями на море. Занзибаръ! Мы останавливаемся и бросаемъ якорь. Черезъ нѣсколько минутъ цѣлая процессія черныхъ несетъ мои вещи въ больницу. Меня охватываетъ запахъ гвоздики, сандала и сушеной акулы, которымъ пропитанъ весь Занзибаръ. Еще недавно и этотъ городъ, и этотъ островъ, покрытый манговыми деревьями, казался мнѣ какимъ-то необыкновеннымъ тропическимъ садомъ, теперь я гляжу на все, какъ на что-то очень знакомое, не имѣющее для меня ин-

Бурмань. Одно изъ моихъ окошекъ выходило на пальмы, растущія въ саду и за оградой, другое на океанъ, такъ близко къ причинающей къ болоницѣ, что во время прилива (его волны бились въ ворота въ болоничныя стѣны). У одного окна я просиживала долго, — видя моря обыкновенно удивляла меня и бодрила мой духъ. Мнѣ казалось, что я вижу открытую дорогу домой. Море всегда производило такое впечатлѣніе на людей, которые послѣ долгой разлуки съ нами вновь возвращаются къ его берегамъ, что это представляло собою изъ моря одна видѣлась суда, такъ близко къ нимъ на олицѣ парусами или лодки, туземцевъ. Съ жаждою я вдыхала въ себя чистый воздухъ. Все это видѣлось съ удобствами и необыкновенною заботливостью, вызывало настроеніе восторга, самое соответствующее для борьбы съ болоничью. Я отдыхала такъ, какъ и когда, и черезъ двѣ недели началъ жить почти растительною жизнью, въ которой животныя процессы играютъ болѣе видную роль, чѣмъ сознаніе окружающаго. Я не могла бы ни и думать о томъ, что подоидя поближе къ окну, я могла хватывать глазами огромное пространство океана, а на немъ и тотъ маленький островокъ, гдѣ погребаютъ бѣлыхъ. Въ полуденныя часы, когда шелъ горбъ на солнцѣ, сильнѣе, чѣмъ обыкновенно, жететь острова, казалось, приближался, слушалъ отдухъ, еще болѣе, совершенный, манилъ, какъ сирена. Смерть пришла отъ этого острова умершихъ черезъ море и появлялась не въ траурѣ, какъ въ иныхъ жстадахъ, а въ ослѣпительномъ блескѣ, поэтому въ ней было болѣе сладкой грусти, чѣмъ угрозы. Я могла бы сказать, что въ этотъ моментъ я должна спать днемъ, но вставала въ свѣтъ и каждый день видѣла восходъ солнца на океанѣ. Разговляясь, я упоминала уже, здѣсь вовсе не такъ, какъ болоничью сразу. Стекловидные гребни волны, два или три, оварить, что то, вроде молнии, вань, будто воду освѣщаютъ изъ подлинзу, и помысь высасываетъ изъ глубины моря сразу, прекрасное, свѣщее, точно неслѣд добраго отдыха. Весь миръ озаряется, какъ бы по магованію волшебнаго жесада. Краски выступаютъ сразу. За минуту еще царилъ безформенный мракъ, а тутъ мгновенно отрывается морская даль, видны и корабли и лодки, и люди, и чедка, залитыхъ волнами свѣта. Не разъ я испытывала впечатлѣніе, что это, поднялся въ теръ, и смель ночь, своимъ дуновеніемъ. Здѣсь нѣтъ, тѣхъ водныхъ, водныхъ и пуририныхъ, неслось, ветерина, у насъ тая, дакаетъ глаза, утренная заря, же въ этомъ быстромъ переходѣ отъ мрака къ свѣту чувствуется огромная сила. День, приходитъ, какъ, обзавенный, богатый, и совершаетъ ночь въ одно, мгновение, она.

Меня забавляло утреннее движеніе передъ окнами больницы. Во время прилива приходили сюда магометане-негры и негритянки творить намазъ по предписанію Корана. Потомъ цѣлыя полчища пирогъ выѣзжали ловить рыбу. По временамъ море бывало совершенно гладкое; люди и лодки отражались въ его поверхности, точно въ зеркалѣ, — настоящія свѣтлыя венеціанскія акварели, изображающія окрестности Бюджи или Лидо. Вся флотилія густою массой отчаливаетъ отъ берега, но потомъ разсыпается на просторѣ, лодки мало-по-малу уменьшаются въ своихъ размѣрахъ и, наконецъ, растопляются въ дали и прозрачной лазури.

Съ каждымъ днемъ я чувствовалъ себя все лучше. Сестры кормили меня хининомъ даже при 37° температуры, но, главнымъ образомъ, на поправленіе моего здоровья вліяло то, что я и день, и ночь вдыхалъ въ себя морской воздухъ. Въ комнатѣ, расположенной такъ, какъ была расположена моя, трудно было не поправиться. Правда, и въ ней были ящерицы на карнизѣ, потому что въ Занзибарѣ избѣжать этого невозможно; воевалъ я и съ муравьями, потому что съ ними воюютъ во всей Африкѣ, но вообще, послѣ трудной экспедиціи, эта чистенькая комната, бѣлая, мягкая постель съ пологомъ отъ москитовъ, качальное кресло, — словомъ, все, вмѣстѣ взятое, казалось мнѣ верхомъ удобствъ. При этомъ я ѣлъ, какъ Лукуллъ, — не консервы, а чудеснѣйшее свѣжее мясо, рыбу и овощи, о какихъ раньше и не слыхалъ.

Когда въ больницѣ умиралъ кто-нибудь, то я догадывался объ этомъ только тогда, когда замѣчалъ на румянномъ зеркалѣ водъ одинокую ладью, медленно скользящую по направленію къ острову Мертвыхъ. Въ больницѣ было нѣсколько очень тяжелыхъ больныхъ, между прочимъ, одинъ нѣмецъ, которому раненый кабанъ — ндири однимъ взмахомъ клыковъ распоролъ животъ сверху до низу. Въ саду я встрѣтился и съ другими товарищами по больницѣ, блѣдными, худыми, истощенными анеміей. Одни съ тоской и тревогой ожидали кораблей, возвращающихся въ Европу, а другіе ожидали только смерти.

Что касается меня, то мной всецѣло овладѣло безпокойство, чтобы французскій пароходъ *Пен-Хо* не отошелъ по какому-нибудь странному стеченію обстоятельствъ безъ меня. Я вполне увѣренъ, что еслибъ такъ случилось, то я не нашелъ бы уже у себя той воли, которая помогала мнѣ сопротивляться болѣзни, и неминуемо подвергся бы третьему пароксизму. Еще за недѣлю до срока я просилъ товарища купить билеты; невольно въ головѣ моей составилось предположеніе, что лихорадка не можетъ привязать-

ся въ человѣку, который уже заплатилъ за обратную дорогу. Конечно, это причуда нервовъ, но впоследствии я убѣдился, что подобныя причуды играютъ огромную роль въ развитіи болѣзни и что отъ нихъ часто зависитъ вопросъ о жизни или смерти больного.

Я чувствовалъ себя все лучше и черезъ недѣлю началъ выходить. Въ первый день я какъ пьяный шатался по Мназимои, на другой дѣло шло лучше, а потомъ я могъ каждый день навѣщать индѣйскія лавки. По городу разнесся слухъ, что въ больницѣ лежитъ бѣлый, который скупааетъ звѣриныя шкуры и оружіе, и негры повалили ко мнѣ со всякими вещами. Приходили преимущественно сомалисы съ великолѣпными ножами, луками и щитами изъ шкуры гиппопотама. Во время торга я все еще чувствовалъ приступы болѣзненной раздражительности, въ особенности когда меня хотѣли обманывать черезъ-чуръ ужъ нахально. Тогда я спускалъ съ лѣстницы и продавца, и его товары.

Массика давала о себѣ знать каждый день. По временамъ приходили круглыя, бѣлыя, тяжелыя облака, разражались надъ городомъ и заливали его потоками дождя. Однажды ливень захватилъ меня на рынкѣ, близехонько, около тамошни, куда я шелъ осмотрѣть новый транспортъ слоновыхъ клыковъ. Въ одно мгновеніе рынокъ обратился въ озеро, а всѣ узенькіе переулки, выходящіе къ морю, въ ревущіе потоки. Промогъ я до нитки и возвратился въ больницу со страхомъ, что подвергнусь третьему пароксизму. Къ счастью, дѣло кончилось ничѣмъ. Только вечеромъ я испытывалъ сильную головную боль, но и она, послѣ хорошей дозы хинина, сейчасъ же прошла.

Багажъ мой увеличивался съ каждою минутой. Купилъ я нѣсколько дюжинъ великолѣпныхъ мадагаскарскихъ циновокъ, леопардовую шкуру, огромный рогъ носорога и массу другихъ вещей. Слоновые клыки оказались настолько дорогими, что я долженъ былъ отказаться отъ нихъ.

За пять дней до прибытія *Пен-Хо* я вдругъ почувствовалъ себя хуже. И голова у меня болѣла, и всѣ кости, а ночью появлялся жаръ. И снова я вступилъ въ единоборство съ болѣзнью, тѣмъ болѣе, что это былъ уже пятнадцатый день отъ ея начала, то-есть день, когда больные чаще всего подвергаются третьему припадку. Позже онъ рѣдко приходитъ, но если человѣкъ заболѣваетъ вновь послѣ двадцати дней, то припадки считаются сначала.

На шестнадцатый день я проснулся съ нѣкоторою надеждою, почти здоровымъ, только съ сильно разстроенными нервами. Бѣлые братья, миссія которыхъ находится по сосѣдству съ больницей,

только что окончили павильонъ на самомъ берегу моря. Негры со времени моего прѣзда убивали трамбовками крышу этого павильона и шѣли при этомъ какою-то пѣсню, необыкновенно дикую, но подходящую своимъ ритмомъ къ ударамъ трамбовками. Негры и не работаютъ иначе. Сначала эта пѣсня не только не раздражала меня, но даже усыпляла своею монотонностью, а теперь стала для меня истинною мукой. Пришлось бѣжать изъ больницы, чтобы не слышать этого вытья.

Я начиналъ страшно тосковать по пароходу. Съ утра до вечера я только и дѣлалъ, что высчитывалъ дни и часы, и, чтобы быть готовымъ во всякое время, занялся упаковкой своихъ вещей. Работа была не шуточная, въ особенности при занзибарской температурѣ. Дожди не смягчали жара и только увеличивали влажность воздуха. Иногда въ теченіе цѣлаго дня было положительно нечѣмъ вздохнуть. Въ полдень больница погружалась въ мертвую тишину и уныніе. Испытывалось странное чувство, что надъ городомъ виситъ какая-то катастрофа, и когда часы среди всеобщаго молчанія били двѣнадцать, то казалось, что скоро произойдетъ что-то особенно зловѣщее. Около трехъ часовъ пополудни становилось споконѣе, но ночи были еще душнѣе, чѣмъ дни. Въмѣсто того, чтобы спать, приходилось ворочаться съ боку на бокъ вплоть до разсвѣта. Часто я вставалъ съ постели и смотрѣлъ, какъ лунный свѣтъ играетъ на гребняхъ воды прилива.

Теперь самая нездоровая пора года. Въ городѣ царилъ лихорадка. Странное дѣло, англичане заболѣвали гораздо чаще, чѣмъ нѣмцы. Мнѣ говорили, что смерть трехъ чиновниковъ восточнаго банка такъ повлияла на нихъ, что они легче отдавались во власть болѣзни. Иные, послѣ одного или двухъ припадковъ, какъ спасенія, ждали прибытія *Пен-Хо* и готовы были бросить все, чтобы вернуться домой.

Простудиться въ Занзибарѣ вещь очень не легкая, но я ухитрился продѣлать и это. Измучившись немощно при укладкѣ вещей, я сталъ на сквозномъ вѣтрѣ въ корридорѣ и тотчасъ же почувствовалъ дрожь во всемъ тѣлѣ. Ночью у меня отерлся сильнѣйшій насморкъ и прошелъ только на морѣ.

Въ этотъ же день я съ великою радостью узналъ, что нашъ добрый отецъ Стефанъ не только прибылъ въ Багамою, но и ѣдетъ въ Европу съ нашимъ пароходомъ. Вскорѣ онъ и самъ придетъ навѣстить меня. Я замѣтилъ, что за нѣсколько дней онъ сильно пожелтѣлъ и похудѣлъ. Въ бархатной шапочкѣ, несмотря на свою худобу, теперь онъ казался живымъ портретомъ Леонардо да-Винчи.

и ни. Надежда увидать Францію наполняет его радостью; онъ гово-
рилъ, что надѣется возвратить себѣ здоровье и потомъ при-
дется назавтра въ миссири до ввона дней съжить. Ему еще разъ хо-
телось увидать родимую страну и разрывшеніе на выходы онъ счи-
талъ великою наградою и милостію монсеньора де-Бурмона. Прав-
да награду онъ заслужилъ исполнѣн; никто не работалъ такъ, какъ
онъ; никто столько лѣтъ не провелъ на своемъ посту, никто не пе-
ресидѣлъ столько лихорадокъ; не завдевалъ себѣ такого увѣженія у
людей всякаго цвѣта. Въ Занзибарѣ отца Стефана знали рѣшитель-
но всѣ Англичане, нѣмцы, арабы, индусы, маитау и буагиллы, и
все преклоняли передъ нимъ голову. Я радовался еще и за се-
бя; трудно видѣти будешь на свѣтѣ отыскать товарища, полного та-
кой кротости и простоты и знающаго столько любопытныхъ вещей.

Враць Оскаръ пріѣхалъ съ нами, чтобы проводить его въ путь.
Этотъ желѣзный труженикъ былъ здоровъ, нанъ прежде, но я под-
метилъ, когда спалиныгрусти. Вѣрно, у него прбинулась тоска по
роднѣ при видѣ отъѣзжающаго отца Стефана. Но его чередъ еще
не пришелъ; ни Боги въостъ, когда придетъ. выжили выжили и он
этомъ. Неколько дней уже дуать азанный муссонъ, во время котораго
въ Занзибаръ пріѣзжаютъ мадагаскарскіе маитау, а бомаисы воз-
вращаются въ свои нагостейршцые жилища. Для насъ это былъ
дѣтскы попутный; мы ѣхали на сѣверъ; выжили выжили и он
они. Въ концѣ дня, когда ожидали *Пеи-Хо*, я былъ весь въ жару,
но это проходило скорѣе отъ нетерпѣливаго ожиданія, чѣмъ отъ
лихорадки. Не спалъ я всю ночь. Еще серебрястые отблески отъ
звѣзды играли на волнахъ, когда я усѣлся у огня съ биноклемъ
свѣдѣть за появленіемъ *Пеи-Хо*, который долженъ былъ войти
въ каналъ раннимъ утромъ. Известъ, едва ночь утонула въ морѣ, и
первыя лучи солнца освѣтили воду; какъ вдали показалось сѣро-
ватое пятно. Пятно это росло мало-по-малу и, наконецъ, обрати-
лось въ огромный султанъ дыма. Почти не было сомнѣнія, что при-
ближается большой пароходъ, я только не былъ увѣренъ, дѣйстви-
тельно ли это такъ желанный мною *Пеи-Хо*. Вотъ мало-по-малу
начали вырисовываться мачты и реи, а, наконецъ, и черныи кор-
пусъ парохода сталъ выдвигаться изъ воды. Не доходя до острова,
выкинули флагъ, но что это за флагъ, я не могъ разобрать отъ
ослѣпительнаго блеска солнца. Черезъ полчаса пароходъ, велико-
лѣпный и огромный, какъ левіаганъ, пронелъ мимо моего окна. Не
скрою, что когда на носу его я прочелъ *Пеи-Хо*, то на моемъ лбу
выступилъ холодный потъ и мнѣ чуть не сдѣлалось дурно. Я былъ
все еще болѣнъ и, кромѣ того, страшно стосковался по своимъ.

Мнѣ хотѣлось тотчасъ же проститься съ добрыми сестрами и ѣхать, но пришелъ мой товарищъ и сообщилъ, что пароходъ будетъ принимать пассажировъ только завтра, то-есть въ день отбытія. Несмотря на то, въ десять часовъ мы поѣхали оба осмотрѣть каюты и занять себѣ мѣста получше. Послѣ долгаго пребыванія въ Занзибарѣ и на материкѣ, европейскій комфортъ, зеркала, позолота, бархатъ, британская прислуга во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ почти приводили насъ въ робость. Мы такъ уже отвыкли отъ цивилизаціи, такъ привыкли къ обнаженнымъ неграмъ и полудикой жизни. За то суетня на палубѣ, видъ мостика, мачтъ, рей, веревокъ и лѣстницъ наполняли насъ радостью. Возвращеніе перестаетъ быть только мечтой, становится чѣмъ-то реальнымъ. Странно и подумать, что черезъ какихъ-нибудь двѣнадцать дней мы будемъ въ Суэцѣ. Въ первую минуту почти и вѣрить этому не хочется.

Въ самый полдень мы возвратились въ городъ. Обыкновенно въ это время каналъ бываетъ пустымъ, но теперь прибытіе парохода измѣнило все. Вода такъ и кишѣла лодками, черными гребцами и бѣлыми шляпами европейцевъ. Даже тѣ, которые остаются, которымъ некого провожать, — и тѣ ѣдутъ на пароходъ, чтобы хоть минуту подышать воздухомъ Европы.

На набережной я нанялъ лодку и нѣсколькихъ черныхъ разбойниковъ, которые должны были перенести мои вещи. Остальной день ушелъ на визиты. Послѣ полудня я простился съ сестрами, простился не безъ угрызенія совѣсти, что съ такою радостью уѣзжаю отъ кроткихъ и любвеобильныхъ существъ, которыя окружали меня такими заботами и попеченіями и которымъ если и можно куда отѣхать, то развѣ только на островъ Мертвыхъ. Былъ у монсеньора де-Курмона и у отца Леруа, а вечеромъ пошелъ на Мназиною, чтобы въ послѣдній разъ окинуть глазомъ богатый тропическій пейзажъ, съ которымъ завтра я долженъ проститься и, по всей вѣроятности, навсегда. Солнце заходило ясно. Въ спокойныхъ лагунахъ, до краевъ наполненныхъ приливомъ, отражались пальмы и манговыя деревья, весь островъ представлялся великолѣпнымъ букетомъ, вырисовывающимся на багряномъ небѣ. Я уже освоился съ этимъ видомъ, но теперь онъ и меня поразилъ своею роскошью и причудливою фантастичностью, составляющею достояніе скорѣ сонныхъ видѣній, чѣмъ дѣйствительности.

Возвратившись въ больницу, я узналъ, что на нашемъ *Пен-Хо* умеръ одинъ изъ пассажировъ. Это былъ англичанинъ, представитель одного крупнаго торговаго дома. Страшно больно, онъ ожидалъ парохода, какъ спасенія, и, вслѣдствіе усиленныхъ хода-

тайствъ консульства, выхлопоталъ себѣ право перейти на палубу въ самый день прибытія парохода. Бѣдняга думалъ, что такимъ образомъ избавится отъ лихорадки, но третій припадокъ нашелъ его и въ каютѣ покончилъ съ нимъ. Впослѣдствіи мнѣ говорили, что англичанинъ необыкновенно боялся этого припадка, поэтому и подвергся ему.

Ночь я провелъ безъ сна, а на утро, въ семь часовъ, былъ уже на пароходѣ вмѣстѣ со своими пожитками. Немного спустя прибылъ и мой товарищъ. Размѣстившись кое-какъ въ каютѣ, мы снова вышли на палубу, на которой царствовалъ хаосъ, обыкновенно предшествующій отбытію. Мнѣ казалось, что весь Занзибаръ назначилъ себѣ rendez-vous на палубѣ *Пен-Хо*. Европейцы, какъ мужчины, такъ и женщины, арабы, индусы, негры, которые притащили сюда чьи-нибудь вещи, — все это толкалось въ неописуемомъ безпорядкѣ, посреди кучи сундуковъ, чемодановъ, пароходныхъ стульевъ, бочекъ, боченковъ и т. п. Цѣлыя шеренги нагихъ суахилисовъ таскаютъ каменный уголь, ледъ, запасы мяса, зелени и овощей. Пароходъ такъ обложенъ фелюнами, шляпками, лодками и лодочками, что вокругъ его корпуса образовался какъ будто подвижной островъ. Изъ лодокъ, которыя только что причалили, доносился отчаянный вопль съ мольбою о доступѣ; прибывшіе раньше не изъявляютъ желанія уступать, — отсюда шумъ, проклятія, крики и безтолочъ, какъ на ярмаркѣ. Для меня это уже не представляло новости; но кто видитъ это въ первый разъ въ жизни, тотъ подумаетъ, что люди окончательно ошалѣли, и единственными разумными существами являются чайки, которыя, не обращая вниманія на всеобщую сутолоку, плаваютъ въ воздухѣ на своихъ распластанныхъ крыльяхъ и слѣдятъ, не появится ли на волнахъ что-нибудь пригодное въ пищу.

На палубѣ нѣтъ недостатка въ объятіяхъ, слезахъ и прощаньяхъ. Багдаго отъѣзжающаго сопровождаютъ почти всѣ знакомые. Тѣснота такая, что повернуться нѣтъ возможности. Въ толпѣ я вижу отца Стефана, котораго провожаютъ монсиньоръ де-Бурмонъ, братъ Оскаръ и почти всѣ миссіонеры, не исключая настоятеля Бѣлыхъ братьевъ и отца Рюби. Съ кѣмъ только я ни познакомился, въ городѣ ли или въ больницѣ, — всѣ здѣсь или какъ пассажиры, или какъ провозатые.

Между прочимъ, здѣсь и сынъ Муэне-Пира, маленькій Тома, котораго мой товарищъ взялъ въ Занзибаръ въ качествѣ слуги. Теперь Тома пріѣхалъ на пароходъ съ вещами. Я пробираюсь къ нему черезъ толпу, съ намѣреніемъ оставить послѣ себя воспоми-

наніе въ видѣ новенькой, блестящей рупіи, а Тома такъ изумленъ размѣрами и великолѣпіемъ судна, что мою рупію принимаетъ почти механически и, виѣсто благодарности, шепчетъ съ вытаращенными глазами: «О, М'Буанамъ Буба! мсури! мсури!» Во всю свою жизнь Тома видѣлъ только нѣмецкій пароходъ *Виссманъ*, и, конечно, въ его головѣ до сихъ поръ не являлось мысли, чтобы такіа чудовищныя ширѣги могли плавать по морю.

Но вотъ и первый свистокъ. Подвижной островъ лодокъ, окружающихъ пароходъ, ломается на куски и расходится на всѣ стороны. Прежде всего, удаляются угольныя лодки и, продираясь между другими, оставляютъ послѣ себя широкій слѣдъ, въ который потомъ попадаютъ частныя шлюпки и ялики. На палубѣ говоръ усиливается, потому что времени остается немного. Другой свистокъ. Рѣка людей, бѣлыхъ и черныхъ, сплываетъ внизъ по трапамъ. Между лодочниками крикъ поднимается еще больше, чуть не драка за то, чтобы первому добраться до трапа. Рѣка течетъ и течетъ; море платковъ махаетъ снизу, такое же море отвѣчаетъ имъ съ палубы. Всюду глаза, полныя слезъ, печальныя лица. Тѣмъ, которые прощаются теперь, осталась не особенно большая надежда свидѣться еще когда-нибудь.

Расходившаяся волна по временамъ высоко поднимаетъ лодки, какъ будто хочетъ еще разъ сблизить людей. Бѣлые платки все также мелькаютъ въ воздухѣ, но вокругъ парохода образовывается все большее и большее пустое пространство. Третій свистокъ. Слышится глухой шумъ воды подъ медленными ударами винта, и все, — лодки, фигуры людей, дома и пальмы, — начинаетъ мало-по-малу отдаляться.

Странное чувство овладѣваетъ человѣкомъ, который никого не оставилъ и возвращается къ близкимъ. Въ составъ этого чувства входитъ и радость, и удовольствіе, что всѣ мытарства кончились и тебѣ удалось уйти цѣлымъ изъ этого убійственнаго края, и удивленіе, какъ быстро одна дѣйствительность сдѣняется другою. Мы только что двинулись, еще хорошо можно видѣть городъ, султанскій дворецъ, кисти нальмъ и темную листву манго, вѣтеръ еще доноситъ до насъ запахъ сандала и гвоздики, а намъ это кажется чуть ли не иллюзіей. Вотъ море, пароходъ — это дѣйствительность, а то — миражъ, сонъ.

Картина уменьшается съ каждою минутой; дома и пальмы прячутся въ воду, только султанская башня еще долго стоитъ на фонѣ бездонной лазури.

На пароходѣ начинается обыкновенная жизнь. Множество людей

разсаживаются или, вѣрнѣе сказать, ложатся въ кресла подъ тѣнью парусиннаго тента. Вѣтъ бьетъ воду все болѣе учащеннымъ темпомъ. Земля обращается въ тучку и, наконецъ, совсѣмъ исчезаетъ изъ глазъ, — остаются только двѣ бездны: вода и воздухъ.

XXIII.

Первый день мы держимся въ открытомъ морѣ. Массива, которая на материкѣ, по увѣреніямъ отца Стефана, началась уже съ недѣлю, здѣсь не оказываетъ на насъ никакого вліянія. Небо безоблачное, погода все время стоитъ превосходная, только ночью падаетъ обильная роса. Пароходъ нашъ великолѣпный. Если всѣ французскіе пароходы компаниі *Messageries Maritimes* такіе же, то ни англійскіе, ни нѣмецкіе не могутъ сравняться съ ними. Пассажировъ множество, — въ первомъ классѣ нѣтъ ни одной свободной каюты. Бдутъ французы, англичане, нѣмцы и цѣлыя тучи дѣтей. Нужно знать, что дѣтей, рожденныхъ въ тропическихъ поясахъ Индѣйскаго океана, должно на нѣкоторое время увозить въ Европу, между четвертымъ и десятымъ годомъ жизни, иначе они умираютъ. Легко понять, что каждый пароходъ забираетъ ихъ изъ тѣхъ краевъ, въ которыхъ давно поселились бѣлые. *Пеи-Хо*, какъ французскій пароходъ, набралъ ихъ штукъ шестьдесятъ, сначала съ острова Соединенія, потомъ съ Иль-де-Франса, который, несмотря на свою принадлежность къ Англии, населенъ французами, съ Мадагаскара, съ Боморо и, наконецъ, съ Занзибара, гдѣ не мало большихъ торговыхъ французскихъ домовъ. Дѣти всѣхъ возрастовъ, — подростки и малолѣтнія, — просиживаютъ весь день на палубѣ, потому что въ каютахъ и въ салонѣ такъ жарко, что туда сходятъ только обѣдать. Что за ярмарка образуется при такихъ условіяхъ, поймешь и почувствуешь только тотъ, кто пробылъ въ такомъ положеніи дней двѣнадцать. Дѣти повсюду, путаются подъ ногами, залѣзаютъ подъ стулья, влѣзаютъ на колѣни къ тѣмъ, кто хотѣлъ бы почитать или поговорить, кружатся, вертятся, плачутъ, смѣются, кричатъ, — однимъ словомъ, безбожно и безмилосердно властвуютъ надъ всѣмъ. Хочешь ты пройти по палубѣ, — нѣтъ никакой возможности, потому что малышамъ пришла мысль взяться за руки, занять всю ширину прохода и орать хоромъ; вздумаешь продраться, — поднимается такое вытье, какъ будто на пароходъ напала цѣлая орда людоедовъ. А со стульями чистое отчаяніе! Выбралъ ты себѣ мѣсто тѣнистое, отличное, прилѣпилъ свою карточку на стулѣ и думаешь, что его никто не займетъ, — не

туть-то было. Едва двинешься съ мѣста, какъ не найдешь не только карточки, но и самага стула или, вѣришь, найдешь его гдѣ-нибудь въ углу, во ста шагахъ, на другомъ концѣ парохода. Кромѣ того, толкотня на палубѣ постоянная, потому что во слѣдъ дѣтямъ ходить полчища нянюшекъ и мамушекъ, черныхъ, шоколадныхъ, желтыхъ, родомъ съ острововъ Соединенія, съ Ст. Мориса, съ Мадагаскара, съ Сешельскихъ и Коморскихъ. Озливаютъ онѣ дѣтей на всевозможныхъ негритянскихъ языкахъ. Чистое вавилонское столпотвореніе, отъ котораго голова чуть не лопається.

Я не вѣрю въ людей, которые совсѣмъ не любятъ дѣтей; у кого есть свои, тотъ всегда готовъ восхищаться чужими, но что эти ангельчики, въ особенности если ихъ много набьютъ въ тѣсное помѣщеніе, бываютъ порою невыносимы, — съ этимъ спорить нельзя. Человѣка съ увеличенною селезенкой они могутъ привести въ дикую ярость и, вѣроятно, не одному приходило въ голову, что царь Иродъ, какъ хотите, былъ великій царь, великій историческій образъ, несправедливо оклеветанный исторіей.

Несмотря на все это, путешествіе наше шло какъ нельзя лучше. На французскихъ пароходахъ царствуетъ веселье, люди скоро знакомятся и отлично проводятъ время вмѣстѣ. Настроеніе духа у всѣхъ во время хорошей погоды отличное. Женщинъ ѣдетъ много; инья на первый же обѣдъ явились въ щегольскихъ туалетахъ. Общество интересно въ высшей степени, потому что, кромѣ чужеземцевъ, состоитъ преимущественно изъ жителей колониальной Франціи, совсѣмъ не похожей на теперешнюю Францію декадентовъ и оппортунистовъ. Эти креолки со смуглыми лицами, роскошными волосами и глазами съ поволокой, — это миръ Бернардена де-Сентъ Пьера, Шатобриана, Ламартина, можетъ быть, Бальзака, но никакъ ужъ не Бурже или Мопассана. Эта волна еще не дошла до нихъ или, можетъ быть, не успѣла передѣлать ихъ душъ, такъ что онѣ въ Парижѣ будутъ играть наивную или сантиментальную роль. Мужчины со своею младенческою вѣрой въ тѣ идеалы, которые въ департаментѣ Сены и Уазы давно уже свалены на чердакъ вмѣстѣ со всякою рухлядью, тоже будутъ анахронизмомъ. Не трудно предвидѣть, что какъ эти дамы, такъ и эти господа не сумѣютъ ужиться съ людьми метрополи, что ихъ ждетъ множество разочарованій, а, можетъ быть, и горести, и что черезъ какой-нибудь годъ они безъ оглядки помчатся назадъ, на свои острова, омываемые волнами океана, гдѣ дышется свободнѣй и лучше.

Какъ бы то ни было, креолы на пароходѣ составляютъ очень милое и непринужденное общество. Въ первый же день состоялись

танцы и концертъ; пианино стоитъ тутъ же на палубѣ. Вотъ ужъ можно сказать, что танцуютъ если не на вулканѣ, то хоть надъ бездною. Мы въ открытомъ морѣ; глубина подъ нами доходитъ до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ футовъ. Странною представляется эта кучка людей, ярко освѣщенная электрическимъ свѣтомъ и весело пляшущая на пароходѣ, затерявшемся среди мрака и пустоты. Ночь погожая, поверхность моря спокойная, ее только мѣрно вздымаетъ ночной приливъ; слышится шумъ, тихій, но могучій, какъ будто доходящій изъ невидимой дали. На фонѣ этихъ широкихъ вздоховъ моря и ритмическихъ ударовъ винта выдѣляется какой-то старинный ланнеровскій вальсъ. Звукамъ его не обо что отразиться, и они кажутся такими бѣдными, дрожащими и заглушенными, какъ будто кто играетъ на допотопномъ клавесинѣ. Есть что-то и грустное, и комическое, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ сопоставленіи этого крохотнаго мірка съ величіемъ и силою океана; но, вѣдь, и то сказать, также представляется и вся наша земля въ сравненіи съ неизмѣримыми космическими пространствами, посреди которыхъ она несется въ даль еще болѣе глухую, еще менѣе извѣданную.

А веселье все идетъ своимъ порядкомъ. Танцующія пары то выходятъ на электрическій свѣтъ, который отражается въ глубокихъ глазахъ креоловъ и озаряетъ ихъ смуглыя лица, то отступаютъ къ бортамъ, тонущимъ во мракѣ. На барыняхъ платья не отъ Ворта, не отъ м-ше Ляферрьеръ, — большая часть изъ нихъ не знаетъ того правила, что хорошій корсетъ стоитъ дороже хорошаго природнаго бюста, но нѣкоторые изъ нихъ, все-таки, прехорошенькія, соединяющія въ себѣ тропическую нѣгу съ гибкостью лианы, и всѣ, очевидно, ужасно любятъ веселиться. Одиннадцать часовъ, но звуки оффенбаховской кадрили все еще доходятъ до ушей удивленныхъ акулъ, а если и не доходятъ, то только потому, что у акулъ нѣтъ ушей. Только въ полночь толпа на палубѣ рѣдѣетъ, и дамы спускаются въ каюты.

Но вопліѣ палуба, все-таки, не пустѣетъ, — нѣсколько чловѣкъ предпочитаютъ ночевать на свѣжемъ воздухѣ, чѣмъ лѣзть внизъ. Правда, и на палубѣ термометръ показываетъ 32°, но здѣсь, по крайней мѣрѣ, нѣтъ-нѣтъ, да и подуетъ вѣтерокъ. Дурную сторону такого ночлега представляетъ только сырость, настолько пропитывающая воздухъ, что платье скоро становится совершенно мокрымъ, а борта, до которыхъ не доходитъ парусинный тентъ, точно облиты водою.

Около часа электрическія лампы угасаютъ, палуба погружаетъ-

ся въ прагъ, среди котораго неясно видѣются фигуры людей, растянущихся въ креслахъ. Море за кормою слегка свѣтится фосфорическимъ свѣтомъ, шумитъ сильнѣе, но качки нѣтъ ни малѣйшей. Въ темныхъ безднахъ неба горитъ Южный Крестъ, съ восточной стороны мѣсяць стелеть на поверхности воды широкую, золотистую дорожку. Приблизившись къ носу, я вижу между черными очертаніями веревокъ на половину погруженную въ океанъ Большую Медвѣдицу и кланяюсь ей, какъ старой знакомой.

Такія ночныя шатавія по палубѣ имѣютъ для меня особую прелесть. Прислушиваешься часомъ до трехъ къ сонному шуму моря, блуждаешь взоромъ по небесному пространству, затканному звѣздами, но и на палубѣ замѣчаешь много явленій чисто-земнаго свойства. Ѳдетъ съ нами какая-то пара, очевидно, недавно обвѣнчанная. Онъ кажется крѣпкимъ, смуглымъ цыганенкомъ; ея глаза напоминаютъ глаза антилопы. Живутъ они оба, какъ пустынники, не знаютъ ни съ кѣмъ, не пристають къ общему веселью и, видимо, по уши влюблены другъ въ друга. Вотъ и теперь они сидятъ возлѣ руля, смотреть то на золотистый путь судна, то въ глаза другъ другу и молчать, а если разговариваютъ, то въ полголоса и несомнѣнно объ «ангельскихъ вещахъ». Наконецъ, когда становится ужь очень поздно, она просто кладетъ къ нему голову на грудь и засыпаетъ, какъ ребенокъ. Даже смотрѣть досадно!... Но дѣлать нечего. Море, тропическія ночи, незнакомые хороводы звѣздъ,—во всемъ этомъ кроются чары, передъ которыми и настоящій пустынный признаетъ себя безсильнымъ.

Утромъ въ девять часовъ первая волна дѣтей наводняетъ палубу и оглашаетъ ее радостнымъ шумомъ. Когда дѣтей видишь днемъ, при ясномъ свѣтѣ утра, тебя охватываетъ жалость и ты готовъ позволить имъ что угодно. Климатъ наложилъ свою ужасную печать и на эти маленькія существа. Личики ихъ блѣдны и морщинисты, бѣлки глазъ желтоватые, губы безцвѣтныя. Все это смѣется и прыгаетъ, но такъ и кажется, что смерть ходитъ за ними, какъ нянька. Того и гляди, протянетъ за кѣмъ-нибудь свою костлявую руку. Поэтому дѣтей и вывозятъ изъ этихъ убійственныхъ странъ. Уже одинъ морской воздухъ дѣйствуетъ на нихъ, какъ бальзамъ.

Погода чудная. Море—какъ лазурная скатерть, безъ малѣйшей складки. Хорошо знакомыя мнѣ стаи летучихъ рыбъ поднимаются изъ воды и то серебрятся на солнцѣ, то отливаютъ голубымъ цвѣтомъ въ лазури воздуха. Знакомлюсь я и съ пассажирами втораго и третьяго класса, съ арабами, индусами и даже сомалисами изъ Обока. Съ

последней мачты начинается истый Ноевъ ковчегъ. У бортовъ, въ кѣбткахъ, ѣдутъ корабельные быки и коровы, которые протягиваютъ къ проходящимъ свои влажныя морды; въ другихъ отдѣленіяхъ толпятся овцы и улаживаютъ уши пассажировъ своимъ меланхолическимъ блянѣемъ. Середина занята кѣбтками съ курами, фазанами и цесарками, — мы всѣхъ ихъ съѣдимъ, прежде чѣмъ доѣдемъ до Суэца. На тюкахъ, у бортовъ, сидитъ цѣлая нація обезьянъ, рисуясь своими почти черными силуэтами на голубомъ фонѣ моря. Вотъ это такъ хаосъ! Однѣ гимнастируютъ, другія тянутъ сосѣдовъ за хвосты, третьи угощаютъ другъ друга пощечинами, причемъ, въ знакъ особаго гнѣва, высовываютъ языки. Между ними кое-гдѣ сидятъ солидные лемуры изъ Мадагаскара. Тѣ держатся вдали отъ безпорядка и кажутся обиженными, что ихъ заставляютъ ѣхать въ такомъ неблаговоспитанномъ обществѣ. Попугаевъ и всякой другой мелкой птицы пропасть. Глазамъ здѣсь хорошо, за то уши терпятъ не мало.

Передъ отходомъ парохода я покупаю красиваго лемура, но до Суэца оставляю его подъ временнымъ надзоромъ продавца. Это милое существо (кстати, дало мнѣ оно себя знать въ Египтѣ и въ дальнѣйшей дорогѣ) до сихъ поръ пользуется добрымъ здоровьемъ, передъ зимою обростаетъ густою шерстью, а зимою нализывается всѣмъ, до чего только дорвется. И одеколонъ, и спиртъ для кофе, и вино, — лемуру все равно. Какъ только онъ доберется до бутылки, сейчасъ же ее ко рту и вытянетъ всю. А если вздумаешь отнимать, лемуръ начинаетъ драться и отпустить обидчику такое количество оплеухъ, какое стоитъ въ прямомъ соотвѣтствіи съ выпитою жидкостью.

Пеи-Хо — добрый пароходъ, куда какъ быстрѣ англійскихъ и нѣмецкихъ. Тѣмъ на дорогу отъ Суэца до Занзибара нужно четырнадцать дней, а этому только одиннадцать и лишь при противныхъ вѣтрахъ тоже четырнадцать. Кто не лишенъ свободы выбора, тому я рекомендую французскія суда, потому что они гораздо лучше всѣхъ другихъ и по своимъ порядкамъ, и по кухнѣ, и по всѣмъ удобствамъ. Только гигантскіе пароходы, совершающіе рейсы между Европой и Соединенными Штатами, устроены еще роскошнѣе. На *Пеи-Хо*, прежде всего, палуба въ длину всего парохода, что позволяетъ пассажирамъ совершать болѣе длинныя прогулки. Подъ навѣсомъ днемъ можно устраивать разныя игры для сокращенія времени. Офицеры, команда и прислуга всегда веселы и любезны, а это много значитъ. Вообще здѣсь живетъ такъ, какъ въ первоклассномъ парижскомъ отелѣ, съ тою разницей, что здѣсь

заботятся не только объ удовлетвореніи потребностей, но и объ удовольствіи пассажира. Въ большомъ салонѣ на столахъ цѣлый день стоятъ потные графины съ ледяною водою, рядомъ съ ними красное и бѣлое вино, ромъ, мелкій сахаръ и между всѣмъ этимъ лежатъ груды лимоны, апельсины и мандарины. Каждый, кто хочетъ, можетъ устроить себѣ лимонадъ. Легко понять, какая это роскошь въ такомъ климатѣ, гдѣ вѣчно хочется пить. Приплаты за это не требуются никакой, — все это включается въ цѣну билета, не исключая и вина за обѣдомъ. На другихъ пароходахъ за него платятъ отдѣльно.

За обѣдомъ прислуга постоянно наполняетъ стаканы пассажировъ льдомъ. На мѣсто опорожненныхъ бутылокъ сейчасъ же являються другія; послѣ обѣда разносятъ вино и коньякъ. Плодовъ — сколько угодно, за исключеніемъ манго: они больше двухъ дней не держатся. Надъ столами не только въ первомъ, но и во второмъ классѣ висятъ индѣйскіе «пункгасъ» — огромные квадратные вѣера, которые во время обѣда постоянно раскачиваетъ черная прислуга.

Въ удовольствіямъ путешествія надо прибавить и то, что въ глубинѣ салона находится библіотека, набитая не одними только библіями, какъ на нѣкоторыхъ англійскихъ пароходахъ, но книгами разнообразнаго содержанія.

На другой день по выходѣ изъ Занзибара намъ объявляютъ, что около полуночи мы перейдемъ экваторъ. Торжества никакого не будетъ, — его устраиваютъ только суда, идущія съ сѣвернаго полушарія. При заходѣ солнца на небѣ скопляются тучи, которыя по мѣрѣ того, какъ темнѣетъ, переходятъ во всѣ тоны расплавленного золота и мѣди, прежде чѣмъ совсѣмъ не почернѣютъ. Качки ни малѣйшей, только море смотритъ угрюмѣе, чѣмъ обыкновенно.

Приходитъ ночь. На небѣ зажигаются звѣзды, на палубѣ — электрическія лампы. Послѣ обѣда танцуютъ, какъ и вчера, даже съ большимъ рвеніемъ, потому что термометръ показываетъ только 30°, — разница съ температурой дня значительная.

Я ночую на палубѣ, вѣрнѣе сказать, лежу на холщевомъ креслѣ, то дремлю, то думаю. Вдругъ около двухъ часовъ на серединѣ палубы раздается пронзительный крикъ. Я подбѣгаю и вижу кучку людей, которая увеличивается съ каждою минутой, слышу голоса, взывающіе о помощи. Подробностей сразу не могу разунзатъ и только кто-то изъ экипажа объясняетъ мнѣ, что случилось. Одинъ изъ пассажировъ втораго класса, нѣмецъ изъ Занзибара, подъ вліяніемъ третьяго пароксизма лихорадки, бросился въ море. Пароходъ останавливается, но, раньше чѣмъ его успѣли остановить, чело-

вѣкъ, если его не разможилъ винтъ, остался въ нѣсколькихъ сотняхъ метровъ отъ насъ. Я бѣгу на корму; оттуда все можно видѣть. Прежде чѣмъ пароходъ остановился, капитанъ приказалъ кинуть въ море спасательный кругъ, освѣщенный внутри. Кругъ несетъ по волнамъ, какъ огненный вѣнокъ, и освѣщаетъ вокругъ себя довольно большое пространство. Спускаютъ также и шлюпку. Пассажиры просыпаются отъ внезапной тишины и остановки и выходятъ на палубу. Все это тѣснится около рулевого колеса и съ тревогой смотритъ на воду.

Море теперь цвѣта олова съ совершенно черными полосами. Кое-гдѣ тучи бросаютъ на волны большія темныя пятна, кое-гдѣ сквозъ щель въ облакъ пробирается печальный зодіакальный свѣтъ и серебрить верхушки волнъ. Мысль, что тамъ, въ этихъ черныхъ бороздахъ, остался человѣкъ, съ бездною подъ ногами и ночью надъ головой, всѣхъ наполняетъ страхомъ и поселяетъ въ душѣ гнетущее чувство. Огненный вѣнокъ еле свѣтится во мракѣ и отдаленіи, — кажется, кто-то тамъ ходитъ съ фонаремъ въ рукѣ и отыскиваетъ несчастнаго человѣка. Но кто его найдетъ? А, можетъ быть, акулы уже и нашли. На палубѣ воцаряется такая тишина, что слышно, какъ вода плещется вокругъ неподвижнаго парохода.

Всѣ глаза устремились въ темноту, всѣ уши насторожѣ, не слышится ли издали какой-нибудь голосъ. Съ сильно бьющимся сердцемъ мы ждемъ лодку, которая давно скрылась изъ нашего вида. Странное дѣло! Этого человѣка никто не зналъ, никто не видѣлъ, — эти два дня онъ провелъ въ своей каютѣ; но если бы лодка привезла его, то какимъ радостнымъ крикомъ встрѣтили бы его, какъ щедро мы одарили бы экипажъ шлюпки! На морѣ въ такія минуты сердце человѣка легко раскрывается и становится доступнымъ для великодушія.

Ждемъ мы почти полчаса; наконецъ, вдали слышится плескъ веселъ. Становится еще тише. Во мракѣ вырисовывается силуэтъ лодки. Капитанъ наклоняется черезъ бортъ и спрашиваетъ:

— Нашли?

— Нѣтъ! — отвѣчаютъ съ лодки.

Люди начинаютъ расходиться. Лодку подвѣшиваютъ на крички, а черезъ минуту винтъ уже начинаетъ свою работу и мы ѣдемъ дальше. Только за рулевымъ колесомъ я вижу на темномъ фонѣ ночи высокую фигуру отца Стефана. Онъ стоитъ у самой балюстрады и осѣняетъ крестнымъ знаменіемъ страшную бездну, гдѣ теперь волны играютъ трупомъ бѣднаго утопленника.

Слѣдующій день погожій, дивный, море точно улыбається. Вечеромъ—танцы и музыка.

Легкій южный муссонъ подгонялъ насъ во время всего пути. Мы подвигались быстро и спокойно. Черезъ два дня *Пен-Хо* приблизился къ берегу, такъ что мы почти не теряли изъ вида берега съ лѣвой стороны. Впрочемъ, зрѣлище было мало привлекательно. Побережье Галла низкою, песчанюю отмелью далеко заходить въ море. Выше на сѣверѣ; на Сомалійскомъ берегу, кое-гдѣ поднимаются горы—Гайарабъ и еще болѣе высокая—Барръ-эль-Басаинъ. Пароходъ идетъ не такъ близко, чтобы невооруженнымъ глазомъ можно было разсмотрѣть что-нибудь, но и въ морскую подзорную трубку край кажется бесплоднымъ и унылымъ, какъ смерть. Только обходя мысъ Гвардафуи, мы проскользнули такъ не далеко отъ берега, что можно было видѣть каждый уступъ скалы. Я уже раньше описывалъ этотъ мысъ съ его мрачными, черными скалами, о которыя день и ночь бьется и разсыпается въ прахъ разъяренная морская волна. Теперь день былъ прелестный, тихій, но, несмотря на то, у скалъ Гвардафуи, все-таки, блѣднѣла пѣна прибоя. На слѣдующій день вечеромъ мы увидали Аденъ.

Странное дѣло, до какой степени все въ мирѣ условно. Когда я ѣхалъ на югъ, то выжженный солнцемъ Аденъ представлялся мнѣ какимъ-то тридевятымъ царствомъ, тридесатымъ государствомъ, гдѣ небо съ землей сходятся и откуда возвращается только одинъ изъ десяти. А теперь онъ мнѣ кажется концомъ тропическаго путешествія, преддверіемъ Европы. Океанъ мы уже проѣхали, остается только пять дней пути по Красному морю—сушіе пустыни. Суэць, Каиръ, Александрія и Бриндизи—это почти прямая линія на Варшаву и Закопане!

Пароходъ нашъ стоялъ у Адена пять или шесть часовъ, забиралъ уголь и ледъ. Времени для осмотра цистернъ было достаточно, но я не могъ имъ воспользоваться, потому что лихорадка снова захватила меня въ свои когти. Я зналъ, что это не припадокъ предшествующей лихорадки, а какое-то новое жалкое ея изданіе, но, тѣмъ не менѣе, ноги подбаливались подо мной, голова кружилась, войти въ лодку не хватало силъ. Молодые пассажиры поѣхали почти всѣ,—правда, не на цистерны, а въ городъ, откуда возвратились поздно съ цѣлымъ архивомъ воспоминаній о черныхъ, какъ уголь, абиссинскихъ красавицахъ.

Пароходъ вышелъ глубокою ночью. Между Аденомъ и Обокомъ мы испытали странную грозу. Вѣтра не было ни малѣйшаго, но дождь лилъ такой ужасающій, что подобнаго я никогда въ жизни

не видалъ. Не полосы воды, а цѣлыя рѣки соединяли небо съ моремъ. Базалось, что послѣ такого потока заливъ долженъ выйти изъ береговъ и затопить всѣ прибрежныя страны. Небо, притомъ, выгружало весь запасъ электричества, какой накопился у него съ прошлой весны. Бѣлыя, зеленыя и красныя молніи ежеминутно прорѣзывали густой мракъ ночи. Громъ не умолкалъ и перекачывался какъ залпы тысячи орудій между Азіей и Африкой. По временамъ мнѣ казалось, что небесный сводъ готовъ лопнуть и обрушиться.

Пен-Хо остановился. Единственная опасность, которая ему представлялась, — это возможность столкнуться съ какииъ-нибудь другимъ парходомъ. Аденскій заливъ такъ и кишитъ ими. Чтобъ оградить себя отъ случайности, парходъ ежеминутно давалъ тревожные свистки и, кромѣ того, пустилъ въ ходъ и сирену. Несмотря на раскаты грома и шумъ дождя, мы ясно слышали такіе же голоса, доходящіе съ другихъ судовъ. Все это сливалось въ одинъ концертъ, утрюмый, какъ ночь, но такой дикій и могучій, что онъ могъ бы вполне служить аккомпаниментомъ къ страшному суду.

Простояли мы нѣсколько часовъ. Въ Обокъ парходъ нашъ пришелъ только въ полдень на слѣдующій день. Что за проклятая Богомъ страна, и чего тутъ искалъ кипучій Ашиновъ! Берегъ безплодный, низкій, нигдѣ ни зелени, ни деревца. Только кое-гдѣ видѣются, точно пятна грязной плѣсени, островки сальсолацеи. Дома стоятъ въ голой пустынѣ, на солнечномъ жару, печальные, производящіе впечатлѣніе какой-то временной стоянки. Единственная вещь, на которой можно остановить взглядъ, — это трехцвѣтный флагъ на домѣ коменданта.

Сомалисы, точно стая дельфиновъ, окружаютъ парходъ и ныряютъ за деньгами, которыя пассажиры бросаютъ въ воду. Зрѣлище это повторяется въ каждомъ африканскомъ городѣ и, въ концѣ-концовъ, становится скучнымъ. Но въ этихъ отдаленныхъ странахъ путешественника иногда можетъ встрѣтить сюрпризъ, и именно въ ту минуту, когда онъ меньше всего ожидаетъ этого. Я уже хотѣлъ было взять книжку и повернуться спиной къ неинтересному берегу, какъ вдругъ моимъ глазамъ представилось зрѣлище чуть ли не самое интересное изъ всего моего путешествія.

Отъ берега отдѣляется большая лодка и плыветъ къ *Пен-Хо*. На носу сидятъ сомалисы; ихъ черныя спины то сгибаются, то разгибаются, сообразно движенію весель, а позади, около руля, стоитъ ни болѣе, ни менѣе, какъ бѣлая статуя Аѳины-Паллады.

Дѣло идетъ къ вечеру и солнце становится все болѣе и болѣе

красноватымъ. Въ его блескъ ясно видны и шлемъ богини, и бѣлыя складки одежды, мягко спадающія въ ея ногамъ. Въ рукѣ дщери Зевса, собственно говоря, не кочанъ съ «мѣдными остріями», а просто сложенный зонтикъ, на который она опирается, какъ на трость. Всѣ бинокли и всѣ глаза устремляются на нее; она приближается, стройная, тонкая, улыбающаяся, и своимъ взоромъ отыскиваетъ среди пассажировъ счастливаго Одиссея.

Лодка останавливается около трапа, богиня вступаетъ на палубу и... о, чудо! — не разсыпается, какъ легкое видѣніе. Шлемъ богини, собственно говоря, не греческій, а англійскій, складки одежды не мраморныя, а фланелевыя, сама же богиня оказывается «омертною обитательницей юдоли слезъ», но, вмѣстѣ съ тѣмъ, парижанкой чистой крови, такою изящною и полною обаянія, что въ чорту весь Олимпъ! Мы узнаемъ, что прелестная дама — жена одного изъ французскихъ офицеровъ, живущаго въ Обогѣ; пріѣхала она повидаться съ знакомыми и въ Европу съ ними не возвратится. Тѣмъ хуже для *Пеи-Хо!* Можетъ быть, наши черноволосыя, смуглыя креолки рады, что ихъ мужья не будутъ имѣть возможности долго любоваться этими глазами цвѣта южнаго моря, этими каштановыми волосами, отливающими золотомъ, но мы, мужчины, впадаемъ въ отчаяніе. Остается утѣшиться тѣмъ, что чѣмъ меньше длится зрѣлище, тѣмъ дольше оно остается въ памяти.

Черезъ два часа мы отчаливаемъ и на слѣдующее утро просыпаемся уже далеко за Вратами Слезъ, на волнахъ Краснаго моря. Путешествіе начинается надобѣдать. Хотѣлось бы скинуться чайкой, обогнать пароходъ и летѣть, какъ вѣтеръ... Черезъ пять дней мы видѣли прямо передъ носомъ маленькое туманное пятно, которое мало-по-малу обращается въ облако, въ тучу и, наконецъ, принимаетъ очертаніе гористаго берега. Это Синай. Мы входимъ въ Суэцкій заливъ. Землю теперь видно хорошо и съ обѣихъ сторонъ. По лѣвой сторонѣ на солнцѣ мелькаютъ желтые пески египетской пустыни. Еще два часа — и Суэцъ покажется изъ воды.

Здѣсь обрываются мои замѣтки.

В. Л.

Новое сочинение Герберта Спенсера.

I.

Новый трактат Спенсера *Justice* составляет четвертую часть его *Этики*. Первая ее часть, под заглавием *The data of Ethics*, вышла больше 12 летъ тому назадъ. Въ то время Спенсеръ заявилъ, что долженъ отступить отъ намѣченнаго имъ порядка въ выпускѣ отдѣльныхъ частей своей философіи и издаетъ *Данныя этики* до окончанія своихъ работъ по социологіи. Мотивировалъ онъ это тѣмъ, что разстроенное здоровье не позволяетъ ему надѣяться на осуществленіе всѣхъ частей его философской программы, а потому онъ торопится выдвинуть впередъ тѣ части, которыя уже успѣлъ выработать. Тѣ же самыя причины заставили его и теперь издать въ свѣтъ 4-ю часть *Этики*—*Справедливость*, именовавъ промежуточную часть—*Основанія нравственности* *). Эту краткую библиографическую замѣтку необходимо было предпослать нашему изложенію, такъ какъ безъ этого предваренія читателю было бы непонятно, какимъ образомъ послѣ первой части *Этики* Спенсера идетъ четвертая. Читатели могли бы искать промежуточныхъ частей, а ошибочное наваніе одного изъ русскихъ изданій перевода *The data of Ethics* спутало бы ихъ еще больше **).

Расскажемъ кратко содержаніе этого интереснаго трактата.

Какъ извѣстно, Спенсеръ опредѣляетъ «высшее поведеніе» слѣдующимъ образомъ: оно ведетъ «къ наибольшей продолжительности, широтѣ и полнотѣ жизни». Читатели знаютъ также, что въ *Даннѣхъ науки о*

*) *The inductions of Ethics* (часть 2-я) и *The Ethics of Individual Life* (часть 3-я).

***) У насъ вышло два перевода *The data of Ethics*: одно, изданное подъ моею редакціей, носитъ названіе *Данныя науки о нравственности*, другое—*Основанія нравственности*. Это послѣднее заглавіе показываетъ незнакомство издателя со значеніемъ философскихъ терминовъ: по установившейся терминологіи терминъ *Данныя этики* обозначаетъ совсѣмъ другой отдѣлъ этой науки, чѣмъ терминъ *Основанія нравственности*. Въ свое время мы указывали на эту ошибку почтеннаго изданія, которое въ другихъ отношеніяхъ прекрасно. Теперь очевидно, какое значеніе имѣла эта ошибка: Спенсеръ еще не приготовилъ къ изданію *Основаній нравственности*, а русскій читатель увѣренъ, что уже прочелъ ихъ въ русскомъ переводѣ.

нравственности Спенсеръ ищетъ зародышей морали въ царствѣ животныхъ. Онъ доказываетъ, что человѣческая мораль основана на законахъ, которые столь же всеобщы, какъ сама жизнь, и являются могущественными дѣятелями въ развитіи всѣхъ живыхъ существъ. Ссылки на эти, такъ сказать, низележащія, т.-е. биологическіе основы или законы, проходятъ и черезъ весь трактатъ *О справедливости*.

Путемъ подобнаго изслѣдованія Спенсеръ приходитъ къ слѣдующему опредѣленію объективнаго закона «подъ-человѣческой» или «субъ-гуманной» справедливости:

«Она есть законъ того социальнаго состоянія, при которомъ каждый индивидуумъ долженъ получать пользу или вредъ *соотвѣтственно своей натурѣ и своему поведенію*». Среди стадныхъ животныхъ этотъ объективный законъ видоизмѣняется необходимостью самоограниченія и принесенія себя въ жертву ради общихъ интересовъ «вида». Что касается человѣческой справедливости въ тѣсномъ смыслѣ, то она есть просто естественное развитіе справедливости «подъ-человѣческой». Возрастающая потребность сотрудничества (кооперациі) влечетъ за собою увеличивающіяся обязанности личнаго самоограниченія; соотвѣтственно этому, развиваются общественныя чувства, изъ которыхъ наиболѣе важное есть справедливость.

Спенсеръ проводитъ рѣзкое различіе между *идеей* справедливости и *чувствомъ* справедливости; одно можетъ быть сильно, тогда какъ другое слабо: напримеръ, человекъ можетъ отлично понимать, что надо быть справедливымъ къ своимъ ближнимъ, но онъ можетъ невѣрно представлять себѣ тотъ рядъ дѣйствій, какія требуются справедливостью.

Первымъ отличительнымъ признакомъ идеи справедливости является идея о *неравенствѣ*: дѣло въ томъ, что природа личностей и соотвѣтствующія ей дѣятельности ихъ весьма неравны; отсюда справедливость требуетъ, чтобы и вознагражденіе они получали неравное, но за то сферы дѣятельности и условія для нея должны быть у всѣхъ равны, т.-е. *взаимно ограничены*. Поэтому формула справедливости можетъ быть выражена такъ: «каждый индивидуумъ свободенъ дѣлать то, что онъ хочетъ, не нарушая, однако, равной свободы какаго-либо другаго индивидуума». Изъ этихъ положеній выводятся Спенсеромъ права и обязанности личностей и правительствъ. Основное право человека состоитъ въ его физической цѣлости (*integrity*). Это право, съ точки зрѣнія законовъ относительной этики *), можно поддерживать, однако, только при состояніи постоянного мира. Затѣмъ идетъ право человека на свободное движеніе и передвиженіе. Это право, какъ само собою разумѣется, расходится со всѣми видами рабства и закрѣпощенія.

*) Спенсеръ отличаетъ абсолютную этику, которая составляетъ лишь обѣтованную землю грядущаго, отъ этики относительной, т.-е. приспособленной къ несовершеннымъ современнымъ условіямъ жизни.

Переходя къ главамъ о правѣ на пользованіе естественною средой, мы встрѣчаемся съ нападеніемъ Спенсера на общепринятые нарушенія права людей пользоваться свободнымъ свѣтомъ и воздухомъ. Сюда относятся не только вредныя испаренія разныхъ химическихъ производствъ, но даже плохая уличная музыка и курильщики въ публичныхъ мѣстахъ. Уже послѣ этого Спенсеръ приходитъ къ земельному вопросу. Въ своемъ новомъ сочиненіи, какъ и въ *Соціальной статикѣ*, онъ вновь утверждаетъ естественное право всѣхъ людей на пользованіе землей, но уже значительно отступаетъ отъ практическаго примѣненія этого права. Повторяя, что это право отчуждено силой или хитростью и что основной его характеръ безмолвно подразумѣвается и теперь въ признаваемомъ всѣми принципѣ верховнаго, государственнаго господства, Спенсеръ, однако, полагаетъ, что право на землю принадлежало націи только въ *первобытномъ состояніи почвы*, а не теперь, когда частныя лица ее расчистили, обработали, дренажировали, построили на ней сельско-хозяйныя постройки и т. д.,—однимъ словомъ, вложили въ нее свой трудъ и капиталъ. Теперь эта почва имѣетъ уже не ту цѣнность, какую она имѣла въ примитивныя времена. Такимъ образомъ, безземельные пролетаріи «имѣютъ право только на землю въ ея примитивномъ состояніи... только она принадлежитъ обществу». Говоря о тѣхъ аргументахъ, которые онъ приводилъ въ пользу общиннаго землевладѣнія въ *Соціальной статикѣ*, Спенсеръ заявляетъ, что «болѣе полное разсмотрѣніе предмета привело его къ выводу о необходимости поддерживать индивидуальную собственность, но подчинивъ ее верховному праву государства...» «Если бы даже возможно было совершить въ абстракціи равное распредѣленіе земли, то и въ такомъ случаѣ получившееся этимъ путемъ состояніе вещей было бы менѣе желательно, чѣмъ теперешнее... достаточно вспомнить, что частное хозяйство (администрація) выше публичнаго, чтобы видѣть, что собственность государства на землю причиняла бы вредъ... При теперешней системѣ, тѣ, которые обрабатываютъ землю, чувствуютъ прямую связь между усиленіемъ и происходящемъ отъ него пользой, тогда какъ при государственномъ хозяйствѣ обрабатывающій землю не чувствовалъ бы такой прямой связи».

Кромѣ того, Спенсеръ боится неизбежныхъ, по его мнѣнію, недостатковъ чиновничества, которое должно было бы стать во главѣ дѣла.

Спенсеръ признаетъ, конечно, право собственности на невещественные предметы: изобрѣтенія, авторство и т. д. Замѣчательно, что, на основаніи своихъ принциповъ неприкосновенности личности, онъ хотя и признаетъ право на нравственную неприкосновенность и на возмѣщеніе убытковъ за несправедливое оклеветаніе личной репутациі, однако, добавляетъ при этомъ, что разоблаченіе ложной репутациі часто является полезнымъ для общества. Такимъ образомъ, онъ возстаетъ противъ такъ называемыхъ у насъ процессовъ о диффамациі, т.-е. преслѣдованій за распространеніе изворающихъ обстоятельствъ.

Можно уже заранее ожидать, что Спенсеръ явится защитникомъ свободы торговли и договора. И въ самомъ дѣлѣ, онъ говоритъ, что лица, которыя позволяютъ себѣ называться «протекціонистами», должны быть названы «агрессіонистами» (посягателями): запрещая А обвиняться съ Б и этимъ принуждая его обвиняться съ В, они, очевидно, нарушаютъ то «право свободного общѣна, которое, какъ мы видѣли, является короларіемъ закона равной свободы». Это не мѣшаетъ, однако, Спенсеру, — какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ, — допустить исключеніе, «когда представляется совершенно очевиднымъ, что свобода общѣна можетъ повредить національной защитѣ».

Нужно ли говорить, что свобода совѣсти, свобода слова и печати горячо защищаются Спенсеромъ? Онъ, видя въ свободѣ слова «средство разсвѣнія заблужденій и ошибокъ»; даже обсужденіе вопросовъ половой морали, — вопросовъ, къ которымъ англичане особенно щекотливы, допускается Спенсеромъ въ виду того, что историческія данныя прошлаго «не позволяютъ считать нашихъ современныхъ правовъъ безспорными и не подлежащими критикѣ, и, стало быть, обсужденіе ихъ можетъ представлять выгоду для общества».

Крайне интересно рѣшеніе съ точки зрѣнія того же принципа такъ называемаго женскаго вопроса. Женщина по своимъ силамъ слабѣе мужчины, а потому лишать ее еще искусственно нѣкоторыхъ выгодъ въ борьбѣ за существованіе въ высшей степени несправедливо. Поэтому не должно ставить женщинамъ никакихъ препятствій относительно занятій, профессій или иныхъ путей дѣятельности (careers), какіе онѣ могли бы пожелать взять на себя.

При окончательномъ подведеніи итоговъ для рѣшенія вопроса о правахъ жены на собственность, Спенсеръ полагаетъ, что исполненіе женщиной домашнихъ и семейныхъ обязанностей совершенно уравниваетъ тотъ доходъ, который вноситъ мужъ своею дѣятельностью.

Но по тому же основному принципу «равныхъ правъ» Спенсеръ лишь условно допускаетъ участіе женщинъ въ политическихъ правахъ, напримеръ, въ избирательномъ. Дѣло въ томъ, что женщины не несутъ и не могутъ нести военной повинности, а потому и не могутъ имѣть голоса въ рѣшеніи политическихъ вопросовъ до тѣхъ поръ, пока не установится вѣчнаго мира. Если бы теперь имъ дать политическія права, равныя съ мужскими, то, не неся обязанности военной защиты государства, онѣ пользовались бы въ общей суммѣ не равными, а большими правами, а это было бы несправедливо. Приводятся и другія возраженія противъ участія женщинъ въ избирательномъ правѣ. Они изложены во 2-й части главы объ «устройствѣ государства» и опираются на различія въ строеніи мужчинъ и женщинъ, на сравнительно большей импульсивности женщинъ, большей эмоціональности ихъ и сравнительной неспособности признавать силу отвлеченныхъ и отдаленныхъ соображеній, касающихся общественнаго блага. Необходимо замѣтить, что самъ Спенсеръ горячо возражаетъ противъ

примѣненія его аргументовъ къ избирательному праву женщинъ въ областныхъ и городскихъ управленіяхъ *)).

Теорія Спенсера о правахъ дѣтей и взаимныхъ обязанностяхъ дѣтей и родителей будетъ вполне понятна читателю, знакомому съ его теоріей воспитанія. Онъ требуетъ, чтобы дѣтямъ давалась постепенно возрастающая свобода дѣйствія для приспособленія себя самихъ къ независимымъ и самоопредѣляющимся дѣятельностямъ ихъ будущей зрѣлой жизни.

Книга заканчивается нѣсколькими главами о природѣ, устройствѣ и обязанностяхъ государства. Спенсеръ доказываетъ, что ученіе XVIII вѣка о политическихъ правахъ, находящее и теперь еще интеллигентныхъ защитниковъ, особенно въ демократическихъ и республиканскихъ обществахъ, невозможно поддерживать въ его цѣломъ. Единственные права, въ точномъ смыслѣ, признаваемые имъ, суть личные права—жизни, свободы, неприкосновенности и т. п. Политическія же привилегіи, это — только орудія, служація для поддержанія этихъ правъ и зависяція въ нѣкоторой степени отъ состоянія культуры и цивилизаціи; добиваться ихъ возможно только ради достиженія первой цѣли: «подача голоса сама по себѣ никоимъ образомъ не содѣйствуютъ улучшенію жизни избирателей, какъ содѣйствуетъ ему пользованіе всѣми тѣми разнообразными «свободами», которыя мы, въ точномъ смыслѣ, называемъ правами; избирательное же право гражданъ даетъ имъ вообще только силу отражать нарушеніе своихъ правъ,—силу, которую они могутъ употреблять или не употреблять для достиженія доброй цѣли»... «Во Франціи, напримѣръ, бюрократическій деспотизмъ такъ же великъ при республикѣ, какъ онъ былъ великъ при имперіи; въ Америкѣ всеобщая подача голосовъ не предупреждаетъ ни развращенности муниципальнаго правительства, ни передачи власти уайръ-пуллерамъ **) и хозяевамъ (патронамъ), ни обложенія многихъ въ пользу немногихъ посредствомъ покровительственныхъ пошлинъ. Такъ называемыя политиче-

*) Одинъ изъ американскихъ критиковъ Спенсера замѣчаетъ по этому поводу слѣдующее: „Согласно логикѣ, которую признаетъ самъ Спенсеръ, говоря ранѣе о правѣ собственности женщинъ, можно возразить ему, что и здѣсь дѣло не столько въ *тождестве* функций и обязанностей, сколько въ справедливомъ ихъ *уравновѣшеніи*. Даже въ случаѣ войны, не будетъ несправедливостью утверждать, что услуги женщинъ въ госпиталяхъ и дома, какъ плательщицъ налоговъ и труженицъ, зарабатывающихъ плату, какъ матерей и воспитательницъ будущихъ защитниковъ страны, образуютъ отличный эквивалентъ съ услугами мужчинъ на ратномъ полѣ и даютъ женщинамъ право на равное политическое положеніе, если всѣ остальные условія одинаковы. Кромѣ того, обширные классы мужчинъ изъяты отъ военной службы по своему возрасту, занятію и тѣлеснымъ недостаткамъ, однако, это не лишаетъ ихъ политическихъ правъ. И это не все: вѣдь, задачи правительства состоятъ, къ счастью, главнымъ образомъ, вовсе не въ тѣхъ вопросахъ, какіе возникаютъ изъ физической борьбы націй. Такимъ образомъ, очевидно, что избирательное право, фактически, вовсе не обусловлено военной службой или способностью къ ней“.

**) Специальный терминъ, обозначающій буквально лицъ, которыя держатъ проволочки марионетокъ. Въ парламентской жизни этимъ именемъ называютъ лицъ, управляющихъ толпой.

скія права могутъ употребляться для поддержанія свободы, могутъ и не употребляться на это и даже могутъ быть направлены къ установленію тираніи».

Какой же цѣли должно достигать общество или, вѣрнѣе, государство? Этою цѣлью должно быть, конечно, «благосостояніе *единиць*, такъ какъ общество суть только агрегатъ (скопленіе единиць) и само по себѣ не имѣетъ чувствительности. Сохраненіе обществъ желательно только потому, что служить индивидуальнымъ чувствительностямъ».

Спенсеръ не въ первый разъ повторяетъ это положеніе. Мы увидимъ далѣе, что Спенсеръ приписываетъ грѣхъ порабощенія индивидуумовъ социалистической тенденціи, съ которою онъ и ведетъ упорную борьбу во имя своего принципа наибольшей свободы личности. Но какииъ же образомъ онъ примиряетъ свою аналогію (эволюціи обществъ съ эволюціей организмовъ) съ первенствомъ индивидуумовъ надъ обществомъ? Вѣдь, обычная эволюція организмовъ вела къ централизаціи цѣлаго и къ подавленію самостоятельности единиць. Примиреніе этого противорѣчія совершается на почвѣ эволюціонной теоріи. По этой теоріи, централизація и децентрализація организма вовсе не есть какой-то фатумъ или роковой законъ, а лишь результатъ потребности единиць, составляющихъ организмъ; потребность же эта зависитъ отъ условій среды. То же происходитъ и съ общественными агрегатами: когда они были окружены другими хищными агрегатами, то главною цѣлью составляющихъ ихъ единиць было самосохраненіе, а стало быть, вооруженная борьба противъ сосѣднихъ агрегатовъ. Эта борьба велась тѣмъ успешнѣе, чѣмъ дисциплинированнѣе была масса, чѣмъ она легче и быстрѣе подчинялась цѣлямъ и планамъ военачальника. Побѣждали и выживали въ борьбѣ тѣ агрегаты, которые были болѣе способны къ подчиненію и централизаціи. Наоборотъ, общества съ преобладающимъ индивидуалистическимъ характеромъ терпѣли поражения, завоеванія и гибели, поглощаемыя другими. Это не было роковымъ закономъ эволюціи, а только закономъ даннаго временнаго воинственнаго состоянія. Теперешнее же общество, какъ показываетъ Спенсеръ, есть общество промышленное, основанное на договорѣ, что, какъ мы увидимъ далѣе, совершенно измѣняетъ условія самосохраненія и развитія.

Съ его органической теоріей преобладаніе интересовъ личности въ общественномъ агрегатѣ примиряется тѣмъ положеніемъ, что цѣль общественнаго организма (организма *sui generis*) заключается не въ интересахъ цѣлаго агрегата, а въ интересахъ составляющихъ его единиць, такъ какъ чувствующими существами являются тутъ онѣ, а агрегатъ, какъ цѣлое, ничего не чувствуетъ. Если иногда приходится и приходилось заботиться объ интересахъ агрегата, какъ цѣлаго, и даже приносить для этого жертвы, то конечною цѣлью тутъ являлся, какъ мы уже говорили, не самый агрегатъ, а составляющія его единицы. Съ развитіемъ промышленнаго типа необходимость какихъ бы то ни было жертвъ все болѣе и болѣе уменьшается.

Спенсеръ полагаетъ, однако, что, въ окончательномъ развитіи, въ государствѣ, «соотвѣтствующемъ тому промышленному типу общества, въ которомъ вполнѣ осуществится равенство (конечно, въ Спенсеровскомъ смыслѣ), не должно быть представительствъ индивидовъ, а будетъ представительство интересовъ». Иными словами, представительство должно обуславливаться не числомъ *гражданъ*, имѣющихъ тотъ или другой интересъ, а числомъ этихъ *интересовъ*, или, какъ выражается Спенсеръ, *функций*. Пояснимъ примѣромъ эту теорію, которая, какъ намъ кажется, находится въ противорѣчій съ индивидуализмомъ самого Спенсера. Положимъ, напримѣръ, что въ Англіи нѣсколько милліоновъ рабочихъ, нѣсколько сотенъ тысячъ земледѣльцевъ, сотня капиталистовъ и т. д. Представительство отъ нихъ должно идти не пропорціонально числу лицъ, составляющихъ группы этихъ отдѣльныхъ интересовъ, а пропорціонально числу интересовъ различныхъ классовъ: напримѣръ, если отъ рабочихъ будетъ одинъ или два представителя, то столько же должно ихъ быть отъ земледѣльцевъ и столько же отъ капиталистовъ. Но ради чего же Спенсеръ дѣлаетъ отступленіе отъ своего принципа о значеніи индивидуумовъ? Онъ объясняетъ такъ: «Здоровье общественнаго организма и благосостояніе его членовъ требуютъ равновѣсія функций, а этого равновѣсія нельзя поддержать, если дать преобладаніе тѣмъ функциямъ, которыя охватываютъ большее число индивидовъ, или, иными словами, нельзя поддержать равновѣсіе общества, отдавая власть какой-нибудь функции, пропорціонально числу ея функционаріевъ».

И такъ, здѣсь Спенсеръ выдвигаетъ впередъ здоровье организма, тогда какъ ранѣе утверждалъ, что *цѣлое* должно озабочивать насъ лишь настолько, насколько это касается интересовъ *единицы*. Правда, онъ и тутъ, мимоходомъ, добавляетъ: «и благосостояніе его членовъ», но выраженіе *члены* тутъ употребляется не въ смыслѣ индивидуумовъ, а въ смыслѣ классовъ или группъ интересовъ. Подробнѣе мы разберемъ это впоследствии, а теперь пойдѣмъ дальше.

Переходя къ обсужденію обязанностей государства, Спенсеръ доказываетъ, что по мѣрѣ того, какъ общество будетъ подвигаться отъ воинственнаго типа къ промышленному, функции государства будутъ все меньше и меньше приспособлены къ отраженію внѣшнихъ враговъ и станутъ все больше направляться къ поддержанію условій справедливости противъ покушенія враговъ внутреннихъ, — невѣждъ, людей порочныхъ, развратныхъ и т. д., составляющихъ ненормальные элементы въ большихъ обществахъ. Для лучшаго исполненія этой обязанности государство должно, по его мнѣнію, организовать бесплатную юстицію, выполняемую самими гражданами.

Слѣдующая обязанность государства состоитъ въ заботахъ о ненаселенной территоріи, о проведеніи шоссе, каналовъ, желѣзныхъ дорогъ, о снабженіи водой, газомъ, телеграфами и т. п. Но фактическое осуществленіе и поддержаніе общественныхъ работъ должно быть оставлено частной предприимчивости.

Спенсеръ не признаетъ той теоріи государства, по которой власть и граждане разсматриваются какъ родители и дѣти: «единственнымъ оправданіемъ этой аналогіи,—говоритъ онъ,—служитъ дѣтство народа, который поддерживаетъ такую аналогію» (стр. 217). Прослѣживая постепенную эволюцію обязанностей государства, Спенсеръ утверждаетъ, что «всеобъемлющая дѣятельность государства характеризуетъ низкій социальный типъ, а прогрессивное движеніе къ высшему типу отмѣчается сокращеніемъ государственныхъ функций». Борьба съ социалистическою тенденціей ясно выступаетъ въ этомъ мѣстѣ книги. Показавъ, что въ органическомъ царствѣ вообще всякое развитіе и всякій успѣхъ совершались естественнымъ приспособленіемъ и борьбой за существованіе индивидуумовъ, Спенсеръ замѣчаетъ, что какое-либо ограниченіе личности въ ея новой средѣ (обществѣ) было бы «устраненіемъ того процесса, которымъ развивалась всякая жизнь, т.-е. было бы разрывомъ поведенія отъ его послѣдствій. Кромѣ нарушенія общаго закона жизни *), этимъ нарушалась бы специально та форма его, которая явилась результатомъ общественнаго существованія. Вторгаясь со своимъ вмѣшательствомъ въ законъ, общій всѣмъ живымъ существамъ, этотъ взглядъ вторгается и въ болѣе специальный законъ чело-вѣческой справедливости, который требуетъ, чтобы каждый пользовался выгодами, полученными въ извѣстныхъ, необходимыхъ границахъ отъ его дѣйствій. Здѣсь же эти выгоды перераспредѣляются... И въ то время, какъ въ теченіе столѣтій управляющая общественная власть, защищая все успѣшнѣе права личностей относительно другъ друга, отказалась такимъ путемъ и сама отъ нарушенія этихъ правъ,—вышеприведенный взглядъ желалъ бы выворотить на изнанку этотъ ходъ вещей и уменьшить ту свободу дѣятельности, которую этотъ ходъ увеличивалъ. Это значитъ игнорировать обобщенные результаты наблюденій и опытовъ, скопившихся въ теченіе тысячелѣтій».

Спенсеръ полагаетъ, что противоположное мнѣніе, ставящее цѣлью государства непосредственную его дѣятельность, есть эмпирической утилитаризмъ, а не рациональный: рациональный утилитаризмъ требуетъ, наоборотъ, чтобы государство имѣло цѣлью создавать наилучшія условія для дѣятельности индивидуовъ, не дѣйствуя само непосредственно.

Мы нѣсколько долѣе должны остановиться на послѣдней главѣ,—о границахъ обязанностей государства,—такъ какъ она хотя и говоритъ, повидимому, о частномъ вопросѣ, а именно—о правѣ государства на выработку въ гражданахъ извѣстнаго характера, однако, ея аргументы имѣютъ болѣе широкій смыслъ и помогаютъ выясненію того принципа, съ которымъ Спенсеръ выступаетъ противъ государственнаго вмѣшательства, отождествляемаго имъ съ социализмомъ. Вначалѣ главы Спенсеръ говоритъ, что цѣль,

*) Читатель видѣлъ ранѣе, что общимъ закономъ жизни Спенсеръ считаетъ полученіе каждымъ индивидуомъ того, что является результатомъ его натуры и его поступковъ, а въ обществѣ это видоизмѣняется необходимостью служить его интересамъ.

которому болѣе всѣхъ другихъ долженъ бы имѣть въ виду государственный человѣкъ, есть образованіе характера гражданъ, но что если внимательно изслѣдовать, какой характеръ долженъ быть въ обществахъ промышленнаго типа, то придется признать, что эта цѣль всего лучше достигается именно упраздненіемъ множества такихъ государственныхъ дѣятельностей, которыя направлены на образованіе характера. Но какимъ же это образомъ? Очень просто. Спенсеръ обращается опять къ обществу воинственнаго типа: тутъ нужны характеры воинственные, выработка ловкости, крѣпости тѣла, выносливости и т. п. Однимъ словомъ, здѣсь ясно видно, какой нуженъ характеръ для даннаго состоянія общества и какими способами онъ можетъ быть развитъ. Поэтому, здѣсь даже не было государственнаго воспитанія въ современномъ смыслѣ слова, а воспитаніе требовалось обычаемъ и вынуждалось общественнымъ мнѣніемъ. По мѣрѣ образованій болѣе обширныхъ государствъ, развивалось и государственное воспитаніе. Брожъ развитія силы, ловкости, выносливости, требовалось выработать духъ подчиненія главѣ или начальнику, чтобы направлять къ одной цѣли обширныя массы. Греція и особенно Спарта дають иллюстраціи къ этой стадіи. Вслѣдъ за практикой идетъ теорія, развитіе которой мы находимъ у Платона и Аристотеля: здѣсь уже воспитаніе гражданъ возводится въ прямую обязанность государства. ✕

Но все совершенно измѣняется по мѣрѣ смѣны воинственнаго типа промышленнымъ: среди всеобщей войны, каждый гражданинъ былъ вынужденъ отдавать всего себя обществу, такъ какъ не могъ просуществовать безъ общей защиты. Въ промышленномъ же типѣ онъ гораздо больше обязанъ себѣ, чѣмъ обществу, которое становится просто лишь средой для его дѣятельности. Въмѣсто объединеннаго политическаго тѣла, принуждающаго массу составляющихъ его единицъ къ однородному дѣйствію, промышленное общество, утрачивая свою принудительную организацію, связываетъ личности лишь тою связью, какая необходима для мирнаго сотрудничества.

Промышленное общество требуетъ крайне разнообразныхъ дѣятельностей и способностей, требуетъ отъ каждой личности постоянного и оригинальнаго созданія новыхъ путей для промышленности, безъ чего невозможно промышленная борьба съ другими обществами. Поэтому въ промышленномъ обществѣ не только трудно, но и невозможно опредѣлить, въ какомъ направленіи слѣдуетъ искусственно развивать характеръ гражданъ. Предположивъ во главѣ такого общества какихъ угодно мудрецовъ, мы должны будемъ признать, однако, что въ ихъ взглядахъ и идеалахъ неизбежно является смѣсь идей, вызванныхъ новыми требованіями жизни, съ наслѣдственными инстинктами и преубѣжденіями. И дѣйствительно, — говоритъ Спенсеръ, — исторія показываетъ намъ на каждомъ шагѣ ошибки такого рода впередъ намѣченныхъ идеаловъ. Но, кромѣ идеала, нужно еще опредѣлять и средства его осуществленія. Тутъ, во всякомъ случаѣ, возможны три соображенія, и каждое изъ нихъ показываетъ несостоятельность

вмѣшательства. Во-первыхъ, всякая система должна вести къ единообразію. Если принимаемая мѣра будутъ успѣшны, то онѣ неизбежно должны привести къ нѣкоторому сходству между индивидуумами. Отрицать это—значитъ отрицать дѣйствительность самаго процесса, но, по мѣрѣ того, какъ въ результатѣ системы будетъ получаться однообразіе индивидуумовъ, въ обществѣ будетъ останавливаться развитіе. Каждому, кто знакомъ съ процессомъ эволюціи въ природѣ, извѣстно, что безъ разновидностей не было бы развитія. Однообразіе совершенно остановило бы развитіе. Отсюда ясно, что въ томъ обществѣ, въ которомъ система выработки характера гражданъ дѣйствовала бы всего успѣшнѣе, оказался бы регрессъ сравнительно съ другими промышленными обществами, конкурирующими съ ними. Во-вторыхъ, всякая успѣшно-дѣйствующая система вліянія на характеръ должна породить привычку подчиненія, а въ промышленномъ обществѣ, наоборотъ, необходима выработка самостоятельности и инициативы. Въ-третьихъ, въ обществѣ существуетъ или же не существуетъ естественный процессъ, которымъ граждане приспособляются къ условіямъ окружающей среды. Утверждать, что такого процесса не существуетъ, значитъ утверждать, что человѣкъ является исключеніемъ изъ всѣхъ остальныхъ существъ, но въ такомъ случаѣ откуда же явились разновидности въ челоѣчествѣ? А если естественный процессъ существуетъ, то ему и надо предоставить приспособленіе личности къ требованіямъ социальной среды. Или же нужно доказать, что это можетъ быть лучше сдѣлано искусственнымъ способомъ, но этого доказать нельзя. Спенсеръ приводитъ въ примѣръ само христіанство, которое стремилось воспитать людей въ духѣ любви, а, между тѣмъ, уже одна борьба европейцевъ съ низшими расами, ихъ истребленіе и жестокости, совершаемыя надъ ними, могутъ служить историческими доказательствами бесплодности попытокъ искусственной выработки характера. Этотъ доводъ мы разберемъ позднѣе.

Такимъ образомъ, нельзя полагаться ни на искусственную выработку идеаловъ, ни на искусственную выработку приемовъ.

Посмотримъ же, какъ можетъ совершиться естественная выработка. Для этого необходимо только наибольшее расширеніе возможности спонтаннаго (самопроизвольнаго) приспособленія гражданъ къ общественной жизни. Примѣры даетъ намъ органическій міръ, въ которомъ способности всякаго рода существъ приспособлялись къ потребностямъ ихъ жизни какъ прямымъ, такъ и косвеннымъ процессомъ; кромѣ того, упражненіе каждой приобретенной такимъ путемъ способности дѣлалось источникомъ усовершенствованія. Въ нормальномъ состояніи является не только органъ (agent) для каждой обязанности, но и сопровождающія данную обязанность чувства становятся болѣе или менѣе пріятными сознанію приспособляющагося существа. Мало этого, если гдѣ-нибудь нарушается гармонія, она постепенно самовозстанавливается или посредствомъ переживанія наиболѣе приспособленныхъ, или путемъ унаслѣдованія результатовъ употребленія и неупотребленія способности, или тѣмъ и другимъ путемъ вмѣстѣ.;

«Уже и теперь этимъ путемъ приобрѣтено множество нужныхъ способностей къ работѣ, не имѣющихся у дикарей; уже теперь развилась способность къ упорядоченному сотрудничеству, при совершенно добровольномъ объединеніи, уже приобрѣтены такія массы самоограниченія, что большая часть людей ведетъ свою жизнь, не вредя значительно жизни другихъ; уже альтруистическіе интересы, чувствуемые гражданами къ общественнымъ дѣламъ, въ обширномъ смыслѣ, таковы, что направляютъ къ достиженію общественныхъ (public) цѣлей какъ индивидуальныя, такъ и спонтанно-соединенныя усилія; уже и теперь симпатіи людей стали дѣятельны настолько, что породили множество филантропическихъ учреждений и даже *черезъ-чуръ мною*... «И если, въ теченіе многихъ лѣтъ этого тысяча-лѣтія, воспитательное вліяніе самой общественной жизни сдѣлало такъ много, то было бы безуміемъ предполагать, что оно не сдѣлаетъ болѣе, не сдѣлаетъ всего того, что нужно сдѣлать».

Далѣе Спенсеръ подводитъ эти практическія соображенія подъ свой основной принципъ или законъ справедливости, въ силу котораго каждый имѣетъ право на свободное развитіе своихъ способностей. Въ данномъ случаѣ вмѣшательство общества нарушаетъ основной законъ жизни. «А что же можетъ быть болѣшимъ абсурдомъ, — спрашиваетъ Спенсеръ, — какъ не намѣреніе улучшить общественную жизнь нарушеніемъ основнаго закона общественной жизни?»

II.

Таковы основныя черты трактата Спенсера. Строго говоря, въ немъ очень мало существенно - новаго, чего бы онъ не высказалъ раньше въ разныхъ своихъ работахъ, и особенно въ одномъ изъ первыхъ своихъ произведеній — *Соціальной статикѣ*. Новый трактатъ добавляетъ къ прежде сказанному лишь нѣкоторыя частности и ставитъ систему автора въ дальнѣйшую связь съ биологіей, съ жизнью субъ-гуманной, объединяя ихъ общимъ закономъ. Попробуемъ теперь разобратся въ этой системѣ.

Разбирать ее съ чисто-философской точки зрѣнія было бы и долго, и бесполезно, это потребовало бы критическаго разбора всей «синтетической» философіи, на что мы сейчасъ не претендуемъ. Намъ хотѣлось бы разсмотрѣть взгляды Спенсера съ этической и общественной точки зрѣнія, опредѣливъ ихъ мѣсто среди другихъ, болѣе знакомыхъ у насъ, этическихъ и соціологическихъ міросозерцаній и тутъ же встать коснуться нѣкоторыхъ обвиненій, высказывавшихся у насъ противъ этого типа этики.

У Достоевскаго въ *Братьяхъ Карамазовыхъ* есть слѣдующій эпизодъ: въ средневѣковой толпѣ разнесся слухъ, что пришелъ Христосъ и снова учить на площадяхъ и улицахъ. «Тайный инвизиторъ», узнавъ объ этомъ, идетъ на площадь, встрѣчаетъ учителя и начинаетъ упрекать его за то, что онъ смущаетъ покорную, мирную толпу. И ты всегда такъ дѣлалъ, — говоритъ инвизиторъ, — ты имѣлъ такую силу, что могъ бы обратить камни

въ хлѣбѣ и навсегда обезпечить сытость и довольство толпы, но ты не то дѣлалъ, ты ее смущалъ идеальными стремленіями и надеждами. И вотъ мы употребили цѣлые вѣка, чтобы исправить твою ошибку, мы задавили въ толпѣ критическую мысль, мы подчинили ее безусловному авторитету, и толпа успокоилась, стала мирно работать, а ты снова явился разрушить нашу вѣковую трудъ.

И много еще въ этомъ родѣ говорить «тайный инквизиторъ»: въ основѣ его рѣчей лежитъ одна мысль, что мечта о высшей и свободной человечности есть только мечта, что массу всегда нужно вести или силой, или обманомъ къ ея же собственному благу, а это благо—въ сытости и спокойствіи. Другіе идеалы, другія стремленія къ какому-то высшему совершенству человека и общества, т.-е. къ совершенству, лежащему дальше предѣловъ сытой и покойной жизни, только иллюзіи, которыя никогда не осуществляются. Однако, этими мечтами можно,—говоритъ инквизиторъ,—возбуждать иногда массу на какой-нибудь подвигъ, нужный для ея блага, а потому не слѣдуетъ ее совсѣмъ разочаровывать въ нихъ. Но направлять толпу, при посредствѣ этихъ иллюзій, должны «мы», т.-е. люди, стоящіе «на горѣ», люди, знающіе, что истина не въ этихъ мечтахъ, хотя и скрывающіе это отъ массы.

Въ этомъ эпизодѣ образно выражены два основныя этическія міросозерцанія, постоянно раздѣляющія человечество или, вѣрнѣе, вожаковъ человечества: одно изъ этихъ міросозерцаній, которое Достоевскій (вѣрно или нѣтъ, это—другой вопросъ) приписываетъ Христу,—вѣрить въ безконечныя силы, въ безпредѣльную способность развитія у каждой личности. По этому воззрѣнію, для наибольшаго счастья человечества нужно, главнымъ образомъ, одно: создать для личности такія условія, при которыхъ она могла бы развиваться съ возможно-большою свободой, и тогда сама личность создастъ для себя все, что ей нужно, и не только то, что ей нужно сейчасъ, но она будетъ свободно развиваться для высшаго и болѣе благороднаго существованія, о какомъ мы и мечтать теперь не можемъ, и, сообразно съ этимъ непредвидимымъ теперь совершенствомъ, будетъ создавать и среду для себя, т.-е. идеальныя формы человѣческихъ отношеній,—въ семьѣ ли, въ обществѣ ли, въ массѣ ли цѣлаго человечества.

Другая, противоположная точка зрѣнія полагаетъ, наоборотъ, что толпу нужно вести къ ея благу искусственными мѣрами, опекать и ограждать ее, какъ неразумнаго ребенка. Этотъ взглядъ, приписываемый Достоевскимъ «тайному инквизитору», опирается, очевидно, на невѣріе въ силу разума отдѣльной личности, на нѣкоторый пессимизмъ относительно способности людей въ массахъ идти свободнымъ путемъ свободного развитія.

Замѣчательно, что Достоевскій приписывалъ эту вторую точку зрѣнія не только тайному инквизитору, въ которомъ онъ, очевидно, сличествовалъ нѣкоторое «церковное» направленіе, претивуполагая его чистому христіанскому взгляду, но онъ шелъ дальше: онъ видѣлъ и во всей евро-

пейской наукѣ эту вторую точку зрѣнія. Подобный же взглядъ на европейскую науку высказалъ впоследствии и Л. Н. Толстой, проводя аналогію между западно-европейскимъ католицизмомъ съ его непогрѣшимымъ авторитетомъ, тяготящимъ надъ разумомъ людей, и наукой, стремящейся будто бы къ такой же кастической непогрѣшимости и верховному руководительству на основаніи авторитета, а не свободного разума.

Справедливо ли, однако, отнесеніе науки къ категоріи «тайныхъ инквизиторовъ»? Есть ли какое-нибудь основаніе противопоставлять ее тому міросозерцанію, въ которомъ Достоевскій и отчасти Толстой видятъ выраженіе чистаго христіанства? Чтобы разобраться въ этомъ, посмотримъ сперва, откуда возникло въ умѣ Достоевскаго такое отрицательное представленіе о наукѣ. Его Дмитрій Карамазовъ, сидя въ тюрьмѣ, проклинаетъ науку и «Бернаровъ» (т.-е. Клода Бернара, котораго онъ считаетъ типичнымъ представителемъ науки) за то, что они убили въ немъ вѣру въ человѣческую свободную душу, сказавъ ему, что души никакой нѣтъ, а есть «мозговые клѣточки и хвостики». Отсюда ясна связь, возникшая въ умѣ Достоевскаго между «инквизиторствомъ» и наукой: тайный инквизиторъ хотя и дѣйствуетъ именемъ Христа, но не вѣритъ въ Его ученіе, т.-е. въ свободную душу человѣка, въ ея способность къ свободному развитію, совершенству и свободной дѣятельности. Отсюда его вѣра въ блага лишь низшаго сорта; но даже и тутъ онъ не вѣритъ, что они могутъ быть достигнуты людьми безъ опеки и авторитета. Къ тому же результату, по мнѣнію Достоевскаго, должны вести и «Бернары», т.-е. наука. Какую, думалъ онъ, свободой можетъ пользоваться существо, у котораго не душа, а какія-то «клѣточки и хвостики»? Что можетъ сдѣлать для себя эта машина, происшедшая, по «Бернарамъ», отъ обезьянъ? Какую самостоятельность можно дать правнуку гориллы?

Л. Н. Толстой не указываетъ такихъ же опредѣленныхъ основаній для своего обвиненія; онъ не придаетъ большаго значенія тому или другому взгляду на сущность души, т.-е. на ея метафизику. Его обвиненіе строится больше на наглядной художественной аналогіи, т.-е. на внѣшнемъ сходствѣ средневѣковой католической непогрѣшимости и современной научной непогрѣшимости.

Прежде чѣмъ перейдемъ къ дальнѣйшему развитію нашей мысли, не можемъ не вспомнить слѣдующаго: кто-то когда-то называлъ позитивизмъ О. Конта «католицизмомъ безъ христіанства». Трудно сказать, случайно или сознательно, но Достоевскій вкладываетъ въ уста «тайнаго инквизитора» нѣсколько мыслей, которыя мы находимъ и въ соціальныхъ проектахъ Конта. Какъ всѣмъ извѣстно, онъ желалъ поставить во главѣ общества нѣсколькихъ философовъ и крупныхъ капиталистовъ, отдавъ имъ абсолютную власть надъ массой. Что же касается самой массы, то она даже не должна была заниматься нѣкоторыми науками: ей, напримѣръ, запрещались занятія астрономіей, потому что это могло бы привести ее къ бесполезнымъ мечтаніямъ, а масса должна покорно работать и благоден-

ствовать подъ сѣнью родительскаго авторитета людей высшаго знанія, такъ сказать, новыхъ жрецовъ, папъ и епископовъ положительной науки. Такимъ образомъ, если бы возмативизмъ Конта, а въ особенности его социальные проекты, можно было отождествить съ наукой, то обвиненіи Достоевскаго и Л. Н. Толстаго имѣли бы, повидному, солидную основанія.

Но противъ Конта и Спенсера есть другое обвиненіе, исходящее изъ совершенно иного лагеря, относящагося съ глубокимъ уваженіемъ къ наукѣ вообще. При этомъ особенно замѣчательно то, что талантливый критикъ, нанесшій у насъ самые сильные удары спенсеризму, является наиболее яркимъ выразителемъ одного изъ основныхъ принциповъ, выдвигаемыхъ впередъ и Спенсеромъ, а именно принципа «личности», ея торжества въ «борьбѣ за индивидуальность». Мы говоримъ о Н. Б. Михайловскомъ. Принципъ индивидуальности составляетъ, какъ мы думаемъ, основу теоріи прогресса у г. Михайловскаго, но онъ же является и у Спенсера краеугольнымъ камнемъ теоріи прогресса. Съ перваго взгляда тутъ можетъ показаться недоразумѣніе со стороны г. Михайловскаго; люди, относящіеся къ дѣлу поверхностно, могутъ сказать по адресу нашего талантливаго критика и социолога: «своя своихъ не познаша». Но это будетъ крупная ошибка. Вопросъ гораздо сложнѣе, чѣмъ кажется. Очевидно, не всѣ индивидуалистическія теоріи одинаковы и не всегда ведутъ къ однимъ и тѣмъ же результатамъ. Мы здѣсь не будемъ излагать подробно возраженій г. Михайловскаго, отсылая читателей къ собранію его сочиненій. Скажемъ лишь кратко, что главнымъ пунктомъ этихъ возраженій является ученіе Спенсера о прогрессѣ, какъ о постепенномъ дифференцированіи, и ученіе объ обществѣ, какъ организмѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если оба эти ученія перенести безъ оговорокъ на общество, то въ результатѣ получается крайнее уродство, просто искаженіе человѣка: живая, цѣльная личность обращается въ органъ, въ служебное орудіе, въ «палецъ отъ ноги», въ специализированное «нѣчто», лишенное всего человѣческаго. Какъ увидитъ читатель далѣе, наши возраженія Спенсеру строятся на этихъ основаніяхъ, но это не мѣшаетъ намъ считать указанія г. Михайловскаго въ высшей степени важными по существу.

Возвращаясь къ опасеніямъ Достоевскаго и Л. Н. Толстаго, мы видимъ, что они не оправдываются, по крайней мѣрѣ, при бѣглому обзорѣ содержанія новой книги. Что покажетъ болѣе глубокой разборъ идей Спенсера, читатель увидитъ далѣе, но пока ясно, что эти такъ испугавшіе Дмитрія Карамазова «клеточки и хвостики» сами по себѣ не мѣшаютъ Спенсеру вѣрять въ значеніе личности и ея развитіе, свободное отъ вѣшняго принужденія. Наоборотъ, какъ мы видѣли въ главѣ «объ обязанностяхъ государства», всякое принудительное вліаніе общества, какъ цѣлаго, Спенсеръ считаетъ вреднымъ для развитія. Такимъ образомъ, съ этой точки зрѣнія отождествленіе современной науки, насколько она выразилась въ системѣ Спенсера, съ «тайнымъ инквизиторомъ» представляется оши-

Сочнымъ. Спенсера, наоборотъ, можно бы обвинить въ обратной крайности. Мы указывали на нѣкоторыя мѣста его книги, гдѣ онъ является крайнимъ врагомъ той тенденціи, которая думаетъ путемъ законодательства или государственныхъ мѣропріятій улучшить экономическое положеніе массъ. Онъ сдѣлалъ эту вражду почти своею спеціальностью.

Читателямъ, конечно, извѣстна маленькая брошюра подъ заглавіемъ: *Грядущее рабство*. Эта брошюра есть переводъ одного изъ этюдовъ Герберта Спенсера, направленного противъ государственнаго социализма, стремленіе къ которому онъ усматриваетъ въ нѣкоторыхъ группахъ современнаго общества и считаетъ его крайне опаснымъ для самостоятельной жизни, свободы и развитія «личности». По поводу этого не мѣшаетъ сказать два слова.

Когда въ какой-нибудь русской гостиной или кружкѣ русской молодежи произносится слово «соціализмъ», въ умахъ слушателей возникаетъ представленіе о соціальныхъ реформахъ, преимущественно на экономической подкладкѣ. Политическая сторона социализма, т.-е. его отношеніе къ свободѣ личности и политическому строю государства, рѣдко приходитъ кому-либо на умъ, рѣдко возбуждаютъ въ комъ-нибудь вопросъ. Почти всѣ увѣрены безспорно въ томъ, что большее приближеніе къ экономическому равенству должно предполагать, вмѣстѣ съ тѣмъ, и большую свободу личности и большую политическую свободу. Соціализмъ, равенство, свобода отождествляются въ русскихъ умахъ по давнишней ассоціаціи идей. Спенсеръ и нѣкоторые европейскіе ученые составляютъ въ этомъ отношеніи полную противоположность: они считаютъ соціалистическія тенденціи опаснѣйшими врагами личной и политической свободы. Отсюда происходитъ явленіе, кажущееся страннымъ, но, въ сущности, весьма понятное: въ то время, какъ, напримѣръ, въ Германіи противъ социализма ополчались такіе люди, какъ Бисмаркъ, т.-е. защитники и борцы государственнаго порядка и государственности, въ это время въ Англіи походъ противъ социализма былъ поднятъ наибольшими поборниками личной свободы. Такъ, напримѣръ, въ Америкѣ въ 1891 г. вышла книга подъ заглавіемъ: *A plea for Liberty; An Argument against Socialism and Socialistic Legislation* (т.-е. *Въ защиту свободы; аргументъ противъ социализма и социалистическаго законодательства*). Эта книга есть сборникъ статей различныхъ либеральныхъ писателей, во главѣ которыхъ стоитъ Гербертъ Спенсеръ. Этюдъ его помѣщенъ въ формѣ введенія и озаглавленъ такъ: *From freedom to bondage* (т.-е. *Отъ свободы къ рабству*). Подъ рабствомъ тутъ понимается грядущій социализмъ *). Только что рассмотрѣнное нами сочиненіе *О справедливости* направлено точно также противъ социализма, съ точки зрѣнія свободы и личности **). Повторимъ еще разъ: социализмъ

*) Кромѣ статьи Спенсера, въ сборникъ вошли этюды: Станлея, Робертсона, Уордсворта, Донитхорна, Джоржа Гоуелла, Оберона Герберта и др.

**) Рядомъ съ Спенсеромъ выступилъ противъ социализма другой извѣстный ученый, сэръ Генри Мэнъ, авторъ знаменитаго сочиненія *Древнее право* (*Ancient Law*),

туть отождествляется по своему принципу со всякимъ преобладаніемъ государственности надъ личною дѣятельностью, что, до известной степени, понятно въ такихъ странахъ, какъ Америка и Англія.

Всматриваясь внимательно въ эту вражду, мы видимъ въ ней признаки пресловутой теоріи «laissez faire», которая, повидимому, уже доказала на практикѣ свою несостоятельность, отдавъ милліоны европейскаго пролетаріата въ рабство капиталу. Но Спенсеръ не хочетъ признать этой несостоятельности: въ вышеупомянутомъ этюдѣ *Отъ свободы къ рабству* онъ старается доказать, что большая часть обвиненій, падающихъ на наше время, обусловлена психологическою иллюзіей, состоящею въ томъ, что, «по мѣрѣ усовершенствованія вещей, становятся все громче крики объ ихъ недостаткахъ». Онъ пытается привести въ доказательство этой мысли нѣсколько примѣровъ: такъ, положеніе женщинъ у дикарей было невыносимо, оно было иногда хуже положенія домашняго скота, а, между тѣмъ, теперь, когда женщина поставлена очень высоко, слышатся самые отчаянные вопли объ ея угнетеніи, и они раздаются оообенно сильно тамъ, гдѣ положеніе женщинъ всего лучше, а именно въ Америкѣ, въ этомъ настоящемъ «женскомъ раю». Нѣсколько поколѣній назадъ умѣнье читать и писать было практически ограничено высшими и средними классами; въ то время или вовсе не слышалось требованій образованія среди рабочихъ классовъ, или они показались бы странными; теперь же, когда неграмотность составляетъ исключеніе среди низшихъ классовъ, слышатся крики о томъ, что народъ гибнетъ во тьмѣ невѣжества. То же самое и относительно удовлетворенія экономическихъ жизненныхъ потребностей: давно ль люди ходили полуодѣтые, жили въ коморкахъ безъ печей, вли Богъ знаетъ что, и тогда всѣ молчали, а теперь, когда они одѣты тепло, когда каждый имѣетъ въ квартирѣ печь, а за столомъ удовлетворительную пищу, когда средняя жизнь стала значительно выше, слышатся крики о бѣдственномъ положеніи массъ, — крики, какихъ раньше никогда не бывало (!). Хотя далѣе Спенсеръ самъ признаетъ, что въ современномъ обществѣ остается еще много зла и бѣдствій, что «существующій типъ общественной организаціи не можетъ дать удовлетворенія тому, кто его наблюдаетъ, но онъ увѣренъ, что это происходитъ не отъ свободной конкуренціи силъ: безъ этой конкуренціи мы не имѣли бы, по его мнѣнію, множества нужныхъ вещей, создаваемыхъ промышленною борьбой; безъ нея не было бы стремленія производить все больше и больше, искать новыхъ потребителей, а, стало быть, понижать цѣну и давать низшимъ классамъ возможность пріобрѣтать множество такихъ продуктовъ, которыхъ безъ этого онъ

переведеннаго на русскій языкъ много лѣтъ тому назадъ. Книга Мэна носитъ названіе *Popular Government* (*Народное правительство*), подъ которымъ Мэнь понимаетъ демократію, т.-е. низшіе или рабочіе классы, несущіе съ собою, по мнѣнію автора, социалистическія тенденціи въ сферу государственности. Аргументы Мэна противъ демократіи опираются на предвѣщанія серьезной опасности для свободы и прогресса отъ надвигающагося социализма, сопровождаемаго невѣжествомъ народныхъ массъ.

не имѣли бы. Если при этомъ понижается заработокъ, за то въ большей пропорціи удешевляются средства къ жизни. Спенсеръ думаетъ, что существующіе недостатки организаціи уничтожатся лишь постепеннымъ приспособленіемъ и усовершенствованіемъ людей, какъ они постепенно уничтожались до сихъ поръ, но что обратный путь радикальныхъ и быстрыхъ улучшеній повелъ бы только къ арміямъ труда, подчиненнымъ дисциплинѣ, какъ въ Перу, привелъ бы къ безконечной массѣ контролеровъ-чиновниковъ, которые образовали бы изъ себя могучую корпорацію, а эта корпорація, какъ и регулирующая система въ отдѣльномъ организмѣ, непременно поставила бы интересы корпораціи въ разрѣзъ съ интересами остальнаго общества и ей не трудно было бы поработить его. Надежды на то, что массы сами избирали бы изъ себя руководителей труда, есть мечта, которой противорѣчитъ исторія. Исторія показываетъ, что писанные уставы и законы принимаютъ въ жизни совсѣмъ иной характеръ, чѣмъ на бумагѣ, пока люди недостаточно совершенны. «Какъ мало людей,—говоритъ Спенсеръ,—которые, работая надъ французскою революціей и, главнымъ образомъ, надъ установленіемъ новаго правительственнаго аппарата, могли вообразить, что одно изъ первыхъ дѣйствій этого аппарата будетъ состоять въ обезглавленіи ихъ самихъ! Какъ не много людей, выработывавшихъ американскую декларацію независимости и соорудившихъ республику, предвидѣли, что послѣ нѣсколькихъ поколѣній законодательство очутится въ рукахъ уайръ-пуллеровъ, что избиратели, вмѣсто того, чтобы направлять дѣла въ свою пользу, будутъ тысячами приводиться къ избирательнымъ спискамъ «патронами» и что почтенные люди будутъ устраниваться отъ публичной дѣятельности посредствомъ оскорбленій и клеветы со стороны профессиональныхъ политиковъ!»

По мнѣнію Спенсера, коопераціи могутъ быть только двухъ родовъ: или добровольныя, или принудительныя. Уничтожьте первыя и явятся неизбежно вторыя. Спенсеръ признаетъ, что теперешняя такъ называемая добровольная кооперація не вполне свободна, потому что рабочій часто вынужденъ необходимостью брать работу и соглашаться на извѣстную заработную плату; ему могутъ сказать: «или возьми работу, или умирай съ голоду». Но, во-первыхъ, это отношеніе людей переходное, а, во-вторыхъ, если его сравнить съ настоящею принудительною коопераціей, т.-е. съ арміей труда, организованной по правиламъ военной дисциплины, то не можетъ быть и вопроса о преимуществахъ той или другой системы: «Моя оппозиція социализму,—говоритъ онъ,—происходитъ отъ увѣренности, что онъ остановилъ бы ту высшую стадію организаціи, какую я предвижу въ моей *Соціальной статикѣ* и въ *Политическихъ учрежденіяхъ*, и вернулъ бы намъ низшую стадію». Какая же это высшая стадія? Это есть высочайшее развитіе *индивидуальности* рядомъ съ высочайшимъ развитіемъ *взаимной зависимости*. Но какъ же Спенсеръ примиряетъ два эти положенія, повидимому, столь противоположныя? Онъ предполагаетъ, что въ человѣчествѣ разовьются до высшей степени чувства симпатіи, созда-

юція свободную и пріятную зависимость. При уясненіи своей мысли, онъ указываетъ на отношенія въ лучшихъ современныхъ семьяхъ (см. *Social Statik*. London, 1868 г., стр. 482, § 18).

Трудно себѣ представить что-либо, повидимому, болѣе далекое отъ взгляда «тайнаго инвизитора» и болѣе близкое къ тому, что Достоевскій видѣлъ въ противоположномъ міросозерцаніи, кладущемъ въ основу жизни свободу личности и любовь одного человека къ другому. Но, увы, это сходство только кажущееся: вѣдь, та взаимная симпатія, о которой мечтаетъ Спенсеръ, есть только обѣтованная земля будущаго состоянія, это лишь *абсолютная* этика и справедливость. А до тѣхъ поръ мы должны слѣдовать совсѣмъ другой, относительной этикѣ. До какой степени немедленное осуществленіе чувства симпатіи, при теперешнихъ условіяхъ общества, отрицается Спенсеромъ, видно изъ того, что онъ почти съ негодованіемъ нападаетъ не только на налогъ въ пользу бѣдныхъ, но и на налогъ въ пользу народнаго образованія, относя все это къ ненавистному ему государственному вѣшательству и социализму. Онъ съ ироніей говорить, что если сегодня вотировали налогъ въ пользу образованія, то черезъ годъ будутъ вотировать налогъ на обувь, одежду и т. д. для немощныхъ классовъ; онъ съ досадой замѣчаетъ, что прогрессъ, создавшій множество филантропическихъ учрежденій, создалъ ихъ уже «черезъ-чуръ много».

И вотъ въ чемъ, намъ кажется, отличительная черта и основной порокъ его индивидуализма: требуя свободы для личности, онъ, въ то же время, запрещаетъ ей любить и дѣлать что-нибудь теперь же для ближняго, потому что время для абсолютной этики еще не пришло; оно придетъ въ прекрасномъ грядущемъ, оно осуществится въ будущемъ раю человечества. Онъ не хочетъ признать, что если представители общества, хотя бы въ Англіи, вотируютъ налогъ въ пользу бѣдныхъ или народнаго образованія, то это доказываетъ, что они уже обладаютъ такою симпатіей, которая стремится теперь же къ дѣятельному выраженію путемъ извѣстной общей жертвы. Почему же Спенсеръ видитъ въ этомъ самопожертвованіи тиранію общества надъ личностью, грядущее рабство и социализмъ, а не торжество личности, охваченной высокими симпатическими чувствами? И далѣе: онъ признаетъ главною обязанностью государства создавать условія для наиболѣе свободнаго развитія личности, но почему же открытіе бесплатныхъ школъ для бѣднаго класса не есть именно такое устройство для личностей условій свободнаго развитія? Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что обязанностью государства въ промышленномъ обществѣ является борьба съ внутренними врагами, т.-е. людьми порочными, преступными и т. д., но почему жадность какого-нибудь промышленника, скупающаго хлѣбъ для того, чтобы продать его втрое дороже въ годину голода, почему жадность фабриканта, доведшаго свое производство до перепроизводства и банкротства и этимъ пустившаго своихъ рабочихъ по міру, — почему жестокость предпринимателя, непомерно понижающаго заработную плату,

въ виду избытка голодныхъ тружениковъ, предлагающихъ свой трудъ,— почему все это не тѣ пороки и преступленія, съ которыми должно бороться государство, по словамъ самого же Спенсера? Почему привилегію абсолютной свободы онъ даетъ только порокамъ и преступленіямъ промышленности, почему только здѣсь ихъ преслѣдованіе является источникомъ рабства, а преслѣдованіе другихъ пороковъ и преступленій гармонируетъ со свободой?

Все это крупныя непослѣдовательности Спенсера своимъ же собственнымъ основнымъ принципамъ, и онѣ не только отнимаютъ ту цѣнность у его работы, какую она могла бы имѣть, но они дѣлаютъ ее даже вредной. Его предостереженія противъ излишествъ внимательства имѣли бы несомнѣнно большую цѣнность; его указанія на тотъ принципъ, за предѣлы котораго не должно заходить внимательство государства, были бы весьма полезны. Но онъ выводитъ ихъ за намѣченныя имъ самимъ границы и, такимъ образомъ, обрекаетъ государство на полное безсиліе пассивнаго зрителя общественныхъ бѣдствій и экономического порабощенія личности. И все это изъ страха какого-то много ея порабощенія!

III.

Столь же непослѣдовательной кажется намъ уже отмѣченная выше теорія представительства, пропорціональнаго не числу индивидовъ, а числу интересовъ или функций.

Многіе готовы будутъ заподозрить Спенсера по этому случаю въ сознательной или безсознательной буржуазной тенденціи, стремящейся дать буржуазіи права голоса, равныя съ правами многочисленныхъ массъ, но, по-нашему, тутъ вѣрнѣе предположить другое побужденіе: это—страхъ многихъ изъ представителей науки, что въ демократіи они останутся въ такомъ меньшинствѣ, которое не будетъ имѣть никакого вліянія на ходъ дѣлъ. Мы видѣли ранѣе, съ какимъ разочарованіемъ говоритъ Спенсеръ о демократіяхъ Франціи и Америки; при этомъ онъ часто ссылается на Генри Мэна и на вышеупомянутое послѣднее сочиненіе его *Popular Government*, поэтому приведемъ изъ этого сочиненія болѣе откровенный обращеніе того страха, который, очевидно, руководитъ и Спенсеромъ.

Возражая Бентаму, Мэнъ говоритъ: «Бентамъ полагалъ, что если вручить власть одному человѣку, то онъ будетъ употреблять ее въ свою пользу, а потому, если переложить эту систему на всѣхъ членовъ политическаго общества, т.-е. государства, то получится совершеннѣйшая система управленія. Но при этомъ не мѣшаетъ вспомнить выраженіе Макіавелли, что свѣтъ состоитъ изъ невѣждъ, и тогда мы поймемъ, что большинство не можетъ быть способно къ пониманію своихъ интересовъ, а это дастъ вамъ главный аргументъ противъ демократіи».

Здѣсь ясно выступаетъ источникъ вышеупомянутаго страха, а именно невѣжество массъ, которое принимается какъ нѣчто неизбѣжное, вѣчное,

а не обусловленное временнымъ состояніемъ народнаго образованія, которое, дѣйствительно, могло бы навсегда остаться таинмъ, если бы слѣдовать взглядамъ Спенсера. Нѣсколькими строками ранѣе, Мэнъ еще откровеннѣе: «Фактически слѣдуетъ признать,—говоритъ онъ,—что Бентамъ перецѣнилъ человѣческую природу, онъ перецѣнилъ свыше мѣры человѣскій умъ. Онъ ошибочно думалъ, что истины, извѣстныя ему съ полною ясностью и отчетливостью, благодаря яркому свѣту его ума, должны быть столь же ясны другимъ людямъ или большинству ихъ. Онъ не понималъ, что онѣ очевидны лишь немногимъ, т.-е. *умственной аристократіи*».

Здѣсь ужъ дѣло идетъ не о невѣжествѣ, которое излечимо высокими подъемомъ народнаго образованія,—здѣсь прямо заявляется право новой аристократіи, т.-е. проводится, хотя и косвенно, проектъ Огюста Бонта, о которомъ мы говорили выше,—проектъ недогрѣшимыхъ папъ и епископовъ науки.

Теперь намъ понятно, почему Спенсеръ даетъ представительство не индивидамъ, а *членамъ* организма или *функціямъ*.

Однако, указать причину какого-либо взгляда еще не значитъ доказать его непригодность. Вопросъ о значеніи меньшинства былъ поднимаемъ не разъ. По этому вопросу дано было интересное изслѣдованіе Милля, и мы вовсе не считаемъ его рѣшеннымъ вышеприведенными указаніями на противорѣчія Спенсера. Этотъ вопросъ долженъ считаться открытымъ, но дѣло въ томъ, что ставить его надо откровенно и доказывать прямо, а не обходнымъ путемъ, какъ дѣлаетъ Спенсеръ.

Этому же неискренности его объясняется и то, почему, говоря ранѣе о правахъ челоѣка (см. выше), онъ исключилъ политическія права изъ естественныхъ правъ и утверждалъ, что они сами по себѣ не увеличиваютъ блага личностей, а только могутъ косвенно, да и то при хорошемъ употребленіи, предохранить личность отъ нарушенія ея правъ. Теперь намъ становится понятно связь между всѣми этими противорѣчіями: она лежитъ въ страхѣ передъ невѣжествомъ и непониманіемъ толпы. Спенсеръ поставилъ дѣло не откровенно, онъ завернулъ свою мысль въ оболочку «равновѣсія организма», надѣлъ на него маску «членовъ организма», но ему можно отвѣтить его же словами, что забота о цѣломъ организмѣ общественномъ оправдывается только заботой о единицахъ, составляющихъ организмъ, и что тоже слѣдуетъ сказать,—если желаешь быть логичнымъ,—о какихъ-то неназываемыхъ по имени «членахъ» организма. Нужно назвать эти члены и функціи, а не держать ихъ инкогнито, а затѣмъ нужно доказать, что ихъ представительство такъ важно въ интересахъ единицъ, что должно быть сравнено съ представительствомъ массъ. Тогда только ихъ защита не будетъ противорѣчить основнымъ положеніямъ. До тѣхъ же поръ эта теорія «функцій» или «интересовъ», вмѣсто «личностей», представляется весьма опасной: вѣдь, и компанія Джековъ-вспарывателей, и компанія шуллеровъ, и компанія ненавистныхъ самому Спенсеру уайръ-пуллеровъ могутъ предъявить свои права на равное съ

народомъ представительство, такъ какъ и они тоже имѣютъ обособленные интересы и функціи.

IV.

И такъ, мы видѣли, что самый существенный пунктъ того противорѣчія, которое проходитъ красною нитью въ трактатѣ Спенсера, есть его увѣренность, что совершенство личности, а съ нею и общественныхъ отношеній, явится результатомъ почти механическаго приспособленія, а не живыхъ стремленій человѣка къ идеалу и къ немедленному выполненію идеальныхъ требованій этики и справедливости. Прогрессъ несомнѣнно совершается, по меньшей мѣрѣ, этими двумя путями. Такимъ образомъ, вѣра Герберта Спенсера въ личность, хотя она постоянно у него на языкѣ, когда ему нужно употребить ее какъ орудіе въ борьбѣ съ экономическими реформами, оказывается, въ сущности, весьма сомнительной: ставя развитіе личности цѣлью общественнаго процесса, онъ оставляетъ самую личность почти бездѣятельной въ работѣ развитія этого процесса. Отсюда вытекаетъ его дальнѣйшая ошибка: онъ полагаетъ, что къ развитію симпатіи приведетъ не дѣятельное и практическое упражненіе самаго этого чувства, пускаемаго въ ходъ теперь же, т.-е. при данныхъ несовершенныхъ условіяхъ среды, а что, наоборотъ, къ выработкѣ симпатіи приведетъ борьба за существованіе, которая на самомъ-то дѣлѣ неизбѣжно должна сопровождаться подавленіемъ этого чувства.

Мы видимъ далѣе, что, отрицая значеніе искусственнаго или идеальнаго вліянія на характеръ людей, Спенсеръ приводитъ факты вродѣ жестокости европейскихъ христіанъ съ дикарями, и тутъ же, рисуя картину несомнѣннаго прогресса въ положеніи женщинъ, въ развитіи филантропіи и т. п., бездоказательно приписываетъ этотъ прогрессъ не вліянію идеальныхъ началъ, хотя бы того же христіанства, а только своему излюбленному приспособленію. Такимъ образомъ, недостатки новой жизни онъ сваливаетъ только на безсиліе идеальныхъ вліяній, хотя, быть можетъ, въ нихъ гораздо больше виновата излюбленная имъ борьба за существованіе и приспособленіе. Наоборотъ, достоинства современной культуры онъ приписываетъ этимъ своимъ дѣтищамъ, ничѣмъ не доказывая, что они не обусловлены именно тысячекратными идеальными вліяніями. Бланки въ своей *Исторіи политической экономіи* и Альбертъ Ланге въ *Исторіи материализма* замѣчаютъ, что люди прожили до христіанства десятки тысячъ лѣтъ, но даже и въ самые послѣдніе вѣка не знали филантропіи, которая явилась только съ наступленіемъ христіанской эры. Ланге прибавляетъ, что невозможно допустить, чтобы идеалъ любви не воздѣйствовалъ на людей, хотя бы даже тѣмъ, что они въ теченіе тысячелѣтій ежедневно слышали и повторяли о любви къ ближнему. Несомнѣнно, часть вліянія и даже очень большую слѣдуетъ отнести къ гуманизирующему вліянію науки и философіи. Но это опять-таки не мертвое вліяніе приспособленія и борьбы, а идеальное вліяніе мысли и разума. Какая

же часть изъ этихъ улучшеній жизни должна быть отнесена на дѣйствіе борьбы и приспособленія, трудно даже сказать, потому что исторія, особенно исторія новаго времени, не даетъ намъ на это никакихъ ясныхъ указаний, за то она даетъ неоспоримые факты относительно вліяній религіозной, научной и философской мысли, напримѣръ, въ исторіи реформаціи, причѣмъ достаточно вспомнить результаты дѣятельности Кальвина въ Женевѣ и Нокса въ Шотландіи, съ послѣдующими событіями, такъ сильно измѣнившими политическую физіономію всей Англіи. Вліяніе научныхъ открытій и философскихъ идей, напримѣръ, XVI вѣка на реформацію и XVIII вѣка на политическую жизнь, когда научно-философскія идеи перешли изъ Англіи во Францію, представляется доказаннымъ безспорно.

Въ своей черезъ-чуръ односторонней ненависти къ искусственному улучшенію жизни при посредствѣ идеала, Спенсеръ упускаетъ изъ вида еще слѣдующее явленіе: цѣлыя общества, какъ и отдѣльный человѣкъ, только въ началѣ жизни переживаютъ періоды безсознательной эволюціи, послѣ которыхъ слѣдуютъ періоды сознательнаго самовоспитанія и развитія. Въдѣ, отдѣльный человѣкъ, достигнувъ извѣстной степени въ развитіи разума и знаній, не станетъ отдаваться слѣпо и безъ сопротивленія всякому теченію жизни, онъ ставитъ себя цѣли впередъ, обдумываетъ планъ будущаго, предвидитъ опасности и предупреждаетъ ихъ. Онъ дѣлаетъ это и въ области физической жизни, строя громоотводы, лабораторіи и т. д., и въ области нравственной жизни, сдерживая себя, оказывая услуги другимъ, дѣлая сбереженія, беря на себя усиленный трудъ и т. д. Но почему же цѣлое общество должно всегда оставаться на стадіи безсознательнаго, слѣпонаго процесса, уподобляясь первобытному дикарю, который рассчитывалъ на фатумъ, какъ Спенсеръ рассчитываетъ на свой процессъ фаталистическаго приспособленія? Развѣ общество не состоитъ изъ отдѣльныхъ индивидуумовъ и развѣ развитой разумъ этихъ индивидуумовъ не становится высокимъ коллективнымъ разумомъ? Почему же, подобно отдѣльному человѣку, и общество не должно примѣнять науки, разума, предвидѣнія для предупрежденія своихъ внутреннихъ опасностей, какъ оно предупреждаетъ внѣшнія? Почему оно должно ждать грядущаго рая на землѣ и до наступленія этого рая влечь въ грязь свое существованіе? Не напоминаетъ ли это нѣкоторыхъ крайностей средневѣковаго «инквизиторства», сжигавшаго на кострахъ живыхъ людей ради ихъ грядущаго спасенія? Спенсеръ черезъ-чуръ увлекается теоріей спонтаннаго развитія, проводя ту же крайность въ своихъ работахъ о воспитаніи. Ему хотѣлось бы, чтобы мы предоставили своихъ дѣтей естественному процессу приспособленія, оставляя ихъ падать, обжигаться, ломать руки и ноги и т. п. Въдѣ, воспитываются же этимъ путемъ животныя. Но у новорожденнаго животнаго есть инстинктъ, предохраняющій его отъ тысячи опасностей, — инстинктъ, унаслѣдованный въ нервной системѣ отъ тысячелѣтняго опыта предковъ. У людей этотъ инстинктъ замѣняется наукой, а такъ какъ у дѣтей нѣтъ ни науки, ни инстинкта, то эти агенты должны быть замѣ-

нены для нихъ разумомъ и наукой взрослыхъ. Наши инстинкты накоплены въ нашихъ библіотекахъ, музеяхъ и лабораторіяхъ. Если бы у какого-нибудь вида животныхъ отнять его инстинкты, служащіе самосохраненію, онъ вымеръ бы очень скоро. Спенсеръ хочетъ отнять у нашихъ дѣтей нашъ опытъ и научныя знанія совершенно такъ же, какъ онъ хочетъ отнять у общества руководство идеалами, основанными на симпатіи, разумѣ и наукѣ. Не значить ли это вернуть насъ къ состоянію низшему, чѣмъ состояніе животныхъ съ развитыми инстинктами? И онъ воображаетъ при этомъ, что такимъ путемъ мы достигнемъ высшей стадіи, а путемъ разумныхъ улучшеній, опирающихся на чувства симпатіи и науку, мы вернемся назадъ! Можно ли себя представить большее заблужденіе?

Возвращаясь теперь къ вступленію въ нашу статью, мы должны повторить, что Спенсеръ не принадлежитъ къ типу того міросозерцанія, которое Достоевскій выразилъ образно въ «тайномъ инквизиторѣ», но онъ рѣзко отличается и отъ противоположнаго типа. Отличается онъ тѣмъ, что, признавая мораль и справедливость этого типа *въ принципѣ*, онъ, однако, называетъ эту мораль «абсолютной» и относитъ ея блага въ далекое грядущее, въ будущій земной рай, оставляя для настоящаго времени относительную мораль приспособленія и борьбы. Истинная же мораль не должна противопоставлять абсолютной этикѣ относительную, не должна раздѣлять ихъ. Истинная мораль, вѣрующая въ свободу человѣческаго развитія, требуетъ, чтобы каждый сейчасъ же осуществлялъ въ своей личной жизни и въ жизни общественной единую и потому абсолютную этику любви и справедливости. Если этимъ путемъ и жизнь, и сама личность не могутъ сразу сдѣлаться совершенными, то, во всякомъ случаѣ, только на этомъ пути человѣчество воспитаетъ въ себѣ постояннымъ выраженіемъ то чувство симпатіи, которое Спенсеръ общаетъ въ грядущемъ. Только въ такомъ пути это чувство и теперь, т.-е. въ современной, не совершенной жизни, принесетъ немедленно свои плоды и устранить множество золъ и страданій.

А что можетъ сдѣлать «относительная этика» Спенсера?

Л. Оболенскій.

Европа и революція.

(L'Europe et la Révolution. Tome III. La Guerre aux Bois, 1792—1793, par Albert Sorel).

Солидное сочиненіе Альберта Сореля, посвященное отношеніямъ Европы къ французской революціи, представляетъ собою не только полезную работу,—по этому предмету еще не было труда, въ цѣломъ методичнаго и добросовѣстнаго,—это и само по себѣ—сочиненіе самаго высокаго качества и одинаково отличающееся какъ глубиною взглядовъ и ясностью развитія, такъ и вѣрностью главной мысли. Два первыхъ тома — *Политическіе нравы и обычаи (Les mœurs politiques et les Traditions)* и *Паденіе королевской власти (La chute de la Royauté)*—уже позволили критикѣ измѣрить всю важность задуманной авторомъ задачи, а также доставили ей новый случай оцѣнить вполне талантъ Сореля, независимость его сужденій и вѣрность ума; но третій томъ, кажется, еще лучше двухъ предъидущихъ, и главные достоинства автора обнаруживаются въ немъ съ еще болъшею силой и яркостью, какъ будто мысль историка всевозвышается вмѣстѣ съ его трудомъ.

Было бы общимъ мѣстомъ повторять здѣсь, что болъшей части сочиненій о французской революціи, появившихся въ теченіе почти вѣка, недостаетъ безпристрастія. Читая ихъ, можно было бы даже подумать, что этотъ страшный переворотъ, по своимъ гигантскимъ размѣрамъ, не подходитъ подъ мѣрку обычной справедливости и относится скорѣе къ легендѣ, чѣмъ къ исторіи. Даже самыя великія умы принимались за изслѣдованіе этого вопроса съ заднею политическою мыслью, судя о революціи и ея результатахъ сообразно съ своими теоретическими и предвзятыми понятіями объ обществѣ, или подъ вліяніемъ своихъ предрассудковъ и заблужденій, склоняясь, такимъ образомъ, фатально и всегда или къ панегирикамъ, или къ памфлетамъ.

Сорель, напротивъ, при оцѣнкѣ людей и событій того времени, сумѣлъ возвыситься до тѣхъ *templa serena*, о которыхъ говоритъ поэтъ, и откуда лучше распознаются мелкія и великія человѣческія дѣла; онъ принялъ за правило ничѣмъ не жертвовать духу партіи, но всегда идти добросовѣст-

ною, честною индукціей, судя о людяхъ съ тою высшею снисходительностью, которая беретъ свое начало въ глубокомъ изученіи тайныхъ двигателей челоѳического духа и въ точномъ познаніи ихъ несовершенствъ и слабостей, точно также какъ и ихъ нравственныхъ достоинствъ и добродѣтелей. Здѣсь мы имѣемъ дѣло уже не съ легендой, изукрашенной или обезображенной воображеніемъ историковъ: событія являются здѣсь передъ нами въ ихъ истинномъ свѣтѣ, они идутъ въ логической послѣдовательности и освѣщаютъ другъ друга своими взаимными отношеніями, слѣдуя тому великому историческому закону, по которому всякій политическій актъ есть ничто иное, какъ результатъ столкновенія противоположныхъ интересовъ, изъ которыхъ слагается народная жизнь.

Надо ли еще прибавлять, чтобы дополнить эту слишкомъ краткую оцѣнку сочиненія въ общемъ его составѣ, что вся книга написана языкомъ просто-классическимъ, сжатымъ, внушительнымъ, какъ языкъ Монтескьё, и что, несмотря на свою сжатость, съ перваго раза даже немного тяжеловатую, слогъ не страдаетъ и недостаткомъ теплоты, особенно въ характеристикахъ личностей.

Этотъ третій томъ — *Война съ монархами* — раздѣляется на двѣ книги, — первая подъ заглавіемъ *Нашествіе и республика (L'Invasion et la République)*, вторая — *Коалиція и терроръ (la Coalition et la Terreur)*: передъ нами проходятъ событія отъ 10 августа 1792 года до первыхъ дней 1794 года.

Первая книга посвящена подробному и строго-психологическому изученію того, что представляла изъ себя революціонная дипломатія передъ лицомъ страшной опасности, угрожавшей не только республикѣ, но и самому существованію отечества.

Во второй книгѣ мы узнаемъ о нерѣшительности политики иностранныхъ государей по отношенію къ революціи; въ ней они выводятся передъ нами до такой степени поглощенные своимъ личнымъ соперничествомъ, что вся важность движенія, которое, перевернувъ Францію, готовилось преобразовать весь міръ, была совершенно забыта; въ ней, наконецъ, опровергается тотъ ошибочный взглядъ, который усматривалъ между терроромъ и дѣломъ народной защиты связь причины съ дѣйствіемъ, и указывается, что здѣсь передъ нами лишь совпаденіе во времени.

Послѣдуемъ шагъ за шагомъ за Сорелемъ и постараемся резюмировать наиболее поучительное въ его повѣствованіи.

Каково было положеніе Франціи въ концѣ августа 1792 года? Никогда еще оно не являлось болѣе критическимъ, никогда горизонтъ не былъ мрачнѣе: 80,000 армія, подъ предводительствомъ герцога Брауншвейгскаго, подвигалась по дорогѣ къ Парижу, въ сопровожденіи знатныхъ эмигрантовъ, которые въ своихъ проектахъ ищенія были болѣе жестоки, чѣмъ худшіе изъ революціонеровъ, и «по болѣшей части желали, — по словамъ одного свидѣтеля, — осудить на смерть, по вступленіи во Францію, всякаго, кто только тамъ оставался»; на Западѣ надвигалась другая опасность,

гражданская война: католическія провинці Ванден и Бретани, оскорбленныя въ своихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ еще больше, чѣмъ въ монархическихъ чувствахъ, ждали только благопріятнаго случая, чтобы подняться, угрожая протянуть руку иностранцамъ для сокрушенія нарождающейся республики. «Это былъ вопросъ жизни или смерти для независимости націи, для неприкосновенности территоріи, для свободы гражданъ, для гражданскихъ и социальныхъ завоеваній революціи»; а чтобы встрѣтить эту двойную опасность, чтобы предупредить возстаніе и отразить нападеніе иностранцевъ,—солдаты Фридриха, славную прусскую армію семилѣтней войны,—Франція располагала самое большее сотней тысячъ людей, разсѣянныхъ тамъ и сямъ, не организованныхъ, не дисциплинированныхъ, да, кромѣ того, на половину разрушенными крѣпостями; казалось, все было потеряно,—за гуманитарными мечтами слѣдовала неумолимая дѣйствительность; время неопредѣленныхъ рѣчей прошло, надо было защищаться и побѣждать.

Въ этомъ безнадежномъ положеніи пародомъ вдругъ овладѣло удивительное возбужденіе,—отчаяніе, которое всегда удесетеряетъ силы одного человѣка и можетъ увеличить ихъ у народа во сто разъ: изъ пропасти, угрожавшей все поглотить въ себѣ, вдругъ вышелъ свѣтъ, указавшій Франціи знамя спасенія, легендарное *in hoc signo vinces*, — патриотизмъ! Философы отказались отъ своихъ химеръ, политики—отъ своихъ честолюбивыхъ притязаній, народъ забылъ свое озлобленіе; «для всѣхъ оставалось только одно отечество и, слѣдовательно, одна только обязанность—защищать народную землю и встать лицомъ къ лицу съ врагомъ».

Но, чтобы организовать элементы защиты, нужно было правительство, а его не было. Оставалась только одна власть—коммуна,—она то одержала побѣду 10 августа, она, постоянно пребывая въ Отель-де-Виллѣ, держала въ своихъ рукахъ всю революціонную силу,—«власть безыменная, отправляемая неизвестными изступленными людьми», этимъ «сборомъ погибшихъ людей», о которыхъ говоритъ Корнель и которые въ мѣлкіе, смутные моменты народной жизни выносятся грязною волной до самой вершины диктатуры. Франція могла бы принять на свой счетъ старую польскую поговорку и сказать: *Gallia confusione regitur*. Въ коммуны, правда, былъ еще исполнительный совѣтъ, выбранный собраніемъ на слѣдующій же день послѣ паденія королевской власти, но до того времени онъ не имѣлъ серьезнаго вліянія: члены, составлявшіе его, были болѣею частью или люди посредственные, или слабые, а наиболѣе умные, какъ Роланъ и Монжъ, оставались въ нерѣшимости и «растерялись среди фактовъ дѣйствительности». «Этотъ совѣтъ,—говоритъ Сорель,—совершенно опустилъ бы руки передъ стоявшею задачей и не счелъ бы заслужить себѣ уваженіе ни отъ страны, ни отъ собранія, если бы въ немъ не принималъ участія одинъ человѣкъ, стоящій выше общей мѣрки, которому пришлось во время рѣшительнаго кризиса защиты занять всю сцену и сыграть въ демократической и республиканской революціи роль, аналогичную той, какую Мирабо игралъ въ революціи олигар-

хической и монархической». Человѣкъ этотъ былъ Дантонъ, и умѣлою рукой Сореля очерчивается портретъ знаменитаго демагога. Великій Монтаньяръ является передъ нами, въ своей трагической гордости, всѣми сторонами своей возвышенной и благородной природы, во всей напряженности своей жизни, обнаруживающей избытокъ силъ и страстей.

Дантонъ былъ рожденъ для правленія, онъ обладалъ необходимыми качествами государственнаго дѣятеля, но къ нимъ присоединялось такое смѣшеніе невоздержаннаго темперамента, недостатковъ характера и пороковъ происхожденія, что, къ несчастію для государства и для себя самого, онъ не могъ воспользоваться своими драгоценными качествами во всей полнотѣ, какъ этого требовали обстоятельства. Въ то время, когда событія выдвигаютъ его на первый планъ, ему нѣтъ еще тридцати трехъ лѣтъ, а, между тѣмъ, онъ вовсе не похожъ на молодого человѣка, онъ кажется уже зрѣлымъ, могучимъ, массивнымъ, чуть не чудовищнымъ, — фигура сангвиническаго дога, съ повелительнымъ взоромъ, съ громовымъ голосомъ... и, между тѣмъ, эти черты, противныя въ гнѣвѣ, вдругъ освѣщаются и смягчаются, когда ихъ озаряетъ благородное чувство. Вопреки своимъ жестокостямъ, своимъ припадкамъ вспыльчивости, Дантонъ — человѣкъ и, какъ человѣкъ, доступенъ чувству состраданія: «онъ уничтожаетъ того, кто служитъ ему препятствіемъ, но онъ не сумѣетъ оставаться мстительнымъ къ своимъ побѣжденнымъ врагамъ, его всегда будетъ подкупать чувствительность... среди самыхъ ужасныхъ приступовъ бѣшенства у него всегда остается извѣстный запасъ добраго чувства, слезы появляются на его глазахъ такъ же, какъ пѣна бѣшенства на губахъ; и всѣ эти контрасты слѣдуютъ одинъ за другимъ помимо его воли, скачками, внезапно; разсудокъ и политика дѣйствуютъ въ немъ такъ же, какъ у другихъ инстинктъ и страсть». Къ несчастію, эта крайняя подвижность — худшій изъ пороковъ государственнаго человѣка, и Сорель недостаточно, какъ намъ кажется, выяснилъ это; изъ тѣхъ качествъ, которыя дѣлаютъ великими политиками Ришельё или Фридриха, — а это были, при общей гармоніи способностей, твердость во взглядахъ, пылливость ума и сила воли, которая идетъ прямо къ цѣли, не задумываясь ни передъ какимъ препятствіемъ, — изъ всѣхъ этихъ великихъ качествъ Дантонъ не имѣлъ ни одного; методическій трудъ, медленные расчеты надобяли ему, утомляли его, временами его охватывала «страшная усталость. Онъ вдругъ спотыкается въ нерѣшительности, медлитъ, скрывается съ политической арены въ тотъ моментъ, когда надо было бы дѣйствовать со всею энергіей, поддаваясь въ этихъ случаяхъ неодолимой потребности отдохнуть, успокоиться послѣ напряженія, забыться». И, между тѣмъ, несмотря на свои слабости, Дантонъ былъ для совѣта все, потому что онъ одинъ руководился общими идеями и былъ способенъ составить цѣльный взглядъ на ходъ событій; у него было гениальное воззрѣніе на народное дѣло, выполненное революціей, онъ предвидѣлъ практическую цѣль, которой она должна была достигнуть: внутри — организацію демократіи, извнѣ —

могущество и престиж нации, «блескъ республики»; наконецъ, онъ былъ единственный человекъ дѣйствія въ правительствѣ: Роланъ хвастался социальными теоріями и занимался моральными поученіями, Монжъ терялся въ математическихъ отвлеченностяхъ. Дантонъ, презирая ихъ софизмы и фразы, видѣлъ факты въ ихъ реальности; онъ былъ лишь министромъ юстиціи, но что ему за дѣло до судебного персонала въ тотъ моментъ, когда герцогъ Брауншвейгскій приближался къ Парижу, когда каждый съ тревогой спрашивалъ себя, не принесетъ ли съ собою завтрашній день общаго пораженія и разрушенія? Тогда-то Дантонъ поднимается выше своей посредственной должности, вырастаетъ до высоты опасности, одушевляетъ и направляетъ защиту, усиливаясь распутать интриги врага, если можно, вступить съ нимъ въ переговоры, дать, наконецъ, республикѣ мѣсто въ Европѣ и привлечь нѣкоторыя государства на сторону мира, но въ особенности «ограничить войну и сохранить для Франціи дипломатическія отношенія съ нейтральными государствами». Это было дѣло трудное: всячески притѣсняемые парижскою коммунаю, неуверенные даже въ безопасности своихъ собственныхъ жилищъ, послы иностранныхъ державъ только и думали о томъ, чтобы испросить паспорта и оставить постъ. Сдѣлавъ все, чтобы удержать ихъ, и не удовлетворяясь еще этимъ, Дантонъ старался найти среди оставшагося личнаго состава прежней дипломатіи людей, достаточно знакомыхъ съ старою французскою политикою, чтобы продолжать ея традиціи, примѣняя ихъ къ новымъ условіямъ демократическаго правленія; ему посчастливилось сразу же натолкнуться на совѣтника непредвидѣннаго, но чрезвычайно осторожнаго, которому судьба готовила блестящее будущее — Талейрана. Можно догадываться, что идеи молодого дипломата не остались безъ вліянія на внѣшнюю политику Дантона: дѣйствительно, начиная съ этого момента, единственнымъ планомъ у главы исполнительнаго совѣта было воспринять *idée fixe* Генриха IV и Ришелье — униженіе австрійскаго дома. Это фактъ, который, какъ намъ кажется, никогда еще не былъ достаточно освѣщенъ, и, между тѣмъ, очень любопытенъ: «По странному проявленію атавизма, революція усвоила себѣ наследственное соперничество между Бурбонами и австрійскимъ домомъ, еще болѣе разжигая его». Даже послѣ пильнической деклараціи и надменнаго манифеста герцога Брауншвейгскаго, Дантонъ делалъ еще мечту отвлечь Пруссію отъ коалиціи и образовать съ нею тѣсный союзъ, возобновивъ для этого переговоры маршала де-Белль-Иля съ Фридрихомъ II, — слѣдовательно, замышляя гибель имперіи. Въ несчастію, всѣ эти прекрасные проекты должны были разрушиться: прусская армія подвигалась, Лонгви (Longwy) капитулировалъ, въ Парижѣ паника росла съ часу на часъ, и нѣкоторые жирондисты уже предлагали, чтобы правительство удалилось на югъ отъ Луары; то было бы сигналомъ къ страшному бѣгству, и Дантонъ понялъ это; онъ воспротивился всѣми силами этому проекту, продиктованному страхомъ: «Франція — въ Парижѣ, въ Парижѣ и надо удерживаться всѣми средствами». Въ то же время,

онъ приказалъ Дюмурье отложить свои безразсудные проекты нападенія на Бельгію и, вмѣсто того, преградить пруссакамъ дорогу къ Парижу. Между тѣмъ, внутри страны опасность росла: коммуна объявила себя въ открытомъ возстаніи противъ всѣхъ установленныхъ властей и «рѣшила терроризировать собраніе, правительство, Парижъ и Францію»; она устроила то страшное избиеніе, которое въ исторіи носитъ названіе сентябрьской рѣзни. Сорель устанавливаетъ ложность легенды, которая приписываетъ Дантону инициативу этого жестокаго кровопролитія, но онъ оставляетъ за нимъ извѣстную долю нравственной ответственности за послѣднее; въ самомъ дѣлѣ, вмѣсто того, чтобы повзвать съ коммуною и открыто противодействовать ей, что служило бы лишь къ его чести, Дантонъ находилъ болѣе удобнымъ вилать, лавировать, возлагая на слабого Романа заботу о сохраненіи порядка. Правда, онъ лично старался предупредить преступленіе, отклоняя отъ него народное движеніе и направляя толпу къ защитѣ страны, но этого было недостаточно: въ то время, какъ на Марсовомъ полѣ онъ своимъ могучимъ голосомъ произносилъ рѣчи къ патріотамъ, въ это самое время когорты палачей дѣлали свое кровавое дѣло, холодно, методически убивая безжалостно женщинъ, дѣтей, стариковъ, нагромождая трупы какъ бы для какой-то страшной гекатомбы. Разъ преступленіе было совершено, Дантонъ хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, воспользоваться имъ, не предоставляя всю выгоду его, «именно распространившійся ужасъ и завоеванную власть», однимъ только жалкимъ людямъ, подготовившимъ его, и нѣкоторые изъ жирондистовъ уже обвиняли его въ подстрекательствѣ къ преступленію. Тѣмъ, кто будетъ принуждать его къ оправданію, онъ отвѣтитъ теперь однимъ пожатіемъ плечъ: «Ваши разсужденія жалки, я знаю только врага, будемъ бить врага»... И дѣйствительно, его единственною заботой всегда было посылать подкрѣпленія Дюмурье, который теперь шелъ къ Аргонскому хребту, стараясь пресѣчь путь непріятелю. Событія, какъ извѣстно, не замедлили оправдать планъ и упорство Дантона; пушечные выстрѣлы при Вальми оповѣстили для Франціи часъ забавленія; эта простая стычка, которая была, однако, большою побѣдой, должна была, выражаясь словами Гёте, «начать новую эпоху въ исторіи міра».

Война за національную независимость кончилась. 23 октября «три залпа пушечныхъ выстрѣловъ, произведенные артиллеріей при Лонгви, объявили, что непріятель оставилъ территорію республики». Казалось бы, что военныя дѣйствія должны были считаться съ этихъ поръ поконченными,—ничуть не бывало. Собравшись 20 сентября 1792 года, конвентъ нашелъ свою страну освобожденною, но онъ позволилъ себѣ малу-по-малу увлечься идеей освобожденія другихъ народовъ: оборонительная политика готова была перейти въ наступательную, и это незамѣтнымъ образомъ, безъ ощутительной перемѣны, но слѣдуя лишь тому неизбѣжному историческому закону, по которому народъ никогда не можетъ уклониться рѣзко отъ традицій своего прошлаго. Дюмурье, какъ мы знаемъ, уже давно замышлялъ нападе-

ніе на Бельгію; генералъ Кюстинъ, воинственный, честолюбивый авантюристъ, но не безъ способностей, имѣлъ притязанія на нѣмецкія земли. Впрочемъ, революціонныя идеи не остались безъ могущественнаго эхо между рейнскими народами,—послѣдніе уже смотрѣли на французовъ какъ на своихъ освободителей, ожидая только ихъ прихода, чтобы избавиться отъ сеніоріальнаго режима. Въ концѣ сентября Кюстинъ получилъ полномочіе подвинуться къ Шпейеру; ему стоило перейти Рейнъ, и всѣ города стали сдаваться, а жители приходили къ нему съ вѣнками: да здравствуетъ республика!» «Города взяты безъ всякаго кровопролитія, и декларація правъ челоуѣка подѣйствовала подобно трубамъ Іисуса Навина»,—писалъ одинъ дипломатъ, и народъ въ восторгѣ сажалъ даже на площадяхъ «радостныя деревья свободы», какъ выразился Гёте въ *Германъ и Доротей*.

Въ то время, какъ гонимы Кюстина приносили конвенту извѣстіе объ этомъ триумфальномъ шествіи, Монтескье входилъ въ Шамбури и савойскій народъ, весь безъ исключенія, страхивалъ съ себя піемонтское иго, безусловно заявляя о своемъ присоединеніи къ Франціи. Жирондисты съ восторженною радостью встрѣчали результаты этихъ кампаній; они смотрѣли на нихъ, какъ на торжество своей политики, они желали своей неопредѣленной космополитизмъ и отказывались понять, что эта сантиментальная политика, преисполненная гуманитарныхъ идей и безпредѣльной утопіи, фатально должна была привести ихъ къ завоевательной войнѣ. Дипломатія практическая и отвѣчающая постоянной реальности вещей, то-есть традиціонной политикѣ Франціи, казалась имъ слишкомъ унизительною, слишкомъ недостойною ихъ честолюбивыхъ замысловъ. Впрочемъ, не оставалось уже никого, кто могъ бы заставить ихъ послушаться голоса разсудка,—Дантонъ вышелъ въ отставку съ 21 сентября. Подъ градомъ нападеній всей умѣренной партіи, которая обвиняла его въ замыслахъ на диктатуру и возлагала на него отвѣтственность за избиенія, клеймя его ненавистнымъ именемъ «главы шайки»,—подъ градомъ доносовъ якобинцевъ, обвинявшихъ его въ *модерантизмѣ*, онъ удалился, чтобы не быть раздавленнымъ въ безплодной и безвыходной борьбѣ. Отвергнутый жирондистами, на которыхъ онъ хотѣлъ бы опереться, чтобы образовать партію правительства и покорить анархію, онъ обратился тогда въ сторону жестокихъ. Гора извлекала пользу изъ этого несогласія: Жиронда побоялась диктатуры Дантона; безсознательно она подготовила путь диктатурѣ Робеспьера. Если паденіе Дантона было несчастіемъ для конвента, оно было также несчастіемъ и для Франціи. Лишившись единственнаго челоуѣка высшихъ способностей, какими онъ располагалъ раньше, исполнительный совѣтъ оказался теперь рѣшительно не въ силахъ направлять внѣшнюю политику Франціи. Правда, Дантонъ продолжалъ руководить имъ, но онъ уже не имѣлъ достаточно власти, чтобы заставить его всегда подчиняться своимъ указаніямъ; внѣшнія отношенія съ этихъ поръ находились во власти двухъ направлений, на которыя раскололся конвентъ и которыя, хотя и различаясь въ намѣченной цѣли, сходились, однако, къ одному и тому же конечному пункту.

ту: это—направленіе жироидистовъ и направленіе монтаньяровъ,—первое, толкающее къ войнѣ отъ имени своихъ теорій о свободѣ народовъ, второе—по ненависти къ королямъ и духовенству, по ярости прозелитизма и особенно въ силу той потребности къ завоеваніямъ, которую, казалось, оно унаслѣдовало отъ прежней монархіи и которая позднѣе должна была обнаружиться съ удесятеренною силой у неизвѣстнаго еще тогда якобинца, имя которому Бонапартъ. Самъ Дантонъ, казалось, поддался тогда общему увлеченію, онъ былъ охваченъ этою воинственною горячкою, которая пока еще тлѣла въ скрытомъ состояніи, но вскорѣ должна была разгорѣться съ удивительною силой. Послѣ *войны освобожденія* настанетъ *война распространенія*, которая приведетъ къ извѣстному декрету 19 ноября 1792 года, «объщающему отъ имени французской націи братство и помощь всѣмъ народамъ, которые пожелаютъ добывать себѣ свободу», затѣмъ *война революціи*, диктующая конвенту декретъ 15 декабря, который дѣлаетъ революцію обязательною для всѣхъ народовъ: «Надо будетъ сказать народамъ, которые пожелаютъ сохранить свои привилегированныя сословія: вы наши враги, и затѣмъ поступать съ ними какъ съ врагами, потому что они не желаютъ ни свободы, ни равенства», и, наконецъ, *война завоевательная*, предшествующая несчастнымъ войнамъ имперіи. Нельзя провести никакихъ точныхъ границъ между этими тремя этапами; факты чередуются, слѣдуя той неумолимой логикѣ, которая напоминаетъ намъ слова Жоффруа: «Событія такъ безусловно опредѣляются идеями, а идеи связываются и слѣдуютъ одна за другою такъ фатально, что единственное, на что могъ бы попытаться философъ, это—скрестить руки и смотрѣть, какъ совершаются революціи, въ которыхъ человѣческое воздѣйствіе такъ мало значитъ». Мы видимъ, что конвентъ вотируетъ всѣ мѣры, какія должны сдѣлать миръ невозможнымъ,—должны возмутить противъ него не только королей, но и народы, что онъ рискуетъ будущимъ Франціи съ какими-то безуміемъ и компрометируетъ самое дѣло революціи, отказываясь отъ принциповъ, создавшихъ ее. Надо признать за Сорелемъ заслугу и оригинальность въ томъ, что онъ первый внесъ свѣтъ во всю эту исторію, до того мало извѣстную, освобождая главные событія отъ второстепенныхъ, затемнявшихъ ихъ, фактовъ.

«Три вопроса,—говоритъ онъ,—составляли предметъ спора между Европой и Франціей... Это были: вопросъ о революціонной пропагандѣ, о завоеваніи сосѣднихъ съ Франціею странъ и о жизни Людовика XVI. Осужденіе на смертную казнь Людовика XVI могло лишь создать для Франціи новыхъ враговъ. Революціонная пропаганда вовсе не была необходима для утвержденія республики, точно также какъ завоеваніе граничащихъ странъ—для сохраненія государства. Но пропаганда содержалась въ самомъ духѣ революціи, завоеваніе—въ духѣ народа, а смерть Людовика XVI отвѣчала интересамъ революціонеровъ. Вотъ почему былъ казненъ Людовикъ XVI, предпринята была пропаганда и завоеваніе естественныхъ границъ связы-

вадось съ идеей торжества революціи». И такъ, всё прекрасныя теоріи о справедливости и свободахъ должны были закончиться войной, то-есть грубымъ господствомъ силы; культъ челоуѣчества не боялся унизиться передъ правомъ болѣе сильнаго, передъ этимъ «Faustrecht», которое оправдывало до нашихъ дней столько несправедливостей. Какая тема для Паскаля и какою ироніей бичевалъ бы онъ этотъ «гордый челоуѣческій разумъ въ униженіи»!

Жестокая развязка длиннаго процесса, которая привела въ смущеніе Европу и Парижъ,—казнь Людовика XVI,—ускорила событія: «Катастрофа 21 января сдѣлаетъ нашими врагами, вѣроятно, всё народы Европы»,—писалъ Дюмурье къ Миранда, и онъ не ошибался: всё дворы объявили, черезъ посредство Питта, что казнь короля 21 января была «преступленіемъ самымъ ненавистнымъ, самымъ жестокимъ изъ всѣхъ, какія только разсказаны исторіей».

До тѣхъ поръ личное честолюбіе государей коалиціи не позволяло имъ видѣть всей важности революціи. Въ общемъ историческомъ очеркѣ польскаго вопроса Сорель указываетъ, какъ соперничества и несогласія державъ по поводу раздѣла этого несчастнаго королевства отвлекли ихъ отъ усилій, которыя могли быть приложены для спасенія Людовика XVI: въ то время, какъ конвентъ осуждалъ «Капета» на смерть и посылалъ его на эшафотъ, прусскіе дипломаты были озабочены изысканіемъ мѣръ подавить французскій якобинизмъ... въ Варшавѣ. Сухой стукъ ножа, отсѣившаго голову Людовика XVI, отозвался во всей Европѣ, какъ ударъ грома, — самые индифферентныя, самые мирныя монархи сразу восприняли, возбуждаемые какъ страхомъ, такъ и гнѣвомъ; это была голова одного изъ нихъ, и революція какъ бы дѣлала имъ вызовъ, — по монархической солидарности столько же, сколько и изъ собственного интереса, они приняли этотъ вызовъ и поклялись отомстить за кровавую обиду, которая нанесена была величеству королей конвентомъ. Теперь Франція имѣла передъ собою уже не только Пруссію и Австрію, но и Испанію, всё государства Италіи, Германскую имперію, Голландію и, наконецъ, Англію,—Англію, которая, вступая въ коалицію, должна была измѣнить всё условія борьбы, обезпечивая врагамъ Франціи поддержку самаго могущественнаго въ мірѣ флота и бросая на чашку вѣсовъ неизмѣримую силу — субсидіи своего золота.

По какому странному заблужденію дипломатія конвента, вмѣсто того, чтобы стараться обезпечить себѣ нейтралитетъ лондонскаго кабинета, напротивъ, толкала его къ войнѣ, которую онъ отказывался начинать?

Прежде всего, даже самые проникательныя изъ революціонеровъ глубоко ошибались относительно положенія умовъ въ Англіи; изъ Парижа они видѣли его какъ бы сквозь дымку миража: въ Шеффилдѣ въ честь французскихъ побѣдъ завололи была, въ Дунди (Dundee) было посажено дерево свободы, наконецъ, нѣсколько экзальтированныхъ англичанъ явились передъ конвентомъ и привѣтствовали революцію отъ имени англійскаго на-

рода, и этого было достаточно, чтобы члены конвента, и даже самъ Дантонъ, вообразили, что идеи Пристлея и Томаса Пэна раздѣлялись всею Великобританіей; они чистосердечно вѣрили, что достаточно будетъ только бросить искру, чтобы оба острова перешли къ республикѣ. Это была грубая ошибка, и Маратъ отлично понималъ ее, когда говорилъ: «Напрасно думаютъ, что англійскій народъ за насъ... Въ Англии наши союзники только философы, а этотъ классъ не очень-то многочисленъ». Англія, между тѣмъ, ничего такъ не желала, какъ оставаться нейтральной: парижскія событія мало касались ея. Питтъ, которому только что удалось, цѣною величайшихъ трудностей, преобразовать государственные финансы, вовсе не хотѣлъ компрометировать свое дѣло, пускаясь въ войну съ сомнительнымъ успѣхомъ; но когда конвентъ, подъ предлогомъ освобожденія Бельгій, объявилъ декретомъ отъ 16 ноября 1792 года, что судоходство по Шельдѣ отнынѣ будетъ свободно, когда сама Голландія увидѣла себя въ опасности, тогда сентъ-жемскій кабинетъ понималъ, что интересы Англии прямо задѣты, что теперь ему предстоитъ защищать свою традиционную политику. «Декретъ конвента, — говоритъ Гринъ, — и нападеніе на Нидерланды должны были заставить Питта взяться за оружіе». Смерть Людовика XVI сдѣлала разрывъ неизбежнымъ и парализовала всѣ попытки примиренія. 24 января французскій посолъ въ Лондонѣ былъ оттуда изгнанъ формальнымъ приказомъ Георга III, который, въ то же время, особымъ посланіемъ къ парламенту требовалъ вооруженій противъ республики. Маре, пріѣхавшій въ это время въ Англию, писалъ Лебрену (Lebrun): «... Смерть короля произвела дѣйствіе, какового и слѣдовало ожидать; ненависть къ французскому имени теперь достигла высшей степени». Война была объявлена, — «война истребленія», по выраженію Питта, и 11 февраля 1793 года открытіе военныхъ дѣйствій противъ Франціи было возвѣщено, отъ имени короля, англійскому парламенту.

Боролі уже вооружились противъ революціи, — вскорѣ настала очередь народовъ, и даже тѣхъ, которые были призваны ею къ свободѣ. Бельгія и рейнскія страны встрѣчали кликами радости этихъ воиновъ революціи, несшихъ имъ независимость, но скоро же они убѣдились, что великія слова, отъ которыхъ они какъ бы опьянѣли, не соответствовали никакой осязаемой дѣйствительности, и ихъ разочарованіе было тѣмъ глубже, чѣмъ больше были ихъ надежды. Они считали себя отнынѣ свободными отъ всякихъ путъ, а Франція обращалась съ ними какъ съ завоеванными странами, окончательно присоединяя ихъ къ себѣ, переворачивая вѣками сложившіяся учрежденія, разоряя принудительнымъ курсомъ своихъ бумажныхъ денегъ и постоянною разквартировкой своихъ голодныхъ войскъ. Они ждали только благоприятнаго момента, чтобы отдѣлаться отъ этихъ ненавистныхъ французовъ.

Революція шла по пути къ бѣдствіямъ; почти одновременно совпали: пораженіе Дюмурье при Нервинденѣ, отступление рейнской арміи, принужденной оставить въ Майнцѣ лучшую часть своихъ полковъ, измѣна побѣ-

дителя при Жемапъ Дюмере въ то время, какъ непріятельское нашествіе распространялось на всѣ границы, наконецъ, внутри страны открытое возстаніе вандейцевъ.

Столько неудачъ открыли, наконецъ, глаза Дантону: послѣ того какъ онъ содѣйствовалъ больше, чѣмъ кто-либо, образованію коалиціи своими теоріями о естественныхъ границахъ и участіемъ, какое онъ принималъ въ казни Людовика XVI, теперь онъ убѣдился, что вступилъ на ложный путь и что революція жестоко обманулась. Однимъ взглядомъ онъ измѣрилъ всю глубину пропасти, къ которой близилась Франція,—подъ грубымъ освѣщеніемъ дѣйствительности факты обнаружались передъ нимъ въ ихъ истинномъ свѣтѣ,—и онъ вернулся къ практическимъ планамъ, именно къ проекту разстроить коалицію и, если можно, вступить съ нею въ переговоры. Но было уже поздно. Напрасно онъ овладѣлъ правительствомъ, войдя въ комитетъ общественнаго спасенія; его планъ: «остановить анархію, возстановить государство, права человѣка сдѣлать реальною дѣйствительностью, республику—правительствомъ, обезпечить миръ, доставить безопасность труду»,—не могъ быть даже рассмотрѣнъ въ собраніи, гдѣ, казалось, наперерывъ торопились дѣлать предложенія одно другаго безразсуднѣе. Между тѣмъ какъ онъ старался сговориться съ своимъ соперникомъ Робеспьеромъ, послѣдній добился декрета 13 апрѣля «о преданіи смертной казни тѣхъ трусовъ, которые предлагаютъ вступить въ переговоры съ врагомъ», а извѣстно, каково было положеніе въ апрѣлѣ 1793 г.: «Франція, со всѣхъ сторонъ израненная, всюду обнаруживала свои язвы»: въ Пиренеяхъ, въ Верхней Италіи—пораженіе и захватъ, въ Вандеѣ, Лозерѣ, въ Лионѣ—гражданская война. «И такъ, во всей республикѣ, но особенно въ Парижѣ, гдѣ концентрировались всѣ бѣдствія департаментовъ, росло состояніе смуты и испуга, которое порождается революціями и въ свою очередь всегда производитъ новыя». Приближался часъ демокгическаго деспотизма, самаго ужаснаго изъ всѣхъ, «власти слѣпой и безумной, по словамъ Фенелона, худшей, чѣмъ всѣ тираны». Второго іюня произошелъ арестъ жирондистовъ, и конвентъ былъ полонъ смуты; Дантонъ вскорѣ долженъ былъ пасть въ свою очередь: 27 іюля Робеспьеръ входилъ въ комитетъ общественнаго спасенія, уже замышляя смерть своего соперника. Съ этого времени соглашеніе стало уже невозможнымъ; внутренніе раздоры разрушаютъ все; вмѣсто того, чтобы позаботиться объ организаціи арміи, партіи думаютъ лишь о томъ, какъ бы растерзать другъ друга, и «Франція успѣла бы погнубить десять разъ, если бы несогласія членовъ коалиціи не вредили атакамъ еще болѣе, чѣмъ раздоры республиканцевъ—защитѣ»; и дѣйствительно, вмѣсто того, чтобы воспользоваться общимъ разстройствомъ и идти на Парижъ, союзники оставались на границѣ, «какъ приклеенные»; тѣ же причины, которыя въ 1792 году задерживали движеніе герцога Брауншвейгскаго, теперь парализовали шествіе союзниковъ: ихъ первое негодованіе вскорѣ исчезло, и политика овладѣла ими всецѣло, — политика ревнивыхъ подозрѣній и взаимной ненависти, внушаема

глухимъ соперничествомъ. Въмѣсто того, чтобы тушить пожаръ, угрожавшій настичуть и ихъ, маленькіе Макіавели великихъ европейскихъ государствъ старались обманывать другъ друга. Былъ моментъ затишья, которымъ Франція могла бы воспользоваться, чтобы, съ нѣкоторымъ шансомъ на успѣхъ, обратиться опять къ серьезнымъ дипломатическимъ отношеніямъ, если бы она сохраняла еще хоть тѣнь дипломатіи. Но правительство, достигшее уже диктатуры, — правительство, которое Сорель называетъ «правительствомъ бѣшенства», а исторія запечатлѣла именемъ «террора», было здѣсь совершенно безсильно. Парижемъ и республикой овладѣла банда «пиратовъ и мечтателей анархіи», а вмѣстѣ съ ними Францію охватилъ головокружительный вихрь. Теперь людьми управляли уже не общія мѣста о братствѣ и человѣчествѣ, воодушевлявшія революцію, — единственный законъ, оставшійся въ силѣ, былъ «законъ о подозрѣваемыхъ», а единственными двигателями политики являлись клевета, доносъ и несправедливость. Надо уничтожить аристократію и духовенство, демагоговъ и жирондистовъ, умѣренныхъ и парубійцевъ, надо одновременно поражать «Англию, Австрію, Вандею, Церковь и Бурбоновъ... Австрію и Австріюку, т.-е. Марію Антуанетту», надо примѣнять противъ иностранцевъ «законъ репрессалій», противъ лицъ, поставленныхъ конвентомъ внѣ закона, — конфискацію имущества, противъ Вандеи — истребленіе. Для [подобнаго дѣла нуженъ былъ «великій инквизиторъ во главѣ государства и палачи». День Робеспьера насталъ.

Правленіе этого человѣка, — излишне повторять это здѣсь, — составляетъ такія страницы, которыя въ чести человѣчества лучше было бы вычеркнуть изъ исторіи. Въ счастью для Франціи, среди этого общаго паденія еще оставалась сила — армія; здѣсь-то укрѣпился, какъ въ послѣднемъ убѣжищѣ, духъ преданности, самоотреченія и самопожертвованія, къ ней обратились всѣ сердца, сохранявшія еще непобѣдимую вѣру въ судьбы отечества. Чего недоставало ей, чтобы идти впередъ и побѣждать? Предводительства, организаціи, начальниковъ. Организаторъ нашелся въ лицѣ Карно. Выбранный членомъ комитета общественнаго спасенія, онъ отказался отъ политики, чтобы заняться наборомъ рекрутовъ и организаціею войскъ. «Ему принадлежала, — говоритъ Сорель, — великая заслуга умѣть распознавать людей, толкать, поддерживать ихъ, концентрировать ихъ силы въ одно общее усиліе, — единственное, которымъ онъ руководилъ». Въ августѣ 1793 года Франція была еще совершенно окружена врагами, но черезъ нѣсколько недѣль все перемѣнилось. Битва при Ватиньи 16 октября заставила австрійцевъ податься. Люди, до того времени неизвѣстные, оказались искусными генералами; Журданъ Пишегрю и Гошъ принудили союзниковъ отступить по всей линіи, а къ концу октября территория Франціи была очищена со стороны сѣверной и западной границъ, между тѣмъ какъ вандейцы, побѣжденные въ Шоле, должны были покориться въ Фернеѣ.

Франція снова была спасена, но, какъ замѣчаетъ Сорель, «терроръ

несколько не содѣйствовало этимъ побѣдамъ. Избѣженія организовались въ то же время, какъ и національная защита; они не создали ея, и чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно сравнить даты: дѣло національнаго освобожденія начато нѣсколькими недѣлями раньше приведенія въ исполненіе рѣзни, и коалиція была окончательно побѣждена, когда терроръ предавался кровавымъ казнямъ 1794 года. «Общественное спасеніе всегда было лишь предлогомъ для террора, — прибавляетъ Сорель, — благополучіе террористовъ и ихъ тиранія были единственнымъ дѣйствительнымъ поводомъ къ нему», и поэтому-то терроръ дѣлался тѣмъ болѣе жестокимъ, чѣмъ сильнѣе обнаруживалась его бесполезность.

Послѣдняя глава—*Война съ монархами*—оставляетъ насъ среди разгара терроризма, при началѣ ужаснаго 1794 года, въ теченіе котораго революція, побивъ всѣхъ своихъ враговъ, направляетъ противъ своихъ же приверженцевъ бѣшенство безумнаго разрушенія и, какъ богъ въ древней баснѣ, сама пожираетъ своихъ дѣтей.

Какое же общее сужденіе можно высказать о событіяхъ, одновременно грандіозныхъ и страшныхъ, исторію которыхъ мы только что резюмировали? Не слишкомъ ли трудно удержаться на справедливой оцѣнкѣ, имѣя передъ собою этотъ единственный въ лѣтописяхъ народовъ взрывъ всего, что только есть въ человѣческой натурѣ добродѣтельнаго и героическаго и, въ несчастію, также слабого и преступнаго?

Чтобы остаться вѣрными истинѣ, нужно съумѣть подняться выше многочисленныхъ противорѣчій, ошибокъ и даже преступленій революціи, съумѣть отличать форму, которая минуетъ, отъ духа, который вѣчно живетъ. Если революція въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ отвратительна, то не слѣдуетъ забывать, что, съ другой стороны, своею главою она достигла чистаго неба идеала. Она внесла въ міръ болѣе высокое понятіе о правѣ и справедливости, она дала людямъ слова, которыя перешли въ будущее, она разбила узкую форму старой монархіи и постаралась создать на ея развалинахъ общество, освобожденное отъ прежнихъ предрасудковъ, болѣе свободное и болѣе счастливое; если она была страшна, то она же была и благотѣльна, и вотъ почему она можетъ требовать для себя признательности отъ человѣчества.

Ж. Л.

Родоначальники англійскаго радикализма *)

Начиная съ правленія Елизаветы и въ теченіе всей первой половины XVII в., процессъ огораживаній совершается безпрепятственно. Законодательство отказывается отъ всякой дальнѣйшей борьбы съ нимъ и правительство само принимаетъ починъ въ возведеніи новыхъ загородей, по соображеніямъ, вызываемымъ, повидимому, цѣлями общественнаго благосостоянія. Обращеніе значительныхъ пространствъ земли изъ пахоты въ пастбище въ интересахъ удовлетворенія возрастающаго запроса на англійскую шерсть и возникшее, благодаря этому, уменьшеніе въ количествѣ производимаго въ Англии хлѣба, побуждаетъ англійскую администрацію позаботиться объ осушеніи стоячихъ болотъ и періодически затопляемыхъ водою земель. Въ правленіе Іакова I правительство вступаетъ съ этою цѣлью въ сдѣлку съ частною компаніей, составленною, по преимуществу, изъ уроженцевъ Голландіи, и предоставляетъ имъ устройство доковъ на протяженіи десятковъ тысячъ акровъ, расположенныхъ въ графствахъ Линкольнъ и Юркъ. Съемщики выговариваютъ себѣ право на эксплуатацію въ теченіе ряда лѣтъ завоеванной у моря площади, что въ свою очередь ведетъ неминуемо къ упраздненію правъ общиннаго выпаса, какимъ дотогѣ пользовалось мѣстное населеніе. Открытое нападеніе на иноземныхъ, въ большинствѣ случаевъ, рабочихъ, разрушеніе воздвигнутыхъ ими доковъ, сожженіе ихъ церквей и жилищъ—таковы мѣры, къ которымъ обойденные договоромъ сельчане обращаются для защиты своихъ стародавнихъ правъ. Эти насильственные дѣйствія вызываютъ каждый разъ правительственное вмѣшательство въ интересахъ не въ чемъ неповинныхъ компаній. Новые однохарактерные договоры, заключаемые съ тою же цѣлью,—дренажа въ правленіе Карла I,—порождаютъ приблизительно то же недовольство и обуславливаютъ собою однохарактерныя попытки сопротивленія со стороны приносимыхъ въ жертву общинныхъ пользователей. Такимъ образомъ, число лицъ, враждебныхъ упраздненію средневѣковой системы открытыхъ полей, продолжаетъ расти въ Англии съ каждымъ поколѣніемъ.

Въ эпоху республики къ указаннымъ причинамъ сокращенія общинна-

*) *Русская Мысль*, кн. II.

го землевладѣнія присоединяется новая,—для уплаты жалованья республиканскому войску, парламентъ издаетъ законъ о продажѣ королевскихъ лѣсовъ. Эта продажа, очевидно, ведетъ къ тому же результату—упраздненію правъ сосѣднихъ сельскихъ обществъ на пользованіе лѣсными угодьями для топлива, построекъ и выпаса скота. Дѣло не обходится, разумѣется, безъ протеста со стороны потерпѣвшихъ, недовольство которыхъ принимаетъ подчасъ форму вооруженнаго сопротивленія. Только что упомянутыя явленія общественной исторіи не могли пройти безслѣдно для политическихъ агитаторовъ Англіи XVII в. Неудивительно, если борящіеся за господство партій, желая обезпечить себѣ поддержку крестьянскаго населенія, обыкновенно включали въ свою программу требованіе разрушить загороди и возвратитъ народу право на пользованіе общиннымъ выпасомъ на частныхъ нивахъ и лугахъ по снятіи съ нихъ урожая.

Протестъ противъ огораживанія не составляетъ особенности какой-либо партіи и въ частности коммунистовъ. Открыто высказываясь противъ всякой попытки насильственнаго уравниванія состояній, Джонъ Лилборнъ, напримѣръ, пишетъ, въ то же время, памфлетъ въ защиту правъ общинныхъ пользователей въ Эпвортѣ *).

Тремя годами ранѣе въ петиціи, поданной на имя предводителя республиканской арміи Ферфакса, милиція Нортумберландскаго графства, совершенно чуждая всякимъ стремленіямъ къ ниверсированію, тѣмъ не менѣе, включаетъ въ число своихъ требованій слѣдующее: «Въ интересахъ общей пользы государства, обведенныя загородами общинныя земли и другія пожалованія, сдѣланныя въ пользу бѣдныхъ, должны быть приурочены снова къ первоначальному ихъ назначенію» **). Нельзя также приписать исключительно коммунистической партіи ту агитацію въ пользу отчужденія феодальнаго характера англійскаго землевладѣнія, которая въ серединѣ XVII вѣка высказалась въ требованіи свести всѣ формы зависимаго владѣнія къ одной—свободному держанію или фригольду, упразднить право первородства и установить систему равнаго наследованія. Далеко не всѣ эти требованія нашли себѣ законодательное признаніе. Начавшаяся уже при Бромвелѣ реакція озаботилась сохраненіемъ всѣхъ особенностей временно-поставленнаго на карту общественнаго строя, разъ онѣ не стояли въ прямомъ противорѣчій съ совершившимся (политическимъ) переворотомъ. Право первородства было удержано на ряду съ оброчнымъ держаніемъ или «копигольдомъ» и съ остатками еще болѣе зависимой формы

*) The case of the tenants of the manor of Epworth. in the isle of Atholm in the county of Lincoln truly stated in brief by L. Col. John. Lilburn and others of the freeholders there on purpose to inform every man in the justice and equity of their case and to prevent the many misinformtions of M-r John Gibbons and the Drainers and their participants. № 18, 1651.

***) To his Excellency Thomas Lord Fairfax {general of all the forces raised by Parliament the humble representation of the desires of the officers and souldiers in the Regiment of Horse for the County of Northumberland. 1648.

землевладѣнія, — землевладѣніемъ крѣпостнымъ или «виленеждемъ», но рыцарское держаніе было отмѣнено, такъ какъ съ исчезновеніемъ короля, верховнаго собственника Англии, необходимо пала сама собою подчиненная ему феодальная система; къ тому же, оно такъ мало отвѣчало развившемуся за послѣднее столѣтіе индустриальному строю, что удержаніе его въ силѣ и въ предшествующія два царствованія требовало обращенія каждый разъ къ чисто-искусственнымъ мѣрамъ. Неудивительно послѣ этого, если и реставрація, озабоченная восстановленіемъ стариннаго порядка, въ то же время, не рѣшилась поднять руки на произведенную Кромвелемъ реформу, и если Карлъ II въ первый годъ своего воцаренія узаконилъ совершившуюся при республикѣ отмѣну феодализма.

Изъ сказаннаго прямо слѣдуетъ то заключеніе, что социальныя реформы, задуманныя и частью проведенныя въ эпоху республики, далеко не являются дѣломъ одной коммунистической партіи. Ея задачи, какъ мы сейчасъ увидимъ, были гораздо шире и несравненно менѣе осуществимы. Опѣшли наперекоръ вѣками установившимся воззрѣніямъ, задѣвали собой интересы всѣхъ владѣтельныхъ классовъ, не исключая изъ нихъ числа и крестьянъ-общинниковъ, и носили явно выраженную печать иностраннаго заимствованія. Чтобы понять источникъ происхожденія коммунистической агитаціи въ Англии XVII столѣтія, не мѣшаетъ имѣть въ виду движенія, проявившіяся раньше въ при-рейнской Германіи и въ частности въ Мюнстрѣ, въ лагерѣ анабаптистовъ, предводительствуемыхъ Іоанномъ Лейденскимъ. Общеніе имуществъ, составляющее, какъ извѣстно, его характерную черту, воспроизводится и въ программѣ английскихъ социалистовъ середины XVII столѣтія, но съ ограниченіями и оговорками, рассчитанными, повидимому, на принатіе его обществомъ, вся предшествующая исторія котораго была рѣшительнымъ протестомъ противъ такого коммунизма. Если, съ одной стороны, нельзя не согласиться съ тѣми, которые полагаютъ, что первоначальный источникъ коммунистическаго движенія XVII вѣка лежитъ внѣ Англии, что оно носитъ на себѣ печать чего-то принесеннаго извнѣ, то, съ другой стороны, надо признавать, что английскіе коммунисты постарались приспособить свое ученіе къ существовавшему въ ихъ время и на ихъ роднѣй общественнымъ отношеніямъ, что они утилизировали для своихъ цѣлей начавшуюся задолго до нихъ борьбу противъ отмѣны общиннаго землевладѣнія и что въ ихъ практическихъ мѣропріятіяхъ слѣдуетъ видѣть весьма серьезную попытку примирить съ дальнѣйшимъ удержаніемъ системы «открытыхъ полей» тѣ требованія, какія выставляемы были первыми поборниками частныхъ раздѣловъ и «огораживаній». Общему, еще доселѣ повторяемому положенію, что удержаніе земель въ совѣстномъ владѣніи противорѣчатъ всѣмъ условіямъ интензивнаго хозяйства и что обработка общинной пустоши частными собственниками необходима поэтому въ интересахъ массы населенія, они противопоставили слѣдующую, вполне отвѣчающую данному возраженію практику. Оставляя помѣстья и фермы за ихъ частными владѣльцами, они при-

ступили къ занятію общинныхъ пустошей съ цѣлью обращенія ихъ подъ пахоть. Своему образу дѣйствій они постарались дать историческое обоснованіе. Имъ поднятъ былъ поэтому вопросъ объ отиѣнѣ революціей всего предшествующаго общественнаго строя въ Англій, всецѣло созданнаго, по ихъ ученію, норманскимъ завоеваніемъ. Съ этой точки зрѣнія право на занятіе немущими общинной пустоши являлось не болѣе, какъ отиѣной нормандскаго ига надъ землей, возвращеніемъ ея прежнимъ законнымъ ея собственникамъ—англійскимъ коммонерамъ.

Желая дѣйствовать въ духѣ Св. Писанія и относясь поэтому враждебно ко всякому насилію, англійскіе коммунисты XVII вѣка не только провозгласили, но и провели на практикѣ теорію «непротивленія злу», очевидно, съ тѣми послѣдствіями, какія можно было ожидать отъ нея. Задѣтые въ ихъ существенныхъ интересахъ, крестьяне-общинники, очевидно, не могли примириться съ ученіемъ, которое признавало ихъ сельскія угодья общественнымъ достояніемъ. Принимая къ этимъ первымъ по времени кві-этистамъ исконное право защиты собственности мечомъ, англійское крестьянство, не дождавшись даже правительственной помощи, согнало смѣлыхъ захватчиковъ съ принадлежавшихъ ему полей. Единственнымъ результатомъ движенія оказалось изданіе нѣсколькихъ прокламацій и манифестовъ, выражающихъ собою общее ученіе этихъ родоначальниковъ англійскаго коммунизма. Съ ихъ содержаніемъ мы и познакомимъ въ настоящее время читателя.

Что прежде всего бросается въ глаза при чтеніи ихъ, это—отсутствіе въ нихъ того характера утопій, какимъ отличаются сочиненія англійскихъ социальныхъ реформаторовъ XVI столѣтія. Не только Томасъ Моръ съ своею утопией, но и Бэконъ съ его Атлантидой, Гаррингтонъ—съ Океаніей и даже неизвѣстный авторъ трактата, озаглавленнаго *Республика Лейстера*, въ гораздо большей степени могутъ быть названы мечтателями и фантазерами, нежели тѣ сотни «копальщиковъ», «*diggers*» (прозвище, приданное сперва въ насмѣшку, а затѣмъ усвоенное самою партией), которые подъ предводительствомъ еврея Эверарда, прежде служившаго въ войскѣ, весной 1649 г. толпою (человѣкъ въ 30 не болѣе) заняли общинныя пастбища на холмѣ св. Маргариты и св. Георгія въ графствѣ Сэрре и засѣяли ихъ горохомъ и другими овощами *). Какъ видно изъ печатнаго обращенія, сдѣланнаго ими къ генералу Ферфаксу, захватъ собственности путемъ насилія съ самаго начала не входилъ въ ихъ расчеты. Они не имѣли въ виду отнять землю у частныхъ владѣльцевъ или обнаружить дѣятельное сопротивленіе «всѣмъ признаваемымъ властямъ». Ихъ намѣреніемъ было вступить во владѣніе искони признаваемыми за англійскими коммонерами народными землями (*folkland*), нѣсколько столѣтій тому назадъ отнятыми у нихъ «норманскими завоевателями». Всѣ слѣды завое-

*) Уайтлокъ говоритъ, что Эверардъ выдавалъ себя за пророка (*Memorials*, стр. 396 и 397).

ванія должны быть нынѣ стерты въ виду побѣды народа надъ королемъ, прямыи потомкомъ завоевателя. Только недоразумѣнїемъ объясняютъ они причину, по которой солдаты, квартировавшіе на мѣстѣ ихъ «замокъ», сочли нужнымъ вмѣшаться въ это дѣло, съечь построенныя ими жилища и арестовать двухъ поставленныхъ ими стражей. Мѣстное населеніе, — заявляютъ они, — относится къ нимъ безразлично, скорѣе даже сочувственно, за исключеніемъ двухъ, трехъ орригольдеровъ, привыкшихъ посылать на общій выгонъ больше скота, чѣмъ имъ полагается по обычаю, и опасующихся, чтобы этой «узурпаціи» не былъ конецъ. Дигеры заявляютъ, что, въ случаѣ нападенія на нихъ войска, они не окажутъ никакого сопротивленія. «Мы не будемъ бороться съ вами ни мечомъ, ни копьемъ, но лопатой и плугомъ, съ помощью которыхъ мы сдѣлаемъ плодородными пустоши и лежащую безъ обработки землю общинъ. Цѣль, съ которою мы пишемъ къ вамъ, — прибавляютъ они въ обращеніи къ Ферфаксу, — не та, чтобы снискать себѣ вашу милость, — мы не въ правѣ имѣть покровителя никого, кромѣ Бога. Миръ не могъ пострадать съ того времени, когда народъ израильскій избралъ Саула царемъ. Мы объявляемъ вамъ поэтому на добромъ англійскомъ языкѣ, что мы избрали Бога своимъ королемъ и заступникомъ».

Въ чему же, спрашивается, сводятся практическія цѣли, преслѣдуемыя дигерами? Они формулируютъ ихъ въ слѣдующихъ немногихъ положеніяхъ. «Мы хотимъ, — говорятъ они, — найти себѣ пропитаніе путемъ «обработки общинныхъ земель, доселѣ лежащихъ бесплодными; въ правѣ воздѣлывать ихъ лежитъ наша свобода — свобода англичанъ». «Если наши старшіе братья, — продолжаютъ они, разумѣя при этомъ духовенство и джентри, — называютъ загорода своею землею, то почему же мы, ихъ младшіе братья, не можемъ считать своими общественныя пустоши? «Когда вамъ угодно было посѣтить насъ, — пишутъ, обращаясь къ Ферфаксу, — мы сказали вамъ, что мы не противимся тѣмъ, которые хотятъ имѣть законы и правительство, но что сами мы не нуждаемся ни въ томъ, ни въ другомъ. Подобно тому, какъ земля у насъ должна быть общей, такъ точно общинъ всѣмъ намъ долженъ быть скотъ для обработки и всѣ плоды земные. Ничто подобное не должно быть предметомъ купли-продажи, такъ какъ всего этого мы можемъ имѣть въ достаткѣ для удовлетворенія нуждъ нашихъ. А если такъ, то къ чему намъ частныя присвоенія и обманы, и можетъ ли явиться для насъ необходимость въ лишеніи кого-либо свободы въ отщепеніе за такія присвоенія? Какая намъ нужда поэтому въ законахъ, предписывающихъ сѣченіе, заточеніе въ тюрьму и повѣшеніе? Сохраняйте вашихъ правителей и призывайте насъ даже къ отвѣтственности передъ ними въ случаѣ присвоенія нами вашего скота и хлѣба или разрушенія вашихъ загородей, но предоставьте намъ свободу отъ подчиненія властямъ въ предѣлахъ нашихъ собственныхъ владѣній. Предупреждаемъ васъ, что мы не сочтемъ нужнымъ скрывать подъ затворами ни хлѣба, ни скота; все, что мы имѣемъ, будетъ предоставлено въ полное распоряженіе всѣмъ».

Пусть ваши юристы и богословы запрутца вопросомъ о томъ, не въ правѣ ли мы считать своими общинныя земли англійскаго народа, отнятыя у него норманскимъ завоеваніемъ и созданными имъ помѣщиками? Мы предоставляемъ имъ рѣшить вопросъ: создана ли земля для того, чтобы быть общимъ достояніемъ и источникомъ существованія для всѣхъ, или нѣтъ, а также не является ли явнымъ нарушеніемъ общественнаго договора (national covenant) признавать свободу только за двумя классами лицъ: за духовенствомъ и джентри, обезпечивать первымъ полученіе церковной десятины, а вторымъ—земельной ренты и оставлять, въ то же время, простой народъ въ положеніи близкомъ къ тому, какое онъ занимаетъ въ Турціи или Франціи, гдѣ, какъ и у насъ, трудящійся людъ обязанъ довольствоваться заработной платой *)?»

Движеніе дигеровъ, повидимому, не ограничилось однимъ только графствомъ Сэрре, но нашло отголосокъ себѣ и въ другихъ частяхъ государства, въ частности, въ Бюкингамширѣ. Право утверждать это даетъ намъ содержаніе одной деклараціи, изданной въ маѣ мѣсяцѣ того же 1649 г. и выражающей собою настроеніе жителей четырехъ сотенъ: Дизбро, Бернумъ, Стокъ и Эльзбери, въ которыхъ социальныя броженія, поддерживаемыя частью партіей кавалеровъ, частью партіей левеллеровъ, сказались, повидимому, съ особою силой. Въ ряду заявленій, дѣлаемыхъ составителями этой деклараціи и касающихся разнообразнѣйшихъ сторонъ общественной и политической жизни, между прочимъ, встрѣчается и слѣдующее: «Мы всѣми отъ насъ зависящими средствами будемъ содѣйствовать тому, чтобы бѣдные приобрѣли возможность воздѣлывать такъ называемыя «сомпонъ». Всякій, кто пожелаетъ завести плугъ на общинной пустоши, не только не долженъ встрѣчать препятствій къ осуществленію своихъ намѣреній, но въ правѣ рассчитывать на наше содѣйствіе и помощь» **). Практическихъ результатовъ дигеры не добились и на этотъ разъ.

Мѣстное населеніе, видя въ ихъ поведеніи прямое посягательство на свои права общиннаго пользованія, принудило захватчиковъ покинуть присвоенныя ими земли ***). Съ этого момента агитація, поднятая дигерами, выходитъ изъ предѣловъ печатной пропаганды. Предводители движенія, о которыхъ, къ сожалѣнію, не дошло до насъ никакихъ біографическихъ данныхъ, Винстанле, Эверардъ и Пальмеръ пользуются всякимъ случаемъ для того, чтобы напомнить о себѣ «временнымъ представителямъ общественной

*) A letter to the Lord Fairfax and his council of War, with divers questions to the lawyers and ministers. proving gas an undeniable equity that the common people ought to dig, plow, plant and awell upon the commons, without hiring them, or paying ment to any, delivered to the general and the chief officers on saturday June 9, by Jerrard Winstanly, in the behalf of those who have begun to dig upon George-Hill in Surrey London, printed for Giles Calvert, at the black spread-eagle at the West and of Pauls 1649 (Jun. 13).¶

**) Declaration of the well-affected; in the county of Buckingham printed in the year 1649 (May 10 th.).

***) Whiteloke: „Memorials“, стр 398.

власти». Въ издаваемыхъ ими брошюрахъ они даютъ болѣе полное и систематическое изложеніе тѣмъ требованіямъ, какія выставлены были дигерами. Когда Кромвель призванъ былъ, за отказомъ Ферфакса, занять постъ главноначальствующаго арміей, дигеры обратились къ нему съ печатною «ремонстраціей», въ которой, между прочимъ, мы находимъ слѣдующее: «Господь надѣлилъ васъ властью, равнойъ которой не было со времени Моисея. Онъ сдѣлалъ васъ главой народа, только что сбросившаго съ себя ярмо Фараоново. Вы послужили орудіемъ въ рукахъ Божіихъ для низверженія нормандскаго ига, отнявшаго у нашихъ предковъ свободное пользованіе землею. Что остается вамъ сдѣлать еще?—это позаботиться о томъ, чтобы свободное владѣніе землею было возвращено въ руки угнетенныхъ общинъ Англій. Ваши такъ называемыя побѣды не раньше будутъ увѣнчаны «короною чести», какъ послѣ того, какъ лица, жертвовавшія жизнью и состояніемъ въ общемъ съ вами дѣлѣ, получать доступъ къ землѣ и завоеванной вами свободѣ. Побѣда надъ завоевателемъ досталась общинамъ усиліями коммонеровъ. Справедливость требуетъ поэтому, чтобы всѣ они были освобождены отъ ига. И теперь, когда власть надъ землею въ вашихъ рукахъ, вамъ не остается иного выбора, какъ или объявить землю свободою для всѣхъ участниковъ въ борьбѣ и побѣдѣ, или перенести право собственности на нее изъ рукъ короля въ другія руки. Но въ этомъ послѣднемъ случаѣ слава, какую вы снискали себѣ вашею мудростью, поблекнетъ навсегда и честь ваша будетъ запятнана. Наше желаніе состоитъ въ томъ, чтобы земли, считаемыя принадлежностью государства,—эти старинныя общинныя земли и пустоши всего англійскаго народа, а также всѣ недавнія приращенія, къ нимъ сдѣланныя, какъ-то: конфискованныя у короля парки и лѣсныя угодья,—объявлены были бы свободными, для занятія всѣхъ и каждаго, кто содѣйствовалъ вамъ въ вашихъ побѣдахъ и готовъ подчиниться установленному вами правительству» *).

Содержаніе только что приведеннаго документа свидѣтельствуетъ о значительномъ сокращеніи первоначально предъявленныхъ дигерами требованій. Рѣчь идетъ уже не о предоставленіи имъ собственности на общинныя пустоши или неогороженныя поля, такъ какъ подобная претензія успѣла встрѣтить отпоръ со стороны сельскихъ общинъ. Что имѣется на самомъ дѣлѣ въ виду, это—распоряженіе государственными доменами, въ пользу обдѣленныхъ землею лицъ, это, употребляя ходячее въ наше время выраженіе, «націонализація доменональнаго фонда». И въ этихъ скромныхъ рамкахъ требованія дигеровъ не были приняты во вниманіе.

Вся внутренняя политика Кромвеля, направленная къ задержанію происходившей въ Англій революціи въ предѣлахъ религіозно-политическаго переворота, шла оубытельно наперекоръ всякой попыткѣ къ низверженію сложившагося вѣками земельнаго строя. Постоянныя неудачи не ослаб-

*) The levellers remonstrance sent in a letter to his Excell. the lord general Cromwell. London, printed by George Horton. Feb. 1652.

ляютъ, однако, энергіи агитаторовъ. Они продолжаютъ идти попрежнему къ разъ намѣченной ими цѣли и въ 1653 году направляютъ новое посланіе на этотъ разъ на имя членовъ тайнаго совѣта. Въ бумагахъ послѣдняго сохранился текстъ ихъ деклараціи; онъ интересенъ для насъ потому, что указываетъ на то, въ какое отношеніе владѣтельные сословія, представители приходскаго духовенства и мѣстной дежентри постепенно становятся къ дигерамъ. «Приходскій священникъ Плять и многіе другіе, — жаждутся Винстанле и Пальмеръ, ведя рѣчь отъ имени всей партіи — довели до вашего свѣдѣнія, что мы — мятежники, не желаемъ подчиняться власти мѣстныхъ судей, укрѣпились въ нашихъ жилищахъ и приготовились къ вооруженному сопротивленію, что мы тайные приверженцы Стюартовъ и выжидаемъ только удобнаго случая, чтобы произвести реставрацію. Довѣрившись имъ, вы послали противъ насъ войско. Но все, что было донесено вамъ, — явная неправда: мы, мирные граждане, не противились врагамъ силою, но молимъ Бога о томъ, чтобы Онъ умягчилъ ихъ сердца и далъ намъ возможность завоевать ихъ любовью». Сдѣлавши это вступленіе, дигеры возвращаются къ своей обычной темѣ — объ установленіи имущественнаго неравенства норманскимъ завоеваніемъ и о необходимости завершить побѣду надъ королемъ, потомкомъ Вильгельма Завоевателя, возвращеніемъ народу его общихъ земель. «Англія, — говорятъ они, — не можетъ быть свободною, пока коммонеры не пріобрѣтутъ доступа къ землѣ. Иначе наше положеніе будетъ хуже того, какое составляло нашъ удѣлъ при короляхъ, и это норманское останется въ рукахъ лендлордовъ. Пустыхъ, нигѣмъ не воздѣлываемыхъ полей достаточно для надѣленія землею всѣхъ нуждающихся въ ней». Авторы ремонстраціи ставятъ на видъ владѣтельнымъ классамъ, что, допустивши немущихъ къ пріобрѣтенію нужныхъ имъ средствъ къ жизни усиленною работою надъ землею, они поступаютъ въ собственныхъ интересахъ. «Пока намъ отказываютъ въ землѣ, — говорятъ они, — намъ поневолѣ приходится облагать ваши имѣнія налогомъ на нищихъ, но многіе слишкомъ горды для того, чтобы пользоваться милостыней, и предпочитаютъ акты явнаго грабежа существованію на счетъ общественной благотворительности. Надѣлите насъ землею, и въ странѣ не окажется ни одного нищаго, ни одного лѣнтяя. Англія въ состояніи будетъ пропитать себя сама. Не служить ли поворотомъ для васъ тотъ фактъ, что при обиліи нигѣмъ невоздѣланныхъ земель многіе умираютъ съ голоду *)?»

Приведенный только что документъ — послѣдній по времени изъ тѣхъ, которые дошли до насъ отъ этихъ первыхъ провозвѣстниковъ начала націонализаціи земли. Въ виду рѣшительнаго нежеланія правительства удовлетворить ихъ требованія и не менѣе рѣшительной оппозиціи владѣтельныхъ классовъ, агитація, поднятая дигерами, падаетъ сама собой. Даже

*) Record office. State Papers, domestic Series. Commonwealth period., v. 42, № 144, a 1653.

въ эпоху временнаго возрожденія свободы печати при новомъ протекторѣ, Ричардѣ Кромвелѣ, когда анабаптисты и левеллеры снова подняли голову и издали новыя программы религіозныхъ и политическихъ реформъ, дагеры ни словомъ не дали болѣе знать о себѣ. Легко можетъ статься, что къ нимъ, какъ и къ послѣдователямъ другихъ наиболѣе передовыхъ партій Англїи, примѣнена была политика выселенія въ колонїи,—политика, которую человекъ кромвелевской партїи, Пель, открыто рекомендуетъ въ своемъ письмѣ къ Терло *).

Мы могли бы покончить сказаннымъ нашъ очеркъ социальныхъ ученій первыхъ по времени англійскихъ коммунистовъ, но, прежде чѣмъ разстаться съ ними, мы желали бы болѣе подробно остановиться на изученїи теоретической стороны ихъ движенія. Возможность сдѣлать это даетъ намъ одинъ политическій памфлетъ, вышедшій изъ-подъ пера главнаго вожака движенія, не разъ уже упомянутого нами Джерардо Винстанле; къ сожалѣнїю, мы ничего не знаемъ о его авторѣ, кромѣ того, что онъ самъ говоритъ намъ въ сдѣланной имъ припискѣ, а именно: «Меня зовутъ глупцомъ и сумасшедшимъ, много поворящихъ рассказовъ ходитъ на мой счетъ и я на каждомъ шагу встрѣчаю злобу и ненависть». Очевидно, мы имѣемъ дѣло съ фанатикомъ и доктринеромъ, который даетъ крайнее выраженіе теоретическимъ воззрѣнїямъ своей партїи. Сочиненіе Винстанле является для нея, такимъ образомъ, своего рода политическимъ катехизисомъ и можетъ познакомить насъ поэтому какъ нельзя лучше со всѣми подробностями ея ученія. Заглавіе, выбранное авторомъ для его книги, слѣдующее: *Законъ свободы, выраженный въ формѣ прокламаціи (Platform), или реставрація настоящаго правительства, скромно рекомендуемая Кромвелю*. «Въ этомъ сочиненїи,—значится далѣе,—объясняется сущность какъ королевскаго правительства, такъ и республиканскаго». Яркими красками очерчиваетъ авторъ картину общественныхъ бѣдствій, все еще продолжающійся держаться произволъ помѣщиковъ и проявляющійся, между прочимъ, во вниманїи съ крестьянъ денежныхъ платежей и геріотовъ, въ закрытіи всякаго доступа къ землѣ, иначе какъ подъ условїемъ уплаты высокой ренты, и въ лишенїи права свободнаго пользованія общинными полями. Старый гнетъ продолжается, но отношеніе къ нему народа радикально измѣнилось. «На какомъ титулѣ держатся всѣ прїязанїя лендлордовъ?—спрашиваетъ Винстанле.—Въ прежнее время собственники производили свои права отъ короля—наслѣдника норманскаго завоевателя, но развѣ коммонеры не упразднили послѣдняго и не ниспровергли тѣмъ самымъ иноземное иго,—не вправѣ ли они поэтому требовать полной свободы отъ помѣщичьей власти?» На ряду съ этою картиной стариннаго феодалнаго гнета Винстанле рисуетъ и другую, болѣе недавняго происхожденія. Виновниками угнетенія на этотъ разъ являются «свободные владѣльцы», «фригольдеры». Они истощаютъ общинныя пастбища, посылая

*) *Faughan*: „The protectorate of Cromwell“, v. I, p. 155.

на нихъ чрезмѣрное количество овецъ и рабочаго скота, такъ что мелкимъ арендаторамъ и крестьянамъ-земледѣльцамъ едва удается прокормить корову на подножномъ корму. Указавши на естественный исходъ такого порядка вещей, который въ его глазахъ сводится къ удержанію бѣдныхъ въ бѣдности и закрытію имъ свободнаго доступа къ землѣ, Винстанле переходитъ къ изображенію въ общихъ чертахъ идеала предлагаемаго имъ республиканскаго строя. Въ немъ блага матеріальныя и духовныя одинаково составляютъ общественное достояніе всѣхъ. Четыре раза въ годъ съ паперти читаются народу законы, которымъ онъ долженъ подчиняться, и это съ цѣлю, чтобы никто не могъ отговариваться невѣдніемъ закона. Каждая семья владѣетъ необходимыми ей орудіями обработки. Никто не вправе отказаться отъ работы во время производства посѣвовъ и снятія урожая. Трудъ, — замѣчаетъ авторъ, — необходимъ для здоровья и доставляетъ истинное наслажденіе, подъ тѣмъ необходимымъ условіемъ, однако, если онъ свободенъ и никто не обязанъ совершать его по повелѣнію другаго. Въ каждомъ селеніи, какъ и въ каждомъ городѣ, должны быть устроены общественные магазины, содержащіе въ себѣ: пеньку, шерсть, дожу, выдѣланныя сукна и всякаго рода заморскій товаръ. Изъ этихъ общественныхъ магазиновъ получается все нужное какъ для личнаго употребленія, такъ и для изготовленія продуктовъ обрабатывающей промышленности. Все содержимое въ общественныхъ складахъ не принадлежитъ никому въ отдѣльности и составляетъ собственность всѣхъ. Кто продаетъ или покупаетъ землю или ея продукты, долженъ быть казненъ какъ измѣнникъ общественному миру и спокойствію, какъ виновникъ рабскаго подчиненія, вызывающаго раздоры и угнетеніе. Кто называетъ землю своей и не хочетъ признать ее за ближнихъ, долженъ быть приставленъ къ позорному столбу передъ всѣмъ собраніемъ. Проступокъ его изображается на дощечкѣ, которая привѣшивается къ его груди въ теченіе цѣлаго года. Во все это время онъ почитается рабомъ и исполняетъ работы по приказанію и подъ присмотромъ назначаемаго надъ нимъ начальника. Буде же кто прибѣгнетъ къ открытому возстанію съ цѣлю установленія «королевскаго права» собственности, онъ долженъ быть преданъ смерти. Никто не долженъ ни нанимать чужаго труда, ни работать на другаго подъ условіемъ вознагражденія, такъ какъ послѣдствіемъ такого порядка вещей могло бы быть только рабство. Если свободный человѣкъ нуждается въ чужой помощи, онъ вправе обратиться къ общественнымъ слугамъ, трудящимся подъ руководствомъ особыхъ надзирателей. Всякое нарушеніе только что изложеннаго предписанія имѣетъ послѣдствіемъ обращеніе въ неволю срокомъ на 12 мѣсяцевъ. Товары, доставляемые ввозною торговлей иностранцевъ, какъ и доходъ отъ продажи англійскихъ товаровъ на чужихъ рынкахъ, считаются общимъ достояніемъ государства. Деньги не должны быть извѣстны. Золото и серебро идутъ лишь на изготовленіе украшеній.

Реформаторъ имѣетъ въ виду измѣнить не только имущественный, но и семейный строй. Не отрицая брака, какъ это дѣлаетъ Платонъ и слѣдовав-

шіе его примѣру утописты, онъ стоитъ за полную свободу брака, при которой соображенія общественнаго положенія потеряли бы всякое значеніе. Внѣбрачная связь, сопровождающаяся рожденіемъ ребенка, налагаетъ на любовника обязанность вступить въ постоянное сожитіе съ обольщенной имъ женщиной.

Акты насилія, совершенные надъ дѣвушкой, наказываются смертью. Никто не вправе завести собственнаго хозяйства, не прослуживъ семи лѣтъ подъ чужимъ начальствомъ. Ни одна семья не можетъ дѣлать большихъ затратъ на свое пропитаніе и одежду противъ тѣхъ, которыя указываются необходимостью. Надзоръ за исполненіемъ всѣхъ этихъ предписаній возлагается на избираемыхъ ежегодно надзирателей. Какъ избирателемъ, такъ и избраннымъ можетъ быть всякій достигшій сорокалѣтняго возраста. Въ числѣ прочихъ обязанностей надзирателей должно быть присканіе каждому, кто имѣетъ въ томъ нужду, молодыхъ людей для службы. Въ категорію служителей попадаетъ всякій, кто лишенъ свободы за преступленіе или проступокъ. Виновные обязаны совершать всякаго рода трудъ, какой имъ будетъ предписанъ; они не вправе вернуться къ прежнему свободному состоянію раньше 12 мѣсяцевъ. Во все время, пока продолжается ихъ несвобода, они обязаны носить бѣлую одежду въ отличіе отъ остальныхъ *).

Если мы зададимся теперь вопросомъ, откуда заимствовалъ Винстанле свою общественную теорію, намъ необходимо будетъ указать на *Утопію* Томаса Мора, какъ на ея ближайшій источникъ. Въ самомъ дѣлѣ, общность имущества, общеобязательность труда, отрицаніе служебной зависимости и сословія, запрещеніе денежнаго обмѣна, надѣленіе каждаго всѣмъ, въ чемъ онъ нуждается, изъ мірскихъ магазиновъ, всеобщее право голосованія и избраніе на всѣ должности, обращеніе преступниковъ въ общественныхъ рабовъ, свобода разводовъ, уравненіе незаконныхъ дѣтей съ законными,—все это такія положенія, которыя нашли себѣ мѣсто въ настрояніяхъ канцлера Генриха VIII за цѣлыхъ полтора ста лѣтъ до занимающей насъ эпохи (первое изданіе *Утопіи* появилось въ 1516 г. **).

Изъ этого богатаго источника, въ которомъ практически осуществимое смѣшивается съ требованіями, свидѣтельствующими лишь о безграничномъ полетѣ фантазіи, въ которомъ впервые послѣ столькихъ вѣковъ угнетенія и презрѣнія трудъ человѣка поставленъ на подобающую ему высоту, черпалъ Винстанле содержаніе задуманныхъ имъ социальныхъ реформъ. Вся оригинальность его ученія сводится къ попыткѣ примирить его (съ своеобразно-понимаемыми имъ историческими основами англійской гражданственности. Въ своей первоначальной чистотѣ эти основы, по его

*) The law of freedom in a platform, or the magistracy restored, humbly presented to Oliver Cromwell, wherein is declared what is Kingly Government and what common wealth government by Jerrord Winstony. London 1651.

***) См. изданіе *Утопіи*, сдѣланное Rev. Dibdin, Boston, 1876 г., стр. 237, 244, 258, 260, 306, 310, 314, 315, 322, 323.

миѣнію, могутъ быть открыты только въ періодъ англо-саксовъ. Вся послѣдующая исторія Англій была сплошною узурпаціей, насильственнымъ искаженіемъ народныхъ устоевъ. Побѣда надъ потомкомъ норманскаго узурпатора открываетъ возможность возвращенія къ этимъ устоямъ. Но что представляютъ они собою, какъ не господство фолькланда (народной земли), терминъ, который Винстанле понимаетъ въ его буквальномъ смыслѣ и отождествляетъ поэтому съ націонализацией земли? Отсюда самъ собою слѣдуетъ тотъ выводъ, что побѣдоносный народъ, чтобы стереть съ себя позорное пятно иноземнаго ига, долженъ начать съ объявленія земли общимъ достояніемъ всѣхъ.

Но если земля сдѣлается общою собственностью, то такая же судьба необходимо постигнетъ и производимые ею продукты; а такъ какъ все, что служить къ удовлетворенію нашихъ потребностей, можетъ быть отнесено къ одному источнику — землѣ, то полное общеніе имуществъ является послѣднимъ словомъ теоріи, исходною точкой которой является націонализация одной земли.

Вотъ тотъ путь, которымъ англійскіе дигеры, начавши съ социалистическаго ученія о вмѣшательствѣ государства въ сферу земельныхъ отношеній, пришли, въ концѣ-концовъ, къ формулированію коммунистическихъ требованій.

Въ ряду партій, которыми такъ богата эпоха республики и протектората, особое мѣсто занимаютъ такъ называемые «люди пятой монархіи». Подъ этимъ именемъ извѣстны были религіозные фанатики изъ среды анабаптистовъ, ждавшіе немедленнаго наступленія на землѣ царства Христова, этой пятой по счету монархіи (первыми четырьмя признавались: вавилонская — Навуходносора, персидская — Кира, греческая — Александра и римская — цезарей). Согласно этому ученію, всѣ правительства равно беззаконны, а, главное, безбожны, такъ какъ народомъ можетъ управлять только Богъ и Его намѣстникъ — Христосъ. Мы не ошибемся поэтому, если назовемъ провозвѣстниковъ этого ученія анархистами. Этотъ терминъ не говоритъ, впрочемъ, о возможности проведенія какихъ-либо параллелей между ними и современными намъ отрицателями государства и власти. Люди пятой монархіи отправлялись въ своихъ воззрѣніяхъ не отъ критики экономическаго строя и сознанія необходимости его реформировать путемъ установленія принциповъ взаимности и мѣстной автономіи, а отъ убѣжденія, что Христосъ возьметъ въ свои собственныя руки управление вѣрующими. Они не были приверженцами экономическаго и политическаго равенства и подымали социальный вопросъ лишь настолько, насколько послѣдній соприкасался съ затѣянною ими церковною и государственною реформой. Въ ихъ глазахъ верховная власть сосредоточивалась не въ рукахъ народа и его избранныхъ, а въ рукахъ Іисуса Христа и праведниковъ или «святыхъ», такихъ изъ ихъ собственной среды, поведение которыхъ всего болѣе отвѣчало требованіямъ, предъявляемымъ отъ добраго

анабаптиста. Чтобы понять возможность появленія подобных возрвннй, надо имѣть въ виду, что въ низшихъ слояхъ европейскаго общества, экзальтированныхъ недавними событіями, одинаково свѣтскими и церковными, весьма распространено было убѣжденіе, что второе пришествіе Мессіи должно воспослѣдовать со дня на день. Пытались даже опредѣлить годъ его наступленія. Съ этою цѣлью прибѣгали къ разнымъ «пріемамъ», считая число лѣтъ, протекшихъ между созданіемъ міра и потопомъ, принимая въ основаніе пятую главу книги Бытія, въ которой приводятся имена патриарховъ, жившихъ въ этотъ промежутокъ. Установивъ такимъ образомъ (разумѣется, совершенно произвольно), что до потопа міръ существовалъ 1656 лѣтъ, считали возможнымъ утверждать, что на разстояніи такого же періода времени послѣ перваго пришествія Христова должно воспослѣдовать окончательное наступленіе Его царства на землѣ. Поступали еще и другимъ образомъ. Цифру 1260, какъ извѣстно, въ Апокалипсисѣ считающуюся цифрою зѣвря, складывали то съ годомъ превращенія язычества въ Римской имперіи или 395-мъ годомъ, то съ годомъ кончины императора Θεодосія и раздѣла имперіи между его сыновьями. Не менѣе значенія имѣло другое, также попадающееся въ Апокалипсисѣ число — 666. Его помножали два раза, складывали съ годомъ созванія Никейскаго собора (325) и этимъ путемъ приходили къ убѣжденію, что 1657 годъ положить начало земному владычеству Христа *). Давнымъ-давно ходячее на континентѣ Европы вѣрованіе въ приближающійся конецъ міра проникло въ Англію въ эпоху революціи. Оно воспринято было съ особою охотою тою темною толпой, которая, служа въ низшихъ рядахъ арміи и народнаго ополченія, вынесла на своихъ плечахъ все бремя недавнихъ событій и съ нетерпѣніемъ ожидала царства Мессіи, какъ давно-желаннаго конца угнетавшимъ ее бѣдствіямъ. Чисто-демократическій характеръ анархической партіи выступаетъ уже изъ того факта, что въ ея рядахъ, за исключеніемъ Гаррисона, былъ всего-на-всего одинъ человѣкъ, дослужившійся до чина капитана **).

При такихъ условіяхъ неудивительно, если руководящая роль въ дѣлахъ всецѣло выпала на долю народныхъ проповѣдниковъ и если центромъ движенія сдѣлалась анабаптистская молеельня, помѣщавшаяся «въ Лондонѣ въ зданіи давно упраздненнаго монастыря черныхъ братьевъ» или францисканцевъ. Здѣсь по понедѣльникамъ можно было слышать какъ самого Гаррисона, такъ и наиболѣе популярныхъ ораторовъ анабаптизма и въ числѣ ихъ Фига и Поуэля. Судя по нѣкоторымъ удѣльшимъ образцамъ, обычною темой бесѣды была невозможность каждаго иного правительства, кромѣ того, которое имѣетъ главою своимъ Христа. Въ доказательство приводились изъ Ветхаго Завѣта примѣры добровольнаго отказа отъ власти, связанные съ именами Гедеона и Нозіи. Ихъ поведеніе сопоставлялось

*) См. письмо Пеля къ Терло (Thurloe), марта 17, 1655 г. (Vaughan: „The protectorate of Ol. Cromwell“, т. I, стр. 157.

**) Thurloe: „State papers“, в. I, стр. 621. An intercepted letter, a 1658.

съ тѣмъ, какого придерживались временные правители англійской націи, захватывая въ свои руки власть больше королевской. Человѣкъ грѣха, ветхозавѣтный драконъ—вотъ имена, которыми проповѣдники слѣшаютъ зажать узурпатора, пророка ему судьбу такого же, какъ и онъ, лорда-протектора Сомерсета, кончившаго жизнь на эшафотѣ *).

Помощь, оказанная Кромвелю Гаррисономъ въ заговорѣ противъ долгаго парламента, выдающаяся роль, какую ему привелось играть въ дѣлѣ его распущенія и послѣдовавшемъ созывѣ нотаблей (Barebone parliament), наконецъ, присутствіе значительнаго числа анабаптистовъ въ этомъ плебейскомъ по своему составу законодательномъ совѣтѣ,—все это вмѣстѣ взятое объясняетъ намъ причину непонятной на первый взглядъ терпимости, съ какою будущій протекторъ относился къ чуть не ежедневному поношенію руководимаго имъ правительства. Вмѣсто того, чтобы принять мѣры къ задержанію Фика и его единомышленниковъ, Кромвель довольствовался тѣмъ, что, призвавъ къ себѣ, всячески старался убѣдить ихъ въ необходимости прекратить дальнѣйшую агитацію. Въ отвѣтъ на это слышались одни обвиненія въ захватѣ власти и въ противодѣйствіи «пятой монархіи». Съ гнѣвными словами отпускалъ отъ себя Кромвель не хотѣвшихъ признавать его правительства анабаптистовъ. Но, въ то же время, онъ оставлялъ ихъ на свободѣ и довольствовался тѣмъ, что противопоставлялъ ихъ пропагандѣ собственную, оплачивая съ этою цѣлью услуги такихъ проповѣдниковъ, какъ Стерри, которые призывали къ повиновенію, «какъ къ надежнѣйшему средству достигнуть царства Христова».

Агитація анабаптистовъ начинала, между тѣмъ, приносить свои плоды не только въ средѣ народныхъ массъ, но и въ стѣнахъ созданнаго Кромвелемъ собранія, извѣстнаго въ исторіи подъ наименованіемъ парламента Голой Кости **). Этотъ парламентъ, который Гаррисонъ желалъ устроить по образцу еврейскаго синедріона, ограничивъ число его членовъ семьдесятю «святыми», спѣшилъ закончить дѣло революціи самими радикальными реформами въ области церковнаго управленія и дѣйствующей системы судовъ. Выбранный имъ изъ собственной среды комитетъ по вопросу о церковной десятинѣ высказывается въ пользу ея отміны и установленія между государствомъ и церковью тѣхъ свободныхъ отношеній, какія въ наши дни существуютъ въ Соединенныхъ Штатахъ Америки.

Нечего и говорить, что при такихъ условіяхъ дальнѣйшее удержаніе въ рукахъ лендлордовъ права представлять кандидатовъ на вакантныя приходскія кассеры становилось невозможностью, и назначенная парламентомъ комиссія дѣйствительно высказывалась въ пользу его безвозмездной отміны.

*) См. *Thurloe*: „State papers“, v. VI, стр. 611. An intercepted letter Dec. 2, 1653; *Ibid.* V. VII, p. 57 а 58 а 1658. A letter of information concerning M. Feake.

**) Названнаго такимъ образомъ по имени одного изъ наименѣ выдающихся его членовъ. О дѣятельности этого парламента смотри *An exact relation of the proceedings and transactions of the late Parliament by L. D. a member in the late parliament. Printed in the year 1654 (Somers tracts 3-d coll. VII, стр. 82).*

Одновременно другіе комитеты спѣшили подать свой голосъ одинъ въ пользу отмѣны личнаго задержанія за долги и смягченія суроваго законодательства противъ воровъ, другой—въ пользу необходимости произвести радикальную реформу въ англійскомъ законодательствѣ съ цѣлью приблизить его къ божескому закону, или декалогу, и закону естественному, или, какъ тогда говорили, закону разума, третій—въ пользу немедленной отмѣны канцлерскаго суда съ его нескончаемыми проволочками и непопулярными судебными издержками.

Всѣ эти близкія къ осуществленію мѣры вызывали въ обществѣ броженіе. Задѣвая интересы владѣтельныхъ классовъ, онѣ необходимо должны были встрѣтить, и на самомъ дѣлѣ встрѣтили, съ ихъ стороны весьма энергическій отпоръ. Юристы спѣшили представить ходатайства въ пользу удержанія освященныхъ опытомъ вѣковъ англійскихъ законовъ. Соглашався на реформу канцлерскаго суда, они, въ то же время, требовали дальнѣйшаго его удержанія. Землевладѣльцы и духовенство, въ особенности пресвитеріанское, настаивали на сохраненіи за ними, одни—весьма доходнаго права рекомендаціи кандидатовъ на замѣщеніе вакантныхъ мѣедръ, другіе—церковной десятины и попадавшихся еще въ это время во многихъ приходяхъ священническихъ надѣловъ (glebelands). Обвиненіе въ потрясеніи основъ, въ попыткѣ нивелировать классы, отрицать законы и собственность было пущено противъ «святыхъ»^{*)}, и Бромвелъ воспользовался имъ для распущенія собранія. Этимъ путемъ онъ сразу избавлялся отъ своихъ злѣйшихъ враговъ и пріобрѣталъ возможность принять болѣе энергическія мѣры къ подавленію дальнѣйшей пропаганды съ ихъ стороны.

На этотъ разъ задуманный имъ государственный переворотъ былъ замаскированъ такъ удачно, что и въ послѣдующіе годы протекторъ считалъ возможнымъ слагать съ себя всякую отвѣтственность за него.

Благоприятная ему партія, съ спикеромъ во главѣ, сама вручила ему свои полномочія. И одно меньшинство, всецѣло составленное изъ анабаптистовъ, принуждено было силою къ оставленію своихъ мѣстъ.

Отрывая въ слѣдующемъ году сессію вновь созваннаго имъ парламента, протекторъ въ слѣдующихъ словахъ высказалъ свое отношеніе къ людямъ «пятой монархіи»: «Между грозящими намъ духовными бѣдами,—сказалъ онъ,—особенно должна быть отмѣчена одна, такъ какъ она исходитъ отъ людей чести, людей, сердца которыхъ исполнены искренности и страха Божія,—я разумѣю ошибочное представленіе о «пятой монархіи» или наступающемъ царствѣ Христовомъ на землѣ. Это царство необходимо понимать въ духовномъ смыслѣ и, понятое такимъ образомъ, оно для всѣхъ насъ является предметомъ восторженнаго уваженія и постоянныхъ вожделѣній. Мы всѣ вѣримъ, что наступитъ время, когда Христосъ установитъ царство свое въ нашихъ сердцахъ, покоривъ себѣ пороки и суетныя вожделѣнія и все то злое, источникомъ чего является наше сердце. Когда мы

^{*)} См. An intercepted letter, неизвѣстнаго числа (1651 г.) *Thurloe*, VI, стр. 724.

сдѣлаемся въ большей степени, чѣмъ теперь, участниками Духа Святаго, и подавить въ насъ всякую неправду и водворить въ насъ навсегда чувство справедливости, тогда, и только тогда, настанетъ славное царство Христово. Раздоры и несогласія, происходящія между христіанами, не являются его провозвѣстниками. Но что сказать о тѣхъ, которые въ ожидаемомъ ими царствѣ Божіемъ видятъ оправданіе своему притязанію быть единственными правителями государства и народовъ, давать имъ законы и располагать собственностью, свободою и всѣмъ прочимъ? Повстинѣ, чтобы оправдать такую претензію, необходимо было бы представить внѣшніе знаки божескаго въ нихъ присутствія, иначе мудрые люди не согласятся безпрекословно подчиняться ихъ рѣшеніямъ... Еще еслибы они ограничивались однимъ преувеличеннымъ представленіемъ о своемъ призваніи, ихъ можно было бы оставить въ покоѣ. Однѣ идеи не могутъ принести вреда никому, кромѣ тѣхъ, кто ихъ раздѣляетъ. Но когда люди переходятъ къ практикѣ и стараются убѣдить, что свобода и собственность непримиримы съ царствомъ Христа, когда они, отказываясь отъ регулированія закона, требуютъ его отиѣны и, быть можетъ, стараются объ упрощеніи на его мѣстѣ еврейскаго права, свѣтскій сановникъ не можетъ отказать отъ вмѣшательства *).

Когда парламентъ Голыи Кости прекратилъ свое существованіе и вся власть въ государствѣ сосредоточилась въ рукахъ Кромвеля, послѣдній почувствовалъ себя настолько сильнымъ, что рѣшился принять энергичскія мѣры къ прекращенію дальнѣйшей пропаганды того, что онъ считалъ анархическими ученіями. Его дѣятельность въ этомъ отношеніи была тѣмъ легче, что въ рядахъ арміи, на которую онъ опирался, анабаптисты далеко не располагали большинствомъ **). Неудивительно поэтому, если въ отвѣтъ на новыя нападки со стороны Фика, Поуэля и Симсона, громившихъ протектора за насильственное закрытіе благоприятнаго ихъ планамъ собранія, послѣдовалъ приказъ о задержаніи ихъ; у Гаррисона, отказавшаго въ своемъ признаніи вновь установленному правительству, отнята была занимаемая имъ въ войскѣ должность ***) и самъ онъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ брошенъ былъ въ тюрьму, — однимъ словомъ, въ періодъ индифферентнаго отношенія къ подкапывающимъ государство теоріямъ сложился періодъ открытой вражды и преслѣдованія.

Это обстоятельство заставило религиозныхъ анархистовъ устроить изъ себя тайное сообщество, организація котораго тѣмъ болѣе интересна, что напоминаетъ ту, къ какой въ болѣе близкое къ намъ время обращались итальянскіе карбонаріи или ирландскіе феніи. Въ мартѣ 1654 года мы слышимъ уже о частыхъ собраніяхъ анабаптистовъ, каждый разъ приврывающихся желаніемъ «оказать посильное содѣйствіе лорду-протектору».

*) First parliamentary Speech, made the 4 sept. 1654. (*Carlyle*, speech II).

**) *Thurloe*: „St. pap.“, VI, стр. 611. An intercepted letter.

***) An intercepted letter (22 Dec. 1653). *Thurloe*: „St. pap.“, VI, стр. 641. См. также: *Beverning to the states general*, 3—13 Fev. 1653. Ibid. VII, p. 67.

На самомъ дѣлѣ, замышляютъ они не иное что, какъ освобожденіе изъ тюрьмы своего любимаго вождя Гаррисона *). Въ ноябрѣ слѣдующаго года президентъ совѣта Терло въ письмѣ къ Генриху Кромувелю, начальнику расположенныхъ въ Ирландіи войскъ, высказываетъ опасенія насчетъ необходимости «кровавой расправы» **) съ анабаптистами, заготовляющими на случай возстанія лошадей и оружіе. Нѣкоторымъ миролюбиво настроеннымъ проповѣдникамъ удастся, однако, на время задержать осуществленіе ихъ замысловъ ***).

Разсѣянные по всему королевству, анабаптисты въ наибольшемъ числѣ сосредоточивались въ графствѣ Норфолькѣ; въ Лондонѣ и его окрестностяхъ толпа ихъ также быстро прибывала и не по иной причинѣ, какъ потому, что въ Гайгетѣ близъ Лондона жилъ въ это время ихъ вождь Гаррисонъ ****).

Въ іюлѣ 1656 года, какъ мы узнаемъ изъ тайныхъ донесеній, сдѣланныхъ президенту совѣта Терло, между отдѣльными анабаптистскими церквами уже состоялось полное соглашеніе. Всѣ признали, что необходимо безъ дальнѣйшихъ проволочекъ поднять мечъ для «разрушенія Вавилона» и «упраздненія всѣхъ королей и правителей». Оставалось условиться насчетъ плана возстанія. Не рѣшаясь сдѣлать это предметомъ публичнаго обсужденія, въ виду возможности неожиданныхъ разоблаченій, анабаптисты Лондона остановились на мысли передать все дѣло въ руки пяти чловѣкъ, выбранныхъ отъ пяти церквей, какія въ это время считались въ средѣ конгрегациі. Каждому изъ этихъ! выборныхъ поручалось отобрать у назначившей его братіи въ числѣ 25 чловѣкъ точныя показанія насчетъ того, какими наличными силами располагаетъ она въ настоящую минуту, сколько запасено ею денегъ, оружія и провіанта. Этими средствами думали достигнуть того, что имена заговорщиковъ останутся неизвѣстными правительству и партіи, въ то же время, пріобрѣтеть возможность одновременнаго и единодушнаго дѣйствія *****).

Пяти комиссарамъ, выбраннымъ анабаптистскими церквами! Лондона, предоставлено поддерживать сношенія съ единовѣрцами на!протяженіи всей страны, поддерживать въ нихъ духъ! оппозиціи разсылкою манифестовъ и для ихъ распространенія образовать особый женскій комитетъ, въ составъ котораго должны войти самыя горячія ревнительницы царства Христова.

Сигналъ къ открытому возстанію комиссары должны были подать не

*) M-r I. Gunter to m-r Gosse Brecon Martis 21, 1654. (*Thurloe*: „St. pap.“, VII, стр. 221.

**) 13 Nov. 1655 (*Ibid.* IV, стр. 191).

***) *Ibid.*, IV, стр. 545 и 629.

****) *Ibid.* vol. IV, стр. 698, letter of Thurloe to H. Cromwell 13 April 1656.]

*****) The effect of the meeting of the fifth monarchy men 8 July, 1656 (*Thurloe*: „St. pap.“, v. 5, стр. 197). A relation of the raising of the fifth moarchy men by secretary Thurloe. *Ibid.*, v. VI, стр. 185.

раньше, какъ обезпечивши себѣ участіе и поддержку со стороны большинства анабаптистскихъ церквей. Достигнуть этого было не легко, такъ какъ въ средѣ секты уже обнаружилось рѣшительное разногласіе по вопросу о законности сопротивленія силою и нѣкоторые проповѣдники анабаптистовъ, какъ мы видѣли выше, рѣшительно высказались противъ него. Неудивительно поэтому, если заговорщики оказались далеко не многочисленными. На первомъ ихъ собраніи можно было насчитать всего-на-всего 80 человекъ. Все это были люди низкаго происхожденія; во главѣ всѣхъ стоялъ Веккеръ, уже жившій случай посидѣть въ Тауерѣ.

Болѣе выдающіеся члены партіи, какъ генераль Гаррисонъ или полковникъ Ричъ, оставались до поры до времени въ тѣни, съ тѣмъ, чтобы въ рѣшительную минуту принять на себя руководство движеніемъ. Успѣшность возстанія зависѣла отъ того, удастся ли заговорщикамъ привлечь на свою сторону народную чернь. Съ этою цѣлью въ программу мятежниковъ включена была отмѣна не только десятины, но и акциза, таможенныхъ пошлинъ и вообще всякаго рода налоговъ. Сдѣланы были также попытки соглашенія съ республиканцами. Вожаки послѣднихъ, въ числѣ ихъ полковникъ Оке и вице-адмиралъ Лоссонъ, понимали выгоды подобнаго союза и энергически распространяли въ средѣ заговорщиковъ только что появившійся памфлетъ Вена *Длительный вопросъ* (A healing question), памфлетъ, заключавшій въ себѣ программу ихъ партіи. Лицамъ, выбраннымъ обѣими сторонами въ числѣ 12 человекъ, поручено было выработать проектъ соглашенія. Но мнѣнія анархистовъ и республиканцевъ такъ рѣзко расходились между собою, что выборнымъ пришлось разойтись, не постановивъ ничего. Въ самомъ дѣлѣ, какъ было согласить предложеніе республиканцевъ о вторичномъ созывѣ распущенныхъ членовъ долгаго парламента съ рѣшительнымъ нежеланіемъ людей «пятой монархіи» признать надъ собой власть какого бы то ни было правительства? Кромвель *) не скрывалъ своего удивленія по поводу того, что мысль слить воедино обѣ партіи могла явиться кому-либо въ голову, и сравнивалъ эти попытки соглашенія съ тѣми, какія сдѣланы были между Иродомъ и Пилатомъ, чтобы склонить обоихъ одинаково къ казни Христа. Не отчаяваясь въ возможности выработать общую программу дѣйствія, республиканцы и анархисты рѣшили предоставить въ будущемъ дѣло улаженія раздѣлявшихъ ихъ несогласій Гаррисону и Ричу. Дѣло, однако, не дошло до этого. Черезъ своихъ шпионовъ Кромвель своевременно предувѣдомленъ былъ обо всемъ, планъ главнаго вожака также сдѣлался ему извѣстнымъ и онъ послалъ эскадронъ для его задержанія. Видя, что всѣ пути отступленія отрѣзаны ему, Веккеръ рѣшился начать враждебныя дѣйствія. Онъ пошелъ на это тѣмъ охотнѣе, что рассчитывалъ на подмогу изъ-за границы, со стороны анабаптистовъ Голландіи, заблаговременно извѣщенныхъ о томъ, что мѣстомъ

*) Speech made the 17 Sept. 1656 (sp. V).

собранія будетъ Абингдонъ. Видя, однако, что никто изъ-за граничныхъ единовѣрцевъ не спѣшитъ на помощь, Веккеръ обнародовалъ давно составленный на случай возстанія манифестъ и 9 апрѣля 1657 года созвалъ заговорщиковъ на сходку въ Шордасъ. И объ этомъ собраніи протекторъ былъ своевременно увѣдомленъ. Посланный имъ отрядъ заарестовалъ найденныхъ на мѣстѣ двадцать заговорщиковъ, все оставленное ими оружіе, лошадей и амуницію. Новые розыски, сдѣланные въ другомъ мѣстѣ собраній, въ Майлендѣ, повели къ новымъ открытіямъ, въ томъ числѣ самого знамени заговорщиковъ съ изображеніемъ лежащаго льва пурпурнаго цвѣта и съ надписью: «кто дастъ ему воспрянуть?»*). Заподозрѣвая участіе Гаррисона и Рича въ неосуществившемся возстаніи, Кромвель нѣсколько дней спустя распорядился и объ ихъ задержаніи. Одной съ ними участи подверглись нѣкоторые вожаки республиканцевъ, переговоры которыхъ съ анархистами дошли до свѣдѣнія правительства, въ числѣ ихъ Лосонъ и Оке.

Мятежъ, какъ не имѣвшій серьезныхъ корней въ массѣ населенія, былъ разбитъ однимъ ударомъ и никто изъ участниковъ не поплатился жизнью. Оказывая религіознымъ фанатикамъ анархизма то снисхожденіе, въ какомъ онъ сплошь и рядомъ отказывалъ болѣе опаснымъ противникамъ, кавалерамъ, Кромвель ограбичился временнымъ заключеніемъ въ Тауеръ главныхъ руководителей движенія и вскорѣ отпустилъ ихъ даже на свободу.

Какъ ни ничтожна была агитация, затѣянная Веккеромъ, она, тѣмъ не менѣе, отмѣчаетъ собою кульминаціонный пунктъ въ исторіи той партіи, которая называла себя «людьми пятой монархіи». Отдѣльные проповѣдники анабаптистовъ, Фигъ въ томъ числѣ, продолжали, правда, еще предсказывать ближайшее наступленіе на землѣ царства Христова, но высказываемыя ими мысли были не болѣе, какъ повтореніемъ тѣхъ принциповъ, какіе заговорщики изложили въ своемъ манифестѣ.

Последній заслуживаетъ поэтому внимательнаго изученія, такъ какъ въ немъ заключается, можно сказать, политическое credo англійскихъ анархистовъ.

Манифестъ, о которомъ идетъ рѣчь, носитъ слѣдующее заглавіе: *Поднятый штандартъ, подъ прикрытіе котораго имѣютъ собраться всѣ „святые“, объявившіе себя за аянца Божія противъ «звѣря» и лжепророка.* Имѣется въ виду Кромвель, котораго анархисты обозначали замштованнымъ изъ Апокалипсиса терминомъ звѣря. Имя составителя манифеста неизвѣстно. Онъ носитъ на себѣ только подпись писца W. Medley. На заглавномъ листѣ приведены изреченія изъ книги Бытія и пророка Исаи: «Кто подыметъ его; подымете знамя народа» **).

*) Public Intelligences. April 13.

**) A standard set up: whereunto the true seed and saints of the most High may be gathered together into one, out of their several Forms: For the Lamb against the Beast, and False prophet in this good and honourable cause..... subscribed W. Medley scribe. Printed in the year 1657. (Экземпляръ этого памфлета имѣется въ моей библиотекѣ).

Манифестъ начинается краткимъ перечнемъ недавнихъ событій. Составитель, постоянно перемишывая собственныя замѣчанія съ отрывками изъ заявленій, сдѣланныхъ парламентами и арміей, и облекая нерѣдко свою мысль въ форму библейскихъ изреченій и ветхозавѣтныхъ пророчествъ, вспоминаетъ, какъ Богъ воздвигъ противъ тирана, короля и епископовъ армію людей, боящихся Всевышняго, какъ воля Господня проявилась въ низложеніи Карла, распущеніи долгаго парламента, медлившаго передать власть въ руки ея законныхъ владѣльцевъ, «святыхъ Сіона», и какъ послѣдніе призваны были, наконецъ, къ завѣдыванію дѣлами страны по распоряженію совѣта офицеровъ, къ которому, за распущеніемъ долгаго парламента, временно перешла вся власть въ государствѣ. Съ похвалою относится авторъ къ дѣятельности парламента Голой Кости. Засѣдавшіе въ немъ «святые» хотѣли сдѣлать доброе дѣло, отмѣняя канцлерскій судъ и церковную десятину, равно и право патроновъ рекомендовать кандидатовъ на должности приходскихъ священниковъ. Онъ отрицаетъ законность той мѣры, которой парламентъ Голой Кости обязанъ своимъ преждевременнымъ закрытіемъ. Передавая свои полномочія въ руки Бромвеля, депутаты правительственной партіи дѣйствовали какъ частныя лица. Ихъ поступокъ не связывалъ постою воли ихъ товарищей, тѣхъ святыхъ, которые остались вѣрны своему долгу и продолжали засѣдать попрежнему. Одна грубая сила заставила ихъ разойтись. Эта сила была направлена Кромвелемъ, искавшимъ обезпечить власть и вліяніе исключительно для себя и членовъ своей партіи. Съ распущенія парламента Голой Кости начинается его узурпація. Вина его формулируется такимъ образомъ: «онъ воспрепятствовалъ воцаренію Господа нашего Иисуса Христа, пренебрегъ интересами святыхъ, правами и привилегіями народа и благами мірозданія». Преслѣдуя народъ Божій, онъ сдѣлался стражемъ несправедливыхъ преимуществъ духовенства и юристовъ и сталъ угнетать народъ податями для того, чтобы сдѣлать возможнымъ содержаніе постоянной арміи. Вспоминая рѣшеніе, нѣкогда постановленное палатой общинъ противъ Карла, манифестъ анархистовъ предлагаетъ прекратить дальнѣйшее представленіе протектору какихъ-либо адресовъ, такъ какъ онъ нарушалъ данное имъ слово— блюсти интересы «святыхъ», такъ какъ изъ вѣрнаго служителя Христа, какимъ онъ былъ на первыхъ порахъ, онъ сдѣлался влывопреступникомъ и измѣнникомъ.

Мы узнаемъ, такимъ образомъ, причины, побуждающія людей «пятой монархіи» объявить себя врагами существующаго правительства. Остается только узнать, въ чемъ состоятъ ихъ желанія, какой порядокъ вещей является наиболѣе отвѣчающимъ ихъ идеаламъ.

Манифестъ не оставляетъ насъ въ неизвѣстности на этотъ счетъ. Онъ открыто провозглашаетъ Христа единственнымъ верховнымъ повелителемъ Англіи. Законодательная власть принадлежитъ всецѣло Ему одному. Проявленіемъ ея надо считать книги Писанія: въ нихъ изложенъ божескій за-

конъ, къ которому должны примѣняться всѣ земныя. Для управленія страной въ духѣ Христа и согласно велѣніямъ Писанія необходимо установленіе синедріона изъ лучшихъ людей по разуму и добродѣтели; они попадаютъ въ его составъ не иначе, какъ по выбору всего общества, то-есть всѣхъ свободныхъ людей, озаренныхъ свѣтомъ Христовымъ и святыхъ. Это представительное собраніе не является постояннымъ, но возобновляется ежегодно путемъ новыхъ выборовъ, причѣмъ дозволяется переизбраніе прежнихъ его членовъ. Примѣненіе закона, насколько оно выражено въ Писаніи, и изданіе согласныхъ съ нимъ распоряженій—вотъ къ чему сводятся законодательныя функціи синедріона. Что касается его административныхъ функцій, то онѣ состоятъ въ управленіи народомъ въ мирѣ и въ войнѣ, въ завѣдываніи его сухопутными и морскими силами. Синедріону принадлежатъ также и судебныя функціи: во-первыхъ, по апелляціямъ на рѣшенія подчиненныхъ ему судовъ, графствъ и городовъ; во-вторыхъ, во всѣхъ наиболѣе трудныхъ и запутанныхъ случаяхъ, которые прямо поступаютъ на его разбирательство. Какъ ни велика ввѣренная синедріону власть, онъ все же не можетъ быть названъ всемогущимъ, такъ какъ не вправѣ посягать на свободу и основныя права, признанныя за каждымъ человекомъ въ формѣ особаго соглашенія. Только озаренный высшимъ свѣтомъ и въ интересахъ народнаго блага можетъ синедріонъ, слѣдуя закону, внести измѣненія въ эти «основы», подъ защитой которыхъ стоятъ свобода и собственность, а равно и привилегіи гражданства.

Изъ этого общаго положенія дѣлается выводъ неблагоприятный дальнейшему удержанію существующей системы податей, военной конскрипціи и уцѣлѣвшихъ остатковъ крѣпостной и оброчной зависимости.

Во всѣмъ этимъ требованіямъ присоединяется еще одно—отмѣна церковной десятины и установленія свободныхъ отношеній между церковью и государствомъ.

Таково содержаніе единственнаго политическаго трактата, вышедшаго изъ-подъ пера людей «пятой монархіи». Читая его, невольно ставишь себѣ вопросъ, вправѣ ли мы выдѣлять ихъ въ особую партію и сходится ли вполнѣ ихъ программа съ той, какая нѣсколькими годами ранѣе выставлена была левеллерами? Только имѣя въ виду малочисленность ближайшихъ участниковъ возстанія 1657 года и желаніе ихъ путемъ послѣдовательныхъ уступокъ привлечь на свою сторону уцѣлѣвшіе обломки республиканской партіи, уже успѣвшіе слиться воедино съ радикалами или левеллерами, понимаешь причину, по которой ежегодно возобновляемыя собранія и всеобщее право голосованія фигурируютъ въ числѣ требованій, предъявляемыхъ анархистами. Мы не вправѣ будемъ поэтому считать разбираемый нами манифестъ чистѣйшимъ выраженіемъ ихъ доктрины и принуждены будемъ видѣть въ немъ не болѣе, какъ результатъ компромисса съ столь же радикальными, какъ и они, но менѣе ихъ проникнутыми религиознымъ фанатизмомъ республиканскими теченіями.

- Теорія англійскихъ анархистовъ выступаетъ передъ нами съ несравненно большею оригинальностью и цѣльностью въ рѣчахъ такихъ проводниковъ, какъ Фикъ и Поуэль. Но эти рѣчи, всецѣло посвященныя полемикѣ съ существующимъ правительствомъ, рисуютъ намъ только отрицательную сторону ихъ ученія. Последняя, впрочемъ, одна и получила достаточное развитіе. На почвѣ религіознаго анархизма немыслимы никакія построенія. Положительный элементъ необходимо отсутствуетъ въ программѣ тѣхъ, кто вѣритъ, что настало время, когда Христосъ, отрѣшая королей и правителей, самъ возьметъ въ свои руки управленіе міромъ. Вѣдь, воля Христа безгранична и не можетъ быть связана законами и конституціями.

Максимъ Ковалевскій.

Нѣсколько лѣтъ въ деревнѣ. .

Задавшись благими намѣреніями, я отправился въ деревню хозяйничать, но потерпѣлъ фіаско. Нѣсколько лѣтъ жизни, тяжелый трудъ, дѣло, которое я горячо любилъ, десятки тысячъ рублей, — все это погбло, прахомъ пошло...

Побуждаетъ меня взяться за перо желаніе выяснить вопросъ: слѣдуетъ ли продолжать опыты вродѣ моего? Отсюда основная задача моего труда—добросовѣстное, безъ всякихъ предвзятыхъ соображеній, буквальное воспроизведеніе бывшаго.

Познакомившись съ моею работою, читатель увидитъ, что, преслѣдуя благія намѣренія, я довольно безцеремонно, если можно такъ сказать, повернулъ жизнь своей деревни изъ того русла, которое она пробила себѣ за послѣднія 25 лѣтъ, въ русло, которое, въ силу разныхъ соображеній, показалось мнѣ лучшимъ.

Такой поворотъ не прошелъ для меня безнаказанно. Можетъ быть, это произошло въ силу моей неспособности или неумѣнья взяться за дѣло, а, можетъ быть, и въ силу общихъ причинъ, роковымъ образомъ доженствовавшихъ вызвать неудачу.

Объ этомъ пусть судятъ другіе.

I.

Историческій очеркъ.

Князь Юматовъ.—Синъ Юматова.—Скворцовъ.—Николай Бѣляковъ.

Ярко сверкаетъ, точно застрѣвшій въ расщелинѣ, прудъ. Весело сбѣгаетъ къ нему со стороны горы зеленый лѣсокъ, а по другую сторону пруда далеко и привольно раскинулась хлѣбородная степь. У самаго берега тѣсно жмется другъ къ другу рядъ старыхъ, покосившихся избъ. Деревня называется—Бяязево.

Лѣтъ сто тому назадъ земля эта была высочайше пожалована князю Г. и для заселенія ея онъ вывелъ 80 дворовъ изъ Тульской губерніи.

Объ этой отдаленной эпохѣ сохранилось очень мало воспоминаній. Существуетъ и до сихъ поръ группа старыхъ березъ, въ видѣ аллеи, — остатокъ бывшаго здѣсь нѣкогда сада. По словамъ сосѣднихъ крестьянъ, подъ этими березами князь училъ своихъ мужиковъ уму-разуму, т.-е. попросту сѣвъ. Князевскіе мужики обходятъ этотъ фактъ угрюмымъ молчаніемъ. Детали изгладились и упоминается князь только для выраженія самой сѣдой старины.

— Эта земля еще при князѣ пахалась.

— Уродило такъ, какъ только при князѣ рожало.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія князь продалъ имѣніе сосѣду Юматову, а крестьянъ взялъ на выводъ.

Но крестьянамъ, видно, уже успѣли приглянуться эти привольныя мѣста. Полюбили они и гладкую поверхность своего пруда, въ которомъ столько рыбы, что только не лѣнись ловить, и лѣсокъ, гдѣ такъ много грибовъ, ягодъ, а еще больше дровъ, лыка, оглоблей, а то и бревешекъ; полюбили и то привольное поле, что такъ щедро оплачиваетъ ихъ работу, благодаря своему двухъ-аршинному чернозему. Узнавъ, что князь хочетъ ихъ вывести, вся деревня въ одинъ прекрасный день точно сквозъ землю провалилась: остались только избы да дворы; все же живое, какъ владѣльцы, такъ и скотина, исчезло. Дѣло кончилось тѣмъ, что, побившись мѣсяца два и не найдя никого, князь отсталъ отъ крестьянъ и передалъ ихъ Юматову.

Князевцы любятъ вспоминать объ этомъ времени, но, по обыкновенію, суны на слова.

— Въ Поляномъ лѣсу жили, — въ норахъ, какъ лисы. Сейчасъ есть слѣды. Руками хлѣбъ молили... Ничего, Господь помогъ, вытерпѣли...

Сосѣднія деревни въ полголоса рассказываютъ охотникамъ послушать причину, побудившую князя продать имѣніе.

— Подшибся князь черезъ своихъ мужиковъ, — озорники они. И сейчасъ добра отъ нихъ никому нѣтъ, и раньше не было. За озорство ихъ и изъ Тулы перевели. Весь ихъ родъ ужъ такой. Недаромъ Юматовъ отбивался отъ нихъ, точно чуялъ, сердечный, свою судьбу.

Воспоминаній объ Юматовѣ сохранилось больше. Онъ оставилъ память о себѣ, какъ о хорошемъ хозяинѣ, но былъ лютъ и охотъ до бабъ. Это, главнымъ образомъ, и погубило его. Историческій фактъ таковъ: Юматова убили ночью, нанеся ему до ста ранъ. Двухлѣтніе розыски не приводили ни къ чему. Наконецъ, одинъ изъ главныхъ виновниковъ, пьяный, на праздникѣ въ сосѣдней деревнѣ, рассказалъ, какъ было дѣло. Виновнаго схватили, посадили въ острогъ, два года онъ запирался, а потомъ, когда уже хотѣли было на все махнуть рукой, повинился во всемъ и выдалъ сообщниковъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что 40 дворовъ было сослано въ Сибирь. Сами князевцы охотно вспоминаютъ о смерти Юматова и такъ, приблизительно, передаютъ дѣло:

— Въ Базань за подходящими людьми посылали. Двѣ недѣли кормили

и поили ихъ. Все никакъ нельзя было: то онъ въ гости, то къ нему гости. Дворню всю на свою сторону переманили. Мальчиѣ при немъ дворовый спалъ, — тоже на нашу сторону поддался. Часовыхъ по дорогамъ разставили... Здоровый былъ: девять человекъ насѣли на него; онъ ихъ волокомъ проволокомъ по всѣмъ комнатамъ, — все выходу искалъ. Выскочили они во дворъ, такъ и не дался бы, да на самомъ крыльцѣ одинъ въ лобъ ему угодилъ оглоблей, тутъ онъ и повалился.

О самой ссылкѣ преданіе совершенно умалчиваетъ. Князевецъ угрюмо отдѣлывается короткою фразой:

— Грѣха много было... Вытерпѣли... — помолчавъ, угрюмо добавляетъ онъ.

Во время малолѣтства сына Юматова князевцамъ жилось не дурно. Выросъ сынъ Юматова, послужилъ въ военной службѣ и не задолго до воли пріѣхалъ въ деревню на жительство. Сначала мужиковъ въ руки жѣпко прибралъ. Попробовали они было его поучить маленько и на первый разъ подрубили амбары; но дѣло кончилось не совсѣмъ благополучно. Юматовъ вызвалъ обжорную команду, т.-е. роту солдатъ, которую крестьяне должны были кормить на свой счетъ. Въ два мѣсяца рота объѣла всю деревню. Мужики взвыли, но не выдавали виновныхъ. И вдругъ баринъ все узналъ. Трехъ сослалъ въ Сибирь, а остальныхъ перепороли.

Давно нѣтъ и Юматова, нѣтъ и большинства участниковъ современныхъ ему событій, новое поколѣніе уже стариками становится, а до сихъ поръ не могутъ простить князевцы бывшему тогда старостѣ изъ своихъ мужиковъ, на котораго пало подозрѣніе въ измѣнѣ. Жалко и страшно смотрѣть на этого неряшливаго высокаго старика, когда онъ пробарается по селу. Года гоненій и преслѣдованія положили на него печать Каина; онъ идетъ спѣшною, неуверенною походкой, безпрестанно оглядываясь въ ожиданіи, что вотъ-вотъ первый выскочившій изъ воротъ мальчишка пуститъ ему подъ ноги камень. Въ его глазахъ озлобленіе и страхъ. Чтò пережилъ этотъ человекъ во всю свою долгую жизнь, — человекъ, который клянется, что онъ не виноватъ! Никто ему не вѣритъ. Недаромъ два часа пробылъ съ нимъ баринъ, запершись въ кабинетѣ, передъ тѣмъ днемъ, какъ засадилъ въ острогъ виноватыхъ. Онъ былъ богатъ, но все исчезло: лошадей покрали, сѣно каждый годъ жгли въ стогахъ, хлѣбъ почти весь въ снопахъ разворовывали. Онъ давно разорился и совершенно обнищалъ.

— Такъ ему, собакѣ, и надо.

Объ этомъ періодѣ князевцы вспоминаютъ угрюмо и съ большою неохотой.

— Извѣстно, команда курицу поймаетъ — тащить, барана — тоже тащить, — запрету ни въ чемъ не было, какъ саранча все объѣли, — и, помолчавъ, прибавляютъ: — Вытерпѣли. Гдѣ команда? А мы все тутъ.

Относительная тишина царя не долго послѣ этого.

Пришла воля, а съ ней и новыя хлопоты князевцамъ.

Какъ ни крутили ихъ, какъ ни старался посредникъ, какъ ни старался Юматовъ, а мужики на своемъ настояли, — всѣ вышли на сиротскій надѣлъ, — на даровую $\frac{1}{4}$ часть душеваго надѣла.

Брестьянинъ Аванасій Сурковъ такъ разсказалъ мнѣ эту исторію:

— Видишь ли ты, батюшка мой (Аванасій—мужикъ не изъ бойкихъ, говоритъ медленно, съ трудомъ складываетъ мысль въ слова)... Солдаты, значить, Симеонъ, — вотъ, братъ нашему Чичкову, — пришелъ и говоритъ: грамота золотая отъ царя пришла; кто, значить, на полный надѣлъ пойдетъ, того опять въ крѣпость поворотять. Кому же неволя опять идти? Ну, значить, и присагнули промежь себя: другъ другу не выдавать. Брестялись, образъ, значить, въ Семеновой избѣ цѣловали. Приѣхалъ исправникъ, мировой, баринъ пришелъ. Собрали насъ на сходъ. Тоё да себъ, исправникъ какъ закричитъ: «Да что съ ними разговаривать? Одно слово, трава и больше ничего. Розогъ!» Принесли розогъ, скамейку вынесли, поставили. Исправникъ прямо ко мнѣ: «Руку даешь?» Похолонуло у меня на сердцѣ: «Не дамъ, говорю. Что хошь дѣлай: хоть бей, хоть убей — не дамъ». — «Ложись», — говоритъ. Перекрестился я, говорю: «Ты видишь, Пресвятая Богородица!» — легъ я, и стали они меня...

Онъ замолчалъ и напряженно наклонился впередъ, точно силясь получше рассмотреть то, что было 25 лѣтъ назадъ. Его лицо выражало недоумѣніе и тщетное напряженіе что-то понять. Онъ говорилъ медленно и нехотя.

— И стали они меня, и стали-и... Били, били...

Онъ съ какимъ-то мучительнымъ наслажденіемъ повторялъ это слово, точно снова переживалъ давно прошедшее.

— Закусишь это я руку, чтобы не закричать... Все молчу. «Будешь ты, собачій сынъ, говорить?» А я все, знай, молчу. «Бросить, — говоритъ, — этого дурака, — другаго!» Всталъ я, перекрестился на небо, да и говорю: «Царица Небесная, Ты видѣла: за что они меня били?»

Голосъ Аванасія на этомъ мѣстѣ оборвался и онъ угрюмо замолчалъ.

— Чѣмъ же кончилось? — спросилъ я.

— Да чѣмъ кончилось? — повеселѣвшимъ голосомъ заговорилъ онъ снова. — Послѣ меня за нашего Чичкова взялись; онъ туда-сюда: «Вотъ чего, — говорятъ, — старикъ: не всѣмъ же пропадать, не лучше ли покориться?» Ну, и покорились.

— Тебя одного, значить, пороли?

— Одного, батюшка, одного, — раздумчиво отвѣчалъ Аванасій.

— Да за что?

— А Господь ихъ знаетъ. Вотъ убей — и сейчасъ не знаю, за что.

Отъ Аванасія такъ ничего больше и нельзя было добыться. Онъ твердилъ свое:

— И не знаю, и не знаю, и не знаю, батюшка... И Господь ихъ знаетъ, чего имъ надо было, и за что они меня пороли — и сейчасъ не знаю.

Уже отъ другихъ мужиковъ можно было узнать, что рѣчь шла о выборныхъ, которыхъ они сдуру, по наущенію солдата Симеона, не хотѣли выбирать, боясь подвоха.

Ликованье, что такъ ловко отвертѣлись отъ полного надѣла, скоро смѣнилось у князевцевъ уныніемъ.

Спихватились, да поздно, что солдатъ Симеонъ зря болталъ. Цѣна на землю стала шибко расти: съ 3 рублей за хозяйственную десятину (3,200 квадр. сажень) сразу выскочила на 5 руб. за посѣвъ одного хлѣба. Прошло еще немного—стала земля 7—8 руб. Земля подорожала, а родить на ней стало на половину хуже. Посѣянный хлѣбъ, какъ все посчитать, безъ малаго сталъ въ купку обходиться, т.-е. за затраченныя деньги и трудъ можно было и на базарѣ за ту же цѣну хлѣбъ купить. Сосѣднія деревни, которыя на полный надѣлъ пошли, хоть плохо, а жили. Князевцамъ же совсѣмъ стало не въ ногу. Шибко обѣднялъ народъ. Стали о новой земелькѣ толковать. Ткнулись туда-сюда—все то же, да и насиченныя мѣста не такъ-то легко бросать.

Худо сталъ жить народъ; особенно памятенъ голодный 65 годъ. Половина населенія всю зиму Христовымъ именемъ кормилась. И что это за жизнь была! Ладно, кто еще догадался дубовыми жолудями запастись, — тотъ жолудевымъ квасомъ питался. Дѣти въ тотъ годъ почти всѣ перемерли; много и взрослыхъ отъ тифу свернулось.

— Никто и живымъ не чаялъ остаться, — говорили князевцы, — да пожалѣвъ Господь, помощь послалъ.

Помощь состояла въ томъ, что Юматовъ, подбитый голоднымъ годомъ, заложилъ имѣніе. Денегъ дали много, больше чѣмъ надо было, и онъ рѣшилъ устроить у себя винокуренный заводъ. Ожили князевцы, закипѣла работа. Дѣла пошли хорошо. И Юматову сначала было не дурно, но потомъ, вслѣдствіе покровительства крупнымъ винокуреннымъ заводамъ, дѣла Юматова пошли хуже. Старыми машинами работать стало невыгодно, для новыхъ не хватало денегъ; подвернулись семейныя невзгоды, Юматовъ запылъ. Прикащики, видя, что дѣло пошло къ концу, стали усиленно воровать.

Пользовались и князевцы: съ прикащиками они спѣлись и дѣла вели дружно. Привезетъ сажень дровъ, а ярлыкъ беретъ на три, — третья часть прикащикамъ. Мужики были и пьяны, и сыты.

— Вотъ она штука-то, — толковалъ мужикъ Чичковъ. — Барину худо — мужику хорошо. Пока въ силѣ былъ —дохнуть было нельзя, подшибся — легко стало.

Не долго, однако, протянулъ Юматовъ. Нежданно - негаданно наѣхали чиновники и описали заводъ. Юматовъ поѣхалъ въ городъ. Недѣли черезъ двѣ пришла вѣсть, что Юматовъ умеръ. Имѣніе понало къ кредиторамъ и былъ назначенъ конкурсъ. Главный кредиторъ тайно отъ другихъ захватилъ всю движимость. Работа была спѣшная и въ ночь передъ описью все надо было припрятать.

Николай Бѣляковъ, бывшій кучеръ Юматова, съ нѣсколькими князевцами лихо обдѣлалъ дѣло. Всю ночь выносились вещи; прятали ихъ и по дворамъ гостепріимныхъ князевцевъ, и въ снѣгъ зарывали, и въ лѣсъ отвозили.

Банкурсъ продолжался около года и прошелъ не безъ пользы для князевцевъ: лѣсъ покупали за безцѣнокъ, — вмѣсто десятины, рубили двѣ; землю снимали десятину, — сѣяли 1½ и т. д. Конечно, дѣлялись съ прикащиками, но не обидно, — водки бутылку, поросенка, когда прямо рублевку сунешь.

Наступилъ конецъ и конкурсу. Имѣніе осталось за главнымъ кредиторомъ, купцомъ Скворцовымъ. Новый владѣлецъ ни во что не вмѣшивался, жилъ постоянно въ городѣ, гдѣ и занимался ростовщичествомъ. Въ деревнѣ же онъ посадилъ прикащикомъ Николая Бѣлякова. Николай Бѣляковъ обязанъ былъ поставлять ему ежегодно 5 тысячъ руб., кромѣ лѣса (съ 2,400 десятинъ, доставшихся Скворцову за 37 тысячъ рублей). До остальнаго Скворцову дѣла не было. Винокуренный заводъ, всѣ постройки, кромѣ одного флигеля, были, за ненадобностью, проданы за 4,200 р. (первоначальная ихъ стоимость около 40 тысячъ руб.). Садъ былъ вырубленъ постепенно Бѣляковымъ на отопленіе флигеля. Продажа лѣса шла во всю. Лѣсъ Скворцовъ не признавалъ выгодною статьей, какъ не оправдывающій процентовъ на затраченный капиталъ.

Бѣляковъ ловко повелъ дѣло. Не успѣли мужики оглянуться, какъ онъ зажалъ ихъ въ свой кулакъ, какъ въ желѣзные тиски. Пріемъ его былъ простой, но вѣрный. 5 — 6 дворовъ побогаче онъ глядѣлъ по шерсти — давалъ имъ на выборъ лѣсъ, лучшую земельку, и цѣной подешевле, и мѣрой не обижалъ. Съ остальною же деревней онъ дѣйствовалъ иначе. Приходить, напримѣръ, время брать землю. Бѣляковъ назначаетъ цѣну и день сдачи. Мужики дѣлаютъ стачку сбить цѣну. Бѣляковъ только посмѣивается.

Порядокъ сдачи земли такой: кто всѣ деньги принесъ сразу, тотъ пользуется правомъ выбора лучшей земли; берущимъ въ кредитъ достается не разобранныя за наличныя деньги и, конечно, худшая земля. Для противодѣйствія стачкѣ дается повѣстанка во всѣ сосѣднія деревни. Хорошей земельки кому не надо? И, глядишь, въ день сдачи возлѣ избы Бѣлякова точно базаръ отъ наѣхавшихъ подводъ. На всякій случай заготовлено нѣсколько подставныхъ покупщиковъ. Подставные, какъ только цѣна объявлена, тотчасъ изъявляютъ на нее согласіе и требуютъ себѣ лучшую землю. Богатѣи, тѣ 6 дворовъ, о которыхъ было упомянуто выше, только ждуть этого момента. Такъ прямо противъ міра идти нельзя, если сдѣлана стачка, а ужъ начали брать, такъ чего же подѣлаешь?

— Что-жь, старики, — начинается въ такихъ случаяхъ Чичковъ, — чего-жь тутъ еще дожидаться? Ничего, видно, не подѣлаешь — хитеръ, собака, ловко придумалъ. Чужіе разберутъ, а сами гдѣ сѣять станемъ?

Идти надо.

Богатѣи энергично поддерживали Чичкова, а за ними, почесываясь, плелись и остальные князевцы.

А вечеромъ у «собаки» шла выпивка и Бѣляковъ въ десятый разъ, захлебываясь отъ восторга, рассказывалъ богатѣямъ, какъ онъ ловко все продѣлалъ. Князевцы и сами понимали, какъ ихъ Бѣляковъ оплелъ, да ничего не подѣлаешь. Пробовали ему пригрозить поджогомъ, онъ и противъ этого нашелъ споровку. Высмотрѣлъ въ деревнѣ центральное мѣсто и сталъ торговать его у хозяина, Алексѣя Ваганова. Вагановъ хотя и плохонькой былъ мужичонко, а насиженымъ мѣстомъ дорожилъ и заложилъ такую цѣну, что Бѣляковъ только свиснулъ и ушелъ, сказавъ на прощанье:

— И подешевле отдашь.

И, дѣйствительно, отдалъ. Черезъ недѣлю нагрнулъ обыскъ, и у Ваганова нашли барскій котелъ, вмазанный въ печь. Вагановъ и не зашарася, что онъ выломалъ, но указалъ, что и другіе не лучше его: почитай, у всякаго барское добро есть,— самъ Бѣляковъ и спитъ, и ѣсть, и пьетъ изъ барскаго. Кончилось, однако, тѣмъ, что другихъ не тронули, а Ваганова въ Сибирь сослали. Осталась Устинья съ 4 дѣтишками, пришла зима, а съ ней голодъ и холодъ, отдала вдова свою усадьбу, а за это ей избу перенесли на край села, да еще дали 10 рублей. Такъ поселился Бѣляковъ въ центрѣ села.

— Жги его, собаку, коли себя не жаль! — толковали князевцы.

— Ахъ, собака, собака, и ни чѣмъ его не доймешь!

— Въ оврагѣ гдѣ-нибудь ночью прикончить.

— Станетъ онъ тебѣ по оврагамъ ночью ѣздить! Ему что за неволя?

— Ахъ, собака, пра, собака!

Взялся было Андрей Михеевъ міру послужить, лошадокъ увести, богатѣи донесли въ-время и Михеевъ чуть жизнью не заплатился: весь зарядъ на вершокъ отъ него просвисталъ, а въ догонку еще Бѣляковъ закричалъ:

— На первый разъ, Андрей, только попужалъ, а впредь не взыщи.

— Хай ему песь, — отплеывался Андрей, повѣствуя въ кабагѣ про свою неудачу.

А на другой день Бѣляковъ пришелъ къ Андрею съ понятными и составилъ протоколъ о томъ, что веревъ *) изъ барскаго двора вырыта.

Два часа Андрей валялся въ ногахъ у Бѣлякова, пока тотъ смиловался.

— Ну, помни же, Андрей. Протоколъ я припряду до времени, а ужъ какой выйдетъ грѣхъ, ты у меня будешь въ отвѣтъ.

Приуныли князевцы. Богатые изъ года въ годъ богатѣли, а бѣдняки бѣдняки все больше и больше.

Терпѣли князевцы, терпѣли, да, наконецъ, и не въ моготу стало. Да и случай-то вышелъ исключительный. Высмотрѣлъ Бѣляковъ какъ-то де-

*) Веревъ—воротній столбъ.

шевый гуртъ скота, дешевый потому, что открылся въ немъ падежъ. Бѣляковъ съ богатыми и соблазнился на дешевку. Купили весь гуртъ и пригнали въ князевское стадо. Результатомъ было то, что всѣ коровы у князевцевъ передохли. Ну, и зашумѣли же князевцы! Цѣлую недѣлю нерѣшались Бѣляковъ и его товарищи показаться въ деревню. Бончилось, однако, тѣмъ, что Бѣляковъ и богатыи помирились съ міромъ на 10 ведрахъ водки. Одинъ Степанъ Лайченковъ не сталъ пить.

— Хай вамъ, собаки! Одинъ я, съ бабой, дѣтей нѣтъ, послужу міру, — сказалъ Степанъ, тряхнулъ головой, надвинулъ шапку и пошелъ домой.

Такъ и замеръ Бѣляковъ со стаканомъ водки въ рукахъ. Насторожился и міръ. Со Степаномъ шутки плохи были. Степана всѣ боялись. Боялись за его огненные, какъ у бѣшеннаго, глаза, — какъ сверкнетъ онъ ими, такъ на что Андрей Михеевъ отчаянный, а и тотъ, какъ бы пьянъ ни былъ, отстанеть.

Струсилъ Бѣляковъ и пошелъ со Степаномъ мириться. Надавалъ онъ Степану 15 р. за павшую корову, но Степанъ стоялъ на своемъ.

— Ничего не возьму, а міру послужу. Опостылѣлъ ты всѣмъ, собака... Найду и на тебя конецъ.

— Да ты не страшай. За это знаешь, куда попадешь? — огрызнулся Бѣляковъ.

— Слушай, Николай! Ты другихъ пугай, а меня оставь. Насъ только Богъ слышитъ, такъ вотъ тебѣ я что скажу. Полгода я дамъ тебѣ срока: не уйдешь волей — живъ не будешь.

И глаза Степана такъ сверкнули, что Николай сдѣлался бѣлый, какъ рубаха.

— Опостылѣлъ ты, подлець. Я не буду гнаться. Отъ меня никуда не уйдешь. Я прямо возьму топоръ, да среди улицы тебя и хвачу. Вотъ этапъ!...

И Степанъ, въ одно мгновеніе схвативъ топоръ, лежавшій подъ лавкой, замахнулся надъ Николаемъ.

— Господи Іисусе, помилуй, — прошепталъ Николай, прижавшись къ притолокѣ.

Паническій ужасъ точно сковалъ его. Широко раскрытыми глазами впился онъ въ страшное, искаженное бѣшенствомъ лицо Степана.

— Куда уйдешь, собака? — неистовымъ голосомъ закричалъ Степанъ и, не помня себя, со всего розмаха опустилъ топоръ.

Прибѣжали сосѣди, но уже было поздно: Бѣляковъ съ расчѣченной головой, съ распластанными руками валялся на полу, а Степанъ, очевидно, безсознательно, бережно обтиралъ окровавленный топоръ.

— Степа, Господь съ тобою, ты что это сдѣлалъ? Погубилъ ты себя.

Степанъ точно проснулся. Онъ оглянулся, посмотрѣлъ на лежащаго Бѣлякова, на топоръ, бросилъ его и, проговоривъ упавшимъ голосомъ: «Братцы, голубчики, пропала моя душенька, лукавый попуталъ», — зарыдалъ, какъ ребенокъ.

Вся деревня сбѣжалась и вся деревня рыдала.

— Степа, голубчикъ, что ты надѣлалъ?—повторяли мужики на всѣ лады и по очереди обнимали Степана.

А Степанъ рыдалъ и рыдалъ, твердя одно и то же:

— Погубилъ я свою душеньку.

И Степана угнали въ Сибирь. Нового прикащика прислалъ Скворцовъ, но уже доходовъ тѣхъ не было.

При первой оказіи новому прикащику объявили на сходѣ:

— А ты не больно. Много вашего брата здѣсь перебивало. Всякихъ видали—и не такихъ, какъ ты, а гдѣ они? Всѣ вверху по Степановкѣ ушли *), а мы все тутъ.

Прикащикъ обробѣлъ и повелъ дѣло спустя рукава. Скворцовъ рѣшилъ продать имѣніе. Покупщикомъ явился я.

II.

Цѣль покупки имѣнія.

Заботы о личномъ благосостояніи.—Организація моего хозяйства.—Нѣмецкая колонія.—Техническія улучшенія въ имѣніи.

Мнѣ было 30 лѣтъ, я былъ женатъ и имѣлъ двухъ маленькихъ дѣтей. Предъидущая моя дѣятельность ничего общаго не имѣла съ деревней. Съ хозяйствомъ, такъ какъ вся родня моя всегда занималась земледѣіемъ, я былъ знакомъ. Съ народомъ хотя я и сталкивался, но быть его зналъ болѣе по литературѣ. По специальности я былъ инженеръ путей сообщенія, но бросилъ службу за полную неспособностью сидѣть между двумя стульями: съ одной стороны, интересы государственные, съ другой—личные хозяйскіе. Базенныхъ желѣзныхъ дорогъ тогда еще не было. Имѣніе я купилъ за 75 т. р.,—значить, оно въ теченіе пяти лѣтъ удвоилось въ цѣнѣ. Жена и я—оба мы страстно стремились въ деревню. Перспектива свободной, независимой дѣятельности улыбалась намъ самымъ заманчивымъ образомъ.

Цѣли, которыя мы рѣшили преслѣдовать въ деревнѣ, сводились къ слѣдующимъ двумъ: къ заботамъ о личномъ благосостояніи и къ заботамъ о благосостояніи окружающихъ насъ крестьянъ. Какимъ путемъ думалъ я стремиться къ достиженію этихъ цѣлей?

Вообще, а въ деревнѣ въ особенности, въ дѣлахъ людскихъ рѣзко бросается въ глаза неразумное приложеніе силъ въ борьбѣ за существованіе. У людей подъ руками неисчерпаемыя богатства, въ лицѣ природы, а почти вся ихъ дѣятельность направлена не на эксплуатацію этой природы, а на вымогательство у болѣе слабого. Въ городахъ это не такъ рѣжетъ глаза, но въ деревнѣ, у самаго источника, такъ сказать, глупо и дико видѣть,

*) Степановка—ручей, въ верховьяхъ котораго было расположено кладбище князевцевъ.

какъ всё силы человѣка направлены на то, чтобы какъ-нибудь отнять послѣднюю каплю у ближняго, когда соединенными усиліями можно овладѣть цѣлымъ источникомъ. Мнѣ и хотѣлось помочь людямъ стать на надлежащій путь, хотѣлось помочь имъ перенести центръ тяжести борьбы за существованіе на природу. Задача не казалась особенно трудной: стоить научить крестьянина болѣе успѣшнымъ приемамъ борьбы съ природой и онъ самъ пойметъ, какъ дико и нелѣпо бороться съ ближними, тѣмъ болѣе, что въ той мѣстности, гдѣ я приобрѣлъ имѣніе, были уже примѣры такого отношенія къ дѣлу.

Въ образецъ я взялъ нѣмецкое хозяйство. Верстахъ въ 40, въ началѣ 50-хъ годовъ, поселилась колонія нѣмцевъ-менонитовъ, состоящая въ настоящее время изъ 100 семействъ. О баснословныхъ урожаяхъ самъ тридцать я услышалъ сейчасъ же по пріѣздѣ. Мой первый визитъ былъ въ колонію. Я осмотрѣлъ подробно хозяйство колонистовъ. Во всемъ система, порядокъ, аккуратность. Даровой надѣлъ каждой семьи 60 десятинъ, оборотный капиталъ, вывезенный изъ Германіи, около 10 тысячъ рублей на семью, т.-е. на десятину приходится около 170 руб. Средній валовой доходъ съ участка около 3 тысячъ руб. Откладывается ежегодно отъ 500 до 1,000 рублей. Переживали они и плохія времена. Четырехпольная система дала въ Россіи неудовлетворительные результаты. Но въ началѣ 60-хъ годовъ колонистъ Пенеръ, энергичный и дѣльный человѣкъ, перешелъ къ обыкновенной русской трехпольной системѣ, примѣнивъ къ ней глубокую запашку, удобрение, обновленіе сѣмянъ и пр. Дѣла колонистовъ приняли вскорѣ блестящій оборотъ.

Я отдался дѣлу съ такою любовью, какой не предполагалъ въ себѣ. Моя страсть побольше поспать пронала безслѣдно. Съ первымъ лучомъ солнца я былъ на ногахъ, торопился пить чай и слѣшилъ на дворъ. Тамъ десятки хорошо выкормленныхъ лошадей впрягались въ нѣмецкіе плуги и стройно выѣзжали въ поле, начинавшееся прямо отъ дому. Туда же двигались воза съ навозомъ. Амміачный запахъ его сильно разносился по свѣжему воздуху. Весь секретъ состоялъ въ томъ, чтобы запахать разбросанный навозъ такъ скоро, чтобы амміакъ и прочія летучія части навоза не успѣли вывѣтриться.

Съ какимъ наслажденіемъ научился я устанавливать плуги! По цѣлымъ часамъ ходилъ я за мной самимъ установленнымъ плугомъ, вдыхая запахъ свѣжей земли. Земля выворачивается, подымается, достигаетъ извѣстной высоты лемеха и винтообразно разсыпается внизъ.

Рядомъ съ полевымъ хозяйствомъ я велъ цѣлый рядъ журналовъ, долженствовавшихъ выяснитъ количество и стоимость работъ.

Мои друзья нѣмцы-колонисты пріѣзжали изрѣдка ко мнѣ, одобряли, исправляли и предупреждали, чтобы я не увлекался и не ждалъ сразу блестящихъ результатовъ. Они говорили, что нужно время, 5—6 лѣтъ, чтобы достигнуть ихъ урожаяевъ. Я достигъ ихъ результатовъ въ 3 года, — въ

третій годъ мой урожай, по количеству и качеству, ничѣмъ не отличался отъ ихъ урожая. Но если въ отношеніи количества и качества я достигъ того же, то въ отношеніи стоимости я значительно уступалъ нѣмцамъ. Все у меня обходилось дороже и всего выходило больше. Объяснялось это отчасти тѣмъ, что я нарочно поднималъ заработную плату, находя ее слишкомъ низкой, отчасти инженерною привычкою дѣлать все скоро, и только по личному опыту убѣдился, что скорость и стоимость обратно пропорціональны между собою. Наконецъ, несомнѣнное вліяніе на удороженіе имѣло то обстоятельство, что я не имѣлъ соответственнаго штата людей въ своемъ распоряженіи. Подобрать въ деревнѣ такой штатъ очень и очень трудно. Или будетъ честный, но ограниченный, или ловкій, но только для себя. Всѣ эти прикащики, старосты, дрессированные въ прежней школѣ, ничего не стоятъ, въ новое дѣло они не вѣрятъ; по личному опыту у нихъ сложилось твердое убѣжденіе, что всѣ эти новаторства—прямой путь къ разоренію, а при такомъ отношеніи никакой энергіи, никакой любви, понятно, быть не можетъ. Постепенно присматриваясь къ окружающимъ и замѣтивъ нѣсколько смысленныхъ рабочихъ, въ теченіе трехъ лѣтъ я успѣлъ организовать изъ нихъ потребный штатъ низшихъ служащихъ, удовлетворившихъ моимъ требованіямъ.

Надежду имѣть настоящихъ помощниковъ я откладывалъ до того времени, когда выростетъ молодое поколѣніе деревни, поступившее въ школу, которой завѣдывала моя жена.

Свои инженерныя познанія я примѣнялъ во многихъ случаяхъ при хозяйствѣ. Привычка къ большому дѣлу, привычка обобщать, дѣлать правильные выводы, привычка быстро примѣняться къ мѣстнымъ условіямъ, привычка обращенія съ рабочими,—все это сильно помогало мнѣ. Технические познанія дали мнѣ возможность воспользоваться благоприятными мѣстными условіями. Мое имѣніе, расположенное на водораздѣлѣ, имѣло двѣ рѣчки, бравшія начало и впадавшія въ другую рѣку на моей же землѣ. По нивелировкѣ оказалось, что эти рѣчки можно соединить въ одну.

Вслѣдствіе этого моя мельница, вмѣсто двухъ, заработала на 5 поставахъ. Доходность ея утроилась. Приобрѣтя такую громадную силу, я рѣшилъ приспособить ее къ разнымъ цѣлямъ хозяйства. Я устроилъ водяную молотилку, вслѣдствіе чего молотба стала обходиться много дешевле. При молотилкѣ я устроилъ амбары, куда при помощи элеваторовъ механически пересыпался уже очищенный хлѣбъ. Съ послѣднимъ поданнымъ въ барабанъ снопомъ послѣдняя горсть зерна попадала въ амбаръ и воровство зерна—это зло нашего хозяйства—у меня не имѣло мѣста.

На случай ненастья, отъ чего часто хлѣбъ осенью въ нашихъ мѣстахъ сгниваетъ въ снопахъ, я устроилъ крытые сараи и сушилки. Стремясь завести интензивное хозяйство, я организовалъ пеклеванное дѣло, устроилъ маслобойку, чтобы добывать масло изъ подсоленныхъ сѣмянъ, для чего ввелъ крайне выгодную новую культуру въ нашихъ мѣстахъ—посѣвъ под-

солнуховъ. Я развелъ фруктовый садъ, насадивъ до 2 тысячъ фруктовыхъ деревьевъ. Все это, вслѣдствіе моей страсти къ быстротѣ, стоило мнѣ довольно дорого и не могло приносить тѣхъ выгодъ, какія я могъ бы получить, дѣлая все это не торопясь. Ко второму году хозяйства мой оборотный капиталъ, около 40 тыс. рублей, растаялъ весь. Отсутствие запаснаго фонда меня мало смущало, такъ какъ средній чистый доходъ опредѣлялся мною въ 10 тысячъ рублей. Сверхъ того, я имѣлъ инвентарь тысячъ въ 15, запасы сѣмянъ, хлѣба и проч.

III.

Заботы о крестьянахъ.

Леченіе.—Школа для дѣтей и взрослыхъ.—Увеселенія.—Заботы о матеріальномъ благосостояніи крестьянъ.—Состояніе крестьянскаго хозяйства въ Князевѣ.—Мѣры, направленныя къ улучшенію его.—Община.—Способъ, принятый мною для достиженія дѣли.

Въ деревнѣ и женѣ, и мнѣ дѣла было по горло. На долю жены доставалось его больше, чѣмъ мнѣ. Главныя ея заботы относительно крестьянъ сосредоточивались на леченіи и обученіи дѣтей ихъ грамотѣ. Лечила жена разными общеупотребительными средствами. Обучила ее моя сестра—женщина-врачъ, прогостивъ у насъ нѣсколько мѣсяцевъ. Недостатка въ больныхъ никогда не было. Бесплатное леченіе, ласковость, счастье въ леченіи привлекали къ женѣ массу пациентовъ и она подчасъ порядкомъ утомлялась практикой.

Заботы о просвѣщеніи сводились къ тому, что жена устроила школу, гдѣ и занималась сама со всѣми ребятами и дѣвчонками деревни. Школа ея имѣла черезъ 2 года 50 учениковъ. У нея было два помощника изъ молодыхъ парней, окончившихъ сельскую школу въ ближайшемъ большомъ селѣ. Крестьяне съ довѣріемъ относились къ школѣ. Часть изъ нихъ видѣла въ школѣ возможность избавиться ихъ дѣтямъ отъ тяжелаго крестьянскаго труда, замѣнивъ его болѣе легкимъ трудомъ писаря, прикащика, цѣловальника.

При этомъ, конечно, указывались примѣры.

Другая часть крестьянъ мечтала о томъ, что ихъ дѣти, научившись, будутъ читать имъ святыя книжки. Наконецъ, третья часть крестьянъ, большинство ничего не формулируя, соглашалась глухо, что школа—«дѣло доброе». Были и противники школы, но такіе,—даже и между крестьянами,—считались рутинерами. Дѣти любили школу, для нихъ она имѣла всегда новый, всегда свѣжій интересъ. Я любилъ посѣщать уроки жены. Съ виду, на нихъ царилъ полный беспорядокъ, но, при ближайшемъ наблюденіи, ясно было, что это только внѣшній видъ такой,—порядокъ былъ полный въ томъ смыслѣ, что интересъ всѣхъ къ уроку достигалъ высшей степени; но такъ какъ формѣ при этомъ не придавалось никакого значенія, то и выходило что-то непривычное,—внѣшней дисциплины никакой; это скорѣе былъ дѣтскій клубъ, а не школа.

Я тоже былъ преподавателемъ. Я читалъ имъ обработку и уходъ за землей, за растеніями. Былъ еще мастеръ, который училъ дѣтей дѣлать горшки. Выдѣлка этихъ горшковъ давала нѣкоторый доходъ имъ, такъ какъ горшки продавались на ближайшемъ базарѣ. Полученныя деньги составляли ихъ гордость и радость ихъ родителей.

И говорить нечего, что покупка горшковъ для нуждъ домашнихъ на деревнѣ прекратилась совершенно, такъ какъ ученики вволю снабжали ими своихъ родныхъ. Радость мужиковъ и бабъ выражалась примѣрно такимъ образомъ:

— Бывало, разобьется горшокъ—бить бабу. А теперь бей сколько влѣзеть—свои горшки. Шабашъ!

И князевецъ весело потряхивалъ головой.

Со взрослыми, которыхъ въ школу не загонишь, я при каждомъ удобномъ случаѣ вступалъ въ бесѣды на всевозможныя темы: сегодня исторія, завтра политическая экономія, тамъ политика, сельское хозяйство, смотря по тому, съ чего начинался разговоръ..

Я, шутя, говорилъ, что въ десять лѣтъ они всѣ у меня будутъ съ высшимъ образованіемъ. Нельзя сказать, чтобы они безъ интереса относились къ моимъ рассказамъ и не любили ихъ, но времени свободнаго у нихъ было мало и нерѣдко на самомъ патетическомъ мѣстѣ меня обрывали безъ церемоніи:

— Такъ какже на счетъ пашни-то?

За то въ праздничный день, или зимой, они слушали долго и съ охотой, до тѣхъ поръ, пока дрема не одолѣвала.

Бывало, зимой, вечеромъ расажу ихъ въ кабинетѣ по диванамъ, кресламъ, стульямъ, прикажу подать имъ чаю и на первую попавшуюся тему, по возможности простымъ языкомъ, начинаю. Самый большой любитель моихъ рассказовъ — Сидоръ Ѳомичъ, мой ключникъ, старичокъ лѣтъ 70, честный, прекрасной души и правилъ человекъ. Бывало, какъ я только начинаю, усадется поглубже въ кресло, прокашляется, оправитъ свой полусубокъ и съ дѣтски-радостнымъ лицомъ уставится на меня. Но не пройдетъ и 10 минутъ, какъ мой Сидоръ Ѳомичъ начинаетъ сначала потихоньку, а потомъ сильнѣе и сильнѣе клеветать носомъ. Пройдетъ часъ и всѣ мои слушатели послѣ отчаянныхъ усилій склоняютъ свои, труднымъ боемъ съ жизнью удрученныя головушки. Я кончаю свою лекцію и выпускаю слушателей съ тѣмъ, чтобы на-завтра начать новую лекцію.

Святки были посвящены заботамъ о весельѣ. Мы съ женой старались, чтобы этотъ кусочекъ въ году князевцами проводился весело и беззаботно. Задолго до Рождества въ школѣ начинались оживленные толки о предстоящей елкѣ. Этою елкой бредили всѣ безъ исключенія дѣти деревни. Быть на елкѣ — это было такое ихъ право, противъ котораго не смѣли протестовать самые грубые, поглощенные прозой жизни родители.

Какъ бы ни былъ бѣденъ, а въ чемъ-нибудь да принесеть, заплакан-

наго пузана въ новой ситцевой рубашенкѣ, торчащей во всѣ стороны. Станетъ на полъ такой пузанъ, воткнетъ палецъ въ носъ и смотритъ на громадную, всю залитую огнями елку. А тутъ же мать его глядитъ не оторвется на своего пузана, ласково приговаривая:

— Поди вотъ съ нимъ, ревма-реветъ—на елку. Чего станешь дѣлать?— притащила.

Но вотъ начинается съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаемая раздача подарковъ и лакомствъ. Ученикамъ—бумага, карандаши, дешевыя книжки и шапка орѣховъ съ пряниками, другимъ—ситца на рубаху, кушакъ и тоже пряниковъ съ орѣхами. Съ елки каждому по выбору срывается что-нибудь по желанію. И, Боже мой, сколько волненія, сколько страху не промахнуться и выбрать что-нибудь получше!

Но самое главное происходило на третій день, когда елка отдавалась ребятишкамъ на разграбленіе. Дѣтей выстраивали въ двѣ шеренги и, по командѣ, между ними падала елка. Каждый сѣпшилъ сорвать, что могъ. Нерѣдко радость кончалась горькими слезами 3-хъ лѣтняго неудачника, не успѣвшаго ничего взять. Но горе такого скоро проходило, такъ какъ изъ владовыхъ ему съ избыткомъ наверстывали упущенное.

На первый день праздника, послѣ церкви, мы съ женой отправлялись на деревню и развозили скромные подарки: кому—чай и сахаръ, кому—ярыжкъ на муку, кому—на дрова, кому—групы, кому—говядины. Вечеромъ елку посѣщали ряженые парни, молодые бабы, дѣвушки—всѣ, нарядившись какъ могли, являлись погрызть орѣховъ, поплясать и попѣть. Бостюмы не замысловатые: дѣвушки въ одеждѣ братьевъ, братья въ сестринныхъ сарафанахъ, неизбѣжный медвѣдь, мочальная борода, комедія волжскихъ разбойниковъ. На другой день обѣдъ бабамъ и обѣдъ на новый годъ мужикамъ. Бабамъ съ сладостями, мужикамъ съ водкой. Еще 2—3 вечера съ ряжеными, и святки кончались.

Заботы о матеріальномъ благосостояніи дѣлились на двѣ части:

- 1) Частныя, имѣвшія характеръ филантропіи, и
- 2) общія, имѣвшія цѣлью улучшить общее благосостояніе крестьянъ.

Въ частнымъ относились помощь и поддержка увѣчнымъ, старымъ, не имѣвшимъ ни роду, ни племени, вдовамъ, солдатскимъ женамъ, пока ихъ мужья отбывали повинность. Сюда же относилась льготная поддержка—ссуда деньгами каждой семьи, въ случаѣ неожиданныхъ расходовъ: свадьбы, падежа скота, пожара и проч.

Общія мѣры, содѣйствовавшія благосостоянію крестьянъ, заключались въ слѣдующемъ:

- 1) Въ виду необходимости ежегодной чистки лѣса, получался малоцѣнный для меня матеріалъ—хворостъ, но для крестьянъ весьма цѣнный, какъ топливо. По соглашенію съ крестьянами, въ указанные дни, весной и осенью, ихъ допускали въ лѣсъ и они, чистя мнѣ лѣсъ, прибрѣтали себѣ отопленіе на зиму. Единственнымъ обязательнымъ условіемъ было

являться всей деревнѣ вразъ, для облегченія надзора за правильною чисткою. Крестьяне относились замѣчательно добросовѣстно къ тому, чтобы правильно и согласно указаніямъ чистить лѣсъ. Благодаря этой ничегонѣ не стойшей помощи, я имѣлъ въ три года нѣскольکو сотъ десятинъ прекрасно вычищеннаго лѣса.

2) Мои крестьяне, какъ уже извѣстно, были малоземельные. Необходимость платить за каждую десятину вынуждала ихъ ограничивать себя, въ чемъ только они могли. Необходимость ограниченія отразилась, между прочимъ, на уменьшеніи выпуска, что въ свою очередь повліяло на уменьшеніе количества лошадей и скота.

Вопросъ объ удобреніи безъ скота сводился, такимъ образомъ, къ нулю.

Чтобы дать крестьянамъ возможность не продавать своихъ телятъ, жеребятъ и проч. живности, я отвелъ имъ 200 десятъ выпуска, выговоривъ себѣ право уборки обществомъ 15 десятинъ хлѣба. Если перевести это на деньги, то десятина обходилась обществу по 50 коп., тогда какъ подъ хлѣбъ ли, подъ сѣнокося ли я свободно могъ получить на кругъ 5 руб. за десятину. Но и противъ этой работы богатѣи деревни возстали. Они просили натуральную повинность перевести въ денежную, ссылаясь на то, что, какъ богатые, они держатъ много скота и на ихъ часть ляжетъ значительная доля жнитва, а семьи у нихъ небольшія. Бѣдные, напротивъ, стояли за натуральную повинность, такъ какъ на ихъ долю приходилась ничтожная работа, для нихъ не обременительная.

Я отказалъ богатымъ въ просьбѣ на томъ основаніи, что плата за выпускъ такъ низка, что для нихъ, богатыхъ, не составитъ особаго труда нанять и поставить вмѣсто себя жнецовъ.

3) Сдача земли, какъ она производилась раньше, описана въ первой главѣ. Результатомъ такой сдачи было то, что богатые сидѣли на лучшей землѣ и изъ года въ годъ богатѣли, а бѣдные, сидя на худшей, все больше и больше бѣднѣли. Ненормальность и несправедливость такого положенія дѣлъ была очевидна. Выясняя себѣ причины, въ силу которыхъ оно сообразилось, я остановился исключительно на слѣдующемъ. Съ освобожденія мои крестьяне вышли на сиротскій надѣлъ. Первымъ послѣдствиемъ этого было ослабленіе общины. Когда же князевцы переписались въ мѣщане, чтобы не платить подушныхъ, община окончательно подорвалась, а съ ней погибъ единственный оплотъ противъ всякаго рода кулаковъ. Подтвержденіемъ справедливости моего мнѣнія служили сосѣднія деревни, вышедшія на полный надѣлъ, гдѣ хотя и существовало кулачество, но несравнимо въ болѣе слабой степени, чѣмъ у князевцевъ. Благосостояніе этихъ крестьянъ было тоже неизмѣримо выше князевскаго.

Въ силу всего сказаннаго, вопросъ для меня становился яснымъ: рядомъ съ удобреніемъ, правильною пашней и проч. нововведеніями необходимо было возвратитъ князевцевъ къ ихъ прежнему общинному быту. Я сознавалъ весь трудъ выполненія взятой на себя задачи, сознавалъ, что 25 лѣтъ въ жизни народа что-нибудь да значать, понималъ то противодей-

ствіе, которое встрѣчу какъ со стороны кулаковъ деревни, такъ и со стороны облѣнившихся и опустившихся бѣдняковъ, но иного выхода для того, чтобы поднять благосостояніе крестьянъ, я не видѣлъ. Я считалъ, что отдѣльныя единичныя усилія—такъ или иначе поставитъ вопросъ улучшения—не приведутъ ни къ чему,—нужно всю деревню заставить дѣйствовать какъ одинъ человѣкъ.

Для этого, конечно, прежде всего, нужна была сила. Она у меня имѣлась. Моя власть надъ ними была почти безгранична,—только воздуха не могъ ихъ лишить, а остальное все въ моихъ рукахъ, кладбище—и то мое, такъ что мужики часто шутили:

— Мы и до смерти, и послѣ смерти ваши.

Силу употреблять для себя—это гнушно. Сила для ихъ блага, когда доводы не дѣйствовали,—это единственная возможность достигнуть цѣли.

Вопросъ былъ только въ томъ, правильно ли я рисовалъ себѣ картину и дѣйствительно ли такъ необходимо было заставлять крестьянъ отрѣшиться отъ ихъ способа веденія дѣла? Вотъ факты.

Наступала весна. Моя земля вспахана съ осени и чуть только сошелъ снѣгъ, я, по примѣру нѣмцевъ, приступилъ къ посѣву.

У мужиковъ земля была не только не вспахана, но и не раздѣлена. Это произошло оттого, что князевцы не имѣли обыкновенія брать землю съ осени, мотивируя тѣмъ, что до весны-де далеко,—кто тамъ живъ еще будетъ! Между тѣмъ, осенняя пахота и ранній посѣвъ въ нашихъ мѣстахъ крайне необходимы. Весь урожай у насъ исключительно зависитъ отъ влаги: сухой годъ—нѣтъ хлѣба, сырой—изобиліе. Такъ какъ сухихъ годовъ несравненно больше, чѣмъ сырыхъ, то понятно, какъ важна забота о сохраненіи влаги въ землѣ. На землѣ, вспаханной съ осени, влага гораздо лучше держится, чѣмъ на не паханной: снѣгъ весной гораздо скорѣе сходитъ (черная поверхность паханнаго слоя поглощаетъ больше тепла, чѣмъ покрытая жнивьемъ *).

Скоро сошедшій снѣгъ даетъ возможность на недѣлю раньше начать сѣвъ. Къ періоду засухи ранній посѣвъ отцвѣтаетъ и начинаетъ наливать—засуха ему, такимъ образомъ, на пользу; поздній же посѣвъ ко времени засухи только собирается цвѣсти и крайне нуждается въ дождяхъ именно въ такой періодъ, когда дождей обыкновенно уже не бываетъ. Вредъ позднего посѣва заключается еще въ томъ, что, пропустивъ періодъ весенней влаги, приходится высѣвать сѣмяна значительно больше, такъ какъ часть ихъ отъ засухи пропадаетъ. Въ то время, какъ нѣмцы сѣютъ 8 пудовъ яроваго на десятину, крестьяне высѣваютъ отъ 12—15 пудовъ. Результатъ такого густаго посѣва двойной: если случится послѣ посѣва теплое и дождливое время, то всѣ зерна взойдутъ, посѣвъ выйдетъ загущенный,—онъ или поляжетъ преждевременно, или пригоритъ, и въ обоихъ

*) Причемъ вода не сбѣгаетъ, какъ она сбѣгаетъ по гладкой жнивѣ, а тутъ же, вслѣдствіе неровности пахотки, задерживается и проходитъ въ землю.

случаяхъ зерно получится тощее, плохое, легковѣсное. Если же послѣ посѣва наступитъ холодное или теплое время безъ дождей, то, пока зерно соберетъ нужную ему влагу, пока взойдетъ, его заглушитъ сорная трава.

Чтобы дать наглядное понятіе, что составляютъ для крестьянъ эти излишне высѣваемые 5 пудовъ на десятину, которые, въ большинствѣ случаевъ, не только гибнутъ безслѣдно, но и приносятъ положительный вредъ, укажу на слѣдующій фактъ. Въ моемъ имѣніи высѣвается ежегодно всѣми сѣющими на моей землѣ деревнями такихъ излишнихъ пудовъ до 3,000, что составляетъ, при стоимости весной пуда до 70 коп., около 2,000 рублей. Сумма эта, бросаема я ежегодно не только на вѣтеръ, но и въ прямой ущербъ дѣлу, превышаетъ сумму всѣхъ земскихъ и государственныхъ повинностей, платимыхъ пятью деревнями.

Напрасно думаютъ, что мужикъ хорошо знаетъ свойства своей земли и условія своего хозяйства: онъ полный невѣжда въ агрономическихъ познаніяхъ и страшно въ нихъ нуждается. Отсутствие знанія, апатія къ своимъ интересамъ, отсутствие правильнаго пониманія условій, въ которыя онъ поставленъ, поразительны.

Здѣсь крестьянамъ необходима энергичная посторонняя помощь; сами они не скоро выберутся изъ своего застоя. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, во время ветлянской чумы, полиція настояла, чтобы навозъ вывозился въ поле. Это поле, куда свозился навозъ, и до сихъ поръ отличается особыми урожаями, и всѣ крестьяне говорятъ, что это отъ навоза.

— Почему же не продолжаете назмить?

— Развѣ всѣхъ сообразишь?—отвѣчаетъ.—Миръ великъ, не одинъ человекъ.

Или другой примѣръ: ежегодный передѣлъ земли. Это вопіющее зло. Земля, какъ извѣстно, требуетъ тщательной обработки. Хлѣбородность правильно обрабатываемой изъ года въ годъ земли съ каждымъ годомъ растетъ. При ежегодномъ же передѣлѣ хорошо обработанная въ этомъ году земля попадаетъ на будущій годъ къ безсильному бѣдняку-мужику, который, при всемъ желаніи, ничего другаго не сдѣлаетъ, какъ только изгадить ее,—и обрѣя плохая, и снасть плохая, и лошадедка плохая, да и самъ-то отъ вѣтру валится.

— Почему же вы не раздѣлите землю на года?

— Какъ ее раздѣлить? Каждый годъ новые прибавляются. Миръ великъ, не одинъ человекъ,—не сообразишь.

Говоря о причинахъ неудовлетворительнаго положенія крестьянъ, для выясненія послѣдующаго, я долженъ коснуться одной, которая имѣла нѣчто только по отношенію къ такимъ крестьянамъ, какими были мои князевцы, т. е. къ малоземельнымъ.

Я уже упоминалъ, что часть князевцевъ, когда имъ пришлось жутко, мечтала выселиться; эта возможность выселенія твердо сидѣла въ головахъ всѣхъ князевцевъ. Положимъ, что они никогда не разстались бы съ

своими мѣстами, но уже одна мысль, что они могутъ уйти, деморализирующе дѣйствовала на нихъ. Сами не замѣчая, они втянулись въ жизнь людей неосѣдлыхъ. Лишь бы до весны, а съ весны лишь бы до осени. Въ этой возможности выселиться незамѣтно приспособлялось все хозяйство; къ чему лишній посѣвъ, лишній теленокъ, лошадь, когда осенью, можетъ быть, всё уйдутъ на новыя мѣста?

Въ силу всего вышесказаннаго, я пришелъ къ заключенію, что для подъема матеріальнаго благосостоянія князевцевъ необходимо, чтобы они согласились на слѣдующія четыре мѣропріятія:

1) Князевцы должны взять по контракту на 12 лѣтъ, за круговую порукой, столько земли, сколько имъ нужно.

2) Земля должна быть раздѣлена между отдѣльными лицами разъ на всё 12 лѣтъ совершенно равномерно по качеству какъ между богатыми, такъ и между бѣдными.

3) Ближняя земля должна удобряться, для чего весь навозъ деревни должна вывозить зимой на ближайшія паровыя поля.

4) Земля подъ яровое должна пахаться съ осени.

Придя къ этимъ выводамъ, я черезъ годъ послѣ моего пріѣзда рѣшилъ дѣйствовать. Предварительные переговоры ни къ чему не привели.

Чичковъ, одинъ изъ самыхъ богатыхъ мужиковъ, всё силы напрягалъ доказать мнѣ и мужикамъ неосновательность моихъ положеній. Я прибѣгнулъ къ силѣ. Собравъ сходъ, я сказалъ крестьянамъ приблизительно слѣдующую рѣчь:

— Вотъ что, старики. Вижу я, что отъ хозяйства вы вовсе отбились. Такъ жить нельзя. Пахать не въ-время, сѣять не въ-время, да и сѣять-то по какой-нибудь десятинѣ въ полѣ—и себя не прокормишь, и землю только измучишь. Либо вы принимайтесь за дѣло, какъ слѣдуетъ, какъ отцы ваши принимались, либо отставайте вовсе отъ земли. Тогда я одинъ буду сѣять, а вы у меня въ работникахъ будете.

Толпа зашумѣла.

— Намъ нельзя безъ земли.

— Ты сегодня здѣсь, завтра нѣтъ тебя, а мы чего станемъ дѣлать? Намъ нельзя отставать отъ земли.

— Хорошо, господа, вижу, что у васъ еще не совсѣмъ пропала охота къ землѣ, и очень радъ этому. Въ такомъ случаѣ, принимайтесь за дѣло, какъ слѣдуетъ.

И я объяснилъ мои условія. Мужики угрюмо молчали.

— Даю вамъ три дня сроку,—сказалъ я.—А теперь ступайте съ Богомъ.

Всѣ три дня, съ наступленіемъ вечера, деревенская улица наполнялась народомъ. Изъ оконъ моего кабинета слышенъ былъ отдаленный крикъ и гулъ здоровыхъ голосовъ, говорившихъ всё вразъ.

Наканунъ назначеннаго срока, когда собравшаяся было на улицѣ толпа уже разбрелась, я сидѣлъ у окна кабинета и пытливо всматривался въ

темнѣющую даль деревни. Тамъ и сямъ зажигались огоньки въ избахъ. «На чемъ-то порѣшили?»—думалось мнѣ и сердце невольно сжималось тоской. Я чувствовалъ, что изъ своихъ условій, взвѣшенныхъ и обдуманыхъ, я ничего не уступлю, даже если бы пришлось помириться съ выселеніемъ всей деревни. Я утѣшалъ себя, что разъ они не пойдутъ на мои условія, то рано или поздно необходимость все равно вынудитъ ихъ искать другихъ мѣстъ. Но, рядомъ съ этимъ утѣшеніемъ, подымался невольный вопросъ: имѣю ли я право ставить ихъ въ такое безвыходное положеніе, какъ выселеніе, разрывъ со всѣмъ прошлымъ? Я долженъ признаться, что чувствовалъ себя очень и очень нехорошо, тѣмъ болѣе, что и жена была противъ крутыхъ мѣръ.

Пришли прикащики: Иванъ Васильевичъ и Сидоръ Ѳомичъ.

— Садитесь, господа,—проговорилъ я, съ неохотой отрываясь отъ своихъ думъ *).

— Чичковъ пришелъ,—доложила горничная.

— Зовите.

Вошелъ Чичковъ, оглядѣлся и испуганно остановился.

— Чего тебѣ?

— Старики, сударь, прислали,—проговорилъ онъ, слегка пятясь къ двери, по мѣрѣ моего приближенія. Онъ, очевидно, боялся, чтобы я, какъ, бывало, покойный Юматовъ, какъ-нибудь не съѣздилъ ему въ зубы.

— Да ты чего пятишься?—насмѣшливо спросилъ я.

Чичковъ покраснѣлъ, тряхнулъ волосами и, задѣтый, отвѣтилъ:

— Я ничего-съ.

— А ничего, такъ и стой, какъ всѣ люди стоятъ. Зачѣмъ тебя прислали?

— Прислали сказать, что не согласны.

— Почему же не согласны?—угрюмо спросилъ я.

— Не согласны, и баста!

— Значитъ, за меня уступаютъ землю?

— Нѣтъ, какъ можно!—испугался Чичковъ.—Безъ земли что за мужикъ! Только на вашихъ условіяхъ не желаютъ.

— Почему же не желаютъ?

— Да Господь ихъ знаетъ. Стоять на своемъ: не желаютъ, и баста! Вѣдь, сударь, вы нашего народа не знаете,—одна отчаянность, и больше ничего. За всю вашу добродѣтель они васъ же продадутъ. Помилуйте-съ! я съ ними родился и всѣхъ ихъ знаю. Самый пустой народъ. Ничего вы имъ не поможете,—все въ кабакъ снесутъ и васъ же попрекнутъ.

Я задумался, а Чичковъ вкрадчивымъ голосомъ продолжалъ:

— Право, сударь, оставьте все по-старому, какъ было при Николаѣ Васильевичѣ. Заботъ никакихъ, денегки однимъ днемъ снесутъ. А этакъ узнаютъ вашу добродѣтель, перестанутъ платить.

*) Мы начали обсуждать, какъ распредѣлить работы завтрашняго дня.

— А ты откуда узналъ мою добродѣтель?

— Да, вѣдь, видно, сударь, что вы баринъ милостивый, простой, добродѣтельный. А съ чего бы вамъ затѣвать иначе все это дѣло? Только вѣдь, сударь, не придется. Помните меня, коли не вѣрно говорю.

— Вѣрно, вѣрно!—умилился Сидоръ Ѳомичъ.

— А ты съ чего?—накинулся я на Сидора Ѳомича.—Тотъ-то знаетъ, куда гнѣть, а ты съ чего?... Вотъ что, Чичковъ,—обратился я къ Чичкову,—встанайся старикамъ и скажи, что я завтра покажу нитъ свою добродѣтель.

Чичковъ сперва съжился, но при послѣдней фразѣ глаза его злобно загорѣлись.

— Не понялъ что-то, сударь... какъ передать прикажете?

Не мое терпѣніе лопнуло.

— Ступай!—крикнулъ я, взбѣшенный.

До его уходъ я отдалъ слѣдующее распоряженіе:

— Завтра, Иванъ Васильевичъ, работъ не будетъ. Вы со всѣми рабочими верхами оцѣните деревню и ни одну скотину изъ князевскаго стада не выпускайте на выпускъ до моего распоряженія.

Сидоръ Ѳомичъ тихо вздохнулъ.

— Не знаю, какъ и посовѣтовать вамъ,—замѣтилъ Иванъ Васильевичъ.

— Никакъ не совѣтуйте,—это мое дѣло. Иначе нельзя.

— Какъ прикажете.

На другой день меня разбудилъ страшный ревъ скота. Я подбѣжалъ къ окну и моимъ глазамъ представилась слѣдующая картина. На другой конецъ моста, толпилось князевское стадо. Скотина жадно смотрѣла на мостъ, расположенный за мостомъ, и неистово ревяла. Иванъ Васильевичъ съ 15 верховыми стоялъ на мосту и мужественно отражалъ нападеніе скотины, но преимущественно коровъ, пробиться черезъ сѣть

не удалось. Толпилась вся деревня. Я поспѣшилъ одѣться и выйти. При этомъ толпа заволновалась.

— Будь отцомъ,—заговорили они всѣ вдругъ.

— Не смѣю опускаться на колѣни. Картина была сильная, но я, сурово проговорилъ:

— Если вы не хотѣли вставать, то я сдѣлалъ видъ, что уйду.

— Не смѣю опускаться на колѣни.

— Не смѣю опускаться на колѣни,—заговорилъ я такъ же сурово.—Хоть землю грызть.

— Или берите землю, или отказывайтесь.

— Не смѣю опускаться на колѣни.

— Не смѣю опускаться на колѣни,—заговорилъ Чичковъ,—дай намъ недѣлку сроку.

— Минуты не дамъ,—вспыхнулъ я.—Ты мутяшь народъ. Ты въ контрактъ не хочешь. Почему не хочешь?

— Не я не хочу, мѣръ не хочеть.

— Почему не хочеть?

— Неспособно. Первая причина—выпускомъ обижаются, что работой назначили. Работа разложится по чередамъ,—иной одинокій, безсемеинный, чередовъ много, а рукъ нѣтъ. Вторая причина—навозомъ обижаются: у кого много скотины, да мало работниковъ, только и будетъ работы, что навозъ весь годъ возить.

— Теперь же ты вывозишь свой навозъ за село, вѣдь, лишнихъ всего-то 100—200 сажень проѣхать дальше, не дальше же поле я вамъ даю. А не хочешь назмить, я неволить не буду, но такимъ въ ближнихъ поляхъ земля не дамъ, а посажу на дальнія.

— На ближнихъ-то сподручѣе.

— А сподручѣе, такъ вози навозъ.

— Еще обижаются контрактомъ. Народъ мы бѣдный, другъ по дружкѣ не надѣмся. Годъ на годъ не стоитъ; черный годъ придетъ, чѣмъ станеть платить?—вотъ и опасаемся, какъ бы по круговой порукѣ за шабра не пришлось платить.

— Хорошо. Я вотъ тебѣ какую уступку сдѣлаю: уважи мнѣ, за кого ты согласенъ поручиться, за остальныхъ я самъ поручусь.

Произошло нѣчто, чего я самъ не ожидалъ. Чичковъ сталъ отбирать тѣхъ, на кого онъ надѣялся. Изъ 50 дворовъ образовалось двѣ партіи: одна ненадежная, счетомъ 44 двора, а другая надежная, счетомъ 6 дворовъ. Самъ Чичковъ, видимо, смутился результатомъ своего сортированія. Дружный смѣхъ еще больше смутилъ его. За смѣхомъ вскорѣ послѣдовало выраженіе негодованія со стороны ненадежныхъ, такъ безцеремонно забраванныхъ богачами.

— Вы всегда такъ мутите,—попрекалъ одинъ.

— Черезъ васъ всѣ бѣды наши,—говорилъ другой.

— Вы съ Бѣляковымъ по міру насъ пустили,—попрекнулъ третій.

— Ври больше,—огрызнулся Чичковъ.

Слова Чичкова попали искрою въ порохъ. Долго сдерживаемое озлобленіе съ силой прорвалось наружу.

Брань на Чичкова и богатыхъ посыпалась со всѣхъ сторонъ:

— Сволочь!

— Мірофды!

— Каштаны!

— Да чего смотрѣть на нихъ?—выдвинулся изъ толпы Петръ Бѣляковъ.—Надо дѣло говорить!—Его черные глаза метали искры.—Вчера вечеромъ совсѣмъ было наладились идти къ твоей милости, а кто разстроилъ? Все они же. «Постойте, старики, я еще сбѣгаю къ барину,—по торгуюсь, не уступить ли?» Приходитъ назадъ: «Идетъ, говорить, уло-

жалъ барина, сталъ сомнѣваться. Какъ станемъ дружно, сдастся, некуда дѣться-то. Землю-то не станетъ ѣсть».

— Чичковъ вчера принесъ мнѣ отказъ отъ васъ,—заявилъ я.

Это было новымъ сюрпризомъ для толпы и новымъ поводомъ сорвать на Чичковѣ накипѣвшее сердце. Они такъ насыли на него, что я ужъ сталъ бояться, какъ бы они бить его не стали. Кое-какъ толпа успокоилась, наконецъ.

— Ахъ, юла проклятая!

— Ну, и человѣкъ!

— Всѣмъ бы простъ, да лисій хвостъ!

— Жидъ, пра, жидъ!

И все въ такомъ родѣ. Чичковъ, прижатый къ стѣнѣ дома, молчалъ. Особого страха въ лицѣ не было, юркіе глазенки его бѣгали, съ любопытствомъ останавливаясь на каждомъ говорившемъ о немъ, точно разговоръ шелъ о комъ-то совершенно для него чужомъ.

— А вы будете,—остановилъ толпу безбоязненный и строгій мужикъ Федоръ Елесинъ.—Дѣло дѣлать пришли, а не лаяться предъ его милостью.

— Такъ чего же, братцы?—заговорилъ Петръ Бѣляковъ.—Надо прямо говорить, баринъ милость намъ оказываетъ, а мы не знаемъ, съ чего упираемся.

И, обратившись ко мнѣ, рѣшительно проговорилъ:

— Пиши мнѣ двѣ десятины въ полѣ.

— И мнѣ двѣ.

— И мнѣ!

— И мнѣ!

— Сейчасъ столъ велю вынести.

И, подъ этимъ предлогомъ, я ушелъ въ комнаты подѣлаться съ женой неожиданною радостью. Жена сидѣла въ спальнѣ и, оказалось, слышала весь разговоръ. Она были открыты, но жалюзи затворены. Это давало возможность видѣть все происходившее во дворѣ, не будучи въ свою очередь видимымъ. Когда я вошелъ, жена приложила палецъ къ губамъ.

Со двора доносился тихій, ровный, спокойный голосъ Чичкова:

— Залѣзть-то залѣзли, а назадъ-то какъ?... Видно, не мимо говорится: живемъ, живемъ, а ума все нѣтъ. Оплежь онъ васъ въ чувашскіе лапти,—съ мѣста въ неволю повернулъ. Дали вы ему свою волю, отбирать-то какъ станете? Хотѣлъ міру послужить, облаяли какъ пса послѣдняго. Богъ съ вами. Мнѣ ничего не надо. Уложился, да и съѣхалъ,—свѣтъ не клиномъ сошелся. Вамъ-то какъ придется.

Толпа, за минуту передъ тѣмъ готовая его разорвать, хранила гробовое молчаніе.

Послѣ нѣсколькихъ секундъ молчанія опять раздался голосъ Чичкова:

— Не губите себя, старики! Время есть еще—опомнитесь, дѣтей своихъ пожалѣйте!

Я поспѣшилъ во дворъ.

При моемъ появленіи Чичковъ смолкъ и съ невинною, простодушною миной смотрѣлъ мнѣ въ лицо. По наружному виду можно было подумать, что онъ не только не говорилъ, но и не шевелился.

— Дьяволъ ты, а не человѣкъ, — обратился я къ нему, — слышалъ я въ окно твои подлые рѣчи. О себѣ только думаешь, тебѣ бы хорошо было. Да не то время, нѣтъ больше Николая Васильевича, не съ кѣмъ морочить народъ; прошло время, когда за пудъ ржаной муки тебѣ по десятинѣ жали, когда за бутылку водки ты на лучшей землѣ сидѣлъ, а народъ бѣдствовалъ. Не будешь торговать чумною скотиной. Я за народъ — и весь передъ Богомъ. Вѣрой и правдой хочу помочь тѣмъ, которые вѣла работали на моихъ отцовъ, дѣдовъ и прадѣдовъ. Тебѣ не смутить ихъ: за каждое свое слово дашь отчетъ людямъ и Богу. Будетъ и тебѣ мутить. Вотъ тебѣ моя воля: нѣтъ тебѣ ни земли, ни дѣсу, ни выпуска — иди на всѣ четыре стороны. Мѣсяцъ тебѣ сроку даю, и чтобъ черезъ мѣсяцъ духу твоего не было. Ступай!

Чичковъ слушалъ все время съ опущенною головою.

Когда я кончилъ, онъ высоко поднялъ голову, вздохнулъ всею грудью и проговорилъ спокойнымъ, увѣреннымъ тономъ:

— Спасибо, сударь, и на этомъ.

Онъ низко поклонился и, держа шапку подъ мышкой, неспѣшнымъ шагомъ пошелъ со двора.

Одинъ за другимъ потянулись за своимъ коноводомъ богатѣи.

Толпа угрюмо молчала.

— Скатертью дорога, — проговорилъ вслѣдъ уходящимъ Петръ Бѣляковъ. — Добра мало видѣли отъ нихъ.

— Господь имъ судья, — замѣтилъ Федоръ Елесинъ. — Ушли и ладно. Проживемъ и безъ нихъ.

— Проживемъ, — весело согласился Петръ Бѣляковъ.

— Сволочь народъ, — сказалъ Андрей Михеевъ и плюнулъ.

— А ты будетъ, — остановилъ Федоръ.

Я сталъ записывать, кому сколько десятинъ.

Стадо выпустили на выпускъ. Скотина быстро разбрелась по лугу, жадно хватая по дорогѣ траву.

Народъ повеселѣлъ.

— Ишь какъ хватаетъ, — замѣтилъ Керовъ, мотнувъ головою по направленію выпуска. — Проголодалась.

— Напугалъ ты насъ вовсе, сударь, — сказалъ, обращаясь ко мнѣ, добродушный Прохоръ Ганюшевъ.

— Если не напугалъ, — подхватилъ Керовъ.

Наступило молчаніе. Я продолжалъ записывать.

— А богатѣи,мотри, и вправду уйдутъ, — замѣтилъ кто-то.

— А хай имъ песь, — отозвался Андрей Михеевъ.

— А ужъ вертѣлся Чичковъ — и туда, и сюда, — началъ опять Керовъ. —

«Старики, я съ хозяйшкой посоветоваться сбѣгаю», а самъ забѣжить за уголь, постоять-постоять и назадъ: «Жена не согласна».

Беровъ изображалъ Чичкова очень удачно и комично.

Толпа наградила его смѣхомъ.

— Даве бають,—заговорилъ Андрей Михеевъ, понижая голосъ,—богатѣи промежь себя: «а онъ,—это про вашу милость, значить,—какъ пріѣхалъ, тогда еще сказалъ: не будетъ у меня богатыхъ».

Толпа насторожилась и пытливо уставилась на меня.

— Я никогда этого не говорилъ. Я сказалъ, что у меня бѣдныхъ не будетъ. Напротивъ, богатаго мужика я уважаю. Если онъ богатъ, значить, онъ не пьющій, заботливый, трудолюбивый. Только не хочу я, чтобы онъ богатѣлъ, отнимая у бѣднаго. Съ земли бери—что больше, то лучше, выхаживай ее. Тутъ ты сразу возьмешь 40—50 пудовъ лишнихъ, но не выжимай послѣдней копѣйки у бѣднаго.

— Видишь, что баить,—замѣтилъ добродушный Прохоръ.

— А сказываютъ, будто земля наша не принимаетъ навозъ,—сказалъ Петръ Бѣляковъ. — Нужень, ишь, навозъ песчаной землѣ, а наша черная.

— Ты вотъ черный, а я русый, у обоихъ брюхо и оба мы ѣсть хотимъ. Такъ и земля: всякой навозъ нужень, только песчаной чистый нужень, а черной—соломки побольше, потому что въ черной силы и безъ того много, да только не перегорааетъ она, какъ слѣдуетъ, отъ навоза же она горитъ лучше. Для этого же нужно ее и почаще перепаживать.

— Этакъ и ставемъ пахать, да пахать, а другія работы?

— Поменьше сѣй.

— На что ужъ мало сѣмъ.

— Вотъ въ прошломъ году я двойлъ,—говорилъ староста,—а Федька Беровъ въ одноразку пахалъ. У него непрорѣзная рожь, а у меня вовсе плоха.

— То-то оно и есть,—замѣтилъ Федоръ Елесинъ.—Паши ты ее хоть по пяти разъ, а не дастъ Богъ, ничего не будетъ. А разъ вспаши, да съ молитвой, откуда что возьмется.

— Молится-то, вѣдь, и худой, и хорошій, и лѣнливый, и прилежный, кого же Богъ слушаетъ больше?—спросилъ я.

— Всѣхъ слушаетъ,—сурово замѣтилъ Федоръ.—Разбойника въ послѣднюю минуту и то послушалъ.

Я невольно смутился.

— По-твоему, что хорошій, что худой—одна честь?

— Не по-моему, а по Божьему,—кто какъ можетъ.

— По-нашему, бають старики,—замѣтилъ молодой рябой Дмитрій Ганюшевъ,—Богъ дастъ—и въ окно подастъ. Захочетъ—и на не сѣянной уродить.

— Ну, такъ вотъ не паши свой загонъ,—замѣтилъ я.—Посмотрю, много ли у тебя уродить.

— А что-жь?—вступился Ѳеодоръ.—Лѣтъ пять назадъ посѣялъ я рожь. Убралъ. На другой годъ не сталъ пахать—болѣнь былъ, прихожу на поле, анъ, глядь, у меня непролазный хлѣбъ,—падалицу далъ Господь.

— То-то вотъ оно и есть, на все Божья воля: волосъ съ головы не упадетъ безъ Его святой воли.

— Противъ этого я не спорю. Только я говорю: Богъ труды любить. Въ потѣ лица своего добывайте хлѣбъ свой. Для трудовъ и на землю мы пришли, такъ и надо трудиться... Только за трудъ и награда отъ Бога приходитъ, а помереть, тогда и за добрыя свои дѣла награду получимъ.

— Гдѣ ужъ намъ,—замѣтилъ Керовъ,—здѣсь всю жизнь работаемъ на баръ и тамъ, видно...

Керовъ подмигнулъ сосѣдямъ.

Мужики лукаво уставились на меня: знаю ли я, на что намекалъ Керовъ?

— Ты что-жь не кончаешь?—спросилъ я.—И тамъ, видно, тоже будете работать: дрова для баръ таскать? Такъ, что ли?

— Я не знаю,—смутился Керовъ.

— А я тебѣ на это скажу: какіе баре и какіе мужики.

— Вѣрно,—согласился Ѳеодоръ Елесинъ.—Богатый, да милостивый — оба царства царствуютъ.

— Вѣрно,—согласилась толпа.

— А вотъ Власовъ все баялъ,—началъ опять Керовъ:—миѣ бы одно царство поцарствовать, а въ другомъ мной хоть тынь подопрѣ.

Власовъ—мужикъ сосѣдней деревни, умершій отъ запоя.

— Одно ужъ онъ царствовалъ,—вставилъ Ѳеодоръ Керовъ.—Какъ другое-то придется?

— Правда, что его вырыли и въ озеро перетаскили?—спросилъ я.

— Правда. Засуха стала, ну, и вырыли. Какъ опустили въ озеро, такъ и дождь пошелъ.

— Эяя глупости!—замѣтилъ я.—Озеро только изгадили, какая рыба была.

— Рыба еще лучше станетъ, жи-и-рная,—замѣтилъ Керовъ.

— Ты, что-ль, ѣсть ее станешь?—спросилъ я.

— А хай ей,—отплюнулся Керовъ.

— Толкуете о Богѣ,—замѣтилъ я,—а дѣлаете дѣла такіа, которыя дѣлались тогда, когда истиннаго Бога не знали. Жили какъ чуваша, на чурбанъ молились. Тогда и таскали опойцевъ въ прудъ, а вы и до сихъ поръ отстать отъ этой глупости не можете. Грѣхъ это, тяжкій грѣхъ!

— По-нашему, быдто нѣтъ грѣха.

— По-нашему!—передразнилъ я,—а ты батюшку спроси.

Перепись кончилась.

— Ну, спасибо, старика,—сказалъ я, вставая.—Видитъ Богъ, не пожалѣете, что согласились на мою волю. Станете, по крайней мѣрѣ, въ одну сторону думать.

— Знаю, въ одну. Теперь ужь некуда дѣваться.

— Начинайте съ Богомъ новую жизнь. Съ Божьею помощію, съ веселымъ сердцемъ, принимайтесь за работу. А чтобы веселѣе было, вотъ что я вамъ скажу кстати. Строежня ваши ни на что не похожи. Кто желаетъ новыя избы или починяться, для тѣхъ я назначу въ Полянѣмъ продажу лѣса. Противъ другихъ деревень уступаю вамъ третью часть, а деньги зимой работой.

Мужики низко поклонились.

— Ну, дай же и тебѣ Господь всего за то, что ты насъ, бѣдныхъ, не оставляешь. И тебѣ мы послужимъ.

— Спасибо вамъ, идите съ Богомъ.

Мужики нерѣшительно зашевелились. Я догадался, въ чемъ дѣло, но помолчалъ. Андрей Михеевъ не вытерпѣлъ.

— На водочку бы,—заискивающимъ голосомъ проговорилъ онъ.

Грѣшный человѣкъ, не могу отказать русскому мужику въ этой просьбѣ. Выдалъ на ведро.

И, Боже, какъ весело зашумѣла толпа, сколько пожеланій и благословеній посыпалось на меня! Вышла жена, и ее осыпали пожеланіями.

— Дѣти, настояція дѣти,—говорилъ я женѣ, направляясь съ нею въ садъ.

А на селѣ весь день не умолкалъ веселый говоръ. Наверное, къ моему ведру прибавили нѣсколько своихъ. Давно наступила ночь, а пьяная пѣсня все еще не смолкала въ селѣ. Когда мы собрались уже спать, у самой рѣчки, на селѣ, какой-то пьяный голосъ, кажется, Андрея Михеева, прокричалъ:

— Нашему новому барину многія лѣта!

И другой отвѣтилъ пьянымъ басомъ:

— А ты будетъ.

Засыпалъ я съ легкимъ сердцемъ. Когда нѣтъ въ жизни опредѣленная цѣль и все складывается на пути къ ея достиженію благопріятно, чувствуешь себя легко и вольно. Такія минуты переживаются рѣдко, но чтобъ ихъ пережить, не жаль годовъ труда и невзгодъ.

Засыпая, я переживалъ такую минуту. Мой духъ, какъ орелъ, поднялся на недосыгаемую высоту и оттуда обзрѣвалъ будущее. Мнѣ не жаль было, что я промѣнялъ свое прежнее поприще на несравненно болѣе скромное. Пусть тамъ ждала меня, можетъ быть, болѣе или менѣе широкая дѣятельность въ будущемъ, свидѣтели ея были бы тысячи людей, служенье мое приносило бы пользу милліонамъ. За то неизмѣримое преимущество мое въ этой новой моей дѣятельности состояло въ томъ, что для служенья милліонамъ есть много другихъ, кромѣ меня, а для служенья этимъ четыремъ стамъ человѣкамъ нѣтъ, кромѣ меня, никого.

Ушелъ я съ прежней своей арены—и на смѣну мнѣ явились десятки, можетъ быть, болѣе талантливыхъ людей, тогда какъ! здѣсь уйди я—и некому замѣнить меня. И если послѣ долгой жизни я достигну завѣт-

НѢСКОЛЬКО ЛѢТЪ ВЪ ДЕРЕВНѢ.

ной цѣли—увиджу счастье близкихъ мнѣ людей—моей семьи и трехъ, —
тырехъ сотенъ этихъ заброшенныхъ, никому ненужныхъ несчастныхъ, то
я достигну того, больше чего я не могу и не хочу желать.

Да простить мнѣ читатель, если я признаюсь ему, что въ ту ночь я
долго не могъ заснуть, и подушка моя мѣстами была мокрая отъ слезъ
счастья и высшей радости, какая только есть на землѣ.

IV.

Отрывочныя замѣтки и наблюденія надъ крестьянами.

Отношеніе ихъ къ религіи.—Отношенія крестьянъ ко мнѣ, какъ къ человѣку и какъ
къ помѣщику.—Старанія извлечь изъ меня возможную пользу.—Сосѣдній священникъ.—
Опытъ со свиньями.—Рутинерство крестьянъ.—Петръ Байлаковъ.

Въ своихъ бесѣдахъ и общеніяхъ съ крестьянами я невольно знако-
мился съ ихъ внутреннимъ міромъ. При этомъ знакомствѣ меня поражали,
съ одной стороны, сила, выносливость, терпѣніе, непоколебимость, дохо-
дящая до величія, ясно дающія понятъ, отчего русская земля «стала
есть». Съ другой стороны — косность, рутинна, глупое, враждебное отно-
шеніе ко всякому новаторству, ясно дающія понятъ, отчего русскій му-
жикъ такъ плохо живетъ.

Жили на деревнѣ въ одной избѣ два брата — одинъ женатый, другой
холостой. У женатаго пятеро дѣтей, хозяйка, онъ одинъ работникъ; не-
женатый братъ живетъ въ семьѣ, но помогаетъ черезъ силу, — онъ и старъ,
и болѣнъ. Заболѣваетъ и умираетъ работникъ. На рукахъ старика остает-
ся семья, которую онъ берется прокармливать своими слабыми трудами.
Сбереженій, запасовъ—никакихъ. Въ избѣ ползаютъ полуголыя ребятиш-
ки, всѣ простуженныя; плачутъ; изба холодная, грязь, спертый воздухъ,
теленокъ вричитъ; умершій лежитъ на лавкѣ, а у старика на лицѣ такое
спокойствіе, какъ будто все это такъ и должно быть.

— Трудно тебѣ будетъ самъ-восемь кормиться?—спрашиваю я.

— А Богъ?—отвѣчаетъ онъ.

Богъ все: голодная смерть смотреть въ развалившееся окошко гни-
лой лачуги; умираетъ послѣдній кормилецъ; вуча ребятишекъ, невѣстка
недужная, похоронить не на что, а онъ себѣ спокойно на вопросъ уча-
стія отвѣчаетъ: «а Богъ?» — и вы слышите силу, непоколебимость, ве-
личіе, не передаваемое словами.

Приходитъ весна. Давно отсѣялись люди, а мой старикъ все тянетъ.

— Ты что же тянешь?

— Да чего станешь дѣлать? Мой-то загонъ на уклонъ отъ солнца,—
снѣгъ-отъ и не таетъ. Стаетъ—дня не упущу.

— Да ты золой его посыпь, какъ я сдѣлалъ,—въ два дня пропадетъ
снѣгъ.

Мнется.

— По-нашему, это быдто противъ Бога. Его святая воля снѣгъ по-слать, а я своими грѣшными руками гнать его буду.

Такъ и дождался, пока снѣгъ самъ собою сошелъ, упустивъ хорошее время для посѣва. Урожай вышелъ, конечно, не завидный.

— Его святая воля!

— Да ты у батюшки спроси: грѣхъ это или нѣтъ?

— Хоть спрашивай, хоть не спрашивай, это какъ кому Господь на ду-шу положить.

Крестьяне съ недоумѣніемъ и недовѣріемъ относились къ женѣ и ко мнѣ. Вопросъ, съ какою цѣлью мы такъ заботимся о нихъ, долго былъ для нихъ необъяснимою загадкой. Нѣкоторое время они успокоились на томъ, что я желаю получить отъ царя крестъ. Но такъ какъ время шло, а я креста не получалъ, то остановились на слѣдующемъ:

— Для душеньки своей дѣлаешь. О спасеніи своемъ заботится.

На томъ и порѣшили. Богатые, впрочемъ, которые вскорѣ послѣ мо-его пріѣзда ушли на новыя земля къ чувашамъ, не очень-то вѣрили моимъ заботамъ о душенькѣ и, прощаясь, злобно говорили остающимся:

— Дай срокъ, покажетъ онъ вамъ еще куку!

Какъ бы то ни было, но отношенія крестьянъ къ намъ со времени пріѣзда постепенно значительно измѣнились. Это уже не были тѣ, глядя-щіе изподлобья, неумытые, нечесанные медвѣди, какими они показались намъ при первомъ знакомствѣ. Теперь ихъ открытыя, добродушныя лица смотрѣли привѣтливо и ласково. Ихъ манера обращенія со мной была свободная и, если можно такъ сказать, добровольно-почтительная. Въ отно-шеніяхъ къ намъ молодежи была особенно замѣтна переиѣна. Старики все-жъ не могли отдѣлаться отъ нѣкотораго впечатлѣнія, получившагося отъ слова «баринъ». У молодыхъ этого слова въ лексиконѣ не было. Сперва они, съ открытымъ ртомъ, безъ страха, но съ большимъ любопытствомъ смотрѣли на насъ, какъ на какихъ-то звѣрей. Но постепенно любопыт-ство смѣнялось сердечностью и довѣріемъ, очень трогавшимъ жену и меня. Какъ на помѣщиковъ, князевцы смотрѣли на насъ такъ, какъ смотрятъ вообще всѣ крестьяне. Прежде всего, они были увѣрены, что въ самомъ непродолжительномъ времени земля отъ баръ будетъ отобрана и возвра-щена къ нимъ, какъ къ людямъ, единственно имѣющимъ законное на нее право. Обыкновенно такое отобраніе ожидалось ежегодно къ новому году. Крестьяне нерѣдко обращались ко мнѣ за разъясненіемъ по этому во-просу. Мои доводы и убѣжденія не приводили, конечно, ни къ чему. Мнѣ просто не вѣрили, такъ какъ не въ моихъ-де интересахъ было открывать имъ истину. Въ силу убѣжденія, что земля и дѣсъ только временно мои, съ ихъ стороны не считалось грѣхомъ тайкомъ навосить травы, нарубить лѣсу, надрать лыкъ и проч.

— Не онъ дѣсъ сажидъ, не самъ траву сѣялъ,—Богъ послалъ на поль-зу всѣмъ. Божья земля, а не его.

— А деньги-то за землю ѣшь платилъ?

— Бому платилъ?—чать, Божья земля. Бому платилъ, съ того и берн назадъ, а Богу денегъ не заплатишь. Хоть лѣсъ взять, къ примѣру. Не видали его, не слышали николи, вдругъ, откуда взялся: «мой лѣсъ». А ты всю жизнь здѣсь маячишься, на твоихъ глазахъ онъ выросъ: «не твой, не тронь». Онъ его растилъ, что-ль? Богъ растилъ. Божій онъ и, выходитъ, на погребу всѣмъ людямъ. Ты говоришь: «мой», а я скажу: «мой». Ладно: днемъ твой, а ночью мой.!

Такимъ образомъ, помѣщикъ въ глазахъ крестьянъ—это временное зло, которое до поры до времени нужно терпѣть, извлекая изъ него послѣднюю пользу для себя. А извлекать пользу крестьяне большіе мастера. Мужикъ не будетъ, напримѣръ, безцѣльно врать, но если этимъ онъ надѣется разжалобить васъ въ свою пользу, онъ мастерски суждетъ очернить другаго такъ, что вы и не догадаетесь, что человекъ умышленно клевететь. Какъ-то на первыхъ порахъ послѣ моего прѣзда приходитъ одинъ изъ крестьянъ сосѣдней деревни къ женѣ поличиться. Пока получалъ лѣкарство, онъ успѣлъ рассказать, что женилъ сына, что батюшка за свадьбу выдалъ у него корову, которая стоить на худой конецъ двадцать пять рублей, что этимъ онъ совершенно разорился, что, вмѣсто лѣсу, который ему до зарѣзу нуженъ былъ, онъ долженъ былъ купить корову, и какъ перебьется теперь въ своей ветхой избѣ—и ума не приложить. Кончилось тѣмъ, что нужный лѣсъ мы ему отпустили въ кредитъ. Такъ я и записалъ, что сосѣдъ-священникъ—порядочный взяточникъ, что и высказалъ какъ-то нашему священнику. Нашъ священникъ, молодой человекъ, страшно возмущился:

— Помилуйте, это мой товарищъ, я головой отвѣчаю за него, что больше пяти рублей онъ за свадьбу не беретъ.

Онъ настоялъ на томъ, чтобы провѣрить заявленіе мужика. Нечего было дѣлать, одѣлись мы и поѣхали къ сосѣднему священнику. Насъ встрѣтилъ молодой, благообразный батюшка. Вся обстановка его не многимъ отличалась отъ зажиточной крестьянской. Молодую жену его мы застали за доеніемъ коровъ. Она же поставила намъ самоваръ и подала его.

— Извините, пожалуйста, — объяснилъ батюшка, — прислуги не держимъ, не на что.

Познакомившись ближе, я дѣйствительно убѣдился, что прислугу держать не на что, такъ какъ весь доходъ священниковъ въ нашихъ глухихъ мѣстахъ не превышаетъ 300 рублей въ годъ.

Когда батюшка узналъ причину нашего прѣзда, онъ очень добродушно разсмѣялся и объяснилъ намъ, въ чемъ было дѣло: онъ смѣнялся съ крестьяниномъ коровами, причемъ корова крестьянина стоила рубля на 4—5 дороже священникова. Мы посмотрѣли и корову и поѣхали къ тому мужику, который навралъ. Провожая насъ, батюшка сказалъ на прощанье:

— Къ крестьянамъ нельзя строго относиться, что они обижаются на насъ за поборы. Какъ бы они малы ни были, они для нихъ потому тяжелы, что осязательны и ложатся неравномѣрно. Своему мировому, стар-

шинѣ, писарю они платятъ несравненно больше, но это не ощутительно для нихъ, потому что плата равномерная, а потому сравнительно и незначительная. Необходимость поборовъ—большое зло; она унижаетъ насъ, лишаетъ должнаго авторитета и всё наши старанія на общую пользу въ глазахъ крестьянъ сводятся на нѣтъ.

Мужикъ, не ждавшій нашего визита, очень смутился и чистосердечно покаялся въ своей винѣ. Мы осмотрѣли корову и должны были сознаться, что съ виду разницы между обѣими коровами не было никакой. Мужикъ все время самымъ чистосердечнымъ образомъ кланялся и извинялся. Когда мы съѣли, онъ еще разъ чуть не въ ноги поклонился намъ, проговоривъ съ самымъ сокрушеннымъ видомъ:

— Простите, Христа ради, меня окаяннаго. Лѣску нужно было во какъ, а денегъ-то негдѣ взять. Думаю, не пожалѣть ли баринъ. Ужъ я батюшкѣ послужу за свой грѣхъ.

Стремясь къ извлеченію пользы изъ временнаго зла—помѣщика, и князевцы, а съ ними и сосѣднія деревни, старались извлечь изъ меня все, что могли. То, что давалось добровольно, они брали, а сверхъ этого, старались выпросить еще. Навѣрное можно было сказать, что каждый изъ окружающихъ меня крестьянъ,—а ихъ было нѣсколько сотъ,—навѣрное, нѣсколько разъ въ годъ придумывалъ какую-нибудь выгодную для себя комбинацію. Я съ удовольствіемъ шелъ на такія сдѣлки. У меня тѣлка, у него бычокъ; у того жеребая кобыла, у меня меринъ, годный въ тяжелую работу; другому, наоборотъ, нужна кобыла на племя. Я любилъ слѣдить въ это время за крестьяниномъ: тутъ онъ весь, вся его нужда, всё его богатая способности, страстное желаніе и безсиліе вырваться изъ своей безвыходной бѣдности. Для меня всё эти сдѣлки были безразличны. Выростеть и тѣлка, выростеть и бычокъ—оба пойдутъ или на мясо, или въ пашню.

Иногда, со всею своею наукой, я попадался въ порядочный прасакъ. Пришелъ разъ мужикъ Дмитрій продавать свинью. Заводъ свиней я завелъ случайно въ силу слѣдующихъ обстоятельствъ: къ храмовому празднику прасолы наѣзжали изъ города и за безцѣнокъ, зная, что крестьяне къ этому дню нуждаются въ деньгахъ, скупали свиней на деревнѣ. Разница въ цѣнѣ получалась значительная: къ Рождеству пудъ свиного мяса доходилъ до трехъ рублей, а въ это время прасолы покупали не дороже одного рубля пятидесяти копѣекъ за пудъ. Для противоудѣльствія прасоламъ я рѣшилъ завести заводъ и самъ скупалъ у мужиковъ свиней процентовъ на шестьдесятъ дороже противъ прасоловъ. Надо признаться, что аферы со свиньями были однѣ изъ самыхъ неудачныхъ для меня. Приходилось полагаться на личный опытъ, на глазомеръ, и я всегда ошибался себѣ въ убытокъ. Наконецъ, я рѣшилъ выработать какое-нибудь опредѣленное мѣрило при покупкѣ свиней, а до выясненія себѣ этого мѣрила остановился съ покупкой. Поэтому я отказалъ мужику, предлагавшему мнѣ свинью.

Мужику нужны были деньги, и онъ, видимо, не располагалъ ухватить отъ меня, не продавъ свиньи.

— Ну, цѣну сбавьте,—приставалъ онъ ко мнѣ.—Деньги больно нужны,—сивка оплошалъ, жѣнять охота, а придачи нѣтъ.

— Вотъ развѣ какъ,—согласился я, наконецъ.—Продай мнѣ свинью по живому вѣсу.

Мужикъ озадачился, помолчалъ и, ничего не сказавъ, ушелъ. Я радъ былъ, что отдѣлался отъ него: смотрю, на другой день мужикъ гонить свинью.

— Надумалъ?—спрашиваю.

— Да чего дѣлать, деньги ужъ больно нужны.

Мнѣ стало немного совѣстно.

— Ну, Богъ съ тобой,—говорю я.—Придется, вѣрно, тебѣ прибавить.

— Ну, дай тебѣ Богъ здоровья, — говорить мужикъ, кланяясь, — известно, наше дѣло темное, чего мы знаемъ?

Стали вѣсить свинью. Каково же было мое удивленіе, когда свинья, съ виду не болѣе четырехъ пудовъ, вытянула семь. Смотрю на мужика, мужикъ потупился и не глядитъ.

— Признавайся, свѣсилъ свинью, прежде чѣмъ пригналъ ко мнѣ?

Мнется.

— Ну, признавайся, отъ своего слова не отстану.

— Виноватъ, какъ пришелъ отъ тебя, первымъ долгомъ свѣсилъ.

— Да ужъ говори все,—съ сердцемъ обратился къ нему мой ключникъ Сидоръ Ѳоминычъ.—Солю, чать, кормилъ, чтобы водицы до отвалу напилась. А свинья тутъ ведра два выпьетъ,—сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

Мужикъ изподлобья поглядываетъ на меня, но, видя мою благодушную фязіономію, рѣшился признаться до конца.

— Грѣшенъ. Покормилъ съ вечера маленько солю, а какъ гнать къ тебѣ, наполнил болтушкой.

— То-то болтушкой,—волновался Сидоръ Ѳоминычъ.—Полѣномъ бы васъ за такія дѣла.

Заплатилъ я мужику, утѣшая себя тѣмъ, что за всякую науку платятъ.

Брестянинъ страшный рутинеръ. Много надо съ нимъ соли съѣсть, пока вы убѣдите его въ чемъ-нибудь. Пусть будутъ ваши доводы ясны, какъ день, пусть онъ съ вами совершенно согласится и пусть даже сдѣлаетъ тутъ же какой-нибудь сознательный выводъ изъ сказаннаго вами, не вѣрьте ничему. Пройдетъ нѣкоторое время и ваши внушенія, какъ намокшее дерево, бесслѣдно потонули въ его головѣ. И наоборотъ: все то, отъ чего онъ съ виду такъ легко, кажется, отказывается, очень быстро снова выплываетъ на поверхность, какъ пузырь, который до тѣхъ поръ будетъ подъ водой, пока ваша рука тянетъ его внизъ,—пустили и онъ снова наверху. Я не хочу сказать, что нельзя убѣдить, въ концѣ-концовъ, крестьянъ въ истинѣ,—можно; но это надо доказать ему не одними только словами, а и дѣломъ, многолѣтнимъ опытомъ.

Присталъ я весной къ одному мужику, Петру Бѣлякову, пахавшему свой загонъ:

— Почему съ осени не вспахалъ?

— По нашимъ мѣстамъ, сударь, осенняя пашня не годится.

— Почему не годится?

— Сырости мало.

— По-твоему, на моей пашнѣ сырости меньше, чѣмъ у тебя?

— Какъ можно, много меньше.

Разсердился я, взялъ его лошадь за поводъ, завелъ въ свой начинавшій всходить посѣвъ и приказалъ ему пахать.

— Да что-жь посѣвъ-то гадить?

— Ничего, — отвѣчалъ я, — не посѣвъ дорогъ, а правда дорога.

Запустилъ Петръ соху въ мой посѣвъ и досталъ не сырую землю, какой была его, а чистую грязь.

Ничего Петръ не сказалъ, только тряхнулъ головой и повелъ свою лошадь съ моего загона. Черезъ нѣкоторое время зашелъ съ крестьянами разговоръ объ осенней пашнѣ.

— Не годится, — заявилъ Петръ, тряхнувъ головой и угрюмо уставившись въ землю.

— Почему не годится?

— Сырости мало.

— А ты забылъ, какъ грязь досталъ въ моей пашнѣ?

— Ну, такъ что-жь? Годъ на годъ не приходится.

— Ну, такъ я теперь каждый годъ буду заставлять тебя пробовать мою осеннюю пашню, — разсердился я.

И дѣйствительно, на другой годъ послѣ этого спора загналъ я его на свою пашню и заставилъ пробовать.

— Ну, что, и въ этомъ году сырое?

— И въ этомъ сырое, — отвѣчалъ, улыбаясь, Петръ.

— Вотъ какъ лѣтъ десять подрядъ заставляю я тебя пробовать сырость моей пашни, такъ, небось, и дѣтямъ закажешь, что осенняя пашня сыре.

Н. Гаринъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЛОККЪ.

(Thomas Fowler: «Locke»).

Въ 1892 году исполнится двѣсти лѣтъ со времени появленія въ Англіи *Третьяго письма о строперимости* Локка, этого если и не самаго великаго, то самаго характернаго изъ философовъ Англіи, какъ называетъ его Фоулеръ. Если мы прослѣдимъ жизненное поприще, пройденное Локкомъ, его убѣжденія, какъ политическія, такъ и религіозныя, его философскіе взгляды и примемъ во вниманіе среду, въ которой онъ жилъ и развивался, то настроеніе общества, которое было ему современнымъ, мы увидимъ, въ чемъ состоитъ характерность Локка, какъ философа. Онъ несомнѣнно былъ какъ съ этической, такъ и съ интеллектуальной стороны достаточно яркимъ представителемъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, продуктомъ извѣстныхъ слоевъ англійскаго народа, пережившихъ извѣстныя, весьма многознаменательныя событія, прошедшихъ извѣстную политическую школу и выступившихъ на историческую арену не только какъ политическая партія, но и какъ экономическая и социальная сила съ опредѣленными, весьма характерными и отличными отъ всѣхъ прежнихъ теченій англійской мысли взглядами того общественнаго класса, который впоследствии принято было называть буржуазіей, и именно его верхняго слоя, — класса средняго провинціального дворянства, богатаго купечества, людей такъ называемыхъ свободныхъ профессій и т. д. Этотъ классъ къ концу гражданскихъ войнъ сложился въ нѣчто обособленное среди всего народа, въ извѣстный сплоченный по экономическимъ интересамъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, по политическимъ и религіознымъ и даже по философскимъ возрѣніямъ агломератъ и сдѣлался серьезною общественною силой. А всякая общественная сила, разъ она имѣетъ серьезное историческое значеніе, выставляетъ своихъ представителей не только въ области политической дѣятельности, — представительницей того класса, о которомъ мы говоримъ, была партія виговъ, — но и во всѣхъ сферахъ умственной дѣятельности. Насколько Милтонъ и левеллеры являлись представителями крайняго пуританизма, того идеально-метафизическаго направленія въ религіи и политикѣ, опорами котораго

были низшіе слои того же средняго класса англійскаго народа: фермеры, мелкіе лавочники и ремесленники, настолько Локкъ, какъ общественный дѣятель и даже какъ мыслитель, представляется намъ выраженіемъ идей, интересовъ, убѣжденій, самаго духа верхнихъ слоевъ средняго класса. Эти слои прошли трудное обученіе въ политической школѣ гражданской войны и вынесли изъ этого обученія духъ умѣренности въ своихъ политическихъ требованіяхъ, соединенный, однако, съ неуклонною и твердою преданностью къ политической и гражданской свободѣ, столь необходимой для ихъ экономическаго развитія, для обезпеченія самаго ихъ гражданскаго существованія; нѣкоторую склонность къ компромиссу, но компромиссу, построенному, однако, на прочно выработанныхъ принципахъ; искреннюю религіозность, унаслѣдованную отъ пуританъ, но при этомъ религіозность, чуждую всякихъ догматическихъ стремленій; глубокий патриотизмъ, чуждый, однако, ненависти къ иностранцамъ и потому по необходимости широкій и гуманитарный; ненависть къ абсолютизму и тиранин, но безъ той горячности и фанатическаго изувѣрства, которая проявляла въ своей политической дѣятельности армія Кромвеля, такъ называемый «новый образецъ»; здравомысліе и склонность къ научнымъ изслѣдованіямъ природы, бывшую прямымъ и неизбѣжнымъ отрицаніемъ всякаго идеалистически-метафизическаго мышленія, и въ особенности страстное желаніе успокоенія для своей родины отъ бурь, вынесенныхъ въ эпоху гражданской войны, и жажду мирнаго и правильнаго развитія ея экономическихъ и политическихъ силъ, — развитія, въ которомъ эти общественные слои были призваны играть такую выдающуюся роль. Чрезвычайно характерно въ этомъ отношеніи настроеніе Локка, тогда еще молодаго человѣка, при реставраціи Стюартовъ. Въ то время, какъ Мильтонъ, разочарованный въ достиженіи пуританскаго идеала царства святыхъ, слѣпой и разбитый старикъ, сидѣлъ въ своей «зеленой комнатѣ» въ Bunhill Fields и писалъ пламенные строфы своего *Потеряннаго рая*, этого великаго пуританскаго эпоса, въ то время, какъ солдаты «новый образецъ», ряды котораго были полны крайнихъ индепендентовъ и левеллеровъ, сознавъ, что ихъ «миссія» — исполнить на землѣ велѣнія Бога и водворить царство святыхъ при посредствѣ радикальныхъ измѣненій въ строѣ англійскаго общества и въ конституціи Англій, — окончилась неудачей, съ истымъ величіемъ духа и пуританскою покорностью несповѣдимымъ судьбамъ Божиимъ положили свое оружіе при возвращеніи Карла въ его государство и вернулись къ своимъ обычнымъ занятіямъ на ферму и за прилавокъ, гдѣ эти бывшіе побѣдители королевскихъ войскъ, сподвижники великаго протектора и приверженцы Айлтона и Лиллборна отличались отъ своихъ сосѣдей только трезвостью, благочестіемъ и трудолюбіемъ, въ это время Локкъ, тогда 29-ти лѣтній молодой человѣкъ, пишетъ (не печатанный) трактатъ, въ которомъ задаетъ вопросъ: имѣетъ ли гражданская власть право опредѣлять и предписывать незначительныя и ничтожныя измѣненія въ богослуженіи? Этотъ трактатъ былъ написанъ

для убѣжденія той партіи, къ которой принадлежалъ и самъ Локкъ, — партіи, отрицавшей право короля вмѣшиваться въ религиозные вопросы и потому не желавшей признать компромисса, предложеннаго Карломъ Вторымъ въ его деклараціи, изданной въ Бредѣ. Въ этомъ трактатѣ встрѣчаются слѣдующія характерныя какъ для самого Локка, такъ и для того общественаго слоя, представителемъ котораго онъ былъ, строки: «Никто не питаетъ такого искренняго уваженія и почтенія къ власти, какъ я. Едва я достигъ возраста, въ которомъ человѣкъ дѣлается сознательнымъ существомъ, какъ я увидалъ себя среди бурь, свирѣпствовавшихъ почти до настоящаго времени, и потому я съ величайшею радостью и удовольствіемъ привѣтствую наступающее затѣшье. Я нахожу, — продолжаетъ онъ, — что общая свобода есть общее рабство, что народные агитаторы, стоящіе за общественную свободу, всего чаще нарушаютъ ее и что ихъ напрасно считаютъ ея стражами». Это, конечно, было слишкомъ рѣзкимъ выраженіемъ стремленія среднихъ классовъ къ водворенію общественнаго порядка и спокойствія, и оно было вызвано сильнѣйшею реакціей, но, тѣмъ не менѣе, подобная реакція, все-таки, остается довольно характерною.

Не менѣе характерны, съ нашей точки зрѣнія на Локка, какъ на представителя интересовъ и настроенія среднихъ классовъ, заявленія какъ самого философа, такъ и его друга, дублинскаго естествоиспытателя, автора трактата *Dioptrica Nova* о значеніи Локка, какъ философа. «Въ этой отрасли философіи (въ логикѣ), — говоритъ Молине въ этомъ трактатѣ, — мы больше всѣхъ обязаны несравненному Локку, сдѣлавшему для исправленія общепринятыхъ заблужденій и для открытія глубокихъ истинъ, для опредѣленія опыта и наблюденія и для направленія человѣческаго ума къ той наукѣ, которая, по моему мнѣнію, можетъ быть названа логикой, больше, чѣмъ было сдѣлано во всѣхъ томахъ древнихъ писателей. Онъ ясно доказалъ ничтожество всѣхъ метафизическихъ ухищреній, затуманивавшихъ мозгъ людей до безумія, причеъ они воображали себя знающими то, въ чемъ они ничего не понимали, и производили только шумъ, произнося слова, не имѣющія яснаго и опредѣленнаго значенія». Въ предисловіи къ своему знаменитому *Опыту о человеческомъ разумѣ* самъ Локкъ говоритъ о своей философской задачѣ слѣдующимъ образомъ: «Въ республикѣ наукъ въ настоящее время нѣтъ недостатка въ великихъ строителяхъ, работы которыхъ, направленные на развитіе науки, будутъ прочными монументами, возбуждающими удивленіе потомства; но не всякій можетъ питать надежду сдѣлаться Бойлемъ и Сиденгамомъ; въ вѣкъ, который породилъ такихъ великихъ учителей, какъ великій Гюйгенсъ и несравненный Ньютонъ и многіе другіе, равные имъ, достаточно для удовлетворенія честолюбія человѣка, если онъ будетъ простымъ рабочимъ въ дѣлѣ очищенія почвы и въ удаленіи съ дороги знанія заваливающаго ее мусора». Локкъ не былъ, конечно, простымъ мусорщикомъ, — онъ не только очищалъ почву, но и приготавливалъ кирпичи для будущаго зданія философіи, и, тѣмъ не менѣе,

та философія здраваго смысла, родоначальникомъ которой онъ несомнѣнно былъ, сыграла въ исторіи духовнаго развитія роль рабочаго, убравшаго съ пути науки заваливавшій его мусоръ. И эту роль она могла сыграть только потому, что сама эта философія и ея представитель были выразителями того здраваго смысла, съ которымъ средніе классы англійскаго общества въ ту историческую эпоху очищали пути человѣческаго мышленія во всѣхъ областяхъ общественной и интеллектуальной дѣятельности. Какъ бы мы ни смотрѣли теперь на отличительныя свойства такого здравомыслия, сколь бы узкими ни представлялись намъ взгляды, представителемъ которыхъ являлся Локкъ въ области государственнаго права, религіи, этики и философіи, нельзя не признать того значенія, которое они имѣли въ интеллектуальной и политической жизни европейскаго общества. Когда мы будемъ говорить о политической дѣятельности и о сочиненіяхъ Локка, намъ часто, даже съ рискомъ повторенія, придется возвращаться къ уясненію нашихъ положеній о значеніи его какъ представителя настроенія среднихъ классовъ англійскаго общества и потому, сдѣлавъ эти предварительныя замѣчанія, которыя мы считали необходимыми для установленія нашей общей точки зрѣнія на дѣятельность Локка, мы можемъ прямо приступить къ разсказу объ его жизни.

Локкъ родился 29 августа 1632 года въ Райнгентонѣ, сомерсетширской деревнѣ. Но дѣтство его прошло въ деревнѣ Пенсфордѣ, недалеко отъ Бристоля. Отецъ его былъ зажиточнымъ челоѣкомъ и имѣлъ недурную практику, какъ провинціальный адвокатъ. Вѣроятно, Локкъ ему обязанъ первымъ направленіемъ своихъ умственныхъ способностей, хотя, къ сожалѣнію, намъ очень мало извѣстно объ этомъ челоѣкѣ. Ни въ этюдѣ Фолуера, ни въ болѣе полныхъ біографіяхъ Джона Локка, написанныхъ лордомъ Кингомъ Фоксомъ Боурнъ, не имѣется никакихъ свѣдѣній объ убѣжденіяхъ, политическихъ и религіозныхъ, отца Джона. Извѣстно только то, что онъ былъ челоѣкѣ способный, что Локкъ отзывался о немъ впоследствии съ большимъ уваженіемъ и любовью; далѣе извѣстно, что въ то время, когда Локку было всего десять лѣтъ, отецъ его публично объявилъ въ церкви Публоу, къ приходу которой принадлежала его деревня, свое согласіе на протестъ долгаго парламента и что онъ черезъ нѣсколько недѣль послѣ этого отправился во главѣ отряда волонтеровъ, какъ кавалерійскій капитанъ, въ армію парламента. Эти свѣдѣнія, конечно, весьма недостаточны для правильной оцѣнки той среды, интеллектуальной и соціальной, въ которой выросъ Локкъ. Намъ приходится прибѣгать къ догадкамъ, такъ какъ остается совершенно неизвѣстнымъ, на чьей сторонѣ былъ Локкъ-отецъ при дальнѣйшемъ развитіи событій: на сторонѣ ли умѣреннаго долгаго парламента, или на сторонѣ реформаторовъ «новаго образца», сохранилъ ли онъ свой постъ капитана кавалеріи при преобразованіи арміи, или уступилъ его одному изъ тѣхъ неблагороднороджденныхъ людей, которыхъ защищалъ Кромвель въ своемъ замѣчательномъ письмѣ къ комитету парламента. «Можетъ быть, — писалъ будущій протекторъ Англій, — васъ оскорбляетъ

то обстоятельство, что такіе простые люди дѣлаются кавалерійскими капитанами. Было бы хорошо, чтобы люди почетные и благороднорожденные исполняли свои обязанности, но почему они не являются? А, вѣдь, дѣло должно идти своимъ чередомъ,—лучше простые люди, чѣмъ безлюдье; лучше имѣть людей терпѣливыхъ въ нуждѣ, вѣрныхъ и совѣстливыхъ при исполненіи ихъ обязанностей, а эти, я надѣюсь, окажутся таковыми... Для меня лучше простой, одѣтый въ нанку, капитанъ, который знаетъ, за что онъ дерется, и любитъ то дѣло, за которое дерется, чѣмъ тотъ, котораго вы называете джентльменомъ и который только джентльменъ». Это письмо Кромвеля характерно, какъ доказательство того социального дифференцированія, которое уже началось въ то время въ средѣ самихъ среднихъ классовъ. И «благороднорожденные, почетные джентльмены», и «простые, одѣтые въ нанку люди» принадлежали къ среднимъ классамъ, но къ разнымъ слоямъ ихъ. Первые, провинціальныя дворяне и профессионалисты, а также богатые торговцы, тяготѣли къ аристократіи и были готовы къ примиренію съ Карломъ Первымъ на извѣстныхъ условіяхъ ограниченія его власти; вторые, фермеры и лавочники, тяготѣли къ демократіи, и составляли опору левеллеровъ, за мечтаніями которыхъ о водвореніи царства Божія видѣлась совершенно не мечтательная радикальная парламентская реформа.

На чьей сторонѣ стоялъ отецъ Джона во время своего пребыванія въ арміи,—на сторонѣ ли долгаго парламента, стремившагося къ увѣковѣченію своей власти, на сторонѣ ли Айртона и арміи, на сторонѣ ли парламентскихъ республиканцевъ Гарри Вана и Газельрига или, наконецъ, на сторонѣ ли великаго протектора, практическій умъ котораго старался найти какую-либо осуществимую схему для соглашенія между враждебными элементами, и который умеръ среди этихъ стараній отъ разбитаго сердца, съ сознаніемъ своей неудачи,—неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ, вѣрно то, что общественный классъ, къ которому принадлежалъ отецъ Локка, былъ не на сторонѣ реформаторовъ и въ своей жадѣ покоя и порядка сначала подчинялся военному деспотизму Кромвеля, а потомъ съ радостью привѣтствовалъ возстановленіе законнаго порядка, т.-е. реставрацію Стюартовъ. Мы уже говорили, что самъ Локкъ привѣтствовалъ реставрацію въ весьма опредѣленныхъ выраженіяхъ. Какъ бы то ни было, среда, въ которой росъ будущій философъ, была особенно благоприятна для развитія тѣхъ чертъ ума и характера, которыя онъ проявилъ къ своей послѣдующей общественной и научной дѣятельности, какъ сподвижникъ лорда Ашлея и Вальгельма III и какъ родоначальникъ эмпирической философіи. Живя въ одномъ изъ самыхъ прелестныхъ деревенскихъ округовъ Англіи и, притомъ, не далеко отъ большаго города, бывшаго центромъ торговли и политики, привыкнувъ съ дѣтскаго возраста наблюдать за развитіемъ великихъ и знаменательныхъ событій и слушать обсужденіе важныхъ и возбуждающихъ мысль вопросовъ, онъ находился въ самыхъ благоприятныхъ для развитія его способностей условіяхъ. Вѣроятно, въ 1646 году онъ

поступилъ въ вестминстерскую школу, по крайней мѣрѣ, въ октябрѣ 1652 года мы встрѣчаемъ его имя въ числѣ студентовъ въ коллегіи Christ-Church въ Оксфордѣ. Какъ Локкъ провелъ свои школьные годы, мы не знаемъ; дальше, когда мы будемъ говорить о его трактатѣ *Мысли о воспитаніи* (*Thoughts concerning Education*), мы увидимъ, что школа не оставила въ умѣ Локка благопріятныхъ впечатлѣній. Приходится опять пожалѣть о недостаткѣ нашихъ свѣдѣній объ университетской жизни Локка, потому что время тогда было любопытное во многихъ отношеніяхъ. Кромвель былъ канцлеромъ университета, а вице-канцлеромъ и деканомъ коллегіи былъ индипендентъ д-ръ Овенъ, человекъ съ замѣчательно-либеральными въ дѣлѣ религіи взглядами. Очень возможно, конечно, что на мнѣнія Локка по вопросу о вѣротерпимости до значительной степени повліяли рѣчи и сочиненія пуританина-декана.

Во время гражданской войны дисциплина и репутація университетовъ пострадала значительно,—въ такое бурное время иначе и быть не могло. Во время «короткаго» или «голокоостнаго парламента» («Barebone Parliament») 1653 года была даже сдѣлана попытка совершенно закрыть университетъ и коллегіи и доходы ихъ помѣстій употребить, какъ сообщаетъ Бларендонъ, «на общественныя нужды, чтобы освободить народъ отъ тяжести уплаты налоговъ». Эта попытка должна была распространить ужасъ среди университетскихъ кружковъ и возбудить множество преній и теоретическихъ вопросовъ, въ частности — произвести далеко не благопріятное впечатлѣніе на человека съ такими умственными предрасположеніями, какъ Локкъ. Пуританская партія, бывшая въ то время сильною въ университетѣ, рѣшила не давать оружія своимъ врагамъ какимъ-либо нарушеніемъ дисциплины или непосѣщеніемъ богослуженія. Ревизоры, назначенные въ 1652 году Кромвелемъ, наблюдали за тѣмъ, чтобы въ коллегіяхъ были произносимы частыя проповѣди. Они приказали, «чтобы всѣ бакалавры и студенты въ коллегіяхъ и въ школахъ всякое воскресенье давали какому-нибудь лицу, извѣстному своимъ благочестіемъ и способностями, отчетъ о слышанныхъ ими въ этотъ день проповѣдяхъ и о посѣщеніи ими божественной службы. А также и ректоры (Heads), и депутаты сказанныхъ обществъ и всѣ имѣющіе степень выше бакалавра должны были лично присутствовать при совершеніи богослуженія и заботиться о томъ, чтобы молитвы и другіе религіозныя обязанности исполнялись надлежащимъ образомъ». Кромѣ того, въ теченіе недѣли во всѣхъ почти коллегіяхъ были произносимы одна или двѣ проповѣди. Наврядъ ли такіе порядки въ университетѣ могли особенно нравиться Локку, несмотря на то, что онъ въ теченіе всей своей жизни оставался искренно-религіознымъ человекомъ. Въ своихъ *Мысляхъ о воспитаніи* Локкъ до чрезвычайности неодобрительно относится и къ диспутамъ, составлявшимъ тогда значительную часть университетскаго курса. Вообще Локкъ вынесъ очень непріятное впечатлѣніе изъ своей университетской жизни. «Я часто слышала отъ него относительно первыхъ лѣтъ, проведенныхъ имъ въ университетѣ,—раска-

зываетъ его другъ леди Мэннингъ, въ семьѣ которой онъ провелъ послѣдніе годы своей жизни,—что онъ былъ совершенно неудовлетворенъ своимъ ученіемъ и находилъ, что оно мало просвѣтило его разумъ. Онъ былъ вообще недоволенъ своею жизнью въ университетѣ и желалъ, чтобы его отецъ предназначилъ его къ какому-либо другому призванію, такъ какъ онъ совсѣмъ не способенъ сдѣлаться ученымъ». Иначе, конечно, и быть не могло: схоластическая оксфордская ученость не могла удовлетворить столь здравый умъ, какимъ всегда отличался Локкъ. Тѣмъ не менѣе, она извѣстнымъ образомъ реагировала на него и помогла ему при образованіи многихъ изъ его философскихъ взглядовъ и въ этомъ отношеніи принесла ему несомнѣнную пользу. Въ 1656 году Локкъ получилъ степень бакалавра, а въ 1658 г.—степень магистра; въ 1660 году, не задолго до смерти своего отца, онъ былъ назначенъ лекторомъ греческаго языка въ коллегію Christ-Church и такимъ образомъ вошелъ въ составъ университетскихъ преподавателей.

Локкъ ничего не печаталъ до поздняго періода своей жизни, но это не значить, чтобы онъ ничего не писалъ. Мы уже говорили выше объ его трактатѣ въ пользу реставраціи и деклараціи Карла о вѣротерпимости, написанномъ въ 1660 году. Въ этому же періоду Фоксъ Боурнъ относитъ и неизданный и сдѣлавшійся извѣстнымъ только очень недавно трактатъ—*Размышленія о римской республикѣ*. Нѣкоторые изъ замѣчаній въ этомъ трактатѣ доказываютъ, что Локкъ и въ то время держался либеральныхъ взглядовъ въ политикѣ и религіи, которые онъ высказывалъ позже въ своихъ трактатахъ о вѣротерпимости и о правительствѣ. Религія, установленная Нумой, идеализируется авторомъ, такъ какъ она будто бы ставила вѣрующимъ только два требованія: признаніе благодати и божественной сущности боговъ и необходимость поклоненія имъ. Такимъ образомъ «устраняются ереси и расколы»; избѣгается также «ограниченіе области религіи при посредствѣ символовъ вѣры, катехизисовъ и безконечныхъ мелочей о сущности, свойствахъ и атрибутахъ Бога». Въ этомъ произведеніи своей молодости Локкъ, такимъ образомъ, еще рѣшительнѣе, чѣмъ въ знаменитыхъ *Письмахъ о вѣротерпимости*, высказываетъ тѣ взгляды, которые впервые въ Англіи защищались двумя великими людьми эпохи возрожденія, Эразмомъ Роттердамскимъ, нѣмцемъ по рожденію, но англичаниномъ по воспитанію, и Томасомъ Моромъ въ его знаменитой *Утопіи*. Очень жаль, что не имѣется свѣдѣній о знакомствѣ его съ произведеніями этихъ писателей въ этотъ періодъ его жизни; хотя слѣдуетъ думать, что онъ могъ придти къ подобнымъ взглядамъ и подъ вліяніемъ другихъ авторовъ—Чиллингворта, Тейлора, съ которыми онъ, вѣроятно, познакомился уже во время своего пребыванія въ Оксфордѣ.

1666 годъ былъ поворотнымъ пунктомъ въ жизни Локка,—онъ опредѣлилъ всю его будущую общественную дѣятельность, его политическую карьеру и, вѣроятно, сформировалъ его взгляды на политическіе вопросы дня. Всѣмъ этимъ Локкъ былъ обязанъ своей встрѣчѣ съ Ашлеемъ Буперомъ,

въ то время уже лордомъ Ашлеемъ, а впоследствии лордомъ Шефтсбюри, человѣкомъ не особенно высокимъ со стороны нравственной, но замѣчательнымъ какъ политическій дѣятель и, несомнѣнно, бывшимъ однимъ изъ самыхъ крупныхъ людей времени реставраціи. Мы позволимъ себѣ заимствовать характеристику этого человѣка у историка Грина, великаго мастера на характеристики. Всѣ дѣйствія Ашлея въ теченіе его долгой политической карьеры указываютъ на отличавшія его натуру смѣлость, самоувѣренность, разнообразіе способностей и умѣнье пользоваться всѣми ресурсами. Въ дѣтствѣ онъ спасъ свое помѣстье отъ жадности опекуновъ, смѣло явившись лично къ генераль-атторнею Ноу просить у него защиты. Когда онъ былъ студентомъ въ Оксфордѣ, онъ организовалъ бунтъ «новичковъ» противъ университетскихъ обычаевъ, введенныхъ старшими членами коллегіи, и ему удалось уничтожить ихъ. Въ восемнадцать лѣтъ онъ уже былъ членомъ короткаго парламента. При началѣ гражданскихъ войнъ онъ стоялъ за дѣло короля. Но среди успѣховъ королевскихъ войскъ онъ уже предвидѣлъ погибель этого дѣла и перешелъ на сторону парламента, потому онъ былъ приверженцемъ Кромвеля и сдѣлался членомъ его государственнаго совѣта. Временная немилость, въ которую онъ впалъ въ послѣдніе годы жизни Кромвеля, возбудила въ немъ горячую ненависть къ протектору и послѣ его смерти онъ произнесъ въ палатѣ страстную обвинительную рѣчь противъ «его высочества печальной памяти, обманомъ и насиліемъ лишившаго всѣхъ свободы при жизни и заковавшаго въ рабскія цѣпи при смерти», и противъ арміи, которая «побѣдила не только своихъ враговъ, но и своихъ господъ, собравшихъ и содержавшихъ ее», которая не только покорила Шотландію и Ирландію, но и мятежную Англію, и подавила «злосознненную» партію судей и законовъ». Эти жгучія инвективы и интриги Ашлея съ Монкомъ и дѣятельное его участіе въ призывѣ короля были вознаграждены титуломъ пэра и выдающимся мѣстомъ въ королевскомъ совѣтѣ. Ашлею въ то время было сорокъ лѣтъ, при республикѣ онъ былъ извѣстенъ какъ «самая громкая труба въ крикливомъ оркестрѣ» (слова Драйдена); но едва онъ сдѣлался министромъ короля, какъ ринулся въ придворный развратъ съ горячностью, удивившею даже его повелителя. «Вы самый злой пестъ во всей Англіи», — смѣялся король при одной безстыдной шуткѣ своего совѣтника. — «Я думаю, государь, что я действительно самый злой... изъ подданныхъ!» — безстыдно отвѣчалъ тотъ. Но развращенность Ашлея была просто маской. По привычкамъ и по природѣ онъ былъ умѣреннымъ человѣкомъ и, притомъ, его плохое здоровье дѣлало всякіе эксцессы невозможными. Англія скоро поняла, что человѣкъ, говорившій комплименты въ будуарѣ леди Кастльменъ, или пившій и забавлявшійся шуточками съ Седлеемъ и Бунингамомъ, былъ способнымъ и трудолюбивымъ дѣловымъ человѣкомъ... Его дѣятельность была поразительна... Какъ государственный человѣкъ, Ашлей былъ не только выше своихъ современниковъ по своимъ способностямъ и трудолюбію, онъ былъ выше ихъ и по своему презрѣнію къ личнымъ выгодамъ. Даже ярый его врагъ, Драйденъ, признавалъ,

что руки его были чисты. Его положеніе, какъ политическаго вождя, было странно на нашъ современный взглядъ. По своимъ религиознымъ убѣжденіямъ онъ былъ деистъ, по образу жизни распутникъ и, тѣмъ не менѣе, въ королевскомъ совѣтѣ онъ оставался представителемъ пресвитеріанской и нонконформистской партіи. Онъ былъ сильнымъ и упорнымъ защитникомъ вѣротерпимости, но его защита была построена на чисто-политическихъ основаніяхъ. Единственнымъ средствомъ соединить церковниковъ и диссидентовъ была политика вѣротерпимости, а при господствующемъ въ Англіи, послѣ реставраціи, настроеніи онъ могъ питать надежды только на короля въ своихъ стремленіяхъ добиться вѣротерпимости. Поэтому шутки, распутство, быстрота въ работѣ были для него просто средствами для пріобрѣтенія вліянія на короля и для полученія его поддержки въ борьбѣ противъ нетерпимости Кларендона.

Съ такимъ-то человѣкомъ встрѣтился Локкъ, и эта встрѣча опредѣлила все его будущее. Дѣло свободы, политической и религиозной, защищается часто грубыми, а иногда и нечистыми руками, но для всякаго мыслящаго человѣка отрадно наблюдать, что рядомъ съ Ашлеями почти всегда стоятъ Локки, и такъ какъ, въ концѣ-концовъ, торжество принадлежитъ всегда идеямъ, руководящимъ дѣйствіями людей, ибо торжество какого угодно дѣла возможно только при извѣстномъ общественномъ благопріятномъ этому дѣлу настроеніи,—то въ исторіи человѣчества мыслители, вродѣ Локка, имѣютъ несомнѣнно большее вліяніе, чѣмъ дѣятели, вродѣ Ашлея. Лордъ Ашлей былъ въ то время уже пожилымъ человѣкомъ, ему было около 50-ти лѣтъ, когда онъ былъ признанъ главой такъ называемой сельской партіи, т.-е. виговъ, и его политическія и религиозныя мнѣнія были выработаны всею его бурною карьерой, протекшею среди такихъ условій, которыя рѣдко повторяются въ исторіи народа. Трудно думать, чтобы Локкъ могъ пользоваться какимъ-либо прочнымъ вліяніемъ на такого человѣка. Имѣлъ ли Ашлей вліяніе на Локка? Отвѣтить на этотъ вопросъ очень трудно,—мы видѣли уже, что къ основнымъ своимъ взглядамъ о вѣротерпимости онъ пришелъ раньше своего знакомства съ Ашлеемъ, а вопросъ о вѣротерпимости являлся въ то время основнымъ вопросомъ политики. Можно думать, что Ашлей могъ вліять на Локка въ другомъ отношеніи, что связь съ нимъ пріучила Локка къ извѣстной системѣ практической дѣятельности и что она заставила его болѣе внимательно отнестись къ вопросамъ государственнаго права, къ изученію конституціи и практической политики своей родины. Это, конечно, только догадка, но догадка весьма естественная. Каковъ бы ни былъ Ашлей съ точки зрѣнія этической, онъ былъ горячимъ защитникомъ религиозной терпимости, врагомъ папизма, какъ политической силы и абсолютистскихъ принциповъ въ государствѣ, а эти убѣжденія Ашлея должны были привязывать къ нему представителя интересовъ и настроеній среднихъ классовъ, ихъ ненависти къ абсолютизму и ихъ свободомыслія въ религіи. Самъ Ашлей по происхожденію былъ настолько же такимъ представителемъ среднихъ классовъ въ политикѣ, каковымъ былъ

впослѣдствіи Локкѣ въ наукѣ и литературѣ. Это соединило ихъ, и соединило навсегда, до самой смерти Ашлея.

Знакомство произошло случайно. Ашлею было предписано пить астрономскія воды (Астроупъ—деревушка близъ Оксфорда), и Локку было поручено доставлять ему эти воды. Локкъ,—слѣдуетъ сказать,—былъ уже въ то время медикомъ, хотя онъ не получилъ до конца своей жизни званія доктора медицины. Локку разъ пришлось сдѣлать визитъ лорду и они очень понравились другъ другу. Лѣтомъ 1667 года Локкъ жилъ уже у лорда Ашлея въ Лондонѣ и «съ этого времени,—разказываетъ леди Мэшемъ,—онъ былъ домашнимъ человѣкомъ у лорда и былъ уважаемъ не только его сіятельствомъ, но и всѣми друзьями его семьи». Въ этотъ періодъ жизни Локка былъ написанъ имъ *Essay concerning Toleration*, неизданный при его жизни и только недавно напечатанный въ его біографіи Фокса Боурна. Можно предполагать, что этотъ *Опытъ* написанъ по инициативѣ лорда Ашлея и, вѣроятно, былъ очень распространенъ въ рукописи среди защитниковъ вѣротерпимости. Дальше мы будемъ говорить о позднѣйшемъ произведеніи Локка, о его *Письмахъ о вѣротерпимости*, и можемъ потому ограничиться здѣсь общими заключеніями, къ которымъ пришелъ Локкъ. Во-первыхъ, «всѣ спекулятивныя мнѣнія и религиозное богослуженіе должны быть терпимы» и всякій человѣкъ имѣетъ въ этомъ отношеніи право «на полную и ничѣмъ не ограничиваемую свободу, лишь бы онъ поступалъ искренно и по совѣсти, по мѣрѣ своего знанія и убѣжденія»; во-вторыхъ, «есть нѣкоторыя мнѣнія и дѣйствія, по своей естественной тенденціи абсолютно-вредныя для человѣческаго общества: такъ, напримѣръ, будтоеретичи могутъ погубить вѣру, будто человѣкъ обязанъ проповѣдывать и распространять тѣ мнѣнія, которыя онъ имѣетъ, и тому подобное; а изъ дѣйствій—всякаго рода несправедливость и обманъ: таковыхъ мнѣній и дѣйствій гражданская власть не должна терпѣть», и, въ-третьихъ, тѣ мнѣнія и дѣйствія, насколько «ихъ влияние къ благу или ко злу» зависитъ отъ «положенія государства и положенія дѣлъ», «имѣютъ право на терпимость постольку, поскольку они не вредятъ обществу и не служатъ какимъ-либо образомъ помѣхой правительству». О теоретическомъ значеніи подобныхъ положеній о вѣротерпимости, какъ вытекающихъ изъ общаго характера практическаго настроенія среднихъ классовъ общества, всегда присущаго имъ во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, а также и объ ихъ различіи по методу постановки вопросовъ отъ взглядовъ прежнихъ защитниковъ религиозной свободы въ Англіи, мы будемъ говорить при изложеніи *Писемъ о вѣротерпимости*, а теперь скажемъ только о практическихъ выводахъ, дѣлаемыхъ Локкомъ изъ его заключеній: «написты не должны пользоваться удобствами вѣротерпимости, такъ какъ, получивъ власть, они считаютъ себя обязанными отказывать въ терпимости другимъ»; «фанатики», какъ называли тогда диссентеровъ, должны быть по меньшей мѣрѣ терпимы. Относительно же «объединенія» (*comprehension*) Локкъ высказываетъ, какъ общій принципъ, «что правилъ относительно спекулятивныхъ мнѣній должно

Быть немногим и обряды богослужения должны быть немногочисленны и легки, а это и есть латитударианизмъ».

Время, проведенное Локкомъ въ домѣ лорда Ашлея, было для него временемъ политическихъ заботъ и неустанной дѣятельности. Самъ Локкъ, правда, не игралъ выдающейся политической роли, но онъ былъ близкимъ человекомъ и, вѣроятно, во многихъ случаяхъ совѣтникомъ лорда, бывшаго въ то время центральной фигурой въ спутанной игрѣ интригъ, политическихъ минъ и контрминъ, изъ которыхъ слагалась тогда политическая дѣятельность Англiи. Эпоха была крайне важною для дальнѣйшихъ судебъ страны. Историки—не только такіе, какъ Маколей, но даже и столь склонные къ политическому радикализму, какъ Гринъ—обыкновенно считаютъ это время, съ его заключительнымъ актомъ, революціей 1688 года, даже болѣе важнымъ, чѣмъ время гражданскихъ войнъ. Различіе въ общественномъ настроеніи этихъ двухъ эпохъ было, во всякомъ случаѣ, весьма значительное: во время реставраціи дѣло шло объ осуществленіи нѣкоторой, и, притомъ, не самой важной по глубинѣ и широтѣ части идей, порожденныхъ во время гражданскихъ войнъ; вмѣсто широкихъ политическихъ реформъ, къ какимъ стремилась радикально настроенная часть населенія, наступала эра, сравнительно говоря, узкой, хотя и чрезвычайно важной для будущаго парламентской борьбы. Животворный духъ гражданской войны не исчезъ, но онъ сдѣлался болѣе поверхностнымъ, болѣе мелкимъ—мѣсто теоретической мысли, доходящей всегда до крайнихъ предѣловъ своего диалектическаго развитія, замѣнилъ компромиссъ въ мысли и въ дѣйствіи. Такъ всегда бываетъ въ эпохи практическія, а реставрація, также какъ и ея финалъ—революція были несомнѣнно именно такими эпохами; время практическаго осуществленія идеи всегда отличается отъ времени теоретическаго творчества болѣе узкимъ, но за то и болѣе осуществимымъ мировоззрѣніемъ, меньшею смѣлостью въ постановкѣ вопросовъ, менѣе глубокимъ идеализмомъ. Прошло то время, когда левеллеры Кромвелевской арміи, эти «богобоязненные» фермеры и мелкіе лавочники, считали себя избранными слугами Божьими, исполнявшими спеціальную миссію «устроенія» (settlement) избраннаго Божьяго народа,—измѣнились не только настроенія, не только люди, а и цѣлыя общественные классы, которые теперь руководили судьбами Англiи. Мѣсто «богобоязненныхъ» фермеровъ и мелкихъ лавочниковъ, мелкой буржуазіи, мѣсто представителей мелкаго хозяйства и мелкой торговли заняли джентльмены и купцы, представители первой стадіи развитія капитализма въ земледѣліи, торговлѣ и промышленности. Есть все основанія полагать, что Локкъ уже въ то время, не участвуя самъ въ политической жизни, раздѣлялъ, тѣмъ не менѣе, все стремленія этихъ новыхъ владыкъ положенія и ихъ политическихъ вождей, какииъ былъ Ашлей. Все историки и биографы Локка говорятъ, наприм., объ его участіи въ составленіи конституціи штата Каролины, хотя степень этого участія и неизвѣстна. Штатъ Каролина былъ пожалованъ королемъ восьмерымъ лордамъ-собственникамъ, въ числѣ которыхъ былъ и

лордъ Ашлей. Достоверно, что Локкъ былъ чѣмъ-то вродѣ главнаго секретаря и управляющаго этой ассоціаціи. Въ конституціи Каролины имѣются статьи, которымъ Локкъ, да, вѣроятно, и самъ Ашлей, не могли особенно сочувствовать, наприм., статьи о введеніи феодальныхъ отношеній въ смягченной формѣ. Но важно для характеристики того духа компромисса, которымъ вообще отличалось то время, то обстоятельство, что Локкъ примирился, если не согласился, съ подобными узаконеніями. Еще характернѣе въ этомъ отношеніи статья, узаконяющая существованіе въ штатѣ невольничества. Одобрять ли ее Локкъ, или нѣтъ, это все равно, — важно то, что такой мыслитель, какъ онъ, и не думалъ о естественномъ и гражданскомъ равенствѣ всѣхъ людей, о которыхъ, однако, думали левеллеры и еще раньше Томасъ Моръ. Защита гражданскихъ правъ основывалась для среднихъ классовъ англійскаго общества, отстаивающихъ эти права, не на общихъ теоретическихъ принципахъ, а на практическихъ политическихъ соображеніяхъ. Только значительно позже, въ концѣ прошлаго и въ началѣ настоящаго столѣтія, когда на политическую сцену съ своими идеями и съ своимъ настроеніемъ выступили низшіе общественные слои, вопросъ о равенствѣ становится на почву принциповъ и теорій, что, конечно, опять-таки обуславливалось экономическимъ положеніемъ этихъ новыхъ слоевъ. Тѣмъ же характеромъ практичности и духомъ компромисса отличались, въ сущности говоря, и статьи конституціи объ устройствѣ религіозныхъ дѣлъ въ колоніяхъ, хотя этотъ вопросъ рѣшался въ болѣе широко-гуманномъ направленіи; можно думать, что эти статьи принадлежали перу самого Локка. Въ колоніи гражданскими правами пользовались только тѣ, которые признавали существованіе Бога и соглашались на необходимости публичнаго поклоненія ему. Съ этою оговоркой религіозная свобода была полная: семь человѣкъ могли составлять церковь, съ тѣмъ только условіемъ, чтобъ они признавали долгъ каждаго человѣка свидѣтельствовать истину и согласились относительно какого-либо внѣшняго символа такого свидѣтельствованія. *Всякій не принадлежавшій къ какой-либо изъ церквей признавался стоящимъ внѣ покровительства законовъ.* Членъ одной церкви не долженъ былъ «оскорблять и преслѣдовать другихъ; никто не долженъ былъ хулить, унижать и упрекать вѣрованія другихъ церквей, такъ какъ это составляетъ вѣрное средство для нарушенія мира и препятствіе для обращенія людей къ истинѣ».

До какой степени Локкъ раздѣлялъ всѣ стремленія лорда Шефтсбюри, какъ теперь назывался лордъ Ашлей, и его склонность къ компромиссу и къ практической политикѣ, это доказывается слѣдующимъ эпизодомъ изъ его жизни, — эпизодомъ, на которомъ его биографы останавливаются съ нѣкоторою грустью, но который представляется съ нашей точки зрѣнія совершенно естественнымъ и логичнымъ. Шефтсбюри, теперь первый министръ короля, зашелъ такъ далеко съ своимъ желаніемъ добиться вѣротерпимости для диссентеровъ, что рѣшился, хотя и неохотно, отступить отъ традиціонной политики Англій, вызываемой интересами и пользующейся

симпатіей тѣхъ общественныхъ классовъ, представителемъ и вождемъ которыхъ онъ самъ былъ, и поддерживалъ короля въ его личной политикѣ и желаніи воевать съ Голландіей. Въ парламентѣ 1673 года онъ произнесъ свою знаменитую рѣчь въ защиту этой войны, заканчивающуюся извѣстнымъ изреченіемъ: «*Delenda est Carthago*», и Локкъ стоялъ съ рукописною рѣчью рядомъ съ лордомъ, чтобы въ случаѣ надобности подсказывать ему. Оффиціальное положеніе Локка совсѣмъ не требовало отъ него такого участія въ политической интригѣ, но онъ, очевидно, вполне раздѣлялъ взгляды и планы Шефтсбюри. Это доказывается и слѣдующими словами третьяго графа Шефтсбюри: «Когда мой дѣдъ оставилъ дворъ и подвергался опасностямъ, Локкъ дѣлилъ съ нимъ эти опасности, какъ раньше дѣлилъ почести и выгоды (власти). Онъ довѣрялъ ему самыя тайны изъ своихъ сношеній и пользовался его услугами во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ, которыя онъ считалъ нужнымъ довести до свѣдѣнія публики».

Биографъ Локка съ большимъ удовольствіемъ останавливается на другихъ событіяхъ этого періода жизни Локка. Въ 1668 году онъ былъ избранъ членомъ королевскаго общества и въ 1672 г. былъ даже членомъ его совѣта. Но онъ не принималъ дѣятельнаго участія въ работахъ этого общества, хотя, несомнѣнно, очень интересовался естествознаніемъ, тогда получившимъ въ Англіи очень сильное развитіе,—вѣроятно, принимать дѣятельное участіе ему мѣшали именно политическія заботы. Несомнѣнно, однако, что онъ принималъ очень дѣятельное участіе въ занятіяхъ кружка людей, бывшихъ близкими друзьями и занимавшихся вопросами философскими. На одномъ собраніи этого неоффиціального философскаго клуба зашелъ разговоръ, бывший поводомъ для написанія Локкомъ его *Опыта*, того сочиненія, которое сдѣлало его имя безсмертнымъ. Вѣроятно, этотъ разговоръ происходилъ въ 1670 или 1671 году. Самое сочиненіе опубликовано только двадцать лѣтъ спустя, въ 1690 году. «Если стоить безпокоить тебя разговоромъ о происхожденіи этого *Опыта*,—говоритъ Локкъ въ своемъ письмѣ къ читателю,—я скажу тебѣ, что однажды пять или шесть изъ моихъ друзей собрались у меня и они начали говорить о предметахъ, не имѣющихъ, повидимому, никакого отношенія къ предмету этого *Опыта*, и внезапно оказались въ большомъ затрудненіи. Не находя разрѣшенія сомнѣній, смущавшихъ насъ, я пришелъ къ убѣжденію, что мы идемъ по ложному пути, и что, прежде чѣмъ начинать изслѣдованія подобнаго рода, необходимо изслѣдовать наши способности и узнать, можетъ ли нашъ разумъ заниматься подобными вопросами. Я и предложилъ это своимъ друзьямъ, а тѣ охотно согласились, и такъ было рѣшено, что именно это должно составлять предметъ нашихъ первыхъ изслѣдованій». Эти слова имѣютъ не одно только биографическое значеніе,—они, кромѣ того, указываютъ на ту сторону произведенія Локка, которая составляетъ особенную заслугу и оригинальность его, какъ философа. Наука, которую мы теперь называемъ психологіей, до появленія *Опыта* была подчинена исключительно интересамъ другихъ отраслей спекулятивнаго мышленія. Нѣкоторое исключеніе

изъ этого утверждёнiя можетъ быть сдѣлано относительно Гоббса, Декарта и Спинозы, но и они только случайно касались психологическихъ вопросовъ, поэтому безъ преувеличенiя можно утверждать, что Локкъ былъ первымъ философомъ, пытавшимся приступить къ изученiю явленiй человѣческаго духа, ихъ взаимныхъ отношенiй, ихъ причинъ и предѣловъ. Онъ самъ говоритъ, что его задача состоитъ въ томъ, чтобы «ислѣдовать происхожденiе, достовѣрность и объемъ человѣческаго знанiя и, виѣстѣ съ тѣмъ, основанiя и степень вѣрованiй и мнѣнiй». Эту задачу онъ исполнилъ не догматически, а критически, такъ что можно съ полною справедливостiю признать его родоначальникомъ критической философiи. Любопытно при этомъ то, что онъ совершенно устраняетъ техническую школьную терминологию и пишетъ языкомъ образованнаго общества того времени. Отсутствiе педантизма и предрасудковъ въ философскомъ сочиненiи было въ то время такою рѣдкостiю, что несомнѣнно эти свойства сочиненiя Локка много способствовали его распространенiю и популярности.

Опытъ о человѣческомъ разумѣ (Essay on human Understanding) вышелъ въ Англіи, какъ мы сказали, въ 1690 году. Въ жизни Локка до этого времени произошло много очень важныхъ событiй, но мы расскажемъ о нихъ въ слѣдующей статьѣ, а теперь, чтобы не отвлекать вниманiя читателя отъ этого самаго важнаго изъ сочиненiй Локка, мы поговоримъ о его значенiи въ исторiи философiи.

Центральная идея работы Локка состоитъ въ томъ, что всякое человѣческое знанiе производится опытомъ. Ищемъ ли мы какiя-либо идеи, независимо отъ опыта, или, говоря языкомъ Локка, существуютъ ли въ нашемъ духѣ какiе-либо врожденные принципы?

«У нѣкоторыхъ людей установилось мнѣнiе, что въ разумѣ существуютъ нѣкоторые врожденные принципы, нѣкоторыя первичныя понятiя, за печатлѣнными, такъ сказать, въ духѣ человѣческомъ».

Это-то мнѣнiе исслѣдуетъ и опровергаетъ Локкъ въ первой или вводной книгѣ своего *Опыта*. Часто утверждали, что опровергаемое Локкомъ мнѣнiе не было такъ распространеннымъ даже у его предшественниковъ. И дѣйствительно, еще Декартъ иногда сравниваетъ эти врожденные понятiя или идеи съ болѣзнями, о которыхъ говорятъ, что они врожденные въ известныхъ семьяхъ, не потому, «что дѣти этихъ семей страдаютъ отъ такихъ болѣзней въ утробѣ своей матери, а потому, что они рождаются съ известными болѣзненными предрасположенiями». Этими словами Декартъ, повидимому, подходитъ къ тому принципу наследственности, который въ настоящее время является примиряющимъ элементомъ двухъ системъ философiи; и, тѣмъ не менѣе, даже у Декарта такiя заявленiя чистая случайность; всѣ же другіе философы, предшествующіе Локку, стоятъ положительно на почвѣ апіорной теорiи, на которую онъ нападаетъ. Эта теорiя была, говоря словами Локка, «торною дорогой», по которой шли люди, занимавшіеся спекулятивными вопросами, и отступленiе съ этой дороги было дѣломъ новымъ и опаснымъ. Самымъ дѣйствительнымъ изъ

аргументовъ Локка противъ этой теоріи можетъ считаться его вызовъ защитникамъ врожденныхъ принциповъ указать на нихъ. Локкъ въ этомъ случаѣ стоитъ на совершенно вѣрной дорогѣ. Невозможно ясно различить между аксіомами и производными положеніями. Принадлежность къ известной расѣ, темпераментъ, умственные способности, привычки, воспитаніе производятъ такіа различія между людьми, что то, что для одного представляется аксіомой и безспорнымъ, другимъ допускается съ нѣкоторыми колебаніями, а третьимъ совсѣмъ отрицается. Это особенно вѣрно, какъ указываетъ Локкъ, относительно принциповъ религіи или морали. Они такъ распространены въ цивилизованныхъ обществахъ, что ихъ считаютъ независимыми отъ разума, «напечатлѣнными въ духѣ». Но то обстоятельство, что эти принципы не признаются всѣмъ человѣчествомъ, доказываетъ, во всякомъ случаѣ, что они не аксіомы и подлежатъ доказательству. Этотъ рѣшительный протестъ Локка противъ произвольныхъ предположеній и противъ попытокъ сдѣлать большое количество предложеній, какъ практическихъ, такъ и спекулятивныхъ, неподлежащими контролю разума и составляетъ самую цѣнную часть его философіи.

Очистивъ себѣ путь отъ теоріи врожденныхъ идей, Локкъ во второй книгѣ занимается изслѣдованіемъ путей приобрѣтенія духомъ знанія. Въ этой части *Опыта* онъ употребляетъ свою неудачную и такъ часто подвергавшуюся нападкамъ метафору, сравненіе духа «съ листомъ бѣлой бумаги, безъ буквъ и безъ идей». Локкъ производитъ знаніе отъ двухъ источниковъ: ощущенія (сенсаций) и размышленія (рефлексии); такимъ образомъ, онъ становится на точку зрѣнія, совершенно отличную отъ той, на которой стояли такъ называемые сенсуалисты. Его теорію происхожденія знанія можно назвать, если угодно, экспериментальной, но отнюдь не сенсуалистической. Вся вторая книга *Опыта* посвящена попыткѣ выяснить простыя идеи, получаемыя изъ вышеупомянутыхъ двухъ источниковъ, и привести къ нимъ всѣ другія, самыя сложныя идеи. Мы не можемъ слѣдовать въ этомъ анализѣ за авторомъ и удовольствуемся немногими цитатами. «Это простыя идеи,—говоритъ философъ,—матеріалы нашего знанія доставляются духу только двумя вышеупомянутыми путями, именно ощущеніемъ и размышленіемъ. Когда разумъ снабженъ простыми идеями, онъ имѣетъ способность повторять, сравнивать и соединять ихъ и можетъ создавать сложныя идеи. Но не во власти самаго широкаго ума (Wit) или просвѣщеннаго разума изобрѣсти какую-либо новую идею, помимо вышеупомянутыхъ путей. И никакая сила разума не можетъ разрушить приобрѣтенныя идеи; власть человѣка въ этомъ маломъ мірѣ его разумнія такова же, какъ и его власть въ великомъ мірѣ видимой вселенной, т.-е. его власть при помощи искусства не простирается дальше соединенія или раздѣленія имѣющихся подъ рукой матеріаловъ; она не можетъ создать малѣйшей частицы новой матеріи или уничтожить уже существующій атомъ. Ту же способность нашего разума замѣчаютъ мы, если мы вдумаемъ образовать въ умѣ какую-либо идею, не воспринятую чувствами

отъ внѣшнихъ предметовъ или размышленіемъ отъ дѣйствій собственнаго духа».

Такимъ образомъ, при воспріятіи простыхъ идей, нашъ разумъ, по мнѣнію Локка, абсолютно пассивенъ; онъ не можетъ отказаться отъ ихъ воспріятія, не можетъ измѣнить и уничтожить ихъ, какъ зеркало не можетъ отказаться воспринять, измѣнить или уничтожить отраженный образъ. Дѣятельность разума начинается только съ момента появленія въ немъ простыхъ идей, но за то тогда она безпредѣльна.

Изъ всѣхъ сложныхъ идей наиболѣе смущаетъ Локка идея о сущности (субстанціи). Если мы изслѣдуемъ идеи о лошади, домѣ, человѣкѣ и т. д., мы приводимъ ихъ къ значительному количеству простыхъ идей, вродѣ идей протяженія, формы, цвѣта, вѣса и т. д. Но, по мнѣнію Локка, въ этомъ отношеніи идущаго по слѣдамъ другихъ философовъ его времени, кромѣ этихъ свойствъ, имѣется субстратъ, которому они присущи или, говоря его собственными словами, «въ которомъ они существуютъ и отъ котораго проистекаютъ»; о различныхъ свойствахъ мы можемъ образовать ясныя идеи и можетъ дать о нихъ болѣе или менѣе ясный и опредѣленный отчетъ. Но можемъ ли мы образовать ясную идею или дать понятный отчетъ о такомъ *субстратѣ*? Локкъ именно потому и является представителемъ здраваго смысла въ философіи, что у него нашлось достаточно смѣлости, чтобы отступить отъ общепринятыхъ метафизическихъ понятій и дать отрицательный отвѣтъ на подобный вопросъ. Для него идея о субстратѣ или субстанціи—«смутная идея о нѣчто, къ которому относятся свойства и въ которомъ они существуютъ».

«Если бы челоѣка спросили, —говоритъ онъ,—что это такое, чему присущи твердость (Solidity) и протяженіе (Extension), онъ оказался бы въ томъ же положеніи, какъ и индѣецъ, который утверждалъ, что вселенную поддерживаетъ большой слонъ, и когда его спросили, что же поддерживаетъ слона, онъ отвѣчалъ, что его поддерживаетъ большая черепаха. Но когда его спросили, что же поддерживаетъ эту черепаху, онъ былъ вынужденъ отвѣтить, что этого онъ не знаетъ. И здѣсь также, какъ и въ другихъ случаяхъ, когда мы употребляемъ извѣстные слова, не имѣя ясныхъ и опредѣленныхъ идей, мы говоримъ, какъ говорятъ дѣти; когда ихъ спросятъ о чемъ-нибудь, чего они не знаютъ, они дадутъ такой удовлетворительный отвѣтъ: это нѣчто. Собственно говоря, это просто означаетъ, что люди совсѣмъ не имѣютъ опредѣленной идеи о томъ, что они претендуютъ знать и о чемъ они говорятъ».

Подобная постановка вопроса о субстанціи, собственно говоря, вела къ дальнѣйшимъ шагамъ въ этомъ направленіи, т.-е. въ попыткѣ совершенно отдѣлаться отъ этого «неизвѣстнаго намъ нѣчто». Въ самомъ дѣлѣ, если мы не знаемъ, что это такое, то какъ мы можемъ знать, что это вообще существуетъ и что это не просто фикція? И дѣйствительно, попытки были сдѣланы въ двухъ направленіяхъ—идеалистическою философіей, въ лицѣ Беркеля, относительно матеріи, и критической, въ лицѣ Юма, относи-

тельно духа. Если бы мы не имѣли положительныхъ заявленій Локка, мы были бы склонны думать, что и самъ онъ считалъ различіе между субстанціей и акциденціями, по крайней мѣрѣ, относительно матеріи и ея свойствъ, не существеннымъ и что онъ желалъ возбудить сомнѣніе въ существованіи «неизвѣстнаго нѣчто».

Въ четвертой книгѣ *Опыта* встрѣчается утвержденіе, возбуждавшее негодованіе всѣхъ современныхъ ему философовъ и теологовъ, утвержденіе возможности для матеріи мыслить, такъ какъ для нашего ума не болѣе недопустимо предположеніе, что Богъ могъ «присоединить къ матеріи способность мыслить, чѣмъ предположеніе, что онъ присоединилъ къ ней другую субстанцію, обладающую такою способностью». Впрочемъ, въ первомъ письмѣ къ епископу ворчестерскому (о которомъ мы упомянемъ въ слѣдующей статьѣ) онъ допускаетъ, что у насъ, людей, въ высшей степени, вѣроятно, мыслящая субстанція невещественна.

Вторая книга кончается короткою, но интересною главой объ ассоціаціи идей. Этотъ терминъ, столь знакомый теперь всякому, читавшему хоть одно сочиненіе по психологіи, былъ введенъ въ науку Локкомъ, причѣмъ онъ употребляетъ и терминъ «нераздѣльный» (inseparable).

При современномъ состояніи науки и философіи, разумѣется, слишкомъ легко подвергать критикѣ основныя положенія Локка. Опытъ, какъ источникъ знанія, для него чисто-индивидуальный; чтобы пріобрѣсти этотъ опытъ, мы должны обладать извѣстными врожденными способностями. Локкъ не умѣетъ иначе объяснить это обстоятельство, какъ тѣмъ, что Богъ одарилъ насъ ими. Такимъ образомъ, Deus ex machina является такою же необходимостью въ его системѣ, какъ и въ системѣ его противниковъ. Локкъ, кажется, не ставилъ себѣ вопроса о возможности естественнаго объясненія присутствія этихъ способностей. Но слѣдуетъ помнить, что только въ очень недавнее время ученые задались подобнымъ вопросомъ. Не только то обстоятельство, что мы имѣемъ «врожденные способности», но и всѣ различія естественныхъ способностей разныхъ людей, то чрезвычайно важное обстоятельство, что въ очень ранній періодъ развитія человѣчества появляются такіа абстрактныя понятія, какъ понятія о пространствѣ, времени, причинности и проч., остаются совершенно необъясненными теоріей Локка. Поэтому для Канта было не особенно трудно показать, что проблема происхожденія знанія осталась Локкомъ нерѣшенной, что апостериорныя опыты предполагаютъ существованіе въ духѣ апіорныхъ понятій. Но Кантъ столь же мало объяснилъ апіорный элементъ нашего знанія; онъ утверждаетъ, что духъ обладаетъ извѣстными формами и категоріями, координирующими и формирующими впечатлѣнія, получаемыя отъ внѣшняго міра, и что онѣ столь же необходимы для пріобрѣтенія опыта, какъ и опытъ необходимъ для ихъ усвоенія въ сознаніи. Но на этомъ, собственно говоря, и кончается его анализъ,—трудно сказать, чѣмъ онъ лучше Deus ex machina Локка. Въ нѣкоторомъ отношеніи даже хуже, потому что съ его философіей мы снова

вступаетъ въ таинственную область врожденныхъ идей. Только принципъ наследственности, оказавшійся столь могущественнымъ для уясненія многихъ затрудненій, представляемыхъ явлениями природы, можетъ, хотя бы и до нѣкоторой только степени, уяснить и этотъ трудный и сложный вопросъ. Здѣсь было бы неумѣстно говорить о попыткахъ приимѣненія этого принципа, но будетъ умѣстно напомнить, что самымъ научнымъ отвѣтомъ на всѣ эти затрудненія будетъ тотъ отвѣтъ, который, слѣдуя аналогіи теоріи, допускаемой теперь всѣми относительно физическаго строенія животныхъ и растений, приписываетъ ихъ образованіе непрерывному дѣйствію причинъ, идущихъ однообразно въ одномъ и томъ же направленіи, — однимъ словомъ, приписываетъ ихъ эволюціи. На основаніи подобной теоріи въ нашемъ знаніи имѣются и апріорный, и апостериорный элементы или, выражаясь точнѣе, существуютъ апріорныя и апостериорныя условія нашего знанія; условія à posteriori — личный опытъ, а условія à priori — унаслѣдованныя умственныя способности, дѣлающіяся все болѣе и болѣе устойчивыми при каждой послѣдовательной передачѣ. Главная заслуга Локка въ исторіи философіи состоитъ въ искусномъ и популярномъ опредѣленіи апостериорнаго элемента знанія и въ мастерскомъ доказательствѣ неудовлетворительности объясненія элементовъ апріорныхъ. Теорія Локка была доведена до крайнихъ ея выводовъ Юмомъ и Гартлеемъ и его, хотя и очень односторонними, французскими послѣдователями — Бондильякомъ и Гельвеціемъ. Реабилитация апріорной стороны знанія Кантомъ была, конечно, необходимою, какъ реакція противъ школы сенсуалистовъ; но, во-первыхъ, она наврядъ ли была необходима, какъ реакція противъ системы самого Локка, такъ какъ Локкъ совсѣмъ не отрицалъ существованія апріорныхъ элементовъ, а, во-вторыхъ, эту реабилитацию едва ли можно назвать съ научной точки зрѣнія особенно удачною, такъ какъ система Канта объясняетъ апріорную сторону знанія не лучше, чѣмъ объясняетъ ее Deus ex machina Локка.

Въ началѣ очерка мы установили ту точку зрѣнія, съ которой смотримъ на дѣятельность Локка, какъ философа и общественнаго дѣятеля. Мы признали въ немъ представителя новыхъ общественныхъ классовъ, выступившихъ на историческую арену не только съ своими матеріальными интересами, но и съ своими политическими требованіями и духовными запросами, — однимъ словомъ, съ извѣстнымъ психическимъ настроеніемъ. Многимъ изъ нашихъ читателей представится затруднительнымъ допустить, чтобы столь высокія отправленія человѣческой дѣятельности, какъ философское мышленіе или религіозныя вѣрованія, находились въ какой-то зависимости отъ извѣстныхъ временныхъ и мѣстныхъ условій, отъ историческихъ явленій вообще, а тѣмъ болѣе отъ приобрѣтенія фактической общественной силы какемъ-нибудь общественнымъ классомъ. Такіе читатели будутъ, пожалуй, готовы допустить, что политическія событія могутъ зависѣть отъ этой причины, но они наврядъ ли допустятъ, чтобы тѣ же причины вызывали и высшія явленія духовной жизни. Мы должны сознаться, что доказательство подоб-

наго положенія до чрезвычайности трудно; наши свѣдѣнія въ той области науки, которая могла бы уяснить эти запутанные вопросы въ области психологій сингенетическихъ группъ, т.-е. общественныхъ классовъ, совершенно недостаточны и въ ней намъ приходится руководиться по большей части только догадками и гипотезами, болѣе или менѣе смѣлыми и болѣе или менѣе вѣроятными. Но смѣемъ думать, что въ выбранномъ нами примѣрѣ вопросъ болѣе ясенъ, чѣмъ во многихъ другихъ случаяхъ. Философія Локка была по преимуществу философіей здраваго смысла; это свойство ея проявляется во всякой строчкѣ, во всякомъ положеніи *Опыта* (надѣемся, что читатель обратилъ вниманіе на два выбранные нами примѣра: на мнѣніе Локка о субстанціи и на его положеніе о возможности для матеріи обладать способностью мыслить), и этотъ здравый смыслъ является «новой метлой», убирающею, по словамъ самого Локка, мусоръ съ пути знанія. Новые общественные слои, несомнѣннымъ представителемъ которыхъ былъ Локкъ въ своей политической дѣятельности, и, какъ увидимъ дальше, въ политическихъ и религіозныхъ трактатахъ, выступая на арену исторической жизни, были такими же «новыми метлами», выметавшими массу накопившагося историческаго мусора въ области политики и религіи, и выметавшими его при помощи именно здраваго смысла, проявившагося въ этой области въ формѣ компромиссовъ. Можно, конечно, возразить, что эти явленія синхроническія, а не находящіяся въ причинной связи; можно объяснять появленіе философіи здраваго смысла скорѣе просто діалектическимъ процессомъ развитія человѣческой мысли, чѣмъ вышеуказанною гипотетическою причинною связью. Но слѣдуетъ принять въ соображеніе, что этотъ діалектическій процессъ развитія повелъ къ появленію философіи здраваго смысла именно въ Англіи, гдѣ появились впервые и такіе слои, а не въ другихъ странахъ, гдѣ философское мышленіе имѣло болѣе яркихъ и сильныхъ представителей, но гдѣ не было тѣхъ общественныхъ условій, о которыхъ мы говорили. Слѣдуетъ принять въ соображеніе и то обстоятельство, что возрожденіе философіи здраваго смысла, хотя и одностороннее, въ формѣ сенсуализма, совпало снова съ появленіемъ новыхъ и именно тѣхъ же самыхъ (т.-е. буржуазн) общественныхъ слоевъ въ другой странѣ. Слѣдуетъ, наконецъ, припомнить, что діалектическій процессъ развитія не помѣшалъ снова уклоненіямъ въ сторону идеализма какъ въ самой Англіи, такъ и въ Германіи. И только въ болѣе позднюю эпоху, при новомъ возрожденіи наукъ, въ свою очередь тоже совпавшемъ съ появленіемъ другихъ новыхъ слоевъ (четвертаго сословія), замѣчается въ области абстрактнаго мышленія поворотъ въ сторону философіи здраваго смысла, хотя, понятно, въ другой, болѣе широкой и болѣе научно обоснованной формѣ. «Помилуй Богъ!—говорилъ Суворовъ. — Все счастье, да счастье—надо же сколько-нибудь умѣнья». Помилуй Богъ, все совпаденіе, да совпаденіе, все синхроническія явленія, — есть же какая-нибудь генетическая связь между явленіями.

Въ заключеніе нашего анализа великаго сочиненія Локка надо сказать

нѣсколько словъ объ общемъ значеніи *Опыта* въ исторіи спекулятивной философіи. Прослѣдить вліяніе Локка на послѣдующее спекулятивное мышленіе значило бы написать исторію философіи. Въ Англіи, Франціи и Германіи найдется не много философовъ, которые не цитировали бы съ выраженіемъ своего одобренія Локка или, по крайней мѣрѣ, не обращали бы вниманія на его аргументы. Въ Англіи *Опытъ* съ самаго начала произвелъ вліяніе на философское мышленіе, главнымъ образомъ, отрицательное. Многіе изъ критиковъ нападали на новую «манеру мыслить» и пытались указать на дурныя послѣдствія для нравственности и религіи, которыя будто бы должно повлечь за собой признаніе идей Локка. Первымъ англійскимъ писателемъ, послѣдовавшимъ по пути, проложенному нашимъ философомъ, былъ Берклей; вліяніе на него его великаго предшественника было столь сильно, что можно сомнѣваться, чтобы Берклей написалъ свои *Принципы* и *Диалоги*, если бы Локкъ не написалъ своего *Опыта*. Локкъ считалъ объектами мыслящаго духа не «вещи», а «идеи», хотя онъ и предполагалъ, что идеи суть представители вещей. Но къ чему, — говорилъ Берклей, — мы должны признавать существованіе «вещей», если разумъ воспринимаетъ только идеи? Локкъ приводилъ понятіе матеріи, понимаемой какъ «сущность», къ «неизвѣстному нѣчто». Какъ же мы можемъ знать, — спрашивалъ Берклей, — что это нѣчто существуетъ? Такимъ образомъ, идеалистическая философія Берклея была одностороннимъ развитіемъ философіи Локка. Юмъ пошелъ еще дальше Берклея и оспаривалъ реальность субстанціи какъ относительно матеріи, такъ и относительно духа и, такимъ образомъ, развилъ философію Локка въ сторону противоположную той, которою занимался Берклей. Намъ нѣтъ надобности говорить объ этихъ двухъ противоположныхъ философскихъ системахъ; замѣтимъ только, что для людей, не занимающихся специально философскими вопросами, объ онѣ представлялись парадоксальными и въ теченіе всего XVIII вѣка Локкъ продолжалъ въ глазахъ такихъ людей быть передовымъ изъ англійскихъ философовъ. Гораций Вальполь (въ 1789 году), вѣроятно, явился выразителемъ мнѣнія обыкновенной читающей публики Англіи, утверждая, что Локкъ былъ первымъ изъ философовъ, внесшимъ въ свои произведенія здравый смыслъ. Во Франціи на *Опытъ* сначала не было обращено особеннаго вниманія. Первое изданіе французскаго перевода раскупилось только въ двадцать лѣтъ, но съ 1723 по 1758 годъ одно изданіе слѣдовало за другимъ. Вольтеръ говоритъ, что ни одного автора такъ мало не читали и такъ много не ругали во Франціи, какъ Локка. Особенно нападали на вышеприведенное его положеніе, что матерія по волѣ Бога можетъ быть вѣстелищемъ мысли. Забывъ сдѣланную Локкомъ оговорку, утверждали, будто Локкъ признаетъ душу вещественной. Вольтеръ указываетъ на эту ошибку; онъ самъ былъ горячимъ поклонникомъ нашего философа. Мальбранш, — говоритъ онъ, — читають ради пріятности его слога, Декарта — ради трудностей его разсужденій, а Локка не читають, потому что онъ просто разуменъ. Не было никогда мыслителя, по мнѣнію Вольтера, столь разумнаго, столь методич-

наго, столь логичнаго, какъ Локкъ. Другіе писали романы о человѣческой душѣ, а Локкъ скромно ограничился тѣмъ, что написалъ ея исторію. Мы уже говорили о вліяніи Локка на сенсуалистовъ и враги послѣднихъ отлично сознавали это вліяніе,—для Де-Местра Локкъ представляетъ посредствующее звено, связующее Гельвеція, Бабаниса и др. съ тѣми принципами, которые, по его мнѣнію, были столь вредны для Франціи и для всего человѣчества. Дежерандо писалъ въ 1813 году, что «всѣ французскіе философы считаютъ за честь быть учениками Локка и признавать его положенія»; крупныя имена Тюрго, Дидро, Д'Аламбера могутъ быть названы среди другихъ признанныхъ его учениковъ. Даже въ то время, когда во Франціи началась реакція противъ вліянія Локка, это вліяніе, все-таки, замѣчается даже на противникахъ его системы, вродѣ Менъ-де-Бирона, Роіе Коллара, Кузена и Жоффруа. И, наконецъ, Локкъ чрезъ посредство Юма вліялъ на Огюста Конта.

Вліяніе Локка было менѣе значительно въ Германіи (и съ вышеизложенной точки зрѣнія это обстоятельство представляется весьма понятнымъ). Первымъ противникомъ его философіи былъ Лейбницъ, напавшій не только на заключенія Локка, но и на его методъ начинать изученіе философіи съ изслѣдованія операций человѣческаго духа. И, тѣмъ не менѣе, онъ признаетъ *Опытъ* одною изъ лучшихъ и наиболѣе уважаемую изъ современныхъ работъ. Но когда мы говоримъ объ отношеніи Локка къ германской философіи, мы невольно вспоминаемъ о Кантѣ. Хотя Кантъ и утверждаетъ, что онъ «пробудился отъ догматическаго сна», прочитавъ Юма, очевидно, что когда онъ писалъ свою *Критику чистаго разума*, онъ вѣлъ въ виду столько же Локка, сколько и Юма. Эти два философа,—реформаторъ англійской и реформаторъ германской философіи,—имѣютъ вообще много общаго, особенно по своему методу обсужденія проблемъ онтологіи, т.-е. по ихъ рѣшенію изслѣдовать раньше рѣшенія этихъ вопросовъ предѣлы, способность и дѣятельность человѣческаго духа.

«Гораздо важнѣе,—справедливо замѣчалъ біографъ Локка,—чѣмъ вліяніе его на другихъ писателей было вліяніе на исторію прогресса и цивилизаціи. Въ эпоху предрасудковъ и общественнаго возбужденія онъ далъ людямъ примѣръ спокойнаго и яснаго мышленія. Въ то время, какъ философія была синонимомъ безплодныхъ изслѣдованій схоластическихъ тонкостей, онъ писалъ такъ, что заинтересовалъ государственныхъ и свѣтскихъ людей. Изслѣдовать вопросъ до самаго его корня, не позволять нашимъ мнѣніямъ вліять на нашъ разумъ противъ очевидныхъ доказательствъ, отринуть при изслѣдованіи истины всѣ предрасудки и всѣ личные интересы, и, притомъ, умѣть относиться мягко и сѣрдечно ко всѣмъ, не бывшимъ столь счастливыми въ этомъ изслѣдованіи, какъ мы,—таковы завѣты его намъ и нашему потомству».

П. Н.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Памяти Эмиля де-Лавелэ.

Бельгійскій ученый Эмиль де-Лавелэ умеръ 23 декабря 1891 года на 70-мъ году жизни и на 46-мъ году ученой и литературной дѣятельности. Многолѣтняя дѣятельность Лавелэ оставила слѣдъ въ различныхъ отрасляхъ знанія. Онъ посвятилъ обширныя изслѣдованія такимъ важнымъ вопросамъ общественной жизни, какъ формы правленія въ современныхъ государствахъ, начальное образованіе въ девятнадцатомъ столѣтіи, современныя причины войнъ въ Европѣ, будущность католическихъ народовъ. Историкъ литературы найдетъ много поучительнаго въ его двухтомномъ трудѣ *О Нибелунгахъ и Эддахъ*. Этнографъ почерпнетъ много любопытнаго въ его *Письмахъ объ Испаніи* и особенно въ его книгѣ *О Балканскомъ полуостровѣ*. Но главная масса его ученаго труда была затрачена на разработку вопросовъ народнаго хозяйства. Особенности его таланта обнаружались наиболѣе ярко при изслѣдованіи экономическихъ явленій и высокая научная репутація была, главнымъ образомъ, связана съ его заслугами предъ политическою экономіей. Настоящая замѣтка и послужитъ краткою характеристикой того, что сдѣлалъ Лавелэ для политической экономіи.

Уважемъ, прежде всего, на слабую сторону этого писателя. Ему чуждо пониманіе важности, которую имѣетъ въ политической экономіи дедуктивный методъ. Онъ проходитъ съ закрытыми глазами мимо крупныхъ, выражусь сильнѣе, великихъ завоеваній, которыя были сдѣланы экономистами-классиками и навсегда остались достояніемъ научной мысли. Онъ совершенно упускаетъ изъ вида полную аналогичность многихъ экономическихъ законовъ (таковы законы поземельной ренты, соотношенія между суммою денегъ и цѣнами товаровъ, законы потребленія и другіе) съ законами внѣшней природы, когда говоритъ, что «законы, надъ изученіемъ которыхъ работаетъ политическая экономія, не суть законы природы; это законы, исходящіе отъ законодателя» *). Недостаточное пониманіе дедуктивнаго метода въ наукѣ о народномъ хозяйствѣ и служитъ главною причиною того, что Лавелэ не внесъ своего вклада въ запасъ теоретическихъ положеній, которыми уже владѣетъ политическая экономія.

*) *Éléments d'économie politique*, 3 éd. 1890, 17.

Но если мы предъявимъ Лавелё требованіе, которое ставитъ экономистамъ историко - реалистическая школа, то бельгійскій ученый выступитъ передъ нами очень крупною величиной, имѣющею право на одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ среди сторонниковъ этого направленія. Опѣнка каждаго явленія народнаго хозяйства въ связи со всѣми условіями мѣста и времени, въ связи съ нравами, обычаями, высотой знаній, тѣлесною силой населенія и его трудовыми навыками, въ связи съ религіозными вѣрованіями, съ характеромъ и направленіемъ внѣшней и внутренней политики, — таковъ приѣмъ, которому Лавелё не измѣняетъ ни въ одномъ изъ своихъ изслѣдованій. Этого способа изслѣдованія держится онъ какъ въ своихъ специальныхъ экономическихъ трудахъ, посвященныхъ сельскому хозяйству Бельгій, такъ и въ общихъ трактатахъ о собственности, о социализмѣ, и въ учебникѣ политической экономіи.

Учебникъ — маленькая карманная книжка — представляетъ, по сжатости и изяществу изложенія и по богатству содержанія, *chef d'oeuvre*, подобныхъ которому трудно найти въ экономической литературѣ. Возьмемъ для примѣра одну страницу учебника, которая отведена вопросу о фондѣ заработной платы, и она познакомитъ насъ съ мастерствомъ, котораго достигъ Лавелё въ сжатомъ изложеніи мыслей. Объ этомъ вопросѣ можно найти довольно много страницъ въ каждомъ курсѣ политической экономіи. А Лавелё въ немногихъ словахъ доказываетъ, что фондъ заработной платы есть фикція, ибо разъ прибыль не образуетъ необходимо-постоянной величины, то на ея счетъ и можетъ возвышаться заработная плата. Каждую главою учебника Лавелё заявляетъ о себѣ, какъ ревностномъ приверженцѣ историко-реалистической школы. Остановимся на одномъ изъ наиболѣе общихъ вопросовъ науки — вопросѣ о производительности труда. Лавелё изучаетъ его во всей полнотѣ и на ряду съ общеизвестными условіями, увеличивающими производительность труда, отмѣчаетъ и такія, которыя очень рѣдко обращаютъ на себя вниманіе экономистовъ. Всѣ условія, способныя, по мнѣнію Лавелё, увеличивать производительность труда, могутъ быть сведены къ 17 пунктамъ. Здѣсь есть такіе, какъ вліяніе внѣшней природы, расовыхъ особенностей населенія, раздѣленія занятій, способовъ вознагражденія за трудъ, технического знанія. Но мы находимъ здѣсь указаніе и на такіе факторы, какъ правосудіе въ данной странѣ, господствующая система права наследованія, политическій строй даннаго государства, философскія ученія и религіозныя вѣрованія. Словомъ, даже при изслѣдованіи одного вопроса, — условій производительности труда, — Лавелё обнаруживаетъ чутье истиннаго социолога, позволяющее ему во всей полнотѣ охватить причины, которыя способствуютъ возрастанію народнаго богатства. Политическому строю государства онъ отводитъ главное мѣсто въ ряду этихъ условій. Возражая на курьезное замѣчаніе Ж. Б. Сая, что благосостояніе народа вовсе не связано съ политическимъ строемъ государства, Лавелё говоритъ: «Это — глубокое заблужденіе, ибо ничто не благопріятствуетъ въ такой мѣрѣ народному богатству, какъ хорошее правительство, и ничто не имѣетъ столь

гибельнаго вліянія на економічну жизнь, какъ дурное правительство. Это доказываетъ исторія всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ... Въ молитвахъ, возносимыхъ къ небу, мы просимъ избавить насъ отъ тяжелыхъ болѣзней, голода и войнъ; но все это—скоропреходящія бѣдствія; плодородіе браковъ и прилежный трудъ населенія вскорѣ заглаживаютъ потери. Дурное же правительство является многолѣтнимъ бѣдствіемъ. Пока оно существуетъ, бѣдствія, производимыя имъ, все болѣе увеличиваются *)). Въ связи съ такимъ отношеніемъ къ правительству стоитъ и его оцѣнка государственнаго вмѣшательства въ экономическую жизнь народа. Онъ не раздѣляетъ требованій социализма, что государство должно всесторонне регулировать общественное хозяйство, но стоитъ далеко «отъ возврѣнія, особенно распространеннаго во Франціи, что правительство должно быть только охранителемъ личности и собственности». Если бы люди ясно сознавали свои интересы, свои права и обязанности, то они добровольно дѣлали бы то, что должны дѣлать, и воздерживались бы отъ того, что дѣлать не слѣдуетъ. Всякое принужденіе было бы излишне. Государство вовсе не было бы нужно. Это было бы царство истинной свободы, которая состоитъ въ томъ, чтобы дѣлать добро». Онъ согласенъ съ Жюлемъ Симономъ, что государство призвано работать надъ тѣмъ, чтобы сдѣлать себя излишнимъ; но это не должно наступить преждевременно. Большой историческій тактъ обнаруживаетъ Лавелэ и въ оцѣнкѣ социализма. И до сихъ поръ очень немногіе писатели оцѣниваютъ социализмъ, какъ цѣльную и законченную систему, которая объясняется не парадоксальностью ума и пылкостью фантазіи какого-нибудь Фурье, Овена, Маркса или Лассаля, а всѣми условіями экономической жизни Европы за послѣднія сто лѣтъ. Поэтому въ огромной литературѣ по социализму мы находимъ очень небольшое число трудовъ, имѣющихъ дѣйствительно научное значеніе; все остальное, поскольку оно не выходитъ изъ-подъ пера приверженцевъ социализма,—поверхностно, пристрастно, не имѣетъ ни малѣйшей цѣны. Книга Лавелэ *О современномъ социализмѣ*, не чуждая ошибокъ, относится къ тѣмъ трудамъ, которые составляютъ важное приобрѣтеніе историко-критической литературы. Во французской литературѣ Лавелэ можетъ быть поставленъ на ряду съ Рейбо; но почти полвѣка, раздѣляющіе этихъ писателей, несравненно большее развитіе явленій, характеризующихъ социализмъ, позволяютъ Лавелэ дѣлать болѣе широкія обобщенія и предсказанія, нежели тѣ, которыя въ первой половинѣ настоящаго вѣка были подъ силу даже очень проникательнымъ умамъ.

Наиболѣе слабую стороной изслѣдованія Лавелэ о социализмѣ является недостаточное мѣсто, отведенное Родбертусу. Хотя авторъ и говоритъ о болѣемъ значеніи этого писателя для новаго періода въ развитіи социализма, однако, дѣлаетъ слишкомъ бѣглый обзоръ той богатой сокровищницы научныхъ положеній и оригинальныхъ мыслей, которую оставилъ

*) *Eléments*, 66—68.

Родбертусъ. Слова автора, что Родбертусъ — писатель мало знакомый за границей *), вполне применимы и къ самому Лавелю. Мы тѣмъ охотнѣе отмѣчаемъ эту слабую сторону книги о социализмѣ, что, вообще, она богата содержаніемъ и стоитъ на высотѣ научныхъ требованій, которыя можно предъявить подобному труду. Давая общую оцѣнку социализма, какъ системы общественнаго переустройства, Лавелю дѣлаетъ обзоръ многихъ церковныхъ писателей изъ первыхъ вѣковъ христіанства, — писателей, которые рѣзко порицаютъ неравномѣрное распредѣленіе богатствъ, и говорить, что въ Библии можно найти всѣ зачатки того, что мы находимъ у наиболѣе разумныхъ представителей социализма. «Христіанство глубоко запечатлѣно въ нашихъ сердцахъ и умахъ тѣ чувства и мысли, которыя и даютъ происхождение социализму. Кто внимательно читаетъ пророчества Ветхаго Завета и Евангеліе и, въ то же время, присматривается къ условіямъ современной экономической жизни, тотъ неизбѣжно порицаетъ ихъ во имя евангельскаго идеала. Въ каждомъ христіанинѣ, который понимаетъ заповѣди Учителя и чтитъ ихъ, есть извѣстный осадокъ социализма, и каждый социалистъ, если онъ даже отрицаетъ всѣ религіи, безсознательно носитъ въ себѣ зачатки христіанства. Только дарвинисты и экономисты, которые утверждаютъ, что нужно дать полную свободу естественнымъ законамъ, управляющимъ человѣческими обществами, являются послѣдовательными противниками, въ одно и то же время, и социализма, и христіанства» **). Эта связь представляется Лавелю до такой степени тѣсною и неразрывною, что онъ считаетъ возможнымъ побѣдить социализмъ только окончательнымъ изсушеніемъ тѣхъ источниковъ, откуда онъ истекаетъ и которые навсегда связаны съ современною цивилизаціей.

«Если хотятъ искоренить социализмъ, — говорятъ онъ, — то нужно поразить его въ его источникѣ и средствахъ распространенія: нужно осудить христіанство, сжечь Библию, учить виѣстѣ съ древними философами, что естественное неравенство людей освящаетъ рабство; нужно положить конецъ всеобщему народному образованію и періодической печати. Если существующее нынѣ неравенство состояній необходимо, то каждая вновь открытая школа, типографія, каждое расширеніе политическихъ правъ является уже посягательствомъ на общественный порядокъ» ***). Мысль о тѣснѣйшей связи наиболѣе существенныхъ идей социализма со всѣми устоями современной европейской цивилизаціи убѣдительно доказывается, по мнѣнію Лавеля, уже тѣми разнообразными формами, которыя приняло это ученіе, и различными школами, которыя возникли на этомъ фундаментѣ: здѣсь есть представители разныхъ общественныхъ слоевъ и весьма несходныхъ между собою политическихъ партій; рабочій классъ, длинный списокъ людей науки, члены католической и протестантской церквей, отъ епископовъ до скромныхъ сельскихъ священниковъ, нѣкоторые государ-

*) *Le socialisme contemporain*, 3 éd. 1891, 16.

**) Тамъ же, XVIII.

***) Тамъ же, XLI.

ственные люди, въ значительной степени Бисмаркъ. Отдѣльныя партіи во многомъ отличаются одна отъ другой, но всѣ имѣютъ и общую черту—стремленіе ограничить личную свободу тамъ, гдѣ она выражается въ произволѣ сильнаго насчетъ слабыхъ, и тѣмъ содѣйствовать благу многочисленной и бѣднѣйшей массы населенія. Но столь объективная оцѣнка системъ общественнаго переустройства не мѣшала бельгійскому ученому относиться съ самымъ строгимъ порицаніемъ ко всѣмъ насильственнымъ переворотамъ, которыми хотятъ проложить путь для торжества новыхъ общественныхъ порядковъ: большее равенство между людьми не можетъ быть вызвано насиліями; всѣ насилія вызываютъ ожесточеніе однѣхъ общественныхъ группъ противъ другихъ, и ведутъ къ усиленной реакціи.

Большой историческій смыслъ проявляетъ Лавелё и при оцѣнкѣ формъ права собственности. Въ концѣ 70-хъ годовъ, когда книга бельгійскаго экономиста о первобытныхъ формахъ права собственности вышла первымъ изданіемъ, научная литература уже обладала трудами Маурера, Мэна и другихъ, которые проливали много свѣта на древнія формы землевладѣнія. Но весь этотъ богатый научный матеріалъ не имѣлъ достаточнаго вліянія на мышленіе новыхъ экономистовъ. По Мауреру знакомились со всѣми частностями общиннаго строя у древнихъ германцевъ, научались объяснять каждую особенность этого строя всѣми условіями жизни того времени, но для настоящихъ и будущихъ поколѣній превосходство частнаго землевладѣнія казалось стоящимъ внѣ спора. Еще въ 1871 году Адольфъ Вагнеръ напечаталъ брошюру *Объ отжити права частной земельной собственности*, гдѣ на общинное землевладѣніе возводятся всевозможныя обвинения. Экономистамъ Западной Европы, en passe (даже большинству экономистовъ историко-реалистической школы), совершенно измѣняло историческое чутье при сравненіи частной поземельной собственности съ разными первобытными формами владѣнія землей: изъ историковъ и безпристрастныхъ критиковъ они становились людьми партіи; отношеніе къ частной земельной собственности изъ научной оцѣнки становилось хвалебнымъ гимномъ. Въ средѣ западно-европейскихъ ученыхъ Лавелё принадлежитъ честь совершить рѣзкій поворотъ отъ привычныхъ взглядовъ на преимущества частнаго владѣнія землею. Читатель, изучающій по книгѣ Лавелё древнія формы поземельной собственности у славянъ и германцевъ, индусовъ, египтянъ и турокъ, получаетъ увѣренность въ томъ, что весь собранный матеріалъ служитъ автору не только для ряда историческихъ обобщеній, что все это бельгійскій экономистъ обозрѣваетъ не только *ad docendum*, но и *ad legem ferendam*. Изученіе того, что прошло или что отживаетъ вѣкъ и сохранилось только въ архаическихъ обломкахъ, заставляетъ Лавелё заключить, что многое въ сѣдой старинѣ не было отвѣтомъ только на текущія потребности людей, не удовлетворяло нужды только тогдашнихъ поколѣній, но служило къ огражденію свободы и равенства, которыя всегда составляютъ драгоцѣннѣйшее достояніе человѣчества. Бельгійскій писатель проводитъ мысль, что разложеніе старыхъ первобытныхъ формъ

поземельной собственности оставило пробѣлъ, который ничѣмъ не пополненъ. Такъ какъ разложенеіе этихъ формъ было только отчасти послѣдствіемъ измѣненій въ земледѣльческой техникѣ, главнымъ же образомъ оно явилось результатомъ насажденій или расы побѣдителей надъ побѣжденнымъ племенемъ, или господствующаго сословія надъ крестьянствомъ, то оно не было роковою необходимостью. А разъ нужно допустить это, то логично сдѣлать выводъ, что частная поземельная собственность не есть наилучшая форма владѣнія землей, что можно многому поучиться у предковъ, можно воскресить многое, что изгнано, а не само сошло со сцены исторіи. Поземельные порядки, близкіе къ старому общинному строю, не легко могутъ замѣнить въ странахъ старой цивилизаціи привычное *jus utendi et abutendi* *re sua*. Иначе—въ странахъ молодой культуры: тамъ широкій просторъ для творчества; тамъ—бѣлая доска, на которой поселенцы могутъ создать такой общественный порядокъ, который наиболѣе соответствуетъ интересамъ всего народа.

«Во всѣхъ первобытныхъ обществахъ, въ Азіи, Европѣ, Африкѣ, у славянъ и германцевъ, въ Россіи и на Явѣ, земля, будучи общою собственностью рода, периодически дѣлилась между всѣми семьями, дабы всѣ онѣ могли жить трудами своихъ рукъ, сообразно съ велѣніями природы. Каждый достигалъ благосостоянія сообразно со своимъ трудолюбіемъ и способностями; во всякомъ случаѣ, никто не былъ окончательно лишенъ средствъ существованія, и тѣмъ предупреждалось возростаніе неравенства. Въ большой части странъ эта первобытная форма собственности уступила мѣсто частной; вслѣдъ за этимъ явилось неравенство состояній, господство однихъ классовъ и болѣе или менѣе полное порабощеніе работника. Но въ Швейцаріи, на-ряду съ частнымъ землевладѣніемъ, въ общей собственности осталась значительная часть территоріи каждой общины; это—алменда, собственность всѣхъ» *). Я не думаю, что исторія раскрываетъ намъ право. Изъ того, что извѣстное учрежденіе существовало многие вѣка, не слѣдуетъ, что оно законно, что оно должно быть сохранено или восстановлено. Но, во всякомъ случаѣ, изъ факта его продолжительнаго существованія нужно заключить, что оно отвѣчало на чувства и потребности людей въ теченіе многихъ вѣковъ. Примемъ, однако, въ расчетъ, что всѣ доводы, которыми пользуются юристы и экономисты для оправданія собственности римскаго образца, не выгораживаютъ ея дурныхъ вліяній, а, напротивъ, оправдываютъ первобытную собственность, которая господствовала въ древнихъ обществахъ и освящалась мировымъ чувствомъ инстинктивной справедливости.

«Стоитъ поразмыслить надъ этимъ всеобщимъ фактомъ, проистекающимъ изъ согласія всѣхъ. Слѣдуетъ поразмыслить надъ этимъ, тѣмъ болѣе, что собственность, рассматриваемая какъ всеобщее естественное право, наиболѣе соответствуетъ чувствамъ равенства и милосердія, которыя ста-

*) *De la propriété*, 2 éd. 1877, XVII, XVIII.

рается пробудить въ насъ христіанство. Знакомство съ первобытными формами собственности имѣеть непосредственное значеніе для новыхъ земель, Австраліи и Соединенныхъ Штатовъ, которыя имѣють огромныя незанятая пространства, могущія принять общинное землевладѣніе. Наше старое общество достигнетъ порядка болѣе согласнаго съ справедливостью и требованіями христіанства только посредствомъ общественной борьбы, въ которой можетъ погибнуть свобода; новыя же общества, которыя слагаются въ другихъ полушаріяхъ, могутъ избѣгнуть этихъ страшныхъ испытаній, если извлекутъ поученіе изъ исторіи и усвоятъ учрежденія, которыя во многихъ странахъ способствовали общему благу. Крайне необходимо, чтобы въ каждой общинѣ удерживалась часть территоріи для пожизненнаго распределенія ея между всѣми семьями, какъ это дѣлается въ нѣкоторыхъ контонахъ Швейцаріи. Граждане Америки и Австраліи, не усвояйте уважнаго и жестокаго права, которое мы заимствовали у римлянъ. Возвратитесь къ старымъ традиціямъ вашихъ предковъ» *).

Трудъ Лавелю о формахъ собственности имѣеть специальное значеніе для насъ, русскихъ. Съ половины 70-хъ годовъ изъ среды русскихъ ученыхъ стали раздаваться голоса, что общинное владѣніе землею представляеть гораздо меньше невыгодъ, нежели утверждали противники общины. Хотя эти доводы **), опираясь на изученіе общины, были болѣе убѣдительны, нежели теоретическая защита общины писателями 50-хъ годовъ, однако, уже по тому одному, что это были голоса русскихъ экономистовъ, всегда оставался болѣе или меньшій просторъ для предположенія, что ими руководитъ не одно знаніе, но и пристрастная любовь къ старой формѣ владѣнія землею, къ формѣ, которая стала національною, такъ какъ исчезла почти во всей Европѣ. Голосъ бельгійца, гражданина страны, въ которой индивидуализація поземельной собственности достигла наибольшаго развитія, имѣеть особый вѣсъ и служить сильною поддержкой для всѣхъ, отстаивающихъ земельную общину.

Стремленіе къ идеалу никогда не покидаетъ Лавелю въ его экономическихъ изысканіяхъ. Оно выражается то въ формѣ требованій относительно частной жизни людей, то въ видѣ предсказаній относительно общественнаго строя, который когда-нибудь долженъ осуществиться. Уже на первыхъ страницахъ своего учебника Лавелю устанавлиеть связь между политической экономіей и нравственностью: нравственныя начала, по его мнѣнію, должны стоять во главѣ всѣхъ актовъ экономической жизни. «Мораль требуетъ отъ насъ умеренности въ потребностяхъ, усердія и добросовѣстности въ трудѣ, вѣрности даннымъ обязательствамъ, бережливости и предусмотрительности въ затратахъ нашихъ доходовъ, соблюденія справедливости въ нашихъ отношеніяхъ къ ближнимъ. Каждое изъ этихъ предписаній является также существеннымъ правиломъ экономической жизни» ***). Во главѣ о потребностяхъ мы

*) Тамъ же, XXII—XXIII.

***) Таковы труды Посыникова и Орлова объ общинномъ землевладѣніи.

***) *Elements*, 8.

находимъ слѣдующія краснорѣчивыя и убѣдительныя строки: «Не правы тѣ, которые утверждаютъ, что нужно измѣрять успѣхи цивилизации многочисленностью удовлетворенныхъ потребностей; невѣрно и то, будто слѣдуетъ безостановочно умножать потребности для рѣшенія экономическихъ задачъ. Древняя мудрость и христіанская мораль проповѣдывали умѣренность въ потребностяхъ, согласно съ прекраснымъ поученіемъ Сенеки: «если хочешь быть богатъ, то уменьшай свои желанія, вмѣсто того, чтобы накапливать богатство». Экономистъ не станетъ возражать Сенекѣ... Поощрять безконечное возрастаніе потребностей значитъ толкать человѣчество на путь чувственной жизни, которая служитъ смертью для добродѣтели, а вслѣдствіе того и для свободы. Правъ былъ Аристотель, говоря, что количество благъ, которыя дѣлаютъ жизнь человѣка счастливою, ограничено. Величайшіе благодѣтели человѣчества: Іисусъ, Будда, Зороастръ, Спиноза—довольствовались немногимъ, такъ какъ жили жизнью духа, которая и есть истинная жизнь. Душа апостола въ закаленномъ тѣлѣ, каковы были Сократъ и св. Павелъ, вотъ образцы, на которые долженъ указывать экономистъ» *). Сообразно съ этимъ, Лавелё признаетъ многія потребности ложными; онѣ не только не способствуютъ человѣку въ его истинныхъ жизненныхъ цѣляхъ, но даже задерживаютъ развитіе его способностей, таковы: спиртные напитки, опиумъ, табакъ, драгоценныя камни. Съ этимъ связано и требованіе, которое онъ предъявляетъ машинамъ. «Прискорбно думать,—говоритъ Лавелё,—что неутомимые работники изъ желѣза и стали пожираютъ силу людей, которымъ они призваны служить. Нужно, чтобы машины дѣйствительно облегчали человѣческій трудъ, чтобы онѣ служили не для изготовленія все большей и большей массы продуктовъ, а для того, чтобы доставлять работнику большій досугъ и дѣлать возможнымъ для него истинно-человѣческое существованіе» **).

Всѣ эти и многія имъ подобныя положенія Лавелё не имѣли бы большаго значенія, если бы онъ ограничивался только областью частной морали и считалъ возможнымъ такое улучшеніе экономической жизни при господствѣ настоящаго порядка вещей. Но онъ глубоко сознаетъ всѣ несовершенства современнаго общественнаго строя и требуетъ коренныхъ его измѣненій. Здѣсь мы находимъ большое превосходство Лавелё сравнительно со многими германскими представителями историко-реалистическаго направленія. Многія изъ нихъ, требуя разныхъ частичныхъ измѣненій въ экономической жизни, охотно подчиняются такъ называемой исторической необходимости и цѣпко держатся за узко-національное начало, опирающееся на милитаризмъ. Ромеръ, излагая начала переселенческой политики, не можетъ воздержаться отъ замѣчанія, что балканскія земли и Константинополь «Богъ дастъ перейдутъ въ собственность нѣмцевъ». Вагнеръ примиряется съ необходимостью тяжелаго для европейскихъ наро-

*) Тамъ же, стр. 21—22.

**) Тамъ же, стр. 101.

довъ военнаго бюджета и считаетъ возможнымъ въ немъ только частичныя сокращенія *). Для Лавелэ тѣсны эти рамки узкаго націонализма: Онъ не можетъ примириться съ мыслью, что все совершающееся разумно только потому, что является слѣдствіемъ извѣстныхъ причинъ; онъ убѣжденъ, что многого можно было бы избѣгнуть, если бы разумъ и любовь къ ближнимъ были чаще руководителями человѣческихъ поступковъ. «Нельзя отстаивать положеніе, — говоритъ онъ, — будто въ человѣческомъ обществѣ, подобно тому, какъ во внѣшнемъ мірѣ, существующій порядокъ есть наилучшій; иначе мы признаемъ законными всѣ общественныя несправедливости, а всякую попытку къ реформамъ назовемъ безуміемъ и даже посягательствомъ на законы природы **). Идеалъ общественной жизни осуществляется для Лавелэ не въ тѣсныхъ національно-замкнутыхъ государствахъ, вооруженныхъ съ головы до ногъ и подстерегающихъ другъ друга съ оскаленными зубами, а въ мирномъ союзѣ свободныхъ, самоуправляющихся общинъ, владѣющихъ своею территоріей. Наступитъ день, — говоритъ бельгійскій мыслитель, — когда государство будетъ состоять изъ такихъ общинъ, «а союзъ подобныхъ государствъ будетъ современемъ организаціей всего человѣческаго общества» ***).

А. Исаевъ.

*) См. *Wagner*: „Lehrbuch der Finanzwissenschaft“.

***) *De la propriété*, p. 390.

***) Тамъ же, стр. 122.

Судебная защита жертвъ промышленной эксплуатаціи.

I.

Широко живется нарождающемуся мѣлоу русской промышленности. Безчисленные трубы и паровые двигатели возносятъ къ нему свои дымящіеся енисіамы; непрестаннымъ гуломъ и грохотомъ аппаратовъ раздаются гимны въ честь его золотой утробы; тамъ, гдѣ еще недавно непочатая мощь сельскаго затишья повила одинокаго странника, нектово гудятъ машины, пронзительно свиститъ локомотивъ, по лѣсамъ лютуетъ беспощадный топоръ, заражается воздухъ, отравляются рѣки; вокругъ каменныхъ закоптѣлыхъ громадъ суетится черномазый людъ, и въ нависшемъ надъ всѣмъ этимъ густомъ и смрадномъ дымѣ исчезаетъ небо, углемъ испепеляется земля и уходитъ прочь «первоначальная ясность души».

Но и этого мало ненасытному мѣлоу: онъ проситъ крови, человѣческихъ жертвъ. И вотъ у жертвенниковъ, денно и ночно, «отъ хладныхъ финскихъ скалъ до пламенной Колхиды», идетъ бойкая, непрестанная хирургическая работа. Наши желѣзныя дороги, наши фабрики и заводы, наши воздвигаемыя зданія тароваты на эти жертвоприношенія; суетящемуся черномазому людю—то здѣсь, то тамъ—приходится то и дѣло складывать свои головы, терять свои руки и ноги, втягиваться приводными ремнями въ смертоносное нутре аппарата, взвиваться на колесѣ его, задыхаться отъ газовъ, жариться въ кипяткѣ и во всѣхъ этихъ «несчастныхъ случаяхъ» извѣдывать ужасъ своего смертнаго часа въ самой мучительнѣйшей обстановкѣ или получать, вмѣсто прежней скудной заработной платы, щедрое поминзненное калѣчество. Изувѣченная нищета выбрасывается прочь, какъ бракованный товаръ, какъ негодный къ эксплуатаціи хламъ, а на ея мѣсто тотчасъ же напращивается голодная толпа дешевыхъ кандидатовъ.

При такомъ положеніи дѣла судебная защита этихъ искалѣченныхъ «отбросовъ промышленности» приобретаетъ, кромѣ юридическаго, глубокое социальное значеніе, а вопросъ: когда же придетъ конецъ этому канибальскому прѣшеству?—становится истюю злобою дня.

Пока, кромѣ такой защиты, у насъ ни налицо, ни въ близкомъ будущемъ ничего еще не имѣется; но и при организаціи иныхъ средствъ протѣвостіи злу, каковы, наприм., страхованіе рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ, самопомощь союзныхъ кассъ, спеціальныя фонды, обязательныя постановленія о мѣрахъ охраны и т. п. начинанія, все-таки, за судебною защитой сохранится первенствующее въ этомъ направленіи значеніе уже по одному тому, что, какъ бы предусмотрительно ни оказалась регламентація подобныхъ мѣропріятій, она бессильна обнять собою полную казуистику явленія, а государственныя, общественныя и личныя интересы, замѣшанныя въ вопросѣ, такъ разнообразно комбинируются въ томъ или иномъ практическомъ проявленіи своемъ, такъ часто оказываются несогласованными, даже враждебными между собою, такъ трудно поддаются общему нивелирующему воздѣйствію, что какъ возстановленіе поправнаго права, такъ и предупрежденіе его нарушеній легче достигаются факторами, дѣйствующими не а priori, но а posteriori.

II.

Отвѣчаютъ ли, однако, такой, пока единовластвующей надъ зломъ, роли уголовного правосудія тѣ бытовыя условія данной сферы его и тѣ принципиальныя указанія кодекса, при которыхъ оно отправляется? Далекое нѣтъ. Эти бытовыя условія и эти принципиальныя указанія, исходя отъ двухъ противоположныхъ началъ, въ общемъ итогѣ своемъ низводятъ эту роль до самыхъ микроскопическихъ размѣровъ.

Рѣзкая, глубокая грань отдѣляетъ рассматриваемую группу преступныхъ правонарушеній отъ остальныхъ наказуемыхъ дѣяній. Эта группа обнимаетъ собою не единичныя, случайныя проявленія злой воли того или иного индивида, а коллективное, дѣлающееся, массовое зло, проводники котораго, дробясь на безконечно малыя величины, исчезаютъ отъ надзора и преслѣдованія; безопасная повторяемость этихъ преступныхъ правонарушеній способна даже притупить восприимчивость преслѣдователя, обращая ихъ въ заурядныя и какъ бы роковыя явленія повседневной стихійной жизни. Сравнительно меньшая степень прямо направленной злоумышленности смягчаетъ отчасти то негодованіе, которое возбуждается зрѣлищемъ періодической гибели людей за тѣмъ трудомъ, который служитъ имъ единственнымъ, скуднымъ и, притомъ, всячески урѣзываемымъ достояніемъ, едва способнымъ на то, чтобы спасти труженика отъ голодной смерти. Но отъ этой сравнительно менѣ чувствительной злонамѣренности преступленіе *нисколько не теряетъ своего опаснаго характера, своего антисоціальнаго значенія* по тому бытовому «авось», по тому безбожному равнодушію къ благу или бѣдѣ ближняго, по тому повальному своекорыстію, при которыхъ любая фабрика, любое воздвигаемое зданіе, любая строящаяся или эксплуатируемая желѣзно-дорожная вѣтвь образуютъ своею совокупностью необъятную арену для преступности даннаго порядка, свирѣпствующей здѣсь эпидеми-

чески, если безъ особенно острой формы, то съ неутомимою, безъисходною хроничностью и съ необъятнымъ контингентомъ жертвъ.

Лишь ничтожная доля всего совершающагося на этой аренѣ восходить до суда, благодаря: 1) авторитетному положенію обвиняемыхъ, 2) крайней затруднительности, граничащей нерѣдко съ невозможностью, предъявленія иска для пострадавшихъ и 3) тѣмъ законодательнымъ ограниченіямъ судейской свободы, о которыхъ будетъ сказано ниже, и *изъ этой ничтожной доли* исключается, кромѣ того, вызываемый тѣми же условіями очень значительный процентъ оправданій или прекращеній возбужденныхъ преслѣдованій до разсмотрѣнія ихъ на судѣ. Возьмемъ для примѣра наиболѣе частый, типическій случай травматическаго поврежденія при эксплуатаціи, положимъ, фабричнаго труда.

Дѣйствующіе на фабрикѣ механизмы старой системы, давно усовершенствованной на Западѣ и устранивающей, такимъ образомъ, тѣ *несчастные случаи*, которые у насъ *по собственной неосторожности* (налюбленная причина «несчастія» въ полицейскихъ дознаніяхъ), убиваютъ и калѣчатъ людей; состоящій на фабрикѣ техникъ уже не разъ указывалъ ея хозяину на необходимость ремонта или передѣлки, но эти указанія оставались всегда безъ всякихъ послѣдствій по весьма простому коммерческому расчету: хозяину предстояло избрать одно изъ двухъ—или затратить порядочную сумму на передѣлку или ремонтъ опаснаго рабочему, но пригоднаго еще въ фабричномъ обиходѣ механизма, или потерять этого рабочаго съ тѣмъ, чтобы тотчасъ же и на тѣхъ же условіяхъ замѣнить его новымъ изъ той толпы, добывающейся «шѣстечка», которую сторожъ тонитъ отъ воротъ фабрики, а «случай» отнести на счетъ «собственной неосторожности»; хозяинъ, разумеется, избираетъ послѣднее. Наступаетъ «катастрофа»; и тутъ хозяину такая же свобода выбора: если послѣ убитаго оказывается вдова или сироты, имъ предлагается «отъ щедротъ» или «изъ жалости» ничтожное вознагражденіе, обѣщается производить таковое и «на предбудущее время», если онѣ не вздумаютъ тягаться на судѣ и «утруждать начальство», отчего имъ «никакого интересу не будетъ», а вознагражденія онѣ въ такомъ разѣ уже лишатся. Затѣмъ слѣдуетъ нѣсколько одновременныхъ подачекъ, скоро, однако, прекращаемыхъ; наследниковъ уже «до самого не допускаютъ», «рѣчей отъ нихъ не принимаютъ», и имъ остается прибѣгнуть къ правосудію; но коротенькая, полагающаяся по уложенію для такихъ «проступковъ» давность оказывается уже истекшею, въ уголовномъ преслѣдованіи получается на этомъ основаніи отказъ, а гражданскій судъ оставляетъ искъ безъ разсмотрѣнія за немѣніемъ уголовного приговора, констатирующаго вину хозяина, какъ причину гибели рабочаго. Это—одинъ исходъ, а вотъ и другой, не менѣе благоприятный: пострадавшій или его наследники заявляютъ свою жалобу; начинается дѣло; экспертъ на слѣдствіи указываетъ на несовершенство и анахронизмъ аппарата, какъ на причину смерти или увѣчья; требующагося закономъ «постановленія, ограждающаго общественную или личную безо-

пасность», не оказывается, а внѣ его нарушенія нѣтъ и виѣняемости: «явно неосторожное дѣяніе», обусловливающее эту виѣняемость въ другомъ случаѣ, также не обрисовывается передъ судомъ въ ясныхъ очертаніяхъ, такъ какъ техникъ, указывавшій хозяину на необходимость ремонта, очень хорошо знаетъ, что если онъ обнаружитъ такое собесѣдованіе передъ судомъ, то не только потеряетъ свое мѣсто, но съ нимъ и всякую вѣроятность найти другое, потому что всѣ предприниматели не только не пустятъ такого «козла въ огородъ», но примутъ и всѣ мѣры, чтобы хорошо проучить юнаго героя. И суду остается лишь сказать: «нѣтъ, не виновенъ».

Таковы общія очертанія бытовой обстановки вопроса, тѣсняція всюду сферу судебной защиты, и безъ того уже до крайности стѣсненную правовыми своими нормами, къ разсмотрѣнію которыхъ мы и переходимъ теперь.

III.

Неосторожнымъ дѣяніямъ, отъ которыхъ послѣдовала смерть или поврежденіе здоровья, въ дѣйствующемъ уложеніи о наказаніяхъ посвящена длинная вереница статей, разбросанныхъ по разнымъ отдѣламъ его; общія же указанія состава преступленія нормированы въ 1466, 1468 и 1494 ст. Виѣняемость обусловливается ими наличностью или «дѣйствія, противнаго ограждающимъ личную безопасность и общественный порядокъ постановленіямъ, послѣдствіемъ котораго, хотя и неожиданнымъ, причинятся кому-либо смерть, увѣчья или поврежденія здоровья», или «дѣянія, закономъ не воспрещеннаго и такого рода, что нельзя было съ вѣроятностью ожидать вредныхъ отъ него послѣдствій, но, однако же, *явно неосторожнаго*» и съ тѣмъ же смертельнымъ исходомъ.

Обусловленная такимъ образомъ виѣняемость, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, связываетъ судъ, заставляя его искать свою рѣшающую правду *не въ сущестѣ разсматриваемаго дѣянія, а внѣ его*,—въ условіяхъ и обстоятельствахъ до того объективныхъ, что размысанная связь ихъ съ содѣяннымъ обвиняемымъ зломъ представляетъ собою рѣдкое, случайное, счастливое исключеніе. Подобныхъ постановленій, *безъ нарушенія которыхъ при данной редакціи закона нѣтъ и вины*, у насъ очень мало. Издаются они разными «уполномоченными» на то властями и вѣдомствами *post factum*, такъ сказать, заднимъ числомъ, вызываясь тою или иною «катастрофою», и совершенно бессильны а ргіогі отразить въ себѣ всѣ случайности и неожиданности, растущія вмѣстѣ съ техническими усовершенствованіями и промышленнымъ развитіемъ, въ наше время такъ быстро мѣняющимися свои формы и проявленія; сверхъ всего этого, они не кодифицированы, не согласованы, не имѣютъ ни сборниковъ, ни указателей, при которыхъ руководство ими было бы сколько-нибудь доступнымъ. А безъ этихъ «постановленій» нѣтъ вины, нѣтъ ни обвиняемаго, ни пострадав-

шаго, нѣтъ и святаго права его на вознагражденіе; такимъ образомъ, жизнь пострадавшаго, его первѣйшіе, насущнѣйшіе интересы поставлены въ *прямую* зависимость отъ явленій, *ничего общаго съ событіемъ преступленія не имѣющихъ* и не всегда доступныхъ добросовѣстнѣйшей предусмотрительности законодателя или вѣдомства, уполномоченнаго имъ издавать правила, инструкціи и циркуляры. Судейское убѣжденіе не складывается въ данномъ случаѣ свободнымъ и естественнымъ путемъ умозаключеній, отправляется не отъ факта, составляющаго предметъ разсматриваемаго дѣла, не отъ той или другой степени сознательности, намѣренности или осторожности виновнаго, а оказывается замкнутымъ чуть не въ тѣхъ же тискахъ, какіе сдвигали его свободу въ дореформенныя времена, съ тою лишь разницею, что тогда подбирались формально-указуемая улики, а теперь подбираются постановленія административныхъ властей, имѣющія для суда *центральное и обязательное* значеніе въ составѣ разсматриваемаго имъ дѣланія; судейская совѣсть стѣсняется извнѣ навязываемыми ей условіями, съ природою преступнаго дѣланія ни малѣйшей связи не имѣющими или фигурирующими въ исключительно случайныхъ съ нимъ совпаденіяхъ и искуственныхъ, болѣе или менѣе натянутыхъ комбинаціяхъ. Живая, легко доступная человѣческому пониманію суть объекта судебного разсмотрѣнія оказывается закованною въ заранѣе уготованныя внѣшнія формы, бездушныя и неподвижныя. Въ извѣстномъ, напримѣръ, процессѣ, въ свое время надѣлавшемъ много шума, объ одной горничной, *растерзанной на смерть* собаками, для внѣняемости дѣланія надобилось обращаться къ «постановленіямъ» о *намордникахъ*; въ другомъ, не менѣе громкомъ процессѣ о сгорѣвшихъ заживо на одной фабрикѣ рабочихъ, обвиненію пришлось ухищряться въ пестрой мозаикѣ разнаго рода противупожарныхъ и строительныхъ правилъ, чтобы по возможности прочно установить составъ преступленія. Между тѣмъ, и въ первомъ, и во второмъ случаяхъ преступность «дѣланія» являлась до того очевидною, до того била въ глаза, до того возмущала общечеловѣческое нравственное чувство, что подобная побочная установка обвиненія представлялась чуть не смѣхотворною затѣей для свѣжаго, не заваженнаго юридическою схоластикою ума. То же самое повторилось въ извѣстномъ процессѣ о крушеніи поѣзда у Голицынской станціи, причемъ эта желѣзно-дорожная «катастрофа» завершилась катастрофою юридической, и, если дѣло въ послѣднемъ случаѣ обошлось «безъ человѣческихъ жертвъ», то лишь благодаря тому, что современная, гуманизированная темида таковыхъ болѣе не требуетъ. Прибавимъ къ этому также извѣстную гибель людей при сооруженіяхъ у Кузнецкаго моста и т. п., публикѣ не столь извѣстные процессы, и мы невольно призадумаемся надъ несоотвѣтствіемъ конечнаго исхода съ доказанными фактами, надъ экспромптами, раздѣлявшими судъ и слѣдствіе, а всего больше надъ горькою участью пострадавшаго при всемъ этомъ народа.

Тяжелая гужда можетъ заставить человѣка работать, наприм., на стеклянной крышѣ пассажа, кое-какъ уврѣпленной надъ ужасающею бездною

съ асфальтовымъ поломъ внизу; но гдѣ же тотъ, кто, пользуясь этою нуждою, этимъ опаснымъ трудомъ, не позаботился и не подумалъ о томъ, какъ охранить жизнь своего рабочаго, законченную на гладкомъ асфальтѣ сооружаемаго монументальнаго зданія? Его не нашли въ судѣ, хотя и указало обвиненіе.

Ни приемы порѣшенія всѣхъ этихъ и имъ подобныхъ дѣлъ, ни тѣ неожиданные итоги, которыми они завершались, никакъ нельзя признать явленіями нормальными, а того меньше—случайными или исключительными. Они, наоборотъ, *типичны и неизбѣжны* при томъ порядкѣ и тѣхъ условіяхъ, въ какихъ пока совершается постановка этихъ дѣлъ на судѣ, ихъ разбирательство и ихъ разрѣшеніе. Въ преступленіяхъ этого рода, какъ и во всѣхъ иныхъ, вѣдаемыхъ судами въ общемъ порядкѣ судопроизводства и караемыхъ «по внутреннему убѣжденію», судейская совѣсть должна быть освобождена отъ всякой зависимости по отношенію къ событіямъ, не имѣющимъ съ разсматриваемымъ дѣяніемъ органической или логической связи. Если въ этомъ отношеніи невозможна *нравственная* зависимость, то что же слѣдуетъ сказать о той *обязательной по закону* зависимости, въ которую поставлены и «внутреннее убѣжденіе», и совѣсть судьи, отъ наличности того или иного «постановленія», требуемаго 1466 ст.? Эти ограждающія общественную безопасность постановленія *могутъ быть*, конечно, принимаемы имъ въ соображеніе при опредѣленіи степени ответственности въ данномъ случаѣ, но не должны имѣть того предрѣшающаго, безповоротнаго и неподвижнаго въ задачѣ этой значенія, которое присвоено имъ теперь въ законѣ, въ нормируемой имъ практикѣ, и благодаря которому самыя очевидныя для всякаго, несомнѣннѣйшія, самыя грубыя правонарушенія объявляются безотвѣтственными потому только, что оказалось невозможнымъ извлечь изъ архивной пыли какое-нибудь подходящее къ дѣлу «постановленіе», специально ихъ предусматривающее.

Пока судья обсуждаетъ фактъ (событіе преступления), онъ *и по буквѣ, и по духу* судебныхъ уставовъ пользуется совершеннѣйшею свободой,— иначе оно и быть не можетъ: «*внутреннее убѣжденіе*» исключаетъ всякую реальную возможность какаго-либо *отпущеннаго* насильственнаго, обязательнаго фактора, оно знаетъ только два фактора—субъективный разумъ и субъективную же совѣсть; эти два фактора стоятъ въ прямомъ, непосредственномъ отношеніи къ разсматриваемому дѣянію и не допускаютъ здѣсь ничего посторонняго, ничего извнѣ навязываемаго. Эта свобода стѣсняется отчасти лишь съ тѣхъ поръ, когда судья, порѣшивши съ вопросомъ о фактѣ, переходитъ къ правовой его обработкѣ, подыскивая въ кодексѣ ту степень виновности и ответственности, какая оказывается ближайшею въ соотвѣтствіи своемъ съ установленнымъ прежде фактомъ. Въ разсматриваемой категоріи дѣлъ этотъ основной, органической принципъ грубо нарушается вторженіемъ въ первую изъ этихъ функций совершенно чуждыхъ ей элементовъ. Отъ этого и обвинитель, и судья чувствуютъ себя въ безвыходномъ, подкабальномъ отношеніи не только къ господствующимъ надъ

судьбою рѣшенія постановленіямъ, *ограждающимъ* на этотъ разъ, вѣсто «общественной безопасности», свободу «внутренняго убѣжденія» судьи, но и ко второму фазису разбирательства—заключенію экспертовъ. Въ данномъ случаѣ они или констатируютъ несовершенство механизма, давнымъ-давно устраненное западно-европейскою техникой, какъ причину, прямую и единственную, смерти или увѣчья, заставляя судью закрыть глаза на эту очевидность по отсутствію у насъ постановленія, обязывающаго предпринимателя имѣть машины этого усовершенствованнаго типа, или заставляютъ судейское вниманіе блуждать въ лабиринтѣ техническихъ разглагольствованій, еще болѣе сгущающихъ тотъ туманъ, которымъ дѣло было окутано въ началѣ. Живому слову, живому выводу тутъ нѣтъ мѣста.

Вторая принципиальная статья нашего уложенія (1468), гласящая о томъ же неосторожномъ причиненіи смерти, даетъ, повидному, болѣшій просторъ суду въ классификаціи этого дѣянія, но это только повидному. Всмотрѣвшись попристальнѣе въ ея редакцію, мы не замедлимъ прийти къ полному разочарованію.

Нужно, чтобы «дѣяніе не было запрещено закономъ», чтобы оно было «явно неосторожное» и чтобы «отъ него нельзя было съ вѣроятностію ожидать вредныхъ послѣдствій»; постарайтесь вообразить себѣ *такое* «дѣяніе», отвѣчающее всѣмъ *такимъ* условіямъ, и вы скоро придете къ заключенію, что если оно и возможно въ конкретномъ проявленіи, то лишь какъ рѣдкое исключеніе въ обыкновенномъ порядкѣ вещей, какъ юридическій курьезъ. Вслѣдствіе этого лишь ничтожная группа затѣйливо-инкриминированныхъ фактовъ попадаетъ въ эти затѣйливо-предусмотрѣнныя рамки и лишь съ грѣхомъ пополамъ укладывается въ нихъ при помощи болѣе или менѣе натянутой аналогіи. Все прочее идетъ мимо и, не находя себѣ пріюта въ 1466 ст. за отсутствіемъ «постановленія», этого входнаго билета въ судебную залу, складывается въ общую могилу судебного архива, въ которой, «на основаніи 277 ст. уст. угол. суд.», по немѣннѣю признаговъ преступленія», покоится столько непризнаннаго горя, столько отвергнутыхъ жалобъ... Кроме того, 1468 ст. даже въ этой узкой сферѣ своего воздѣйствія то и дѣло оказывается практически несостоятельною: ни явной, ни тайной неосторожности не существуетъ, а существуетъ одна общежитейская, легко каждымъ понимаемая неосторожность, наказуемая безусловно, разъ кто-либо отъ нея лишается жизни или получаетъ увѣчья, раны и т. п.; если же неосторожность оказывается не «явною», то она, значить, сомнительна, всякое же сомнѣніе толкуется въ пользу обвиняемаго и, само собою разумѣется, требуетъ полнаго оправданія. Но далеко не каждый изъ примѣняющихъ эту затѣйливую статью на практикѣ смотритъ на дѣло такъ просто: терминъ «*явная* неосторожность» говоритъ воспитанному на кассационныхъ тожкованіяхъ уму о чѣмъ-то рѣзкомъ, бросающемся въ глаза, выходящемъ изъ ряда обыкновенныхъ явленій, и вотъ, если въ разсматриваемомъ фактѣ умъ этотъ не находитъ чего-либо подобнаго, «признаки преступленія» разрушаются и дѣло прекра-

щается. Второй, столь же обязательный признак требует, чтобы обвиняемый не мог «съ вѣроятностью ожидать вредныхъ отъ своего дѣянія послѣдствій»: понятія о «вѣроятности», понятія о «вредѣ» до того общи, неточны, растяжимы и субъективны, что способны, въ данномъ случаѣ, на одно только—вести праведнаго судью въ несправедное заблужденіе; что же касается рѣшенія вопроса о томъ, чего именно *могъ* или *не могъ* ожидать отъ своего поступка обвиняемый, то оно возможно развѣ какому-нибудь чтенію чужихъ мыслей, если вопросъ этотъ обуславливается таинственною почвой отрицательной «вѣроятности». Наконецъ, статья эта преслѣдуетъ *дѣяніе*; между тѣмъ, чуть не вся категория обнимаемыхъ ею случаевъ является результатомъ противоположнаго мотива—*бездѣйствія*.

Всѣ эти аномаліи пріобрѣтаютъ еще болѣе рѣзкія очертанія на томъ фонѣ, на которомъ онѣ до сихъ поръ продолжаютъ обрисовываться,—на фонѣ судебныхъ уставовъ, не терпящихъ ни омертвѣлыхъ путей, сковывающихъ свободу судейскаго разумѣнія, ни условной, апіорной казуистики, ни законодательныхъ терминовъ, безотвѣтныхъ въ той живой средѣ, которую они стремятся опредѣлять. И эта «явная неосторожность», и это «вѣроятное ожиданіе»—сверстники давно отжившему иному термину—«оставленію въ подозрѣніи», которымъ такъ любилъ пользоваться нашъ до-реформенный судъ для болѣе или менѣе благополучнаго выхода изъ подобныхъ юридическихъ затрудненій.

То же самое слѣдуетъ сказать и о 1494 ст. улож. о нак., преслѣдующей ненамѣренное нанесеніе увѣчья, раны или иного поврежденія въ здоровьѣ, при томъ же непремѣнномъ условіи нарушенія какого-либо «постановленія, ограждающаго общественный порядокъ». Во всѣхъ иныхъ случаяхъ неосторожнаго причиненія такихъ поврежденій (на практикѣ ихъ возникаетъ масса и, притомъ, въ самой возмутительной обстановкѣ) дѣяніе это по дѣйствующему уложенію ненаказуемо вовсе. Тутъ уже нѣтъ даже и такого выхода, который съ грѣхомъ пополамъ, все-таки, указываетъ 1468 ст.

Максимумъ уголовной отвѣтственности за всѣ эти правонарушенія—четыре мѣсяца тюрьмы съ церковнымъ покаяніемъ (при смертельномъ исходѣ).

Непонятнымъ особнякомъ выдѣляется въ дѣйствующемъ уложеніи одна группа однородныхъ съ рассмотрѣнными дѣяніями, какъ въ квалификаціонномъ, такъ и въ карательномъ отношеніяхъ. Мы говоримъ о желѣзнодорожныхъ катастрофахъ. Для нихъ законодатель счелъ возможнымъ отступить отъ общей вышеназванной системы и ввести въ устарѣвшій сводъ вызванную жизнью новеллу.

1085 ст. улож., введенная въ 1884 г., караетъ *ссылкой съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія* виновныхъ, принадлежащихъ къ управленію желѣзной дороги, лицъ въ завѣдомомъ совершеніи неправильныхъ при эксплуатациіи дѣйствій, послѣдствіемъ которыхъ, *хотя и неожиданнымъ*, было причиненіе кому-либо смерти или поврежденія въ здоровьѣ; «если

же помянутыя неправильныя дѣйствія или неисполненіе обязанностей допущены по неосторожности (на этотъ разъ уже не затуманенной никакими прилагательными) или небрежности, однако, имѣли указанныя выше несчастныя послѣдствія, то виновные подвергаются заключенію въ тюрьмѣ до одного года и четырехъ мѣсяцевъ *). За порученіе обязанностей по эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ лицамъ, явнo неспособнымъ къ исполненію сихъ обязанностей, а также за недостаточный надзоръ за лицами, принадлежащими къ составу эксплуатаціонной службы, если послѣдствіемъ того или другого было причиненіе кому-либо смерти или поврежденію въ здоровьѣ, виновные подвергаются тому же шахішму наказанію.

Если въ выписанной редакціи закона мы замѣнимъ лицъ, «принадлежащихъ къ управленію желѣзной дороги», лицами, завѣдующими фабричною эксплуатаціей, оставляя остальной текстъ безъ всякихъ измѣненій, то получимъ почти фотографически - вѣрное воспроизведеніе того, что въ тождественной инкриминированной сферѣ творится на нашихъ фабрикахъ и заводахъ, а, между тѣмъ, какое глубокое различіе въ квалификаціи состава преступленія въ первомъ и во второмъ однородныхъ случаяхъ и какое поразительное несоотвѣтствіе въ мѣрѣ угрожающихъ здѣсь и тамъ наказаній! Но этого мало: сравнивая положеніе пассажира, ѣдущаго въ вагонѣ, съ положеніемъ фабричнаго, работающаго у «завѣдомо» опаснаго механизма, нельзя не остановить вниманія на томъ, что между первымъ и послѣднимъ замѣчается существенное, коренное различіе, обратно - пропорціональное квалификаціоннымъ параллельнымъ условіямъ: пассажиръ можетъ ѣхать по собственному удовольствію, онъ до извѣстной степени приготовленъ къ риску и можетъ оградить себя тѣми или иными мѣрами; затѣмъ катастрофы желѣзно-дорожныя несравненно рѣже катастрофъ фабричныхъ, чуть не ежедневно возмѣщаемыхъ въ любой газетѣ подъ скромною рубрикой «несчастныхъ случаевъ». Совсѣмъ иное положеніе пострадавшаго отъ катастрофъ этого послѣдняго рода: фабричный рабочій постоянно, пожизненно и повседневно сидитъ около механизма, ежеминутно, при малѣйшей неловкости или неизбежной въ утомленіи, особенно ночью, невнимательности, или разсѣянности, грозящаго ему смертью, или увѣчьемъ; онъ сидитъ у этого механизма не по доброй волѣ, онъ добываетъ у него свой хлѣбъ насущный, содержитъ семью, платитъ подати.

Почему, затѣмъ, менѣе пассажира оказывается обезпеченнымъ человѣкъ, ходящій по стеклянной крышѣ, еле укрѣпленной на ужасающей высотѣ, или по «лѣсамъ», примкнутымъ къ колеблющимся каменнымъ стѣнамъ воздвигаемаго зданія? Почему вагонъ оказывается опаснѣе черной, глубокой и узкой ямы, наполненной убивающими моментально газами? Почему, наконецъ, желѣзно-дорожная администрація отвѣчаетъ за всякую не-

*) Почему-то безъ церковнаго покаянія, налагающагося по 1466 и 1468 ст. за точно такія же „несчастныя послѣдствія“.

осторожность, а фабричная—только за «явную», и только тогда, когда ею, кромѣ того, нарушено какое-либо постановленіе, случайно кѣмъ-то изданное и тоже случайно кѣмъ-то розысканное?

Вопросы эти настойчиво ждутъ отвѣта, и мы, пожалуй, находимъ его, но гдѣ?—въ той «ниспосланной небомъ» въ утѣшеніе всякому страданію «надеждѣ», которая блестятъ «изъ прекраснаго далека» грѣзь, мечтаній и идеаловъ и безъ которой не можетъ обойтись живая душа человѣческая...

IV.

Настоящее этихъ, достаточно, полагаемъ, выясненныхъ вопросовъ до того безотрадно и мрачно, что удрученный ихъ наблюденіемъ взоръ съ любовью обращается къ *будущему*, въ которомъ, на этотъ разъ, хотя и изъ такого «прекраснаго далека», но мелькнулъ, однако, этотъ спасительный «лучъ» въ образѣ проекта новаго уголовного уложенія, составленнаго редакціонною комиссіей, въ трудахъ которой приняли участіе наши лучшіе, выдающіеся юристы, какъ теоретики, такъ и практики. При параллельномъ сопоставленіи этихъ двухъ уголовныхъ кодексовъ, отживающаго и нарождающагося, въ той части ихъ, которая посвящена разсматриваемому здѣсь вопросу, получается впечатлѣніе, подобное тому, какъ если бы мы, долго простоявъ передъ какимъ-нибудь ветхимъ, приземистымъ и тяжеловѣснымъ зданіемъ, обставленнымъ разновременными подпорками, вдругъ перевели бы свой взоръ къ Эйфелевой, наприм., башнѣ, величаво и стройно возносящейся къ небу на смѣлыхъ и прочныхъ устояхъ, среди безпрепятельнаго, съ вершины ея открывающагося простора. Такими устоями являются двѣ статьи проекта—10 и 21, а такимъ просторомъ—та свобода, какую обѣщаютъ онѣ пострадавшему—въ защитѣ своего нарушеннаго права и суду—въ восстановленіи его.

Взойдемъ же на эту вершину и взглянемъ на открывающійся оттуда этотъ просторъ.

Дѣйствующее уложеніе, при всей вышеназванной несостоятельности своей обнять всю группу преступности разсматриваемаго типа, посвящаетъ ей, однако, *цѣлый рядъ статей* (865, 869, 870, 879, 899, 935, 989, 1139, 1142, 1459, 1461, 1494, 1527, 1543 и 1634), уставъ о наказ. также отводитъ съ этою цѣлью 13 своихъ статей (62, 72, 104, 105, 106, 111, 117 — 119, 121, 127 — 129). Всю эту безконечную вереницу законоположеній проектъ новаго уложенія сваливаетъ въ одну общую могилу и крестомъ надъ нею ставитъ *только двѣ своихъ статьи* 10 и 21. Ихъ чрезвычайно сжатая и, вмѣстѣ съ тѣмъ, всеобъемлющая редакція способна принять подъ свою защиту массу попираемыхъ теперь на законномъ основаніи интересовъ и возвратить судамъ ту свободу, какая судебными уставами признается ихъ неотъемлемымъ достояніемъ, но въ полное обладаніе которою они могутъ вступить лишь съ замѣною дѣйствующаго уложенія проектомъ редакціонной комиссіи, если ему безъ существенныхъ измѣненій удастся заручиться надлежащею законодательною санкціей.

Вотъ текстъ этихъ двухъ статей проекта:

Ст. 10: «Виновный въ неосторожномъ причиненіи смерти наказывается тюрьмою. Если причиненіе смерти было послѣдствіемъ несоблюденія той особой осмотрительности, къ которой виновный былъ обязанъ по званію, должности или роду его дѣятельности, то онъ наказывается исправительнымъ домомъ или тюрьмою. Сверхъ того, судъ можетъ воспретить виновному дѣятельность, при осуществленіи коей онъ причинилъ смерть, на срокъ отъ шести мѣсяцевъ до двухъ лѣтъ по отбытіи имъ наказанія, а равно опубликовать свой приговоръ въ порядкѣ, статью 34 установленномъ».

Ст. 21: «Виновный въ неосторожномъ причиненіи тяжкаго или менѣе тяжкаго тѣлеснаго поврежденія наказывается арестомъ или денежною пеней не свыше пятисотъ рублей». Дальнѣйшій текстъ дословно повторяетъ содержаніе вышеназванной 10-й ст. съ возвышеніемъ наказанія въ вышеуказанныхъ ею случаяхъ до шестимѣсячнаго тюремнаго заключенія и воспрещеніемъ дѣятельности на срокъ до одного года.

Вотъ и все, чѣмъ будетъ руководиться судъ.

Соціальное значеніе этихъ руководящихъ статей является предъ нами въ особенно величавыхъ очертаніяхъ, если мы обратимся къ тѣмъ объяснительнымъ мотивамъ, которыми редакціонная комиссія комментируетъ ихъ данную постановку.

Характеризуя недостатокъ дѣйствующаго уложенія: 1) крайнею многочисленностью статей, трактующихъ о неосторожномъ лишеніи жизни, 2) ихъ неопредѣленностью въ квалификаціи признаковъ преступленія и 3) значительною непропорціональностью въ опредѣляемой мѣрѣ наказанія, комиссія въ основу предлагаемой реформы его кладетъ слѣдующія общія соображенія: жизнь, какъ высшее благо индивидуума, требуетъ возможно-полной юридической охраны; на этомъ основаніи государство не только воспрещаетъ всякое посягательство на жизнь другихъ, но можетъ требовать отъ каждаго возможной осмотрительности и осторожности при совершеніи такихъ дѣйствій, которыя могутъ повлечь за собою чью-либо смерть; поэтому всѣ законодательства рядомъ съ умышленнымъ убійствомъ ставятъ и неосторожное лишеніе жизни. Самое понятіе неосторожнаго лишенія жизни заключаетъ въ себѣ два оттѣнка: во-первыхъ, оно объемлетъ совершеніе такихъ дѣйствій, относительно коихъ дѣйствующій сознавалъ *in abstracto*, какъ возможное, причиненіе имъ кому-либо смерти, но, въ то же время, почему-либо предполагалось, что онъ избѣжитъ этого послѣдствія при данныхъ конкретныхъ условіяхъ, и тѣмъ самымъ выказалъ преступную самонадѣянность. Неосторожность, конечно, исчезаетъ, и дѣяніе получаетъ характеръ умышленнаго убійства, какъ скоро виновный не только сознавалъ возможность причиненія смерти, но и безразлично относился къ этому, допуская ея наступленіе. Во-вторыхъ, неосторожность объемлетъ причиненіе смерти, хотя и не предвидѣнное виновнымъ, но выполненное, однако, при такихъ условіяхъ, когда онъ могъ или долженъ былъ предвидѣть ея наступленіе, если бы выказалъ болѣе знанія, умѣлости, внимательности.

При этомъ видѣ неосторожнаго лишенія жизни судъ долженъ каждый разъ констатировать, могъ *или долженъ былъ* виновный предвидѣть, что совершаемое имъ произведетъ смерть въ отличіе отъ ненаказуемаго случайнаго лишенія жизни, когда такой возможности предвидѣнія для дѣйствующаго не существовало. Дѣйствіе виновнаго должно быть причиною смерти, при чемъ для виѣненія происшедшаго безразлично, была ли неосторожность виновнаго исключительною и непосредственною причиною смерти, или же достиженіе результата было обусловлено неосторожностью другихъ лицъ *и даже самого пострадавшаго*. Относительно отвѣтственности за неосторожное лишеніе жизни комиссія нашла необходимымъ, по примѣру западныхъ кодексовъ, возвысить мѣру наказанія и въ особенности расширить судейскій просторъ въ выборѣ этой мѣры. Такъ какъ при этомъ законъ наказываетъ легкомысленное отношеніе къ наиважнѣйшимъ интересамъ другихъ лицъ, то, разумѣется, размѣръ отвѣтственности долженъ находиться въ прямой зависимости отъ размѣра проявленнаго легкомыслія и самонадѣянности. Чѣмъ легче было предусмотрѣть опасность, чѣмъ внимательнѣе могъ дѣйствовать виновный, тѣмъ больше должна быть и его отвѣтственность, хотя, конечно, опредѣленіе степени легкомыслія должно быть вполнѣ предоставлено усмотрѣнію суда, такъ какъ всякая попытка законодателя установить предѣлы и отѣнки легкомыслія неминуемо поведетъ къ совершенно произвольной постановкѣ вопроса. Далѣе, преступное неблагоразуміе можетъ быть проявлено или при совершеніи дѣяній дозволенныхъ, юридически безразличныхъ, или же небрежность можетъ быть проявлена при совершеніи дѣяній, запрещенныхъ законами, и запрещенныхъ иногда именно въ виду ихъ опасности для жизни и здоровья другихъ, но условія отвѣтственности и въ этихъ случаяхъ остаются, очевидно, тѣми же, какъ и во всѣхъ остальныхъ.

Установивъ общія начала отвѣтственности за неосторожность лишенія жизни, комиссія сочла полезнымъ указать въ законѣ и на условія, возвышающія эту отвѣтственность. Къ числу этихъ условій должно быть отнесено особое общественное положеніе виновнаго, которое, въ силу оказываемаго ему довѣрія или въ силу предоставленныхъ ему особенныхъ правъ и преимуществъ, предполагало въ немъ запасъ особыхъ специальныхъ свѣденій или заставляло его дѣйствовать съ особою осмотрительностью.

Отмѣченныя такими именно условіями лица стоятъ во главѣ нашей фабричной и желѣзно-дорожной администраціи, завѣдующіе возведеніемъ зданій и т. п.; кругъ дѣятельности этихъ лицъ, вмѣщающій въ себѣ и всевозможныя частныя предпріятія или функціи, чрезвычайно широкъ въ своей данной законодательной концепціи, поэтому коренной недостатокъ дѣйствующаго уложенія, усиленный слишкомъ пространно-толкуемою сенатскою доктриною о «*фактическомъ виновникѣ*» *) и заключающійся въ томъ,

*) Т.-е. якобы ближайшемъ и непосредственномъ, но, въ данномъ случаѣ, чаще всего подневольномъ.

что при поражающихъ размѣрахъ «катастрофы» возлищемъ отпущенія оказывается зачастую ничтожный агентъ эксплуатаціи, послѣдняя спица въ ея колесницѣ,—этотъ коренной недостатокъ совершенно устраняется въ новой редакціи проектированнаго закона. Въѣсть съ тѣмъ, достигаются еще двѣ принципиально-существенныя цѣли: практическое воздѣйствіе суда получаетъ новую силу размѣрами своего предупреждающаго значенія, обязывая главныхъ виновниковъ, благополучно скрывающихся теперь за спинами своихъ подчиненныхъ, осмотрительнѣе относиться къ судьбѣ живыхъ факторовъ своей эксплуатаціи, а эти послѣдніе получаютъ возможность осуществить платонически пока даруемое имъ право на вознагражденіе. Если прибавить къ этому возвеличенную при такихъ условіяхъ мѣру ответственности опубликованіе судебного приговора и срочное воспрещеніе дѣятельности, то нельзя не придти къ положительному заключенію о громадномъ социальномъ значеніи проекта въ смыслѣ: 1) сокращенія контингента теперешнихъ жертвъ промышленной эксплуатаціи, 2) обезпеченія за ними возможности возстановить такъ или иначе нарушенное право свое и 3) паденія надлежащей кары на дѣйствительно-повинную голову, а не на подставное лицо.

Если отъ этихъ общихъ, возвѣщаемыхъ проектомъ, животворящихъ началъ мы обратимся къ процессуальной сферѣ предстоящаго ему воздѣйствія, то и въ этомъ отношеніи получимъ такое же отрадное впечатлѣніе. Сущность разсматриваемыхъ правонарушеній, преломляемая теперь формальною и условною приамой, всецѣло раскроется передъ судомъ, а судъ окажется въ состояніи отнестись къ этой сущности *просто и непосредственно*, отправляясь не отъ случайныхъ, превзятыхъ и ей совершенно постороннихъ факторовъ квалификаціи, а отъ естественныхъ признаковъ *общечеловѣческой* обязанности осторожно, внимательно и добросовѣстно относиться ко всѣмъ проявленіямъ своей дѣятельности, отъ которыхъ такъ или иначе могутъ подвергаться опасности чужая жизнь или чужое здорье. Затѣмъ, новое уложеніе рѣзко порываетъ со всѣми печальными традиціями, какими изобилуетъ исторія 1466 и 1468 статей, надсадившихъ не мало судейскихъ мозговъ, разрушившихъ не мало исковыхъ упованій и состоявшихъ въ тѣсной дружбѣ съ 277 ст. уст. угол. суд. И эти статьи, и требуемыя ими «постановленія», и вызываемая послѣдними экспертиза въ своей роковой совокупности образуютъ теперь готовую для обвиняемаго и надежную броню, о которую разбиваются самыя вѣрныя удары противника; новое уложеніе отнимаетъ эту броню и предоставляетъ обвиняемому защищаться тѣмъ же оружіемъ, какимъ располагаетъ и обвинитель.

У.

При всемъ томъ, нельзя, къ сожалѣнію, не замѣтить, что 10 и 21 ст. проекта выиграли бы еще болѣе, если бы въ этомъ процессуальномъ отношеніи послѣдующая 22 ст. не представляла частичнаго, повидимому, но

очень существеннаго при нашихъ бытовыхъ условіяхъ изъятія, въ силу котораго тѣлесныя, неосторожно причиняемыя поврежденія преслѣдуются въ порядкѣ частнаго обвиненія, если виновными въ томъ оказываются лица, не принадлежащія къ категоріи тѣхъ, которыя этими статьями, въ силу своего особаго положенія, обязываются и къ особой профессиональной осмотрительности по званію, должности или роду дѣятельности.

Грань между этими категоріями отличается такими свойствами, что ни кодификація, ни практика не въ состояніи опредѣлить ее въ той точности, которая не представляла бы собою извѣстныхъ сомнѣній, извѣстныхъ колебаній. Вѣроятно, сознавая затруднительность точнаго обозначенія этой грани, редакціонная коммиссія въ комментаріяхъ къ 10 ст. поясняетъ, что терминамъ «званіе», «должность», «родъ дѣятельности» не слѣдуетъ придавать строго-техническаго значенія, и такимъ поясненіемъ выходитъ изъ даннаго затрудненія находить въ предоставленіи большей свободы для практической квалификаціи. Говоря вообще, противъ основательности такого вывода ничего нельзя возразить, но въ данномъ его примѣненіи рекомендуемый способъ не преминетъ отозваться на практикѣ весьма ощутительнымъ неудобствомъ какъ для самого суда, такъ и для пострадавшихъ лицъ, прибѣгающихъ къ его защитѣ. Оговорка эта, и оговорка весьма существеннаго свойства, сдѣлана не въ текстѣ закона, а въ его объяснительномъ комментарий, что составляетъ, между прочимъ, очень частый редакціонный недостатокъ проекта; затѣмъ, на практикѣ всегда окажутся взгляды, руководящіе судебнымъ рѣшеніемъ, то черезъ-чуръ узкіе, то черезъ-чуръ широкіе, почему, смотря по случайностямъ, одно и то же дѣяніе будетъ преслѣдоваться различно: здѣсь — въ порядкѣ публичнаго обвиненія, тамъ — въ частномъ порядкѣ; кромѣ того, отсюда возникнетъ много лишней работы по разрѣшенію пререканій о подсудности, сопряженному всегда съ значительною и непроизводительною затратой времени, столь дорогою при изслѣдованіи *тѣлесныхъ* поврежденій, слѣды которыхъ такъ быстро утрачиваются. Положимъ, что съ той точки зрѣнія, какая, главнымъ образомъ, руководитъ нами въ настоящемъ изложеніи, это процессуальное изъятіе не можетъ получить существеннаго вліянія на практику, такъ какъ лица, принадлежащія къ фабричной или желѣзно-дорожной администраціи, техники и архитекторы, обладаютъ такимъ рельефнымъ профессиональнымъ обликомъ, что по отношенію къ нимъ рассматриваемое изъятіе не можетъ играть никакой роли въ этихъ пререканіяхъ; но за ними могутъ встрѣтиться и такія профессіи, въ которыхъ профессиональная, требующая публичнаго преслѣдованія, неосторожность можетъ представляться суду сомнительною, и не только по существу своему, но и по болѣе или менѣе отдаленному моменту проявленія ея отъ круга профессиональной дѣятельности обвиняемаго. Проступокъ врача, наприм., задавившаго своимъ экипажемъ прохожаго у крыльца больницы, гдѣ врачъ этотъ «по роду своей дѣятельности» обязывается къ «особой осмотрительности», оберъ-кондуктора стоящаго у станціи поѣзда, обварившаго кипяткомъ пассажира въ буфетѣ, кухарку, вмѣсто предпола-

гаемой соли, отравившую своего гостя мышьякомъ, и т. п. случаи, способные создать широкое поле для праздныхъ юридическихъ мудрствованій, избалованныхъ кассационными подсказываніями, окажутся далеко не невозможными въ будущей судебной практикѣ, пока интерпретація закона не успѣетъ сыскать себѣ пригодную почву для устойчиваго жѣткого критеріума.

По всѣмъ этимъ причинамъ представлялось бы болѣе дѣлесообразнымъ въ редакціи 21 ст., столь родственной 10 статьѣ, почти дословно повторяющей текстъ ея, держаться и одного общаго начала, то-есть званіемъ, должностію и родомъ дѣятельности обуславливать лишь размѣръ отвѣтственности, а не тотъ или иной порядокъ преслѣдованія, тѣмъ болѣе, что, какъ это подтверждено 25-ти лѣтнимъ опытомъ дѣятельности нашихъ судовъ, частному порядку обвиненія у насъ вообще не особенно везетъ; благодаря многимъ бытовымъ особенностямъ и судебно-процессуальнымъ традиціямъ «добраго стараго времени», порядокъ этотъ у насъ пока «не ко двору». Французское, наприм., законодательство, не знающее ни этихъ особенностей, ни этихъ традицій, не допускаетъ, тѣмъ не менѣе, частнаго порядка преслѣдованія ни для одного изъ видовъ тѣлеснаго поврежденія: страна, первая провозгласившая «права человѣка», защиту личности его, какъ бы ничтожны ни оказались посягательства на ея неприкосновенность, вѣрять государственной охранѣ, а не частному произволу.

П. Обинскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Въ послѣдніе годы у насъ размножились особаго рода *patriotes*: они выступаютъ на защиту *національныхъ* интересовъ русскаго народа, которыми будто бы вредятъ либеральныя стремленія и уваженіе передъ европейскою наукой; они крикливо возвѣщаютъ *urbi et orbi*, что только въ нихъ сидитъ подлинный русскій духъ. Рѣзкимъ нападеніямъ подвергаются тѣ органы печати, которые иначе понимаютъ насущныя потребности великаго народа, которые не могутъ и не хотятъ съузять задачи національной русской политики до китайщины, до неумнаго и вреднаго противопоставленія началъ народныхъ общечеловѣческимъ. При этомъ раздаются сожалѣнія, слышится негодованіе на то, что общественное мнѣніе идетъ не за *patriотами*, а сбивается съ толку либеральною печатью.

Но въ февралѣ нынѣшняго года г. Иловайскимъ произведено открытіе: оказывается, что терминъ *либеральная* печать надо упразднить и замѣнить выраженіемъ *антинаціональная* печать. *Вѣстникъ Европы* и *Русская Мысль* являются, по мнѣнію г. Иловайскаго, выразителями антирусскихъ интересовъ, инородческихъ началъ.

Статья г. Иловайскаго переполнена выходками дурнаго тона и по меньшей мѣрѣ подозрительнаго остроумія; но она принадлежитъ бывшему профессору, доктору русской исторіи, и свидѣтельствуетъ о такой печальной путаницѣ понятій, характерной для нашихъ «истинныхъ патриотовъ и коренныхъ русскихъ людей», что на ней слѣдуетъ остановиться.

Г. Иловайскій считаетъ «инородческимъ» январское иностранное обозрѣніе *Русской Мысли*. «Авторъ сего обозрѣнія,—говоритъ публицистъ *Московскихъ Вѣдомостей*»),—г. Гольцевъ, тоже имѣетъ основаніе думать, что протекціонизмъ отцѣпнетъ еще до начала XX столѣтія; онъ также сочувственно относится къ торговымъ договорамъ, заключеннымъ канцлеромъ Каприви, и также толкуетъ о якобы близкомъ паденіи покровительственной системы во Франціи и Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ».

«Кстати,—продолжаетъ г. Иловайскій,—вмѣстѣ съ ненавистнымъ про-

*) *Моск. Вѣд.*, № 38.

тектонизмомъ, по соображеніямъ сего политика, долженъ настъ и другой ненавистный нашимъ антинаціоналамъ предметъ: «обветшавшая классическая система» среднего образованія; а на развалинахъ ея будутъ процвѣтать новые языки виѣстѣ съ естествознаніемъ. На развалинахъ же протекціонизма онъ сулитъ намъ процвѣтаніе русскои торговли въ Персіи: стѣитъ только провести туда рельсовый путь, чтобъ успѣшно тамъ конкурировать съ англичанами. Для всякаго здравомыслящаго человѣка ясно, что при свободной торговлѣ англичане и другіе иностранцы убьютъ нашу промышленность, такъ что и у себя дома мы будемъ потреблять чужія произведенія (и обогащать чужихъ фабрикантовъ); а политикъ антинаціональной школы полагаетъ, что при свободной торговлѣ мы будемъ успѣшно конкурировать съ западно-европейцами въ чужихъ странахъ. Гдѣ же тутъ логика? А, между тѣмъ, г. Гольцевъ, сколько мнѣ навѣстно, состоитъ усерднымъ членомъ московскаго психологическаго общества.

«Любопытно и виѣстѣ прискорбно наблюдать, какъ приведенныя выше измышленія Стасюлевиче-Пыпинскаго органа и его Лавро-Гольцевскаго подражанія сбиваютъ съ толку и нѣкоторые органы, держашіеся, повидимому, національнаго направленія».

И такъ, *Моск. Вѣд.* выступаютъ за національное начало и за протекціонизмъ, полагая, что они находятся въ неразрывной связи, обусловливаютъ другъ друга. Это противъ высокаго таможеннаго тарифа, тотъ или замаскированный инородецъ, или *политикъ антинаціональной школы*. Мыслимо ли подобное утвержденіе въ серьезной газетѣ на *имю* Западѣ? Представьте, что во Франціи кто-либо вздумаетъ упрекать Леона Сѣ, напримѣръ, или другихъ фритредеровъ въ антинаціональныхъ стремленіяхъ, въ подчиненіи инородческимъ интересамъ,—такой упрекъ не вызвалъ бы даже и улыбки. Только наши *истинные патриоты* обходятся такъ легко съ сложными экономическими вопросами, гдѣ необходимо взвѣшивать условія міроваго и народнаго хозяйства; только они могутъ доходить до такихъ *изобрѣтеній*, по которымъ Сюлли—антифранцузъ, Кобденъ и Брайтъ—антиангличане. Забавнѣе всего, что къ числу крупнѣйшихъ русскихъ *инородцевъ* нынѣшнія *Моск. Вѣд.* должны отнести Каткова и Леонтьева, многіе годы настойчиво стоявшихъ за свободную торговлю.

Теперь два слова о Персіи. Ни психологическое общество, ни логика не виноваты въ томъ, что г. Иловайскій дѣлаетъ поспѣшныя сравненія и заключенія. Кромѣ протекціонизма таможеннаго, есть протекціонизмъ естественный: Персія—наша сосѣдка, при знаніи и энергіи (ихъ не замѣнить покровительственный тарифъ) произведеніямъ нашихъ фабрикъ и заводовъ ближе проникать въ эту страну даже изъ центральныхъ губерній Россіи. Никто не жѣшаетъ, кромѣ того, заводить русскимъ кореннымъ людямъ фабрики поближе къ сырью и къ залежамъ каменнаго угля. Пусть г. Иловайскій, прежде чѣмъ судить о дѣлѣ, хоть немного познакоится съ нимъ. Обращаю его вниманіе хоть на № 8 *Вѣстника финансовъ, промышленности*

ности и торговли. Тамъ онъ прочтетъ (стр. 464) слѣдующее: «Въ ряду государствъ, въ которыхъ производится отпускъ нашихъ хлопчатобумажныхъ издѣлій, первое мѣсто занимаетъ Персія, куда вывезено въ 1890 г. слишкомъ 70% всего количества». *Вѣстникъ* признаетъ наиболее желательнымъ дальнѣйшее развитіе торговыхъ сношеній съ этою страной.

Но оставимъ область экономическихъ вопросовъ, гдѣ г. Иловайскій совершенно напрасно предполагаетъ за собою авторитетъ, и обратимся къ вопросу, который долженъ быть вполне знакомъ публицисту *Моск. Вѣд.*, — къ вопросу національному.

Намъ представляется яснымъ и несомнѣннымъ, что правильная и точная постановка принципа національности ведетъ къ слѣдующему заключенію: каждый народъ обладаетъ духовными особенностями; сохранять и развивать ихъ составляетъ непререкаемое право этого народа, для чего необходима автономія, отсутствіе давленія другаго народа или государства.

Такъ ли понимаютъ національное начало *Московскія Вѣдомости* и г. Иловайскій? Повидимому, да; они горячо и основательно доказываютъ права чешскаго народа на самоуправленіе, постоянно и съ негодованіемъ отмѣчаютъ попытки нѣмецкихъ централистовъ нарушить эти права, стѣснить свободу національнаго развитія Богеміи. Но, съ другой стороны, названная московская газета требуетъ, напримѣръ, уничтоженія самостоятельныхъ особенностей устройства Великаго Княжества Финляндскаго. Откуда же взялись двѣ логики, двѣ совѣсти?

Оказывается, что *національное* начало подмѣнено у нихъ, для домашняго употребленія, началомъ *господствующей* національности (началомъ государственности, централизаціи), истинное же національное начало представляется сосѣдямъ, защищается для чужихъ государствъ.

Мы никогда не были сторонниками крайняго національнаго направленія. Признавая за большими и малыми племенами одинаковое право на существованіе, мы многократно указывали на то, что размежеваться европейскимъ государствамъ по племенному составу—задача неосуществимая. Государство можетъ и должно, — такъ думается не составителю только этого обозрѣнія, а многимъ и многимъ русскимъ, кореннымъ русскимъ людямъ, — удовлетворить законнымъ потребностямъ господствующаго народа и дать, въ то же время, достаточно простора другимъ племенамъ, чтобы всѣмъ и каждому легко и достойно жилось въ предѣлахъ единой государственной области, чтобы въ основу управленія было положено начало справедливости. Если справедливость есть понятіе антирусское, по мнѣнію нѣкоторыхъ *истинныхъ патриотовъ*, тѣмъ хуже для этихъ патриотовъ.

Французская республика пережила въ прошломъ мѣсяцѣ довольно серьезный министерскій кризисъ. Фрейсина пытался удовлетворить одновременно и радикаловъ, и умѣренныхъ республиканцевъ, и папу, и Бассаньяка. Вожди крайнихъ партій потребовали, однако, ясныхъ и точныхъ заявленій со стороны правительства: какую политику оно усвоило себѣ по

отношенію къ католическому духовенству, пойдетъ ли оно на уступки ему или стремится къ отиѣнѣ конкордата? Вслѣдствіе уклончивыхъ объясненій Фрейсина, коалиція радикаловъ и монархистовъ клерикальнаго отиѣнка извергла кабинетъ. Президентъ республики, послѣ долгихъ совѣщаній съ вліятельными депутатами и сенаторами, не счелъ возможнымъ поручить составленіе новаго министерства кому-либо изъ радикаловъ. Во главѣ новаго кабинета оказался умѣренный и безцвѣтный сенаторъ Лубе, взявшій на себя постъ и министра внутреннихъ дѣлъ. Фрейсина и Рибо удержали портфели министровъ военнаго и иностранныхъ дѣлъ, а Констанъ не вошелъ въ новую комбинацію. Министръ-президентъ прочиталъ въ палатахъ заявленіе о своей программѣ. Онъ высказывается за сохраненіе конкордата, но объявляетъ твердое примѣненіе къ духовенству государственныхъ законовъ.

Новое министерство встрѣтило довольно холодный приѣмъ. Радикалы имъ недовольны за отказъ въ отиѣнѣ конкордата, т.-е. въ отдѣленіи государства отъ церкви. Монархисты, естественно, не одобряютъ намѣренія кабинета Лубе бороться съ клерикальными притязаніями. Наконецъ, довольно многочисленные сторонники бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ раздражены его устраненіемъ отъ власти. Послѣ того, какъ Констану удалось, при помощи не всегда безукоризненныхъ средствъ, разгромить буланжистовъ, на него многіе склонны были смотрѣть какъ на провиденціального человѣка, какъ на такого государственнаго дѣятеля, энергія котораго предохранитъ существующій порядокъ отъ всякихъ внутреннихъ опасностей. Непрерывныя нападенія, которымъ подвергался Констанъ со стороны буланжистовъ и монархистовъ, та яростная ненависть, которою эти партіи платили министру внутреннихъ дѣлъ за свое пораженіе, показывали, что Констанъ сыгралъ въ этомъ отношеніи дѣйствительно крупную роль. Но, повидимому, общественное прошлое Констана не безъ грѣховъ и въ обвиненіяхъ его политическихъ враговъ есть нѣчто справедливое. Читатели знаютъ изъ газетъ, какая прискорбная сцена разыгралась въ палатѣ депутатовъ между Констаномъ и Лоромъ, депутатомъ-буланжистомъ, повторявшимъ съ трибуны обвиненія газеты *Intransigent* противъ министра внутреннихъ дѣлъ: Констанъ схватилъ Лора, на трибунѣ, за шиворотъ, далъ ему двѣ пощечины и сбросилъ его внизъ. Нѣкоторые изъ нашихъ бонапартистовъ пришли въ большое удовольствіе по поводу этой вулканной расправы, усмотрѣвши въ ней *сильную руку* правительственной власти. Но, несмотря на то, что большинство республиканскихъ газетъ держало въ этомъ прискорбномъ случаѣ сторону Констана, общественное мнѣніе не могло не осудить дерущагося министра, устроившаго поворную сцену во время парламентскаго засѣданія.

Нельзя не замѣтить того затруднительнаго положенія, въ которое поставлено правительство Французской республики. Оно находится въ холодныхъ и недовѣрчивыхъ отношеніяхъ съ Италіей и поэтому считаетъ неблагоприятнымъ вступать въ борьбу съ папскимъ престоломъ. Это отра-

жается на ходѣ внутреннихъ дѣлъ, такъ какъ вызываетъ недовольство радикаловъ-республиканцевъ и косвенно поощряетъ поиски клерикально-монархической коалиціи. Необходимость союза съ Россіей, въ виду враждебнаго какъ Франціи, такъ и нашему отечеству тройственнаго союза, побуждаетъ республику также къ осторожной политикѣ въ дѣлахъ внутреннихъ, нѣсколько стѣсняетъ свободу дѣйствій всякаго министерства, независимо отъ отгѣнковъ политической программы.

При нынѣшнихъ международныхъ условіяхъ и кабинетъ Клемансо, по всей вѣроятности, вынужденъ былъ бы слѣдовать той политикѣ, которой держались Фрейсина и Рибо, а теперь будутъ держаться Лубе и Рабо. Перспектива войны съ Германіей продолжаетъ тормозить многія благія начинанія и тяжелымъ бременемъ тяготѣтъ надъ французскимъ народомъ. При такой перспективѣ правительство республики считаетъ неблагоприятнымъ наживать другаго опаснаго врага въ лицѣ главы римско-католической церкви. Слѣдуетъ замѣтить, однако, что политика сдѣлокъ, уступокъ, компромиссовъ по отношенію къ непримиримому врагу современнаго представительнаго государства, — непогрѣшимаго папы, — не въ состояніи принести добрыхъ результатовъ и можетъ, какъ мы уже сказали, объясняться лишь особенными опасностями международнаго положенія нынѣшней республиканской Франціи. *Journal des Débats* и *République française* рѣзко нападаютъ на радикаловъ, которые требуютъ отмены конкордата, осуществленія принципа свободной церкви въ свободномъ государствѣ. Спюллеръ (въ *République française*) настаиваетъ на томъ, что папа благосклонно относится къ республикѣ, что онъ запрещаетъ французскому духовенству вести борьбу съ ея правительствомъ. Но Ранъ (въ *Paris*) основательно возражаетъ, что папа обнаружилъ эту благосклонность лишь тогда, когда убѣдился въ невозможности клерикально-монархической реставраціи. Въ Ватиканѣ поняли, что отрицать республику теперь невыгодно для римско-католической церкви, что борьба съ нынѣшнею формой правленія во Франціи можетъ нанести существенный вредъ и французскому духовенству, и папскому престолу. Но это — пережѣна тактики, а не измѣненіе цѣлей. Папскій престолъ, попрежнему, стремится подчинить себѣ семью, школу, государство, и наилучшимъ средствомъ парализировать эти стремленія являются свободныя учрежденія и широкое распространеніе народнаго образованія. *Rappel* приводитъ слѣдующія, глубоко-поучительныя въ этомъ отношеніи цифры. Республика дала французскому народу уже 15,623 школьныхъ зданій (новыхъ, въ нихъ 19,158 школъ). 10,029 домовъ, въ которыхъ помѣщается 11,146 училищъ, перестроены, увеличены и улучшены. Эти два числа, вмѣстѣ взятая (25,652 зданія), составляютъ болѣе трехъ четвертыхъ всего числа существующихъ теперь училищныхъ зданій. Въ 1872 году начальныхъ школъ было 56,313, въ 1891—67,351; число учащихся возросло за это же время съ 75,062 до 106,247, а учащихся съ 3.835,791 до 4.405,543. Въ настоящее время во Франціи изъ числа призываемыхъ къ воинской повинности 90% знаютъ читать и писать. Расходы на на-

чальное народное образованіе въ 1872 году составляли 56 милліоновъ. Въ текущемъ году они достигли 126 милліоновъ. Краснорѣчіе этихъ цифръ не нуждается въ поясненіяхъ.

Февраль ознаменовался въ Берлинѣ прискорбными уличными беспорядками. Голодная, лишенная заработка толпа нѣсколько дней сряду собиралась на улицахъ столицы Германской имперіи и вступала въ борьбу съ полиціей. Дѣло не обошлось безъ раненыхъ съ той и съ другой стороны. Убитыхъ, по счастью, не было. Войска не были призваны и полиція не пускала въ ходъ огнестрѣльнаго оружія. Вожди социаль-демократической партіи предостерегали рабочее населеніе Берлина, доказывали, что путемъ уличнаго бунта нельзя и не слѣдуетъ достигать тѣхъ цѣлей, для осуществленія которыхъ германская и прусская конституціи даютъ широкій законный просторъ. По поводу этихъ беспорядковъ въ нашей печати заговорили чуть ли не объ окончательномъ разложеніи Гогенцоллернской монархіи. А давно ли тѣ же самые «консервативные» органы выставляли эту имперію непоколебимою твердыней?

Берлинскіе беспорядки, по нашему мнѣнію, только одинъ изъ признаковъ—и далеко не самыхъ важныхъ—труднаго и сложнаго періода государственной жизни нѣмецкаго народа. Серьезнымъ показателемъ опасности и запутанности положенія служитъ новая бранденбургская рѣчь императора Вильгельма II. Она вызвала сильное неудовольствіе общественнаго мнѣнія въ Германіи, порицанія и насмѣшки со стороны англійской, австрійской, французской и итальянской печати. Императоръ говорилъ опять на тему о своемъ провиденціальномъ назначеніи руководить единолично судьбами нѣмецкаго народа. Даже такіе умѣренные органы, преданные правительству, какъ *National Zeitung* и *Kölnische Zeitung*, рѣшительно не одобряютъ столь архаическихъ стремленій, а *Frankfurter Zeitung* говоритъ по этому поводу слѣдующее: «Командовать въ экономической и духовной области нельзя. *Новый курсъ* не устранилъ экономическихъ и социальнo-политическихъ затрудненій и теперь вызываетъ еще новыя опасенія законопроектомъ народной школы. Пятидесятимилліонною націей нельзя командовать, какъ полкомъ солдатъ».

Противъ нѣкоторыхъ газетъ, осуждавшихъ рѣчь императора, прокурорскимъ надзоромъ возбуждено судебное преслѣдованіе по обвиненію въ оскорбленіи величества. Эта мѣра только усиливаетъ неудовольствіе общественнаго мнѣнія. *Vossische-Zeitung* напоминаетъ по этому поводу слова Фридриха Великаго (изъ письма къ Вольтеру): «Я держусь такого же взгляда на сатиру, какъ Эпиктетъ: если о тебѣ говорятъ что-нибудь дурное, но соответствующее истинѣ, — исправься; если же это ложь, — посмѣйся надъ нею». *Vossische-Zeitung* желаетъ, чтобы германское законодательство было улучшено въ этомъ отношеніи, потому что, — говоритъ газета, —ничего не можетъ быть вреднѣе для короны, какъ вынужденное молчаніе народа.

Любопытно, что этия разсужденія любовно вторятъ у насъ *Московскія Видомости*. Передовая статья этой газеты *) говоритъ, что глупое впечатлѣніе вызвано не столько тою частью бранденбургской рѣчи, «гдѣ молодой монархъ такъ развязно обращается за панибрата съ Господомъ Богомъ, сколько тою частью, въ которой онъ высказываетъ недовольство на то, что въ Германіи осуждаются всѣ дѣйствія его правительства.

«Но кто же осуждаетъ ихъ? Дѣлаютъ ли это одни только анархисты и социалисты, начавшіе нынѣ открытый бунтъ на улицахъ самой столицы Вильгельма II, думавшаго подкупить ихъ отрицательными законами? Осуждаютъ ли его одни только прогрессисты, недовольные сближеніемъ императора съ протестантскими и католическими фанатиками?

«Нѣтъ, упрекъ императора относится, главнымъ образомъ, къ той части германскаго общества, представителями которой въ парламентъ служатъ національ-либералы и свободные консерваторы, то-есть къ громадному большинству германскаго общества, поддерживавшему политику покойнаго императора Вильгельма I и князя Бисмарка, создавшему вмѣстѣ съ ними великую и единую Германскую имперію и нынѣ съ негодованіемъ отвергнувшемуся отъ легкомысленной политики Вильгельма II и графа Каприви, которые безсознательно стремятся къ разрушенію этой имперіи.

«Упрекъ императора относится и ко всѣмъ представителямъ германской науки, которые недавно еще обратились къ нему съ рѣшительнымъ протестомъ противъ его новой школьной реформы, направленной къ упраздненію этой науки, составляющей пока еще единственному неувядаемую славу Германіи.

«Обращаясь къ этимъ важнѣйшимъ элементамъ германскаго народа, къ лучшей части германскаго общества, которой Германія обязана тѣмъ, чѣмъ она есть, императоръ говоритъ:

«Не лучше ли было бы, если бы недовольные и брюзжащіе люди отрясли германскій прахъ со своихъ туфель и поскорѣ удалились отъ нашихъ северныхъ и жалкихъ порядковъ? Это было бы и для нихъ самихъ хорошо, да и намъ они доставили бы тѣмъ большее удовольствіе».

«Еслибъ эти слова не были напечатаны въ *Имперскомъ Указателѣ*, то можно было бы подумать, что враги правительства сочинили ихъ,—до того невозможными они кажутся въ устахъ монарха. Отрясти прахъ съ туфель и удалиться отъ внутреннихъ дѣлъ—значитъ покинуть Германію, и именно это совѣтуетъ императоръ лучшей части своего народа! Та часть Германіи, которая сдѣлала ее великою, не желаетъ признать правильною почву, на которую стало правительство Вильгельма II, и, вмѣсто того, чтобы задуматься надъ вопросомъ, вѣрна ли политика, которую рекомендуютъ монарху его теперешніе совѣтники, императоръ самодовольно провозглашаетъ, что путь его безусловно вѣренъ, и совѣтуетъ несогласнымъ съ такимъ мнѣніемъ покинуть Германію».

*) *Московскія Видомости*, № 48.

Московскія Вѣдомости кончаютъ статью такими поучительными словами: «Примѣровъ, чтобы монархи изгоняли изъ страны чуть не поголовно весь свой народъ, исторія не знаетъ, но за то она знаетъ обратные примѣры, надъ которыми не худо было бы поразмыслить молодому германскому императору, дабы впредь воздержаться отъ излишествъ рѣчи, памятуя пословицу, что *тотъ, кто съестъ вѣтеръ, пожнетъ подъ конецъ бурю*».

Сильно сказано.

Московскія Вѣдомости приводятъ много извлеченій изъ иностранныхъ газетъ, гдѣ обсуждалась и осуждалась рѣчь императора Вильгельма II. Заимствуемъ у этого охранительнаго органа отзывъ, напечатанный въ *Wiener Tagblatt*. Статья этой газеты называется *Сюзникъ Бога* (германскій императоръ, дѣйствительно, выразился крайне неудачно, назвавъ Бога *старымъ союзникомъ при Росбахъ и Денневицъ*). Рѣчь, которую Вильгельмъ II произнесъ среди депутатовъ бранденбургскаго ландтага, представляетъ, по мнѣнію вѣнской газеты, заявленіе, «подобнаго которому не слышали ни отъ одного изъ императоровъ въ новѣйшее время. Оно напоминаетъ эдикты цезарей, сохранившіеся до нашего времени въ передачѣ Тацита». Проектъ школьной реформы вдохновилъ императора на эту рѣчь, которая должна была вызвать во всей Германіи бурю негодованія, уже успѣвшую отразиться въ вышедшихъ на слѣдующій день газетныхъ номерахъ. Съ истинно-мужественнымъ свободомысліемъ, публицистическіе органы всѣхъ партій высказываютъ порицаніе рѣчи императора и, не скрывая, выражаютъ опасенія, что императорскія слова могутъ вызвать большія опасности для государства».

Насъ удивляетъ только одно обстоятельство:

Школьный законопроектъ, о которомъ идетъ рѣчь, имѣетъ въ виду подчиненіе народной школы духовенству. *Моск. Вѣд.* давно проповѣдуютъ необходимость такого подчиненія. Противъ чего же московская газета возражаетъ въ законопроектѣ Цедлица? Въ чемъ, съ ея точки зрѣнія, заключается *упраздненіе науки, составляющей пока еще единственную неуязвимую славу Германіи?*

Изъ событій въ другихъ странахъ Европы слѣдуетъ отмѣтить открытіе послѣдней сессіи британскаго парламента. И консерваторы, и либералы дѣятельно готовятся къ близящимся общимъ выборамъ. Общественное мнѣніе, повидимому, все болѣе и болѣе склоняется на сторону Гладстона и сторонниковъ ирландскаго самоуправленія. Новому парламенту выпадаетъ на долю одна изъ труднѣйшихъ и благороднѣйшихъ задачъ, когда-либо разрѣшавшихся представительными учрежденіями: примиреніе интересовъ ирландскаго народа съ интересами самихъ англичанъ, согласованіе національнаго начала въ управленіи Зеленымъ островомъ съ общегосударственными требованіями.

Въ Греціи произошелъ кризисъ, причины котораго для чужеземнаго

наблюдателя кажутся недостаточно ясными. Король смѣнилъ министерство Деліаниса, пользовавшагося поддержкой парламентскаго большинства, и предложилъ составить новый кабинетъ политическому противнику Деліаниса—Трикупису, но тотъ отказался отъ этой неконституціонной роли. Тогда король обратился къ Константиноуло,—человѣку, стоящему внѣ политической борьбы,—для образованія *дѣловой* министерства. Въ Аѳонахъ эти мѣропріятія вызвали волненіе. *Paris* сравниваетъ образъ дѣствий короля Георга съ дѣйствіями Макъ-Магона въ знаменитое 16 мая. Французская печать съ живымъ вниманіемъ слѣдитъ за ходомъ политическихъ дѣлъ въ Греціи. Въ то время, когда пишутся эти строки, моряки русскаго, французскаго и греческаго флота общиваются въ Парей привѣтствіями и дружескими заявленіями. Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что на рѣшеніе короля Георга могли имѣть вліяніе и международныя отношенія. Во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ пожелать скорѣйшаго возстановленія нормальнаго порядка, т. е. устраненія самой возможности уподоблять дѣйствія короны произвольнымъ дѣйствіямъ Макъ-Магона, бывшаго президентомъ республики и монархистомъ по убѣжденію. Греція принадлежитъ къ числу странъ, въ настоящее время дружественныхъ нашему отечеству. Она представляетъ извѣстную величину, пренебрегать которою было бы ошибкой. Согласіе между королемъ и народнымъ представительствомъ составляетъ основное условіе развитія Греціи и соответствующаго этому развитію значенія въ общеевропейскихъ дѣлахъ. Финансовый кризисъ, который переживается этою страной, обусловливается непосильными тратами на армію и на флотъ. Нѣкоторыя англійскія газеты видятъ единственно-правильный исходъ изъ теперешняго положенія въ распушеніи палаты и въ обращеніи короля къ рѣшенію націи путемъ новыхъ общихъ выборовъ.

В. Г.

НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ.

Неотложность научной разработки сельско-хозяйственныхъ знаній въ Россіи.

„Изобиліе и качество плодовъ зависятъ отъ степени просвѣщенія въ наукѣ сельскаго хозяйства; сія же наука, полезнѣйшая въ составѣ всѣхъ другихъ, мало извѣстна въ Россіи“.

Графъ Мордвиновъ.

29 января текущаго 1892 года въ актовомъ залѣ Петербургскаго университета профессоръ Д. И. Менделѣевъ прочелъ въ пользу населенія, пострадавшаго отъ неурожая, публичную лекцію о «дѣйствительномъ и возможномъ отношеніи русской промышленности къ міровому производству». Вооружившись цѣлымъ арсеналомъ цифръ, почтенный лекторъ старался убѣдить своихъ слушателей, что недородъ хлѣба есть понятіе относительное и что общераспространенный у насъ взглядъ на Россію, какъ на страну исключительно земледѣльческую, представляетъ непростительное заблужденіе. Истинное спасеніе Россіи, по мнѣнію профессора Менделѣева, заключается не столько въ земледѣліи, сколько въ расширеніи добыванія и обработки ея неисчерпаемыхъ минеральныхъ богатствъ, главнымъ образомъ, желѣза и каменнаго угля. Отсюда слѣдуетъ, что отнынѣ центръ тяжести русской промышленности долженъ покоиться не въ земледѣліи, а въ горнозаводскомъ дѣлѣ, на развитіе котораго и должны быть направлены всѣ усилія истинныхъ сыновъ отечества.

При такой постановкѣ вопроса о желательномъ направленіи нашей промышленности, можно подумать, что въ интересахъ земледѣлія у насъ сдѣлано если не все, то, по крайней мѣрѣ, весьма многое, тогда какъ въ интересахъ горнозаводской промышленности мы какъ будто бы ничего не предпринимали до сихъ поръ. «Мы достаточно поняли, — говорилъ профессоръ Менделѣевъ, — значеніе скотоводства и земледѣлія, но въ пониманіи значенія металловъ и каменнаго угля мы отстали фактически». Такое утвержденіе, однако, основано на очевидномъ недоразумѣніи. Въ дѣйствительности положеніе вещей совершенно противоположно только что указанному. За послѣднія тридцать лѣтъ мы слишкомъ мало думали о

положеніи нашего земледѣлія и сельской промышленности, тогда какъ вслѣдія фабрично-заводскія и торговыя предпріятія все это время пользовались у насъ постояннымъ и особымъ покровительствомъ. Теперь, въ виду переживаемаго Россіей тяжелаго народнаго бѣдствія, результаты такой односторонней покровительственной политики становятся особенно чувствительными, наглядно подтверждая, насколько она была ошибочна. Факты, убѣждающіе насъ въ этомъ, общезвѣстны и мы не будемъ останавливаться на нихъ; скажемъ только, что, благодаря именно этой политикѣ, въ настоящее время передъ нами выступилъ цѣлый рядъ болѣе или менѣе крупныхъ недочетовъ въ отношеніи нашего земледѣлія и сельской промышленности. Недочеты эти столь существенны, что на выясненіи и устраненіи ихъ должна быть сосредоточена вся наша энергія. Въ виду этого, какъ раньше, такъ и теперь, центръ тяжести русской промышленности, вопреки мнѣнію профессора Менделѣева, попрежнему, остается въ земледѣліи и промыслахъ, тѣсно связанныхъ съ нимъ. Что же касается источниковъ благоденствія Россіи, то ихъ слѣдуетъ искать вовсе не въ рудникахъ и копяхъ, въ которыхъ, по выраженію нашего знаменитаго химика, будто бы царитъ вѣчное трудовое лѣто, а въ разумномъ пользованіи даровыми силами природы въ той необъятной лабораторіи, которую составляютъ наши лѣса, дуга и поля.

При такомъ положеніи дѣла, намъ кажется вполне своевременнымъ коснуться нѣкоторыхъ вопросовъ, имѣющихъ въ виду интересы сельскаго хозяйства въ Россіи. Вопросы эти относятся къ сферамъ научно-теоретической и практической разработки сельско-хозяйственныхъ знаній, которыя еще со временъ графа Мордвинова, какъ это хорошо извѣстно всѣмъ, являются крайне неудовлетворительными у насъ. Такимъ образомъ, оставляя въ сторонѣ эконоическія, бытовыя и правовыя условія сельскаго хозяйства въ Россіи, мы остановимся только на тѣхъ сторонахъ его, которыя подлежатъ контролю точнаго знанія.

Въ настоящее время едва ли нужно доказывать, что наука или, лучше сказать, естествознаніе играетъ въ земледѣліи столь же важную роль, какъ и въ различныхъ отрасляхъ обрабатывающей промышленности, опирающихся на физику и химию. Въ сущности говоря, основы сельскаго хозяйства всецѣло относятся къ области прикладнаго естествознанія, благодаря чему онѣ находятся съ нимъ въ тѣснѣйшей и неразрывной связи: «Въ сферахъ прикладнаго естествознанія, — говоритъ В. Ковалевскій *), — сельское хозяйство является областью наиболѣе важною съ точки зрѣнія матеріальной культуры человѣчества и наиболѣе обширною по размѣру приложенія силъ природы и труда, а также по величинѣ той части твердой поверхности земнаго шара, на которую распространяется хозяйственное воздѣйствіе человѣка. Ни въ одной отрасли промышленности че-

*) *Вопросы современнаго сельскаго хозяйства къ естествознанію. VIII съѣздъ русскихъ естествоиспытателей и врачей въ Петербургѣ. Сиб., 1890 г., стр. 102 (общій отдѣлъ).*

ловѣкъ не ставится столь непосредственно съ вѣншею природою и не находится отъ нея въ такой зависимости, какъ именно при производствѣ сырья, служащаго для удовлетворенія насущнѣйшихъ нуждъ населенія. Только одна эта промышленность можетъ быть названа *созидающею* въ строгомъ смыслѣ слова; она одна преобразуетъ мѣръ неорганической и мертвой въ живые организмы, продукты которыхъ являются первичнымъ источникомъ всѣхъ богатствъ. Тамъ природа развертывается во всемъ могуществѣ своихъ творческихъ силъ; тамъ силы эти комбинируются въ чрезвычайно сложныя, запутанныя и разнообразныя сочетанія; тамъ естествознанію ставятся самыя трудныя къ рѣшенію проблемы и открывается широкое, почти безпредѣльное поле для испытующей мысли натуралиста... Эти глубоко правдивыя слова станутъ для насъ еще болѣе убѣдительными, если мы обратимся къ опредѣленію самаго существа сельско-хозяйственныхъ знаній. Дѣйствительно, сельское хозяйство, какъ особая отрасль промышленности, имѣетъ цѣлью производство растительныхъ и животныхъ веществъ путемъ возможно-полнаго использованія даровыхъ силъ природы, при возможно-меньшей затратѣ труда и капитала. Законы же этого производства опредѣляются, главнымъ образомъ, естественными науками, которыя, изучая вещества и силы природы, даютъ необходимыя указанія, какъ воспользоваться ими ради специальныхъ цѣлей сельско-хозяйственнаго производства; отсюда уже слѣдуетъ, что естественно-историческая часть сельско-хозяйственныхъ знаній представляетъ собою совокупность свѣдѣній, почерпаемыхъ изъ области геологій, минералогій, почвовѣдѣнія, метеорологій, физики, химіи, батаніи, зоологій, физиологій, анатоміи и т. п. Если же принять во вниманіе высоту современнаго уровня всѣхъ этихъ специальныхъ наукъ и необыкновенно быстрое развитіе ихъ за послѣдніе годы, то для насъ станетъ вполне очевиднымъ, какія могучія средства даютъ онѣ въ руки сельскаго хозяина и какъ важно для него имѣть открытый и свободный доступъ къ возможно-широкому пользованію ихъ щедрыми дарами.

Чтобы не быть голословными, приведемъ два-три примѣра, наглядно убѣждающіе насъ въ громадномъ значеніи для сельскаго хозяйства строгонаучныхъ изысканій. Всякому, конечно, хорошо извѣстно, что результаты урожая, между прочимъ, находятся въ тѣснѣйшей зависимости отъ совокупности тѣхъ или другихъ метеорологическихъ условій. Наши крестьяне и сельскіе хозяева прекрасно знаютъ эту зависимость и, опираясь на указанія вѣкового опыта, даже формулируютъ ее въ болѣе или менѣе удачныхъ примѣтахъ и поговоркахъ, не лишенныхъ общаго значенія, какъ и всѣ другіе выводы среднихъ величинъ. На основаніи этихъ примѣтъ, они пытаются даже опредѣлить виды на урожай и нерѣдко ихъ предсказанія блестяще оправдываются на дѣлѣ. Немаловажную роль при этомъ играетъ легендарный Брюссъ, метеорологическія предсказанія котораго и до сихъ поръ еще пользуются большимъ значеніемъ въ средѣ нашихъ сельскихъ хозяевъ. Насколько велика ихъ вѣра въ него, можно судить по нижеслѣдующему

факту: изданный лохвицкимъ обществомъ сельскаго хозяйства *Сельско-хозяйственный календарь для черноземной полосы Россіи на 1890 годъ* содержалъ, между прочимъ, предсказанія о переѣнахъ погоды по Брюсову календарю, хотя при этомъ редація этого изданія и сочла нужнымъ замѣтить, что «настояція предсказанія помѣщаются по *неоднократно высказанному желанію читателей* календаря, научнаго же основанія эти предсказанія не имѣютъ» (стр. 24—25). Но, тогда какъ всѣ эти предсказанія должны быть отнесены къ области наивнаго легковѣрія, та же самая зависимость за послѣдніе годы сдѣлалась предметомъ дѣятельнаго изученія со стороны метеорологовъ и научно-образованныхъ сельскихъ хозяевъ, которымъ и удалось достигнуть въ этомъ отношеніи весьма важныхъ и поучительныхъ результатовъ, позволяющихъ съ большею осмысленностью относиться къ ходу различныхъ сельско-хозяйственныхъ явленій. Чтобы не ходить далеко, укажемъ на чрезвычайно интересную работу графа Олсуфьева, который въ торжественномъ собраніи Императорскаго вольнаго экономическаго общества и членовъ VIII съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей, состоявшемся 4 января 1890 г., сдѣлалъ сообщеніе *О соотношеніи осадковъ къ температурѣ и о другихъ метеорологическихъ явленіяхъ при различныхъ урожаѣхъ ржи и овса въ средней полосѣ Россіи**). Занимался уже болѣе 10 лѣтъ метеорологическими наблюденіями въ своемъ имѣніи Нивольскомъ-Горушкахъ, находящемся въ Дмитровскомъ уѣздѣ, Московской губерніи, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ведя правильное хозяйство, графъ Олсуфьевъ задался цѣлью изслѣдовать вліяніе различныхъ метеорологическихъ факторовъ на урожай двухъ главныхъ хлѣбовъ средней полосы Россіи. Онъ представилъ собранію весьма обстоятельныя графическія и цифровыя таблицы и на основаніи ихъ пришелъ къ слѣдующимъ заключеніямъ. Весь процессъ произростанія ржи раздѣленъ имъ на три періода, которые почти соответствуютъ тремъ главнымъ стадіямъ ея развитія. Первый періодъ онъ считаетъ отъ появленія весенней зелени до времени полнаго развитія трубки, второй—отъ начала колошенія до цвѣтенія и, наконецъ, третій—отъ цвѣтенія до жатвы. Продолжительность каждаго такого періода, въ среднемъ, составляетъ 33 дня. Тѣ годы, въ которые растенія получали болѣе тепла въ первый періодъ, были всего урожайнѣе и, обратно, дожди въ этотъ періодъ оказываютъ вредное вліяніе. Такъ, въ три лучшіе года, давшіе, въ среднемъ, 101 пудъ зерна съ десятины, получено, въ среднемъ, тепла 348°, а дождя—33 мм.; въ три года съ среднимъ урожаемъ въ 95 пудовъ съ десятины получено, въ среднемъ, 288° тепла, а дождя—44,6 мм., и, наконецъ, въ три года съ худшимъ урожаемъ, давшимъ всего 67 пуд. съ дес., тепла было получено 278°, а дождя—88,8 мм. Изъ этихъ данныхъ необходимо заключить, что въ первый періодъ, приблизительно между серединой апрѣля и серединой мая, дож-

* VIII съѣздъ русскихъ естествоиспытателей и врачей и т. д., стр. 96—102 (общій отдѣлъ).

ди вредятъ образованію колоса, коль скоро одному миллиметру дождя не будетъ соответствовать, по крайней мѣрѣ, $11,3^{\circ}$ тепла, потому что при среднихъ урожаяхъ эта величина понижается до $6,5^{\circ}$, при плохихъ — до 4° , а въ самый неурожайный изъ всѣхъ годовъ она понизилась до $1,6^{\circ}$. Во второмъ и третьемъ періодахъ въ образованіи зерна дожди уже не играютъ такой роли, какъ мы видѣли въ первомъ періодѣ, а способствуютъ преимущественно хорошему ужину. Оно и понятно: до половины мая земля еще достаточно пропитана весеннею влагой и, вмѣстѣ съ тѣмъ, холодна, а потому и требуетъ относительно большаго тепла; во второй же половинѣ мѣсяца, когда сумма тепла бываетъ вдвое большая, дождь способствуетъ только росту соломы, а нижнимъ образомъ не дѣйствуетъ уже на ростъ колоса, который образовался еще въ трубкѣ, т.-е. въ теченіе перваго періода. Въ третьемъ періодѣ слишкомъ обильные дожди вредятъ цвѣтенію и способствуютъ полеганію, на развитіе же зерна они особеннаго вліянія не оказываютъ. Что же касается другихъ метеорологическихъ явленій, то замѣчено, что температура во все время роста въ урожайные годы выше, нежели въ неурожайные; ясныхъ дней въ урожайные годы больше, чѣмъ въ неурожайные; грозы же, если только допустить, что и онѣ имѣютъ какое-нибудь вліяніе на урожай, представляютъ обратный ходъ, т.-е. въ урожайный годъ ихъ меньше, нежели въ неурожайный. Для овса графъ Олсуфьевъ принимаетъ два періода. Первый — отъ посѣва до колошенія и второй — отъ колошенія до жатвы. Продолжительность перваго, въ среднемъ, равняется 60 днямъ, а втораго — 44 днямъ. Періоды эти, однако, не играютъ такой роли, какъ въ провзростаніи ржи, а потому и выводы здѣсь проще. Вообще говоря, чѣмъ больше осадковъ при одинаковой суммѣ градусовъ средней температуры, тѣмъ урожай лучше. Среднее количество температуры на одинъ миллиметръ дождя получилось для лучшихъ урожаявъ $4,8^{\circ}$, для среднихъ — $5,8^{\circ}$ и для плохихъ — $8,1^{\circ}$. Среднее количество дождя въ лучшихъ годахъ равнялась 343 мм., въ среднихъ — 280 мм., а въ плохіе годы оно составляло всего только 228 мм. Ясныхъ дней въ лучшіе годы было 34, въ средніе — 48 и въ худшіе — 46. Такимъ образомъ, мы видимъ, что для овса ходъ явленій почти всегда оказывается обратнымъ сравнительно съ тѣмъ, какой мы получили для ржи. Тѣмъ не менѣе, урожай ржи и овса часто совпадаютъ. Такое совпаденіе объясняется тѣмъ, что въ среднихъ широтахъ овесъ начинаетъ всходить только около половины мая и требуетъ для своего развитія много влаги именно въ то время, когда для ржи особенное обиліе ея уже не можетъ имѣть вредныхъ послѣдствій. Десять лѣтъ наблюденій, приуроченныхъ къ одному мѣсту, конечно, не дадутъ еще права дѣлать окончательные выводы, — это дѣло будущаго, но и теперь эти выводы представляютъ большой интересъ какъ съ научной, такъ и съ практической стороны. Если заключенія графа Олсуфьева подтвердятся, то урожай ржи, въ смыслъ хорошаго урожая, помимо, конечно, различныхъ неблагоприятныхъ случайностей, могутъ быть предвидимы еще до появленія колоса, т.-е. за два мѣсяца до

жатвы. Въ виду этого, нельзя не согласиться съ замѣчаніемъ графа Олсуфьева, что если бы и другіе хозяева производили такія же наблюденія, какъ и онъ, то изъ этого получился бы драгоцѣннѣйшій матеріалъ, на основаніи котораго можно было бы сдѣлать подобныя же выводы и для другихъ мѣстностей Россіи.

Другая попытка въ указанномъ направленіи была сдѣлана въ послѣднее время на югѣ Россіи преподавателемъ реального училища въ Елизаветградѣ, г. Близнинымъ, который занялся рѣшеніемъ вопроса *О метеорологическихъ условіяхъ урожайности озимой пшеницы въ Елизаветградскомъ уѣздѣ Херсонской губ. *)*. Въ своей обстоятельной работѣ, посвященной этому вопросу, г. Близнинъ приходитъ къ весьма цѣннымъ общимъ результатамъ, сущность которыхъ заключается въ слѣдующемъ. Средніе урожаи получаютъ при условіи вообще слабыхъ отклоненій элементовъ погоды, т.-е. температуры, осадковъ, влажности и т. п., отъ нормальнаго ихъ хода. Увеличеніе отклоненій ведетъ за собою измѣненіе количества зерна, получаемого съ десятины. Если эти усиленные отклоненія сглаживаютъ особенности, свойственныя отдѣльнымъ частямъ года, то они приводятъ къ усиленію урожая, если же они увеличиваютъ эти особенности, то это ведетъ къ ослабленію урожая. Въ частности обильные урожаи озимой пшеницы въ Елизаветградскомъ уѣздѣ характеризуются медленно наступающимъ охлажденіемъ воздуха съ осени при температурѣ выше нормальной. Затѣмъ должна слѣдовать теплая весна, переходящая въ лѣто съ пониженною температурой. Число дней съ осадками въ урожайные годы увеличено въ сентябрѣ, январѣ, іюнѣ и іюлѣ и уменьшено въ февралѣ, мартѣ и маѣ. Количество осадковъ, при хорошемъ урожаѣ, увеличено осенью и въ началѣ зимы и уменьшено весной и отчасти лѣтомъ; сырость воздуха (относительная влажность) увеличена поздно осенью, а въ особенности въ іюнѣ и іюлѣ, и уменьшена съ января по май; облачность увеличена осенью, а также въ іюнѣ и іюлѣ, съ января же по май она равномернo убываетъ. Слабые урожаи характеризуются быстро идущимъ охлажденіемъ воздуха осенью, при пониженной температурѣ, рано начинающеюся весной, переходящею въ жаркое лѣто. Число дней съ осадками въ неурожайные годы въ сентябрѣ, январѣ, іюнѣ и іюлѣ меньше, а въ ноябрѣ, февралѣ и маѣ больше нормальнаго; количество осадковъ уменьшено въ теченіе всего растительнаго періода, главнымъ же образомъ весной и лѣтомъ; сырость воздуха уменьшена во всѣ мѣсяцы года и особенно сильно съ апрѣля до жатвы; облачность также уменьшена въ теченіе всего растительнаго періода. Таковы выводы, къ которымъ пришелъ г. Близнинъ, разрабатывая частный вопросъ о вліяніи элементовъ погоды на урожайность озимой пшеницы въ Елизаветградскомъ уѣздѣ. Выводы эти, какъ и заключенія графа Олсуфьева, драгоцѣнны для

*) *Труды метеорологической стии по-запада Россіи въ 1890 году.* Одесса, 1891 г., стр. 30—43.

насъ въ томъ отношеніи, что, опираясь на нихъ, мы въ состояніи съ значительной вѣроятностью предвидѣть тѣ или другія сельско-хозяйственные результаты, вытекающіе изъ наличнаго сочетанія различныхъ элементовъ погоды. Само собою понятно, что такое вполне осмысленное предвидѣніе стоитъ несравненно выше всякихъ примѣтъ, нерѣдко являющихся слѣдствіемъ грубѣйшихъ предразсудковъ.

Здѣсь будетъ кстати замѣтить, что обѣ вышеприведенныя работы наглядно убѣждаютъ насъ, насколько была бы полезна и необходима для Россіи строго-научная постановка земледѣльской метеорологіи и насколько важно было бы устройство, на подобіе обсерваторіи въ Монсури, хотя бы одной, хорошо обставленной всѣми необходимыми средствами земледѣльско-метеорологической станціи, въ особенности на юго-востокѣ Россіи, отличающемся весьма своеобразными метеорологическими условіями. Такая станція была бы вполне уместна въ государствѣ, для котораго земледѣліе составляетъ главнѣйшій источникъ его благосостоянія.

Укажемъ еще на весьма полезные результаты, достигнутые почвенными изслѣдованіями въ Нижегородской губерніи, а также на нѣкоторыя удачныя мѣропріятія въ борьбѣ съ вредными животными и т. п. Было бы излишне приводить дальнѣйшіе примѣры тѣснѣйшей зависимости успѣховъ сельско-хозяйственной практики отъ систематическаго и строго-научнаго изученія физическихъ, химическихъ и физиологическихъ явленій, съ которыми приходится имѣть дѣло сельскимъ хозяевамъ. Польза этого изученія давнымъ-давно уже признана въ земледѣльческихъ государствахъ Западной Европы и Америки, гдѣ научная разработка сельско-хозяйственныхъ знаній всегда пользовалась самою широкою и дѣятельною поддержкой. Неудивительно поэтому, что въ странахъ съ такою высокою земледѣльскою культурою, каковую мы видимъ въ Германіи, Бельгіи, Франціи, Англии, Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки и друг., существуютъ цѣлыя арміи ученыхъ, настойчиво изучающихъ природу, дѣйствующую въ сельско-хозяйственномъ производствѣ. Средоточіемъ ихъ неустанной дѣятельности явились особыя спеціальныя научныя учрежденія, какъ, напримѣръ, сельско-хозяйственныя академіи, агрономическіе институты при университетахъ и въ особенности опытные сельско-хозяйственныя станціи, которыя съ каждымъ годомъ приобрѣтаютъ все большее и большее значеніе въ дѣлѣ развитія сельско-хозяйственныхъ знаній.

Время возникновенія подобныхъ станцій относится къ началу сороковыхъ годовъ. Изъ года въ годъ увеличиваясь въ числѣ, опыты сельско-хозяйственныя станціи въ настоящее время считаются сотнями. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что число ихъ еще болѣе возрастетъ, такъ какъ по своей организациіи онѣ вполне удовлетворяютъ самымъ широкимъ запросамъ сельскаго хозяйства. Главнѣйшая задача такихъ станцій заключается въ рѣшеніи такихъ научно-теоретическихъ или практическихъ вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ, по недостатку средствъ и времени, не подѣ силу отдѣльному хозяину. Вопросы эти чрезвычайно разнообразны и обнимаютъ всѣ стороны

сельско-хозяйственного производства. Сельско-хозяйственные опытные станции занимаются, прежде всего, изучением почв своего района, производят разносторонние метеорологические наблюдения, определяют влияние различных способов обработки почвы на урожай, испытывают необходимые для этого орудия, производят анализы удобрений, как получаемых в хозяйствах, так и покупных, изучают различные способы применения этих удобрений и влияние их на урожай, производят опыты над культурой новых полезных растений, исследуют обычные культурные растения и определяют качества их семян, корней и клубней, устанавливают наиболее выгодные севообороты, изучают вредных и полезных насекомых, растительных и животных паразитов, ищут наиболее действительные средства для уничтожения их, исследуют роль и значение микроорганизмов, анализируют различные кормовые вещества, занимаются опытами кормления тех или других сельскохозяйственных животных, изучают влияние разных способов содержания и кормления на продуктивность животных, выработывают лучшие породы их, исследуют болезни растений и животных, а также разбирают различные вопросы плодоводства, садоводства, виноградарства, виноделия, птицеводства, пчеловодства, шелководства и т. п. Кроме сказать, все отрасли сельско-хозяйственного производства могут быть предметом работ опытных станций, которые и должны давать советы, указания и разъяснения во всех практических затруднениях. Само собою разумеется, что столь сложная задача может быть выполнена только при затратах весьма больших средств и при помощи лиц, получивших специальную подготовку, т. е. почвоведов, метеорологов, химиков, энтомологов, ботаников, агрономов, микробиологов, ветеринаров и т. д. Понятно также, что опытные сельско-хозяйственные станции могут содействовать прогрессу сельского хозяйства только при том условии, чтобы между ними и сельско-хозяйственной жизнью страны была теснейшая и неразрывная связь, что всего лучше может быть достигнуто полной и гласностью их работ, положительные результаты которых должны возможно шире распространяться в массах земледельческого населения. Для этой последней цели, помимо низших сельско-хозяйственных школ, специальных сельских популярных агрономических курсов, а также книг, периодических изданий, брошюр и летучих листов, обыкновенно служат небольшие опытные и доказательные поля, наиболее подходящие к условиям мелкого хозяйства в данной местности.

В виду высокой теоретической и практической важности научных работ различных специальных учреждений и в особенности опытных сельско-хозяйственных станций, мы позволим себе несколько подробнее остановиться на рассмотрении их организации за границей. Для примера мы возьмем две страны, Пруссию и Соединенные Штаты Северной Америки, которые, по некоторым условиям своего хозяйства, например, почвенным, метеорологическим и др., стоят довольно близко к России.

Въ тому же, въ Пруссіи подобныя учрежденія существуютъ уже весьма давно, тогда какъ въ Соединенныхъ Штатахъ они являются дѣломъ сравнительно недавняго времени.

По официальнымъ отчетамъ за 1890 годъ *), въ Пруссіи считалось: пять сельско-хозяйственныхъ институтовъ при университетахъ въ Кенигсбергѣ, Бреславлѣ, Галле, Килѣ и Геттингенѣ, двѣ высшихъ сельско-хозяйственныхъ школы въ Берлинѣ и Поппельсдорфѣ, двѣ лѣсныхъ академіи въ Эберсвальдѣ и Мюнденѣ и двѣ высшихъ ветеринарныхъ школы въ Берлинѣ и Ганноверѣ. Сверхъ этого, въ томъ же отчетномъ году въ Пруссіи дѣйствовали слѣдующія испытательныя учрежденія: прежде всего, при сельско-хозяйственныхъ университетскихъ институтахъ—особый химическій институтъ въ Бреславлѣ, земледѣльческо-химическая лабораторія въ Кенигсбергѣ, сѣменная контрольная станція въ Килѣ, земледѣльческо-химическая опытная станція и сельско-хозяйственная физиологическая лабораторія въ Галле, затѣмъ, опытная сельско-хозяйственная станція при академіи въ Поппельсдорфѣ и, наконецъ, девятнадцать самостоятельныхъ опытныхъ станцій въ Кенигсбергѣ, Инстербургѣ, Данцигѣ, Даме, Регенсвальдѣ, Эльденѣ, Позенѣ, Бреславлѣ, Проскау, Галле, Килѣ, Гильдесгеймѣ, Геттингенѣ, Мюнстерѣ, Марбургѣ, Висбаденѣ, Гейзенгеймѣ, Боннѣ и Бременѣ. При этомъ, на содержаніе только этихъ послѣднихъ девятнадцати станцій въ 1890 году изъ правительственныхъ, общественныхъ и частныхъ источниковъ было затрачено около 375,000 марокъ.

Относительно научной дѣятельности всѣхъ вышеперечисленныхъ специальныхъ учреждений мы должны замѣтить слѣдующее. Сельско-хозяйственные институты при прусскихъ университетахъ организованы съ цѣлью служить средоточіемъ всѣхъ образовательныхъ и вспомогательныхъ средствъ, необходимыхъ для преподаванія, самостоятельныхъ занятій и научныхъ изслѣдованій въ области сельско-хозяйственныхъ знаній. Мысль объ организаціи подобныхъ учрежденій была высказана впервые прусскимъ королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III, который въ своемъ *Kabinetordnung*, отъ 1 июля 1805 года, указалъ на необходимость устройства при университетахъ особыхъ институтовъ, снабженныхъ всѣмъ необходимымъ для того, чтобы преподаваніе агрономіи шло неразрывно съ изученіемъ образцовъ и примѣровъ сельско-хозяйственной практики. Въ то время мысль эта, однако, не была осуществлена на дѣлѣ, такъ какъ общественное вниманіе, благодаря настойчивымъ указаніямъ извѣстнаго нѣмецкаго агронома Альбрехта Тера, остановилось на организаціи специальныхъ сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеній, по образцу устроенныхъ самимъ Теромъ въ Целле и въ Меглинѣ въ 1806 году. Заведенія эти получили вполнѣ самостоятельное устройство и заняли совершенно независимое положеніе отъ

*) *Beiträge zur landwirthschaftlichen Statistik von Preussen für das Jahr. 1890.* Landwirthschaftliche Jahrbücher. Band XX, Ergänzungsband I. Berlin, 1891, стр. 1—73 и 1*—20*.

университетовъ. Первый, высказавшійся противъ такого направленія высшего агрономическаго образованія въ Германіи, по словамъ А. Е. Зайкевича *), былъ знаменитый нѣмецкій ученый Юстусъ Либихъ. Сперва въ своихъ *Письмахъ о химіи*, появившихся въ 1855 году, а затѣмъ въ рѣчи *О вліяніи наукъ на развитіе благосостоянія населенія*, произнесенной въ годовомъ собраніи Мюнхенской академіи наукъ 26 марта 1861 года, и, наконецъ, въ своей книгѣ *Химія въ приложеніи къ земледѣлію и физиологіи растений* онъ открыто выступилъ противъ изолированнаго положенія сельско-хозяйственныхъ академій. «Никто не сомнѣвается, — говорилъ онъ, между прочимъ, — что основанное въ 1806 г. Тераомъ учебное заведеніе въ Меглинѣ принесло пользу нѣмецкому хозяйству, но открытыя затѣмъ по образцу его сельско-хозяйственныя академіи принесли ему больше вреда, нежели пользы. Отдѣлявшись отъ общеобразовательныхъ центровъ, онѣ закрыли къ себѣ доступъ естествознанію, между тѣмъ какъ естественныя науки со времени Тера сдѣлали огромный успѣхъ». Соединять высшее сельско-хозяйственное преподаваніе съ практическими упражненіями въ образцовыхъ хозяйствахъ Либихъ считалъ бесполезнымъ на томъ основаніи, что высшая теоретическая подготовка и практика должны идти раздѣльно и независимо одна отъ другой и школа [должна служить исключительно интересамъ первой. «Не входя въ обсужденіе, — говоритъ г. Зайкевичъ, — насколько справедливъ былъ взглядъ Либиха на академическое сельско-хозяйственное образованіе въ Германіи, замѣтимъ, что онъ оказалъ огромное вліяніе на общественное мнѣніе и способствовалъ повороту агрономическаго образованія въ этой странѣ къ прежнему университетскому направленію. Какъ только открыта была послѣдняя прусская сельско-хозяйственная академія въ Вальдау, саксонское центральное общество сельскаго хозяйства тотчасъ обратилось къ правительству съ ходатайствомъ объ организаціи преподаванія сельскаго хозяйства при Гальскомъ университетѣ». Согласно этому ходатайству, въ 1862 году **) при университетѣ въ Галле была утверждена кафедра сельскаго хозяйства, которую и занялъ профессоръ Кюнъ, а по высочайшему повеленію, состоявшемуся 27 февраля 1863 года, осенью этого же года она была преобразована въ сельско-хозяйственный институтъ съ цѣлымъ рядомъ различныхъ вспомогательныхъ учрежденій, каковы, напримѣръ, сельско-хозяйственная физиологическая лабораторія, собраніе сельско-хозяйственныхъ коллекцій, ботаническій садъ, опытное поле, зоологическій садъ сельско-хозяйственныхъ животныхъ, ветеринарная клиника и т. д. На содержаніе этого института въ 1890—91 году было ассигновано 82,238 марокъ. Примѣру Гальскаго университета вскорѣ послѣдовали и другіе университеты, а именно: Геттингенскій въ 1872 г., Бильскій въ 1873 г., Кенигсбергскій въ 1876 г. и, наконецъ, Бреславскій въ 1881 году. Сельско-хозяйственные институты

*) *Агрономія, какъ наука вообще и университетская въ частности*. Харьковъ, 1891 г., стр. 9—11.

**) *Landwirthschaftliche Jahrbücher* и т. д., стр. 4*.

при означенныхъ университетахъ не ведутъ образцовыхъ хозяйствъ, но то, что достигалось бы устройствомъ этихъ послѣднихъ, достигается обыкновенно устройствомъ специально приспособленныхъ для демонстративныхъ цѣлей полей, а также экскурсіями слушателей въ образцовыя частныя имѣнія. Въ 1890 году въ пяти прусскихъ университетскихъ сельско-хозяйственныхъ институтахъ числилось 350 слушателей, а всего съ начала ихъ дѣятельности въ нихъ перебывало 7,605 слушателей, причемъ гальскій сельско-хозяйственный институтъ всегда отличался наибольшимъ количествомъ.

Что же касается специальныхъ прусскихъ сельско-хозяйственныхъ академій, то онѣ имѣютъ цѣлю: 1) служить для научныхъ изысканій въ области сельско-хозяйственныхъ и другихъ тѣсно соприкасающихся съ ними знаній; 2) способствовать сельскимъ хозяевамъ путемъ научнаго образованія съ наибольшою выгодой вести ихъ сельско-хозяйственныя предпріятія; 3) доставлять средства для образованія лицамъ, желающимъ заняться геодезическими и культуртехническими работами, и 4) дать возможность студентамъ университета, а также техническихъ и ветеринарныхъ школъ вполне ознакомиться съ сельскимъ хозяйствомъ и науками, тѣсно связанными съ нимъ, какъ это можетъ быть желательно въ интересахъ ихъ послѣдующей дѣятельности. Такихъ академій въ Пруссіи въ настоящее время двѣ; изъ нихъ академія въ Берлинѣ открыта въ 1859, а академія въ Поппельсдорфѣ основана въ 1847 году. Въ 1890 году въ нихъ числилось 539 слушателей, на содержаніе же обѣихъ академій было истрчено 508,477 марокъ.

О лѣсныхъ академіяхъ и ветеринарныхъ школахъ мы говорить не будемъ въ виду общезвѣстности ихъ назначенія и полной опредѣленности ихъ положенія. Скажемъ только нѣсколько словъ о прусскихъ сельско-хозяйственныхъ опытныхъ станціяхъ. На каждой изъ нихъ специально-подготовленные лица занимаются разработкою и рѣшеніемъ чрезвычайно разнообразныхъ сельско-хозяйственныхъ вопросовъ. Для того, чтобы читатели могли составить себѣ нѣкоторое понятіе о размѣрахъ и разнообразіи дѣятельности прусскихъ опытныхъ станцій, остановимся нѣсколько подробнѣе на работахъ станціи въ Галле, произведенныхъ въ 1890 году. Станція эта организована и содержится центральнымъ сельско-хозяйственнымъ обществомъ Саксонской провинціи, при небольшомъ пособіи отъ правительства. Персоналъ ея съ филиальнымъ отдѣленіемъ въ Магдебургѣ состоитъ изъ 13 лицъ. Въ отчетномъ году ими были произведены нижеслѣдующія работы: 1) сдѣлано 6,506 химическихъ анализовъ, исключая анализовъ, произведенныхъ ботаническимъ отдѣломъ станціи; 2) изслѣдовано усвоеніе фосфорной кислоты различными растеніями на почвахъ различныхъ свойствъ и съ различнымъ или одинаковымъ содержаніемъ фосфорной кислоты; 3) производились опыты выращиванія азото-собирающихъ растеній; 4) изучалось содержаніе фосфорной кислоты и ея растворимость въ типическихъ почвахъ Саксонской провинціи; 5) опредѣлялась способность самовозгоранія зерна

и соломы, сильно смоченныхъ водою во время наводненій; 6) изучался вопросъ о наиболѣе экономномъ способѣ пользованія фосфорною кислотою при свекловичной культурѣ; 7) производились изслѣдованія надъ антисептическими свойствами фтористо-водородной кислоты; 8) продолжалось изученіе кормовыхъ веществъ; 9) улучшались методы химическаго анализа и т. д. Изъ этого краткаго перечня работъ станціи не трудно усмотрѣть, насколько онѣ были сложны и разносторонни. То же самое слѣдуетъ сказать и про работы остальныхъ станцій, польза которыхъ давнымъ-давно уже стоитъ въ Пруссіи внѣ всякихъ сомнѣній.

Такова организація специальныхъ учреждений, имѣющихъ цѣлью научную разработку сельско-хозяйственныхъ знаній, въ Пруссіи, площадь которой равняется 348,331 кв. километру, а населеніе едва превышаетъ 28.000,000. Если же къ этимъ учреждениямъ мы прибавимъ 16 сельско-хозяйственныхъ школъ, 28 земледѣльческихъ, 73 зимнихъ сельско-хозяйственныхъ школы, 3 луговодственныхъ школы, 4 помологическихъ института и садоводственныхъ учебныхъ заведенія, 52 садоводственныхъ и плодородственныхъ школы и практическихъ плодородственныхъ курса, 66 молочныхъ и доводственныхъ школъ, кузнечныхъ, лѣсныхъ, свеклосахарныхъ, винокуренныхъ и прочихъ заведеній, а также множество сельско-хозяйственныхъ обществъ, то для насъ станеть вполнѣ яснымъ, до какого совершенства и напряженности доведено въ Пруссіи сельско-хозяйственное производство и какъ осмысленно ведется оно здѣсь при постоянномъ и дѣятельномъ содѣйствіи науки.

Не менѣе грандіозную картину развитія и широкаго распространенія сельско-хозяйственныхъ знаній мы видимъ въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, представляющихъ для насъ въ этомъ отношеніи особенный интересъ въ виду ихъ сильной конкуренціи съ нами на международномъ хлѣбномъ рынкѣ. Чрезвычайно интересныя подробности организаціи научной стороны сельско-хозяйственнаго производства въ Сѣверной Америкѣ мы находимъ, между прочимъ, въ официальныхъ годичныхъ отчетахъ секретаря земледѣлія, откуда мы и заимствуемъ всѣ излагаемыя ниже свѣдѣнія *). Отчетъ за 1890 годъ помѣченъ 25 октября 1890 года и, согласно постановленію конгресса, состоявшемуся 25 сентября того же года, отпечатанъ въ количествѣ 400,000 экземпляровъ, на что ассигновано было 200,000 долларовъ. Отчетъ этотъ поражаетъ какъ обширностью и обстоятельностью своего содержанія, такъ и разнообразіемъ свѣдѣній, прекрасно характеризующихъ современное положеніе сельскаго хозяйства въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Помимо общаго отчета самого секретаря земледѣлія, I. M. Busk'a и специального отчета его ассистента, изданіе это содержитъ еще отчеты нижеслѣдующихъ лицъ и завѣдующихъ специальными отдѣлами, а именно: начальника бюро животноводства, химика, начальника лѣснаго отдѣла, энтомолога, начальника шелководственнаго отдѣла, орнитолога,

*) *Report of the Secretary of Agriculture 1890.* Washington, 1890.

маммолога, статистика, микроскописта, ботаника, начальника отдѣла патологич. растений, помолога, начальника сѣмяннаго отдѣла, начальника отдѣла иллюстрацій, начальника отдѣла отчетовъ и изданій, завѣдующаго камерой документовъ, спеціальнаго агента по культурѣ волокнистыхъ растений, спеціальнаго агента по изслѣдованію артезианскихъ и почвенныхъ водъ въ связи съ вопросами ирригаціи, директора бюро опытныхъ станцій и, наконецъ, завѣдующаго отдѣломъ садоводства. Изъ всѣхъ этихъ отчетовъ, для нашихъ цѣлей, наибольшій интересъ представляетъ отчетъ директора бюро опытныхъ станцій, W. O. Atwater'a, который даетъ чрезвычайно подробныя свѣдѣнія объ ихъ дѣятельности и организаціи.

Сельско-хозяйственныя опытыя станціи въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ находятся въ тѣсной связи съ сельско-хозяйственными школами или колледжами, которыхъ въ 1890 году здѣсь насчитывалось 57, причеиъ многіе изъ нихъ состоятъ при университетахъ. Время возникновенія этихъ станцій въ Соединенныхъ Штатахъ относится къ 1875 году, когда была основана первая сельско-хозяйственная опытная станція въ Миддлтаунѣ, въ штатѣ Коннектикутѣ; затѣмъ, съ 1876 по 1880 годъ подобныя же станціи возникли въ штатахъ: Калифорнія, Сѣверная Каролина, Нью-Йоркъ и Нью-Джерси. Съ каждымъ послѣдующимъ годомъ число ихъ увеличивалось и, наконецъ, 2 марта 1887 года состоялось постановленіе конгресса, въ силу котораго во всѣхъ штатахъ и территорияхъ при сельско-хозяйственныхъ или другихъ школахъ должны быть устраиваемы опытыя сельско-хозяйственныя станціи, имѣющія цѣлью производить научныя изслѣдованія и, вообще, содѣйствовать развитію сельско-хозяйственныхъ знаній, а также возможно шире распространять въ кругу земледѣльцевъ полезныя практическія свѣдѣнія по сельскому хозяйству. Тѣсною связью опытныхъ станцій съ колледжами имѣлось въ виду обезпечить ихъ землею, постройками, библіотеками, приборами и всеми другими средствами, необходимыми для успѣшнаго хода ихъ научныхъ работъ.

Нѣсколько позднеѣ, а именно въ октябрѣ 1888 года, въ Вашингтонѣ при департаментѣ земледѣлія было учреждено особое бюро опытныхъ станцій (The Office of Experiment Stations), которое должно связывать всѣ сельско-хозяйственныя опытыя станціи, существующія въ отдѣльныхъ штатахъ и территорияхъ, какъ другъ съ другомъ, такъ и съ департаментомъ земледѣлія, сообщать имъ результаты исполненныхъ опытовъ, намѣчать направленія изслѣдованій, помогать станціямъ въ ихъ совмѣстныхъ работахъ и изысканіяхъ, согласовать общій ходъ ихъ дѣятельности и, наконецъ, сводить и публиковать во всеобщее свѣдѣніе главнѣйшіе результаты ихъ работъ. Съ этою цѣлью бюро ведетъ чрезвычайно дѣятельную переписку, которая въ 1890 году выразилась въ количествѣ 10,000 писемъ и отвѣтовъ на нихъ, участвуетъ черезъ своихъ представителей на фермерскихъ митингахъ, посылаетъ ихъ для обзора станцій, ведетъ дѣятельныя совѣщанія съ персоналомъ колледжей и станцій, собираетъ статистическія данныя, слѣдитъ за спеціальною литературой по сельско-хозяйственнымъ во-

просамъ, подготовляетъ и печатаетъ труды и отчеты о текущихъ работахъ станцій и, вообще, вслѣдствіи покровительства установленію взаимной связи между станціями. Считаемо не лишнимъ замѣтить при этомъ, что вышеуказанная дѣятельная переписка бюро не есть дѣло простой канцелярской формальности, а есть дѣло живое, требующее громаднаго напряженія энергіи. Достаточно сказать, что въ 1890 году она касалась не только научныхъ, административныхъ и общихъ интересовъ станцій, но также многочисленныхъ и разнообразныхъ проблемъ теоріи и практикы сельскаго хозяйства, и, въ то же время, простиралась на всѣ части свѣта. Но и этого всего, по собственному сознанію Руск'а, далеко еще не достаточно. «Есть одно направленіе, — говоритъ онъ въ своемъ отчетѣ *), — въ которомъ сфера дѣятельности бюро необходимо должна расшириться, — это именно сводка результатовъ сельско-хозяйственныхъ изслѣдованій въ Европѣ, гдѣ въ теченіе истекшихъ 40 лѣтъ многочисленныя опытыя станціи и однородныя съ ними учрежденія подробно изслѣдовали законы, которымъ подчиняется правильно поставленная практика земледѣлія, причеиъ результаты этихъ изслѣдованій постоянно возростають какъ въ объемѣ, такъ и въ своемъ значеніи. Персоналъ нашихъ станцій нуждается въ указаніяхъ, чтобы имѣть возможность избѣгать рутинны и не повторять старыхъ ошибокъ, а также для того, чтобы усвоить себѣ наиболѣе выгодныя методы и направленія изслѣдованій. Самъ департаментъ земледѣлія нуждается въ сводкѣ указанныхъ изслѣдованій, дабы имѣть возможность давать станціямъ совѣты и указанія, за которыми онѣ обращаются къ нему. Потребность въ этомъ такъ велика, что она должна быть удовлетворена немедленно и съ возможно большею полнотой. Все это повелительно требуетъ расширенія дѣятельности бюро, что и должно быть сдѣлано, не стѣсняясь затратами труда, средствъ и необходимыхъ преобразованій, какъ бы не были они велики».

Въ теченіе 1890 г. опытыя станціи дѣйствовали, согласно постановленію конгресса отъ 2 марта 1887 г., во всѣхъ штатахъ и территорияхъ, за исключеніемъ Монтаны, Вашингтона, Эйдахо, Юминга и Оклаома. Всего же въ 43 штатахъ и территорияхъ было 52 станціи, а если считать всѣ филиальныя отдѣленія или субстанціи, то число ихъ возростеть до 70. Каждый штатъ и территория получаетъ на расходы по содержанію станцій по 15,000 долларовъ изъ государственнаго казначейства и, кромѣ того, для той же цѣли идутъ добавочныя суммы изъ средствъ штатовъ и другихъ постороннихъ источниковъ. Наименьшее содержаніе получаетъ Аббевильская станція въ штатѣ Алабама, а именно 2,500 долларовъ, но при этомъ не слѣдуетъ забывать, что означенный штатъ содержитъ не одну, а четыре станціи, на которыя въ общей сложности тратится 33,970 долларовъ. Наибольшія же средства имѣеть въ своемъ распоряженіи сельско-хозяйственная станція въ штатѣ Колорадо, которая, помимо 15,000 долларовъ, полу-

*) Ibid., стр. 43.

чаемыхъ отъ правительства, пользуется субсидіей отъ штата въ размѣрѣ 54,923 долларовъ, да изъ другихъ источниковъ получаетъ 3,879, а всего 73,802 доллара. На содержаніе же всѣхъ станцій, вмѣстѣ съ бюро ихъ, въ 1890 году было израсходовано всего 988,146 долларовъ, изъ коихъ 652,000 были выданы изъ государственнаго казначейства, и, сверхъ этого, въ доходъ станцій зачислено въ этомъ же году на 272,355 долларовъ различныхъ имущественныхъ поступленій въ видѣ земли, строеній, книгъ, приборовъ и т. п.

Неудивительно, что, располагая такими огромными средствами, опытные станціи въ Соединенныхъ Штатахъ развиваютъ весьма широкую и плодотворную дѣятельность. Въ 1890 году персоналъ ихъ состоялъ изъ 66 директоровъ, 101 химика, 63 агрономовъ, 47 садоводовъ, 42 ботаниковъ, 33 энтомологовъ, 19 ветеринаровъ, 11 метеорологовъ, 4 біологовъ, 2 винодѣловъ, 3 физиковъ, 1 геолога, 2 микологовъ, 4 микроскопистовъ, 1 инженера-специалиста по оросительнымъ работамъ, 16 завѣдующихъ субстанціями, 21 секретаря и казначея, 5 бібліотечарей, 18 клерковъ и 42 остальныхъ должностныхъ лицъ, какъ-то: садовниковъ, огородниковъ, смотрителей зданій и т. п. Въ общемъ, это составляетъ небольшую армію въ 500 человекъ, которою было произведено множество изслѣдованій въ лабораторіяхъ и въ оранжереяхъ, а также цѣлый рядъ практическихъ опытовъ на поляхъ, въ фруктовыхъ садахъ, въ конюшняхъ, молочныхъ и т. д. Чтобы ближе опредѣлять характеръ ихъ дѣятельности, въ отчетѣ Rusk'a составлена особая таблица, въ которой сгруппированы отдѣльныя станціи по предметамъ, изученіемъ которыхъ онѣ занимались. Изъ этой таблицы оказывается, что въ 1890 году 25 станцій занимались изученіемъ вопросовъ метеорологій и климатологій, 22—геологическими, физическими и химическими свойствами почвы, 36—обработкою, дренажемъ и орошеніемъ почвы, 39—испытаніемъ удобренныхъ почвъ, 20—анализомъ удобреній безъ контроля, 11—анализомъ удобреній съ контролемъ, 39—полевыми опытами съ удобреніями, 36—изученіемъ составныхъ частей урожая, 39—изученіемъ вліянія удобреній и обработки почвы на урожай, 35—изученіемъ вліянія плодосмѣна на урожай, 44—изученіемъ разновидностей и отдѣльныхъ сортовъ культурныхъ растений, 36—составомъ кормовъ, 26—вопросами силосованія, 17—удобоваримостью кормовъ, 22—опытами кормленія животныхъ для молока, 20—для мяса, 7—выкармливаніемъ барановъ, 19—выкармливаніемъ свиней, 17—изученіемъ методовъ, 24—химическимъ изслѣдованіемъ молочныхъ продуктовъ, 5—изслѣдованіемъ молочныхъ бактерій, 35—изученіемъ молока по отношенію къ выходу сливокъ и масла, 34—спеціальными анализами, 25—изученіемъ методовъ химическаго анализа, 18—систематикою и фізіологіей растений, 28—микологіей, 25—изученіемъ сѣмянъ, 26—изученіемъ сорныхъ травъ, 40—садовыми растениями, 41—ягодными растениями, 38—изученіемъ винограда, 43—изслѣдованіемъ плодовъ, 14—изученіемъ орѣховъ, 21—лѣсоводствомъ, 31—энтомологіей, 30—болѣзнями животныхъ, 7—пчеловодствомъ, 3—

птицеводством и, наконец, 14—техническими вопросами сахароварения, виноделия и т. п. Результаты такой разносторонней и напряженной деятельности станций опубликованы ими в 36 годовых отчетах и 225 бюллетенях, заключающих около 10,000 печатных страниц, посвященных исследованию различных сельско-хозяйственных вопросов. Благодаря этим изданиям и перепечаткам заключающихся в них сведений различными периодическими изданиями, все научные и практические результаты, добытые на сельско-хозяйственных опытных станциях, быстро делаются известными, по крайней мере, в пределах данного штата, почти всем хозяевам, что весьма сильно способствует успехам сельского хозяйства в стране.

Еще лучше такое широкое распространение результатов их работ между фермерами всей страны достигается печатанием целой серии популярных бюллетеней, издаваемых бюро опытных станций. Первый из них печатается в количестве 50,000 экземпляров и сообщаемый в нем сведения весьма часто цитируются в специальной сельско-хозяйственной прессе. Засим, второй бюллетень излагает результаты исследований, касающихся предметов практического интереса. Он выходит в количестве 150,000 экземпляров, из которых половина предназначается для членов конгресса. По общему характеру этого издания, оно с полным правом может быть названо «фермерским бюллетенем» (Farmers Bulletin). Если же сюда прибавить остальные издания бюро опытных станций и годовой отчет секретаря земледелия, то мы получим такую массу печатного материала, заключающего множество чрезвычайно важных сведений по сельскому хозяйству, что он не может не проникнуть в самые отдаленные уголки страны, чтобы сослужить здесь свою полезную службу. Не забудем при этом, что все эти сведения излагаются простым и доступным для каждого языком, и, сверх этого, предлагаются желающим получить их или совсем даром, или же за самую ничтожную плату. Но даже и такая постановка дела не удовлетворяет американцев. Вот что говорит по этому поводу Rusk *): «Так как деятельность и сношения бюро опытных станций имеют в виду привлекать внимание к обширной совокупности исследований, представляющих величайшую ценность для фермеров, то я твердо надеюсь, что департамент земледелия найдет возможным расширить издание популярных бюллетеней с тем, чтобы они появлялись возможно чаще и, прежде всего, в возможно-большем числе экземпляров».

Мы, конечно, лишены возможности коснуться здесь каких-либо подробностей, характеризующих деятельность северо-американских опытных станций с научной и практической стороны; скажем только, что ее нельзя не признать вполне удовлетворительною. Лучшим примером в этом отношении служит та тесная связь, которая установилась между

*) Ibid., стр. 43.

опытными станціями и фермерами. Во многих штатахъ должностныя лица станціоннаго персонала являются или организаторами фермерскихъ предприятий, или главнѣйшими дѣятелями въ нихъ. Приглашенія персонала станцій по требованіямъ публики очень многочисленны и постоянно возрастаютъ въ числѣ. Переписка станцій съ фермерами ведется въ чрезвычайно широкихъ размѣрахъ и касается всѣхъ предметовъ теоріи и практики фермерскаго хозяйства. Кромѣ этого, результаты, достигнутыя станціями, примѣняются и расширяются самими фермерами, которые весьма охотно производятъ испытанія на своихъ собственныхъ фермахъ, пользуясь для этого планами работъ, намѣчаемыми станціями, и такія испытанія рисуютъ способность фермеровъ къ самостоятельному экспериментированію съ вполне удовлетворительной стороны. Однимъ словомъ, станціи и фермеры, къ ихъ обоюдной выгодѣ, находятся въ постоянномъ взаимодѣйствіи. Внѣшнимъ выраженіемъ этой связи является также дѣятельная и широкая матеріальная поддержка, которую оказываютъ станціямъ правительства отдѣльныхъ штатовъ, мѣстныя общины, земледѣльческія ассоціаціи и частныя лица. Все это ясно указываетъ на то, что дѣятельность опытныхъ сельско-хозяйственныхъ станцій въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки вполне удовлетворительна и высоко цѣнится всѣми, практически заинтересованными въ ходѣ ихъ работъ.

Точно такія же опытыя станціи существуютъ во Франціи, Швеціи, Италіи, Австро-Венгріи, Великобританіи, Бельгіи и т. д. Короче сказать, мы повсюду видимъ различныя прекрасно организованныя учрежденія, имѣющія цѣлью содѣйствовать всевозможными научными средствами успѣхамъ сельскаго хозяйства той или другой страны.

Если мы обратимся теперь къ оцѣнкѣ всего вышесказаннаго, то мы должны будемъ признать, что, при такой мобилизаціи научныхъ силъ и средствъ, необходимыхъ для успѣшной борьбы на международной аренѣ промышленности и торговли, какую мы видимъ за границей, наше положеніе является крайне жалкимъ и безпомощнымъ. Мы не будемъ повторять здѣсь обычныхъ указаній на всѣмъ извѣстные недостатки нашего сельскаго хозяйства, а остановимся только на главнѣйшихъ моментахъ въ исторіи тѣхъ попытокъ, какія мы дѣлали въ интересахъ научной разработки сельско-хозяйственныхъ знаній.

Начало этихъ попытокъ относится къ тридцатымъ годамъ нынѣшняго столѣтія и внѣшнимъ поводомъ для нихъ послужилъ страшный неурожай 1833 г. Инициаторомъ же ихъ былъ одинъ изъ видныхъ государственныхъ дѣятелей того времени, а именно предсѣдатель вольнаго экономическаго общества и членъ государственнаго совѣта, графъ Мордвиновъ, благодаря просвѣщенной и энергичной дѣятельности котораго бѣдствие это не прошло безслѣдно въ томъ отношеніи, что интересъ къ положенію сельскаго хозяйства проявился и въ высшихъ сферахъ. Результатомъ всего этого было высочайшее повелѣніе, коимъ было предписано учредить «комитетъ для усовершенствованія земледѣлія въ Россіи». Комитетъ этотъ весьма энергично взялся за

исполненіе своей задачи и возбудилъ цѣлый рядъ вопросовъ, приведшихъ къ принятію систематическихъ мѣръ по развитію и распространенію сельско-хозяйственныхъ знаній въ Россіи.

Одною изъ такихъ мѣръ было, между прочимъ, учрежденіе въ 1838 г. кафедръ агрономіи при высшихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія, т.-е. при университетахъ и лицеяхъ. Первые кафедры этого предмета были открыты при Петербургскомъ и Киевскомъ университетахъ, а также при одесскомъ Ришельевскомъ и ярославскомъ Демидовскомъ лицеяхъ. Такимъ образомъ, въ настоящее время со дня ихъ открытія прошло болѣе пятидесяти лѣтъ, но, несмотря на столь продолжительный періодъ своего существованія, онѣ прошли совершенно безслѣдно въ исторіи развитія сельско-хозяйственныхъ знаній въ Россіи. Кафедры агрономіи существуютъ при университетахъ и по настоящее время; даже больше того: по новому университетскому уставу, агрономія вмѣстѣ съ технической химіей отнесена въ особую специальность для слушателей физико-математическаго факультета, желающихъ заняться этими предметами. Тѣмъ не менѣе, и теперь трудно ожидать, чтобы университетское преподаваніе агрономіи, по крайней мѣрѣ, въ томъ видѣ, какъ оно ведется въ настоящее время, принесло какіе-либо осязательные и плодотворные результаты въ интересахъ развитія и распространенія сельско-хозяйственныхъ знаній въ Россіи. Даже сами преподаватели ея крайне неудовлетворены теперешнимъ положеніемъ своихъ кафедръ при университетахъ и, главнымъ образомъ, полнымъ несоотвѣтствіемъ обширности программы агрономіи съ недостаточностью средствъ и времени, назначеннаго для чтенія этого предмета. Къ этому прибавляется еще множество другихъ недочетовъ въ общей постановкѣ его при университетахъ, благодаря чему въ настоящее время все громче и громче раздаются голоса въ пользу необходимыхъ преобразованій этой части университетскаго курса. Къ числу такихъ голосовъ слѣдуетъ отнести, между прочимъ, голосъ профессора Харьковскаго университета А. Е. Зайкевича, который въ цитированной выше брошюрѣ настойчиво рекомендуетъ послѣдовать примѣру германскихъ университетовъ и учредить при нашихъ университетахъ особыя сельско-хозяйственные институты взаимѣнъ высшихъ специальныхъ заведеній. Между прочимъ, мысль объ учрежденіи подобныхъ институтовъ была высказываема у насъ еще въ сороковыхъ годахъ, когда по высочайше утвержденному проекту было даже предложено устроить при Московскомъ университетѣ агрономическій институтъ на 14 студентовъ втораго отдѣленія философскаго факультета, главнымъ образомъ, съ цѣлью приготовленія ихъ къ преподаванію агрономіи въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Что же касается мысли профессора Зайкевича, то какъ въ своихъ общихъ основаніяхъ, такъ и въ нѣкоторыхъ частныхъ доводахъ въ пользу ея справедливости взгляды его являются нѣсколько односторонними. Дѣло въ томъ, что учрежденіе сельско-хозяйственныхъ институтовъ при университетахъ весьма сильно затрудняется отсутствіемъ въ нашихъ университетахъ лѣтнихъ занятій и за-

тѣмъ оно вовсе не исключаетъ одновременнаго съ ними существованія особыхъ сельско-хозяйственныхъ заведеній, какъ это мы видимъ, напримеръ, въ Пруссiи. Въ отношенiи же частныхъ выводовъ слѣдуетъ замѣтить, что проф. Зайкевичъ поступилъ не совсѣмъ правильно, взявши для сравненiя съ числомъ слушателей въ сельско-хозяйственномъ институтѣ при университетѣ въ Галле, гдѣ число ихъ, какъ мы видѣли выше, всегда было наибольшимъ, число слушателей въ Поппельсдорфской академiи, гдѣ оно никогда не было особенно значительнымъ *). Въ этомъ случаѣ, для болѣе точной снзмѣримости, вмѣсто названной академiи, необходимо было взять сельско-хозяйственную академiю въ Берлинѣ, гдѣ число слушателей почти на одну треть превосходитъ число слушателей въ сельско-хозяйственномъ институтѣ въ Галле. Мы не будемъ останавливаться на другихъ недочетахъ въ проектѣ профессора Зайкевича, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ нихъ уже отмѣчены М. Неручевымъ **). Всѣ эти недочеты не имѣютъ особаго значенiя для насъ, такъ какъ и самъ-то проектъ профессора Зайкевича касается хотя и весьма желательнаго, но, все-таки, еще предстоящаго только преобразованiя современнаго положенiя агрономiи при университетахъ. Положенiе же это несомнѣнно оказывается совершенно несоотвѣтствующимъ какъ современному уровню сельско-хозяйственныхъ знанiй, такъ и наличнымъ запросамъ нашего сельскаго хозяйства.

Въ не менѣе печальномъ положенiи находятся и наши высшiя спеціальныя сельско-хозяйственныя учебныя заведенiя, каковыхъ, не считая ветеринарныхъ институтовъ, у насъ въ настоящее время имѣется только три, а именно: Петербургскiй лѣсной институтъ, Петровская сельско-хозяйственная академiя и институтъ сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александрiи. Впрочемъ, къ нимъ необходимо причислить еще агрономическое отдѣленiе при политехническомъ училищѣ въ Ригѣ. Какъ ни недостаточно число этихъ заведенiй, тѣмъ не менѣе, и оно должно быть уменьшено, такъ какъ Петровская академiя вскорѣ прекращаетъ свое существованiе. Что же касается института въ Новой Александрiи, то, какъ слышно, приемъ въ него слушателей и вообще нормальная дѣятельность его возобновятся толькo предстоящею осенью. Такимъ образомъ, мы остаемся толькo при двухъ высшихъ спеціальныхъ школахъ, изъ коихъ одна исключительно лѣсная и имѣетъ цѣлью готовить, главнымъ образомъ, чиновниковъ для службы по лѣсному вѣдомству, а другая, т.-е. агрономическое отдѣленiе при рижскомъ политехникумѣ, никогда не играла особенно замѣтной роли въ исторiи сельско-хозяйственнаго образованiя въ Россiи. Тѣмъ не менѣе, существованiе всѣхъ вышеназванныхъ заведенiй прошло не безслѣдно въ дѣлѣ улучшенiя нашего сельскаго хозяйства, а потому нельзя не пожалѣть, что существованiе, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ изъ нихъ стало за послѣднее время шаткимъ и неопредѣленнымъ.

*) *Агрономiя, какъ наука вообще*, и т. д., стр. 11.

***) *Записки Императорскаго общества сельскаго хозяйства Южной Россiи*. 1891 г. № 10, стр. 76—86.

Намъ остается еще упомянуть о сельско-хозяйственныхъ опытныхъ станціяхъ и лабораторіяхъ, существующихъ въ Россіи. Изъ таблицы, приложенной къ реферату П. А. Бильдерлинга *), видно, что такихъ учреждений у насъ насчитывается 19, причемъ старѣйшее изъ нихъ—сельско-хозяйственная химическая станція при политехническомъ училищѣ въ Ригѣ—было основано въ 1864 году. Кроме этого, при томъ же училищѣ съ 1878 года имѣется еще другая станція (контрольная)—для испытанія сѣмянъ. За сѣмъ, три станціи приходится на долю Финляндіи. Существованіе одной, а именно Петровской академіи, дѣлается сомнительнымъ, какъ и существованіе самой академіи. Богодуховская же станція, какъ это сообщаетъ А. И. Воейковъ **), закрыта. Наконецъ, если мы исключимъ изъ общаго числа станцій болѣе скромныя учрежденія, какъ, напримѣръ, Пермское и Полтавское опытные поля или Едимоновскую молочную и др., то у насъ останется съ десятокъ опытныхъ станцій и лабораторій, которыхъ, конечно, недостаточно для Россіи, особенно если принять во вниманіе, что онѣ работаютъ крайне вяло и почти безъ всякой связи другъ съ другомъ. При такомъ положеніи дѣла у насъ, мы находимъ совершенно излишнимъ останавливаться на подробномъ сравненіи нашихъ опытныхъ сельско-хозяйственныхъ станцій съ заграничными.

И такъ, мы почти не находимъ въ Россіи такихъ научныхъ учреждений, которыя служили бы средоточіемъ систематической разработки сельско-хозяйственныхъ знаній. Не думаемъ, чтобы подобная разработка не была необходима, такъ какъ область русскаго сельскаго хозяйства чрезвычайно обширна, а недостатки въ его организаціи болѣе чѣмъ многочисленны. Не слѣдуетъ забывать, что условія нашей сельско-хозяйственной культуры развѣтываются въ богатомъ разнообразіи почвъ, климатовъ, животныхъ и растений. Сплошь и рядомъ условія эти являются въ такихъ типичныхъ сочетаніяхъ, которыя какъ бы нарочно построены согласно требованіямъ экспериментальнаго метода изслѣдованій. Все это открываетъ широкое поле для научныхъ изысканій и повелительно требуетъ организаціи систематическаго производства ихъ въ интересахъ нашего сельскаго хозяйства и въ особенности мелкихъ формъ его, составляющихъ основу благоденствія Россіи. Позволимъ себѣ намѣтить хотя бы нѣкоторыя изъ тѣхъ направленій сельско-хозяйственныхъ изслѣдованій, въ которыхъ подобныя изслѣдованія могли бы принести особенно плодотворные результаты. Между прочимъ, прекрасную сводку такихъ указаній далъ В. И. Ковалевскій въ своемъ рефератѣ: *Запросы современнаго сельскаго хозяйства къ естествознанію* ***). На первомъ мѣстѣ, конечно, слѣдуетъ поставить

*) *О значеніи опытныхъ станцій и полей, какъ средствъ распространенія земледѣльческихъ знаній въ странѣ.* VIII съѣздъ русскихъ естествоиспытателей и врачей, стр. 114 (общій отдѣлъ).

***) *Повѣдка по Россіи въ томъ 1891 года.* Метеорологическ. Вѣстникъ 1891 г., № 12, стр. 551.

***) *VIII съѣздъ русск. естествоиспыт. и врачей* (общій отдѣлъ), стр. 109—112.

изученіе почвъ во всѣхъ ихъ генетическихъ и физико-химическихъ особенностяхъ, а также цѣлый рядъ вопросовъ изъ области сельско-хозяйственной метеорологіи; затѣмъ, необходимо тщательно изслѣдовать географическое распространеніе и всѣ другія особенности культурныхъ и многихъ дикорастущихъ растений, играющихъ или могущихъ играть ту или другую роль въ сельскомъ хозяйствѣ, причемъ особенное вниманіе слѣдуетъ обратить на кормовыя и сорныя растенія; рядомъ съ этимъ должны быть поставлены фаунистическія изслѣдованія, касающіяся дикихъ и домашнихъ животныхъ во всѣхъ ихъ отношеніяхъ къ сельскому хозяйству; не меньшее вниманіе должно быть обращено также на болѣзни растений и животныхъ; дагѣ, необходимо всесторонне изучить влияніе на урожай тѣхъ или другихъ удобреній, а также различныхъ приѣмовъ полеводства, причемъ сюда же могутъ быть отнесены и вопросы объ искусственномъ орошеніи, которое можетъ имѣть весьма важное значеніе въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи, страдающихъ отъ недостатка влаги; чрезвычайно важными были бы также подробныя изслѣдованія продуктовъ сельскаго хозяйства; наконецъ, существуетъ цѣлый рядъ неотложныхъ вопросовъ изъ области бактериологіи, садоводства, огородничества, птицеводства, пчеловодства и т. п. Всѣ эти сельско-хозяйственные вопросы возникаютъ при своеобразныхъ условіяхъ сельско-хозяйственнаго производства въ Россіи и то или другое рѣшеніе ихъ не можетъ быть дано по какому-либо, даже наиболѣе совершенному иностранному шаблону. Отсюда слѣдуетъ, что разработка и рѣшеніе ихъ должны производиться на почвѣ самостоятельныхъ теоретическихъ и практическихъ изслѣдованій, для чего необходимо создать цѣлый рядъ научныхъ учрежденій, каковыми могутъ быть сельско-хозяйственные институты при университетахъ, спеціальныя сельско-хозяйственныя академіи и, въ особенности, опытныя сельско-хозяйственныя станціи, а также опытныя и доказательныя поля. Главное же необходима горячая готовность со всею энергіей отдаться тому дѣлу, которое, вопреки мнѣнію профессора Менделѣева и въ некоторыхъ другихъ, является главнымъ и истиннымъ источникомъ народнаго богатства и силы.

Очевидно, однако, что для осуществленія всего этого частной инициативы далеко недостаточно. Для этого нужна широкая организація при напряженномъ участіи государственныхъ и общественныхъ силъ. Мысль эта давнымъ-давно проникла въ общественное сознаніе и сказалась въ цѣломъ рядѣ постановленій областныхъ сѣздовъ сельскихъ хозяевъ и многочисленныхъ сельско-хозяйственныхъ обществъ. Было бы несправедливо, однако, утверждать, что несомнѣнная необходимость и настойчивая потребность въ такой организаціи остается у насъ совершенно безъ удовлетворенія. Министерство государственныхъ имуществъ и другія вѣдомства не мало уже потрудились на пользу сельскаго хозяйства въ Россіи, особенно за послѣднее время, въ дѣлѣ распространенія низшаго сельско-хозяйственнаго образованія. Но, не говоря уже про то, что учрежденіемъ такихъ низшихъ сельско-хозяйственныхъ школъ достигается не столько распро-

страненіе сельско-хозяйственныхъ знаній въ Россіи, сколько подготовка толковаго служебнаго персонала для крупныхъ помѣщичьихъ хозяйствъ, слѣдуетъ замѣтить, что, за отсутствіемъ научной разработки основъ сельско-хозяйственнаго производства въ Россіи, преподаваніе въ подобныхъ школахъ волей-неволей должно пытаться иностранными источниками, которые, конечно, далеко не всегда могутъ быть пригодными въ тѣхъ или другихъ условіяхъ нашего сельскаго хозяйства. Все это заставляетъ насъ обратить особое вниманіе на болѣе существенную и важную сторону дѣла, а именно—на систематическую разработку сельско-хозяйственныхъ знаній, крайне недостаточныхъ у насъ. «Для этого же, прежде всего, необходимо, — говорить Н. А. Крюковъ *)», — чтобы въ основѣ сельско-хозяйственной политики былъ принятъ другой принципъ, другое руководящее начало. До сихъ поръ правительство стремилось *управлять* сельско-хозяйственною жизнью Россіи, вмѣсто того, чтобы *помогать* ей. Благодаря такому недоразумѣнію, множество благихъ начинаній правительства остались безрезультатными, множество предпріятій умерло, прежде чѣмъ начало жить. Много было среди высшей администраціи лицъ, искренно желавшихъ принести пользу нашему сельскому хозяйству, но большая часть изъ нихъ сошла со сцены, разочаровавшись въ своихъ ожиданіяхъ; другіе наивно удивлялись безплодности своихъ циркуляровъ и инструкцій. А сельско-хозяйственная жизнь государства, между тѣмъ, текла своимъ чередомъ, требованія ея не признавались, нужды ея не удовлетворялись и, какъ бы въ отместку за это, всѣ стремленія управлять ею были безрезультатны».

Особенно поучительнымъ въ этомъ отношеніи является тяжелое народное бѣдствіе, переживаемое въ настоящее время Россіей. Было бы, конечно, большою наивностью утверждать, что оно всецѣло могло бы быть предотвращено при помощи науки и специальныхъ знаній, но, тѣмъ не менѣе, несомнѣнно, что они значительно ослабили бы дѣйствіе тѣхъ общихъ причинъ, которыя привели къ неурожаю прошлаго года. Въ виду этого, нельзя не пожелать, чтобы въ настоящее время, какъ и шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, при неурожаѣ 1833 г., бѣдствіе это не прошло безслѣдно въ отношеніи «усовершенствованія земледѣлія въ Россіи» и чтобы «наука сельскаго хозяйства, полновѣйшая въ составѣ всѣхъ другихъ», стала болѣе извѣстна въ Россіи.

В. Соколовъ.

*) *Сельско-хозяйственные опыты и стачины. Труды Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества 1891 г., № 1, стр. 40.*

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Ходъ продовольственнаго дѣла въ нуждающейся половѣ.—Запасы хлѣба и выдача ссудъ.—Журналы нижегородской комиссіи.—Примѣръ кормежной для дѣтей.—Поддержаніе лошадей до весеннихъ работъ.—Циркуляръ о продовольственной организаци и общественныхъ магазинахъ.—Вопросъ объ общественныхъ запашкахъ.—Льготы заемщикамъ дворянскаго и крестьянскаго банковъ по случаю неурожаа.—Основы преобразованія крестьянскаго банка.—Назначеніе С. Ю. Витте.—Вѣдомство и институтъ инженеровъ путей сообщенія.—Льготные тарифы.—Московскіе земскіе выборы.

Дѣло помощи голодающему населенію въ теченіе января значительно подвинулась впередъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ данныя официальной вѣдомости, опубликованной въ половинѣ истекшаго мѣсяца и показывающей положеніе продовольственнаго дѣла къ 1 февраля. Сравнивая эту вѣдомость съ тою, которая была заключена къ 1 января, находимъ, что общая цифра суммъ, отпущенныхъ на ссуды по продовольствію и обсяженію, возросла въ теченіе мѣсяца съ 72³/₄ милл. руб. до 123 милл. руб. Вообще же гораздо бѣльшая половина суммъ на ссуды была отпущена въ теченіе декабря и января, что само по себѣ уже объясняетъ и нѣкоторую запоздалость въ закупкахъ и доставкѣ хлѣба.

Но въ настоящее время, повторяемъ, дѣло это поставлено уже довольно успѣшно, благодаря усиленной дѣятельности въ истекшіе два мѣсяца. Наличные запасы какъ продовольственнаго, такъ и сѣменнаго зерна, вмѣстѣ, составляли къ 1 февраля 38¹/₂ милл. пуд., тогда какъ къ 1 января было только 27 м. пуд. Въ теченіе одного января было доставлено 17³/₄ м. п. Закупленнаго, но еще находившагося въ пути зерна было къ 1 февраля 20³/₄ м. п., т.-е. нѣсколько болѣе, чѣмъ мѣсяцемъ раньше (15¹/₂ м. п.). Оставалось докупить, по расчету до 1 іюля, еще 23³/₄ м. п., между тѣмъ какъ по предшествовавшей мѣсячной вѣдомости соответственное количество опредѣлялось въ сумму болѣе, чѣмъ двойную, а именно—въ 49¹/₂ милл. п.

Это мы и называемъ успѣхомъ дѣла закупки и доставки, достигнутымъ въ теченіе января. Но надо имѣть въ виду, что все количество зерна, требующагося для яроваго посѣва, а также и хлѣба на продовольствіе въ ближайшіе три мѣсяца должны быть доставлены къ марту и никакъ не позже половины марта, когда наступитъ распутица. И вотъ, по расчету, приве-

денному въ вѣдомости на обмененіе, сверхъ имѣющихся запасовъ, нужно еще 7 милл. пуд., а на продовольствіе по май, считая по 10 милл. пуд. въ мѣсяць, потребуется, сверхъ состоящаго въ запасахъ, еще 8 или 9 милл. пудовъ. Всего, значить, до распутицы необходимо доставить «не свыше» 16 милл. пуд. А такъ какъ въ теченіе января было перевезено $17\frac{3}{4}$ м. п., то есть основаніе полагать, что въ мѣсяць или въ полтора мѣсяца, т.-е. до 15 марта, все нужное, по упомянутому расчету, количество хлѣба въ дѣйствительности можетъ быть доставлено. Изъ сказанныхъ 16 милл. п. ровно половину признается возможнымъ, по отзывамъ губернаторовъ, заготовить на мѣстахъ, такъ что доставка изъ отдаленныхъ мѣстностей желѣзными дорогами и гужомъ потребуется только на 8 милл. пудовъ, а за одинъ январь доставлено было хлѣба по желѣзнымъ дорогамъ 6 милл. пуд. и гужомъ 3 милл. пуд. Относительно высокая цифра хлѣба, доставленнаго гужомъ, должна объясняться не неисправностью желѣзныхъ дорогъ, но отсутствіемъ ихъ въ нѣкоторыхъ голодающихъ мѣстностяхъ.

Въ примѣчаніи къ вѣдомости высказывается ожиданіе, что за своевременнымъ окончаніемъ этой операціи всѣ затрудненія по вопросу о урожаѣ можно считать оконченными, такъ какъ затѣмъ останется лишь снабженіе продовольствіемъ съ 1 мая по 1 іюля, для чего будетъ много времени, а, между тѣмъ, откроются водяные пути, да и желѣзныя дороги освободятся отъ перевозки сѣмяннаго зерна.

Но это, конечно, еще не значить, что, за доставкой въ теченіе февраля и половины марта 16 милл. пуд. зерна и въ виду оставшагося затѣмъ времени для дальнѣйшей закупки и перевозки хлѣба, можно будетъ считать всѣ нуждающіяся мѣстности достаточно обеспеченными хлѣбомъ. Прежде всего, спрашивается, будетъ ли достаточно упомянутыхъ выше добавочныхъ 8 или 9 милл. пуд. хлѣба для продовольствія по май? Мѣсячная пропорція, нужная для продовольствія нуждающихся въ 17 губерніяхъ, показана въ вѣдомости на февраль, какъ показывалась и мѣсяцемъ раньше, въ 9.927,000 пуд., такъ какъ это—цифра средняя, рассчитанная по іюлю. Дѣйствительный же расходъ за январь составлялъ только 6 милл. п. Но сами составители вѣдомости допускаютъ, что, съ увеличеніемъ числа нуждающихся къ веснѣ, мѣсячный расходъ можетъ возрасти до 10 м. п., и, взявъ эту пропорцію на 3 мѣсяца, еще прикидываютъ къ ней, для большей вѣрности, 1 милл. пуд. Если сдѣлать расчетъ по средней мѣсячной цифрѣ, показываемой въ вѣдомостяхъ, и сравнить ее съ итогомъ, какой составители февральской вѣдомости выводятъ въ примѣчаніи, то уже получатся за 3 мѣсяца (по май) превышеніе почти въ $1\frac{1}{4}$ милл. пуд. Но безусловной увѣренности, что нужда въ мартѣ и апрѣлѣ будетъ относиться къ январьской потребности только какъ 10 къ 6, нельзя имѣть, такъ какъ нельзя поручиться, что можно будетъ и весною выдержать правило, по которому суды не выдаются людямъ рабочаго возраста.

Во всякомъ случаѣ, желательно, чтобы закупка и перевозка хлѣба производилась въ возможно большихъ количествахъ еще до наступленія рас-

путицы. Если въ теченіе января было перевезено 17²/₃ милл. пуд., то съ 1 февраля по 15 марта, быть можетъ, удалось бы перевести не 16, а 23 милл. пудовъ, то-есть, примѣрно, половину всего того количества хлѣба (около 44 милл. пуд.), какое 1 февраля не было доставлено и предполагалось къ закупкѣ до 1 іюля. Правда, по вскрытіи рѣкъ доставка станетъ дешевле, но едва ли на много въ сравненіи съ нынѣшнимъ льготнымъ желѣзно-дорожнымъ тарифомъ. Во всякомъ случаѣ, на первомъ планѣ представляется необходимость встрѣтить весну съ возможно бѣльшими наличными запасами хлѣба, потому что еще нельзя знать, въ какомъ видѣ представится положеніе дѣлъ весною.

Но работа по перевозкѣ хлѣба до наступленія распутицы не ограничится доставкою того количества, которое подлежитъ доставкѣ желѣзными дорогами и гужомъ въ главные склады. Къ тому же сроку должна быть, насколько возможно, исполнена и развозка въ общественные магазины. А эта развозка, судя по цифрамъ, какія мы находимъ въ послѣдней вѣдомости, нѣсколько отстаетъ отъ доставки въ губерніи. Хлѣба на продовольствіе числится въ наличности 22¹/₂ милл. пудовъ, но изъ нихъ показаны состоящими въ общественныхъ магазинахъ всего 5 милл. пуд.; зерна на обмененіе въ наличности 16 милл. пуд., но изъ нихъ находятся въ общественныхъ магазинахъ только 6¹/₂ милл. пуд.

Отсюда видно, что собственно на мѣстахъ находилась лишь половина усиленной мѣсячной потребности потребленія, какъ она принимается къ веснѣ составителями вѣдомости (10 м. п.), и на обмененіе — гораздо менѣе половины всего нужнаго количества зерна. Эти цифры еще весьма далеки отъ полной потребности обмененія и отъ потребности продовольствія по май, и можно опасаться, что бѣльшую часть нужнаго, наприм., въ апрѣлю зерна придется перевозить изъ складовъ въ магазины въ самую распутицу.

Но сдѣланныя нами замѣчанія нисколько не умаляютъ той заслуги всѣхъ сотрудничающихъ въ великомъ дѣлѣ народной помощи сторонъ правительства, земствъ, общества и мѣстной администраціи, благодаря чему въ теченіе января это дѣло было поведено съ значительнымъ успѣхомъ, такъ что въ настоящее время уже есть надежда на отвращеніе наибѣлье грозныхъ проявленій бѣдствія. Когда всѣ убѣдились, что земства не преувеличивали размѣровъ нужды въ исчисленіяхъ своихъ, представленныхъ еще въ концѣ лѣта, то были ассигнованы, главнымъ образомъ, въ послѣдніе два мѣсяца весьма значительныя суммы, и земства могли энергично ускорить покупки.

Общественная благотворительность также оказала замѣтную помощь не только въ сборѣ денегъ и устройствѣ столовыхъ въ городахъ и селеніяхъ, но и еще въ двухъ отношеніяхъ. Непосредственныя закупки хлѣба, произведенныя лицами, уполномоченными отъ комитета Наслѣдника Цесаревича, отличались хорошимъ качествомъ хлѣба, представляя образецъ для всего этого дѣла, а довѣренныя лица, посланные особымъ комитетомъ въ

неурожайныя губерніи, окончательно разъяснили вліятельнымъ сложенъ общества, какъ въ дѣйствительности велика нужда, каковы страданія многочисленнаго населенія. Это тоже не маловажная заслуга.

Такъ, чтобы привести примѣръ, изъ донесеній камергера Юзефовича, командированнаго комитетомъ въ Самарскую губернію, выяснилось, что самая норма продовольственныхъ ссудъ, установленная въ сентябрѣ, оказывается недостаточной, что на удовлетвореніе потребностей «весьма нуждающагося населенія» средствъ не хватаетъ, что недостаточность пособія отъ казны заставляетъ землевладѣльцевъ помогать ближайшимъ селеніямъ «преимущественно въ концѣ мѣсяца, когда ссуда съѣдена, а новая не получена». Камергеръ Юзефовичъ, на примѣрахъ двухъ уѣздовъ, которые онъ ближе наблюдалъ, засвидѣтельствовалъ также объ огромномъ различіи въ положеніи дѣлъ тамъ, гдѣ общественная благотворительность организована, и тамъ, «гдѣ нѣтъ никого, кто бы могъ помочь въ организаціи благотворительной помощи»... «Приходится не безъ тревоги думать о тѣмъ еще болѣе тяжкихъ послѣдствіяхъ, какими можетъ сопровождаться неурожайный годъ». Г. Юзефовичъ констатируетъ распродажу скота за невозможностью прокормить его и сдачу въ аренду значительной части надѣльной земли.

Г. Юзефовичъ удостовѣряетъ также, что «если крестьянъ, сохранившихъ еще часть своего скота, не поддержать въ предстоящіе два самыхъ тяжелыхъ мѣсяца, то нужда можетъ заставить ихъ сбыть и послѣдній скотъ, а съ тѣмъ и надежду на улучшеніе въ будущемъ своего положенія».

Крайне прискорбенъ и уже едва ли поправимъ фактъ сдачи крестьянами въ аренду значительной части надѣльной земли. Что кулачество воспользуется народнымъ бѣдствіемъ для захвата земель, это можно было предвидѣть. Но свидѣтельство, что сдача надѣльной земли въ аренду производилась въ «значительной части», показываетъ, что нынѣшній неурожай обусловитъ не только временныя лишенія и страданія для населенія, обрабатывающаго землю, но, сверхъ того, повліяетъ и вообще на экономическій бытъ его въ будущемъ.

Только въ минувшемъ мѣсяцѣ выяснилось также съ достаточною для всѣхъ убѣдительною, что къ числу крайне нуждающихся въ пособіи должны быть отнесены нѣкоторые уѣзды Тобольской губерніи. По показанію корреспондента *Новостей*, цѣна пуда муки доходила тамъ до 5 руб. и даже за эту цѣну нельзя было ея достать. Изъ разсказа того же корреспондента видно, какъ много могли сдѣлать нѣсколько большее довѣріе къ мѣстнымъ отзывамъ и стараніе объ оказаніи помощи. Съ прибытіемъ въ нуждающійся районъ чиновника, посланнаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, графа Бутайсова, началась закупка и раздача хлѣба, вслѣдствіе чего цѣна пуда ржаной муки вдругъ упала до 2 рублей. Отмѣтимъ еще въ упомянутой корреспонденціи фактъ, что въ то время, какъ въ трехъ округахъ Тобольской губерніи ржаная мука продавалась по 5 рублей, тотъ же пудъ въ самомъ Тобольскѣ, благодаря городской хлѣбопекарнѣ, стоялъ 1 руб. 40 коп. Для принятія экстренныхъ мѣръ къ обезпеченію хлѣбомъ нужда-

ющаго населенія, въ Тобольскую губернію командированъ сенаторъ кн. Голицынъ, которому предоставлены по устройству продовольственной части права генералъ-губернатора, а также право объявлять въ случаяхъ чрезвычайныхъ высочайшее повелѣніе.

Мы уже упоминали, что по распоряженію начальника Нижегородской губерніи Н. М. Баранова въ редакціи доставляются журналы еженедѣльныхъ собраній губернской продовольственной комиссіи. Пользуясь четвертый мѣсяцъ этими свѣдѣніями, мы искренно благодаримъ за доставленіе матеріала, въ которомъ находимъ много поучительнаго. Протоколы засѣданій даютъ возможность видѣть разные мнѣнія о частныхъ вопросахъ и провѣрять одни свѣдѣнія другими. Въ приложеніяхъ же къ этимъ журналамъ помѣщаются доклады подкомиссій и лицъ, командиремыхъ для обзора положенія продовольственнаго и врачебнаго дѣла въ разныхъ мѣстностяхъ, а эти свѣдѣнія, составляемыя не только по уѣздамъ, но и по округамъ земскихъ начальниковъ, иногда даже по отдѣльнымъ селеніямъ, имѣютъ большую цѣнность, приближая насъ къ живымъ фактамъ, на основаніи которыхъ можно продолжать общіе отзывы, имѣющіе характеръ болѣе отвлеченный. Такова, между прочимъ, записка г. Кутлубицкаго о его поѣздкѣ въ январь въ три уѣзда губерніи.

Вообще же въ упомянутыхъ журналахъ и въ приложеніяхъ къ нимъ въ значительной степени отражается самый ходъ дѣла на мѣстахъ, порядокъ примѣненія разныхъ общихъ мѣръ, подробности тѣхъ фактовъ, которые въ вѣдомостяхъ, публикуемыхъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, выражаются лишь въ цифрахъ, обнимающихъ совокупность. Свѣдѣнія, идущія прямо съ мѣста, имѣютъ характеръ болѣе частный, но за то конкретный, и могутъ иногда служить примѣрами для фактическаго подтвержденія того или другаго соображенія, какое мы извлекаемъ изъ сравненія крупныхъ и общихъ цифръ, заключающихся въ вѣдомостяхъ по 17 губерніямъ.

Такъ, выше, при сравненіи количествъ хлѣба, показываемыхъ въ губерніяхъ въ наличности, съ количествами хлѣба, состоящаго въ общественныхъ магазинахъ, мы пришли къ заключенію, что внутренняя въ каждой губерніи развозка хлѣба по магазинамъ вообще запаздываетъ противъ доставки хлѣба изъ отдаленныхъ мѣстностей въ губернскіе склады. Частное подтвержденіе этого факта мы находимъ въ журналѣ нижегородской комиссіи, гдѣ соотвѣтствующія цифры представляются такъ: наличность хлѣба, переданнаго въ мѣстные склады—762 тыс. пуд., а наличность въ складахъ губернскихъ—1 милл. пуд., причемъ замѣтимъ, что это отношеніе болѣе благопріятное, чѣмъ въ нѣкоторыхъ иныхъ губерніяхъ. Въ одномъ засѣданіи комиссіи, изъ сообщенія о вывозкѣ хлѣба въ уѣзды за предшествовавшую недѣлю, выяснилось, что количество хлѣба, вывезеннаго въ каждый изъ уѣздовъ, «находится въ обратной пропорціи со всѣмъ количествомъ хлѣба, подлежащимъ къ вывозкѣ въ каждый изъ нихъ». Это побудило губернатора просить представителей земства объ ускореніи вы-

возки для того, чтобы во время распутицы население было вполне обеспечено продовольствием.

Занедаумившіе въ этомъ отношеніи, конечно, могли зависть отъ того, что вниманіе было направлено, главнымъ образомъ, на ускореніе заготовокъ и доставокъ хлѣба изъ отдаленныхъ губерній. Но въ другомъ журналѣ коммисіи находимъ фактъ, который можетъ представлять еще и иное объясненіе относительной медленности выкуса хлѣба изъ губернскихъ складовъ въ мѣстнѣе. Дѣло въ томъ, что, вслѣдствіе открытія сора и прихвѣсей въ некоторыхъ партияхъ хлѣба, возникли сомнѣнія, гдѣ совершались злоупотребленія: при заготовкѣ ли хлѣба на мѣстахъ и погрузкѣ въ вагоны, при приѣмѣ ли хлѣба изъ вагоновъ въ нактаузы, въ самихъ ли нактаузахъ до перегрузки на возы, или, наконецъ возчиками, въ пути? Тогда, независимо отъ дознаній, произведенныхъ въ нактаузахъ и возбужденія преслѣдованія противъ заводозрѣнныхъ возчиковъ, рѣшено было хлѣбъ, поступающій съ желѣзныхъ дорогъ, не только осматривать, но и очищать, а затѣмъ количество, подвергнутое очисткѣ углеотборными машинками, подвергать вторичному осмотру. И вотъ, по отзыву врача, участвующаго въ осмотрѣ, для очистки всего забракованнаго требовалось еще 70 дней.

Придумана была и игра и противъ возможныхъ злоупотребленій со стороны возчиковъ, а именно предлагалось отправлять хлѣбъ въ уѣзды не насыпью въ возахъ, а непременно въ мѣшкахъ, да еще съ клеймомъ лошву. Понятно, что заготовленіе мѣшковъ и разсыпка еще болѣе задержали бы операцію отпуски хлѣба въ уѣзды. А, между тѣмъ, надо имѣть въ виду, что какъ бы велика ни была наличность губернскихъ запасовъ хлѣба, но съ наступленіемъ распутицы населеніе нѣкоторое время будетъ довольствоваться только тѣмъ количествомъ хлѣба, какое осталось въ мѣстныхъ магазинахъ отъ предшествовавшаго подвоза. При обсужденіи вопроса о мѣшкахъ, въ одно изъ засѣданій коммисіи, хлѣботорговцы и другіе опытные люди высказали такіа мнѣнія, что «мѣшокъ дорогъ, а отъ мошенничества не избавишься ничѣмъ; у насъ есть крѣпкіе сундуки и несоргаемые ящики, но и это не преграда отъ вора»; «мѣшковъ потребуется много, отъ мошенничества же не избавятъ и мѣшки». И такъ, рѣшено было отправлять хлѣбъ на возахъ въ сыпучую, но при этомъ посылать дѣтъ пробы: одну запечатанную, а другую открытую, такъ, чтобы самъ возчикъ видѣлъ, соответствуетъ ли принятый имъ хлѣбъ пробѣ. На эту подробность мы указываемъ съ тою цѣлью, чтобы и читателей нашихъ поставить ближе къ практическому ходу дѣла и показать, съ какими многообразными трудностями оно соединено.

Съ тою же цѣлью приведемъ нѣсколько данныхъ изъ подробнаго описанія (въ запискѣ г. Бутлубицкаго) положенія дѣла въ трехъ осматрѣнныхъ имъ уѣздахъ—Арзамасскомъ, Сергачскомъ и Лукояновскомъ. И здѣсь мы находимъ частное подтвержденіе одному изъ замѣчаній, сдѣланныхъ нами при разсмотрѣніи правительственной общей вѣдомости къ 1 февраля. Отда-

вая полную справедливость значительному успѣху въ общемъ ходѣ продовольственной операціи, какой былъ достигнутъ въ теченіе января, мы замѣтили, что расчетъ о вѣроятной полной обезпеченности населенія хлѣбомъ по май мѣсяцъ до наступленія распутицы, сдѣланный на основаніи данныхъ, бывшихъ въ январѣ, еще не можетъ считаться безусловно вѣрнымъ для марта и апрѣля, такъ какъ еще неизвѣстно, напримѣръ, вездѣ ли возможно будетъ строгое соблюденіе правила, что продовольственные ссуды не отпускаются населенію, состоящему въ рабочемъ возрастѣ, хотя лишенному заработковъ.

Свѣдѣнія, собранныя въ округахъ и селеніяхъ, показываютъ, что дѣйствительный ходъ дѣла вовсе не такъ однообразенъ, какъ преподанныя общія правила; что, наоборотъ, онъ крайне разнообразенъ по мѣстностямъ, завися отъ степени нужды, отъ имѣющихся средствъ и—въ значительной степени—отъ того, нашлись ли въ томъ или другомъ мѣстѣ люди съ доброю волей и энергіей.

Все различно: самая организація распредѣленія ссудъ, категоріи лицъ, какимъ они выдаются, размѣръ ссудъ и т. д. Да иначе и быть не могло: въ каждомъ мѣстѣ дѣйствуютъ, въ различныхъ комбинаціяхъ, двѣ силы: одна матеріальная—степень нужды и наличность средствъ, другая нравственная—личный характеръ дѣятелей.

Отмѣтимъ, прежде всего, въ соотвѣтствіи со сдѣланными выше замѣчаніями о возрастаніи числа нуждающихся, которое не можетъ быть съ точностью предвидѣно никакимъ расчетомъ, что это возрастаніе приводитъ въ замѣшательство исполнительные органы. Крестьяне, которымъ не было дано ссудъ, въ виду ихъ положенія мѣсяцъ или два мѣсяца тому назадъ, отчасти и такіе крестьяне, которые сами прежде отказались отъ полученія ссудъ, приходятъ затѣмъ въ положеніе, которое заставляетъ ихъ просить о продовольственной ссудѣ и, дѣйствительно, даетъ имъ право на ея полученіе. Но какъ же быть, затѣмъ, съ разъ составленными списками нуждающихся, съ вычисленными, на основаніи ихъ, размѣрами помощи для той и другой мѣстности?

Нужда усиливается и раздвигаетъ разъ составленные и утвержденныя для отпусковъ рамки. И вотъ, уже въ январѣ, во многихъ мѣстностяхъ оказывалось невозможнымъ исключать отъ ссудъ населеніе, состоящее въ рабочемъ возрастѣ. Самое опредѣленіе дѣтъ рабочаго возраста и возраста малолѣтнихъ, исключаемыхъ отъ пособія, въ различныхъ уѣздахъ разнообразное и произвольное. Среди сельскаго населенія имѣются люди безтатольные, бобыли и «келейники»,—люди, проживающіе не въ томъ обществѣ или участкѣ, гдѣ они прописаны. Имѣютъ ли они право на мѣстное пособіе, когда безусловно голодаютъ? Вопросъ этотъ рѣшается различно, смотря по участкамъ. Въ большинствѣ участковъ двухъ осматрѣнныхъ уѣздовъ такія лица получаютъ пособія наравнѣ съ надѣльными крестьянами, но въ третьемъ уѣздѣ такимъ людямъ дается пособіе только изъ благотворительныхъ средствъ. А эти средства, хотя нынѣ уже и пре-

вышающія миллионъ рублей, весьма незначительны сравнительно съ 123 милл. руб., ассигнованныхъ правительствомъ на ссуды.

Относительно самой организаціи властей, раздающихъ на мѣстахъ ссуды и пособія, мы, на основаніи упомянутой записки и не вдаваясь въ подробности, скажемъ, что она можетъ быть подведена къ двумъ типамъ. Въ однихъ мѣстностяхъ—округахъ и селеніяхъ—всѣмъ дѣломъ ссудъ и пособій распоряжаются попечительства приходскія, состоящія изъ священника, волостнаго старшины, старосты и нѣсколькихъ добросовѣстныхъ. Дѣло помощи въ такихъ мѣстностяхъ идетъ менѣе благопріятно, потому что священники оказываются слишкомъ зависимыми отъ крестьянъ. Тамъ дѣло помощи идетъ, такъ сказать, въ «ширину». Помощь предоставляется большому числу лицъ, но помощь малая: по 20 фунтовъ хлѣба на ѣдока въ самыхъ бѣдныхъ семьяхъ, по 15 и 10 фунтовъ для другихъ семей. При этомъ дѣйствительно бѣдствующіе получаютъ слишкомъ мало, а нѣкоторую часть ссудъ получаютъ и такія семьи, которыя могли бы и безъ нихъ обойтись.

Другой типъ организаціи продовольственной помощи—это тотъ, который представляетъ починъ какой-нибудь энергической личности, вліяющей на земскаго начальника, или собственный починъ этого должностнаго лица. Но и въ этой категоріи есть еще различіе въ приемахъ. Въ однихъ округахъ земскій начальникъ основалъ все дѣло на строгой отвѣтственности волостныхъ старшинъ въ правильномъ назначеніи пособія. Въ такомъ случаѣ назначеніе пособія прямо зависитъ отъ старшины, но земскій начальникъ, избравъ въ каждомъ селеніи нѣсколькихъ «добросовѣстныхъ», провѣряетъ списки и самъ осматриваетъ хозяйства, а затѣмъ за неправильныя показанія штрафуетъ старшинъ. Въ другихъ округахъ земскіе начальники поручали сельскимъ «комиссіямъ», образованнымъ изъ старостъ и понятыхъ, составить описи дѣйствительно нуждающимся, а когда эти комиссіи оказались «не на должной высотѣ безпристрастія», то земскіе начальники устраивали «особыя команды изъ старостъ, сотскихъ, предсѣдателей волостныхъ судовъ, бывшихъ писарей и управляющихъ». Команды эти должны были объѣхать всѣ селенія участка и путемъ «обыска» крестьянскихъ дворовъ привести въ ясность наличность крестьянскихъ запасовъ.

Однимъ словомъ, въ дѣлѣ предоставленія ссудъ и раздачи пособій фактически господствуетъ полное разнообразіе, — «пестрота», по выраженію записки. «И результаты чрезвычайно пестры, — рядомъ съ бережливими и даже скупыми выдачами пособія встрѣчаются зачастую и случаи противоположные». Однако, на основаніи цифровыхъ данныхъ самой записки, мы склонны скорѣе думать, что преобладала именно забота о бережливости. Если сложить цифры ссудъ, выданныхъ съ ноября по февраль въ каждомъ изъ округовъ Арзамаскаго уѣзда, то получится сумма почти въ пять разъ меньшая, чѣмъ ассигнованія, относящіяся на время отъ февраля до половины іюля. Иными словами, примѣрно, въ 3 мѣсяца издержано немногимъ болѣе пятой части того, что остается на 5¹/₂ мѣсяцевъ.

Не входимъ въ предлагаемые вопросы о введеніи большаго однообразія и опредѣленности въ условія выдачи ссудъ, такъ какъ при примѣненіи на дѣлѣ всякихъ нормъ и правилъ надъ всеѣмъ возьметъ верхъ очевидная нужда, прямой голодъ, независимо отъ того, будетъ ли онъ имѣть, по предписаніямъ, право на помощь, или не будетъ. Мѣсяца черезъ два вся эта картина измѣнится и то, что казалось «противуположнымъ бережливости», можетъ еще оказаться крайне недостаточнымъ.

Отмѣтимъ въ той же запискѣ нѣсколько цифровыхъ примѣровъ объ отпускѣ вина съ заводовъ и изъ складовъ и о продажѣ питей въ разныхъ селахъ тѣхъ же уѣздовъ. За исключеніемъ одного села, гдѣ, по отзыву земскаго начальника, усилилось пьянство въ базарные дни вслѣдствіе конкуренціи двухъ винныхъ лавокъ съ пониженіемъ цѣны, все прочіе цифровые примѣры свидѣтельствуютъ о довольно значительномъ сокращеніи продажи питей съ прошлаго сентября по январь сравнительно съ тѣмъ же мѣсяцемъ 1890 года.

Исполняя обращенную къ намъ просьбу, извлекаемъ изъ №№ 1 и 2 журнала *Дѣтская Помощь* нѣсколько данныхъ о столовной для приходящихъ дѣтей 4 — 12-ти лѣтнаго возраста, открытой въ половинѣ декабря при селѣ Мещерскомъ, Ефремовскаго уѣзда, Тульской губ., въ помѣщеніи г-жъ Авиловой и Горшковой. Кормятся ежедневно 50—60 дѣтей по очереди; нѣсколько изъ нихъ, приходящія изъ дальнихъ хуторовъ, живутъ понедѣльно въ кормежной. На 1,669 порцій обѣдовъ и ужиновъ издержано всего 69 рублей, главнымъ образомъ, изъ средствъ самихъ учредителей, а частью и изъ пожертвованій. Одна порція обходится въ 4,2 коп., т.-е. за 42 коп. можно наормить обѣдомъ 10 дѣтей *).

Большая часть всего количества зерна на обмененіе въ нуждающіяся губерніи уже доставлена. Но останется ли у крестьянъ число лошадей, сколько-нибудь достаточное для приготовления полей подъ посѣвъ яровыхъ, — вотъ вопросъ, который теперь выступаетъ на первый планъ. Уже по окончаніи осеннихъ работъ, вмѣстѣ съ массовою распродажей скота, крестьянами было продано и много лошадей. Изъ разныхъ мѣстностей сообщаютъ, что лошадей осталось мало, — въ нѣкоторыхъ селеніяхъ по одной на два двора. Крестьяне, сохранившіе лошадей до февраля, дѣлаютъ все возможное, чтобы выдержать еще мѣсяца два-три, продаютъ, что могутъ, изъ имущества, снимаютъ солому съ крышъ, но не все могутъ выдержать и продажа лошадей за безцѣнокъ продолжается.

О какихъ-либо общихъ мѣрахъ помощи въ этомъ отношеніи не было слышно до самаго послѣдняго времени. Только нѣкоторые комитеты и земства опредѣляли плату крестьянамъ за перевозку хлѣба или рѣшили купить извѣстное число лошадей для той же цѣли съ предоставленіемъ ихъ артелямъ возчиковъ изъ неимѣющихъ своихъ лошадей. Нельзя подуматъ

*) Адресъ: гор. Ефремовъ, Тульской губ., Николай Вас. Авиллову.

безъ сожалѣнiя о такихъ крестьянахъ, которые, понеся жертвы на прокормленiе лошадей въ теченiе бoльшей части зимы, вынуждены теперь, все-таки, продавать ихъ за какую бы то ни было цѣну.

Между тѣмъ, вопросъ о достаточномъ для работъ числѣ лошадей столь же важенъ, какъ и вопросъ о запасѣ зерна для обмѣненiя, и недостатокъ въ рабочемъ скотѣ у крестьянъ угрожаетъ не только имъ самимъ, но и тѣмъ частнымъ землевладѣльцамъ, которыхъ земли обрабатываются исполу, стало быть, крестьянскимъ инвентаремъ.

Въ половинѣ минувшаго мѣсяца было официальное извѣстiе, что особый комитетъ, выслушавъ предложенiе статсъ-секретаря Островскаго относительно поддержанiя лошадей до начала весеннихъ работъ въ нѣкоторыхъ неурожайныхъ мѣстностяхъ, назначилъ въ губернiи Симбирскую, Саратовскую и Тамбовскую по 100 т. руб. на каждую, предоставивъ статсъ-секретарю Островскому поручить устройство кормленiя лошадей чинамъ ввѣреннаго ему министерства подъ наблюдениемъ губернаторовъ, и, сверхъ того, назначилъ въ распоряженiе начальника Самарской губернiи 70 т. р. для поддержанiя лошадей. Фактъ этотъ, замѣтимъ, представляетъ собой новое указанiе на необходимость существованiя такого вѣдомства, которое было бы призвано болѣе непосредственно къ заботливости о нуждахъ земледѣлiя. Правда, въ данномъ случаѣ инициатива идетъ отъ министерства государственныхъ имуществъ, котораго начальникъ состоитъ членомъ особаго комитета; однако, она не только прошла чрезъ комитетъ, но и осуществляется на средства комитета, на суммы, собранныя благотворительностью.

Дѣйствительно, въ бюджетѣ министерства государственныхъ имуществъ нѣтъ такихъ источниковъ, изъ которыхъ можно было бы назначить пособiя или ссуды на столь первостепенную въ настоящiй моментъ потребность земледѣлiя и сельскаго хозяйства, какъ поддержанiе крестьянскихъ лошадей до начала работъ. Но, съ другой стороны, можно сказать, что если по представленiямъ министерства внутреннихъ дѣлъ, въ соглашенiи съ министерствомъ финансовъ, ассигнованы были высшимъ государственнымъ учрежденiемъ суммы на продовольствiе и обмѣненiе въ итогѣ 123 милл. рублей, то и назначенiе изъ государственныхъ средствъ 2—3 милл. рублей на поддержанiе лошадей могло бы послѣдовать по почину вѣдомства, включающаго въ себѣ департаментъ сельскаго хозяйства.

Нынѣшнее бѣдствiе не должно пройти безслѣдно какъ для болѣе удовлетворительной организацiи въ будущемъ продовольственномъ дѣлѣ, такъ и для изысканiя серьезныхъ и всестороннихъ мѣръ къ улучшенiю крестьянскаго земледѣлiя вообще во всей Россiи.

Относительно лучшаго устройства народнаго продовольствiя министерствомъ внутреннихъ дѣлъ уже формулированъ цѣлый рядъ вопросовъ для мѣстнаго обсужденiя въ циркулярѣ, разосланномъ по губернiямъ. Въ этомъ циркулярѣ соединены вопросы организацiи постоянной съ такими, которые относятся къ помощи населенiю при неурожаяхъ. Къ первымъ при-

надлежать вопросы: о запасныхъ магазинахъ и управленіи ими и о введеніи обязательности общественныхъ запасовъ. Къ числу вопросовъ второго рода принадлежать, напримѣръ, слѣдующіе: «какъ организовать правильную раздачу ссудъ, съ тѣмъ, чтобы онѣ доходили своевременно и полностью къ нуждающимся», указаніе «способовъ болѣе точнаго опредѣленія дѣйствительно нуждающихся въ ссудѣ, порядка составленія списковъ ихъ, кто долженъ быть вносимъ въ число ѣдоковъ и въ какомъ размѣрѣ должно производить выдачи» и т. п.

На вопросы второго рода отвѣтитъ нынѣшній опытъ; земствамъ и административнымъ лицамъ останется только разъяснить, что оказалось наиболѣе практичнымъ, хотя, наприм., размѣръ выдачъ зависитъ отъ степени нужды и если даже былъ нынѣ опредѣленъ общею нормою, то только для исчисленія потребности; выдача же ссудъ производится по степени нужды и средствъ.

Что касается вопросовъ постоянной организаціи, то надо думать, что подъ впечатлѣніемъ нынѣшняго бѣдствія большинство мнѣній будетъ въ пользу натуральныхъ запасовъ хлѣба. Хотя и эта система имѣетъ невыгоды и соединена съ расходами, между тѣмъ какъ храненіе средствъ на продовольствіе въ капиталахъ приноситъ доходъ, но здѣсь, какъ мы уже однажды замѣтили, играетъ роль и элементъ «психологическій». Хлѣбные запасы менѣ подвижны, чѣмъ денежные капиталы, и позаймствованія хлѣбомъ въ обыкновенное время всегда будутъ имѣть характеръ по преимуществу единичный, крестьянскій, между тѣмъ какъ ссуды изъ продовольственныхъ капиталовъ имѣютъ часто характеръ уѣздный, финансовый. Мнѣнія будутъ вклоняться въ пользу постоянныхъ хлѣбныхъ запасовъ уже и по тому временному соображенію, что поправка и постройка магазиновъ дастъ работу нуждающимся.

Что касается спеціальнаго установленія обязательности общественныхъ запасовъ съ цѣлью обезпеченія продовольственныхъ ссудъ, то, на нашъ взглядъ, общественныя запасы желательны для того, чтобы крестьянинъ, взявшій хлѣбную ссуду изъ магазина, отвѣчалъ за нее самъ и имѣлъ бы возможность возратить ее соответственнымъ числомъ дней работы на общественной запашкѣ. Въ этомъ предлѣ, даже и обязательность запашки была бы рациональнѣе, чѣмъ круговая порука, которая ведетъ къ отказу въ ссудахъ именно бѣднѣйшимъ и къ необходимости для нихъ закабалиться кулакамъ. Во многихъ изслѣдованіяхъ сельскаго экономическаго быта приводятся крайне тяжкія условія, на какихъ бѣдняки занимаютъ хлѣбъ зимою и весною у кулаковъ съ обязательствомъ возратить ее лѣтнимъ полевымъ трудомъ. По расчету цѣнности рабочаго дня, оказывается, что по хлѣбнымъ ссудамъ бѣдняки уплачиваютъ мѣроѣдамъ по 200 и 300 за 100, исчисляя годовой процентъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что обязательный трудъ заемщика на общественной запашкѣ будетъ безъ всякаго сравненія менѣе тяжелъ, чѣмъ купленный у него за ссуду обязательный же трудъ на мѣроѣда, нерѣдко сопряженный съ неустойками, которыя создаютъ безысходную кабалу.

Но затрудненіе представляется въ томъ, что при самомъ установленіи обязательности общественной запашки приходится рассчитывать не на земщиковъ, но на трудъ всего сельскаго общества, а извѣстно, что крестьяне неохотно соглашаются на эти запашки, такъ что если онѣ не будутъ обязательными, то онѣ, по крайней мѣрѣ, въ ближайшее время могутъ быть заведены только въ видѣ исключенія. Но, по нашему убѣжденію, не слѣдуетъ обращать общественныя запашки въ средства къ возвращенію ссуды, полученныхъ отъ казны, такъ какъ это совершенно исказило бы значеніе весьма полезнаго учрежденія, повело бы къ неестественному и не вездѣ удобному расширенію такихъ запашекъ и, наконецъ, представляло бы нѣчто вродѣ установленія барщины для обезпеченія интересовъ казны. Ссуды были выданы нынѣ подъ круговую поруку всѣхъ тѣхъ членовъ сельскаго общества, которые ихъ получили, независимо отъ размѣра ссуды, выданной каждому изъ нихъ. Разъ было сдѣлано такъ, нельзя подмѣнивать обезпеченія и подставлять принудительный трудъ вдобавокъ къ круговой порукѣ.

Самая обязательность общественной запашки, размѣры ея пространства и число дней работы на ней, которые будутъ требоваться отъ каждаго крестьянина, — все это должно быть обусловлено только потребностями сельскаго или волостнаго продовольственнаго магазина и пропорціонально ссудамъ, полученнымъ изъ него, а не отъ казны. Но такъ какъ на первое время придется рассчитывать на трудъ всѣхъ членовъ общества, то, установивъ обязательность устройства общественной запашки, было бы справедливо изъ сбора съ нея вычитать ссуды, полученные изъ магазина, а все остальное дѣлить между крестьянами, не бравшими изъ него ссуды, пропорціонально числу рабочихъ дней каждаго, стало быть, поровну, если всѣ выходили на работу одинаковое число разъ. Что касается первоначальнаго наполненія магазина, то оно можетъ быть осуществлено тѣмъ же порядкомъ, какой принятъ въ настоящее время вездѣ, гдѣ существуютъ магазины.

Мы придаемъ дѣлу устройства общественныхъ запашекъ очень большое значеніе въ смыслѣ усиленія ассоціаціоннаго начала въ нашей земледѣльческой общинѣ. Но чѣмъ болѣе мы сочувствуемъ этой мысли, тѣмъ живѣе наше пожеланіе, чтобы это дѣло не было компрометировано въ глазахъ народа приданіемъ ему какого-либо — хотя бы временно — вѣрнопостнаго характера. И при всемъ томъ мы допускаемъ, что необходимъ нѣкоторый толчокъ, что сами крестьяне къ повсемѣстному соглашенію объ устройствѣ общественныхъ запашекъ не придутъ. Здѣсь починъ земствъ не менѣе важенъ, чѣмъ онъ былъ въ устройствѣ народныхъ школъ, лечебницъ, страхованія, предупрежденія падежей и т. д.

Только впослѣдствіи, когда крестьяне убѣдятся въ преимуществѣ ссуды изъ общественнаго магазина съ отработкою ея на общественной запашкѣ передъ ссудой у міроѣда съ закабаленіемъ труда, сдѣлается возможнымъ расширеніе общественныхъ запашекъ тамъ, гдѣ оно осуществимо, такъ,

чтобы этотъ общій трудъ могъ обеспечивать удовлетвореніе и другихъ компактныхъ мірскихъ нуждъ и чтобы наша община нѣсколько приблизилась къ понятію о земледѣльческой артели.

Нашъ взглядъ на значеніе общественныхъ запасекъ расходится съ мнѣніемъ нижегородскаго земства, которое положило ходатайствовать объ обязательномъ введеніи такихъ запасекъ для обезпеченія лежащихъ на крестьянахъ повинностей и полагаетъ обусловить самую выдачу ссудъ на обмененіе нынѣшнему весной согласіемъ крестьянскихъ обществъ на введеніе общественныхъ запасекъ. При этомъ проектируются правила, что подъ общественную запашку должно быть отводимо 150 кв. саж. съ ревизской души; обработка производится трудомъ членовъ общества или сдачею единичнымъ хозяевамъ за часть урожая или, наконецъ, наймомъ; надзоръ поручается смотрителю, котораго избираетъ общество и который получаетъ 5% съ дохода; ближайшій надзоръ за общественными запашками, храненіемъ и продажей хлѣба возлагается на волостнаго старшину, а общее наблюденіе въ уѣздѣ — на уѣздныя управы, съ правомъ опредѣлять сроки работъ и завѣдывать продажей хлѣба.

Мы не думаемъ, чтобы было удобно воспользоваться бѣдствіемъ для того, чтобы навязать крестьянамъ общественныя запашки на отработку ссудъ и повинностей. Мы допускаемъ возможность, что современемъ, когда крестьяне убѣдились бы въ пользѣ общественной запашки не только для возврата ссудъ, взятыхъ специально изъ общественного магазина, но и для удовлетворенія другихъ общихъ потребностей, такая запашка можетъ постепенно расширяться и служить, по желанію самихъ крестьянъ, даже для уплаты сборовъ посредствомъ продажи общественного хлѣба. Но не съ этого конца слѣдуетъ начинать дѣло.

Устройство общественныхъ запасекъ мы понимаемъ какъ дѣло нормальнаго времени, безъ всякой связи съ нынѣшнимъ неурожаемъ, и какъ дѣло не 17 или 20 голодающихъ нынѣ губерній, а всѣхъ губерній, гдѣ существуетъ общинное владѣніе землею. Такую запашку мы ставимъ въ связи только съ общественнымъ магазиномъ для отработки ссудъ, взятыхъ изъ него отдѣльными крестьянами; при этомъ имѣлись бы въ виду двѣ цѣли: 1) исправное возвращеніе магазину хлѣбныхъ ссудъ и 2) облегченіе полученія ссудъ бѣднѣйшими крестьянами подъ обезпеченіе ихъ труда и съ устраненіемъ круговой поруки по такимъ ссудамъ. У насъ не мало мѣстностей, гдѣ и при среднемъ урожаѣ большинство крестьянъ уже съ января начинаютъ покупать или занимать хлѣбъ и въ это время принимаютъ какія угодно условія ростовщиковъ относительно отработки ссудъ хлѣбомъ. Вотъ съ этимъ-то зломъ и должна бы бороться общественная запашка, обеспечивающая пополненіе магазина, облегчающая ссуды и дающая умѣренныя условія для ихъ отработки.

Если земства начнутъ дѣло съ этого конца, если будутъ выдавать сѣмена для общественной запашки, предоставлять селеніямъ, которыя завѣдуть упомянутыя запашки, известное число доброкачественныхъ орудій по

пониженной цѣнѣ и въ разсрочку и т. п., и крестьяне поймутъ, что все дѣло направлено къ борьбѣ посредствомъ, такъ сказать, взаимнаго страхованія работой съ мироѣдствомъ и кабальнымъ на него трудомъ, тогда взглянуть на запашки совѣтъ иначе и дѣло это будетъ поставлено прочно. А какое дальнѣйшее развитіе оно можетъ получить въ будущемъ, объ этомъ пока напрасно гадать.

Въ числѣ мѣръ, вызванныхъ неурожаемъ, слѣдуетъ упомянуть о повѣніяхъ, предоставляющихъ государственнымъ банкамъ, дворянскому и крестьянскому, давать льготы ихъ заемщикамъ въ уплатѣ недоимокъ и ближайшаго платежа. По дворянскому банку льготы могутъ быть предоставляемы по ходатайству землевладельцевъ только въ неурожайныхъ губерніяхъ и, притомъ, лишь по тѣмъ имѣніямъ, гдѣ прошлогодній урожай составилъ не болѣе трети обыкновеннаго урожая. По ходатайству такихъ заемщиковъ, банкъ разсрочиваетъ тѣмъ изъ нихъ, которыхъ имѣнія назначены на продажу въ мартѣ, какъ всю недоимку, такъ и платежъ ноябрьскій, который, по уставу, не числится въ недоимкѣ до истеченія 6 мѣсяцевъ, а затѣмъ и майскій. Имѣнія недоимщиковъ, не представившихъ доказательствъ, что урожай былъ не болѣе одной трети нормальнаго, будутъ продаваемы, но не въ мартѣ, а въ іюнѣ, то-есть по истеченіи льготнаго срока ноябрьскаго платежа. Одинаковое облегченіе предоставляется и тѣмъ должникамъ дворянскаго банка, которые перешли къ нему отъ бывшаго общества взаимнаго поземельнаго кредита.

И такъ, мѣра эта, по отношенію къ заемщикамъ дворянскаго банка, прямо ограничена предѣлами пострадавшей отъ неурожая полосы. Притомъ, и разсрочка имъ платежей допускается на срокъ, не превышающій 10 лѣтъ. Словомъ, настоящее облегченіе дается заемщикамъ дворянскаго банка исключительно въ виду нынѣшняго неурожая, который для наиболѣе пострадавшихъ отъ него экономій создалъ крайнюю затруднительность въ пріисканіи оборотныхъ средствъ на покрытіе дефицита въ годичномъ доходѣ, на приобрѣтеніе сѣмянъ и на уплату банковской недоимки. Общая же льгота заемщикамъ дворянскаго банка была предоставлена безъ всякаго отношенія къ неурожаю, а просто вслѣдствіе накопленія недоимокъ на 11 м. р. въ 1889 году, когда, какъ извѣстно, пониженъ былъ размѣръ процента и, соотвѣтственно, нѣкоторая доля внесенныхъ уже платежей зачислена была на покрытіе недоимокъ, которыхъ остальная часть была приписана къ капиталу ссуды.

Сельскимъ обществамъ и товариществамъ, которыя приобрѣли участіи земли при помощи крестьянскаго банка, предоставлены нынѣ льготы, имѣющія цѣлью не только облегчить крестьянамъ въ неурожайной полосѣ выдержаніе нынѣшняго кризиса, уменьшившаго и даже прямо уничтожившаго платежную способность, но и предоставить должникамъ крестьянскаго банка во всѣхъ губерніяхъ нѣкоторое общее облегченіе, на подобіе того, какое было дано заемщикамъ банка дворянскаго, хотя и въ меньшемъ размѣрѣ.

Этимъ новымъ повелѣніемъ предоставляется совѣту крестьянскаго банка, по ходатайству его должниковъ, во всѣхъ губерніяхъ, неурожайныхъ и урожайныхъ, разсрочивать на время, по усмотрѣнію совѣта банка, но не далѣе срока окончательнаго погашенія, сумму накопившихся недоимокъ, срокъ которыхъ истекаетъ 1 января, причѣмъ такая разсрочка можетъ быть примѣнена и къ такимъ платежамъ, которые уже были совѣтомъ отсрочены до 1 января. Специально же въ губерніяхъ неурожайныхъ къ разсрочиваемой суммѣ могутъ быть относимы и нынѣшніе весенніе платежи. Срокомъ для представленія должникамъ крестьянскаго банка ходатайствъ объ упомянутыхъ льготахъ назначено 1 будущаго мая. Торговъ на участіи, приобретенные съ помощью крестьянскаго банка, повелѣно вовсе не производить въ теченіе первой половины настоящаго года; эти торги переносятся на второе полугодіе. Въ сопровождающихъ означенное повелѣніе министерскихъ правилахъ устанавливается, что общества и товарищества, состоящія въ долгу изъ крестьянскаго банка должны ходатайства свои представлять въ мѣстныя отдѣленія банка, въ формѣ приговоровъ общественныхъ или товарищескихъ сходовъ, а совѣтъ банка обязанъ объявить свои рѣшенія не позже 1 августа.

Отсрочка платежей крестьянскому банку въ голодающихъ мѣстностяхъ была безусловно необходима, совершенно въ равной степени, какъ и невзысканіе принудительными средствами выкупныхъ платежей и поземельнаго сбора. Иначе, неизбежно представилась бы ликвидація въ 20 губерніяхъ земельно-ссудной операціи, предпринятой съ помощью крестьянскаго банка, а такая ликвидація, не говоря объ убыткахъ для должниковъ банка, не могла быть и въ собственныхъ интересахъ этого учрежденія.

Но, сверхъ того, требовалось, очевидно, и общее облегченіе для заемщиковъ крестьянскаго банка, хотя уже только во имя соблюденія сравнительной справедливости. Къ сожалѣнію, даруемая нынѣ заемщикамъ-крестьянамъ общая льгота относится лишь къ разсрочкѣ платежей, но не къ уменьшенію размѣра процента отъ ссудъ, не говоря уже о возвращеніи доли процентовъ за прѣжнее время.

Сельское хозяйство у насъ въ Россіи, и преимущественно то, которое лишено оборотныхъ средствъ, переходитъ моментъ критическій. Крестьяне, приобретающіе землю при помощи банка, обязанные платежомъ ему съ погашеніемъ 8%, на остальную часть покупной суммы, на такъ называемыхъ «собственныхъ доплатахъ», уплачиваютъ 60—100% въ годъ. Ясно, что изъ подобной операціи могутъ выйти безъ гибели только товарищества состоятельныхъ крестьянъ, которые не имѣютъ нужды обращаться къ ростовщикамъ, хотя, все-таки, платятъ банку 8%.

О необходимости пониженія размѣра процента, продленія срока ссудъ и уменьшенія доплатъ изъ собственныхъ средствъ, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ случаяхъ, когда цѣлое сельское общество приобретаетъ участокъ земли подъ необходимыя ему угодья, въ печати говорилось много. Надежда на соответствующія измѣненія въ уставѣ крестьянскаго банка была возбуж-

дена назначеніемъ комиссіи для преобразованія банка. Но, къ сожалѣнію, надеждѣ этой, повидимому, не суждено осуществиться. Недавно въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* были сообщены весьма важныя указанія на то направленіе, въ какомъ совершится преобразованіе крестьянскаго банка и которое предопредѣлено основаніями, положенными для этой реформы государственнымъ совѣтомъ въ 1889 году при обсужденіи вопроса о порядкѣ взысканія слѣдующихъ банку платежей.

По словамъ названной газеты, государственный совѣтъ призналъ, что поземельное устройство крестьянъ, о которомъ правительство не перестаетъ заботиться, не можетъ входить въ кругъ обязанностей крестьянскаго банка и учрежденію этому должна принадлежать болѣе скромная, но не менѣе важная задача. «Содѣйствуя развитію мелкой частной поземельной собственности крестьянъ, банкъ не встрѣчалъ бы при взысканіи недоимокъ теперешнихъ затрудненій. Правда, операція его развивалась бы съ меньшею быстротою, но за то его дѣятельность пріобрѣла бы твердое и правильное направленіе. Выдавая ссуды наиболѣе состоятельной части земледѣльческаго населенія, банкъ оказалъ бы несомнѣнную услугу государству образованіемъ класса мелкихъ собственниковъ, который повсемѣстно служитъ источникомъ экономическаго процвѣтанія страны и вѣрною опорой гражданскаго порядка». При этомъ государственный совѣтъ предоставилъ министру финансовъ принять мѣры къ тому, чтобы дѣятельность крестьянскаго банка не была направлена къ осуществленію несвойственной ему задачи—содѣйствовать поземельному устройству цѣлыхъ сельскихъ обществъ и многочисленныхъ переселенческихъ товариществъ.

Вслѣдствіе такихъ указаній, какъ сообщаетъ далѣе газета, управляющимъ банкомъ были составлены правила, которыя предписываютъ требовать отъ новыхъ заемщиковъ—пріобрѣтателей земли—возможно значительныхъ доплатъ изъ собственныхъ средствъ и вообще значительно затрудняютъ покупку земли сельскими обществами и крупными товариществами. *Русскія Вѣдомости* приводятъ по распредѣленію ссудъ въ 1890 году, сравнительно съ предшествовавшими годами, процентныя цифры, свидѣтельствующія, что новыя правила уже повліяли и въ 1890 г. на уменьшеніе ссудъ товариществамъ, а въ особенности сельскимъ обществамъ, на увеличеніе высоты собственныхъ доплатъ и т. д. Но такъ какъ новыя правила были составлены въ октябрѣ 1890 г., то полное ихъ дѣйствіе могло оказаться только въ 1891 году.

Мы узнаемъ съ сожалѣніемъ, что то сокращеніе, какое замѣчалось въ операціяхъ крестьянскаго банка въ послѣднее время, истекало не изъ соображеній временныхъ, но изъ принципиальныхъ, притомъ, такихъ, которыя должны придать дѣятельности крестьянскаго банка направленіе прямо противоположное его общепризнанному доселѣ назначенію. Замѣтимъ, прежде всего, что банкъ, имѣющій главною цѣлью — помощь расширенію земельнаго владѣнія «наиболѣе состоятельной части земледѣльческаго населенія» и образованію класса мелкихъ собственниковъ, дѣйствовалъ бы,

стало быть, въ смыслѣ превращенія зажиточныхъ крестьянъ въ помѣщиковъ. Состоятельные крестьяне, и безъ помощи банка, обезпечены землей, а если состоятельныхъ крестьянъ у насъ такъ много, что для дальнѣйшаго ихъ расширенія требуется банкъ, то, значить, классъ мелкихъ собственниковъ, «повсемѣстно служащій источникомъ экономическаго процвѣтанія», у насъ уже существуетъ. Затѣмъ, принимая, что классъ мелкихъ собственниковъ служить «вѣрною опорой гражданскаго порядка», позволительно, однако, спросить, почему тому же условію упроченія гражданскаго порядка менѣе соответствовало надѣленіе землею возможно большей части всего народа?

Правда, если поставить на первомъ планѣ распределеніе дѣлъ между вѣдомствами, то можно согласиться, что «поземельное устройство» крестьянъ и облегченіе переселеній не относятся къ задачамъ крестьянскаго банка, состоящаго въ министерствѣ финансовъ, такъ какъ эти предметы входятъ въ кругъ вѣдѣнія министерства внутреннихъ дѣлъ. Но, въ такомъ случаѣ, вмѣсто того, чтобы измѣнять самое назначеніе народно-земельнаго банка, обращая его въ банкъ «частной поземельной собственности крестьянъ», естественнѣе и проще, казалось бы, перечислить крестьянскій банкъ въ вѣдомство внутреннихъ дѣлъ, связавъ его съ главнымъ выкупнымъ учрежденіемъ. Въ такомъ случаѣ, крестьянскій банкъ могъ бы сохранить первоначальное свое назначеніе — служить для поправки тѣхъ условій малоземелья, которыя были созданы самымъ положеніемъ 19 февраля и, сверхъ того, могъ бы приобрести огромное, истинно-руководящее значеніе, какъ главный регуляторъ великаго дѣла переселеній, въ которомъ заключается половина всего роста народнаго благосостоянія и государственнаго могущества Россіи въ будущемъ.

Содѣйствіе банка преимущественно состоятельнымъ крестьянамъ и образованію частной земельной собственности крестьянъ, — нельзя не отмѣтить этого, — могло бы обратиться противъ общиннаго владѣнія или пользованія землею. Въ расчетѣ на помощь банка, имѣющаго главною задачею — содѣйствовать частной земельной собственности крестьянъ, трое-четверо состоятельныхъ членовъ общины могутъ согласиться сдѣлать затраты для того, чтобы на мирскомъ сходѣ состоялось требуемое закономъ большинство за раздѣленіе общинной земли на подворные участки. Затѣмъ, при содѣйствіи крестьянскаго банка, эти наиболѣе состоятельные хозяева скупаютъ участки сосѣдей-крестьянъ и приобретутъ уголья отъ сосѣдей-помѣщиковъ. Въ результатѣ окажется, что крестьянскій банкъ содѣйствуетъ разможенію общины, въ пользу мелкихъ собственниковъ, нанIMATEЛЕЙ труда своихъ прежнихъ общинниковъ.

Вопросъ о земельной общинѣ слишкомъ сложенъ, чтобы его разсматривать въ обзорѣ выдавшихся за мѣсяць фактовъ общественной жизни. Мы можемъ здѣсь только напомнить, что основною идеей земельного надѣла 1861 года было обезпечить пользованіемъ землею все крестьянство.

И нынѣ, несмотря на фактическое обезземеленіе части сельскаго насе-

ленія, остается, все-таки, неоспоримою та истина, что наиболѣе выгодно для государства такое распредѣленіе земельной собственности, при которомъ возможно болѣе число людей, лично обрабатывающихъ землю, владеютъ этою землею. А частный землевладелецъ-крестьянинъ, благопріятствуемый новыми направленіями банка, самъ работать не будетъ; это уже въ лучшемъ случаѣ—мелкій помѣщикъ, а въ худшемъ—скупщикъ земель при помощи банка для перепродажи или сдачи въ аренду.

Позволимъ себѣ напомнить, что при самомъ учрежденіи крестьянскаго банка мы относились скептически къ той, дѣйствительно недостаточно опредѣленной его задачѣ, какая выяснилась изъ устава. Исправить миллиардную операцію надѣла банкъ по своимъ средствамъ не могъ въ сколько-нибудь замѣтной степени. Разрѣшеніе ссудъ было предоставлено слишкомъ произвольному усмотрѣнію банка, такъ какъ въ Петербургѣ взвѣшивалась степень выгодности покупокъ и рѣшался вопросъ о дѣйствительности или призрачности приобрѣтенія земли обществами и товариществами. Мы указывали и на то, что въ западныхъ губерніяхъ, гдѣ крестьяне состоятельныѣе, случаи обращенія къ помощи крестьянскаго банка были рѣдки. Операціи банка и доселѣ, въ силу требованія собственныхъ доплатъ, имѣли, все-таки, болѣе капиталистическо-кредитный, чѣмъ надѣльный характеръ.

Къ сожалѣнію, направленіе предстоящаго преобразованія банка, повидимому, предрѣшено въ смыслѣ еще большаго благопріятствованія именно этому, капиталистическому элементу. На нашъ же взглядъ, выраженный нѣсколько разъ, преобразование крестьянскаго банка было желательнымъ въ совершенно иномъ направленіи. Мы высказывали ту мысль, что дѣятельность крестьянскаго банка могла бы быть специализирована на покупкѣ земель для колонизаціи, предоставленіи помощи переселенцамъ и регулированіи самого переселенія. Это была бы весьма опредѣленная задача.

Однимъ изъ крупныхъ фактовъ въ хроникѣ минувшаго мѣсяца была переимѣна въ управленіи министерства путей сообщенія, послужившая темой для многихъ газетныхъ статей и чуть ли не главнымъ предметомъ разговоровъ въ обществѣ. Вслѣдъ за выходомъ изъ министерства статъ-секретаря Гюббенета* усилились нападки на упомянутое вѣдомство, нераспорядительности котораго приписывалась задержка хлѣбныхъ грузовъ на владикавказской и ближайшихъ къ ней дорогахъ, вызвавшая командировку полковника Вендриха съ особыми полномочіями. Послышались толки объ упраздненіи этого злополучнаго вѣдомства, о необходимости искоренить «сословный духъ» его инженеровъ и т. д. Словомъ, обвиненія посыпались не только на администрацію путей сообщенія, но и на самое училище, изъ котораго выходятъ инженеры, строящіе желѣзныя дороги и служащіе на нихъ. Обвиненіе собственно противъ института получило затѣмъ подтвержденіе, если и не вполне въ данномъ случаѣ авторитетное, то весьма вліятельное, и потому мы къ нему возвратимся.

Но прежде мы должны замѣтить, что каковы бы ни были недостатки

упомянутого вѣдомства, медленность въ перевозѣ хлѣба съ Кавказа менѣе всего могла служить для нихъ раскрытія и представила вполне неосновательный поводъ для толковъ о необходимости упраздненія или преобразованія министерства и его института. Требовать, чтобы малодоходная, одноколейная дорога держала такой подвижной составъ, чтобы имѣть возможность перевезти въ два мѣсяца 40 милл. пуд. хлѣба, значитъ требовать невозможнаго. Если бы всѣ желѣзныя дороги держали такой подвижной составъ, который соответствовалъ бы не потребностямъ нормальнаго движенія, но всякимъ непредвидѣннымъ и чрезвычайнымъ случаямъ, то это равнялось бы установленію постоянной несостоятельности желѣзно-дорожныхъ обществъ и колоссальныхъ приплатъ казны по гарантіи.

Затѣмъ, если бы допустить справедливость всего того, что писалось и говорилось въ прошломъ мѣсяцѣ о полной дезорганизаціи правительственнаго желѣзно-дорожнаго надзора и управленія, то какъ же согласить съ этимъ усиленные требованія о скорѣйшемъ взятіи всѣхъ дорогъ въ казенное управленіе и толки о вредномъ для государства, преисполненномъ всяческихъ злоупотребленій, желѣзно-дорожномъ хозяйствѣ частныхъ компаній? Какovy бы ни были эти компаніи, изъ которыхъ, однако, выдвинулись въ послѣдніе годы весьма замѣтные административные дѣятели, но, во всякомъ случаѣ, говорить одновременно о необходимости взять всѣ дороги въ казенное управленіе и о полной дезорганизаціи того самаго управленія, въ которое онѣ бы перешли, по меньшей мѣрѣ нелогично.

Въ предшествующемъ обзорѣніи мы старались доказать, что полная самостоятельность главнаго начальника технического вѣдомства возможна лишь въ томъ случаѣ, если онъ специально знакомъ съ условіями вѣреннаго ему дѣла, если онъ, прежде всего, имѣетъ необходимыя знанія. А. Я. Гюббенетъ не былъ инженеромъ, но, благодаря долгой службѣ въ вѣдомствѣ и личнымъ своимъ способностямъ, навѣрное, болѣе, чѣмъ кто-либо изъ его предшественниковъ не-специалистовъ понималъ дѣло. Добавимъ, что трудолюбіе, симпатичный характеръ, справедливость и вѣжливость приобрѣли статусъ-секретарю Гюббенету уваженіе какъ среди его подчиненныхъ, такъ и въ обществѣ.

Чрезвычайныя обстоятельства могутъ вызывать чрезвычайныя мѣры, чрезвычайныя пожертвованія и усилія, но сами по себѣ еще не оправдываютъ чрезвычайныхъ нареканій. Для ускоренія передачи грузовъ владикавказскою дорогою другимъ, ближайшимъ, дѣйствительно, были приняты экстраординарныя мѣры, въ томъ числѣ смѣна четырехъ, сколько помнится, управляющихъ дорогами. Но, не говоря уже о трехъ, происшедшихъ при этомъ несчастныхъ случаяхъ, съ пожаромъ въ поѣздахъ и гибелью людей, самый результатъ чрезвычайной распорядительности представляется еще не вполне свободнымъ отъ сомнѣній.

Кісаламинъ, издающійся въ городѣ, гдѣ свѣдѣнія о желѣзно-дорожныхъ порядкахъ на югѣ могутъ быть наиболѣе полны и непосредственны, сообщаетъ фактъ, что, несмотря на экстраординарныя мѣры или вслѣдъ за

экстраординарными мѣрами, на разныхъ линіяхъ юго-восточныхъ дорогъ задержано было во второй половинѣ февраля 11 т. вагоновъ съ грузомъ. Эти вагоны не могли идти далѣе и затормазили путь. «Желѣзные дороги, — говоритъ *Киселлянинъ*, — категорически обвиняютъ полковника Вендриха. Полковникъ Вендрихъ, утверждаютъ желѣзно-дорожные инженеры, экстренными мѣрами двинулъ массу хлѣбныхъ грузовъ и перебросалъ ихъ на пути внутри имперіи, но не рассчиталъ провозоспособность этихъ путей. Въ восточныхъ губерніяхъ дорогъ мало и онѣ не рассчитаны на большое движеніе. Выброшенные такимъ образомъ грузы не далеко ушли; они застряли въ разныхъ пунктахъ и загромождали проходъ другимъ грузамъ... Загроможденіе было создано искусственно; оно не имѣло бы мѣста, если бы грузы перевозились постепенно и если бы воспользовались окружными путями, какъ, наприм., проектированнымъ путемъ съ Кавказа черезъ Черное море, Севастополь и Одессу. Но этимъ путемъ, какъ говорятъ, полковникъ Вендрихъ не пожелалъ воспользоваться».

Какъ бы то ни было, изъ всѣхъ, называвшихся въ обществѣ, кандидатовъ на должность министра путей сообщенія назначенъ тотъ, который несомнѣнно лучше знакомъ съ дѣятельностью этого вѣдомства, чѣмъ всѣ остальные. С. Ю. Витте — не инженеръ, но онъ самымъ основательнымъ образомъ знаетъ желѣзно-дорожную службу, въ которой прошелъ всѣ степени, начиная съ начальника станціи и кончая управляющимъ сѣтью въ 2½ т. верстъ юго-западныхъ дорогъ. Еще въ должности начальника эксплуатаціи этихъ дорогъ, которую онъ занималъ долгое время, г. Витте выдался изъ ряда какъ человекъ самостоятельной, широкой и счастливой инициативы, и много содѣйствовалъ возвышенію доходности упомянутой сѣти. Въ тарифномъ дѣлѣ онъ — первый знатокъ, и мы тѣмъ охотнѣе признаемъ это, что много разъ высказывали взгляды несогласные какъ съ самымъ сосредоточеніемъ этого дѣла въ министерствѣ финансовъ, куда г. Витте перешелъ въ 1889 году, будучи назначенъ директоромъ департамента желѣзно-дорожныхъ дѣлъ въ этомъ вѣдомствѣ, такъ и съ нѣкоторыми, какъ намъ казалось, излишними стремленіями къ регламентированію торговли и самой производительности. Въ сочиненіи г. Витте *Принципы желѣзно-дорожныхъ тарифовъ по перевозкѣ грузовъ* является попытка создать теорію тарифнаго дѣла по существеннымъ его условіямъ и независимо отъ того, кому принадлежать дороги — казнѣ или частнымъ обществамъ. Нельзя также не отдать справедливости своевременно выполненнымъ по его инициативѣ, въ виду неурожая, пониженнымъ тарифамъ по перевозкѣ земскихъ хлѣбныхъ грузовъ, скота и пониженію провозной платы для ѣдущихъ на заработки изъ голодающихъ губерній, о чемъ мы скажемъ ниже.

Новый управляющій министерствомъ путей сообщенія — человекъ еще относительно молодой: ему всего 43 года. А такъ какъ на службу онъ поступилъ всего три года тому назадъ (хотя служилъ нѣсколько лѣтъ, въ началѣ своей дѣятельности, въ маломъ чинѣ) съ производствомъ въ дѣй-

ствительные статскіе совѣтники и опредѣленіемъ въ должность директора, то нынѣшнее его назначеніе произвело, особенно въ сферахъ административныхъ, настоящую сенсацию. При приѣмѣ представлявшихся ему чиновъ министерства, въ числѣ которыхъ не мало ученыхъ строителей и есть люди заслуженные, новый начальникъ вполне основательно сказалъ, что онъ, по прежней службѣ, «нѣсколько знакомъ съ дѣятельностью» вѣреннаго ему вѣдомства. Но, выражая нахваленіе свое развить и упрочить хорошія стороны этой дѣятельности, онъ счелъ нужнымъ прибавить, что будетъ стараться «искоренять и не допускать всякія вредныя проявленія». Посѣтивъ, затѣмъ, институтъ инженеровъ путей сообщенія, С. Ю. Витте сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній, изъ которыхъ, какъ передаютъ, можно извлечь предположеніе, что въ устройствѣ этого училища послѣдуютъ важныя измѣненія.

Нѣкоторыя измѣненія могутъ быть и необходимы, но, къ сожалѣнію, переѣвъ въ этомъ институтѣ за послѣднія лѣтъ 20 было болѣе, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ высшемъ училищѣ, и дѣло отъ этого, повидимому, не выиграло. Поэтому при новыхъ измѣненіяхъ желательна нѣкоторая осмотрительность. Совершенно напрасно было бы примѣнять къ этому институту что-либо, имѣющее иную цѣль, кромѣ возможно удачной постановки учебнаго курса. Институтъ инженеровъ путей сообщенія имѣетъ такое же право на самостоятельное существованіе, на рациональный просторъ въ починѣ преподавателей, на академическое отношеніе къ слушателямъ, какъ институты горный, технологическій и другіе. Никакихъ особыхъ мѣръ здѣсь не надо.

Правда, еще со времени краткаго управленія покойнаго генерала Паужера, который былъ авторитетомъ въ строительствѣ мостовъ, хотя состоялъ въ военно-инженерномъ вѣдомствѣ, сталъ высказываться взглядъ, что инженеръ путей сообщенія не имѣетъ опредѣленной специальности и что, поэтому, институтъ этотъ можно бы, пожалуй, и упразднить. Но такой взглядъ чаще всего слышится отъ инженеровъ постороннихъ вѣдомствъ и вообще отъ лицъ, которыя рвутся къ участію въ желѣзно-дорожномъ строительствѣ и желѣзно-дорожной службѣ, соединенномъ съ высокими окладами. Учебный курсъ, вмѣщающій общее строительное искусство, механику и примѣненіе ихъ къ постройкѣ желѣзныхъ дорогъ и мостовъ, гидравлику и водныя сооружения, наконецъ, условія и порядки движенія на желѣзныхъ дорогахъ, несомнѣнно требуетъ спеціальнаго высшаго института. Сложность этого курса нисколько не опровергаетъ принципиальной законности соединенія его въ особой ученой спеціальности, которую связываютъ особыя примѣненія строительнаго искусства; такая спеціальность необходима и по соображеніямъ практическимъ.

Если разсуждать такъ, что соединеніе, напримѣръ, водныхъ сооружений и желѣзно-дорожной службы въ одномъ курсѣ не представляютъ научной цѣльности, то подобное разсужденіе легко примѣнить и къ инымъ институтамъ. Такъ, курсъ технологическаго института включаетъ спеціаль-

ности, имѣющія немного общаго между собой, да и самая технологія, имя которой носить институтъ, хотя и называется наукой, но представляетъ совокупность самыхъ разнообразныхъ специальностей. Учебный курсъ горнаго института не включаетъ ни одной науки, которая не читалась бы въ артиллерійской академіи, и вся специализація его имѣетъ чисто-практическое назначеніе. Архитектурное отдѣленіе академіи художествъ существуетъ на ряду съ институтомъ гражданскихъ инженеровъ, отличающійся отъ него только большимъ развитіемъ рисунка и меньшимъ развитіемъ научнаго преподаванія.

Что касается нареканій на особый «духъ», будто бы господствующій въ вѣдомствѣ путей сообщенія и поддерживаемый институтомъ,—духъ, который приводится въ связь съ «вредными проявленіями», то ограничимся однимъ замѣчаніемъ: никому—и совершенно справедливо—не приходила мысль объ искорененіи «духа» посредствомъ преобразования военно-инженернаго училища, когда отданъ былъ подъ судъ цѣлый округъ этого вѣдомства или когда на Кавказѣ не оказалось въ дѣйствительности одного шоссе, которое числилось построеннымъ техниками того же вѣдомства. Конечно, злоупотребленія наиболѣе часты вездѣ, гдѣ пускаются въ оборотъ большія суммы, но гдѣ же доказательство, что «вредныхъ проявленій» бываетъ больше въ одномъ строительномъ вѣдомствѣ, чѣмъ въ другомъ? По крайней мѣрѣ, въ вину инженерамъ путей сообщенія нельзя поставить столь крупныхъ примѣровъ, какъ только что приведенные.

Выше мы упомянули о заслугѣ департамента желѣзно-дорожныхъ дѣлъ министерства финансовъ по выработкѣ пониженныхъ тарифовъ для губерній, подвергшихся неурожаю. По даннымъ оффиціального изданія *) присмотримся къ значенію и размѣрамъ установленныхъ пониженій провозныхъ цѣнъ.

Пониженія эти произведены для хлѣбныхъ грузовъ, сѣна и соломы, на скотъ и лошадей, на дрова, соль и въ пользу лицъ крестьянскаго и мѣщанскаго сословія, отправляющихся на заработки изъ неурожайныхъ мѣстностей. Земскіе хлѣбные грузы, при которыхъ должны быть на каждый вагонъ свидѣтельства (въ нихъ не означаются станціи отправленія), перевозятся по $\frac{1}{100}$ копѣйки съ пуда и версты, при перевозкѣ повагонной. Эта цѣна ниже всѣхъ дѣйствующихъ хлѣбныхъ тарифовъ. Въ видѣ примѣра стоимости перевозки по этой цѣнѣ, приведемъ слѣдующія цифры, вычисленныя для хлѣба, идущаго со станціи Бобровицы, курско-кѣвской дороги, черезъ Курскъ и Тулу, по тремъ дорогамъ—въ Моршанскъ, что составляетъ 1,016 верстъ. Провозъ земскаго хлѣба на это разстояніе обойдется: съ вагона въ 610 пудовъ: провозной платы 61 р. 98 коп., дополнительныхъ сборовъ (нагрузка, выгрузка и двѣ передачи съ линіи на линію) 5 р. 20 коп.; всего 67 р. 18 коп. Цѣна эта составляетъ на 1 пудъ

*) *Льготные и пониженные тарифы*. Сост. въ д-тѣ желѣзнодорож. дѣл. 1892 г.

хлѣба 11.⁰⁰ копѣйки, т.-е., предполагая на станціи Бобровицы цѣну пуда ржи въ 1 р. 20 к., онъ обойдется при доставкѣ въ Моршанскъ, за 1,016 верстѣ, въ 1 р. 31¹/₅₀ коп.

Изъ любопытной таблицы, въ которой показана средняя стоимость перевозки отъ важнѣйшихъ по отправкѣ хлѣба станцій тѣхъ дорогъ (владикавказской, юго-западныхъ, варшавской и др.), на которыхъ преимущественно производятся закупки, до станцій, находящихся приблизительно въ центрѣ каждой изъ неурожайныхъ губерній, мы видимъ слѣдующіе примѣры: Воронежская губернія можетъ получить хлѣбъ съ Кавказа по 8—10 коп. за провозъ, но для нижегородской всего выгоднѣе перевозить изъ Балтійскаго края за 14—15 коп. пудъ; для Самарской одинаково стѣитъ провозъ съ Кавказа и изъ Балтійскаго края—20—22 коп. Вообще же средняя стоимость перевозки пуда хлѣба съ Кавказа изъ западныхъ и балтійскихъ губерній, не превышаетъ 31 коп. при наибольшихъ разстояніяхъ. Такъ, напримѣръ, въ губернію Уфимскую перевозка пуда стоитъ одинаково—съ Кавказа и изъ Балтійскаго края, а именно 24—26 коп.

Сѣно и солома перевозятся по расчету всего ¹/₂₀₀ коп. съ пуда и версты. Пониженный тарифъ для скота и лошадей установленъ для облегченія перевозки животныхъ изъ неурожайныхъ мѣстностей въ благополучныя для прокорма. Пониженіе составляетъ половину обыкновенной цѣны. Пониженъ также тарифъ на перевозку дровъ въ нуждающіяся губерніи и удешевленіе это въ нѣкоторыхъ случаяхъ составляетъ также 50%. Цѣна пассажирскихъ билетовъ для крестьянъ и мѣщанъ, отправляющихся на заработки, понижена на 75% и съ нихъ не взимается казенный сборъ, такъ что проѣздъ обходится приблизительно въ ¹/₃ (0,3125) коп. съ пассажира и версты, т.-е. 3 р. 12 коп. за 1,000 верстѣ.

Мы упоминали доселѣ только о пониженіяхъ, допущенныхъ для земствъ и для рабочихъ изъ неурожайныхъ мѣстностей. Но, сверхъ того, и для хлѣба, отправляемаго торговцами въ нуждающіяся мѣстности, стало быть, безъ всякихъ свидѣтельствъ, установлена провозная плата въ размѣрѣ 48%, т.-е. со скидкой 52% съ обыкновенной цѣны. А затѣмъ установлено такое же пониженіе на хлѣбные грузы, почти до всѣхъ станцій желѣзныхъ дорогъ, отправляемые изъ тѣхъ мѣстностей, которыя имѣютъ избытокъ хлѣба, а именно изъ портовъ, отъ станцій западной сухопутной границы, съ нѣкоторыхъ пристаней и изъ другихъ внутреннихъ складочныхъ пунктовъ. Пониженіе провозныхъ платъ на эти грузы было первоначально сдѣлано еще до воспрещенія вывоза всѣхъ хлѣбовъ за границу, причѣмъ имѣлось въ виду дать хлѣбу, направленному къ портамъ и границѣ, возможность возвратиться во внутреннія губерніи, гдѣ сильно поднимались цѣны. Послѣ того, какъ состоялось воспрещеніе вывоза за границу всѣхъ хлѣбовъ, пониженный обратный тарифъ для хлѣба, который направлялся къ вывозу, былъ оставленъ въ силѣ, чтобы облегчить передвиженіе хотя внутри страны.

При закупкѣ хлѣба для неурожайныхъ мѣстностей можно было поль-

зоваться производимому на некоторых дорогах выдачей ссудъ подъ залогъ хлѣбныхъ грузовъ. Ссуды эти выскрываются при выдачѣ груза на мѣстѣ назначенія, причеиъ съ заемщика взимается 6% годовыхъ за время дѣйствительнаго пользованія ссудою, съ расчетомъ по днямъ. Выдаются же ссуды въ слѣдующихъ размѣрахъ со стоимости грузовъ: не свыше 80% на срокъ не далѣе 6 недѣль и не свыше 60% на сроки болѣе продолжительныя. Стоимость грузовъ опредѣляется по цѣнамъ, существующимъ на мѣстахъ назначенія.

Всѣ эти мѣры, несмотря на то, что онѣ могутъ повліять на доходность желѣзныхъ дорогъ, нельзя не признать вполне рациональными въ виду бѣдствія, а въ установленіи ихъ видны знаніе дѣла и умѣнье систематически комбинировать средства дѣйствія. Мы должны также сказать, что справочная книжка о льготныхъ и пониженныхъ тарифахъ составляетъ заботливо обработанное и отличающееся ясностью руководство для земствъ, закупавшихъ хлѣбъ. Оно было издано еще въ августѣ 1891 г., а теперь вышло въ дополненномъ видѣ.

Прибавимъ, что грузы хлѣба, сухарей и т. д., пожертвованные для голодающихъ мѣстностей, перевозятся бесплатно.

Въ виду расширенія дѣятельности московскаго губернскаго земства, направленной къ поднятію производительности народнаго труда, губернское собраніе постановило усилить составъ управы, прибавивъ къ прежнимъ четыремъ еще одного члена. Это было вполне естественно и министерство дало свое согласіе. Но совсѣмъ уже не естественно было то, что, положивъ имѣть въ управѣ пятерыхъ членовъ, вмѣсто четырехъ, губернское собраніе избрало только троихъ.

При первоначальныхъ выборахъ на послѣдней обыкновенной сессіи произошла огульная забаллотировка кандидатовъ. Избраны были только предсѣдатель Д. А. Наумовъ и А. Н. Сазоновъ. По забаллотировкѣ многихъ кандидатовъ, остальные, поочередно предлагавшіеся, отказывались. Такимъ образомъ, не состоялись выборы трехъ членовъ губернской управы, членовъ экономическаго и санитарнаго совѣтовъ, ревизіонной комиссіи, земскихъ членовъ училищнаго совѣта, губернскаго по земскимъ дѣламъ присутствія и проч.

Въ экстренномъ собраніи, созванномъ на 18 февраля, только для дополнительныхъ выборовъ, повторилась та же исторія: просили баллотировки, предлагали кандидатовъ записками въ достаточномъ количествѣ для избранія, а, затѣмъ, при баллотировкѣ, «проваливали» ихъ. Зрѣлище было не вполне достойное схода серьезныхъ людей, а тѣмъ менѣе—московскаго земскаго собранія. Едва не случился небывалый въ земской лѣтописи фактъ: необходимость административнаго назначенія членовъ управы по неуспѣшности выборовъ. Заявлены были по запискамъ 19 кандидатовъ, но всѣ они отъ баллотировки отказались. Тогда, вслѣдствіе усиленныхъ просьбъ, изъ тѣхъ же кандидатовъ рѣшились баллотироваться только 4, но изъ

нихъ трюхъ «провалили» и едва прошелъ одинъ, А. Ө. Шнейдеръ, большинствомъ 32 голосовъ противъ 30 неизбирательныхъ. Уже возбужденъ былъ вопросъ, не отказаться ли отъ избранія членовъ въ ревизіонную комиссію и въ правительственныя учрежденія вслѣдствіе неуспѣха выборовъ въ управу, но такъ какъ законъ требуетъ только, чтобы управа состояла не менѣе чѣмъ изъ предсѣдателя и двухъ членовъ, а это число было налицо, то продолжались выборы въ комиссію и т. д. При этомъ, въ члены губернскаго по земскимъ дѣламъ присутствія оказался избраннымъ только одинъ кандидатъ. Членовъ въ экономическій и санитарный совѣтъ избирали уже по запискамъ.

Эти несочувственныя явленія объясняются тою распрей, которая началась въ прошломъ году, бывъ первоначально вызвана городскимъ головой Н. А. Алексѣевымъ, а затѣмъ поддержана городскимъ членомъ земскаго собранія. Но, спрашивается, чего же хотѣла достигнуть эта оппозиція въ данномъ случаѣ? Она могла предлагать своихъ кандидатовъ, начиная хотя бы съ г. Алексѣева. Но приходить на выборы только для того, чтобы мѣшать имъ, это похоже на безцѣльное школьничество.

СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО.

Малый театр: *Сафо*, трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ Франца Грильпарцера, переводъ Н. Ѳ. Арбенниа.—Выставка картинъ И. Е. Рѣпина въ Москвѣ.

Въ бенефисъ г-жи Ермоловой, 5 февраля, дана была пяти-актная трагедія Франца Грильпарцера — *Сафо*, въ переводѣ, «приспособленномъ для русской сцены», Н. Ѳ. Арбенниа. Имя нѣмецкаго поэта и драматурга Грильпарцера совершенно незнакомо большинству русской публики, несмотря на то, что со дня его рожденія прошло болѣе ста лѣтъ и со дня его смерти въ январѣ текущаго года минуло двадцать лѣтъ. Францъ Грильпарцеръ родился въ Вѣнѣ 15 января 1791 года, всю жизнь, почти безвыѣздно, провелъ въ этомъ городѣ и тамъ же умеръ 21 января 1872 года. Первая его пьеса *Прабабка (die Ahnfrau)*, поставленная на вѣнскомъ театрѣ въ 1817 г., была играна потомъ на многихъ германскихъ сценахъ и сдѣлала его имя извѣстнымъ во всѣхъ нѣмецкихъ земляхъ. Трагедія *Сафо* появилась въ свѣтъ въ 1818 г.; за нею слѣдуетъ трилогія *Золотое руно (Das goldene Fliess)* въ 1822 г. Нѣкоторый успѣхъ имѣла только послѣдняя часть трилогіи — *Медея*. Въ 1825 г. играна его трагедія *Счастье и конецъ короля Оттокара (König Ottokars Glück und Ende)* и въ 1830 г. трагедія *Вѣрный слуга своего господина*, обратившія на себя вниманіе и надѣлавшія немало шума не достоинствами своими, а усмотрѣнными въ нихъ тенденціями. Написанныя потомъ: трагедія *Волны моря и любви (1840 г.)*, передѣлка для сцены легенды о *Геро и Леандрѣ*, и комедія *Плохо тому, кто лжетъ*, а также драматическая сказка *Мечта — жизнь* (обѣ написаны въ томъ же 1840 г.), потерпѣли полное фіаско. Съ тѣхъ поръ, сколько намъ извѣстно, ни одно его новое драматическое произведеніе на сценѣ не появлялось. Оставшіяся послѣ его смерти драмы: *Ein Bruderswist in Habsburg*, *Die Judin von Toledo* и *Libussa* играны въ 1873 г. Лучшимъ его произведеніемъ почитается двухъ-актный драматическій отрывокъ *Эсфирь*. Популярность Грильпарцера, однако же, не угасла отъ такого перерыва его литературной дѣятельности, какъ драматурга. Напротивъ, слава его продолжала расти, благодаря восторгамъ австрійской молодежи передъ его лирическими стихотвореніями, въ кото-

рыхъ звучить любовь къ свободѣ, въ то время задавленной меттерниховскимъ режимомъ. Жители Вѣны не хотѣли отстать отъ берлинцевъ и веймарцевъ и во что бы то ни стало желали имѣть «своего» генія нѣмецкой поэзіи; за неимѣніемъ другаго, они возвели въ такого генія Фр. Грильпарцера, пытаясь приравнять его къ Шиллеру и Гёте. По случаю пятидесятилѣтія со дня его рожденія была выбита въ честь его медаль, празднованіе въ 1871 г. восьмидесятой его годовщины было настоящимъ триумфомъ, а похороны его въ слѣдующемъ году приняли характеръ небывалаго апогея поэта. По смерти его въ одномъ изъ вѣнскихъ музеевъ устроено особое отдѣленіе, посвященное памяти Грильпарцера, гдѣ, какъ реликвіи національныя, хранятся точныя воспроизведенія комнатъ, въ которыхъ жилъ и работалъ этотъ писатель. Тамъ собраны принадлежавшія ему мебель, книги, вещи, всѣ поднесенные ему юбилейные подарки. Съ тяжелымъ чувствомъ осматривали мы этотъ «Grillparzer's Museum», вспоминая о томъ прискорбномъ пренебреженіи, съ каковымъ наше русское общество относится къ памяти своихъ воистину великихъ людей, каковы Пушкинъ, Гоголь стоящіе во всѣхъ отношеніяхъ далеко выше сентиментально-расплывчатаго австрійскаго поэта и очень посредственнаго драматурга, почитаемаго «национальнымъ» только въ родномъ его городѣ Вѣнѣ.

Объ исторической Сафо, прославленной греческой поэтессѣ, мы знаемъ весьма немногое; но и этого немногаго было бы достаточно для сочиненія драмы, если бы авторъ подошелъ къ своему сюжету съ иной стороны, чѣмъ то сдѣлалъ Грильпарцеръ. Полулегендарное преданіе гласитъ, что пѣвица-поэтесса Сафо жила въ VI в. до Р. X. на островѣ Лесбосѣ, въ городѣ Митиленѣ. Она была замужемъ за богатымъ обывателемъ острова Андроса, овдовѣла, вернулась на родину и со всѣмъ пыломъ необычайно одаренной природы отдалась поэзіи и наслажденіямъ. Несмотря на всю славу Сафо, прозванной «десятою музой», жители Митилены отнеслись съ крайнею враждебностью къ ея любовнымъ увлеченіямъ, обвинили ее въ безнравственности и въ участіи въ заговорѣ противъ Питтака, царя Митилены. Сафо вынуждена была бѣжать въ Сицилію. Далѣе легенда передаетъ, что Сафо покончила жизнь самоубійствомъ, бросившись въ море, съ отчаянія отъ измѣны страстно любимаго ею молодого лесбійца Фаона. По мнѣнію нѣкоторыхъ историковъ, въ этомъ послѣднемъ сказаніи смѣшиваются двѣ Сафо: одна — славная поэтесса, другая — возлюбленная Фаона. Существуетъ еще и такое предположеніе, что исторія любви Сафо къ красивому юношѣ есть ничто иное, какъ сказочный вариантъ мифа о любви Венеры къ Адонису, который въ мифѣ называется также Фаономъ. Предположеніе это кажется тѣмъ болѣе правдоподобнымъ, что Венера въ отчаяніи отъ смерти Адониса - Фаона бросается въ море съ той же самой Левкадійской скалы, которую почитаютъ мѣстомъ самоубійства Сафо. Грильпарцеръ всю свою трагедію построилъ исключительно на любви поэтессы къ молодому чужеземцу. Мы находимъ, что эта наименѣе достоверная часть преданія о Сафо есть, въ то же время, и наименѣе интересная

и наименѣе характерная для личности знаменитой героини. Въ трагедіи австрійскаго драматурга юноша увлекается божественнымъ даромъ и блескомъ славы, окружающей страстно влюбленную въ него побѣдительницу на олимпійскихъ играхъ. Вскорѣ это увлеченіе уступаетъ мѣсто настоящей любви Фаона (г. Багровъ) къ молоденькой рабынѣ Сафо—Мелитѣ (г-жа Панова), наивно отдающей свое сердце жениху облагодѣтельствовавшей ее госпожи. Въ порывѣ ревности Сафо хочетъ удалить Мелиту на островъ Хиосъ; Фаонъ похищаетъ дѣвушку и уѣзжаетъ вмѣстѣ съ нею. Сафо сзываетъ рабовъ и гражданъ—сосѣдей и посылаетъ погоню за бѣглецами. Ихъ возвращаютъ силой, но любви силой не вернешь. Сафо и Фаонъ въ длинныхъ монологахъ устанавливаютъ такое положеніе, что «равная богамъ» поэтесса должна быть недосыгаема для простаго смертнаго и не можетъ нивойти своею любовью до сына земли. Она—избраница «безсмертныхъ» и истинный ея удѣлъ быть въ непрестанномъ духовномъ общеніи съ небожителями дивнымъ даромъ поэзии на радость и счастье людей. Сафо поетъ прощальную пѣсню и идетъ къ «безсмертнымъ», бросается въ море. Пять актовъ для развитія столь ничтожной фабулы чрезмѣрно много, а для стяжавшей безсмертіе чудной поэтессы Эллады такой характеристики слишкомъ мало. За отсутствіемъ дѣйствія, вся трагедія проходитъ въ пространныхъ диалогахъ и монологахъ, наполненныхъ крайне однообразными по существу лирическими изліяніями, которыхъ съ большимъ избыткомъ было бы достаточно развѣ только на два акта. Благодаря такимъ несообразностямъ, отъ трагедіи получается впечатлѣніе томительнѣйшей скуки. Самая идея о невозможности для гениальной женщины земной любви въ томъ видѣ, въ какомъ эта идея излагается Грильпарцеромъ, представляется намъ, по меньшей мѣрѣ, парадоксальною. Возвратимся еще разъ къ «исторической» Сафо: по преданію, это была некрасивая женщина и далеко не первой молодости въ то время, когда она бросилась въ море со скалы Левкадійской. Въ трагедіи всѣ называютъ ее «прекрасною», всѣ восхищаются ея красотой. Изъ дошедшихъ до насъ произведеній Сафо (или ей приписываемыхъ) известны *Гимнъ Венерѣ* и *Ода къ любовницѣ*. Оба эти отрывка проникнуты необычайною, жгучею страстностью, не сдерживаемою никакими условіями пристойности, по понятіямъ нашего времени. Ни искры этой страстности не блеститъ въ сентиментально-лирическихъ монологахъ Грильпарцера, весьма подходящихъ къ характеру вѣнскихъ нѣмокъ и не имѣющихъ ничего общаго съ пламеннымъ темпераментомъ классической пѣвицы Лесбоса, которой воздвигала храмы Эллада. Можно и должно было сдѣлать настоящую драму не изъ романтическаго анекдота о «левкадійскомъ прыжкѣ», а изъ подлинной исторіи, какою она дошла до насъ. Мы не допускаемъ возраженія, будто нѣкоторые подробности преданій о Сафо могутъ оказаться неудобными для сцены; не допускаемъ же мы этого на томъ основаніи, что намъ драма Сафо представляется вотъ въ какомъ видѣ: несчастная въ замужствѣ и, пожалуй, въ любви, — допускаемъ это, какъ дань романтизму, — некрасивая собою, но далеко выдающаяся по уму, образованію и

талантамъ, Сафо, прославляемая всею Элладой, равная богамъ «десятая муза», не могла мириться съ современнымъ ей положеніемъ греческой женщины. Ея страстная и гениальная натура не могла примириться ни съ долей Пенелопы, ни съ судьбою гетеры. Мы говоримъ не о дѣйствительности, которой мы не знаемъ, а о канвѣ, о фабулѣ, возможной для драмы. Не въ бракѣ, съ неизбѣжнымъ геникеемъ, не въ любви къ мужчинѣ и не въ условной свободѣ гетеризма видитъ она призваніе женщины, а зоветь своихъ подругъ и согражданокъ на новый путь служенія искусствамъ и наукѣ. Она—первая провозвѣстница эмансипаціи женщины, полного ея освобожденія отъ какой бы ни было зависимости, налагаемой супружествомъ, любовью ли къ мужчинѣ, или хотя бы даже гетеризмомъ. На ея призывы къ свободѣ откликается часть женщинъ и дѣвушенъ роднаго города. Консервативный элементъ населенія глумится въ началѣ, потомъ встревоживается движеніемъ, грозящимъ оставить за штатомъ мужей, жениховъ и любовниковъ. Противъ поэтессы, проповѣдницы «страшныхъ новшествъ», пускаются въ ходъ,—какъ то обычно бывало во все вѣка,—всяческія инсинуаціи, сплетни и клеветы, самыя неразборчивыя, грязныя, рассчитанныя на то, чтобы подорвать ея авторитетъ у женщинъ и опозорить ее, какъ женщину, которой нельзя поставить въ упоръ никакой любовной связи ни съ чужеземцемъ, ни съ рабомъ, ни съ гражданиномъ. Дѣло доходитъ до открытой борьбы между славною поэтессой, предъ которой преклоняется весь эллинскій міръ, и охранителями господства мужчинъ надъ женщинами. На ея сторонѣ слава, гений, богатство, толпы послушныхъ рабовъ и обожаніе преданныхъ ей ученицъ и послѣдовательницъ; борьба становится опасною для противной стороны и разрѣшается лишь тѣмъ, что Питтака, царя Митилены, убѣждаютъ, будто вызванное Сафо стремленіе женщинъ къ наукѣ и искусствамъ угрожаетъ существующему порядку и его царской власти. Чисто-идейная проповѣдь, подъ воздѣйствіемъ ловкой, ни передъ чѣмъ не останавливающейся интриги, получаетъ характеръ политическаго дѣла, заговора противъ правительства, что и вынуждаетъ Сафо покинуть родную страну и удалиться въ Сицилію. Намъ могутъ возразить: это не драма, а хроника. Нѣтъ, отвѣтимъ мы, это не драма и не хроника, это—трагедія. Это трагедія вѣчной борьбы животворной идеи свободы духа съ тупою законсѣлостью рабскихъ инстинктовъ, или, что одно и то же, рабовладѣльческихъ вождѣній. И дѣло въ томъ еще, что борьба не кончена отбытіемъ Сафо въ Сицилію. Тотъ «рокъ», который является главнымъ факторомъ въ трагедіи, не могъ ей дать спокойно дожить свой вѣкъ на чужбинѣ въ примиреніи съ невыносимой для нея дѣйствительностью. Къ тому же, и легенда говоритъ, что Сафо не осталась въ Сициліи. Преслѣдуемая и тамъ клеветой, лишенная сочувствія и поддержки своихъ друзей-послѣдовательницъ, гонимая злобою людей и тоскою по родинѣ, она сдѣлала попытку вернуться къ дорогой ея сердцу Элладѣ. На пути, быть можетъ, загнанная бурей (тѣмъ же «рокомъ»), она остановилась на одномъ изъ Ионическихъ острововъ, носящемъ нынѣ названіе Санта-Мора, гдѣ показываютъ Левка-

дійсній утесъ. Тутъ «рокъ» воспламенилъ ея сердце поздною и унижительною страстью къ юному Фаону, относящемуся съ презрѣніемъ къ любви старѣющей женщины, преслѣдуемой клеветой и насмѣшками. Не измѣна любимаго человѣка ведетъ геніальную, «равную богамъ» Сафо на морской берегъ, а измѣна себѣ самой,—та «роковая» измѣна, которая обусловлена заложеною самою природою и ничѣмъ неистребимою въ сердцѣ женщины потребностью любви къ мужчинѣ. Самоубійство для Сафо не можетъ быть романтическою развязкой несчастной любви, по мѣщанско-нѣмецкому шаблону: это—результатъ страшнаго, трагическаго крушенія идеала, роковая необходимость для женщины, бывшей «равной богамъ» и внутренно павшей такъ низко, что невозможнымъ уже становится для нея служеніе той завѣтной идеѣ, которой она посвятила всю жизнь и ради торжества которой она всѣмъ пожертвовала—личнымъ счастьемъ, богатствомъ, почетомъ, громкою славой и добрымъ именемъ, опозореннымъ врагами... Вотъ, по нашему мнѣнію, въ чемъ трагедія Сафо и вотъ какою представляется намъ героиня этой трагедіи.

И. Е. Рѣпинъ устроилъ въ залахъ Историческаго музея выставку своихъ картинъ, на которой имѣется болѣе тридцати его произведеній самаго разнороднаго содержанія. Тутъ есть и пейзажи, и портреты, сцены житейскія и бытовья, портреты-картины съ обстановкой и этюды. Первое мѣсто по размѣрамъ и по художественному значенію занимаетъ очень большая картина *Запорожцы*, молва о которой успѣла уже облетѣть всю Россію и Европу, и это вполне заслуженно. Сюжетъ для картины взятъ художникомъ изъ историческаго разказа о томъ, какъ вольное козачество Запорожской Сѣчи, при кошевомъ атаманѣ Иванѣ Дмитріевичѣ Сѣрко, отвѣчало турецкому султану Магомету IV на его грозную грамоту «насмѣшливымъ» посланіемъ, т. е., просто говоря, письмомъ, наполненнымъ отборною козачкою бранью *). Разказъ объ этомъ и дошедшее до насъ содержаніе

*) Для интересующихся этою оригинальною перепиской приводимъ тексты грамоты султана и отвѣта на нее запорожцевъ:

„Султанъ Махмудъ IV запорожскимъ козакамъ въ 1680 году. Я, султанъ, сынъ Магомета, братъ солнца и луны, внукъ и намістникъ божій, владѣлецъ царствъ Македонскаго, Вавилонскаго, Иерусалимскаго, Великаго и Малаго Египта, царь надъ царями, выстелая надъ властелинами, необыкновенный рыцарь, никѣмъ непобѣдимый, неотступный хранитель гроба Иисуса Христа, почитатель самого Бога, надежда и утѣшеніе мусульманъ, смущеніе и великій защитникъ христіанъ, повелѣваю вамъ, запорожскіе козакъ, сдаться мнѣ добровольно и безъ всякаго сопротивленія и меня вашими нападеніями не беспокоить“.

„Запорожцкіе козакъ турецкому султану. Ты — шайтанъ турецкій, проклятаго чорта братъ и товарищъ, и самого люцифера секретарь! Якій ты въ чорта люцарь? Чортъ выкидайе, а твое войско пожырайе. Не будешъ годенъ сынивъ христіанскихъ нидъ собою мати (имѣть); твоего войска ми не боимось, землею и волюю будемъ бытыды въ тобою. Вавилонскій ты кухарь, македонскій колесникъ, иерусалимскій броварникъ (пивоваръ), александрійскій коволугъ, Великаго и Малаго Йегипту свинарь, армянска свиня, татарскій сагайдакъ (козелъ), каминецкій кать (палачъ), подолявскій зло-

письма должны, по всей вѣроятности, почитаться апокрифическими, сочиненными какими-нибудь запорожскимъ остроумцемъ на потѣху «куранныхъ» товарищей и въ похвалу удалства кошевого Сѣрка и ближайшихъ его сподвижниковъ. Такое предположеніе подтверждается отчасти тѣмъ обстоятельствомъ, что сказаніе относитъ написаніе козацкаго отвѣта султану къ 1680 году, а кошевой Сѣрко умеръ 1 августа этого года на своей пасекѣ. Въ сентябрѣ пріѣзжали въ Москву запорожскіе посланцы, полевой полковникъ Щербиновскій и войсковой писарь Быхоцкій и привезли извѣстіе объ избраніи на мѣсто Сѣрка кошевымъ атаманомъ Ивана Стягаило. Быхоцкій въ тайномъ разпросѣ, между прочимъ, говорилъ, что Сѣрко велъ съ Крымомъ переговоры, «чтобъ быть (Запорожью) подъ обороною турецкаго султана». Его ватѣвъ помѣшали войсковой судья Яковъ Константиновъ и онъ, писарь Быхоцкій. «Съ этихъ поръ,—по словамъ Быхоцкаго,—Сѣрко пришелъ въ отчаяніе, что не могъ исполнить свое намѣреніе, и началъ хворать, заболѣлъ у него лѣвый бокъ, отчего сталъ чрезмѣрно худъ. Во время болѣзни войскомъ не занимался, а постоянно жилъ въ пасекѣ своей, которая отъ Сѣчи въ десяти верстахъ въ днѣпровскихъ заливахъ со всякими крѣпостями». Черезъ немного мѣсяцевъ послѣ отсылки ругательнаго письма къ султану, не могъ кошевой Сѣрко вести переговоры объ отдачѣ Запорожья «подъ оборону» того же султана. Много правдоподобіе, что рассказъ объ этомъ письмѣ сложенъ въ защиту памяти Сѣрка и популярности близкихъ ему людей—отъ подозрѣнія, подобнаго взведенному на нихъ Быхоцкимъ. Апокрифичность письма и вымышленность всего рассказа о немъ отнюдь не умаляютъ, однако, значенія картины г. Рѣпина. То обстоятельство, что рассказъ этотъ сложился и передавался, какъ достовѣрный, и что ему вѣрили, доказываетъ возможность, по понятіямъ козаковъ, послать такой лихой отвѣтъ басурманскому государю. А это въ свою очередь представляетъ собою чрезвычайно характерную черту быта тогдашнихъ запорожцевъ и ихъ взглядовъ на то, что мы называемъ международными отношеніями. Войсковая старшина, несомнѣнно, стояла въ этомъ отношеніи много выше своевольной и буйной толпы козацкѣй и весьма хитро умѣла вести свои дипломатическія дѣла, искусно извертываясь между четырьмя сильными сосѣдями—Москвою, Польшею, Крымомъ и Турціей, и, въ то же время, умѣла ладить съ полудикимъ сбродомъ отчаянныхъ головорѣзовъ и пьяныхъ бездомниковъ, то ублажая ихъ, то устрашая, какъ то дѣлалъ Сѣрко. По рассказу того же Быхоцкаго, когда Сѣрко былъ кошевымъ, то явно прекословить ему никто не смѣлъ, «для того, что чрезмѣ-

діюка, самого гасида ввукъ, всего свиту и идесвиту блазень (шутъ, глупецъ), а нашего Бога дурень, свиняча морда, кобляча с...а, ризницка собака, нехрещенный лобъ хай бы взявъ тебе чортъ! Оттакъ тоби козакъ видкаваца, илюгавче! Невгоденъ еси матери (?) виринхъ крестіанъ. Числа не знаємъ, бо календара не майемъ, мисляцъ у неби, годъ у князи, а день такий у насъ, якъ и у васъ, поцпидуй за те ось-куди насъ! Кошевой атаманъ Иванъ Сирко во всямъ кошомъ запорожськимъ”.

ру, или съ допущенія Божія, или какою его хитростью всё его боялись, и что замёрить, то и сдѣлаетъ, а еслибъ кто не захотѣлъ его слушаться, того бы тотчасъ убили, потому что въ кругу у насъ всякому вольность, а если бы на кого Сѣрко что-нибудь затѣялъ, то безъ всякаго розыску смерть тутъ же въ кругу». Еще разъ обращаясь къ знаменитому письму, мы считаемъ возможнымъ и такое предположеніе, что кошевой, ради по-благки своимъ буянамъ, допустилъ сочиненіе ругательнаго, въ чисто-козацкомъ духѣ, посланія, въ которое тотъ или другой изъ присутствующихъ вносилъ свою долю «запорожской соли» на утѣху всего круга. Но мы не сомнѣваемся въ томъ, что, отдѣлавшись отъ толпы, тѣ же изъ старшинъ, которые принимали участіе въ сочиненіи забористаго отвѣта, спрятали его и султану послали совсѣмъ иную грамотку. Въ подтвержденіе такой догадки нашей, мы обращаемъ вниманіе видѣвшихъ картину, или снимки съ нее, на выраженіе лицъ кошеваго Сѣрка и писаря. Кошевой такъ хитро и насмѣшливо смотритъ на искренно хохочущаго своего сосѣда, какъ будто думаетъ: «Потѣштесь, друзья мои, что же касается дѣла, то уже оно-то не вашего ума. Его мы про себя смѣлаемъ». Болѣе сдержанная и спокойная насмѣшка видна на лицѣ писаря, какъ бы сознающаго, что изъ всего этого шумнаго сочинительства ничего не выйдетъ: «Написать-то мы напишемъ, а что сдѣлаемъ—видно будетъ потомъ». Какъ бы ни происходило дѣло въ дѣйствительности, произведеніе И. Е. Рѣпина даетъ картину запорожскаго быта. такую именно, какою она представляется намъ, на основаніи достовѣрныхъ и документальныхъ свѣдѣній. Для насъ это самыя настоящіе и подлинныя запорожцы и иными мы ихъ себѣ и вообразить не можемъ. Это сбродъ «вольницы» со всѣхъ концовъ Россіи, — громадный таборъ разбойниковъ, составившійся изъ отбросовъ всѣхъ національностей, начиная съ преобладающихъ численно малороссовъ и кончая армяниномъ, грузиномъ, черкесомъ и даже какимъ-то такимъ звѣроподобнымъ чудищемъ, котораго мы затрудняемся признать за человѣка. Мы говоримъ о фигурѣ, выглядывающей изъ-за козака въ бѣломъ кафтанѣ съ правой (отъ зрителя) стороны картины. Обѣ эти фигуры, по нашему мнѣнію, самыя неудачныя: первая изъ нихъ ни на что не похожа, вторая вается поставленною тутъ затѣмъ, чтобы занять мѣсто, оставшееся пустымъ; ни для чего другаго она тутъ не нужна, въ ней нѣтъ ни выразительности, ни движенія, какими такъ и дышетъ, такъ и дрожитъ вся остальная картина. Всѣхъ фигуръ, типы и выраженія лицъ которыхъ ясно изображены, счетомъ двадцать четыре, и каждая изъ нихъ, за исключеніемъ названныхъ двухъ, такъ художественно закончена, что кажется выхваченною изъ дѣйствительной жизни и написанною съ натуры при тѣхъ самыхъ условіяхъ, въ которыхъ она находится въ картинѣ. Въ этомъ отношеніи лица втораго и третьяго плана, и даже самыя дальнія, пока ихъ разобрать можно, ничѣмъ не уступаютъ тѣмъ, которыя занимаютъ первыя мѣста. Мудреная задача естественной, безъ натяжекъ, группировки такого числа

фигуръ разрѣшена художникомъ съ неподражаемымъ мастерствомъ. И все это изображено на фонѣ широко раскинувшагося козацкаго табора по безбрежной степи, на которой тамъ и сямъ пылаютъ далекіе костры. Костюмы и аксессуары, начиная съ оружія и походнаго козацкаго скарба и до истрепанныхъ картъ и чернильницы, написаны удивительно и, по отзывамъ знатоковъ, вѣрно въ смыслѣ археологическомъ. На аксессуары художникъ не поспешилъ, и намъ сдается даже, что изъ нихъ можно было бы кое-что и отбавить. Въ высшей степени типическая фигура по поясъ голаго козака представляется намъ нѣсколько перегруженною всею тою движимостью, которую онъ съ собою носитъ. А, впрочемъ, настаивать на этомъ мы не станемъ, такъ какъ весьма возможно, что козакъ и вправду всегда таскалъ съ собою все цѣнное, добытое грабежомъ, не жалѣя собственной крови и головы. Картина эта займетъ, несомнѣнно, одно изъ первыхъ мѣстъ между выдающимися произведеніями не только русскихъ, но и современныхъ европейскихъ художниковъ.

Небольшая картина носитъ заглавіе: *По степи*, и при ней имѣется такая объяснительная надпись: «Молодой козакъ въ степи преслѣдуетъ татарина». Безъ этого поясненія передъ нами былъ бы просто превосходно написанный козакъ верхомъ, остановившійся въ степи и зорко глядящийся вдаль. Не изъ чего не видно, что онъ «преслѣдуетъ татарина», никакихъ «слѣдовъ» не замѣтно. Вѣрнѣе предположить, что самъ онъ пробирается по степи и, замѣтивши нѣчто подозрительное, остановился и держитъ наготовѣ ружье. Надпись путаетъ дѣло и портитъ впечатлѣніе. Это «козакъ въ степи» и только. Въ большой картинѣ *Явленіе икона* первое мѣсто занимаетъ великолѣпная фигура дьякона. Все же остальное далеко уступаетъ другой, однородной картинѣ того же художника: *Крестный ходъ въ деревнѣ*, находящейся въ галлерей П. М. Третьякова. Изъ портретовъ наибольшее вниманіе посѣтителей выставки привлекаетъ портретъ-картина, изображающая графа Л. Н. Толстаго въ его рабочемъ кабинетѣ. Гр. Толстой въ любимомъ своемъ парадѣ, въ блузѣ и въ крестьянскихъ сапогахъ, сидитъ у стола и пишетъ. Повздъ него на стѣнѣ висятъ его кафтаны и шляпа; въ углу коса, надъ нею ручная пила, на первомъ планѣ—заступъ между круглымъ столикомъ и кресломъ. Портретъ похожъ чрезвычайно. Менѣе удачна другая картина: *Гр. Л. Н. Толстой на отдыхѣ*, изображающая гр. Толстаго въ чемъ-то бѣломъ, лежащимъ съ книгой въ рукахъ подъ деревомъ. Рядомъ съ картиной выставленъ бронзовый бюстъ гр. Толстаго. Въ числѣ лучшихъ портретовъ слѣдуетъ отмѣтить крошечный портретъ во весь ростъ М. М. Антокольскаго въ мастерской, занятаго лѣпкой статуи; затѣмъ портреты: графини Мерси Д'Аржанто, Ц. А. Бюи, Т. Г. Шевченко, малороссіянки, В. Г. Черткова. Всѣхъ портретовъ выставлено около двадцати. Необыкновенно выразительна и сильное впечатлѣніе производитъ небольшая картина: *Арестъ въ деревнѣ*. Но нельзя того же сказать объ изображеніи операціонной комнаты

въ клиникѣ, гдѣ на бѣломъ фонѣ стѣнъ написаны бѣлыя фигуры врачей въ фартукахъ и фельдшерницъ въ такихъ же костюмахъ. Нельзя не пожалѣть о томъ, что выставка въ Москвѣ не такъ полна, какъ то было въ Петербургѣ. Нашъ знаменитый художникъ почему-то не счелъ нужнымъ познакомить москвичей съ большимъ числомъ этюдовъ для прежнихъ и для новыхъ своихъ картинъ. А это было бы въ высшей степени интересно для публики и весьма поучительно для молодыхъ художниковъ. Судя по каталогу петербургской выставки, состоящему изъ 298 номеровъ, и зная, какъ работаетъ И. Е. Рѣпинъ, мы убѣждены, что на такой полной выставкѣ было бы чему поучиться и не новичкамъ въ искусствѣ.

Ал.

Литература и жизнь.

I.

Обратимся къ г. Мечникову.

Признавая, уже въ качествѣ естествоиспытателя, всю фактическую мощь естества, естественно-научныхъ данныхъ, г. Мечниковъ отказывается, однако, признать за ними исключительное руководящее значеніе въ практической жизни, въ дѣлѣ общественнаго творчества. Здѣсь нужны иныя руководящія начала, во имя которыхъ естество можно и должно гнуть, измѣнять въ желательномъ направленіи, даже истреблять. Человѣкъ не рука объ руку идетъ съ природой вообще, съ собственною своею природой въ частности, а, напротивъ, борется и долженъ бороться съ ней во имя идеаловъ. Таковъ основной принципъ г. Мечникова, высказываемый имъ не въ первый разъ. Онъ развивалъ этотъ взглядъ въ напечатанныхъ въ томъ же *Вѣстникѣ Европы* статьяхъ: *Воспитаніе съ антропологической точки зрѣнія* (1871 г.), *Возрастъ вступленія въ бракъ* (1874 г.), *Очеркъ воззрѣній на человѣческую природу* (1877 г.). Человѣку, почему-нибудь не вдумывавшемуся въ вопросъ объ отношеніяхъ человека къ природѣ, не легко сразу оцѣнить такую его постановку. Она можетъ показаться либо слишкомъ простою, обыденною, такъ что и разговаривать не объ чемъ, либо, напротивъ, слишкомъ мудреною. Значеніе же ея состоитъ въ томъ, что она объединяетъ и текущія мелочи обыденной жизни, проходящія почти безъ контроля нашего сознанія, и случаи высшаго напряженія сознанія и воли. Въ этомъ мы сейчасъ убѣдимся. Надо, однако, замѣтить, что такая постановка вопроса еще ни мало не предрѣшаетъ формы и содержанія тѣхъ идеаловъ, во имя которыхъ утверждается или рекомендуется борьба съ природой. Люди, вполне согласные въ этомъ послѣднемъ отношеніи, могутъ совершенно расходиться во взглядахъ на тѣ пути, по которымъ должны быть, по ихъ мнѣнію, направлены подлежащія воздѣйствію силы природы. Въ этомъ мы тоже сейчасъ убѣдимся, притомъ, наглядно, потому что, вполне раздѣляя основную точку зрѣнія г. Мечникова, я полагаю, однако, что оспариваемые имъ идеалы гр. Толстаго несравненно болѣе соответствуютъ справедливости и человѣческому

достоинству, чѣмъ собственные идеалы нашего почтеннаго ученаго. А къ этому разногласію могутъ примыкать еще и другія, въ своемъ родѣ не менѣе важныя. Возможны разногласія относительно предѣловъ доступнаго человѣку воздѣйствія на природу и относительно того, что именно въ природѣ должно быть измѣнено и что оставлено неприкосновеннымъ. Благодаря всѣмъ этимъ осложненіямъ, вопросъ не легко давался человѣческой мысли и имѣеть свою длинную, колеблющуюся исторію.

Въ одной изъ своихъ старыхъ статей, а именно въ *Очеркъ воззрѣній на человѣческую природу*, г. Мечниковъ взялся расказать эту исторію въ общихъ чертахъ. Предѣлы темы точно указаны заглавіемъ статьи. Г. Мечниковъ имѣеть въ виду только отношенія человѣка къ его собственной природѣ и оставляетъ совершенно въ сторонѣ вопросъ о нашемъ отношеніи къ внѣшней, окружающей природѣ. И неудивительно, потому что здѣсь дѣло уже слишкомъ ясно: болота мы осушаемъ, хотя они естественно образуются на своихъ мѣстахъ, лѣса вырубамъ, животныхъ приручаемъ, громоотводы строимъ, отъ пыли, дождя, холода, жара себя разными способами ограждаемъ и т. д., и т. д. Вся наша культура есть ничто иное, какъ дѣйственное выраженіе нашего недовольства природой и желанія измѣнить ее согласно нашимъ эстетическимъ, нравственнымъ, промышленнымъ идеаламъ. Тутъ и спору никакого быть не можетъ. Сложнѣе представляется дѣло по отношенію къ нашей собственной природѣ.

Г. Мечниковъ приводитъ группу характерныхъ фактовъ, свидѣтельствующихъ, что человѣчество издревде стремилось измѣнить свою внѣшность сообразно извѣстнымъ идеаламъ, частію эстетическимъ, частію этическимъ, и, значитъ, внести нѣкоторыя поправки въ свою физическую природу. Сюда относятся часто очень замысловатыя прически дикарей, искусственныя сдавливанія головы, женской груди, обрѣзаніе, татуировка, инфибуляция и проч. Г. Мечниковъ приходитъ къ такому заключенію: «Несмотря на отсутствіе опредѣленныхъ философскихъ воззрѣній у первобытныхъ народовъ, на основаніи только многочисленности и распространенности пріемовъ для усовершенствованія человѣка въ практическомъ и эстетическомъ отношеніяхъ, можно уже утверждать, что народы эти смотрятъ на человѣческую природу какъ на нѣчто несовершенное и способное измѣняться подъ вліяніемъ человѣческой воли».

Перечисленіе фактовъ, приведшихъ г. Мечникова къ этому выводу, можно бы было продолжать далеко за предѣлы первобытныхъ народовъ. Любая вывѣска на парикмахерской напоминаетъ, что и теперь вполне цивилизованные люди, помимо какихъ бы то ни было опредѣленныхъ философскихъ воззрѣній, стригутъ, брѣютъ и завиваютъ себѣ волосы; кромѣ того, они красятъ волосы, румянятся, бѣлятся, духами душатся, въ корсеты затягиваются, ногти стригутъ, шлифуютъ и придаютъ имъ извѣстную форму, разнообразными ухищреніями одежды и обуви гдѣ прибавляютъ, гдѣ убавляютъ себѣ тѣла и проч. Всѣ эти факты показываютъ, что люди и теперь въ подробностяхъ обыденной жизни обнаруживаютъ недоволь-

ство тѣмъ, что имъ дано отъ природы, а нѣкоторыя изъ перечисленныхъ манипуляцій говорятъ и объ убѣжденіи въ способности человѣческой природы измѣняться подъ вліяніемъ воли: тонкія талия европейскіхъ цивилизованныхъ женщинъ, маленькія руки и ноги высшихъ классовъ вообще представляютъ собою осязательные результаты этого убѣжденія. Въ сферѣ воздѣйствія собственно на физическую природу человѣка эта черта, пожалуй, у насъ менѣе замѣтна, чѣмъ у первобытныхъ народовъ, но за то тѣмъ ярче она въ сферѣ выработки умственнаго и нравственнаго характера. Все наше воспитаніе, какой бы системы оно ни придерживалось, построено на необходимости и возможности развить въ ребенкѣ такіе-то природныя задатки и подавить такіе-то. Вся наша общественная система, каковы бы, опять-таки, ни были ея устои, стремится къ тому же по отношенію къ взрослымъ, частію косвенно, а частію прямо, при посредствѣ уголовной юстиціи. Религіозныя системы, нравственныя и политическія теоріи всякаго рода, то въ повелительномъ наклоненіи правилъ и предписаній, то въ поэтической, художественной формѣ, имѣютъ въ виду поднять извѣстную группу природныхъ инстинктовъ до степени сознательнаго поведенія, придавать другую даже до полнаго уничтоженія. Короче говоря, въ нашей обыденной жизни мы на каждомъ шагѣ и въ самыхъ разнообразныхъ формахъ боремся съ природой во имя тѣхъ или другихъ, возвышенныхъ или низменныхъ, идеаловъ, стараемся ее исправить, улучшить, вообще измѣнить. И такъ всегда было. При этомъ самымъ вопросомъ объ отношеніи человѣка къ природѣ мы обыкновенно не задаемся,—мы просто живемъ, какъ находимъ лучше.

Тѣмъ не менѣе, когда этотъ вопросъ возникаетъ въ его теоретической отвлеченности, являются рѣшенія «жить согласно природѣ», удовлетворять «естественнымъ склонностямъ», вообще такъ или иначе искать въ природѣ образцовъ и руководящихъ нитей для поведенія. Эти рѣшенія, никогда вполне послѣдовательно не проводимыя въ жизнь, окрашиваютъ, однако, собою иногда философскую мысль цѣлыхъ эпохъ. Такъ было въ древней Греціи, такъ было въ концѣ прошлаго столѣтія въ Европѣ. Наоборотъ, другія эпохи окрашиваются въ мрачный цвѣтъ полнаго презрѣнія къ естеству, къ природнымъ инстинктамъ, какъ къ источникамъ грѣха. Насколько древній грекъ обожалъ человѣческую природу, настолько же средневѣковый европейскій или восточный аскетъ презиралъ ее, какъ порожденіе и источникъ грѣха, и стремился подавить ея требованія въ самомъ корнѣ. «Всѣ природныя человѣческія инстинкты извратились до послѣдней возможности»,—справедливо говоритъ г. Мечниковъ объ этомъ времени. Эти два противоположныя теченія оспаривали затѣмъ, а частію и доселѣ оспариваютъ другъ у друга первенствующее мѣсто въ практической философій. Сдѣлавъ быстрый обзоръ этимъ колебаніямъ, г. Мечниковъ приступаетъ къ оцѣнкѣ того и другаго воззрѣнія и говоритъ: «Если мы нѣсколько поднимаемся надъ уровнемъ обѣихъ теорій и, вооружившись результатами современнаго естествознанія, спросимъ себя: какаѣ же изъ нихъ болѣе со-

отвѣтствуетъ истинной природѣ человѣка, то, по разсмотрѣніи дѣла, должны будемъ придти къ заключенію, что воззрѣнія второй категоріи по существу своему естественны». Не ошибитесь, читатели: второй категоріи, то-есть тѣ именно, въ силу которыхъ «всѣ природные инстинкты извратились до послѣдней возможности». Чтобы вполне оцѣнить смѣлую оригинальность этого вывода, надо привести хоть одну изъ тѣхъ формулъ нашего отношенія къ своей природѣ, меньшую естественность или даже неестественность которыхъ особенно подчеркиваетъ г. Мечниковъ. Возьмемъ формулу Гумбольдта: «Конечная цѣль человѣка, то-есть та цѣль, которая ему предписывается вѣчными, неизмѣнными велѣніями разума, состоитъ въ невозможно гармоническомъ развитіи всѣхъ его способностей въ одно полное и самостоятельное цѣлое». Г. Мечниковъ приводитъ еще нѣсколько подобныхъ, неодобрительныхъ съ его точки зрѣнія формулъ, античныхъ, прошлаго столѣтія и современныхъ, не спуская при этомъ и своему учителю, Дарвину. Авторъ *Происхожденія видовъ* тоже оказывается повиннымъ въ неправильномъ пониманіи требованій природы, каковыя, однако, были уловлены тѣми, кто «извращаетъ природные человѣческіе инстинкты до послѣдней возможности». Изъ совокупности этой части разсужденія г. Мечникова видно, что его оскорбляютъ не метафизическіе аксессуары формулы Гумбольдта вродѣ «конечной цѣли» и «вѣчныхъ, неизмѣнныхъ законовъ разума», или, по крайней мѣрѣ, не столько они, сколько реальная мѣра формулы: гармоническое развитіе всѣхъ природныхъ силъ и способностей въ одно полное и самостоятельное цѣлое. Такимъ образомъ, г. Мечниковъ давно уже выразилъ свое неодобреніе теоріи гармоническаго развитія и въ статьѣ о гр. Толстомъ только воспользовался новымъ поводомъ для изложенія своего стараго, хорошо продуманнаго взгляда.

Здѣсь все чрезвычайно любопытно. Любопытно, прежде всего, то, что отрицая возможность и надобность строить теорію поведения на требованіяхъ или указаніяхъ природы, г. Мечниковъ, при оцѣнѣ разныхъ теорій, апеллируетъ, все-таки, къ природѣ же, какъ въ высшую инстанцію: одно изъ двухъ воззрѣній на человѣческую природу онъ отвергаетъ потому, что оно менѣе, чѣмъ другое, соответствуетъ «истинной природѣ человѣка» и результатамъ современнаго естествознанія. Если такъ, то о чемъ же говорить по существу-то? Ясно, повидимому, что самъ г. Мечниковъ ищетъ образцовъ и указаній въ природѣ и, слѣдовательно, является представителемъ именно тѣхъ воззрѣній, которыя имъ отрицаются. Онъ только лучше другихъ уразумѣлъ истинную природу человѣка и лучше другихъ вооружился результатами современнаго естествознанія. Но, вѣдь, это свойственно думать каждому, выступающему съ собственнымъ рѣшеніемъ вопроса. Такъ, безъ сомнѣнія, и Гумбольдтъ о себѣ полагалъ, и Дарвинъ. Слѣдовательно, по существу нашъ почтенный ученый ничѣмъ не отличается отъ всѣхъ другихъ теоретиковъ, ищущихъ въ природѣ руководящихъ нитей для дѣятельности. Правда, онъ склоняется въ пользу рѣшенія,

объявлявшего природѣ войну не на животь, а на смерть. Но средневѣковый аскетизмъ ошибался, полагая, что онъ борется съ естествомъ, идетъ противъ требованій природы: съ высоты результатовъ современнаго естествознанія оказывается, что онъ-то именно и соответствовалъ «истинной природѣ человѣка». Начавъ за здравіе, почтенный ученый кончилъ за упокой, или, вѣрнѣе, начавъ за упокой природы, какъ нашей руководительницы, кончилъ за здравіе.

Однако, неужели же, въ самомъ дѣлѣ, «истинная природа человѣка» требуетъ или даже только разрѣшаетъ «извращеніе природныхъ человѣческихъ инстинктовъ до послѣдней возможности»? Логическое противорѣчіе здѣсь слишкомъ очевидно, чтобъ оно могло быть не замѣчено самимъ г. Мечниковымъ. Противорѣчіе это получить еще болѣе яркое освѣщеніе, если мы припомнимъ, что средневѣковый аскетизмъ былъ тѣсно связанъ съ грубымъ суевѣріемъ и съ самыми дикими понятіями о природѣ. Можно поэтому съ увѣренностью предположить, что у г. Мечникова есть въ запасѣ нѣкоторый оборотъ мысли, хотя сколько-нибудь сглаживающій противорѣчіе. Въ статьѣ г. Мечникова о гр. Толстомъ мы уже видѣли его странное пристрастіе къ разнымъ уродствамъ. Но, вѣдь, нельзя же, все-таки, успокоиться на томъ выводѣ, что извращеніе естества—естественно, а стремленіе къ естественности—не естественно. Это была бы какаят-то игра словами, совершенно недостойная серьезнаго ученаго.

Г. Мечниковъ справедливо замѣчаетъ, что принципъ «естественной жизни» или жизни «сообразно съ природой» никогда вполне послѣдовательно не прилагался, а, кромѣ того, «толковался самымъ различнымъ образомъ и настолько произвольно, что, придерживаясь его, различныя школы совершенно различно понимали правила нравственной жизни». Дѣло въ томъ, что принципъ «естественной жизни» обыкновенно или выдвигается въ видѣ реакціи теченію «неестественнаго», «противуестественнаго», «сверхъестественнаго», исторически сложившагося и т. п., и въ такомъ случаѣ имѣетъ, главнымъ образомъ, отрицательное значеніе; или же его представители выбираютъ какую-нибудь одну черту природы или группу этихъ чертъ и въ ней именно ищутъ руководящей нити, оставляя въ сторонѣ другія черты. Такъ же поступаетъ и г. Мечниковъ. Но его положеніе затрудняется его исходною точкой,—представленіемъ о природѣ, какъ о чемъ-то исключительно враждебномъ человѣку. Совершенно справедливо, что мы должны руководиться въ практической жизни идеалами и даже иначе не можемъ поступать, но оперировать-то намъ, все-таки, приходится надъ природой,—иного матеріала для идеальныхъ комбинацій у насъ нѣтъ. Значитъ, надо же за что-нибудь въ этой природѣ уцѣпиться, по крайней мѣрѣ, какъ за строительный матеріалъ. Но г. Мечниковъ старается закрыть намъ всѣ пути въ этомъ направленіи. Онъ останавливается на наиболѣе общихъ чертахъ, свойственныхъ не одному человѣку, но и всякому организованному существу,—на наследственности и измѣнчивости. О наследственности онъ говоритъ: «Не подлежитъ сомнѣнію, что она обуслов-

ливааетъ не только передачу грубыхъ физическихъ признаковъ, но и такихъ тонкихъ чертъ, какъ, напримѣръ, болѣзненное расположеніе, самыя болѣзни, какъ тѣлесныя, такъ и такъ называемыя душевныя, и даже свойства характера и наклонность къ преступленіямъ и т. д.». Совершенно вѣрно, но точно также наследственность обуславливаетъ и передачу тѣлеснаго и душевнаго здоровья. И если не слѣдуетъ скрывать отъ себя невыгодную сторону дѣла, то нѣтъ также никакого резона одною ею ограничивать свой круговоръ. Такое же пессимистическое освѣщеніе бросаетъ г. Мечниковъ и на другой великій факторъ органической природы — на измѣнчивость. Объ этомъ намъ придется еще говорить довольно подробно. Поступая такимъ образомъ, г. Мечниковъ не только впадаетъ въ односторонность, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, доказываетъ нѣчто такое, что вовсе не требуется его собственнымъ основнымъ тезисомъ. Природа не враждебна человѣку, а безразлична. Она предлагаетъ ему и здоровую пищу, и яды, и лекарства, и только благодаря этому, мы и можемъ жить и строить свои идеалы не въ безвоздушномъ пространствѣ, а среди этой самой природы и прямо на счетъ ея.

«Естественными», «соотвѣтственными истинной природѣ человѣка» и «результатамъ современнаго естествознанія» средневѣковыя аскетическія возрѣнія представляются г. Мечникову потому, что они признавали несовершенство человѣческой природы и возможность ея измѣненія. Г. Мечниковъ, повидимому, предполагаетъ, что разнообразныя представители идеи жизни, согласной съ природой, совершенно удовлетворялись всеѣмъ, даннымъ отъ природы, и проповѣдывали какой-то застой. Это, конечно, всеѣмъ не вѣрно. Напротивъ, въ большинствѣ случаевъ, проповѣдники «естественной жизни», съ одной стороны, обличаютъ своихъ соотечественниковъ или современниковъ въ глубокихъ отклоненіяхъ отъ того, что они считаютъ нормой, а съ другой—провидятъ въ будущемъ цѣлую перспективу совершенствованія. Часто рисуемый ими «золотой вѣкъ» въ отдаленномъ прошломъ, утраченный человѣчествомъ на историческомъ пути, и золотой вѣкъ въ будущемъ, который получится путемъ цѣлесообразной системы воспитанія, развитія и общественной реформы,—эти два конечные пункта показываютъ, что проповѣдники естественной жизни допускаютъ измѣнчивость человѣческой природы въ очень широкихъ предѣлахъ. Пусть кто какъ хочетъ оцѣниваетъ эти обращенія къ далекому прошлому, эти упованія на далекое будущее и эти рѣзкія нападки на человѣка, каковъ онъ въ данную минуту, но все это свидѣтельствуетъ объ убѣжденіи въ измѣнчивости человѣческой природы. Г. Мечникову, очевидно, не приходитъ въ голову это обстоятельство, такъ какъ онъ о немъ ни единымъ словомъ не упоминаетъ, да если бы и пришло, такъ онъ имъ, все-таки, не удовлетворился бы. Ему мало той измѣнчивости, которая предполагается проповѣдниками естественной жизни. Въ качествѣ яраго дарвиниста, который часто является *plus darwiniste que Darwin lui même*, онъ намѣчаетъ гораздо болѣе широкіе предѣлы измѣнчивости. Онъ напоминаетъ о проис-

хожденіи челоуѣка отъ низшихъ животныхъ формъ и спрашиваетъ: въ чемъ же состоитъ норма челоуѣческой природы? Собственно говоря, въ этомъ именно вопросѣ все дѣло. Если греческіе философы, дѣятели такъ называемой эпохи возрожденія и писатели конца прошлаго вѣка, иславшіе въ природѣ опоры или исходной точки для морали, не были знакомы съ теоріей Дарвина, то не знали, вѣдь, ея и представители средневѣковаго аскетизма; такъ что и они были далеки отъ пониманія измѣчивости въ тѣхъ формахъ и размѣрахъ, какіе признаются нынѣ г. Мечниковымъ. Но имъ г. Мечниковъ это прощаетъ, а противоположному теченію не прощаетъ собственно потому, что оно старалось и старается опредѣлить норму челоуѣческаго развитія; аскетическія же ученія ни о какой нормѣ не думали, а просто извращали и ломали челоуѣческую природу. И это г. Мечниковъ ставитъ имъ въ заслугу, потому что, — спрашиваетъ онъ, — какъ можно говорить о нормѣ, когда челоуѣкъ, подобно всякому организованному существу, представляетъ собою нѣчто измѣчивое, текучее? Г. Мечниковъ утверждаетъ даже, что челоуѣкъ «принадлежитъ къ числу наиболѣе измѣчивыхъ (такъ называемыхъ полиморфныхъ) видовъ», вслѣдствіе чего онъ преимущественно находится въ процессѣ примѣненія къ постоянно измѣняющимся вѣншнимъ условіямъ. Съ этой точки зрѣнія г. Мечниковъ особенно не одобряетъ теорій гармоническаго, всесторонняго развитія, какъ бы онѣ ни были обставлены и поставлены. Древній грекъ, Гумбольдтъ, современный естествоиспытатель Зейдлицъ, самъ Дарвинъ, если онъ проговаривается въ пользу гармоническаго развитія, гр. Толстой, отмечающій всякихъ Зейдлицевъ и Дарвиновъ, — все это люди, равно виноватые въ непониманіи «истинной природы челоуѣка», каковы бы ни были ихъ исходныя точки, ихъ приемы доказательства, степень ихъ познаній въ другихъ отношеніяхъ, характеръ ихъ взглядовъ на прошлую исторію челоуѣка. При всей дикости своихъ воззрѣній, средневѣковые аскеты лучше понимали дѣло, потому что допускали возможность такихъ коренныхъ, глубокихъ измѣненій челоуѣческой природы, какихъ... какихъ видъ homo sapiensъ никогда не испытывалъ въ прошедшемъ и какія г. Мечниковъ проектируетъ только для отдаленнаго будущаго, а, можетъ быть, впрочемъ, и не очень отдаленнаго...

Свои возраженія противъ теорій гармоническаго или всесторонняго развитія г. Мечниковъ открываетъ указаніемъ на существованіе въ челоуѣческомъ организмѣ такъ называемыхъ рудиментарныхъ, заглохшихъ или глохнущихъ органовъ, доставшихся ему по наслѣдству отъ какого-нибудь низшаго животнаго. Что же, спрашивается, и эти заглохшіе органы должны быть упражняемы во имя всесторонняго гармоническаго развитія всѣхъ силъ и способностей? Но, вѣдь, это значитъ понизить челоуѣческую природу, свести ее къ тому уровню, на которомъ она когда-то была, еще не будучи челоуѣческою. Этого ли желаютъ теоретики гармоническаго развитія?

Аргументъ этотъ г. Мечниковъ считаетъ очень важнымъ. Онъ выставилъ его въ статьѣ *Очеркъ воззрѣній на челоуѣческую природу* и безъ

малого черезъ пятнадцать лѣтъ повторилъ его въ статьѣ о гр. Толстомъ (*Законъ жизни*). До такой степени повторился, что и фактическая часть аргументаціи за пятнадцать лѣтъ не выросла, такъ что г. Мечниковъ привелъ, значитъ, рѣшительно все, что могъ. А это «все», надо правду сказать, довольно незначительно. Мы видѣли, что въ статьѣ *Законъ жизни* г. Мечниковъ съ нѣкоторою подробностью останавливается только на сгибательныхъ и хватательныхъ мускулахъ ноги, утраченныхъ человѣкомъ, и иронически предлагаетъ гр. Толстому развивать и ихъ въ числѣ прочихъ органовъ. Мы видѣли также, однако, что эти мускулы вовсе не составляютъ необходимой принадлежности человѣческаго типа. Но если бы мы и занялись ихъ упражненіемъ, то отъ этого еще никакой бѣды не произошло бы. Въ № 3 *Revue Scientifique* за нынѣшній годъ напечатана любопытная статья Реньо *Le pied prehensile des indiens*. Въ этой статьѣ говорится объ индусскихъ (а частью и египетскихъ) токаряхъ, сапожникахъ, мясникахъ, рабочихъ на мѣди и вообще по металлу и проч., которые работаютъ одновременно и руками, и ногами. И это не случайныя уродства, а обычный порядокъ для цѣлаго рабочаго населенія (одного такого египетскаго токаря я видѣлъ на вѣнской выставкѣ 1873 г. и изумлялся рукоподобности его ноги). По соображеніямъ, которыя было бы слишкомъ долго приводить, Реньо думаетъ, что хватательныя движенія ноги отнюдь не составляютъ въ данномъ случаѣ обезьяняго наслѣдства, а выработаны уже человѣкомъ. Но никто, я полагаю, не скажетъ, что въ лицѣ индусовъ человѣческій типъ понизился. Такимъ образомъ, хватательная способность ноги составляетъ по отношенію къ человѣку признакъ безразличный. О другихъ рудиментарныхъ органахъ, вродѣ хвостоваго отростка или остатковъ шерстянаго покрова, нечего и говорить. О хвостѣ Дарвинъ замѣчаетъ, что уже у нѣкоторыхъ родовъ обезьянъ онъ составляетъ безразличный органъ, вслѣдствіе чего въ этихъ родахъ и замѣчается чрезвычайная разница въ длинѣ хвостовъ. Что же касается остатковъ шерстянаго покрова, то я напомню, что нѣкоторые средневѣковые аскеты, между прочимъ, никогда не стриглись, не брились и не чесались и, слѣдовательно, вполне отдавались на этомъ пунктѣ «естественному» ходу вещей. Но это не мѣшаетъ г. Мечникову видѣть въ нихъ не только людей, но еще людей, уловившихъ тайну своей природы.

Вообще, рудиментарныя или остаточныя органы, при всей своей многочисленности, нисколько не страшны для человѣческихъ идеаловъ и въ частности для идеала всесторонняго гармоническаго развитія. Г. Мечниковъ, по всей вѣроятности, приводитъ ихъ не въ качествѣ серьезной угрозы, а лишь какъ свидѣтельство измѣчивости человѣческой природы. Но измѣчивость эта не только не отрицается, а даже непременно предполагается теоріей гармоническаго развитія. Точно также не отрицается, а предполагается его возможность и необходимость овладѣть этою силою измѣчивости и направить ее въ извѣстную сторону. Разногласіе между г. Мечниковымъ и теоретиками гармоническаго развитія частью основано на не-

доразумѣннѣи, притомъ, чисто-словеснаго характера. Тутъ замѣшалось несчастное слово «естественность», котораго, при всей его неопредѣленности и многосложности, избѣжать нельзя по самому существу дѣла. Отрицая это слово въ нравственно-политической области совсѣмъ, г. Мечниковъ апеллируетъ, однако, къ естественности же, когда рѣчь заходитъ о его собственныхъ идеалахъ. Измѣнчивость представляется ему чѣмъ-то архи-естественнымъ, естественнымъ раг excellence; поэтому онъ склоненъ не замѣчать, что его оппоненты отнюдь не отрицаютъ измѣнчивости и что настоящій корень разногласія состоитъ не въ отношеніяхъ той и другой стороны къ природѣ, а въ вопросѣ о возможныхъ и желательныхъ предѣлахъ и направленіи измѣнчивости. Но за то это разногласіе огромно и непримиримо.

II.

Есть группа явленій общественной жизни, въ такой степени занимающая г. Мечникова, что едва ли не ради нея именно онъ въ теченіе многихъ лѣтъ такими малостями, какъ остатки хвоста и шерстянаго покроя, обезпокоивается, извращеніе всѣхъ природныхъ инстинктовъ объявляетъ естественнымъ, а гармоническое развитіе неестественнымъ. Это—группа явленій, относящихся къ половой жизни во всѣхъ ея развѣтвленіяхъ; сюда относятся тѣсно соприкасающіеся вопросы о любви, о размноженіи, о женскомъ трудѣ и образованіи, о положеніи женщинъ вообще. Вопросы эти дѣйствительно очень важны, и мы должны быть благодарны человѣку науки, спускающемуся съ высотъ отвлеченнаго знанія для участія въ пререканіяхъ о вопросахъ практической жизни. Правда, насчетъ надобности и возможности этой помощи со стороны людей науки отнюдь не всѣ согласны. Есть не мало сознательныхъ или безсознательныхъ служителей права, громогласно или изподтишка утверждающихъ, что мы можемъ наилучшимъ образомъ устроиться въ своей практической жизни безъ всякихъ указаній науки,—дескать, чортъ съ ней! Одни предлагаютъ довольствоваться «любовью», другіе рекомендуютъ, въ качествѣ панацеи, «дисциплину», третьи—право, ужъ не знаю что. И не всегда благополучно бываетъ отъ этихъ проповѣдей. Но и сами люди науки далеко не вполнѣ согласны относительно своей роли въ нравственно-политической области (я только нравственно-политическую область и имѣю въ виду, потому что права и обязанности науки по отношенію къ другой великой вѣтви практической жизни—технологическихъ приспособленій всякаго рода—никакихъ пререканій не вызываютъ).

Въ *Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* отъ 6 и 19 февраля, то-есть на протяженіи всего одной чортовой дюжины дней, я прочиталъ два рѣзко противоположныя мнѣнія двухъ профессоровъ Харьковского университета, гг. Буликовскаго и Владимірова. Въ № отъ 6 февраля напечатана рѣчь проф. Владимірова, въ № отъ 19 февраля напечатанъ фельетонъ (*Литературныя замѣтки*) г. Буликовскаго, мотивированный одною

изъ monkъ бесѣдъ о гр. Толстомъ. Г. Владиміровъ, оглядываясь на свое двадцатипятилѣтнее служеніе университетской наукѣ, упоминаетъ, между прочимъ, о томъ значеніи, которое онъ въ разное время придавалъ университетамъ. Первоначально онъ держался мнѣнія Милля: «задача университета состоитъ въ развитіи духа исслѣдованія въ странѣ». Затѣмъ это опредѣленіе показалось ему слишкомъ узкимъ и неопредѣленнымъ. Онъ рѣшилъ такъ: «университетъ, какъ хранилище всѣхъ отраслей человѣческаго знанія, какъ *universitas scientiarum*, даетъ болѣе общее, разностороннее и общечеловѣческое развитіе и содѣйствуетъ выработкѣ цѣльнаго міросозерцанія». Нынѣ г. Владиміровъ полагаетъ, что и эта задача страдаетъ неполнотою и односторонностью; онъ полагаетъ, что университетъ долженъ взять на себя еще одну важную задачу. И именно вотъ какую: «Никогда еще внѣшняя жизнь человѣка не была такъ богата и украшена удобствами и изобрѣтеніями, какъ въ нашу эпоху... Но между тѣмъ какъ внѣшняя жизнь дѣлаетъ гигантскіе шаги впередъ, внутренняя жизнь, жизнь человѣческой души, не дѣлаетъ въ обширной массѣ народа успѣховъ... Электричество горитъ все ярче и ярче, а потемки человѣческой души все болѣе и болѣе сгущаются! Не указываетъ ли такое положеніе вещей на новую задачу стараго университета? Не долженъ ли старый университетъ развернуть новое знамя, поставивъ на немъ девизомъ: нравственное усовершенствованіе, просвѣщеніе человѣческой души? Между тѣмъ какъ перковъ стремится достигъ этой цѣли путемъ религіи, не долженъ ли университетъ просвѣщать душу выработкою нравственныхъ идеаловъ, обсужденіемъ моральныхъ вопросовъ, научною разработкою вопросовъ жизни? Я лично глубоко убѣжденъ, что университетъ долженъ поднять это знамя, долженъ обновить свое существованіе этою великою задачей. Просвѣщеніе человѣческой души должно сдѣлаться миссіею университета, и онъ опять станетъ во главѣ движенія человѣчества къ большому совершенству».

Нельзя сказать, чтобы это разсужденіе г. Владимірова было вполнѣ безупречно. Позволительно думать, — и въ настоящую минуту больше, чѣмъ когда-нибудь, — что не одна «внутренняя жизнь, жизнь человѣческой души, не дѣлаетъ въ обширной массѣ народа успѣховъ». «Обширную массу народа» «гигантскіе шаги внѣшней жизни» не къ чрезвычному комфорту, а къ хлѣбу изъ лебеды, да къ избѣ безъ крыши привели. Затѣмъ, было бы, можетъ быть, правильнѣе не приурочивать миссію «просвѣщенія человѣческой души» исключительно къ университетамъ, а распространить ее на науку вообще. Какъ бы то ни было, но вотъ представитель науки желаетъ возложить на науку «выработку нравственныхъ идеаловъ, обсужденіе моральныхъ вопросовъ, разработку вопросовъ жизни». Совѣмъ иначе смотритъ на дѣло другой представитель науки, г. Буликоскій, быть можетъ, ближайшій сосѣдъ г. Владимірова по аудиторіямъ въ Харьковскомъ университетѣ. Онъ говоритъ: «Въ міру субъективному, міру страстей и интересовъ жизни, отношенія науки сводятся, главнымъ образомъ, къ тому, что отъ времени до времени онъ бросаетъ этому міру то или другое по-

лезное изобрѣтеніе, телеграфъ, телефонъ, приѣженіе пара, практическую медицину, разные благіе совѣты—гигіены, практической политики, политической экономіи и т. д.). И далѣе: «Наука никакихъ нравственныхъ ученій не провозглашаетъ, но, безъ сомнѣнія, въ далекомъ будущемъ обновить міръ, то-есть человѣчество, именно въ нравственномъ отношеніи; ибо она вращается въ сферѣ объективнаго, а рѣшеніе нравственной проблемы и, что еще важнѣе, моральное воспитаніе человѣчества, совершенно также, какъ и его умственное воспитаніе, осуществляется постепенно, вѣками, путемъ развитія и усовершенствованія объективныхъ сторонъ нашего духа,—иными словами, нравственный ростъ человѣчества есть ростъ его разума».

И такъ, наука г. Владимірова хочетъ просвѣтить насъ прямою выработкой нравственныхъ идеаловъ и обсужденіемъ моральныхъ вопросовъ, а наука г. Буликовскаго согласна только бросать «субъективному міру» время отъ времени какое-нибудь полезное изобрѣтеніе и никакими нравственными идеалами заниматься не хочетъ. И то, и другое очень гордо, но гордость науки г. Владимірова кажется мнѣ гораздо болѣе симпатичною. И не только болѣе симпатичною, но и болѣе основательною. Нравственный идеалъ есть, вѣдь, тоже своего рода «полезное изобрѣтеніе», такъ что не видно, почему бы и его, хотя бы наравнѣ съ телеграфомъ и телефономъ, не могла намъ, простымъ смертнымъ, «бросить» наука. Разумѣю науку вообще, какъ разумѣетъ г. Буликовскій, а не тѣ, конечно, ея отрасли, которыя, по самой задачѣ своей, не могутъ предоставить «субъективному міру» ничего, кромѣ телеграфа, телефона, бездымнаго пороха или пушки, стрѣляющей на двадцать верстъ (не знаю, почему г. Буликовскій не помянулъ этихъ послѣднихъ «полезныхъ изобрѣтеній,—ихъ, вѣдь, тоже выбросила субъективному міру наука). Въ томъ субъективномъ мірѣ, который столь величественно презирается г. Буликовскимъ, бродятъ силы, ищущія свѣта, а наука г. Буликовскаго говоритъ имъ: ищите, кипите въ волненіяхъ страстей и интересовъ, устраивайтесь какъ знаете, я вамъ не помощница въ данную минуту, но пройдутъ вѣка, и вашихъ правнуковъ и пра-правнуковъ я обновлю въ нравственномъ отношеніи, просвѣтлю ихъ разумъ. На такое категорическое заявленіе возражать нечего, даже въ томъ случаѣ, если бы было доказано,—а это отнюдь не доказано,—что нравственный ростъ человѣчества есть ростъ его разума. Насильно милъ не будешь, но, въ такомъ случаѣ, не надо удивляться, если «субъективный міръ страстей и интересовъ жизни» въ свою очередь не хочетъ знать науки и употреблять бросаемые ему телеграфы и усовершенствованныя ружья иногда съ цѣлями, для поступательнаго хода науки неудобными. Это случается слишкомъ часто.

Бъ счастью, гордость представителей науки не всегда направлена въ ту сторону, которую рекомендуетъ г. Буликовскій. Объ этомъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, и горячій призывъ г. Владимірова. И, конечно, мы можемъ только желать, чтобы на этотъ призывъ поскорѣе откликну-

лось возможно большее число собратовъ г. Владимірова по профессіи, чтобы благая мысль поскорѣе перешла въ благое дѣло. Не надо, однако, скрывать отъ себя и нѣкоторыхъ опасностей такого поворота. Собственно говоря, та величественная отчужденность, какая рисуется взору г. Буликовского, далеко не вполне осуществляется и теперь. Самый фельетонъ г. Буликовского, хотя и не заключающій въ себѣ никакого «полезнаго изобрѣтенія», есть уже нѣкоторое вмѣшательство въ субъективный міръ, міръ страстей и интересовъ жизни. Да и вообще высушить себя до полной величественности не всякому удастся. Если даже правда, что наука, какъ таковая, имѣетъ дѣло, по выраженію г. Буликовского, только съ «объективными сторонами нашего духа», то въ ея живыхъ, конкретныхъ представителяхъ, все-таки, остается мѣсто и для страстей и интересовъ жизни. Натурально ждать руководящихъ указаній отъ этихъ просвѣтленныхъ знаніемъ и изощренныхъ размышленіемъ умовъ. Мы и знаемъ цѣлый рядъ официальныхъ представителей науки, не отказывающихся принимать участіе въ жизненныхъ тревогахъ путемъ періодической печати и, поскольку возможно, устнаго слова. Не всегда, къ сожалѣнію, это вмѣшательство людей науки въ дѣло жизни можно признать удачнымъ. Многимъ, вѣроятно, еще памятна шумная исторія профессора Цитовича, который взялся отъ лица науки упорядочить нашъ міръ страстей и интересовъ жизни, но, несмотря на исключительно сильную поддержку, не разцвѣлъ и отцвѣлъ, и не съ честью замолкъ. Другимъ примѣромъ можетъ служить нашъ знаменитый химикъ г. Менделѣевъ, голосъ котораго и по-сейчасъ не умолкаетъ въ области экономическихъ идеаловъ, вызывая, однако, лишь недоумѣніе своею фальшивостью. Но голосъ г. Менделѣева фальшивитъ потому, что онъ поетъ совсѣмъ ему чужую, незнакомую арію, въ которой совершенно не причемъ его заслуженно-громкая репутація человѣка науки, завоеванная имъ въ совершенно иной специальной области; а г. Цитовичъ хотя и говорилъ отъ лица науки, но ею даже и не пахло въ его надѣлавшихъ въ свое время шуму брошюрахъ и быстро исчезнувшей газетѣ. Подобные случаи еще ничего не говорятъ противъ вмѣшательства представителей науки въ міръ страстей и интересовъ жизни: это не наука вмѣшивается, а или, напротивъ, прямо таки незнаніе, или не дисциплинированныя житейскія силы весьма невысокаго полета. Есть, однако, опасности, грозящія вмѣшательству вполне искреннихъ и дѣйствительно свѣдущихъ представителей науки.

Наука безъ всякихъ нравственныхъ ученій «въ далекомъ будущемъ обновить міръ, то-есть человѣчество, именно въ нравственномъ отношеніи», ибо «нравственный ростъ человѣчества есть ростъ его разума». Эта увѣренность г. Буликовского есть самоувѣренность, и, притомъ, очень типичная. Метафизикъ, въ качествѣ специалиста по части выработки идей, чистыхъ отъ опытно-наблюдательной примѣси, довольно легко можетъ придти къ такому, напримѣръ, заключенію, что весь міръ есть ничто иное, какъ саморазвивающаяся идея. Художникъ, если онъ поклонникъ такъ

называемой чистой красоты, охотно повторить слова г. Куликовскаго, только съ замѣной одного слова другимъ. Онъ скажетъ: «искусство безъ всякихъ нравственныхъ ученій въ далекомъ будущемъ обновитъ мiръ, то-есть человечество, именно въ нравственномъ отношеніи». Техникъ скажетъ примѣрно то же самое, съ новою замѣной одного слова другимъ. Примѣры метафизика, съ одной стороны, и художника или техника—съ другой, я ставлю за одну скобку въ томъ смыслѣ, что такъ или иначе, въ теоріи или въ практикѣ, человѣкъ склоненъ непомерно преувеличивать значеніе своей специальности и подавлять ею всѣ другія стороны жизни. Припомните только гётевскаго Вагнера, который въ первой части *Фауста* рисуется узкимъ, но добросовѣстнымъ труженикомъ науки, а во второй части «бросаетъ субъективному мiру страстей и интересовъ жизни полезное изобрѣтеніе»—химическій способъ производства людей. Онъ необычайно гордъ своимъ открытіемъ: любовь со всѣми ея чарами, любовь, эта могучая сила, поднимающая человѣка къ вершинамъ идеала и низвергающая его въ уличную грязь,—все это eitle Rossen для Вагнера. Наука можетъ вполне замѣнить функцію любви и обезпечить существованіе человѣческаго рода нѣкоторыми лабораторными приемами. Бѣдный Вагнеръ! Созданный имъ лабораторный *Homunculus* оказался неблагодарнѣйшимъ существомъ, а потомство продолжаетъ производить дѣтей прежнимъ, не научнымъ способомъ, wie sonst das Zeugen Mode war. Самъ же Вагнеръ навсегда остался типомъ самоувѣреннаго человѣка науки, подсовывающаго человечеству свои собственные спеціальныя цѣли и полагающаго достоинство человѣка въ замѣнѣ всего житейскаго, какъ бы оно ни было дорого, научнымъ.

Г. Мечниковъ не раздѣляетъ, повидимому, мнѣнія г. Куликовскаго относительно роли науки въ дѣлѣ выработки нравственныхъ идеаловъ. Онъ предлагаетъ нѣкоторое «полезное изобрѣтеніе», на которое мы сейчасъ посмотримъ ближе, но именно предлагаетъ, а не «бросаетъ»; онъ не презрительно, а, напротивъ, участливо относится къ субъективному мiру и не отказывается помочь намъ въ обсужденіи нравственно-политическихъ вопросовъ съ точки зрѣнія идеаловъ. Онъ даже, какъ мы видѣли, съ особенною силой настаиваетъ на этой точкѣ зрѣнія. Тѣмъ не менѣе, и онъ, подобно г. Куликовскому, а можетъ быть даже подобно Вагнеру, склоненъ вытѣснить всѣ стороны жизни функціей познанія. Онъ говоритъ въ статьѣ *Законъ жизни*: «Выводъ, сдѣланный болѣе тридцати лѣтъ назадъ Боклемъ въ результатѣ обзора пути, пройденнаго человечествомъ, подтверждается съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе. Самые прочные успѣхи, добытые людьми, это именно тѣ, которые совершены при помощи положительнаго знанія. Самыя серьезныя надежды, которыя можно лелѣять, должны быть возложены на дальнѣйшіе успѣхи въ той же области. Отсюда ясно, что непосредственною нашею цѣлью должно быть все то, что можетъ въ наибольшей степени содѣйствовать этимъ успѣхамъ».

Все это несравненно легче сказать, чѣмъ доказать. Выводъ Бокля, о которомъ говоритъ г. Мечниковъ, состоялъ въ томъ, что поступательный

ходъ цивилизаціи обусловливается исключительно накопленіемъ знаній и вообще умственнымъ развитіемъ, такъ какъ нравственный элементъ неподвиженъ. Я говорю въ прошедшемъ времени: выводъ Бокля *состоялъ*, потому что, въ противность мнѣнію г. Мечникова, полагаю, что выводъ этотъ отнюдь не подтверждается фактическимъ ходомъ событій. Въ *Исторіи материализма* Ланге (396 стр. II тома русскаго перевода) читатель найдетъ остроумныя доказательства односторонности этого вывода. Я съ своей стороны обращаю вниманіе читателей лишь на одну подробность вывода Бокля, могущую вызвать только улыбку, хотя, конечно, очень грустную. Бокль писалъ свою знаменитую книгу во время крымской войны и съ торжествомъ говорилъ: «Для характеристики современнаго общественнаго состоянія въ высшей степени важно, что миръ, непримѣрно продолжительный, прерванъ не такъ, какъ прежде, ссорой между двумя образованными народами, но нападеніемъ необразованной Россіи на еще болѣе необразованную Турцію». Правда, въ войнѣ приняли участіе такія просвѣщенные націи, какъ Англія и Франція, но «теперь развитіе такъ сильно, что оба народа, отложивъ злостную и раздражительную зависть, съ которою прежде смотрѣли другъ на друга, соединились въ общемъ дѣлѣ и вынули мечъ не для эгоистическихъ цѣлей, а для защиты цивилизаціи отъ враждебныхъ варваровъ». Съ 1855 г., когда были написаны эти наивныя строки, положительныя знанія достигли колоссальныхъ успѣховъ, но это не помѣшало цѣлому ряду войнъ между «образованными» народами. И самая ужасная изъ этихъ войнъ произошла между образованнѣйшими націями, и вотъ уже двадцать лѣтъ прошло послѣ этой страшной схватки, а оцетинившаяся штыками Европа все еще не можетъ успокоиться и готовится къ новой, еще болѣе страшной схваткѣ. Въ ожиданіи ея, знанія продолжаютъ расти, и не только въ ожиданіи, а частью даже въ видахъ ея: каждая европейская страна старается изучать географію и языкъ сосѣдней страны, дѣлаетъ опыты воздухоплаванія съ военными цѣлями, вводитъ у себя бездымный порохъ и прочія «полезныя изобрѣтенія», готовится примѣнить къ дѣлу разрушенія и убійства электричество, телефонъ. Съ этой точки зрѣнія не только не подтверждается выводъ Бокля, а, напротивъ, знаніе, образованность являются служителями и пособниками враждебныхъ цивилизаціи, звѣрскихъ инстинктовъ.

Скажутъ, можетъ быть, что не все же такую роль играетъ наука; укажутъ на такія ея отрасли, которыя расширяютъ наши горизонты, чисто-теоретически уясняя намъ наше мѣсто въ природѣ и уничтожая предразсудки,—на другія отрасли, явно способствующія широкимъ цѣлямъ здоровья, матеріальнаго благосостоянія, вообще человѣческаго счастья. Это бесспорно. Однако, и здѣсь значеніе науки или образованности существенно опредѣляется характеромъ даннаго общественнаго строя и заложенныхъ въ немъ нравственныхъ идеаловъ. ~~Разливъ просвѣщенія въ массѣ зависитъ отъ распредѣленія труда и богатства между различными классами населенія~~ Велика сила науки,—она даетъ человѣку власть надъ природой, но не

абстрактному человѣку, а такому, который, по условіямъ своего общественнаго положенія, можетъ воспользоваться этою властью. Велика сила науки, но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, что, — какъ говорить г. Мечниковъ, — «непосредственною нашею цѣлью должно быть все то, что можетъ въ наибольшей степени содѣйствовать успѣхамъ положительнаго знанія». Я не совсѣмъ понимаю, что означаетъ въ этой фразѣ слово «непосредственный»; но, очевидно, г. Мечниковъ влагаетъ въ него какой-то исключительно значительный смыслъ, едва ли въ данномъ случаѣ уместный. Въ *Очеркѣ воззрѣній на человѣческую природу* г. Мечниковъ говоритъ, что «цѣль человѣческой жизни состоитъ въ достиженіи наивозможно большаго общаго блага или счастья въ самомъ широкомъ смыслѣ слова». Знаніе, ~~безспорно можетъ и должно способствовать достиженію этой общей цѣли~~, знаніе и само по себѣ составляетъ известную частную цѣль и представляетъ собою известное благо, потому что удовлетворяетъ самостоятельной познавательной потребности человѣческой природы. Но рядомъ съ этою потребностью существуютъ и другія, столь же самостоятельныя, а, слѣдовательно, и другія частныя цѣли. Желательно, чтобы всѣ эти частныя цѣли другъ другу помогали, и, безъ сомнѣнія, знанію, наукѣ предстоитъ въ этомъ дѣлѣ огромная роль. Но наука должна, въ согласіи съ другими частными цѣлями, именно помогать общей цѣли, а не заслонять все собою, не замѣщать собою всѣ другія потребности и частныя цѣли. Если я хочу ѣсть, то знаніе можетъ мнѣ помочь въ размыканіи или приготовленіи пищи, но накормить меня знаніемъ нельзя, — это такой суррогатъ пищи, который и по нынѣшнимъ труднымъ временамъ никто голодному мужику не рѣшится предложить. Не доходя до такого явнаго абсурда, люди науки бьются, однако, часто склонны поглощать потребностью и функцией познанія другія потребности и функции.

Вотъ почему, горячо привѣтствуя призывъ г. Владимірова, слѣдуетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, желать, чтобы вмѣшательство людей науки въ субъективный міръ страстей и интересовъ жизни было произведено съ нѣкоторою осмотрительностью, чтобы это было даже не вмѣшательство, а взаимодѣйствіе. Примеръ Бокля, о которомъ г. Мечниковъ упомянулъ столь неосторожно, въ высокой степени поучителенъ. Серьезный, трудолюбивый, можно сказать, обремененный знаніемъ мыслитель, прогрессившій своею книгой на весь цивилизованный міръ, притомъ, специальный врагъ легковѣрія, оказался до смѣшнаго легковѣренъ. Подобные случаи, конечно, не способствуютъ укрѣпленію авторитета науки, хотя именно его-то Бокль и хотѣлъ укрѣпить. И если, по какому-то странному недоразумѣнію, г. Мечниковъ, вопреки кроваво-яркой очевидности, съ побѣдоноснымъ видомъ ссылается на несчастный выводъ Бокля, то это показываетъ только, какъ много должны поработать надъ собою люди науки, прежде чѣмъ вмѣшаться въ дѣло жизни. Они должны проникнуться сознаніемъ, что наука есть лишь одинъ изъ факторовъ жизни, безспорно, въ высокой степени важный; что жизнь, слагающаяся изъ многихъ факторовъ, въ цѣломъ несравненно силь-

нѣе науки. Данная форма житейскихъ отношеній,—международныхъ, политическихъ, социальныхъ, семейныхъ,—можетъ, конечно, видоизмѣняться подъ прямымъ вліяніемъ положительныхъ знаній, но это видоизмѣненіе происходитъ крайне медленно, съ періодическими задержками и приостановками; наоборотъ, съ чрезвычайною быстротой всякая данная форма житейскихъ отношеній обращаетъ въ свою пользу результаты науки, ассимилируетъ ихъ. Взаимную ненависть французовъ и нѣмцевъ не сгладили вѣка просвѣщенія; наоборотъ, всякое научное открытіе, каждый шагъ науки впередъ, если его можно будетъ утилизировать съ цѣлями убійства и разрушенія, завтра же будетъ пущенъ въ ходъ и нѣмцами, и французами. Люди науки должны поэтому бросить мечту, что просвѣщеніе само по себѣ, безъ всякой сторонней помощи, приведетъ все къ наилучшему концу. Эта мечта столько же надменная, сколько и неосновательная, какъ бы ни любовался г. Мечниковъ выводомъ Бокля и какъ бы ни презиралъ г. Буликовскій субъективный міръ страстей и интересовъ жизни. Но г. Буликовскій до такой степени твердъ въ своемъ презрѣніи къ субъективному міру, что довольствуется швыряніемъ полезныхъ изобрѣтеній въ толпу непросвѣщенной черни, предоставляя ей распоряжаться этими изобрѣтеніями какъ ей угодно. Г. же Мечниковъ находится, повидимому, совсѣмъ въ иномъ положеніи. Онъ говоритъ о нравственныхъ идеалахъ, онъ желаетъ путемъ науки поспособствовать возникновенію новыхъ, лучшихъ формъ житейскихъ отношеній. Великую, архи-естественную силу измѣчивости онъ желаетъ направить въ русло извѣстнаго нравственно-политическаго идеала. Дѣло не обходится при этомъ безъ нѣкотораго «полезнаго изобрѣтенія», но, какъ уже сказано, г. Мечниковъ не «бросаетъ» его субъективному міру безъ дальнѣйшихъ о немъ заботъ, а сопровождаетъ своими указаніями и мотивами.

III.

Любовь есть источникъ многихъ радостей, блеска жизни, возвышенныхъ настроеній, самоотверженныхъ поступковъ. По словамъ Шиллера, «не любовью-ль мы равны богамъ?» Ссылаясь на эти слова великаго нѣмецкаго поэта, я отнюдь, впрочемъ, не думаю, чтобы сильнѣе этого не сказали чего-нибудь о счастья любви тотъ же Шиллеръ и другіе поэты разныхъ калибровъ. Просто вспомнилось уравненіе человѣка съ богами любовью. А на пересмотръ всего, сказаннаго на эту тему даже только первостепенными поэтами, пришлось бы употребить, пожалуй, нѣсколько дней. Немудрено: поэты ищутъ красоты, а уже въ растительномъ мірѣ порѣ любви соотвѣтствуютъ особенно красивыя формы, яркія краски, сильные ароматы. Въ животномъ мірѣ къ этимъ красотамъ присоединяется еще красота звуковъ,—влюбленному соловью сами поэты могутъ позавидовать. Человѣкъ тоже экстренно принаряжается въ пору любви, душой и тѣломъ принаряжается, всѣмъ своимъ существомъ чувствуя наступленіе

праздника жизни. Однако, поэты не мало стиховъ посвятили и оборотной сторонѣ медали: печаламъ и мукамъ любви. Любовь безъ взаимности, муки ревности, невольная разлука, разочарованіе, неудовлетворенность любви, — все это «давно описано, воспѣто». Въ преддверіи *Книги тоски* Гейне лежить чудовищно-прекрасный символъ любви, Сфинксъ. Онъ есть ein Zwitter von Schrecken und Lusten, и въ объятіяхъ этого загадочнаго существа поэтъ испытываетъ entzückende Marter und wonniges Weh (муки восторга и сладкую боль), — der Schmerz wie die Lust unermesslich! Но поэтическія воспроизведенія оборотной стороны медали любви страдаютъ излишествомъ красоты. Перерабатывая житейскіе факты въ горнилахъ своего вдохновенія, поэты ищутъ и находятъ даже особенную красоту въ этомъ сочетаніи контрастовъ — скорби и счастья, восторга и боли. Встаетъ же, «любовь» и «кровь», Herz и Schmerz, charmes и larmes такъ хорошо рѣмуются (я нарочно просмотрѣлъ для образца нѣсколько большихъ и малыхъ пьесъ Альфреда Мюссе и ни разу не наткнулся на иную рѣиму къ charmes, какъ larmes, за то эта рѣима попадалась очень часто). Въ жизни, однако, не всегда это такъ красиво выходитъ. Обдавая человѣка своею чарующею волной, любовь сообщаетъ ему (или ей) иногда высокой подъемъ духа и дѣлаетъ его борцомъ и творцомъ въ лучшемъ смыслѣ этихъ словъ. Тогда, какъ говорить у Тургенева Шубинъ объ Инсаровѣ и Еленѣ, «натянуты струны, — звени на весь міръ или порвись!» Но изъ того же корня растутъ и другіе цвѣты — ядовитые, гнусные, мелкіе, безобразные, забрызганные грязью. На нихъ уже есть намеки въ той *Травіатѣ*, которую Инсаровъ и Елена сочувственно слушали въ Венеціи. Но и *Травіата* подкрашена повзвѣй. Любовь слишкомъ часто въ дребезги разбиваетъ сердце при самыхъ гнусныхъ, отнюдь не поэтическихъ условіяхъ и низвергаетъ человѣка въ бездонные омуты всяческой мерзости и превращаетъ его въ существо хуже всякаго звѣря. Пестрая картина счастья и скорби, подвыговъ и преступленій станетъ еще ярче и пестрѣе, если мы введемъ въ нее естественное послѣдствіе любви — дѣтей. Немудрено поэтому, что человѣчество не довольствуется поэтическими отглаголами на радостную и скорбную стороны дѣла, а издревле ищетъ какого-нибудь выхода. Ищетъ его и г. Мечниковъ.

Въ качествѣ дарвиниста, г. Мечниковъ не могъ, разумеется, обойти основной тезисъ дарвинизма, заимствованный имъ у Мальтуса, — несоответствіе силы размноженія съ размѣромъ средствъ существованія. Это — первая дисгармонія, развитая по волѣ органической природы и ясно свидѣтельствующая, что «естественный» еще не значитъ благодѣтельный, разумный, правильный съ человѣческой точки зрѣнія. Г. Мечниковъ не останавливается, однако, долго на этой коренной дисгармоніи и отмѣчаетъ только сознательныя старанія человѣка устранить, сгладить ее. «Съ этою цѣлью, — говоритъ онъ, — человѣкъ или старается увеличить свои средства, или же задерживаетъ вступленіе въ бракъ, или, наконецъ, искусственнымъ путемъ уменьшаетъ число рожденій. Только тѣ люди одерживаютъ побѣду

въ борьбѣ за существованіе, которые слѣдуютъ по одному изъ этихъ путей; безпечные же люди оказываются въ числѣ побѣжденныхъ. Такимъ образомъ, въ человѣческомъ мірѣ сознание и воля являются факторами подбора, который въ мірѣ остальныхъ организмовъ справляется безъ нихъ, и основной разладъ устраняется при помощи самого человѣка, активнѣйшаго изъ всѣхъ живыхъ существъ» (*Очеркъ воззрѣній на челоѣческую природу*).

И такъ, природа вложила въ насъ, наравнѣ съ прочими живыми существами, чрезмѣрную жажду любви, результатомъ которой является чрезмѣрное размноженіе. Отсюда многообразныя драмы, уловленные и не уловленные поэтами. Въ животномъ мірѣ всѣ эти драмы сливаются, какъ рѣки въ море, въ одну общую, страшную, но, съ дарвинистской точки зрѣнія, благотельную: принаряженные любовью самцы дерутся изъ-за самки и одолеваятъ сильнѣйшіе, болѣе ловкіе или вообще наиболѣе приспособленные; изъ продуктовъ любви, достигающихъ числомъ иногда до сотенъ тысячъ и миллионовъ, выживаютъ опять-таки лучшіе, сильнѣйшіе, и, такимъ образомъ, изъ тысячъ и тысячъ насильственныхъ смертей возникаетъ лучшая, высшая жизнь. Нѣкоторые дарвинисты желаютъ или, по крайней мѣрѣ, желали распространить этотъ двусмысленно-утѣшительный выводъ и на челоѣчество. Но г. Мечниковъ добрѣе (Мальтусъ тоже былъ добрѣе). Онъ желаетъ, чтобы челоѣчество, по возможности, избѣгло благотельной драмы борьбы за существованіе, и указываетъ для этого три пути, которыми, впрочемъ, люди и раньше пробовали пользоваться: во-первыхъ, увеличеніе средствъ существованія, во-вторыхъ, замедленіе вступленія въ бракъ и, въ-третьихъ, искусственное уменьшеніе числа рожденій.

Вопроса объ увеличеніи средствъ существованія г. Мечниковъ совсѣмъ не касается, только упоминаетъ о немъ, вѣроятно, полагая себя недостаточно компетентнымъ. За то второму и третьему пункту удѣляетъ много вниманія. Второму пункту—замедленію вступленія въ бракъ—онъ посвятилъ спеціальное изслѣдованіе *Возрастъ вступленія въ бракъ (Вѣстникъ Европы 1874 г.)*; третьимъ пунктомъ — искусственнымъ уменьшеніемъ числа рожденій—заняты онъ преимущественно въ статьѣ о гр. Толстомъ.

Главный интересъ статьи *Возрастъ вступленія въ бракъ* состоитъ въ указаніи на существованіе дисгармоніи въ развитіи челоѣка. Моментъ половой зрѣлости (психически выражающейся первыми порывами любви), моментъ общей физической зрѣлости и моментъ вступленія въ бракъ не всегда совпадаютъ, хотя они всѣ имѣютъ одну и ту же цѣль—удовлетвореніе стремленія къ поддержанію вида (размноженіе). Такъ, наприимѣръ, дѣвушка можетъ достигнуть половой зрѣлости, что выражается вполне опредѣленными физиологическими явленіями, а въ ея общемъ физическомъ развитіи можетъ къ этому времени еще не хватать достаточнаго для плодоношенія развитія тазовыхъ костей; или же она можетъ, достигнувъ полной зрѣлости въ обоихъ этихъ отношеніяхъ, въ теченіе многихъ лѣтъ оставаться дѣвственницею. Точно также, какъ всѣмъ извѣстно, и мужчина

вступаетъ въ бракъ не тотчасъ по достиженіи половой зрѣлости, а иногда всю жизнь остается холостякомъ. «Эти промежутки,—говорить г. Мечниковъ,—означающіе неравнозѣрное и, слѣдовательно, неодновременное развитіе аппаратовъ, служащихъ для одной и той же цѣли, составляютъ доказательство существованія дисгармоніи въ развитіи человѣка». Въ жизни эти «дисгармоническіе періоды», какъ обстоятельно и справедливо доказываетъ г. Мечниковъ, отражаются усиленною смертною, самоубійствами, преступленіями, душевными болѣзнями,—словомъ, цѣлымъ рядомъ драмъ, зависящихъ отъ неудовлетворенія или неправильнаго удовлетворенія потребности любви.

Надо замѣтить, что на дисгармоническіе періоды, какъ они освѣщаются въ статьѣ *Возрастъ вступленія въ бракъ*, г. Мечниковъ ссылается и въ послѣдующихъ своихъ статьяхъ. Онъ видитъ въ этой дисгармоніи одинъ, и едва ли не самый важный, изъ фактическихъ камней преткновенія для теоріи гармоническаго развитія и для ссылокъ на человѣческую природу, какъ на образецъ и руководство. Какъ можно искать руководства въ «естественныхъ» процессахъ, когда они отражаются въ жизни тяжелыми и кровавыми драмами? И какъ, въ особенности, можно возлагать надежды на гармоническое развитіе, когда въ самой природѣ человѣка заложена такая рѣшительная дисгармонія? На это теоретики гармоническаго развитія могли бы, однако, возразить: ну, такъ что-жь?—надо, значитъ, замѣнить дисгармонію гармоніей, хотя бы и вопреки естеству. Но дѣло-то въ томъ, что, приглядываясь къ дисгармоническимъ періодамъ г. Мечникова ближе, мы увидимъ, что естество, природа человѣка тутъ не причемъ или почти не причемъ. Спрашивается, какіе такіе «аппараты» развиваются при вступленіи человѣка въ бракъ,—аппараты, запаздываніе которыхъ вызываетъ одинъ изъ дисгармоническихъ періодовъ? Для ясности остановимся на одной изъ фактическихъ иллюстрацій г. Мечникова. У нѣкоторыхъ африканскихъ негровъ браки совершаются очень рано, вскорѣ послѣ наступленія половой зрѣлости; но, все-таки, жениться негръ можетъ не раньше, какъ ставши «собственникомъ нѣсколькихъ трубокъ, стула, сундука, выстроивши избу и поймавши плѣннаго». Промежутокъ между моментомъ наступленія половой зрѣлости и моментомъ вступленія въ бракъ, то-есть моментомъ, приобрѣтенія нѣсколькихъ трубокъ и проч., есть дисгармоническій періодъ, чреватый драмами. Последнее понятно: дикій негръ, въ которомъ проснулась фізіологическая основа любви, долженъ подчиниться стѣснительному обычаю и добывать трубки, строить избу, ловить плѣннаго; онъ легко можетъ не выдержать и совершить преступленіе или съ отчаянія дойти до психическаго расстройства. Но если трубки и сундукъ и можно въ извѣстномъ смыслѣ назвать «аппаратами», такъ, вѣдь, не въ природѣ же человѣка онѣ заложены, трубки-то? Такъ и въ нашемъ быту. Половая зрѣлость для какого-нибудь Иванова или Петрова наступаетъ гдѣ въ 15, а въ бракъ онъ, по соображеніямъ о средствахъ содержанія семьи, вступаетъ, положимъ, въ 30 лѣтъ, когда получить мѣсто столоначальника. Пят-

надцатилѣтній промежутокъ между возрастомъ половой зрѣлости и возрастомъ вступленія въ бракъ есть дисгармоническій періодъ, наполненный опасностями тоски, разврата, болѣзней, но Ивановъ дожидается не развитія какихъ-нибудь «аппаратовъ» своего организма, а просто мѣста столоначальника или невѣсты съ приданымъ. Не природа человѣка, а извѣстныя условія общежитія вызываютъ большинство драмъ любви, и г. Мечниковъ, обвиняя природу, валить съ больной головы на здоровую, по крайней мѣрѣ, на этомъ пунктѣ. Онъ, впрочемъ, и самъ приводитъ любопытные факты и даже дѣлаетъ любопытныя обобщенія, опровергающія его обвинительный актъ противъ природы по вопросу о дисгармоническихъ явленіяхъ половой жизни. На основаніи длиннаго ряда этнографическихъ и статистическихъ данныхъ, онъ приходитъ къ заключенію, что дисгармоническіе періоды растутъ вмѣстѣ съ цивилизаціей; у дикарей она, вообще говоря, отсутствуютъ, а у цивилизованныхъ народовъ болѣе или менѣе продолжительны; у низшихъ классовъ въ цивилизованныхъ странахъ она короче, чѣмъ у высшихъ, у сельскаго населенія короче, чѣмъ у городского. Значитъ, по крайней мѣрѣ, этотъ изъянъ зависитъ не отъ природы человѣка, а отъ какихъ-то неправильностей въ культурѣ, въ формахъ общественности. Мѣсто столоначальника, невѣсту съ приданымъ, табачныя трубки, сундуки нельзя ставить въ прямой счетъ человѣческой природѣ. Это до такой степени вѣрно, что самъ г. Мечниковъ говоритъ: «Изъ того, что европейскія цивилизаціи сопровождаются опредѣленными видоизмѣненіями семейной жизни, еще не слѣдуетъ, чтобы всякое вообще развитіе представляло тотъ же характеръ».

Какъ бы то ни было, но путь «замедленія вступленія въ бракъ», который г. Мечниковъ рекомендовалъ для обхода основной дисгармоніи между силою размноженія и размѣромъ средствъ пропитанія,—этотъ путь мы должны отвергнуть, если не хотимъ попасть изъ огня въ полымя, изъ кулья въ рогожку. Путь этотъ, какъ удостовѣряетъ самъ г. Мечниковъ, въ свою очередь ведетъ къ бѣдѣ,—къ дисгармоническимъ періодамъ и связаннымъ съ ними житейскимъ драмамъ.

Но у насъ остается въ запасѣ еще одинъ путь,—путь искусственнаго уменьшенія числа рожденій; онъ-то и приведетъ насъ къ счастью. Мальтусіанцы давно указывали на это средство для водворенія на землѣ мира и въ человѣкахъ благоволенія. Но они разное понимали подъ искусственною задержкой размноженія и, въ виду щекотливости темы, рѣдко говорили вполне откровенно. Г. Мечниковъ тоже не вполне ясенъ, но, насколько понимать можно, онъ, какъ говорится, хватается быча прямо за рога и предлагаетъ до такой степени радикальное рѣшеніе вопроса, что никакимъ щекотливостямъ не остается мѣста.

Г. Мечниковъ находитъ, что женщина собственно не настоящій человѣкъ, а нѣчто вродѣ личинки человѣка («личинкоподобный»), недоразвитый человѣкъ. Эту недоразвитость женщины видитъ г. Мечниковъ, однако, не въ какихъ-нибудь анатомическихъ и физиологическихъ признакахъ, а

въ нравственныхъ и преимущественно умственныхъ чертахъ женскаго типа, каковыя черты и изображаются имъ красками, не имѣющими ничего общаго съ комплиментами. Это, конечно, хорошо. Женщины слышать достаточно похвалъ отъ поэтовъ, и трезвому человѣку науки не подобаеъ приставать къ этому хору; его дѣло—истина, какъ бы она ни была печальна или неприятна дамамъ и поэтамъ. Но, все-таки, сравненіе женщины съ личинкой надо понимать именно только какъ сравненіе, какъ метафору. Г. Мечниковъ упоминаетъ о нѣкоторыхъ насѣкомыхъ, у которыхъ самцы крылаты, а самки безкрылыя и дѣйствительно похожи на личинокъ. У человѣка такъ рѣзко-выраженныхъ вторичныхъ половыхъ признаковъ нѣтъ. Недоразвитость женщины сводится къ гораздо болѣе тонкимъ, чисто-психическимъ чертамъ. Можно бы было думать, что причины этой недоразвитости лежатъ въ условіяхъ воспитанія женщины и вообще окружающей ее умственной и нравственной атмосферы. Г. Мечниковъ согласенъ допустить это до извѣстной степени, но полагаетъ, что центръ тяжести такъ называемаго женскаго вопроса лежитъ не въ этомъ. Не въ томъ главная бѣда, что женщинъ плохо учатъ или совсѣмъ не учатъ и держатъ въ сторонѣ отъ всѣхъ высшихъ духовныхъ интересовъ. Если бы мы ихъ принуждали къ высшимъ сферамъ сознанія и воли, онѣ остались бы, все-таки, личинками и только портили бы своимъ вмѣшательствомъ общечеловѣческое дѣло. Такъ будетъ до тѣхъ поръ, пока женщины будутъ рожать. На этотъ корень женской недоразвитости мы и должны обратить дѣйственное вниманіе, если хотимъ измѣнить порядокъ вещей, грозящій безконечными драмами любви. Женщины очень плохи, но тутъ-то насъ и можетъ выручить архи-естественная сила измѣнчивости. Г. Мечниковъ, несмотря на свое невысокое мнѣніе о женщинахъ, не только не врагъ женскаго образованія и женскаго труда, но, напротивъ, одинъ изъ самыхъ горячихъ защитниковъ такого расширенія сферы женской жизни. Но онъ находитъ, что для этого сфера женской жизни должна быть урѣзана въ другомъ отношеніи. Женщины очень плохи, но,—слѣдуетъ успокоить своихъ читательницъ г. Мечниковъ,—«никого, конечно, не выведетъ изъ моихъ словъ, чтобы я утверждалъ, будто женщина неспособна къ развитію и должна во всѣхъ случаяхъ и вѣчно оставаться на личинкоподобной стадіи развитія. Я утверждаю только, что прогрессивное развитіе женщины должно совершаться въ ущербъ ея способности размножаться, выкармливать и воспитывать дѣтей, совершенно подобно тому, какъ усиленная дѣятельность рабочихъ пчелъ, муравьевъ и термитовъ могла явиться не иначе, какъ вмѣстѣ съ появленіемъ бесплодія или же плодовитости въ экстремныхъ, исключительныхъ случаяхъ». Г. Мечниковъ писалъ это еще въ 1874 г., въ статьѣ *Возрастъ отступленія отъ брака*. Въ прошломъ 1891 г., въ статьѣ *Законъ жизни*, онъ окончательно выяснилъ намъ (да и себѣ самому, кажется) свою идею, которая его, по всѣмъ видимостямъ, давно и усиленно занимала. Читатель помнитъ эту статью, мотивированную нѣкоторыми сторонами ученія гр. Толстаго. Въ ней, пріемами и фак-

тами, которые уже раньше пускались имъ въ ходъ, г. Мечниковъ старається опровергнуть теорію гармоническаго развитія; ратуетъ противъ излишняго довѣрія или преклоненія передъ человѣческой природой; выступаетъ защитникомъ умственнаго труда вообще, женскаго образованія въ частности, но образованіе это полагаетъ возможнымъ только при условіи безплодія, а кончаетъ выше уже приведенною ссылкой на выводъ Богля и заявленіемъ, что «непосредственною нашею цѣлью должно быть все то, что можетъ въ наибольшей степени содѣйствовать успѣхамъ положительнаго знанія». Я прошу читателя держать въ памяти эти элементы послѣдней статьи г. Мечникова, а также то обстоятельство, что въ ней г. Мечниковъ идетъ шагъ за шагомъ за гр. Толстымъ, опроверган его положенія. А теперь посмотримъ на окончательный выводъ г. Мечникова. Рассказавъ о томъ, какіе прекрасные распорядки существуютъ въ обществахъ пчелъ и осъ, почтенный ученый пишетъ: «Если мы приложимъ добытыя данныя къ женскому вопросу, то должны будемъ, прежде всего, замѣтить, что природныя свойства женскаго организма, приспособленнаго къ дѣторожденію, не могутъ служить ни малѣйшимъ препятствіемъ къ удовлетворенію стремленія нѣкоторыхъ женщинъ посвятить себя высшимъ сферамъ умственнаго труда. Для этого даже нѣтъ надобности, чтобы у такихъ женщинъ было такое же равнодушіе къ браку, какъ у дѣйственныхъ галльскихъ осъ, хотя и извѣстны многочисленныя примѣры отвращенія женщинъ къ брачной жизни. Это и многія другія, вообще довольно частыя въ человѣческомъ родѣ отклоненія половыхъ инстинктовъ указываютъ на то, что первый шагъ на пути къ безплодію уже сдѣланъ. Весьма возможно, что съ этого начался процессъ обособленія въ человѣческихъ обществахъ, сходный съ тѣмъ, который гораздо далѣе подвинулся у насѣкомыхъ, и что современемъ установится, хотя и не столь рѣзкое, раздѣленіе людей на наиболѣе и наименѣе плодовитыхъ или даже и вовсе безплодныхъ. Послѣдніе, имѣя возможность посвящать себя исключительно высшимъ сферамъ человѣческой дѣятельности, будутъ служить обществу, главнымъ образомъ, умственнымъ трудомъ».

Припоинная нѣкоторыя другія мысли г. Мечникова, изложенныя имъ въ прежнихъ статьяхъ, можно признать этотъ выводъ недостаточно опредѣленнымъ. Пчелиный рой, какъ идеаль общества, достаточно ясенъ. Но до него еще очень далеко тому порядку, при которомъ «нѣкоторыя женщины» окажутся безплодными. «Нѣкоторыя женщины» и теперь безплодны. Но уже одно то обстоятельство, что огромное большинство проституттокъ безплодно, намекаетъ на нѣкоторую неосновательность надеждъ, возлагаемыхъ на безплодіе. Г. Мечниковъ, въ видахъ «общаго блага», желаетъ «обособленія», дифференцированія группы безплодныхъ женщинъ въ сословіе или касту, подобную тѣмъ, какія мы видимъ у пчелъ, муравьевъ и термитовъ, и чтобы эта каста безплодныхъ женщинъ спеціально воздѣлывала науку, причемъ, однако, онъ разрѣшаетъ имъ и не быть «равнодушными къ брачной жизни». Другими словами, онъ допускаетъ, по крайней мѣрѣ,

бовь, но безъ послѣдствій. Очень важно замѣтить, что онъ при этомъ отнюдь не рекомендуетъ какихъ-нибудь технических-искусственныхъ приѣмовъ для избѣжанія дѣторожденія. Нѣтъ, онъ вѣруеть въ мощь архи-естественной измѣнчивости, которая, будучи направлена сознаниемъ и волею человека къ пчелиному идеалу, сама собой установитъ бесплодную любовь. Это, прежде всего, непослѣдовательно. Монашествующіе обожъ половъ, а у католиковъ и бѣлое духовенство, даютъ обѣтъ не безплодія, а безбрачія, дѣвства. И это понятно: всецѣло посвящая себя молитвѣ, монашествующіе были бы отклоняемы отъ этой своей функціи не только дѣторожденіемъ, а и любовью. Такого рода монахини (а отчего бы и не монахи?) отъ науки были бы вполне умѣстны въ идеалѣ г. Мечникова, тѣмъ болѣе, что соблазняющія его рабочія галльскихъ осъ къ любви равнодушны. Если сила измѣнчивости дѣйствительно такъ велика, а наше сознание и воля надъ нею такъ властны, какъ предполагаетъ г. Мечниковъ, такъ ужъ надо доводить идеалъ до его логическихъ предѣловъ. И это, повидимому, склоненъ признавать самъ г. Мечниковъ, такъ какъ средневѣковые аскеты, за которыми онъ признаетъ правильное отношеніе къ человѣческой природѣ, отрекались опять-таки не только отъ дѣторожденія, а и отъ любви. Конечно, это, по слабости человѣческой, идеалъ трудно достижимый. Я сказалъ бы даже—недостижимый и сослался бы на всѣмъ извѣстные историческіе и бытовые факты. Но боюсь, что г. Мечниковъ возразитъ мнѣ: да, трудно достижимый или совсѣмъ недостижимый при теперешнихъ свойствахъ человѣческой природы, но вы забываете великій законъ измѣнчивости. На это возраженіе я не имѣю отвѣта. Впрочемъ, нѣтъ, имѣю, даже два. Во - первыхъ: блаженъ, кто вѣруеть. А, во-вторыхъ, вотъ какой: вы хотите ad majorem gloriam положительнаго знанія направить законъ измѣнчивости такъ, чтобы цѣлая и, вѣроятно, значительная (потому что иначе не изъ чего было бы хлопотать) группа людей была лишена группы наслажденій, которая человечество всегда цѣнило изъ ряда вонъ высоко и которымъ оно обязано многими лучшими сторонами своей жизни; вы хотите, а я не хочу,—давайте бороться каждый за свой идеалъ и посмотримъ, чья возьметъ. И у меня есть сознание и воля и, значить, такая же власть надъ закономъ измѣнчивости, какъ и у васъ. Я не хуже васъ знаю обратную сторону медали, тѣ трудности и боли, которыми, при нынѣшнихъ условіяхъ, сопровождается любовь и ея послѣдствія, но я вѣрую въ возможность такого направленія измѣнчивости, которое обломаетъ всѣ шипы у розы, а самой розы не тронетъ.

Г. Мечниковъ предлагаетъ людямъ, хотъ и не всѣмъ, отказаться отъ любви ради науки и увѣряеть, что это нужно для общаго блага, которое, однако, повидимому, состоитъ исключительно въ процвѣтаніи науки. Есть не мало людей, которые настоятельно рекомендуютъ женщинамъ, наоборотъ, отказаться отъ науки ради любви, и тоже во имя общаго блага. Имъ нужны жрицы любви, г. Мечникову нужны монахи и монахини отъ науки. Мальтусъ тоже предлагалъ людямъ—и тоже не всѣмъ, и тоже во имя общаго блага—отказаться отъ любви ради физическаго труда, и подъ его общимиъ

благодаря скрывались просто требованія рынка; ему нужны были безплодные рабочіе. На всёхъ не угодишь, а потому лучше будетъ, если человѣкъ станетъ просто человѣкомъ, которому все человѣческое доступно, хотя г. Мечниковъ думаетъ, что это чрезвычайно трудно,—измѣнчивости въ эту сторону онъ не допускаетъ. Бѣда отъ всёхъ этихъ совѣтниковъ, раздирающихъ человѣка на клочки, не въ томъ только состоитъ, что они хотятъ отнять у него ту или другую долю счастья, которая ему отпущена прошедшимъ или можетъ быть завоевана въ будущемъ. *Divide et impera*, гласитъ старинное, необыкновенно вѣрное изреченіе,—разорви, расчлени и управляй. Идеалъ г. Мечникова, какъ я упоминалъ уже въ прошлый разъ, далеко не новъ, и, между прочимъ, на той же дарвинистской почвѣ онъ предвосхищенъ Ренаномъ. Только Ренанъ прямо называлъ свою концепцію мечтой и, можетъ быть, по этому самому позволилъ себѣ быть смѣлѣе, послѣдовательнѣе и дальновиднѣе г. Мечникова. Съ тѣми же ссылками на примѣры общежитія наѣжкомыхъ, на естественный подборъ, борьбу за существованіе и измѣнчивость, Ренанъ построилъ идеальное общество, вся организація котораго имѣетъ верховною цѣлью торжество и прогрессъ положительнаго знанія. Для этого, какъ и у г. Мечникова, жрецы науки совершенно отказываются отъ любви, предоставляя это низменное занятіе людямъ физическаго труда. Но и эти низменные люди понимаютъ высокую цѣль общества и сознательно служатъ жрецамъ науки, готовы даже съ восторгомъ ложиться подъ ножъ, если нужна вивисекція. Жрецы же положительнаго знанія, «тираны-позитивисты», все болѣе и болѣе проникая въ тайны природы, вмѣстѣ съ тѣмъ полновластно управляютъ своимъ народомъ, жестоко казня его за нарушеніе порядка... Вотъ какъ высоко должны быть поставлены цѣли науки надъ всѣми остальными житейскими цѣлями. Здѣсь есть извѣстное величіе, хотя и чудовищное, на манеръ джагернаутской колесницы, подъ которую добровольно ложатся вѣрующіе, а она ихъ спокойно давитъ во славу Вишну. А г. Мечниковъ довольствуется блѣдною фразой: «непосредственною нашею цѣлью должно быть все то, что можетъ въ наибольшей степени содѣйствовать успѣхамъ положительнаго знанія». Этими едва ли многихъ можно убѣдить или увлечь; всякій скажетъ: непосредственная цѣль жизни есть сама жизнь во всемъ ея блескѣ и полнотѣ, а наука есть лишь одно изъ средствъ для достиженія этой цѣли.

Однако, и блѣдная фраза г. Мечникова имѣетъ свое значеніе, какъ *profession de foi*. Мнѣ кажется, что, несмотря на многолѣтнее вниманіе къ вопросамъ, затронутымъ въ статьѣ *Законъ жизни*, г. Мечниковъ только въ этой статьѣ, такъ сказать, нашелъ самъ себя. Часто бываетъ, что идеи, прямо противоположны вашимъ, особенно рѣзко выраженные, заставляютъ васъ подобраться: уясняютъ вамъ центральные пункты вашего собственного умственнаго круговора, до тѣхъ поръ нѣсколько смутные, или, по крайней мѣрѣ, располагаютъ ихъ въ извѣстную перспективу, гдѣ важное и неважное, первостепенное и второстепенное получаютъ свое опредѣленное мѣсто. Такъ именно, повидимому, случилось и съ г. Мечнико-

ковымъ. Какъ мы видѣли, онъ и прежде, много лѣтъ тому назадъ, ратовалъ противъ теоріи «естественнаго» развитія вообще, такъ называемаго гармоническаго въ частности, говорилъ и объ остаткахъ хвоста и шерстянаго покрова у человѣка, и о пользѣ женскаго образованія, и объ особенныхъ условіяхъ, при которыхъ оно можетъ процвѣтать, и проч., и проч. Словомъ, для людей, слѣдившихъ за прежними статьями г. Мечникова, въ *Законъ жизни* нѣтъ, повидимому, ничего новаго. А, между тѣмъ, новое есть, это именно цѣльность, законченность, опредѣленность перспективы цѣлаго ряда мыслей, прежде разбросанныхъ, другъ къ другу не примененныхъ, перемѣшанныхъ съ разными посторонними элементами. Отсюда тѣ странныя противорѣчія и явныя недоразумѣнія, о которыхъ мнѣ, признаюсь, было даже неловко говорить. Я ни на минуту не забывалъ, что имѣю дѣло съ первокласснымъ ученымъ, пользующимся, и заслуженно пользующимся, европейскою извѣстностью. А, между тѣмъ, этотъ знаменитый ученый, свободно гуляющій по всей головокругительной зоологической лѣстницѣ отъ ступени амобы до ступени человѣка, можетъ рассуждать такъ: «естественное» неуловимо по своей текучести, но извращеніе всѣхъ природныхъ инстинктовъ естественнѣе, чѣмъ удовлетвореніе природныхъ потребностей. Или зачисляетъ сундуки, трубки и мѣсто столоначальника въ число «аппаратовъ» организма. Или, цѣпко держась за остатокъ хвоста у человѣка, убѣжденно и даже иронически говорить: вы видите, какъ измѣнчива человѣческая природа; что же вы, по теоріи упражненія всѣхъ органовъ, рѣшите, чтобы человѣкъ хвостомъ вилялъ? Или чтобы онъ шерстью обросъ? Конечно, во всѣхъ этихъ случаяхъ г. Мечниковъ впадалъ въ недоразумѣнія, противорѣчія и ошибки не въ качествѣ ученаго, а въ качествѣ мыслителя,—какъ специалисту, я не осмѣлился бы ему возражать. Причина всѣхъ этимъ неладовъ заключалась въ отсутствіи общаго плана, въ смутности связующей нити. Этотъ общій планъ подсказалъ г. Мечникову гр. Толстой; только тамъ, гдѣ у гр. Толстаго стоитъ плюсъ, у г. Мечникова стоитъ минусъ, и наоборотъ. Правда, не всѣ недоразумѣнія при этомъ исчезли, не всѣ неровности сгладились, но вы, по крайней мѣрѣ, видите, какъ и почему они возникли и въ какомъ порядкѣ должны быть распределены мысли г. Мечникова, чтобы можно было уразумѣть ихъ связь.

Что бы ни говорилъ самъ г. Мечниковъ, а намъ со стороны виднѣе. Что бы онъ ни говорилъ, а исходная точка его лежитъ не въ области научно установленныхъ фактовъ, а въ области чувства. Это—жажда знанія, любовь къ знанію, вѣра въ его почти беспредѣльную мощь. Руководимый этимъ чувствомъ до ослѣпленія, г. Мечниковъ ссылается на выводъ Бокля, несмотря на то, что онъ явственно упраздненъ жизнью. Нарѣчіе «несмотря» здѣсь вполне уместно въ своемъ буквальномъ смыслѣ. Г. Мечниковъ именно не смотритъ, не видитъ тѣхъ, какъ выразился нѣкогда одинъ поэтъ, «кровавыхъ жизни незабудокъ», которыми закиданъ выводъ Бокля. Такъ настроенный, г. Мечниковъ видитъ, что цѣлая половина че-

ловѣческаго рода—женщины остаются болѣе или менѣе внѣ пути къ едино- спасающему знанію, и что, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя изъ нихъ тяготятся этимъ. Естественно, имъ надо помочь во что бы то ни стало. И г. Мечниковъ идетъ со знаменемъ науки на-проломъ, торопливо подбирая подходящіе и неподходящіе предметы, не всегда вслушиваясь въ возраженія, разрубая узлы тамъ, гдѣ ихъ можно развязать, и даже не вполне ясно сознавая, зачѣмъ онъ дѣлаетъ тотъ или другой шагъ. Все, все, все для нея—для науки! Все, даже то, чему сама наука призвана служить,—человѣческое счастье. Говорятъ, что женская природа становится поперекъ дороги. Очень просто: надо ее съ дороги убрать. И въ своей торопливости г. Мечниковъ отвѣтливаетъ глубокой поклонъ даже средневѣковымъ аскетамъ собственно за то, что они извращали до послѣдней степени всѣ природныя инстинкты. Нѣтъ такихъ природныхъ инстинктовъ, которые заслуживали бы названія «естественныхъ». Естественна только сила измѣнчивости, потому что только она можетъ удвоить персоналъ науки приобщеніемъ къ ней женской половины человѣческаго рода. Въ ожиданіи момента этого торжества науки, г. Мечниковъ то пробуетъ предложить хоть замедленіе вступленія въ бракъ, то доказываетъ, что такое замедленіе можетъ повести только къ печальнымъ послѣдствіямъ: самоубійцъ, психически больныхъ, развратниковъ ему, конечно, не нужно; ему нужны служители науки, столь же преданные своей богинѣ, какъ онъ самъ, столь же готовые заклать на ея алтарѣ все живое, чтò не имѣетъ знаніе непосредственною цѣлью. Таковъ личный, нравственный идеалъ г. Мечникова, и имъ же опредѣляется идеалъ общественный: вся организація общества должна быть приложена къ той же верховной цѣли—наростанію положительнаго знанія. Г. Мечниковъ касается пока только женскаго вопроса и лишь мелькомъ говоритъ о роли физическаго труда. Но общій характеръ тѣхъ рѣшеній разныхъ общественныхъ вопросовъ, которыя онъ предъявитъ, когда вздумаетъ заняться ими, легко себѣ представить. Онъ ничего не пожалѣетъ ради науки и не побоится санкціонировать какое бы то ни было уродство. Велика бѣда — уродство! Человѣкъ и теперь есть «обезьяній уродъ»; архивная старушка безъ рукъ, безъ ногъ живетъ — и ничего: владѣетъ умственными способностями, а чего-жъ человѣку больше нужно? Даже очень хорошо, что такая старушка на свѣтѣ есть и, можетъ быть, дай Богъ, чтобы побольше такихъ было, потому что ее можно изслѣдовать и результаты изслѣдованія опубликовать въ *Archiv für pathologische Anatomie*.

Такъ распоряжается человѣкъ науки въ нашемъ бѣдномъ субъективномъ мірѣ страстей и интересовъ жизни. Но этотъ міръ не такъ ужъ бѣденъ. Онъ можетъ постоять за себя. Онъ даже богатъ и, конечно, гораздо богаче отвлеченнаго міра науки, который есть, въ сущности, лишь кость отъ костей и плоть отъ плоти субъективнаго міра страстей и интересовъ жизни. И г. Мечниковымъ, и даже гётевскимъ Вагнеромъ руководятъ, въ концѣ-концовъ, или, пожалуй, въ началѣ-началѣ, страсти и интересы,—

страсть къ наукѣ, интересъ знанія. «Я знаю много, но хотѣлъ бы все узнать», — говоритъ Вагнеръ. Онъ страдаетъ, добиваясь истины, тщетно ища результатовъ изслѣдованія или опыта, и приходитъ въ восторгъ, когда достигаетъ цѣли. Этотъ субъективный міръ специальныхъ радостей и страданій до такой степени его захватываетъ, что на всѣ остальные радости и страданія онъ смотритъ съ глубочайшимъ, искреннѣйшимъ презрѣніемъ и съ готовностью все растоптать. Но они есть, эти другія страданія и радости, и въ совокупности своей представляютъ такое море, которое ужь, конечно, не умѣстится въ ретортахъ и колбахъ Вагнера.

Да не подумаетъ читатель, что я хочу какъ-нибудь умалить въ его глазахъ значеніе науки. Было бы не особенно трудно и даже довольно занимательно, въ противовѣсъ разсужденіямъ г. Мечникова, нарисовать картину бѣдствій, причиняемыхъ человѣчеству его умственнымъ развитіемъ. Руссо это сдѣлалъ въ прошломъ столѣтіи и увлекъ многіе умы и сердца, а теперь это сдѣлать легче, какъ видно уже изъ распространенія пессимистической философіи, этого послѣдняго результата вѣковаго умственного развитія. И кончить можно бы было предложеніемъ такъ направить силу измѣнчивости, чтобы навсегда прекратилась эта надѣлавшая человѣку столько бѣдъ и никогда вполнѣ неудовлетворяющая жажда знанія. Блаженство невѣдѣнія стѣбитъ блаженства отсутствія любви. Конечно, это былъ бы парадоксъ со многими изъянками и натяжками, но, вѣдь, ихъ не мало и у г. Мечникова. Я, однако, даже въ шутку не стану развивать этотъ парадоксъ. Я высоко чту науку, но думаю, что вычерпать море ретортой нельзя, и что именно люди, предпринимающіе этотъ подвигъ, умаляютъ, а не возвеличиваютъ значеніе науки.

О самой теоріи гармоническаго развитія потомъ.

Ник. Михайловскій.

Контора журнала „Русская Мысль“ (Москва, Леонтьевский переулокъ, 21) принимаетъ объявленія, для помѣщенія ихъ въ книгахъ журнала или разсылки ихъ при журналѣ, на слѣдующихъ условіяхъ:

1) За объявленіе, помѣщаемое въ началѣ книги и занимающее цѣлую страницу, взимается 50 руб., а въ концѣ книги 25 руб. Расчетъ производится за полную страницу, хотя бы объявленіе занимало мѣсто менѣе страницы.

2) Для помѣщенія объявленія въ извѣстной книгѣ, таковое должно быть доставлено не позже 5 числа того мѣсяца.

3) За каждую тысячу листовъ, прикладываемыхъ къ журналу объявленій, взимается съ каждой 1000 экз. за 1 лотъ вѣсу 8 руб., за 2 лота 10 руб., за 3 лота 13 руб., за 4 лота 16 руб. Въ виду почтовыхъ правилъ, листы эти не могутъ быть сброшюрованы между собой или вброшюровываться въ журналъ.

4) Объявленія помѣщаются въ журналѣ или прикладываются къ нему не иначе, какъ по доставленіи конторѣ журнала слѣдующей за это платы.

5) Доставившимъ объявленія для печатанія въ теченіе всего года дѣлается уступка.

Въ конторѣ журнала *Русская Мысль* имѣется небольшое количество годовыхъ экземпляровъ журнала за 1883, 1886, 1887 и 1888 гг. цѣна которымъ, съ пересылкою, слѣдующая: 1883 и 1886 г. за 1 экз. по 6 руб.; 1887 г. за 1 экз. 7 руб., 1888 г. за 1 экз. 8 р. Цѣна за всѣ означенные года вмѣстѣ 26 руб. съ пересылкою.

БИБЛЮГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Мартъ.

1892 года.

Содержаніе. I. Книжки: Беллетристика.— Философія.— Исторія литературы и біографія.— Этнографія.— Политическая экономія и статистика.— Юридическія книги.— Сельское хозяйство.— Технические книги.— Учебники и дѣтскія книги.— Календари. II. Периодическія изданія: „Русскій Вѣстникъ“, январь—февраль.— „Библиографическія Записки“, январь—февраль.— „Русскій Художественный Архивъ“, вып. 1.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

„Историческія повѣсти“ П. В. Безобразова.— „Волынь вѣка“. Ю. Е.— „Офорты“. Юлиъ Безродной.

Историческія повѣсти П. В. Безобразова. Изданіе въ пользу голодающихъ. Москва, 1892 г. Цѣна 1 руб. Въ книжкѣ помѣщены двѣ повѣсти: *Императоръ Михаилъ* и *Никита Педіасимъ*. Первая изъ нихъ была напечатана въ *Русской Мысли* за прошедшій годъ; обѣ повѣсти изображаютъ византійскую жизнь временъ давно минувшихъ. Несмотря на близость нашу къ Византіи съ первыхъ лѣтъ возникновенія Русскаго государства, — близость, имѣвшую слѣдствіемъ заимствованіе религіи, законодательства въ очень большой мѣрѣ и многихъ обычаевъ, державшихся крѣпко до реформъ Петра Великаго и отчасти пережившихъ всѣ реформы, — русское общество крайне мало знакомо съ исторіей Византіи и, можно сказать, совершенно незнакомо съ ея бытовою частью. Не найдется у насъ, кажется, ни одного человѣка, который не зналъ бы и не толковалъ бы такъ или иначе о Царѣ-градѣ и о св. Софіи; но очень немного людей, даже образованныхъ, имѣютъ, хотя бы приблизительное, представленіе о томъ, что тамъ дѣлалось, какъ шла жизнь въ столицѣ христіанства, сохранившей и передавшей намъ православіе. Авторъ разбираемой книги — большой знатокъ византійской исторіи и византійскаго быта. Его повѣсти въ яркихъ картинахъ передаютъ намъ какъ показную сторону, такъ и интимную жизнь города и двorca въ двѣ разныя, но мало отличныя одна отъ другой эпохи. Герой первой повѣсти, Михаилъ, прозванный по мѣсту рожденія Пафлагонецъ, въ исторіи (какъ ее преподають у насъ) занимаетъ очень ничтожное мѣсто. О немъ извѣстно, что онъ занялъ престолъ имперіи въ 1034 году, женившись на императрицѣ Зоѣ, дочери Константина VIII и вдовѣ Романа III Аргири, погибшаго насильственной смертью, жертвою дворцоваго заговора, въ которомъ участвовала его супруга, увлекшаяся красотой ничтожнаго чиновника Михаила. Новый императоръ царствовалъ недолго, сошелъ съ ума и кон-

чиль жизнь въ монастырѣ. Что же касается главнаго дѣйствующаго лица второй повѣсти, Никиты Педіасима, то мы не знаемъ даже, историческая эта личность или нѣтъ, что отнюдь не умаляетъ интереса рассказываемаго авторомъ романа, дѣйствие котораго происходитъ въ 775 г., въ царствованіе императора Константина Копронима, иконоборца, умершаго отъ чумы, опустошившей въ этотъ годъ Византію. Въ обѣихъ повѣстяхъ романическая, собственно, интрига проста, развитіе ея несложно и наивно даже, но отнюдь не по винѣ автора, не по недостатку фантазіи и вымысла, а потому, что такова была сама жизнь описываемаго времени. Отъ рассказовъ г. Безобразова вѣетъ настоящею правдою. Читатель чувствуетъ и сознаетъ, что все такъ и должно было происходить, и не могло быть иначе въ дѣйствительности. И это составляетъ главное достоинство названныхъ повѣстей, дающимъ характеръ переложенія сухихъ лѣтописей въ беллетристическую форму, дѣйствующую тѣмъ болѣе увлекательно, что все описываемое авторомъ для насъ совершенно ново и необычайно. Какъ значится въ заголовкѣ, вырученную отъ изданія сумму авторъ назначаетъ на помощь страдающимъ отъ неурожая.

Болѣзнь вѣка. Романъ Ю. Е. Варшава, 1892 г. Ц. 1 р. 50 коп. „Болѣзнь“ нашего вѣка заключается въ ослабленіи жизненной энергіи, такъ сказать—нравственной анеміи. Намъ могутъ возразить, что это симптомъ, а не сущность болѣзни. Все равно, мы спорить не будемъ и добавимъ только, что появленіе такихъ книгъ, какъ романъ г. Ю. Е., есть тоже своего рода симптомъ современнаго недуга, и, притомъ, далеко не ничтожный симптомъ, свидѣтельствующій о распространеніи „болѣзни“ и упадкѣ жизненной энергіи въ литературѣ. Въ прежніе годы для сочиненія романовъ была необходима „выдумка“, извѣстное напряженіе ума, творческихъ силъ, таланта писателя. Теперь, съ легкой руки фельетонныхъ борзописцевъ, „выдумка“ мало-по-малу упраздняется. На ея мѣсто выдвигаются такіе приемы писательства, при которыхъ не требуется ни ума, ни таланта, ни творчества, а нѣкоторая начитанность, средняя грамотность и большая развязность. Ни за сюжетами, ни за подробностями дѣло не станетъ: двѣ недѣли назадъ въ Одессѣ гимназистъ застрѣлилъ 17-ти лѣтнюю барышню и самъ застрѣлился, вотъ и готова повѣсть; за нѣсколько дней передъ этимъ умирающая отъ чахотки барыня застрѣлила своего мужа въ Сухумѣ,—готовъ романъ; послѣ одесскаго гимназиста казанскій юнкеръ ранилъ пулей въ голову мѣстную актрису,—садись и катай еще романъ, подробности легко получить изъ отчетовъ о судебныхъ разбирательствахъ. Такой упрощенный способъ сочинительства открытъ давно „литераторами“ подворотныхъ газетъ, практиковался и практикуется нѣкоторыми драматургами изъ „кустарей“, и не г-ну Ю. Е. принадлежитъ изобрѣтеніе такого якобы „документальнаго“ романа. Съ годъ назадъ, въ томъ же городѣ Варшавѣ, гдѣ отпечатано произведеніе г. Ю. Е., офицеръ Бартенева убилъ актрису Висновскую; тамъ же разбиралось это дѣло въ судѣ, комментировалось и обсуждалось на разные и иногда грязные лады въ газетахъ и въ обществѣ. Корнетъ Бартенева признанъ виновнымъ, приговоренъ къ тяжелому наказанію, потомъ помилованъ съ замѣною установленной закономъ кары сравнительно легкимъ исправительнымъ наказаніемъ. Слѣдствіемъ и судомъ выяснены были всѣ мельчайшія подробности этого прискорбнаго дѣла, установлены съ большою опредѣленностью характеристичныя прикосновенныя къ дѣлу лица; все это опубликовано и извѣстно публикѣ изъ самыхъ достовѣр-

ныхъ источниковъ, несомнѣнно и вполнѣ „документальныхъ“. Казалось бы, все покончено и должно быть въ архивъ сдано, какъ вдругъ какому-то г. Ю. Е. пришла въ голову „болѣзненная“ фантазія сдѣлаться романистомъ на счетъ двухъ несчастныхъ, бывшаго корнета Бартенева и артистки Висновской. Все сочинительство г. Ю. Е. сводится къ перемѣнѣ именъ дѣйствующихъ лицъ—Бартенева въ Игренева, Висновской въ Львинскую, и къ написанію, по старымъ шаблонамъ, нѣсколькихъ сценъ крайне сомнительной достовѣрности. Мы не можемъ сказать, что авторъ намѣренно стремился оправдать поступокъ офицера, что для этого онъ умышленно опозоривалъ артистку. Но дѣло въ томъ, что все рассказанное авторомъ есть невозможная и неопозительная смѣсь бывшаго въ дѣйствительности съ имъ самимъ измышленнымъ, а, быть можетъ, и почерпнутымъ изъ городскихъ сплетенъ. Въ дѣлѣ Бартенева, или Игренева, какъ оно изложено г. Ю. Е., нѣтъ никакихъ признаковъ „болѣзни вѣка“. Такіе же несчастные случаи возможны и бывала полѣвка и цѣлое столѣтіе назадъ, и во всѣ вѣка. „Нашъ нервный вѣкъ“ тутъ не причемъ. А вотъ появленіе въ литературѣ такихъ романовъ есть несомнѣнный признакъ, съ одной стороны, упадка творчества, съ другой—ослабленія нравственнаго чувства, пониманія того, что въ литературѣ пристойно и что недопустимо. Судя по тону, какимъ написанъ романъ г. Ю. Е., мы готовы вѣрить искренности и даже добрымъ намѣреніямъ автора. Но отъ того не легче ни Бартеневу, ни покойной Висновской, ни читающей публикѣ, ни всему обществу, ибо, по проторенному слѣду, въ мѣру своего разумнѣя дѣйствительныхъ событій, всякій грамотѣй можетъ, сознательно или безсознательно, такъ раздѣлать живыхъ и мертвыхъ подъ вымышленными именами, что оставшимся въ живыхъ не поздоровится и на памяти умершихъ останутся кучи грязи. При такомъ направленіи писательства совершенно исчезаетъ граница, отдѣляющая произведенія здоровой литературы отъ пасквилей, что отнюдь не можетъ быть терпимо въ нравственно здоровомъ обществѣ.

Офорты. Повѣсти, этюды, сказки. Юліи Безродной. Спб., 1892 г. Цѣна 1 р. 50 к. *Офортами* называются гравюры, для печатанія которыхъ мѣдныя доски протравливаются крѣпкою водкой (eau-forte). Никакихъ гравюръ въ книжкѣ г-жи Безродной нѣтъ, и сочиненія, въ ней помѣщенные, всего менѣе напоминаютъ собою тонкую и отчетливую работу гравера-офортиста, въ которой всякій невѣрный или расплывшійся штрихъ дѣлаетъ всю доску негодною. А вотъ, именно, такая-то расплывчатость и неясность—не только въ детальной отдѣлкѣ, но и въ контурахъ фигуръ—и составляетъ главный недостатокъ почти всѣхъ повѣстей, названныхъ писательницей *Офортами*. Происходить это не отъ того, чтобы авторъ былъ лишешъ таланта,—этого мы отнюдь сказать не можемъ: у г-жи Юліи Безродной талантъ есть,—но недостаетъ, а, можетъ быть, и совсѣмъ нѣтъ какъ разъ того, что безусловно необходимо офортисту и безъ чего нельзя стать даже самымъ посредственнымъ граверомъ. Нѣтъ у нея ни твердости руки, ни мягкости, ни способности отличать основныя и важныя черты отъ второстепенныхъ и совершенно ненужныхъ. А потому въ ея произведеніяхъ лишнее и несущественное часто выдвигается на несоотвѣтствующее мѣсто, занимаетъ передній планъ и заслоняетъ собою настоящую суть дѣла, изображеніе которой, при несоблюденіи надлежащихъ правилъ перспективы, оказывается неяснымъ, блѣднымъ, написаннымъ въ одной плоскости, подобно старымъ китайскимъ картинамъ. Все это наиболѣе

очевиднымъ представляется въ разсказѣ *Бабушка* и въ повѣстяхъ *Тихій омутъ* и *Руина*. Намѣренія автора и мысли, имъ высказываемыя, очень добрыя и честныя. Г-жа Безродная стремится вызвать въ читателѣ сочувствіе къ обездоленнымъ и несчастнымъ, угнетаемымъ дурными людьми и, по преимуществу, злыми родственниками. Но, вслѣдствіе указанныхъ нами неясности образовъ и неопредѣленности ихъ взаимныхъ положеній, впечатлѣніе отъ этихъ повѣствованій получается довольно смутное, что и мѣшаетъ читателю разобраться въ томъ, кто тутъ заслуживаетъ симпатіи и на чьей сторонѣ симпатіи самой повѣствовательницы. Ея „бабушка“ жалка, конечно, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, эта выжившая изъ ума старуха очень противна, болѣе того—она просто гадка. Ея родственники относятся къ ней не хорошо, за то и она платитъ имъ тѣмъ же по мѣрѣ своихъ силъ, и если бы дать ей волю, или на ея бы сторонѣ была сила, то отъ безумной „бабушки“, вѣроятно, никому бы житья не было. Ни въ самой старухѣ, ни въ окружающихъ ее лицахъ нѣтъ ничего типическаго, ни оригинальнаго, ни даже чего-либо ярко-опредѣленнаго. Все это—тѣни съ трафаретныхъ вырѣзокъ. Въ повѣсти *Тихій омутъ* молодой герой слишкомъ плохъ для того, чтобы привлечь къ себѣ симпатіи читателя, и настолько „благополученъ“, что ни въ чемъ сочувствіи не нуждается. Онъ, невѣдомо зачѣмъ, попадаетъ въ среду людей дикихъ, грубыхъ, необразованныхъ и претлично съ ними уживается, мирно сочиняетъ какую-то „кандидатскую диссертацію“. Настоящей героини, т.-е. центральной женской фигуры, совсѣмъ нѣтъ. Глухая деревенная дѣвица вызываетъ чувства не добрыя: она дѣлается любовницей мужа своей родной тетки, нисколько не любя его, а изъ-за того только, чтобы эти родственники не выгнали изъ дома ея большого брата. Притомъ, изъ повѣсти не видно, чтобы кто-нибудь имѣлъ намѣреніе его выгнать. Остальные, какъ уже мы сказали,—народы дикіе и невѣжественные, но въ нихъ опять—таки нѣтъ ни одной типической или оригинальной черточки, въ ихъ дѣяніяхъ нѣтъ ничего такого, что не было бы описываемо десятки и, можетъ быть, сотни разъ. *Руина* представляетъ собою такую путаницу, въ которой совсѣмъ нельзя разобраться. Центральное лицо, дряхлѣющій сановникъ, штатскій „генералъ“, при всей своей шаблонности, представляется весьма мало правдоподобнымъ. Его красавица-дочка, молодая дѣвушка, изнываетъ отъ любви къ неизвѣстному отсутствующему женатому господину и къ своему ребенку, котораго она каждый день, съ вѣдома отца-сановника, посѣщаетъ у акушерки. Барышня-мать собирается уѣхать къ женатому возлюбленному, о чемъ бесѣдуетъ съ родителемъ, какъ о дѣлѣ самомъ обыкновенномъ. Папаша не соглашается отпустить ее потому, что любить дочь и скучно будетъ безъ нея; а чтобы помѣшать ей уѣхать, онъ крадетъ у нея припасенныя ею на дорогу деньги. Съ этимъ одновременно у барышни умираетъ ребенокъ и болятъ зубы. Акушерка даетъ ей морфій класть на больной зубъ и рекомендуетъ „почаще выплевывать“. Удрученная печалью барышня забываетъ совѣтъ акушерки, „не выплевываетъ“ и такимъ образомъ неумышленно отравляется. Это пока первая половина повѣсти, вторая посвящена описанію того, какъ генералъ, послѣ смерти дочери, нѣсколько лѣтъ продолжаетъ дряхлѣть, въ концѣ-концовъ, выживаетъ изъ ума и умираетъ въ дрянномъ городишкѣ на пути за границу. Рассказывается все это необыкновенно подробно, длинно, мелочно и томительно-скучно, почти на 200 страницахъ. А въ чемъ тутъ существо дѣла, что хотѣла дать намъ уразумѣть писатель-

ница, — такъ и остается неизвѣстнымъ. Если бы у барышни не заболѣли зубы, все обошлось бы благополучно; она заплакала бы о ребенкѣ и уѣхала бы къ любимому человѣку. Тотъ и утѣшился бы, и—Богъ милостивъ—у нея родился бы другой ребеночекъ... Какъ жаль, что у барышни такъ не въ-время разболѣлись зубы!... А еще болѣе жаль, что г-жа Юлія Безродная столь непронизводительно тратитъ силы и свой, хотя не крупный, но несомнѣнный талантъ на писаніе сочиненій, недостаточно продуманныхъ, и пускаетъ ихъ въ свѣтъ совершенно недѣланнми, въ видѣ сыраго матеріала, изъ котораго можно бы было сдѣлать очень хорошенкые, небольшіе рассказы, вродѣ, напримѣръ, маленькой повѣсти *Столжновеніе*. Насколько г-жа Безродная невнимательно относится къ своимъ произведеніямъ, видно изъ такихъ промаховъ, какъ появленіе штатскаго генерала въ „расшитомъ мундирѣ“ у себя въ домѣ на званомъ вечерѣ, и еще изъ такихъ фразъ, напримѣръ: „Швейцарка поглядѣла на генерала такъ, какъ смотрѣли троянцы на данаевъ, дары несущихъ“. —....„галоши, которыя довѣрчивымъ видомъ своимъ являли привычку къ тротуарамъ и мостовымъ“... Всѣ эти ненужности и длинноты, и стилистическіе „выверты“ происходятъ отъ того, что г-жа Юлія Безродная, — какъ и многіе, впрочемъ, другіе писатели, — слишкомъ любовно относится къ каждой написанной ею фразѣ, ко всякой ничтожной мелочи, вышедшей изъ-подъ ея пера. Ей жаль вычеркивать, не хочется пожертвовать пустаковиной, въ которой тонетъ и пропадаетъ очень много хорошаго и симпатичнаго, честнаго и талантливаго, но не отдѣланнаго такъ, какъ слѣдуетъ отдѣлывать „офорты“.

Ф И Л О С О Ф И Я.

„Наука о мыслѣ“. *Макса Мюллера*.

Наука о мысли. Макса Мюллера. Переводъ В. В. Чуйко. Спб. Книга знаменитаго оксфордскаго профессора М. Мюллера написана, какъ онъ самъ сообщаетъ читателю, для него самого и для его друзей. Она представляетъ плодъ его переписки и разговоры съ нѣкоторыми изъ этихъ друзей, и одна часть ея состоитъ изъ передѣлки лекцій, прочитанныхъ профессоромъ еще въ 1873 году, а другія части заимствованы изъ статей: *О происхожденіи разума*; подобное происхожденіе, разумѣется, не могло не отразиться на свойствахъ работы Мюллера и придадъ ей извѣстный характеръ системности, часто безсвязности и, во всякомъ случаѣ, нѣкоторой дисгармоничности частей. Отверженное признаніе самимъ авторомъ этихъ недостатковъ его сочиненія совершенно обезоруживало бы критика, такъ что о книгѣ М. Мюллера можно бы было и совсѣмъ не говорить, признавъ ее просто неудачною попыткой великаго ученаго связать въ одно цѣлое то, что плохо связывается по существу, если бы не было другихъ соображеній, по которымъ говорить о книгѣ Мюллера и стѣдуетъ, и даже должно. Авторъ самъ признаетъ, что „взгляды, которые защищаются въ его книгѣ, идутъ въ разрѣзъ съ пассатнымъ вѣтромъ общественнаго мнѣнія“. И это дѣйствительно такъ; но при этомъ онъ довольно смѣло заявляетъ, что истина, все-таки, на сторонѣ этихъ взглядовъ, что „нѣкоторые изъ нихъ признаются современемъ за хорошо обоснованные, а другіе, во всякомъ случаѣ, могутъ требовать своего мѣста“ въ діалектическомъ процессѣ приобрѣтенія человѣчествомъ истины. По-

добныя смѣлыя заявленія всегда дѣйствуютъ, особенно когда они дѣлаются человѣкомъ съ такимъ крупнымъ именемъ въ наукѣ, какое приобрьлъ М. Мюллеръ. Поневоля приходится отнестись къ защищаемымъ имъ „истинамъ“ съ нѣкоторымъ вниманіемъ. Что же это за истины? Эпиграфомъ своего сочиненія М. Мюллеръ избралъ два изреченія: 1) нѣтъ разума безъ языка и 2) нѣтъ языка безъ разума. Если второе изъ этихъ положеній и представляетъ совершенно научнымъ путемъ установленный фактъ, то за то первое—или просто діалектическій фокусъ, или сразу вводитъ читателя въ заоблачную сферу метафизическихъ сущностей. Подумайте, въ самомъ дѣлѣ, что оно означаетъ. Оно, прежде всего, представляетъ отрицаніе существованія разума у животныхъ и генетической связи между животными и человѣкомъ, а также и вообще основныхъ принциповъ эволюціи. Такъ и понимаетъ это дѣло самъ М. Мюллеръ. Онъ признаетъ свою систему номинализмомъ или, вѣрнѣе сказать, номинизмомъ, т.-е. такую философскую системой, слѣдствіе которой состоитъ въ томъ, что „не существуетъ такихъ вещей, какъ интеллектъ, пониманіе, умъ и разумъ“. Это бы еще ничего, но послушайте далѣе: „все это суть различные виды языка“. Чѣмъ этотъ языкъ, этотъ корень и основа всѣхъ психическихъ явленій отдѣляется отъ любой метафизической сущности? М. Мюллеръ утверждаетъ, что онъ былъ дарвинистомъ до появленія сочиненія Дарвина, такъ какъ „ни одинъ, изучающій языкованіе, не можетъ не быть эволюционистомъ“. Но онъ, во всякомъ случаѣ, странный, чтобы не сказать болѣе, эволюционистъ,—странный по своему представленію о самомъ основномъ понятіи эволюціонистскихъ теорій, о естественномъ подборѣ. „Что такое естественный подборъ?—спрашиваетъ ученый профессоръ.—Если мы снимемъ съ него метафорическую маску, то найдемъ, что подборъ предполагаетъ *сужденіе и различеніе* (почему предполагать?), и поэтому *если не все есть случай* (т.-е. для М. Мюллера всякій законъ, при которомъ не предполагается абсолютнаго разума или абсолютной воли, есть просто случай; безъ ихъ присутствія М. Мюллеръ закона не понимаетъ), то естественный подборъ предполагаетъ нѣкоторый родъ разума“. Уже одна эта цитата достаточно ясно говоритъ о пониманіи М. Мюллеромъ тѣхъ вопросовъ, о которыхъ онъ беретъ писать. Можетъ быть, еще яснѣе говорить о непониманіи имъ характера истинно-научныхъ методовъ его требованіе, чтобы въ лабораторіи „было составлено органическое *живое* тѣло изъ мертвой и неорганической матеріи“, что будто бы необходимо для доказательства перехода отъ неорганическаго вещества къ органическому. Вѣдь, это все равно, что потребовать, чтобы химикъ создалъ... ну, хоть какое-нибудь изъ *Protogenes Naeskelii*. Вообще всѣ возраженія М. Мюллера противъ дарвинизма и противъ эволюционистовъ похожи скорѣе на старческое брюзжанье, чѣмъ на серьезныя научныя возраженія. Онъ отлично понимаетъ, что „если эволюція будетъ учить, что *все можетъ сдѣлаться всѣмъ*, то она будетъ отбирать одною рукой то, что дало другой, и уничтожить научный характеръ всѣхъ нашихъ (чьихъ?) изслѣдованій какъ въ царствѣ природы, такъ и въ царствѣ ума“, т.-е., говоря иными словами, уничтожить всѣ тѣ метафизическія сущности, которыя такъ дороги М. Мюллеру и его учителямъ въ философіи... *Inde ita...* М. Мюллеръ готовъ признать все, что угодно, даже эволюцію человѣка изъ монеры; но ему крайне нужно, абсолютно необходимо для его душевнаго спокойствія, чтобы эта монера была совсѣмъ особенная, спеціально человѣческая; онъ никакъ не можетъ помириться

съ мыслью о происхожденіи человѣка и другихъ приматовъ отъ одного общаго имъ предка. Потому, и только потому, онъ придерживается ученія объ отдѣльныхъ типахъ созданія или, какъ онъ выражается, о *широкихъ линияхъ*, т. е. ученія объ опредѣленныхъ стадіяхъ въ эволюціи какъ природы, такъ и ума. Это, несомнѣнно, мало похоже на эволюціонизмъ, такъ какъ признаніе подобныхъ „широкихъ линій“ находится въ прямомъ противорѣчій съ основнымъ принципомъ процесса эволюціи. Для М. Мюллера человѣкъ—существо совершенно обособленное въ этомъ процессѣ, совершенно отдѣльное отъ всѣхъ другихъ живыхъ существъ и отличающееся отъ нихъ разумомъ,—не извѣстною степенью развитія умственныхъ силъ, а разумомъ, совсѣмъ особымъ и по *качеству* отличнымъ отъ разума животныхъ.

Эта обособленность человѣка отъ всѣхъ другихъ животныхъ обусловливается, по мнѣнію М. Мюллера, его членораздѣльною рѣчью (напомнимъ встата, что М. Мюллеръ ярый врагъ теоріи о происхожденіи человѣческихъ языковъ отъ звукоподражательныхъ корней,—теоріи, правда, и другими учеными не признаваемой въ полномъ ея объемѣ, и которую онъ презрительно называетъ „этимологіей Wow-wow и Poch-poch“, хотя въ другомъ мѣствѣ своей книги онъ признаетъ возможность образованія изъ подражанія звукамъ нѣкотораго класса словъ). Онъ выкапываетъ изъ архивовъ старой философіи изреченіе Гоббса: *Homo animal rationale, quia orationale*. Для того времени, когда писалъ Гоббсъ, это изреченіе несомнѣнно имѣло извѣстную научную цѣнность, какъ имѣють ее всѣ классификаціи, построенныя на такомъ-либо одномъ выдающемся или, вѣрнѣе сказать, бросающемся въ глаза признакѣ. Но что бы вы сказали о современномъ философѣ, который вздумалъ бы строить свои положенія на такомъ, напримѣръ, фактѣ: извѣстно, что обезьяны очень любятъ по ночамъ грѣться у случайно оставленнаго дикарями костра, но при этомъ не обладаютъ разумомъ или соображеніемъ настолько, чтобы поддерживать огонь, хотя валежнику много и онѣ обладаютъ физическими органами, необходимыми для его собиранія и подбрасыванія въ костеръ? А, вѣдь, этотъ философъ могъ бы, пожалуй, признать такое положеніе: *Homo animal rationale, quia онъ умѣетъ подбрасывать въ костеръ дрова*. И правда, подобное положеніе съ точки зрѣнія научной методологіи и съ точки зрѣнія просто здраваго смысла столь же оправдываемо, какъ и положеніе Гоббса. Подобныхъ положеній можно построить очень много, но что же это за философская система, которая строится на такихъ основаніяхъ? Именно подобную философію и предлагаетъ своему читателю М. Мюллеръ, утверждая, что „наука о мысли относится къ наукѣ о языкѣ такъ же, какъ біологія относится къ анатоміи. Она показываетъ намъ *цѣль* органа, его функціи, его жизнь. Въ дѣйствительности какъ та, такъ и другая составляютъ одно“.

М. Мюллеръ значительную часть своей книги посвятилъ полемикѣ противъ дарвинизма, а другую, не менѣе значительную, посвящаетъ изложенію ученія Банта объ основныхъ формахъ чувственной интуиціи и о категоріяхъ пониманія. Трудно понять, зачѣмъ ему понадобилось говорить о томъ, что извѣстно всѣмъ изъ учебниковъ философіи. Вѣроятно, онъ просто припомнилъ то счастливое время, когда онъ былъ студентомъ,—старика всегда любятъ припоминать такое время,—слушалъ лекціи Вейса и Шеллинга и бесѣдовалъ съ Шопенгауеромъ. Иначе, право, и объяснить этого нечѣмъ, потому что замѣчанія самого Мюллера о возраженіяхъ Милля, съ одной стороны, и Спенсера, съ дру-

гой, отличаются общезвѣстностью и, если позволительно такъ выразиться о замѣчательномъ ученомъ, избитостью и поверхностностью.

Такимъ образомъ, большая часть обширнаго трактата М. Мюллера посвящена обсужденію давно сданныхъ въ философскій архивъ вопросовъ и только незначительная ея часть той области изслѣдованія, въ которой онъ, такъ сказать, дома, т. е. изслѣдованіямъ филологическимъ, эволюціи самого языка. Въ эту область мы не послѣдуемъ за почтеннымъ ученымъ, такъ какъ въ этой части своего сочиненія онъ не говоритъ ничего, что не было бы извѣстно изъ его прежнихъ изслѣдованій. Исчерпать содержание толстаго тома, да притомъ еще имѣющаго отчасти полемическій характеръ, въ небольшой замѣткѣ дѣло невозможное и потому мы въ заключеніе только скажемъ, что въ сочиненіи М. Мюллера, которое онъ такъ смѣло называетъ *Наукой о мысли*, мы не видимъ никакой науки о мысли, да и вообще въ немъ очень мало научнаго, но за то очень много полемическаго задора, совсѣмъ, казалось бы, неподобающаго для серьезнаго изслѣдователя истины, и еще больше чисто-старческаго ворчанья на новыя и здоровыя теченія мысли. Намъ кажется, что переводчикъ совершенно напрасно затратилъ такъ много времени и труда на свою работу, тѣмъ болѣе, что въ европейской философской литературѣ найдется не мало сочиненій, ознакомленіе съ которыми было бы совсѣмъ не лишнимъ для русскихъ читателей. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, переводить любое изъ сочиненій знаменитаго писателя только потому, что онъ знаменитъ. М. Мюллеръ замѣчательный ученый въ области филологіи и мнѳологіи—хотя слѣдуетъ при этомъ припомнить, что и въ этихъ двухъ научныхъ дисциплинахъ его общіе взгляды теперь подвергаются серьезной критикѣ—но это, понятно, не означаетъ, чтобы его философскія работы заслуживали перевода.

Переводъ г. Чуйко можно было бы признать удовлетворительнымъ, если бы онъ болѣе внимательно отнесся къ своей работѣ. Очень ужъ много встрѣчается въ его переводѣ такихъ словечекъ, какъ „каркасъ лошади“ или такихъ неудобочитаемыхъ фразъ, какъ, наприм.: „ни одну старую рукопись не такъ трудно детешифривать“ (?), или: „точка, съ которой мы узнаемъ во всѣхъ самосознающихъ Мона, великаго Оно, сознающаго всѣхъ Мона“.

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И БИОГРАФІИ.

„Литература и жизнь“. Н. К. Михайловскаго.—„Материалы для биографіи Гоголя“. В. И. Шенрока.—„Лепта Бѣлизнаго въ пользу голодающихъ“.—„Всеобщая исторія литературы“. Проф. Курничикова.—„Henrik Ibsen“, par Charles Sarolea.

Литература и жизнь. Письма о разныхъ разностяхъ. Н. К. Михайловскаго. Спб., 1892 г. Ц. 1 р. Подъ такимъ заглавіемъ вышелъ сборникъ статей г. Михайловскаго, печатавшихся въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* и *Русской Мысли* (одинъ фельетонъ появился первоначально въ *Волжскомъ Вѣстникѣ*). Книга полна живаго и многообразнаго интереса. Н. К. Михайловскимъ посвящено не мало блестящихъ страницъ памяти Елисеѣва, Шелгунова, Некрасова, сочиненіямъ Толстаго, Додэ, Бурже и т. п. Въ виду разнородности содержанія статей Н. К. Михайловскаго, мы ограничимся лишь указаніемъ на то, что въ статьяхъ этихъ мы замѣчаемъ всѣ общія достоинства писателя, который является въ настоящее время самымъ талантливымъ нашимъ

критикомъ-публицистомъ. Стоитъ книга очень дешево: 1 рубль за 394 страницы убористой печати.

Материалы для біографіи Гоголя. В. И. Шенрока. Томъ первый. М., 1892 г. Ц. 2 р. Трудъ г. Шенрока будетъ составлять три тома. Онъ заключаетъ въ себѣ добросовѣстную и тщательную сводку и переработку прежнихъ статей автора. Вышедшая теперь часть доведена до 1832 г. Ей предшествуетъ краткій, но обстоятельный обзоръ литературы о Гоголѣ. Г. Шенрокъ говоритъ, что счелъ бы себя вполне счастливымъ, еслибъ ему удалось въ извѣстной степени способствовать своею работою дальнѣйшему возрастанію интереса къ жизни и перепискѣ великаго писателя. Эта цѣль, конечно, достигается почтеннымъ составителемъ основаній, по крайней мѣрѣ, для достойной Гоголя его біографіи. Авторъ заботливо разыскиваетъ и подвергаетъ критическому разбору материалы для оцѣнки личнаго характера и литературной дѣятельности творца *Мертвыхъ душъ*. Образъ Гоголя постепенно вырисовывается изъ массы тѣхъ данныхъ и писемъ, которыя собралъ и сопоставилъ г. Шенрокъ. Отмѣчая первую часть этого почтеннаго труда, мы вернемся къ ней по выходу втораго тома. Минудо уже сорокъ лѣтъ со дня кончины Гоголя, промчатся еще десять лѣтъ, и его сочиненія станутъ общимъ достояніемъ. Благодаря изысканіямъ Н. С. Тихонравова, А. Н. Пыпина и другихъ лицъ, благодаря работѣ такихъ добросовѣстныхъ изслѣдователей, какъ г. Шенрокъ, мы скоро въ состояніи будемъ сказать, что достаточно знаемъ жизнь Гоголя, что можемъ отчетливо понимать ростъ и смѣны его душевныхъ настроеній, смыслъ и значеніе его художественныхъ произведеній. Пора поставить и памятникъ этому великому писателю. Общество любителей россійской словесности собрало уже 50,000 руб.; съ такими деньгами можно и приступить къ дѣлу.

Лепта Бѣлинскаго въ пользу голодающихъ. Москва, 1892 г. Ц. 30 к. Изъ людей, близкихъ великому русскому критику и хорошо знавшихъ его интимную, семейную жизнь, остается въ живыхъ только его свояченица, Аграфена Васильевна Орлова, 70-лѣтняя старушка, живущая на о. Корфу въ домѣ родной дочери Виссаріона Григорьевича, Ольги Виссаріоновны, супруги г. Бензи, прокурора судебной палаты Корфу. Лежащій передъ нами сборникъ весь посвященъ воспоминаніямъ о Бѣлинскомъ, отчасти записанныхъ Г. А. Джаншіевымъ со словъ А. В. Орловой, отчасти написанныхъ самою почтенною старушкой. Кромѣ того, въ книжкѣ помѣщены два письма самого Бѣлинскаго (съ фототипными снимками съ нихъ) къ Марьѣ Васильевнѣ Орловѣ ѣздившей впоследствии его супругой, и къ Николаю Семеновичу Уливановскому. Въ приложеніи напечатаны письма къ Бѣлинскому Ив. С. Тургенева и В. П. Боткина и три стихотворенія В. И. Красова, о которыхъ упоминается въ разсказѣ г-жи Орловой. На вопросъ г. Джаншіева, не сохранилось ли у Аграфены Васильевны какихъ-нибудь писемъ Бѣлинскаго, она отвѣтила, „что у нея были письма, писанныя Бѣлинскимъ, когда онъ былъ еще женихомъ (ея сестры), но ихъ взялъ Кетчеръ, и такъ они и пропали“. Въ своихъ *Воспоминаніяхъ* г-жа Орлова говоритъ, что Марья Васильевна нѣсколько разъ требовала возвращенія писемъ, но отъ Кетчера не получила даже отвѣта. Прискорбно въ высшей степени, если на самомъ дѣлѣ эти крайне любопытныя письма „такъ и пропали“. Сообщаемое сборникомъ прибавляетъ немного къ тому, что общезвѣстно о Бѣлинскомъ; но это немного весьма цѣнно потому, что передается очевидцемъ, г-жею Орловой, проведеншею четыре послѣдніе года жизни Виссаріона Григорьевича въ его домѣ и присут-

ствовавшей при его кончинѣ, рассказъ о которой составляетъ одну изъ самыхъ яркихъ страницъ *Воспоминаній*. Этими рассказами исправляются также нѣкоторыя ошибки и неточности, вкравшіяся въ біографіи и характеристики покойнаго. Тяжелымъ и горькимъ укоромъ друзьямъ и почитателямъ Вѣлинскаго звучатъ заключительныя слова *Воспоминаній*... Весь валовой сборъ отъ продажи сборника, изданнаго въ количествѣ 2,400 экз., назначается на помощь бѣдствующему народу, тому застигнутому несчастіемъ „меньшому брату“, котораго при жизни горячо любилъ Вѣлинскій и которому въ годину бѣды изъ-за могилы шлетъ свою „лепту“ руками близкихъ людей, свято чтущихъ свѣтлую о немъ память.

Всеобщая исторія литературы, подъ редакціей проф. А. Кирпичникова. Выпускъ XXVI. Спб., 1891 г. *Всеобщая исторія литературы*, выходящая подъ редакціей проф. Кирпичникова, — издание чрезвычайно почтенное и полезное, но оно, безъ сомнѣнія, было бы и гораздо лучше, и гораздо полезнѣе, если бы редакторъ не помѣшалъ въ немъ своимъ собственнымъ работамъ. Нашему журналу уже приходилось указывать на полную неудовлетворительность статей г. Кирпичникова, помѣщенныхъ въ XX и XXI выпускахъ *Всеобщей исторіи литературы*; нашъ отчетъ объ *Очеркѣ исторіи литературы XIX столѣтія*, часть котораго составляетъ содержаніе XXVI выпуска, мы вынуждены начать общимъ замѣчаніемъ, что и это новое произведеніе г. Кирпичникова представляетъ только лишнее свидѣтельство его безцеремоннаго отношенія къ читателямъ. Собственно говоря, никакой *исторіи литературы* въ *Очеркѣ* нѣтъ. Не пытаясь слѣдить за смѣною литературныхъ теченій и школъ, г. Кирпичниковъ просто составилъ рядъ біографій вѣрнѣе, — послужныхъ списковъ литературныхъ дѣятелей съ болѣе или менѣе подробнымъ реэстромъ ихъ сочиненій. Выяснить литературную фізіономію писателя, вдаваться въ оцѣнку его значенія г. Кирпичниковъ не находитъ нужнымъ и овлаживаетъ эту честь только талантамъ первой величины, вродѣ Байрона или Вальтеръ-Скотта. Андре Шенье, напримѣръ, очевидно, слишкомъ мелкая сошка для г. Кирпичникова и онъ отдѣляется отъ него нѣсколькими небрежно-брошенными фразами. Приведа его формуляръ (родился тогда-то, воспитывался тамъ-то, ѣздилъ туда-то и т. д.), г. Кирпичниковъ замѣчаетъ: „Онъ (Андре Шенье), какъ и Буало, исходитъ изъ изученія древнихъ, отъ нихъ унаслѣдовалъ Шенье силу и изящество стиха и энергію образовъ; но его лирическія произведенія, въ которыхъ классицизмъ переходитъ въ реализмъ и въ которыхъ сбиты всѣ границы между высокимъ и низкимъ слогомъ, и оды послѣдователей Буало — полная противоположность другъ другу. Для всѣхъ стало ясно, что или Буало, или Шенье не понимаютъ древнихъ; долго колебались между ними не было возможности, и съ тѣхъ поръ (?) стали рѣзко отличать ложный классицизмъ отъ истиннаго“ (стр. 563). И это *все*. Краткость тѣмъ болѣе поразительная, что г. Кирпичниковъ нашелъ возможнымъ отвести Жозефу Шенье никакъ не менѣе мѣста, чѣмъ его знаменитому брату; въ этомъ, конечно, сказался и историко-литературный тактъ нашего автора.

Мы не намѣрены представлять здѣсь подробный разборъ *Очерка* г. Кирпичникова, да онъ его, по правдѣ сказать, и не заслуживаетъ; весь онъ написанъ съ плеча и съ полнымъ отсутствіемъ вниманія; г. Кирпичниковъ, повидимому, даже не далъ себѣ труда познакомиться, какъ слѣдуетъ, съ самыми общеизвѣстными и доступными сочиненіями,

относящимся къ его предмету. Въ самомъ дѣлѣ, достаточно было просмотрѣть хотя небольшую книжечку Сореля о 3-й Сталь, для того, чтобы представить болѣе толковое изложеніе Коринны и не ограничиваться простымъ упоминаніемъ о *Considerations sur la révolution française*. Мы остановимся только еще на одной сторонѣ дѣла.

Такое изданіе, какъ *Всеобщая исторія литературы*, представляя изложеніе главныхъ явленій всемірной литературы, должно служить, въ то же время, и пособіемъ для справокъ. *Очеркъ* г. Кирпичникова едва ли отвѣчаетъ и этому непритязательному требованію. Библиографическія указанія очень неполны и совершенно случайны. Среди пособій по исторіи французской литературы почему-то не упомянуты ни извѣстный курсъ П. Альбера, ни прекрасные очерки Пеллессье, не говоря уже объ отдѣльныхъ монографіяхъ. Почему-то также нигдѣ не отмѣчена *Geschichte der neuern Litteratur* Ад. Штерна, хотя, судя по нѣкоторымъ мѣстамъ текста, книга Штерна оказала несомнѣнное вліаніе на изложеніе г. Кирпичникова. Въ началѣ II главы, посвященной англійской литературѣ, сказано, что „пособія будутъ указаны при отдѣльныхъ писателяхъ“, но, отыскивая ихъ подъ строкой, читатель встрѣчаетъ по болѣе части только русскую библиографію, составленную, дѣйствительно, довольно подробно; иностранная же до того скудна, что ни о Вальтеръ-Скоттѣ, ни о Шелли, ни о Т. Мурѣ не упомянуто ни одного сочиненія. Неужели даже такія книги, какъ, наприм., книга Даудена о Шелли, по мнѣнію г. Кирпичникова, не заслуживаютъ вниманія?

Хронологическія даты также могли бы быть представлены съ болѣею тщательностью: годъ рожденія одного изъ предковъ Байрона *Безбожною морда* показанъ 1727 г., вмѣсто 1722 г., а годъ рожденія отца поэта 1755, вмѣсто 1751. Это, конечно, все мелочи, но онѣ характеризуютъ отношеніе г. Кирпичникова къ дѣлу.

Henrik Ibsen. Etude sur sa vie et son oeuvre, par Charles Sarolea, Avec un portrait d'Ibsen. Paris. Интересъ къ Генрику Ибсену и его драмамъ у насъ увеличивается. Его произведенія и въ особенности „соціалныя комедіи“, переведены чуть ли не на всѣ европейскіе языки, выдерживаютъ по нѣскольку изданій и даже проклинаются себѣ, — правда, пока довольно еще медленно, — путь къ лучшимъ театральнымъ сценамъ. Параллельно съ этимъ растутъ и литература объ Ибсенѣ; рядомъ съ переводами критическихъ работъ о немъ норвежскихъ, шведскихъ и датскихъ писателей (Брандеса, Йегера, Вазенуса и др.) одна за другою появляются и оригинальныя работы нѣмецкихъ, французскихъ и англійскихъ (Gosse) авторовъ. Въ послѣднее время ибсеновская литература обогатилась новымъ этюдомъ молодого французскаго критика, имя котораго выписано въ заголовкѣ настоящей замятки. Книжка не представляетъ ничего самостоятельнаго, не отличается особенною глубиной, но даетъ очень недурно и живо составленную компиляцію и можетъ послужить хорошимъ пособіемъ при ознакомленіи съ Ибсеномъ и его театромъ.

Первая глава этюда посвящена довольно поверхностно написанной біографіи и характеристикѣ знаменитаго норвежца и его любопытной манерѣ работать, похожей на священнодѣйствіе. Въ слѣдующей главѣ авторъ слѣдитъ за развитіемъ ибсеновскаго творчества, за преемственною связью между отдѣльными его стадіями и, главнымъ образомъ, за идейнымъ содержаніемъ его произведеній и подчеркиваетъ основную, надъ всѣмъ доминирующую мысль о долгѣ человѣка, какъ существа свободнаго, и объ его эмансипаціи изъ-подъ ига общества и обще-

ственного мнѣнія. Ибсенъ, — говоритъ Sagolea, — *Карлейль драмы*. Врядъ ли можно указать во всей исторіи литературы другую, столь поразительную аналогію, другое, столь полное совпаденіе и авторскихъ личностей, и ихъ взглядовъ, какъ тѣ, которые имѣютъ мѣсто относительно Ибсена и Карлейля. И тотъ, и другой — ипохондрики, бѣгущіе людей, ненавистники общества и своей эпохи; и тотъ, и другой исповѣдуютъ культъ героевъ и абсолютнаго индивидуализма; и тотъ, и другой съ чрезвычайною силой подчеркиваютъ роль личности въ исторіи; и тотъ, и другой — прежде всего, проповѣдники нравственной истины, моралисты, и только потомъ уже — поэты и историки. Подобно автору Sartor Resartus'a, поэтъ „Бранда“ — мономанъ идеи долга, который представляется ему въ самой суровой, ригористической своей формѣ, какъ непреложный, категорическій императивъ. Въ этой идеѣ — исходная точка всего ибсеновскаго творчества, альфа и омега всего идейнаго содержанія его драмъ, которое, по мнѣнію нашего критика, разбивается на три части, соотвѣтствующія тѣсно связаннымъ между собою тремъ періодамъ литературной дѣятельности драматурга. Первый старается дать отвѣтъ на вопросъ: что представляетъ собою современная личность сравнительно съ могучими индивидуальностями прошлаго (историко-романтическія драмы — *Катиллина*, *Походъ викинговъ*, *Претенденты* и др.); второй даетъ отвѣтъ на вопросъ: что такое религія и идеаль (лирико-драматическая трилогія: *Комедія любви*, *Брандъ* и *Пэръ Гинтъ*); наконецъ, третій и самый плодотворный, наиболѣе характерный для Ибсена періодъ его творчества отвѣчаетъ на вопросъ: что такое любовь, бракъ, наслѣдственность (соціальные комедіи: *Союзъ юношей*, *Устомъ общества*, *Нора*, *Призраки*, *Вразъ общества* (въ русскомъ переводѣ эта пьеса названа по имени главнаго героя *Докторъ Штокманъ*), *Дикая утка*, *Росмерсгольмъ*, *Жена моря* (въ рус. пер. — *Элида*) и *Гедда Габлеръ*). Каждому періоду французскій критикъ посвящаетъ по особому параграфу и старается отмѣтить тѣ вліянія, какими въ большей или меньшей мѣрѣ обусловливался характеръ ибсеновскаго творчества въ данный періодъ.

Въ слѣдующихъ главахъ критикъ выясняетъ взгляды Ибсена на искусство, соціальный строй и на мораль, причемъ болѣе полное воплощеніе послѣднихъ видитъ въ рѣчахъ доктора Штокмана, „этого, по словамъ Sagolea, псевдонима самого Ибсена“. „Всѣ источники нашей моральной и интеллектуальной жизни, — говоритъ драматургъ устами Штокмана, — отравлены, все наше общество построено на лжи... И самая страшная ложь заключается въ томъ, будто большинство обладаетъ истиною — напротивъ, большинство всегда заблуждается; право меньшинство, — оно беретъ подъ свою защиту и борется за тѣ истины, которыя слишкомъ еще новы, чтобы ихъ признало большинство, оно составляетъ истинное зерно народа“. И необходимо бороться съ этимъ большинствомъ, хотя-бы пришлось въ борьбѣ очутиться одиновимъ; не въ единеніи сила, а въ одиночествѣ, — „самый сильный человѣкъ тотъ, кто олиннокъ“. Только въ борьбѣ за идею, за идеаль осуществляется полное раскрытіе всѣхъ человѣческихъ способностей, только она одна, только самоотреченіе, страданія и жертвы цѣнны въ глазахъ Ибсена. И не столько важно достиженіе идеала, сколько самый процессъ достиженія, не столько важенъ результатъ борьбы, сколько она сама. „Я люблю, — говоритъ Ибсенъ, — въ свободѣ одно — борьбу за нее; она сама меня не интересуетъ“. До такихъ парадоксовъ доходитъ этотъ

поклонныхъ struggle for truth, какъ называется Ибсена Sarolea, пародируя модную теперь кличку struggle for life'era.

Заключительная глава этюда посвящена норвежской средѣ и тому вліянію, какое она должна была оказать на Ибсена; въ ибсеновскомъ гевнѣ, по словамъ критика, много типично-норвежскихъ чертъ, и даже тамъ, гдѣ онъ нападаетъ на норвежскія особенности, онъ остается норвежцемъ по духу.

Подводя итоги своей работѣ, Sarolea приходитъ къ тому выводу, что „Ибсенъ представляетъ собою самую выдающуюся фигуру въ современной литературѣ, и время, которое разобьетъ столько пользующихся теперь всеобщимъ уваженіемъ кумировъ, поставитъ Ибсена на высочій пьедесталъ“.

Э Т Н О Г Р А Ф И Я.

„Сибирскіе инородцы, ихъ бытъ и современное положеніе“. Н. М. Ядринцова.

Сибирскіе инородцы, ихъ бытъ и современное положеніе. Н. М. Ядринцова. Спб., 1891 г. Изд. И. М. Сибирякова. Авторъ задался цѣлью познакомить читающую публику съ современнымъ бытовымъ и экономическимъ положеніемъ инородцевъ, населяющихъ Сибирь, указать на причины ихъ быстрого, прогрессивнаго вымирания и на мѣры, которыя, по его мнѣнію, должны быть приняты для прекращенія этого печальнаго соціальнаго явленія. Первые страницы этого труда посвящены классификаціи сибирскихъ инородческихъ племенъ, причѣмъ авторъ останавливается на трехъ наиболѣе извѣстныхъ классификаціяхъ: Деникера (антропологическая), Фр. Мюллера (лингвистическая) и Оск. Пешеля (этнографическая). Въ слѣдующихъ главахъ идетъ довольно подробное изложеніе современнаго положенія инородцевъ: татаръ, вогуловъ, остяковъ, самоѣдовъ, калмыковъ и др. На основаніи точныхъ цифровыхъ данныхъ, авторъ констатируетъ фактъ почти полнаго экономическаго разоренія этихъ племенъ. Большинство изъ нихъ едва влечитъ свое жалкое существованіе и многія изъ тѣхъ племенъ, которыя въ прошломъ и въ началѣ нынѣшняго столѣтія отличались значительною матеріальною обеспеченностью, теперь находятся въ состояніи крайняго экономическаго упадка. Главная причина столь печальнаго экономическаго положенія инородцевъ, по мнѣнію автора, заключается въ эксплуатаціи туземныхъ племенъ со стороны русскаго населенія. Благодаря умственной неразвитости инородца и его простодушной, дѣтски-наивной довѣрчивости, благодаря гражданской его необезпеченности, эксплуатація эта практикуется въ самыхъ безцеремонныхъ, хищническихъ формахъ и приняла за послѣднее время поистинѣ ужасающіе размѣры. Арендваніе за какіе-нибудь жалкіе гроши, а иногда и прямо грубый, наглый захватъ принадлежащихъ инородцамъ богатыхъ рыболовныхъ и звѣроловныхъ угодій и земельныхъ участковъ, цѣлая масса злоупотребленій при сборѣ податей, система кредита на такихъ условіяхъ, что инородецъ, разъ попавши въ качествѣ должника въ руки русскаго промышленника, уже не выходитъ изъ долговъ, почти поголовное спиваніе инородцевъ при совершеніи съ ними различныхъ коммерческихъ сдѣлокъ, съ цѣлью сдѣлать ихъ податливѣе, уступчивѣе,—все это самымъ откровеннымъ образомъ продѣлывается представителями высшей, культурной расы, которые, вмѣсто того, чтобы вносить въ невѣжественную массу ино-

родческого населенія истинный свѣтъ умственнаго и нравственнаго прогресса, только деморализируютъ его въ нравственномъ отношеніи и самымъ наглымъ образомъ обираютъ въ экономическомъ. Переходя затѣмъ къ вопросу о томъ быстромъ вымирании инородцевъ, которое подтверждаютъ рѣшительно всѣ изслѣдователи сибирской жизни, авторъ причинами его считаетъ „ухудшеніе быта, обѣднѣніе инородцевъ съ лишеніемъ прежнихъ угодій, оскуднѣніе промысловъ рядомъ съ расширеніемъ потребностей, какъ послѣдствія сближенія съ народами культурными“, — словомъ, экономическое разстройство и обусловленные этимъ разстройствомъ и отчасти низкимъ уровнемъ умственнаго развитія инородцевъ антигигіеническія и антисанитарныя условія ихъ жизни. При этомъ авторъ совершенно справедливо вооружается противъ того имѣющаго представителей, къ сожалѣнію, даже среди ученыхъ, взгляда, что сибирскіе инородцы, по самому складу своего ума и характера, по своей физической организаціи, представляютъ расу, не способную ни къ воспринятію высшей общечеловѣческой культуры, ни къ болѣе или менѣе успѣшной борьбѣ съ климатическими и физическими условіями своего существованія и вслѣдствіе этого неизбежно фатально обреченную на гибель, вымирание и на очищеніе мѣста для другой, болѣе здоровой и сильной, болѣе культурной расы, а потому и всѣ мѣры, какія только можно предпринять для прекращенія этого вымирания, будутъ неэффективны и совершенно бесполезны. Авторъ старается доказать, что этотъ взглядъ не только жестокъ и антисоціаленъ, но что онъ, сверхъ того, и не наученъ, такъ какъ за существованіе у сибирскихъ инородцевъ способности къ цивилизаціи и прогрессу говоритъ цѣлая масса фактовъ изъ прошлаго и настоящаго инородческой жизни. Уже не говоря о томъ, что еще до завоеванія Сибири русскими среди инородцевъ были начатки земледѣлія и промышленности, въ настоящее время многіе изъ туземцевъ, живущихъ по сосѣдству съ русскими деревнями, перешли на совершенно осѣдлый образъ жизни и ничѣмъ не отличаются отъ нашихъ крестьянъ. „Наконецъ, спрашиваетъ авторъ, съ антропологической точки зрѣнія можно ли приравнивать къ племенамъ, осужденнымъ на вымирание, *расы переходныя*, весьма близкія къ арійскому и кавказскому племени, — близкія до того, что мы съ трудомъ иногда подмѣчаемъ переходныя ступени? Такою расой является желтая монголоидная раса, а затѣмъ саянскія, финскія и тюркскія племена, представители которыхъ и населяютъ собственно Сибирь“. Остановливаясь, въ концѣ-концовъ, на вопросѣ о важности и необходимости образованія и просвѣщенія инородцевъ и подводя итоги тому, что сдѣлано въ этомъ направленіи русскими, авторъ съ сожалѣніемъ говоритъ, что со стороны русской народности, которая такъ беззащитно наживается на счетъ туземныхъ племенъ, почти ничего не сдѣлано для инородческаго образованія и пробужденія инородческаго ума. „Ни системы инородческихъ школъ, ни ихъ характеръ и задачи воспитанія не разрабатывались въ Сибири“. Существующихъ школъ такъ мало, да и самое преподаваніе въ нихъ поставлено такъ неумѣло, такъ беспорядочно, что онѣ даютъ только какіе-то жалкіе обрывки знаній. А, между тѣмъ, какъ показываютъ оффиціальныя изслѣдованія школьнаго дѣла въ Сибири, среди инородческаго населенія нельзя отрицать ни охоты, ни способностей къ образованію. А потому система самаго широкаго народнаго образованія, преподаваніе въ школахъ на туземныхъ языкахъ, свободный доступъ дѣтямъ инородцевъ въ среднія и высшія учебныя заве-

денія, освобожденіе бѣдствующихъ инородческихъ племенъ отъ эксплуатаціи ихъ русскимъ населеніемъ, реформа въ сферѣ административнаго управленія и самоуправленія инородцевъ, распространеніе на нихъ полной гражданской равноправности, — вотъ въ общихъ чертахъ мѣры, которыя, по мнѣнію автора, могутъ внести поистинѣ цивилизующее нравственное вліяніе въ среду инородческаго населенія, просвѣтитъ и снабдятъ его лучшими духовными и матеріальными благами и уничтожить многія ненормальныя явленія въ сферѣ экономическихъ и нравственныхъ отношеній русскаго и туземнаго населенія. Таково въ общихъ чертахъ содержаніе этой интересной книжки, представляющей серьезное, добросовѣстное научное изслѣдованіе современнаго быта сибирскихъ инородцевъ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ И СТАТИСТИКА.

„Нужда и голодъ“. А. А. Исаева. — Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Тверской губ. —

Въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая. Лекціи въ Императорскомъ Александровскомъ лицѣѣ. „Неурожай и голодъ“. А. А. Исаева. Среди многочисленныхъ публичныхъ лекцій въ пользу голодающихъ лекція проф. Исаева пріобрѣтаетъ особый интересъ и важность. Интересъ этотъ обуславливается какъ самою темой лекціи, такъ и тою глубокою прочувствованностью, съ которой авторъ относится къ этому жгучему вопросу нашей текущей жизни и земледѣльческой политики. Въ небольшой брошюрѣ авторъ указываетъ въ главныхъ чертахъ на тѣ причины, которыя вызвали у насъ эти бѣдствія. Онъ не признаетъ главною причиною голода вліяніе внѣшнихъ силъ природы, неурожай — только кажущаяся причина голода, и если она имѣетъ мѣсто, то только потому, что, говоря словами Кавелина, „болѣзнь посѣтила надломленный и разслабленный организмъ“. Причиной надломленности и разслабленности является полное неустройство крестьянскаго хозяйства. Недостаточность земли заставила крестьянъ обратить часто до 80% всей земли въ пашню, низведенныя до крайняго мннимума площади сѣнокосныхъ и пастбищныхъ угодій стѣснили и ограничили необходимое въ крестьянскомъ быту скотоводство, что въ свою очередь не даетъ возможности крестьянамъ затрачивать необходимое для удобренія почвы количество навозу, которое авторъ опредѣляетъ въ 2,400 пуд., наши крестьяне располагаютъ не болѣе 600, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не болѣе 150 пуд. на паровую десятину. Въ общемъ получается тотъ „circulus viciosus“, который вынуждаетъ все болѣе и болѣе увеличивать пространства пахотной земли, задерживая движеніе хлѣбопашества въ направленіи болѣе интенсивности; расширеніе предѣловъ пахотной земли, стремленіе получить какъ можно больше отъ земли, не затрачивая на нее капитала, довели ее до полнаго истощенія, заставили частно-владѣльческихъ хозяевъ взяться за рубку лѣса и довести лѣсонстребленіе до громаднхъ размѣровъ; въ 1886 г. по одной Волгѣ было сплавлено 53 милл. пуд. лѣснаго груза. Какъ на весьма часто повторяющіяся явленія, авторъ указываетъ на продажу, подъ вліяніемъ нужды, крестьянами необходимаго имъ навоза. „Здѣсь, — говоритъ авторъ, — наблюдается своеобразная форма, въ которой крупная и средняя собственность поглощаетъ мелкую, послѣдняя сохраняется въ томъ количествѣ десятинъ, но отдаетъ первой производительныя силы почвы. Правитель-

ствомъ были употреблены мѣры къ поднятiю и улучшенiю крестьянскаго быта, но онѣ являлись болѣе паллиативными, чѣмъ дѣйствительными. Нѣкоторыя изъ нихъ носятъ чисто-мѣстный характеръ и общаго значенiя не имѣютъ, нѣкоторыя, имѣющiя сами по себѣ весьма важное значенiе, какъ, напримѣръ, содѣйствiе развитiю скотоводства, коневодства, поднятiю сельскаго образованiя, не велись въ строгой послѣдовательности, прилагались въ весьма скромныхъ размѣрахъ; наконецъ, что касается третьей, самой важной группы правительственныхъ мѣропрiятiй въ смыслѣ доставленiя крестьянамъ дешеваго кредита, облегченiя переселенiя, то здѣсь авторъ доказываетъ, что „правительствомъ очень мало сдѣлано“. Не въ лучшемъ состоянiи находится и кустарный промыселъ, служащiй малоземельнымъ крестьянамъ подспорьемъ. Оказывается, что вѣдомство, занимающееся поддержкой нашихъ кустарей и, казалось бы, долженствующее располагать болѣе большими средствами, не располагаетъ болѣе 40,000 руб., т.-е. $\frac{3}{4}$ на кустаря. Въ дальнѣйшемъ изложенiи авторъ указываетъ на цѣлый рядъ реформъ, которыя должно предпринять правительство, не щадя средствъ и не теряя времени.

Такими насущными потребностями являются: 1) упорядоченiе переселенческаго вопроса, 2) устройство дешеваго крестьянскаго кредита, 3) улучшенiе способовъ земледѣльческаго труда, 4) поднятiе сельскаго образованiя, 5) устройство отдѣльнаго земледѣльческаго министерства, и затѣмъ, какъ на весьма важную мѣру, которая должна послужить къ улучшенiю крестьянскаго положенiя, нужно указать на „свободное обсужденiе какъ въ городскихъ и земскихъ собранiяхъ, такъ и въ печати причинъ этого явленiя; только въ этомъ случаѣ и можно отличить голоса людей, которые всегда выступаютъ съ мыслью и чувствомъ объ интересахъ родной страны, отъ голосовъ, подаваемыхъ по личному разсчету“. Въ заключенiе авторъ обращается съ нѣсколькими глубоко почувствованными словами къ своимъ ученикамъ, прося ихъ „не отрывать глазъ отъ нищеты, обездоленности по всему лицу земли Русской и никогда не забывать, что Россiи болѣе, чѣмъ какой-либо другой странѣ, нужны дѣятели твердой воли, просвѣщенные, честные, самоотверженные“.

Сборникъ статистическихъ свѣдѣнiй по Тверской губ. Томъ VIII. Зубцовскiй уѣздъ. Изданiе тверскаго губернскаго земства. Тверское земство, какъ извѣстно, одно изъ первыхъ выступило на путь земско-статистическихъ изслѣдованiй, но лишь съ начала 80-хъ годовъ мѣстные земские статистики принялись за *мѣстное сплошное* изученiе всей губернiи. Въ результатъ этихъ работъ явилась цѣлая серiя объемистыхъ *Сборниковъ*, весьма подробно и основательно знакомящихъ съ хозяйственною жизнью различныхъ уѣздовъ; о нѣкоторыхъ изъ нихъ (по Ржевскому и Повоторжскому уѣздамъ) уже было говорено на страницахъ *Русской Мысли*; въ концѣ только что истекшаго года появился новый трудъ тверскихъ статистиковъ — по Зубцовскому уѣзду; точное заглавiе его выписано выше.

Характерною особенностью *Сборника* по Зубцовскому уѣзду, выгодно отличающей его отъ предъидущихъ выпусковъ упомянутой выше серiи, заключается въ томъ, что всѣ данныя мѣстнаго изслѣдованiя (не исключая и торговой переписи) собраны лицами *постояннаго состава* статистическаго отдѣленiя, т.-е. лицами, достаточно опытными въ этомъ дѣлѣ. Очевидно, при такомъ условiи собранный материалъ заслуживаетъ еще большаго довѣрiя, чѣмъ при изслѣдованiи съ помощью временныхъ, не-

привычки къ дѣлу регистраторовъ. По всей вѣроятности, благодаря этой особенностн, и оказалось возможнымъ дать какъ по Зубцовскому, такъ и по Калезинскому (томъ V) уѣздамъ чрезвычайно пбвнныя текстовыя дополненія къ таблицамъ по каждому селенію *); такихъ обстоятельныхъ примѣчаній не находимъ въ *Сборникѣ* по Ржевскому и Новоторжскому уѣздамъ. Общая редакція VII тома (какъ и V) принадлежитъ С. М. Влеклову, который написалъ и большая часть текста по Зубцовскому уѣзду.

Разработка собранныхъ данныхъ по Зубцовскому уѣзду произведена, въ общемъ, по тому же плану, какъ и въ раньше вышедшихъ *Сборникахъ*. Матеріалъ по крестьянскому хозяйству сгруппированъ въ трехъ обширныхъ основныхъ таблицахъ; за ними слѣдуютъ таблицы частновладельческихъ имѣній и отдѣлъ „примѣчаній къ таблицамъ поселковъ“. Впереди всѣхъ этихъ таблицъ дана текстовая разработка какъ ихъ, такъ и остальнаго матеріала по Зубцовскому уѣзду, распадаящаяся на 6 отдѣловъ: общій обзоръ уѣзда; популяціонистика и грамотность, крестьянское вемлевладѣніе и земледѣліе, промыслы крестьянъ, матеріалы для опредѣленія цѣнности и доходности земель и хозяйство частныхъ владельцевъ.

Такъ какъ въ ряду средствъ къ существованію крестьянъ Зубцовскаго уѣзда главная роль принадлежитъ земледѣлію, причемъ здѣсь въ послѣднее время тяготѣніе крестьянъ въ землѣ все возрастаетъ, то мы и остановимся нѣсколько на земледѣльческомъ хозяйствѣ зубцовскаго крестьянина.

Средній размѣръ надѣла въ Зубцовскомъ уѣздѣ довольно значителенъ—3,3 десят. на душу, а всей надѣльной удобной земли у крестьянъ этого уѣзда насчитывается до 148,000 десят. Но не только на надѣльной землѣ ведетъ свое хозяйство зубцовскій крестьянинъ: въ уѣздѣ есть еще до 25,000 десят. купленной крестьянами земли, да еще до 69,000 десят. снимается ими въ аренду у мѣстныхъ частныхъ владельцевъ, такъ что всей земли, на которой хозяйничаетъ крестьянинъ въ свою пользу, можно считать до 242,000 десят. при 264,000 десят. общей площади уѣзда, или надѣльной, купленной и арендованной земли приходится до 6 десятинъ на надѣльную душу. Крупное значеніе для крестьянскаго хозяйства уѣзда купленной и въ особенности арендованной земли видно еще и изъ слѣдующаго указанія. Въ Зубцовскомъ уѣздѣ господствуетъ трехпольная система полеводства; при ней, какъ извѣстно, для правильной постановки хозяйства необходимо, чтобы кормовая площадь въ $1\frac{1}{2}$ раза превышала площадь распахви. Если взять одну надѣльную землю, то получимъ обратное отношеніе между рассматриваемыми угодьями, совершенно неудовлетворяющее требованіямъ трехполья, тогда какъ, благодаря арендѣ и купленной землѣ, надлежащее отношеніе кормовой площади и пашни вполне восстанавливается: въ среднемъ по уѣзду и по 12 изъ 19 волостей оно почти равно $1\frac{1}{2}$; только въ остальныхъ 7 волостяхъ отношеніе это все же не достигаетъ требуемой нормы. Понятно, что такое приближеніе къ требованіямъ трехполья достигается благодаря тому, что крестьяне арендуютъ, главнымъ образомъ, покосы и выгоны.

Безъ удобрения земля Зубцовскаго уѣзда вовсе не родить, а главнымъ источникомъ удобрения для здѣшнихъ крестьянскихъ полей слу-

*) По Калезинскому уѣзду мѣстныя изслѣдованія также велись, главнымъ образомъ, постояннымъ составомъ статистическаго отдѣленія.

жить принадлежащей крестьянской свотъ, почему и играет такое существенное значеніе размѣръ кормовой площади. Впрочемъ, крестьяне также покупаютъ навозъ у своихъ безземельныхъ односельцевъ, у церковнослужителей, на постоянныхъ дворахъ и проч.; они стелютъ соломѣ на дворахъ купцовъ, мѣщанъ и т. п., за что получаютъ право вывоза съ этихъ дворовъ навоза и иными способами пытаются увеличить количество удобренія на своихъ поляхъ. Если аренда покосовъ и выгоновъ способствуетъ тому же, то аренда пашни оказываетъ обратное вліяніе, такъ какъ обыкновенно крестьяне обязываются удобрять арендованную пашню особенно изобильно, въ ущербъ своей надѣльной.

Интересныя указанія *Сборника* о техникахъ крестьянскаго земледѣлія далеко не подтверждаютъ нерѣдко высказываемаго мнѣнія о косности крестьянъ въ этомъ отношеніи. Хотя и въ настоящее время соха является наиболѣе распространеннымъ орудіемъ обработки крестьянскихъ полей, но въ послѣднее время уже и плугъ проникъ въ большинство зубцовскихъ селеній; бороны съ желѣзными зубцами также нашли весьма широкое примѣненіе въ крестьянскомъ хозяйствѣ; молотба цѣномъ смѣняется своеобразными приемами, выработанными мѣстной практикой. На низкихъ и подзолистыхъ частяхъ поля нерѣдко производятъ подъяровое взметъ съ осени; но въ нѣкоторыхъ случаяхъ опыты осенней пахоты крестьянами кончались неудачей, и они очень осторожно относились къ этому нововведенію. Къ выбору сѣмянъ крестьяне также относятся весьма внимательно: сѣмена ржи они мѣняютъ черезъ каждые 2 года; въ большинствѣ случаевъ, высѣваютъ обыкновенную рожь, но во многихъ селеніяхъ пробуютъ кустовку, вазу, шампанку, пробштейнскую, ньюландскую. Эти опыты замѣны простой ржи далеко не всегда бывають удачными, и крестьяне нерѣдко даютъ этому факту удовлетворительное объясненіе. Такъ, на примѣръ, рожь кустовка и ваза слишкомъ рано поспѣваютъ—ко времени покоса, такъ что крестьяне не успѣваютъ управляться либо съ косебой, либо съ жнитвомъ; новые сорта ржи на ихъ землѣ скоро перерождаются или не могутъ бороться съ мѣстными сорными травами и т. п. Крестьяне съ большою настойчивостью пробуютъ разные сорта овса—„стенкой“, „арабский“, „аглицкий“, но всѣ эти сорта оказываются плохо приспособляющимися къ мѣстнымъ условіямъ; по выраженію крестьянъ, эти сорта овса долго „нѣжатся“, т. е. поспѣваютъ слишкомъ поздно, а если косить пораньше—вымерзають по веснѣ. Для посѣва картофеля крестьяне пробуютъ скороспѣлку—американку, саксонку и императорскій; въ послѣднее время стали особенно охотно сажать послѣдній сортъ. Во многихъ общинахъ зубцовскіе крестьяне начали дѣлать попытки клеверныхъ посѣвовъ. Уже и изъ этого краткаго перечня можно видѣть, что здѣшніе крестьяне довольно охотно примѣняютъ нѣкоторые улучшенные приемы культуры хлѣбовъ, если только они соотвѣтствуютъ условіямъ ихъ хозяйства.

Въ заключеніе настоящей замѣтки небезынтересно привести приблизительный учетъ дохода отъ земледѣлія у крестьянъ Зубцовскаго уѣзда. По цѣнамъ 1888 года (впрочемъ, довольно высокимъ), общая валовая выручка со всей пахотной крестьянской земли простирается до 2¹/₄ милліоновъ рублей, или средняя валовая доходность десятины пашни равна 26 руб. Почти половину (больше милліона руб.) всей выручки отъ земледѣлія даетъ ленъ (волозна и сѣмена); за нимъ слѣдуетъ рожь, картофель, овесъ и ячмень. Ржаного хлѣба не хватаетъ на продовольствіе всего населенія; недочетъ этотъ смягчается еже-

годнымъ уходомъ на заработки до 17,000 чел. и пополняется ячменемъ и картофелемъ.

ЮРИДИЧЕСКІЯ КНИГИ.

„Понятіе о преступленіи“. П. П. Пусторослева.—„Сборникъ рѣшеній варшавской судебной палаты по гражданскимъ дѣламъ“. О. Федоровича.—„Идеали французской адвокатуры“. Гр. Галасуильма.

Понятіе о преступленіи. Исслѣдованіе П. П. Пусторослева, приватъ-доцента Императорскаго Московскаго университета. „Уголовное правонарушеніе, — говоритъ авторъ, — есть одинъ изъ родовъ правонарушенія; правонарушеніе же есть неисполненіе предписаній права“. На этомъ основаніи г. Пусторослевъ разсматриваетъ сперва понятіе права, потомъ понятіе правонарушенія вообще, а затѣмъ уже приступаетъ къ исслѣдованію понятія уголовного правонарушенія или преступленія. Мы не будемъ останавливаться на опредѣленіи понятій права и правонарушенія, такъ какъ г. Пусторослевъ не вноситъ въ эти понятія ничего новаго, а перейдемъ прямо къ третьей части его труда, гдѣ онъ исслѣдуетъ понятіе преступленія.

Перечисливъ множество опредѣленій преступленія извѣстныхъ криминалистовъ и доказавъ ихъ несостоятельность, авторъ останавливается на ученіи проф. Фойницкаго, по теоріи котораго причины преступной дѣятельности бываютъ или космическія (почва, климатъ), или общественныя (война), или личныя (привычка, особое состояніе волевой способности). Въ примѣненіи къ первымъ двумъ источникамъ преступленій наказаніе не можетъ имѣть, очевидно, мѣста. Наказаніе есть государственная мѣра борьбы только съ личными условіями преступленій, образующими извѣстное состояніе личности, называемое состояніемъ преступности. Это состояніе преступности и есть предметъ наказанія; самое преступное дѣяніе есть только внѣшнее, хотя и очень важное, условіе примѣненія наказанія. „Съ мыслей кошлинъ не берутъ — cogitationis roenam nemo patitur, — и только изъ этого внѣшняго воплощенія мы заключаемъ о личномъ состояніи преступности“. Личное состояніе преступности можетъ быть примѣнено только къ отдѣльной физической личности, а не къ цѣлому обществу или къ какой-нибудь общественной средѣ.

Эту теорію проф. Фойницкаго г. Пусторослевъ находитъ нужнымъ видоизмѣнить, такъ какъ 1) дѣйствующее право признаетъ иногда преступленіемъ не только дѣяніе, но и умыселъ, и 2) способность къ преступленію признается нѣкоторыми законодательствами не только за физическими лицами, но и за юридическими. И поэтому опредѣленіе г. Пусторослева является такимъ: „Преступленіе есть внѣшнее воплощеніе внутренняго состоянія преступности. Состояніе же преступности есть особое духовное состояніе физическаго, а, по ошибочному возрѣнію, даже и юридическаго лица, недоброкачественное относительно ума, чувства, воли, и, притомъ, особенно предосудительное для этого лица съ точки зрѣнія правоучредителя“.

Намъ это дополненіе кажется совершенно лишнимъ. Наказуемость умысла является только въ нѣкоторыхъ особенно-важныхъ преступленіяхъ, какъ, на примѣръ, при измѣнѣ, гдѣ присутствіе состоянія преступности грозитъ опасностью благосостоянію самого государства, да и вообще голый умыселъ безъ покушенія почти невозможно даже и обна-

ружить, такъ что наказуемость умысла является какъ бы исключеніемъ. Что же касается признанія нѣкоторыми государствами преступнаго состоянія за юридическими лицами, то это объясняется остаткомъ эпохи „огульнаго состоянія преступности“, когда правоучредитель полагалъ, что состояніе преступности имѣется у другихъ членовъ, принадлежащихъ съ правонарушителемъ къ одной семьѣ, общинѣ, даже къ одному племени. Такъ, еще въ XVII стол. въ Германіи было въ силѣ постановленіе аугсбургскаго сейма, по которому всѣмъ и каждому позволялось убивать безнаказанно цыганъ, на томъ основаніи, что цыгане не любятъ работать и занимаются бродяжничествомъ, нищенствомъ, а при удобномъ случаѣ даже воровствомъ и разбоемъ. Но, вѣдь, это было время, когда состояніе преступности признавалось не только у людей, но и у животныхъ, даже у предметовъ неорганической природы. Признаніе нынѣшними законодательствами состоянія преступности за юридическими лицами есть не болѣе, какъ недосмотръ при новой редакціи законовъ. Да авторъ и самъ называетъ это признаніе ошибочнымъ.

Въ заключеніе г. Пусторослевъ высказываетъ мнѣніе, что понятіе преступности не есть нѣчто неизмѣнное,—наоборотъ, оно доступно прогрессу и регрессу, измѣняется въ зависимости отъ всѣхъ сторонъ народной жизни. Изъ сравненія взгляда на преступления дикарей, полудивилизованныхъ народовъ и теперешнихъ культурныхъ государствъ авторъ приходитъ къ слѣдующему выводу: „У будущихъ просвѣщенныхъ народовъ разграничительнымъ признакомъ преступнаго въ области неправомѣрнаго будетъ только отношеніе между правонарушеніемъ и *личнымъ* состояніемъ преступности правонарушителя“... „При этомъ элементъ нравственности займетъ въ разграничительномъ признакѣ больше мѣста, чѣмъ теперь. Вудущее больше настоящаго проникнется охраненіемъ нравственныхъ идеаловъ“.

Сборникъ рѣшеній варшавской судебной палаты по гражданскимъ дѣламъ (1876—1891). О. Федеровича. Изданіе неофициальное. Варшава, 1891 г. Цѣна 2 руб. Наша юридическая литература за послѣдніе годы наводняется массой различныхъ сборниковъ практическаго характера. Всѣ эти частные сборники, къ какому бы отдѣлу законодательства они ни относились, страдаютъ, за очень немногими исключеніями (труды гг. Боровиковскаго, Анненкова, Щегловитова и нѣкоторыхъ друг.), однимъ общимъ недостаткомъ—они не охватываютъ всего предмета, они не являются исчерпывающими, не отвѣчаютъ на всѣ вопросы, а потому и не могутъ достигать своей цѣли — служить практическимъ руководствомъ при ориентированіи въ массѣ разъяснительнаго матеріала. Въ числу этихъ сборниковъ принадлежитъ и сборникъ г. Федеровича. Всей практики варшавской судебной палаты за послѣднія 15 лѣтъ онъ далеко не представляетъ; почему именно авторъ остановился на томъ или другомъ рѣшеніи, остается совершенно неизвѣстнымъ. Нѣкоторыя рѣшенія, приводимыя имъ, не могутъ имѣть ровно никакого ни пракческаго, ни теоретическаго интереса, а потому ни для кого не интересны и являются совершенно излишними. Наиболѣе полнымъ, интереснымъ и лучше другихъ составленнымъ является отдѣлъ четвертый, куда вошли рѣшенія и опредѣленія палаты по ипотечному уставу 1818 года. Издана книга съ виѣшней стороны довольно чисто.

Идеалы французской адвокатуры. Гр. Галхушьяна. Спб., 1891 г. Небольшая книжка г. Галхушьяна содержитъ въ себѣ рѣчи

двухъ старшинъ адвокатскаго сословія во Франціи (*bâtonnier*)—*Шедъ Еразъ Аюба* и *Жюль Федро*, сказанныя ими въ собраніи такъ называемыхъ стажеровъ (*stagiaire*, вродѣ нашего помощника прис. повѣр.).

Ни въ одной странѣ въ мірѣ адвокатское сословіе не достигло той высоты, какъ во Франціи. Сословіе адвокатовъ (*avocats*) установилось во Франціи еще въ капитуляріяхъ Карла V, и затѣмъ выступило въ видѣ особаго учрежденія при Людовикѣ IX. Съ этого времени профессія адвокатовъ постоянно развивалась и они сложились въ особое сословіе, управляемое собственною силой. Сословіе это управляется на основаніи обычаевъ, соблюдаемыхъ съ большею строгостью, чѣмъ самыя законы. Эти обычаи, съ одной стороны, не допускаютъ сословію адвокатовъ принимать неправыхъ дѣлъ, а съ другой стороны обязываютъ ихъ считать для себя честью защищать справедливыя дѣла, особенно противъ могущественныхъ противниковъ, и не отказываться отъ безвозмездной защиты, когда они назначены судомъ. Далѣе, особенность французской адвокатуры сравнительно съ нашей и германской заключается въ томъ, что вся черная работа адвоката, переговоры съ кліентомъ, подача различныхъ бумагъ,—все это выдѣлено изъ функций *авосатъ* и лежитъ на обязанности *авоуетъ*. Функция же *авокатовъ* заключается въ двухъ актахъ: 1) *plaidier*—произнесеніе защитительной рѣчи передъ судомъ и 2) *consulter*—давать письменныя мотивированныя мнѣнія.

Если, вслѣдствіе этого, денежное положеніе адвокатовъ теряетъ, то выигрываетъ ихъ общественное положеніе. Адвокаты во Франціи, благодаря этому характеру безкорыстія, играютъ большую общественную роль. Они подають на высшія общественныя и государственныя должности, затѣмъ занимаютъ самое выдающееся положеніе въ политическихъ собраніяхъ и вообще стоятъ во главѣ всего просвѣтительнаго и политическаго движенія своей страны.

Знакомство съ высокими идеалами такого сословія весьма полезно въ особенности для нашей молодой, не имѣющей еще никакихъ традицій, адвокатуры. Идеалы эти сводятся къ слѣдующимъ простымъ, но сильнымъ и живучимъ принципамъ: безграничная любовь къ труду, суровое и строгое исполненіе долга, уваженіе къ истинѣ, безкорыстіе и честность, какъ основы всей дѣятельности, наконецъ, чувство солидарности, сплоченія, тѣснаго братства.

Таковы идеалы французской адвокатуры, которые можно извлечь изъ рѣчей, переведенныхъ г. Галхушняномъ.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

„Удобреніе въ теоріи и на практикѣ“. П. Бильдерлингъ.—„Русскій гѣсъ“. О. К. Арнольда.—„Лѣсоводство“. М. Турская.—„Страхование отъ градобитія“. В. А. Гарюкскаго.

Удобреніе въ теоріи и на практикѣ. Пособіе для сельскихъ хозяевъ. Составилъ П. Бильдерлингъ. Спб., 1891 г. Составитель книжки, видимо, руководился весьма благимъ намѣреніемъ помочь русскимъ хозяевамъ разобратъ въ довольно обширной литературѣ, относящейся къ дѣйствию удобрений; но исполненіе оставляетъ желать многого. Главнымъ образомъ для автора послужили произведенія Жоржа Вилла, котораго недавно такъ мастерски охарактеризовалъ проф. Тимирязевъ.

зевъ *). Къ этой основѣ пристроены многочисленныя заимствованія изъ Вольты, Штупера и другихъ источниковъ; г. Бильдерлингъ, впрочемъ, и не выдаетъ своей книги за оригинальное произведеніе, и книга явилась бы полезною повторительною компиляціей, если бы къ ней не былъ приложенъ дѣйствительно „оригинальный“ алфавитный указатель иностранныхъ терминовъ. Тамъ, между прочимъ, мы находимъ такія фразы: „Диффузія принимаетъ названіе діализа“ (стр. 282), „хлорофилловая клетка въ связи съ протоплазмой образуетъ неустойчивое соединеніе“ (стр. 305); ангидриды кислотъ смѣшаны съ кислотами (285), амидамъ дано неправильное опредѣленіе (275). Горячо увлекаемая опытными полями, авторъ приписываетъ исключительно эксперименту происхожденіе агрономическихъ знаній, которыя, однако, вырабатывались и вырабатываются еще другими путями: дедушціей и наблюденіемъ.

Русскій лѣсъ. Составилъ О. К. Арнольдъ. Томъ III. Спб., 1891 г.: Изданіе А. Ф. Маркса. Цѣна 2 руб. О первыхъ двухъ томахъ этого сочиненія мы погорили въ свое время на страницахъ *Русской Мысли*. Третій и послѣдній томъ посвященъ различнымъ отдѣламъ лѣсной таксаціи. Здѣсь разсматриваются лѣса, планъ лѣснаго хозяйства, опредѣленіе возраста рубки, съемочныя работы, описаніе лѣса, оѣнка лѣса, отпускъ и продажа матеріаловъ, побочныя пользованія, администрація и отчетность. Въ приложеніи даны образцы плановъ для дачъ съ высокоствольнымъ и съ выборочнымъ хозяйствомъ, инструкція для устройства защитныхъ лѣсовъ и примѣры временныхъ массовыхъ таблицъ. Третій томъ, продающійся отдѣльно, вѣроятно, найдетъ себѣ большее распространеніе, чѣмъ первые два тома (стоящіе 15 рублей).

Лѣсоводство. Составилъ М. Турскій. Съ 155 рисунками въ текстѣ и 3 таблицами. Изданіе В. Н. Маракуева. Москва, 1892 г. Ц. 2 р. 30 к. Составленное профессоромъ Турскимъ руководство можетъ быть смѣло названо образцомъ руководства по техническимъ предметамъ. Въ сжатомъ и точномъ изложеніи авторъ даетъ основныя разнообразныхъ лѣсохозяйственныхъ знаній, которыя успѣли уже разростись въ обширную спеціальность. Книга одинаково годится для систематическаго ознакомленія съ предметомъ и для справокъ; нельзя сомнѣваться въ томъ, что книга г. Турскаго обратитъ на себя и вниманіе лѣсовладѣльцевъ, и общественныхъ дѣятелей, и другихъ лицъ, которыя заинтересовались бы приложеніемъ науки къ вопросамъ лѣснаго хозяйства. До закрытія лѣснаго отдѣла въ Петровской академіи авторъ преподавалъ лишь часть лѣсоводства; съ 1886 года онъ преподаетъ предметъ въ полномъ объемѣ, и хотя предметъ этотъ почему-то считается „вспомогательнымъ“, занимающіеся получаютъ подготовку, никакъ не уступающую подготовкѣ по „спеціальнымъ“ предметамъ. Опытный преподаватель видѣтъ на каждой страницѣ. Можно пожалѣть развѣ только о томъ, что изложеніе не сопровождается хотя бы самымъ краткимъ очеркомъ свѣдѣній по лѣсной статистикѣ и лѣсной технологіи. Цѣна за обратное изданіе съ многочисленными рисунками назначена очень невысокая.

Страхованіе отъ градобитія. В. А. Таргонскаго. Москва, 1892 г. Брошюра г. Таргонскаго знакомитъ съ постановкою страхованія домовъ отъ града въ Германіи и въ Россіи. Градъ представляетъ собою сравнительно ничтожную долю тѣхъ неустрашимыхъ послѣдствій, ко-

*) *Сиверный Вѣстникъ* 1891 г., № 1, стр. 242.

торыя могутъ вредить земледѣльцу, но для массы случаевъ частота и сила градовыхъ поврежденій поддается, по крайней мѣрѣ, приблизительнымъ вычисленіямъ, такъ что страхованіе посѣвовъ отъ града, подобно страхованію построекъ отъ огня и страхованію скота отъ болѣзней, могло осуществиться раньше, чѣмъ болѣе общія формы сельскохозяйственнаго страхованія.

Въ Германіи посѣвы страхуются отъ града въ 27 обществахъ; изъ этихъ обществъ 10 взаимныхъ общихъ, 12 взаимныхъ съ ограниченіями районовъ и предметовъ страхованія и 5 акціонерныхъ. Премія во взаимныхъ обществахъ составляетъ 1,11 ‰, въ акціонерныхъ 0,04 ‰ со страхуемаго капитала.

У насъ въ Россіи имѣются 2 мѣстныхъ общества: въ Остзейскомъ краѣ и одно всероссійское въ Москвѣ. Московское общество, устроенное на началахъ взаимности, существуетъ уже 15 лѣтъ. За 14 лѣтъ почти вся премія, уплаченная страхователями, была возвращена имъ въ видѣ вознагражденія за убытки. Погодные колебанія всероссійскихъ убытковъ отъ града бывають очень значительны: такъ, въ 1890 году убытки доходили въ 56 губерніяхъ, по официальнымъ свѣдѣніямъ, до 7½ милліоновъ, въ 1886 г. почти до 10 милліоновъ, а въ 1889 г. лишь немногимъ превосходили 1 милліонъ. Понятно, что и дѣятельность неоврѣпшаго московскаго общества подвергалась сильнымъ погоднымъ колебаніямъ. Въ среднемъ выводѣ убытки составляли 1,4 ‰ отъ страховой суммы. Можно, однако, полагать, что общество приобрѣло уже достаточный опытъ и при надлежащей осторожности съ успѣхомъ поведетъ дальнѣйшую дѣятельность. Въ заключеніе брошюры авторъ приводитъ аргументы противъ осуществимости государственнаго страхованія отъ градобитія.

ТЕХНИЧЕСКІЯ КНИГИ.

„Курсъ гидравлики“. И. А. Евневича. — „Химическая технология“. Р. Валлера.

Курсъ гидравлики. Лекціи, читанныя въ с.-петербургскомъ практическомъ технологическомъ институтѣ И. А. Евневичемъ. Съ 125 рисунками въ текстѣ и особымъ атласомъ въ 14 листовъ. Второе изданіе, исправленное и дополненное, К. Л. Риккера. Спб., 1891 г. Цѣна 6 руб. Курсъ проф. Евневича, обнимающій 676 страницъ (in octavo), заключаетъ въ себѣ общія основанія гидростатики и гидродинамики и описаніе различныхъ гидравлическихъ примѣниковъ, каковы: гидравлическія колеса, турбины, водостолбовыя машины, а также приѣмники вѣтра. Затѣмъ слѣдуютъ водоподъемныя машины: насосы, центробѣжныя и съ прямолинейнымъ движеніемъ, и архимедовы винты. Курсъ проф. Евневича обладаетъ весьма крупными достоинствами: теоретическая часть изложена замѣчательно полно, но, въ то же время, очень сжато, а практическая снабжена многими полезными примѣрами, дающими инженеру необходимый для справокъ матеріалъ. Такимъ образомъ, лекціи проф. Евневича представляютъ собою сжатое, но полное, прекрасно изложенное руководство гидравлики, необходимое не только студентамъ-технологамъ, но также инженерамъ и всякаго рода практическимъ дѣятелямъ въ области гидравлики (устройство водопроводовъ и каналовъ, постройка и эксплуатація гидравлическихъ двигателей). Книга проф. Евневича должна сдѣлаться настольною книгой для всякаго техника, занимающагося этого рода сооруженіями.

Въ ней сказано послѣднее слово гидравлики. Съ вѣшной стороны изданіе безукоризненно: чертежи, печать, бумага не оставляютъ желать ничего лучшаго; въ особенности хорошъ атласъ чертежей. Слѣдуетъ отмѣтить также очень старательную корректуру: опечатокъ не замѣтно, даже при внимательномъ просмотрѣ.

Химическая технологія. Сочиненіе Рудольфа Вагнера, обработанное Ферд. Фишеромъ. Съ 13-го нѣмецкаго изданія перевелъ В. Тизенгольтъ. Вып. I-й съ 117 рис. 1890 г. Вып. II-й съ 98 рис. 1890 г. и выпускъ III-й съ 95 рис. 1891 г. Изданіе К. Л. Риккера. Цѣна каждому выпуску 1 рубль. *Химическая технологія* Рудольфа Вагнера давно пользуется извѣстностью въ Германіи, что доказывается уже тѣмъ, что она выходитъ тамъ 13-мъ изданіемъ. Нельзя поэтому не порадоваться появленію ея русскаго перевода. Содержаніе первыхъ трехъ выпусковъ слѣдующее: почти весь первый выпускъ посвященъ технологіи горючихъ веществъ, причемъ сперва описываются методы измѣренія температуры и теплопроизводительной способности горючихъ веществъ, а затѣмъ и эти послѣднія въ такомъ порядкѣ: дерево, торфъ, бурый уголь, каменный уголь и коксъ. Далѣе авторъ довольно подробно описываетъ различныя системы отопленія и затѣмъ оканчиваетъ технологію горючихъ веществъ описаніемъ различныхъ родовъ свѣтлignaго газа (каменноугольнаго, древеснаго, торфянаго, маслянаго газа и карбурированнаго воздуха), нефти, параффина, озокерита, асфальта и соляровыхъ маселъ.

Покончивъ съ технологіей горючихъ веществъ, авторъ переходитъ къ главѣ объ освѣщеніи, гдѣ за описаніемъ различныхъ освѣтительныхъ матеріаловъ (различнаго рода свѣчей и т. п.) и способа ихъ полученія слѣдуетъ описаніе различныхъ системъ лампъ и газовыхъ горѣлокъ. Въ концѣ этой главы находится краткая замѣтка объ электрическомъ освѣщеніи. Большая часть втораго выпуска и часть третьяго посвящены металлургіи. Конечно, здѣсь разсматриваются только химические процессы, имѣющіе мѣсто при добычаніи и переработкѣ технически важныхъ металловъ; описаніе же механическихъ операцій и приспособленій, какъ относящихся къ механической технологіи, здѣсь не имѣетъ мѣста. Отдѣлъ „металлургіи“ начинается, послѣ нѣкоторыхъ общихъ замѣчаній, металлургіей желѣза, которой отведено наибольшее количество мѣста. За металлургіей желѣза слѣдуетъ металлургія марганца, кобальта, никеля, мѣди, свинца, серебра, золота, платины, олова, висмута, мышьяка, ртути, цинка, кадмія, натрія, калия, алюминія и магнія.

За металлургіей слѣдуетъ описаніе химическихъ заводскихъ производствъ, причемъ въ третьемъ выпускѣ описаны слѣдующія производства: вода и ледъ (т.-е. описаны машины, служащія для очищенія воды, и способы приготовленія льда), добычаніе сѣры, сѣроуглерода, сѣрнистой и сѣрной кислоты, солей калия (хлористаго калия, поташа и ѣдкаго кали), хлористаго натрія и соды. Всѣ описанія приборовъ и печей поясняются рисунками. Кроме того, приводятся также статистическія данныя относительно того или другаго производства въ разныхъ странахъ. Что касается русскаго перевода, то онъ сдѣланъ хорошо и дополненъ различными статистическими таблицами относительно выработки различныхъ металловъ въ Россіи.

УЧЕБНИКИ И ДѢТСКІЯ КНИГИ.

„Краткій курсъ естественной исторіи“. Н. Износкова.—„Латинская хрестоматія для низшихъ классовъ“. С. Радецкого и В. Соколова.—„Каштанка“. А. Чехова.

Краткій курсъ естественной исторіи. Н. Износкова, преподавателя естествовѣдѣнія въ казанскомъ учительскомъ женскомъ Родіоновскомъ институтѣ и въ Маринской женской гимназій. Определеніемъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія допущено какъ руководство для среднихъ учебныхъ заведеній. Казань, 1891 г. Ц. 1 р. 80 к. Въ женскихъ гимназіяхъ и институтахъ, какъ извѣстно, въ два года при двухъ часахъ въ недѣлю проходитъ краткій курсъ естествовѣдѣнія подъ общимъ названіемъ *Естественной исторіи*. При нѣкоторой талантливости преподавателя и его любви къ дѣлу этотъ курсъ обыкновенно привлекаетъ къ себѣ симпатіи учащейся молодежи. Наглядное знакомство съ природой и ея явленіями, сопровождаемое соответственными демонстраціями и экспериментами, вноситъ хоть какой-нибудь жизненный элементъ въ отвлеченное, сухое классное преподаваніе. Такой постановки дѣла не замѣнить, конечно, ни одинъ учебникъ и въ немъ не будетъ даже надобности. Но такъ какъ талантливыхъ преподавателей, вообще говоря, мало, то является потребность въ хорошо составленномъ руководствѣ, которое по объему, изложенію и содержанію соответствовало бы своей цѣли. Г. Износковъ, не удовлетворяясь ни однимъ изъ множества подобныхъ руководствъ, рѣшился составить учебникъ *Естественной исторіи*, задавшись цѣлью въ сжатой и удобопонятной формѣ познакомить учащихся съ окружающею природою; насколько вообще возможно на 336 страницахъ познакомить читателя съ природою, начиная съ описанія солнечной системы и кончая „вѣнцомъ творенія“—человѣкомъ,—авторъ выполнилъ взятую на себя задачу. Его книга дѣлится на три части, соответственно тремъ „царствамъ“ природы, и содержитъ въ себѣ свѣдѣнія изъ космографіи, геологій, минералогій, химіи, ботаники и зоологій, включая въ послѣднюю и краткое описаніе устройства и отравленій человѣческаго тѣла. Больше 240 довольно хорошо исполненныхъ рисунковъ иллюстрируютъ текстъ. Къ сожалѣнію, авторъ, забывая о своемъ обѣщаніи избѣгать излишнихъ подробностей, затрудняющихъ память учащихся и годныхъ, по его убѣжденію, только въ специальныхъ курсахъ, иногда вдается въ эти подробности и обнаруживаетъ при этомъ свое недостаточное знакомство съ тѣмъ предметомъ, о которомъ взялся рассказывать: такъ, напр., на стр. 84 онъ утверждаетъ, что въ растительныхъ клѣткахъ весьма часто не бываетъ ядра, вывода отсюда косвеннымъ образомъ заключеніе о его несущественномъ значеніи для жизнедѣятельности клѣтки, между тѣмъ какъ существованіе безъядерныхъ клѣтокъ подвержено большимъ сомнѣніямъ. Нѣсколько дальше встрѣчается довольно развязное заявленіе, что ядро и ядрышки представляютъ ничто иное, какъ сгущенную протоплазму, тогда какъ микроскопическія реакціи обнаруживаютъ въ нихъ присутствіе такихъ веществъ, которыхъ нѣтъ въ протоплазмѣ. Далѣе, хлорофил(л)ъ отнесенъ къ веществамъ, находящимся въ клѣточномъ соку въ нерастворенномъ видѣ, между тѣмъ какъ онъ относится къ включеніямъ протоплазмы. Ошибка, очевидно, произошла отъ того, что такъ называемыя хлорофилловыя зерна принимаются авторомъ за самый хлорофиллъ, причѣмъ послѣдній оказы-

вается состоящимъ изъ двухъ пигментовъ: желтаго и *юмубаю*, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ состоитъ изъ желтаго и зеленаго. Впрочемъ, такихъ промаховъ въ книгѣ немного, и ее можно признать удовлетворяющею той дѣли, для которой она написана.

Латинская хрестоматія для низшихъ классовъ. Составили С. Радецкий и В. Соколовъ. Москва, 1891 г. Это руководство значительно отличается отъ всѣхъ имѣющихся въ нашей учебной литературѣ. Составленное примѣнительно къ требованіямъ новыхъ учебныхъ плановъ, оно содержитъ, главнымъ образомъ, фразы и статьи на латинскомъ языкѣ; матеріалъ для перевода съ русскаго на латинскій занимаетъ гораздо менѣе мѣста. Книга составлена съ большою любовью и полнымъ знаніемъ дѣла; принципъ постепенности въ прохожденіи этимологии и краткаго синтаксиса проведенъ со строгою методой, которую авторы излагаютъ въ предисловіи. Особенно отрадное явленіе въ этомъ руководствѣ представляетъ то обстоятельство, что статейки всегда заключаютъ въ себѣ болѣе или менѣе интересный рассказъ и могутъ быть переведены хорошо по-русски. Фразы и статьи, предназначенныя для перевода съ русскаго на латинскій, также написаны не безобразнымъ языкомъ, какой обыкновенно встрѣчается въ произведеніяхъ этого рода, а вполне правильнымъ и литературнымъ языкомъ; многія фразы прямо заимствованы изъ пословицъ; приходится повстинѣ удивляться искусству составителей, сѣмѣвшихъ собрать такой обширный матеріалъ вмѣстѣ и легкій для перевода, и интересный для дѣтей, и не нарушающій законовъ роднаго языка. Латинскія фразы и статьи заимствованы отчасти изъ древнихъ авторовъ, отчасти изъ подобныхъ же нѣмецкихъ руководствъ. Мы можемъ упрекнуть составителей только за то, что они, заботясь о содержаніи, не всегда заботились о чистотѣ латинскаго языка въ статьяхъ; поэтому на раду съ отличнымъ слогомъ статей, заимствованныхъ, наприм., изъ Цидерона или изъ хрестоматіи Эллента, встрѣчаются статьи даже съ нѣкоторыми синтаксическими ошибками, наприм., стр. 50: *sum, convocatis auditoribus, legeret eis*; стр. 72: *quicumque animantes sagittis ejus vulnerabantur, misere moriebantur* и проч. Страннымъ образомъ также считается за гекзаметръ такая фраза (стр. 55): *Sic homo fit doctus non vi, sed saepe studendo*. Въ концѣ книги приложены слова къ курсу I класса по параграфамъ, синтаксическія правила для курса II класса и лексиконъ въ алфавитномъ порядкѣ латинско-русскій и русско-латинскій. Внѣшній видъ книжки также очень изящный.

Каштанка. Рассказъ Антона Чехова. Спб., 1892 г. Ц. 50 к. Въ этой маленькой книжкѣ живо и весело рассказаны приключенія нянчивой собаки, прозванной Каштанкой. Каштанка отбилась какъ-то на улицѣ отъ своего хозяина, столяра, попала къ дрессировщику животныхъ для балаганныхъ представлений, прожила нѣкоторое время въ обществѣ новаго хозяина, его ученаго гуся и артиста-кота. Вмѣстѣ съ ними Каштанка успѣшно прошла соотвѣтственный ея собачьимъ способностямъ курсъ наукъ и удостоилась дебюта передъ многочисленною публикой. Но тутъ случился казусъ: прежній ея хозяинъ и его сынъ Федюшка, находившіеся въ числѣ зрителей, узнали Каштанку, позвали ее. Каштанка обрадовалась старымъ друзьямъ, бросилась къ нимъ, ушла за ними изъ балагана и очень скоро забыла всякую науку, попавши опять въ мастерскую столяра. Рассказъ написанъ просто, безъ претензій и можетъ быть занимательнымъ для дѣтей младшаго возраста. Текстъ иллюстрированъ изящными политипажами.

Б А Л Е Н Д А Р И.

„Новороссійскій календарь на 1892 г.“.—„Терекій календарь на 1892 г.“.

Новороссійскій календарь на 1892 годъ, издаваемый одесскимъ городскимъ общественнымъ управленіемъ подъ редакціей А. С. Бориневича. Весь сборъ отъ продажи—въ пользу пострадавшихъ отъ неурожаа. Это изданіе относится къ памятникамъ одесской старины. Впервые *Новороссійскій календарь* былъ изданъ въ 1821 году, на русскомъ и французскомъ языкахъ; впоследствии онъ издавался то при канцеляріи генераль-губернатора, то при Ришельевскомъ лицей, то при Новороссійскомъ университетѣ и Ришельевской гимназій. Такъ было до 1874 года, когда онъ надолго прекратился. Въ 1890 году эта старина была снова восстановлена одесскимъ городскимъ управленіемъ, по инициативѣ городского головы Маразли, по предложенію котораго одесская дума постановила весь сборъ отъ изданія *Календаря* на 1892 годъ пожертвовать въ пользу пострадавшихъ отъ неурожаа.

Разсматриваемое изданіе заключаетъ въ себѣ разнообразныя свѣдѣнія и статьи, охватывающія всю Новороссію, т.-е. Херсонскую, Таврическую, Бессарабскую и Екатеринославскую губерніи съ Одесскимъ, Севастопольскимъ и Керчь-Еникальскимъ градоначальствами и съ Николаевскимъ губернаторствомъ. Такая широкая область, охватываемая *Календаремъ*, сулитъ ему значительное распространеніе, тѣмъ болѣе, что и всѣ его отдѣлы составлены чрезвычайно толково, а отдѣлы судебный, статистическій и литературный полны интереса не только для мѣстныхъ жителей Новороссій; здѣсь найдутъ не мало любопытныхъ указаній всѣ, интересующіеся жизнью этого обширнаго и богатаго края.

Въ статистическомъ отдѣлѣ, кромѣ довольно полныхъ свѣдѣній о различныхъ сторонахъ жизни каждой губерніи и cadaго градоначальства Новороссій, данъ обзоръ дѣятельности крестьянскаго и дворянскаго банковъ за все время ихъ существованія, а также сжатый и строго обдуманый очеркъ земскаго банка Херсонской губерніи, вступившаго уже во второе 25-лѣтіе своего существованія. Земскій банкъ Херсонской губерніи имѣетъ огромное практическое значеніе для всего Новороссійскаго края. Этого значенія не могъ поколебать даже государственный дворянскій земельный банкъ съ его дешевымъ кредитомъ и съ различными льготами для заемщиковъ. Дѣятельность земскаго банка распространяется лишь на губерніи Новороссій, а, между тѣмъ, въ настоящее время въ немъ заложено больше 3 милліоновъ десятины земли, т.-е. его кредитомъ пользуется треть всѣхъ частновладѣльческихъ земель края. На этой заложеной землѣ состоитъ 81 милліонъ рублей ссуды и 66 милл. рублей капитальнаго долга. Для Херсонской губерніи банкъ имѣетъ особенно крупное значеніе, такъ какъ 60% всѣхъ земель частнаго владѣнія заложены въ немъ.

Литературный отдѣлъ *Новороссійскаго календаря* начинается статьей, посвященной памяти Н. И. Пирогова, бывшаго въ концѣ 50-хъ годовъ попечителемъ одесскаго учебнаго округа. Дальше идутъ статьи о Крымѣ, о минеральныхъ богатствахъ и движеніи посемельной собственности въ Екатеринославской губерніи, о Запорожьѣ, о продовольственномъ дѣлѣ и курганахъ и городищахъ Херсонскаго края, о бессарабскихъ цыганахъ и статьи по городу Одессѣ. Послѣдняя статья этого отдѣла (и всего календаря) принадлежитъ г. Бориневичу, старающемуся

популяризовать вопрос о предстоящей въ декабрѣ текущаго года однодневной переписи Одессы. Авторъ заканчиваетъ свою статью обращеніемъ къ жителямъ Одессы, чтобы они, „во имя правды, во имя науки, во имя общественныхъ интересовъ“, занесли на переписныя карточки „правду, и только правду“.

Цѣна *Новороссійскаго календаря* 1 р., съ пересылкою 1 р. 30 коп. Терскій календарь на 1892 годъ, въ двухъ книгахъ. Подъ ред. капитана П. Стефановскаго. Годъ второй, книга первая. Если *Новороссійскій календарь* обнимаетъ собой 4 губерніи, раскинувшіяся болѣе чѣмъ на 20 милл. десятинъ, съ населеніемъ до 8 милл., а *Терскій календарь* имѣетъ дѣло съ областью въ 6 милл. десятинъ и всего съ $\frac{3}{4}$ милл. жителей, то природа, климатическія и жизненныя условія Терской области такъ разнообразны, что и это изданіе можетъ имѣть интересъ не для однихъ только мѣстныхъ жителей. Здѣсь есть и вѣчно-снѣговыя вершины, и непроходимыя дебри сѣвернаго склона главнаго кавказскаго хребта и его отроговъ, съ бесплодными известняками и трахитовыми скалами, но немало также и степныхъ пространныхъ съ тучнымъ черноземомъ или съ подвижными песками, а по нижнему теченію Терека — болотистыя, вѣчно малярійныя мѣстности. Четвертый отдѣлъ лежащей передъ нами первой книги *Терскаго календаря* на 1892 годъ, названный статистическимъ ежегодникомъ, сообщаетъ весьма обстоятельныя свѣдѣнія о различныхъ сторонахъ жизни Терской области. Въ остальныхъ отдѣлахъ *Календаря*, среди обычныхъ справочныхъ указаній, помѣщенъ алфавитный списокъ всѣхъ поселеній области, въ концѣ приложенъ планъ областного города Владикавказа, а въ медицинскомъ отдѣлѣ сообщаются правила для лѣчебнаго сезона въ Пятигорскѣ, Ессентукахъ, Желъзноводскѣ и Кисловодскѣ.

Вторая книга *Терскаго календаря* должна выйти изъ печати въ мартѣ и составитъ собой литературно-научное приложение, озаглавленное *Терскій сборникъ*. Этотъ сборникъ появится въ объемѣ 20—25 печатныхъ листовъ и будетъ составленъ изъ двухъ отдѣловъ — статистико-экономическаго и литературно-научнаго, со статьями по исторіи края, о мѣстныхъ обычаяхъ, повѣрьяхъ и сказкахъ и т. п.

ПЕРИОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ.

„Русскій Вѣстникъ“, январь—февраль.—„Библиографическія Записки“, январь—февраль.—„Русская Старина“ 1891 г.—„Русскій Художественный Архивъ“, выт. I.

Русскій Вѣстникъ, январь—февраль. Обзорѣвая минувшій 1891 годъ, нашъ реакціонный органъ, не останавливаясь на тяжелыхъ бѣдствіяхъ его, старается, прежде всего, какъ бы утѣшить и успокоить своего читателя указаніемъ на положительныя стороны, на пріятные факты нашей внутренней жизни. Къ этимъ послѣднимъ *Русскій Вѣстникъ* относитъ факты усиленія миссіонерской дѣятельности, увеличенія церковно-приходскихъ попечительствъ и въ особенности возростанія церковно-приходскихъ школъ и школъ грамотности, занесенныхъ въ одну рубрику съ первыми. Нѣсколько странно, при этомъ, можетъ показаться то обстоятельство, что свѣдѣнія, которыми журналъ стремится скрасить впечатлѣнія прошлаго года, относятся вовсе не къ нему, что далѣе 1889 г. они не идутъ; но это, конечно, не лишаетъ ихъ общаго фактическаго значенія, характеризующаго время. Впрочемъ, самъ журналъ относится къ утѣшительнымъ для него даннымъ довольно

осторожно. Отмѣтивъ, что число церковно-приходскихъ школъ и школъ грамотности, а также число учащихся въ нихъ увеличилось въ 1889 г. противъ 1885 г. болѣе чѣмъ вдвое, а именно: съ 8,351 школы съ 202,350 учащ. до 17,715 шк. съ 473,275 учащ., *Русскій Вѣстникъ* прибавляетъ: „Надѣмся, что такъ дѣйствительно было, а не значилось только по записямъ епархіальныхъ училищныхъ совѣтовъ“. Далѣе цифры *Русскаго Вѣстника* констатируютъ за предпоследніе три года возростаніе изданій духовно-богословскихъ (съ 720 сочиненій въ 1888 г. до 881 въ 1890 г.), сокращеніе числа беллетристическихъ (съ 848 до 508) и нѣкоторый ростъ народныхъ дешевыхъ изданій. Изъ научныхъ сочиненій, по этимъ же свѣдѣніямъ, численно преобладаютъ историческія и въ особенности медицинскія; послѣднія въ 1888 г. печатались въ количествѣ около 447 тыс. экземпляровъ, а въ слѣдующемъ 1889 г. превысили 616 тысячъ.

Кромѣ приведенныхъ цифръ, не имѣющихъ примаго отношенія къ прошлому году, *Обозрѣніе 1891 года*, помѣщенное въ январской книгѣ журнала, напоминаетъ на 2 страницахъ нѣсколько симпатичныхъ ему мѣръ административнаго характера, въ томъ числѣ мѣры, препятствующія „засоренію Москвы нежелательными инородческими элементами“, и затѣмъ всецѣло сосредоточиваетъ вниманіе своего читателя на упущеніяхъ и непредусмотрительности, выказанныхъ нѣкоторыми земствами въ дѣлѣ продовольствія голодающаго населенія. Торжествующій злорадный тонъ разсужденій обозрѣвателя по этому поводу заставляетъ думать, что и эти факты заносятся имъ въ свое обозрѣніе также какъ нѣчто весьма пріятное съ точки зрѣнія журнала. Крайне трудная и сложная борьба съ голодомъ и его спутниками, которую приходится земствамъ вести въ настоящую минуту, разумѣется, не встрѣчаетъ не только ни слова поддержки со стороны реакціоннаго органа, а, напротивъ, служатъ нынѣ, какъ и прежде, лишь объектомъ подозрительности и травли съ его стороны. Ошибки и легкомысліе, выказанныя сравнительно въ очень немногихъ случаяхъ въ дѣятельности мѣстныхъ учреждений, эксплуатируются здѣсь единственно въ пользу излюбленныхъ теорій, вызываютъ вопли и крики, въ тысячу разъ болѣе громкіе и раздражительные, нежели само бѣдствие и его экономическія причины. Земскія учрежденія борются съ послѣдствіями неурожая въ семнадцати губерніяхъ. Дѣятельность ихъ у всѣхъ на виду и во всѣхъ, даже мельчайшихъ своихъ изгибахъ открыта „недремлющему оку“ реакціонной печати, ревниво слѣдящей за каждымъ ея шагомъ и раздувающей въ пожаръ всякую искру оплошности и нерадѣнія; и, тѣмъ не менѣе *Русскій Вѣстникъ*, не по недостатку желанія, конечно, приводитъ примѣры только двухъ земствъ, оказавшихся не на высотѣ своей задачи въ дѣлѣ продовольствія населенія, — уфимскаго и самарскаго. Ихъ однихъ оказывается для *Русскаго Вѣстника* вполне достаточно, чтобы дѣлать широкія обобщенія и сравнивать земство съ учреждениями, стоящими въ совершенно иныхъ условіяхъ и недоступными для всесторонняго обсужденія какъ по существующей для нихъ степени гласности и контроля общественнаго мнѣнія, такъ и по чрезвычайной кратковременности ихъ дѣйствія. „Мы не идемъ далѣе въ перечнѣ подвиговъ по народному продовольствію нашего общественнаго самоуправленія, — говоритъ *Обозрѣніе*, приведя примѣры двухъ упомянутыхъ земствъ. — Полагаемъ, что и сказаннаго вполне достаточно для выясненія гражданской зрѣлости учреждений, созданныхъ вѣяніями конца пятидесятыхъ и начала шестидесятыхъ

годовъ. Какой разгромъ казны „народными представителями“ произошелъ бы въ прошломъ году и продолжался бы понинѣ, если бы десять лѣтъ тому назадъ сбылась завѣтная мечта нашей „оппозиціи“ объ „увѣнчаніи зданія“, если бы „народные представители“ стали властно заправлять государственнымъ хозяйствомъ! И что стало бы теперь въ увѣздахъ, не будь тамъ земскихъ начальниковъ, этихъ земскихъ дѣятелей помимо земствъ, которымъ оппозиціонная печать предрекала, еще до ихъ рожденія на свѣтъ, одни проклятія народа?“ Послѣ этого огульнаго обвиненія всего самоуправленія, за счетъ котораго ставятся даже „мечты“ десятилѣтней давности, можно подумать, что дѣло идетъ, по меньшей мѣрѣ, о полномъ расхищеніи земствами общественныхъ денегъ, о злоупотребленіяхъ „интендантскаго“ характера и т. под. преступленіяхъ. Между тѣмъ, въ упомянутомъ примѣрѣ самарскаго земства, давашаго главный матеріалъ для нареканій и обвиненій земскихъ учреждений, самъ обозрѣватель говоритъ только о непредусмотрительности, беспорядкахъ и упущеніяхъ губернской управы и высказываетъ одно глухое подозрѣніе по поводу отчетности ея по продовольственному дѣлу.

Недостатки и пробѣлы нашего самоуправленія, разумѣется, всплывутъ и должны всплывать именно въ тяжелую годину, испытывающую силы и крѣпость всякихъ учреждений и людей, какъ, съ другой стороны, несомнѣнно, что въ это же время съ особенною ясностью предстанутъ и всѣ положительныя стороны земскихъ учреждений. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя забывать, что реакціонные органы, злорадно останавливающіе вниманіе своихъ читателей на этихъ недостаткахъ, уподобляются людямъ, которые, занимаясь въ теченіе долгихъ лѣтъ изо дня въ день порчей дома, жалуются потомъ, что онъ не представляетъ достаточной защиты отъ холода, и для достиженія противоположной цѣли предлагаютъ совершенно срыть домъ. Вообще, прислушиваясь къ ихъ рѣчамъ и совѣтамъ, читатель убѣждается, что текуція событія, заставшія врасплохъ реакціонные органы, ничему ихъ не научили, ни къ какимъ открытіямъ не привели, никакихъ дѣйствительно новыхъ словъ съ ихъ стороны не вызвали. Все тотъ же врагъ преслѣдуется на всѣхъ страницахъ *Русскаго Вѣстника*, о чемъ и о комъ бы онъ ни говорилъ. Врагъ этотъ — Европа, пагубное западное вліяніе. Все тѣ же преподаются здѣсь старье, туманные и совершенно неисполнимые совѣты отвратиться отъ западныхъ вліяній, замкнуться въ себя какъ въ раковину и найти какое-то особенное, самобытное „слово“, которое сразу застрахуетъ насъ отъ всѣхъ бѣдъ и напастей, избавитъ отъ бесилія и рая и высоко воздыметъ надъ посрамленными „цивилизованными варярами“. Въ сущности, насколько можно разобраться въ туманныхъ вѣщаніяхъ публицистовъ *Русскаго Вѣстника* и въ беллетристическихъ иллюстраціяхъ журнала на ту же тему, все сводится къ идеалу національнаго застоя и патриархальнаго крѣпостничества всѣхъ видовъ, или же къ такимъ сторонамъ духовной жизни народа, которыя и безъ того всегда существовали неизбежно во всеоружіи непререкаемаго авторитета и области воздѣйствія которыхъ, по показаніямъ самихъ публицистовъ *Русскаго Вѣстника*, процвѣтаетъ и расширяется. Чего же грустятъ, чего lamentируютъ, чего негодуютъ попятные пророки *Русскаго Вѣстника*? Кажется, многое имъ дано и ничего съ нихъ не спрашивается, и ни за что они не отвѣтственны. По ихъ мнѣнію, вѣдь, вся отвѣтственность за наши текуція бѣды падаетъ опять-таки на реформаціонныя вѣанія прошлаго царствованія,

порожденныя гибельнымъ духомъ западныхъ вліяній. Такимъ образомъ, первичною причиною нашихъ экономическихъ и иныхъ неурядицъ является опять-таки Европа. Кажется, довольно трудно притянуть Европу къ обвиненію въ нынѣшнемъ голодѣ и разореніи населенія, но на страницахъ *Русскаго Вѣстника* это дѣлается очень легко. „Къ сожалѣнію, переживаемое нами тяжелое время и упорная боязнь за успѣхъ урожая въ будущемъ году,—читаемъ мы въ статьѣ г. Велицына *Коммиссія по освобожденію крестьянъ*,—служить лучшимъ доказательствомъ тому, какъ правы были наши дворянскіе комитеты, еще въ 1859 году предсказывавшіе возможность голодовки въ Россіи въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. Будущее это, наконецъ, настало и, вмѣстѣ съ тѣмъ, по нашему убѣжденію, болѣе, чѣмъ когда-либо, настала пора страхнуть съ себя тѣ илюзіи, которыми насъ убаюкивали въ теченіе трехъ десятилѣтій, и, смѣло взглянувъ въ глаза бѣдствію, постигнутому Россію, обратиться не къ *палліативамъ*, а къ опредѣленію „корня зла“, къ изысканію тѣхъ первичныхъ источниковъ, результаты которыхъ оказались такими жалкими и гибельными. Обозрѣвая ходъ развитія крестьянской реформы и съ каждымъ шагомъ все сильнѣе убѣждаясь въ томъ, какъ далеко отъ народной жизни, отъ истинныхъ вѣковыхъ потребностей русскаго быта проложенъ былъ ея путь,—невольно проникаешься мыслью, что въ этомъ несоотвѣтствіи реформы съ требованіями жизни, въ этомъ легкомысленномъ черпаніи идей и плановъ изъ *чуждаго намъ источника*, лежалъ краеугольный камень того экономического и нравственнаго упадка нашего сельскаго населенія, все съ большею силой сказывающагося въ наши дни и вызвавшаго уже столько энергическихъ мѣропріятій высшей власти“. Ясно, что подъ этими гладкими, приличными фразами скрывается весьма недвусмысленное приглашеніе врачевать нынѣшнее бѣдствіе и упадокъ сельскаго населенія не мѣрами экономического и культурнаго характера, „палліативами“, а уничтоженіемъ самаго „корня зла“, каковымъ является для г. Велицына крестьянская реформа.

За этими вздохами по крѣпостному праву въ слѣдующей статьѣ *Русскаго Вѣстника* раздаются вздохи по той *духовной жизни*, которая составляла содержаніе дореформенной эпохи и которою жилъ помѣщичій душевладѣльческій классъ. Разбирая произведенія Гончарова, литературный критикъ реакціоннаго органа обвиняетъ покойнаго писателя въ тенденціозной обрисовкѣ дореформеннаго помѣщичьяго быта, какъ мертваго царства, лишеннаго всякаго проблеска высшей духовной жизни. Знаменитый *Сонъ Обломова*, такъ восхващавшій всѣхъ критиковъ, по мнѣнію нашего автора, есть не болѣе, какъ клевета на русскую жизнь. Помѣстное дворянство въ дореформенную эпоху было, молъ, носителемъ „здороваго преданія“, которое оно охраняло. Реформы Петра стремились разрушить это преданіе, но встрѣтили со стороны помѣщичьяго класса пассивное сопротивленіе. Люди преданія не возвели его на степень опредѣленнаго міросозерзанія, въ ихъ быту не было духовнаго движенія, но была *духовная жизнь*. „Это было не мертвое царство,—восторженно повѣствуетъ критикъ *Русскаго Вѣстника* о дореформенномъ стоячемъ болотѣ,—это было царство заколдованное. Оно застыло, какъ бы замороженное, въ своемъ преданіи, но своя духовная жизнь, оригинальная, не заимствованная, лишь непрерывно просачивалась въ этомъ быту, а не была ключомъ, но она была, эта духовная жизнь, и, благодаря ей, начала народныя, свои, сохранялись въ жизни нашего образованнаго общества... Для правильнаго пониманія типа Обломова,

надо исправить Гончарова, надо совершенно устранить въ созданномъ имъ лицѣ черту физической болѣзни... Въ образѣ Обломова мы видимъ залогъ будущаго" и т. д.

Мы не станемъ приводить всѣхъ курьезовъ реакціонной критики, стремящейся создать для читателей *Русскаго Вѣстника* некую, свою, литературную теорію, нѣчто вродѣ крѣпостническаго романтизма. Но „для правильнаго пониманія“, какъ выражается г. Благинъ, „преданій“, сохранявшихся въ дореформенномъ быту, вопреки преобразованіямъ Петра, для выясненія смысла той жизни, которую вело дореформенное общество,—жизни „своей, оригинальной, не заимствованной“,—не мѣшаетъ обратиться хотя бы къ свидѣтельству повѣсти г. Григоровича, помѣщенной въ той же январьской книгѣ *Русскаго Вѣстника*, гдѣ такъ много вздыхаютъ по этой „оригинальной, своей“ Аркадіи дореформеннаго быта. Очеркъ Д. В. Григоровича, озаглавленный *Мой дядя Бандуринъ*, не новъ по содержанію, но, все-таки, это авторитетный историческій рассказъ или, лучше сказать, характеристика нравовъ и типовъ крѣпостной эпохи. Правда, дѣло идетъ не о помѣщикамъ классу, а о бытѣ гвардейскихъ офицеровъ, но это не предоставляетъ существенной разницы, ибо блестящіе гвардейцы выходили изъ того же класса и обыкновенно, прослуживъ нѣсколько лѣтъ, въ него же возвращались. „Духовная жизнь“, интересы и власть „преданій“ были и тутъ, и тамъ одинаковы. Позволимъ себѣ привести одну изъ мастерскихъ характеристикъ г. Григоровича, котораго никакъ нельзя упрекнуть въ обличительныхъ стремленіяхъ: „Въ концѣ сороковыхъ годовъ,—читаемъ мы въ повѣсти,— общество гвардейскихъ офицеровъ дѣлилось на три главныя группы, рѣзко отличавшіяся одна отъ другой.

„Къ первой принадлежали такъ называемые *шаркуны* и *фермакуры*, усердно посѣщавшіе свѣтъ, строго исполнявшіе его требованія; они являлись на всѣ придворныя и частныя балы, старательно танцовали, имѣя въ виду обратить на себя вниманіе, „попасть въ лучъ зрѣнія“, какъ тогда говорились,—вытанцовать богатую невѣсту или эксельбанты,—чему не разъ бывали примѣры.

„Вторую группу, самую многочисленную, составляли офицеры, любившіе службу и полкъ безъ задней мысли, жившіе въ казармахъ или на частной квартирѣ, любившіе пуншъ съ бѣлымъ аракомъ, готовые во всякіе часы дня и ночи заложить банкъ и время отъ времени задать такую пирушку, чтобы чертамъ было тошно,—пирушку съ приправой пѣсenniковъ и подъ конецъ полнымъ размахомъ веселья съ катившимися на полъ бутылками, летѣвшими въ стѣну селедками и стаканами. Въ иныхъ квартирахъ находилась „адская комната“; въ нее дозволялось проникнуть не иначе, какъ осушивъ залпомъ безъ передышки на полъ бутылками, летѣвшими въ стѣну селедками и стаканами. Въ иныхъ квартирахъ находилась „адская комната“; въ нее дозволялось проникнуть не иначе, какъ осушивъ залпомъ безъ передышки на порогъ кубокъ, вмѣщавшій бутылку шампанскаго. Во всякое время можно было здѣсь слышать сѣтованія противъ тогдашнихъ молодыхъ людей, какъ статскихъ, такъ и военныхъ; ихъ величали сосульками, кисляками, разварною спаржей, черносливцами. Въ примѣръ добраго стараго времени часто приводился покойный ротмистръ Карцевъ: осушить, бывало, одну за другой три бутылки, приставить къ губамъ горло послѣдней и дунуть въ него съ такою силой, что дно отлетаетъ. У этого Карцева, рассказывали, была такая сила и онъ такъ ею пользовался, что отъ каждаго его кулака „пахло покойникомъ“. Въ иной вечеръ, когда не было возможности заложить банчикъ и уже достаточно было выпито, владѣлецъ квартиры предлагалъ маленькое невинное развлеченіе, получившее почему-то названіе *Марино-Фальеро*. Оно состояло

въ изысканіи маленькаго сѣденькаго чиновника по фамиліи Фусиковъ, но охотѣе откликавшагося на имя „Фусикъ“, данное ему офицерами. Фусика втаскивали на верхушку высокой круглой печки и держали пари о томъ, кто скорѣе сшибетъ его оттуда съ одного раза подушкой. Фусикъ кричалъ благимъ матомъ, подушки летѣли и вмѣстѣ съ ними летѣла иногда злосчастная жертва, которую подхватывали на руки, но уже съ тѣмъ, чтобы начать подбрасывать его къ потолку. Предлагали затѣмъ другой вариантъ: Фусика заперли зимою въ пустую комнату, предварительно отвинтивъ въ окнѣ форточку; подлѣ двери ставились стулья, и веселая компанія усаживалась слушать, какъ будетъ замерзать Фусикъ...

„Третью группу офицеровъ составляли театралы — люди, для которыхъ земной и духовный миръ замыкался зданіемъ Большаго театра, когда въ немъ шелъ балетъ... Ухаживанія за театральными воспитанницами отличались такою энергіей, что, по распоряженію начальства, кареты и фургоны, увозившіе воспитанницъ изъ театра, должны были сопровождаться жандармами. Вечеръ и часть ночи проходили въ толкахъ о театральнхъ дѣлахъ, — положенъ былъ штрафъ на того, кто коснется чего-нибудь другаго“...

Картинка эта относится къ концу сороковыхъ годовъ, къ тому времени, въ которое, какъ извѣстно, общество наше усиленно охранялось отъ всякихъ западныхъ вліяній и въ которое на просторѣ могли развиваться свои, „не заимствованныя“, черты нашихъ нравовъ и возрѣній. Дѣйствительно, во всемъ очеркѣ нашего добродушнаго автора, безхитростно рассказывающаго о времени, котораго онъ былъ свидѣтелемъ, — во всемъ рассказѣ *Мой дядя Бандуринъ*, — самый придирчивый слѣдователь по части „корня зла“ не найдетъ ничего, кромѣ „самобытныхъ“ нравовъ и преданій, не откроетъ ни малѣйшаго намека на присутствіе въ руководящихъ классахъ общества тлетворныхъ западныхъ вліяній. Потому-то, вѣроятно, европофобы *Русскаго Вѣстника* приняли за реабилитацію этой эпохи по преимуществу. Не только публицисты и критики журнала, философы его также почерпаютъ здѣсь руководящую для настоящаго времени мысль, отыскиваютъ подходящія, хотя и малозвѣстные авторитеты и ихъ устами преподають спасительные совѣты. Такимъ авторитетомъ является, напримеръ, для г. Страхова поэтъ Веневитиновъ, послѣдователь консервативнаго шеллингианства 30-хъ гг. Разбирая въ статьѣ *Итомъ современнаго знанія* книгу Ренана *L'avenir de la science*, г. Страховъ дѣлаетъ выводъ, что, вслѣдствіе односторонности современнаго научнаго движенія и отсутствія въ настоящее время такого философскаго направленія, такой идеи, которая могла бы измѣнить его ходъ, послѣднюю половину нашего вѣка скорѣе можно назвать временемъ упадка наукъ, чѣмъ временемъ ихъ обновленія. Поэтому въ заключительной главѣ своей статьи авторъ старается доказать опасность вліянія западной науки и литературы, благодаря которому мы переживаемъ „всѣ болѣзни и паденіе европейской мысли“. Чтобы спастись и сохраниться здоровыми, г. Страховъ рекомендуетъ принять совѣтъ Веневитинова, съ ужасомъ взиравшаго въ свое время на начинавшееся броженіе русской мысли, подъ вліяніемъ европейской литературы. „При семъ нравственномъ отношеніи Россіи, — поучаетъ г. Страховъ устами Веневитинова, — одно только средство представляется тому, кто пользу ея изберетъ цѣлью своихъ дѣйствій. Надобно бы совершенно остановить нынѣшній ходъ ея словесности и заставить ее болѣе думать, нежели производить. Для сей дѣли надле-

жало бы некоторымъ образомъ устранить Россію отъ нынѣшняго движенія другихъ народовъ, закрыть отъ взоровъ ея всѣ названные происшествия въ литературномъ мірѣ, безконечно развлекающія ея вниманіе, и, опираясь на твердыя начала философіи, представить ей полную картину развитія ума человѣческаго, — картину, въ которой бы она видѣла свое собственное предназначеніе". Подъ твердыми началами единой спасительной философіи въ наставленіяхъ поэта 30-хъ гг. разумѣется единственно философія Шеллинга. Видя зыбкость умственныхъ явленій въ литературѣ, какъ говорить г. Страховъ, Веневитиновъ боялся, что влияніе Шеллинга будетъ у насъ недолговѣчно, и потому убѣждалъ писателей и читателей бросить торопливую погоню за всякою новизной и остановиться на вѣдотворныхъ началахъ и приемахъ этого философа.

И такъ, *остановить* ходъ словесности, *устранить* Россію отъ движенія другихъ народовъ, *закрыть* отъ взоровъ ея литературу другихъ странъ, *запереть* ея мысль въ кругъ одной какой-либо философской системы по выбору совѣтниковъ (въ данномъ случаѣ нашихъ „самобытниковъ“ съ г. Страховымъ во главѣ), — всѣ эти „прекрасныя мысли Веневитинова, — по мнѣнію г. Страхова, — приложимы къ нашему времени столько же, и даже болѣе, чѣмъ въ 1827 году, да, вѣроятно, и надолго еще могутъ годиться для нашего руководства“. Нужно ли прибавлять, что всѣ онѣ, эти прекрасныя мысли, сводятся на практикѣ къ проведенію до крайнихъ предѣловъ знаменитой формулы „тащить и не пущать“ въ область умственной жизни. И сколько умственной трусости, сознанія слабосилія передъ чужою мыслью, сколько скептицизма по отношенію къ духовнымъ силамъ своего собственного народа скрывается въ словахъ и въ совѣтахъ всѣхъ этихъ людей, официально выступающихъ на своемъ знамени восторженную вѣру въ нравственную мощь Россіи, въ обновляющую силу ея самобытнаго духа, въ прочность ея историческихъ устоевъ! Они не замѣчаютъ или не хотятъ замѣтить, что разрушаютъ одною рукою то, что хотятъ утвердить другою.

Кажется, мы привели изъ *Русскаго Вѣстника* достаточно примѣровъ въ доказательство той косности реакціонно-самобытныхъ возрѣній журнала, о которой мы говорили выше. Она отражается, какъ мы видѣли, почти во всѣхъ отдѣлахъ его, упрямо отстаивая свой идеалъ застоя и ненависти къ наукамъ даже въ виду печальнѣйшихъ явленій современной жизни, повелительно указывающихъ на необходимость распространенія знаній и движенія впередъ. Поклонники дореформеннаго „преданія“ въ политическомъ и въ философскомъ смыслѣ слова, сотрудники журнала насильственно притягиваютъ къ своей формулѣ всѣ проявленія умственной жизни, всѣ факты, всѣ сферы дѣятельности, какъ бы онѣ ни были отъ него далеки по внутреннему содержанию, стараясь вездѣ отыскать „корень зла“, т.-е. научную и критическую мысль, и набросить на нее подозрѣніе потому именно, что она критическая.

Въ нашей дѣйствительности встрѣчаются умственные теченія, хотя иного порядка, но родственныя адептамъ „преданія“ по общей антипатіи къ знанію и по тѣмъ приемамъ, которыми они стремятся разрѣшить разные вопросы и сомнѣнія. Въ февральской книгѣ *Русскаго Вѣстника* мы встрѣчаемъ изображеніе такихъ попытокъ сдѣлать новый шагъ, ступить, такъ сказать, нѣсколько въ сторону отъ пути духовнаго застоя и рутинны, который не знаетъ никакихъ колебаній и сомнѣ-

ній. Попытки, разумѣется, кончаются разочарованіемъ и раскаяніемъ тѣхъ, кто вздумалъ испробовать иную, хотя и близкую по духу, теорію, легкомысленно увлекшись тѣмъ, что она исключаетъ изъ своей среды научную мысль. Поэтому изображенія эти носятъ рѣзко обличительный характеръ, принимающій мѣстами тонъ пасквида, какъ это обыкновенно случается съ рѣчью ренегатовъ какого-нибудь ученія. Такой обличительно - пасквильный характеръ носить повѣсть въ трехъ письмахъ г. Щеглова *Около истины*. Къ этому же роду можно отчасти отнести и полубеллетристическіе очерки г. Всевол. Соловьева *Современная жрица Изиды*, представляющіе яркое разоблаченіе личности и дѣятельности Блаватской, извѣстной создательницы теософическаго ученія.

Повѣсть г. Щеглова представляетъ собою нѣчто вродѣ исповѣди толстовца. Авторъ пишетъ, въ которыхъ разсказывается „увлеченіе“ его толстовскимъ ученіемъ, представляя собою, по его словамъ, вполне готовую почву для воспріятія проповѣди „яснопольнскаго философа“, призывавшаго всѣхъ очнуться среди самодовольной суматохи человѣческаго прогресса. Судя по его словамъ, онъ, городской житель, беллетристъ по профессіи, давно жаждалъ идеала физическаго здоровья, уравновѣшенности и того счастья, которое дается отсутствіемъ сомнѣній и думъ. „Я дошелъ до того, — говоритъ онъ въ первомъ письмѣ, — что сталъ открыто ревновать къ сосѣднему дюжему водовозу, который каждое утро проѣзжалъ мимо моихъ оконъ. Водовозъ сидѣлъ безпечно на своей бочкѣ и, весело посвистывая на свою запаренную коняку, заглядывалъ въ мое окно, въ уютный кабинетъ съ ярко горящимъ каминомъ. По всей вѣроятности, онъ думалъ: вотъ какъ хорошо жить въ такомъ кабинетѣ, грѣться у камина и раскуривать въ свое удовольствіе барскія сигарки... Дуралей! Онъ и не подозрѣвалъ въ своей водовозной простотѣ, что я только о томъ и мечталъ, какъ бы помѣняться мѣстамп!“

Такимъ образомъ, когда раздался „вѣщій голосъ яснопольнскаго философа, въ немъ не было для героя ничего оглушительно-неожиданнаго“. Случай столкнулъ его съ общиной толстовцевъ и онъ съ восторгомъ сдѣлался ея членомъ. Въ повѣсти подробно описывается эта община, группировавшаяся вокругъ книжнаго склада подъ фирмою „Мужичокъ-Простачокъ“, описывается болѣе, впрочемъ, со стороны внѣшности: одежды, пища, мебелировка, обхожденія членовъ другъ съ другомъ и съ прислугой. Къ тому, что сообщалось объ этихъ предметахъ въ печати, прибавлено много явно-карикатурныхъ чертъ. Такъ какъ община занималась изданіемъ книгъ для народа, авторъ писемъ характеризуетъ только эту дѣятельность толстовцевъ и разсказываетъ, какъ они коверкали книги, преобразовывая *Блезз Паскаля* въ *Мудреца Власа*, *Короля Лира* въ *Строптивого старика Никиту*, а *Гамлета* въ *Гаврилу*, *нутрянаго челоютка*. Въ концѣ - концовъ, провозившись нѣсколько времени съ общинниками и неудачно влюбившись въ жену одного изъ нихъ, авторъ писемъ совершенно разочаровался и въ нихъ, и въ ихъ ученіи, разочаровался, какъ всѣ ренегаты, до полной ненависти къ прежнимъ единомышленникамъ. Онъ съ такою же радостью покинулъ стѣны „непротывленскаго капища“, съ какою вступилъ въ нихъ; онъ отряхнулъ прахъ „затхлоу тюрьмы“ съ тѣмъ, чтобы примириться съ жизнью, со всѣми ея слабостями и увлеченіями. Онъ успокоился на дѣтской вѣрѣ и навсегда отрѣшился отъ всякихъ сомнѣній и безплодныхъ умствованій.

Повѣсть *Около истины* затрогиваетъ одно изъ новыхъ явленій современности, написана живымъ, бойкимъ перомъ и поэтому читается легко и съ любопытствомъ. Но характеръ пассивна не позволяетъ отнестись къ ней серьезно и смотрѣть на это произведеніе какъ на правдивое изображеніе жизненнаго факта. Въ такихъ произведеніяхъ очень трудно отдѣлнить вѣрныя черты отъ живыхъ, юморъ или сарказмъ отъ грубой каррикулы. Художественныхъ *типовъ* въ повѣсти нѣтъ. Есть отдѣльныя своеобразныя лица, характеризуемые большею частью анекдотами, которые рассказываетъ о нихъ авторъ трехъ писемъ, выдавая ихъ за вполне достовѣрныя. Многіе анекдоты, однако, кажутся весьма сомнительнаго происхожденія, даже при существованіи странныхъ рассказовъ, которые ходятъ о толстовцахъ. Такъ, наприм., объ основателѣ „Мужичка - Простачка“ рассказывается, что ранѣе, когда онъ еще жилъ въ „мирѣ“, это былъ блестящій гвардейскій офицеръ, кутила и сердцеѣдъ, герой великосвѣтскихъ баловъ, положенію котораго завидовали всѣ офицеры полка. Красивый и самонадѣянный гвардеецъ по временамъ, на недѣлю, на двѣ, вдругъ пропадалъ неизвѣстно куда. Это приводило къ догадкамъ романческаго свойства. А, между тѣмъ, наоборотъ, разгадка была самая прозаическая. На одной изъ окраинъ Петербурга существуютъ издѣвна торговыя бани купца Г., очень дешевыя, грязныя, прямо чернорабочія бани, и вотъ въ этихъ-то заброшенныхъ баняхъ появлялось отъ времени до времени новое лицо—банщикъ Алексѣй... „Чего нельзя продѣлать въ Петербургѣ за большія деньги, а Алексѣю Кувязеву обходилось, конечно, не мало сохраненіе строжайшаго инкогнито. О, въ этой-то сокровенности и заключалась для него вся острота неизвѣданныхъ ощущеній, вся болѣзненная сладость добровольнаго уничтоженія и опрошенія! Высокій, ловкій и сильный, въ затасканной красной рубахѣ и пестрадевыхъ шароварахъ, онъ мало чѣмъ отличался отъ остальныхъ банщиковъ. Да онъ того только и добивался, чтобы не отличаться, и шелъ со всѣми наравнѣ: таскалъ уголья и кололъ дрова, мылъ и парилъ своихъ демократическихъ гостей, а въ свободное время отпраплялся съ пріятелями въ сосѣдній трактиръ... Но психозъ проходилъ... и Алексѣй Кувязевъ, неожиданно ни для кого, снова появлялся на свѣтскомъ балу или въ первомъ ряду креселъ на представленіи новаго балета. Поди разгадай послѣ этого человѣческую натуру!...“ Такими-то „достоверными“ рассказами характеризуются герои повѣсти. Но не въ этомъ, пожалуй, дѣло, а въ томъ, что каррикулы рассказчика далеко не всегда невиннаго свойства, что обличенія бывшаго толстовца не ограничиваются областью философскихъ и соціальныхъ воззрѣній, а переносятся мѣстами на такую почву, когда пасивиль уже граничить съ доносомъ. Обличитель настаиваетъ на анти-религіозномъ направленіи проповѣди своихъ прежнихъ единомышленниковъ и главною ихъ цѣлью выставляетъ стремленіе разрушить вѣру и міросозерцаніе простаго человѣка.

Если читатель не удовлетворяется художественною стороною повѣсти г. Щеглова, то еще менѣе можетъ онъ удовлетвориться ея внутреннимъ смысломъ. И это въ особенности въ томъ случаѣ, когда онъ не раздѣляетъ самъ взглядовъ Толстаго. Любопытно, вѣдь, не только содержаніе ученія толстовцевъ и несостоятельность ихъ личныхъ подвиговъ въ дѣлѣ опрошенія, а также и то, во имя чего отвергаютъ это ученіе, съ какимъ критеріемъ къ нему подходить, что даютъ взамѣнъ его. Обличитель толстовцевъ въ повѣсти *Русск. Вѣстника* идетъ къ

нимъ за разрѣшеніемъ сомнѣній и тревожныхъ вопросовъ, которые называются вопиющими социальными несовершенствами даже такимъ поверхностнымъ умамъ, каковъ герой г. Щеглова. Онъ, однако, не ходитъ у мужика-простачка этого разрѣшенія, и спрашивается, гдѣ же искать его, и что предлагается обличителями въ замѣнъ дѣятельности толстовцевъ? На эти вопросы повѣсть не даетъ отвѣта, если только не считать отвѣтомъ предложеніе безсознательно радоваться жизни и выкинуть изъ головы всякія сомнѣнія и тревожныя думы. Подвигамъ же опрощенія обличители противопоставляютъ, какъ нѣчто высшее, подвигъ какого-то купца, который внезапно бросилъ всѣ дѣла, богатство роздалъ, а самъ на двадцать лѣтъ уходитъ замаливать грѣхи въ Иерусалимъ, откуда потомъ возвращается и благодѣтельствуемъ бѣднымъ на тѣ гроши, что собираетъ подаеніемъ... Это ли не разрѣшеніе социальныхъ вопросовъ и запросовъ совѣсти?!

Разоблаченія г. Всев. Соловьева, *Современная жрица Изиды*, представляютъ гораздо болѣе интереса и по формѣ, и по содержанию, нежели обличительная повѣсть г. Щеглова. Живо, ярко написанныя, они даютъ характерный образъ странной, необыкновенной женщины, составившей себѣ громкое имя въ Европѣ, а у насъ почти совсѣмъ неизвѣстной. Интересъ, возбужденный у насъ въ послѣднее время буддизмомъ, также придаетъ особое значеніе и теософію, считающей себя отпрыскомъ древняго ученія. Создательница „теософическаго общества“, воспринявъ всю мистическую сторону буддизма, дополнила ее практикой таинственныхъ „феноменовъ“, оказавшихся, разумѣется, шарлатанствомъ и свидѣтельствами мнѣческихъ индійскихъ мудрецовъ, *мазатля*, которые будто бы помогали въ созданіи новаго ученія. Со всею страстностью разочарованія бывшаго послѣдователя и ученика, г. Вс. Соловьевъ разоблачаетъ теперь дѣятельность покойной Блаватской, изъ опасенія, какъ говоритъ онъ, чтобы и у насъ не увлеклись созданною ею „новою религіей“. Забвеніе, полное забвеніе, — вотъ единственное, что было бы нужно теперь для Блаватской, — замѣчаетъ г. Соловьевъ, а, между тѣмъ, говоритъ о ней, говоритъ много, краснорѣчиво, и своимъ яркимъ письмомъ невольно вызываетъ удивленіе и живѣйшій интересъ къ необычайной фигурѣ „современной жрицы Изиды“. Приведемъ общую характеристику этой женщины, въ которой даже врагъ ея „ученія“ признаетъ необыкновенную даровитость и нравственную силу. „Я узналъ ее тогда, — говоритъ г. Соловьевъ, — когда „жизнь женщины“ была кончена и наступилъ періодъ совсѣмъ иной дѣятельности. Конецъ этой бурной „жизни женщины“ оказался не концомъ, какъ случается обыкновенно съ заурядными женщинами, а именно началомъ ея „настоящаго существованія, проявленія всѣхъ данныхъ ей природою способностей. Я знаю ее состарившейся, больной, но полной огня и энергіи, и не могу ее иначе себѣ представить. Въ ней было три существа. Первое изъ нихъ — *Елена Петровна* въ ея спокойные дни и вдали отъ дѣла „теософическаго“ общества, веселая, остроумная собесѣдница, съ неистощимымъ запасомъ хотя грубоватаго, но настоящаго юмора, интересныхъ, увы, далеко не всегда основанныхъ на строгой правдѣ разсказовъ, анекдотовъ, смѣшная и симпатичная, какъ-то магнетически къ себѣ привлекавшая и даже способная на добрые порывы. Второе существо ея — *Радда-Бай*, Н. Р. Blavatsky или Н. Р. В. — авторъ *Пещеръ и дебрей Индостана, Западныхъ племенъ, Разоблаченной Изиды, Тайнаго ученія*, редакторъ *Теософиста, Люцифера* и т. д., писательница, поражающая своимъ литературнымъ та-

лятою, огромною памятью и способностями быстро схватывать самые разнородные предметы и писать о чем угодно, писать интересно и увлекательно, хотя верблюдом безсвязно и разбрасываясь во все стороны. Если бы сочинения Е. П. Блаватской были, как рассказывала сестра ее, произведением ее таинственного учителя, махатмы, великаго мудреца полубога, живущаго въ дебряхъ Тибета и *джинголазия* ей, съ полнымъ пренебреженіемъ къ востраству, когда она находилась въ Америкѣ или въ Европѣ, — такому мудрецу сочинения эти, въ виду ихъ недостатковъ, сдѣлали бы не много чести. Ей же, въ юности плохо усвоившей предметы элементарнаго образованія и до сорока лѣтъ знавшей, яко бы, очень мало, — оная такъ по свидѣтельству ее сестры, — они дѣлаютъ большую честь, указывая на огромныя ея способности и горячую любовь къ труду... Третье существо Е. П. Блаватской, за которымъ, въ несчастью, слишкомъ часто скрывались и со-всѣмъ исчезали два ея первыхъ существа, это — „шадаме“, какъ называли ее всѣ теософы, безъ различія національностей, это создательница „теософическаго общества“ и его „хозяйка“, „la femme aux rhéposés“.

Въ такихъ яркихъ краскахъ рисуетъ г. В. Соловьевъ нашу соотечественницу, подвизавшуюся въ Европѣ, въ Индіи и въ Америкѣ въ качествѣ создательницы „новаго ученія“, но, въ то же время, и въ качествѣ беззащитной обманщицы доврчивыхъ и жаждущихъ „таинственнаго“ людей. Первые главы *Изиды* описываютъ знакомство съ нею г. Соловьева въ Парижѣ, обстановку ея жизни и кружокъ ея тамошнихъ послѣдователей. Самые разоблаченія „чудесъ“ и проч. обѣщаются впереди, и нельзя сомнѣваться, что воспоминанія о Блаватской г. Соловьева представляютъ еще много интереснаго и пикантнаго, но серьезное значеніе ихъ подрывается самимъ авторомъ, собственной точкой зрѣнія его на вещи. Дѣло въ томъ, что и г. Соловьевъ стоитъ на той же самой ненаучной почвѣ, на которой стояла Блаватская, и онъ вѣритъ въ возможность такихъ же таинственныхъ, мистическихъ открытій, какими она объясняла свои писанія, свои поступки и свой „феноменъ“. Такъ, въ самомъ же началѣ повѣствованія о Блаватской, когда она заговорила съ нимъ о своемъ таинственномъ „хозяйнѣ“, учитель-гуру, обитающемъ въ дебряхъ Индостана, г. Соловьевъ говоритъ: „Я нисколько не боюсь ничьей улыбки, заявляя, что и тогда признавалъ, и теперь признаю *возможность* (курс. автора) существованія *идь бы то ни было*, хотя бы, пожалуй, въ пещерахъ и дебряхъ Индостана, такого человѣка, знанія котораго далеко превосходить все, что извѣстно современной нашей наукѣ. Если бы я *напрямое* *зналъ*, что такого человѣка *не можетъ быть*, я имѣлъ бы основаніе, послѣ первыхъ ея словъ о *хозяйнѣ*, продолжать разговоръ съ нею только въ виду цѣли разоблачить ея ложь и обманы. Но тогда я былъ очень далекъ отъ подобной цѣли“.

А въ такомъ случаѣ разоблаченія г. Соловьева представляютъ не разборъ „ученія“, не критику его началъ, а, какъ остроумно выразился одинъ компетентный судья, „споръ одного махатмы съ другимъ махатмою“.

Библиографическія Записки, январь—февраль. Съ января настоящаго года въ Москвѣ издается новый журналъ библиографическаго характера по очень широкой программѣ. Отмѣчая во вступительной статьѣ рядъ попытокъ основать въ Россіи періодическое изданіе, посвященное библиографіи и книжному дѣлу, редакция новаго журнала

подчеркиваетъ печальную судьбу всѣхъ подобныхъ попытокъ. „Этотъ эфемерный характеръ русскихъ библиографическихъ журналовъ, — говоритъ редакция (январь, стр. 3), — былъ роковымъ послѣдствіемъ того равнодушія, съ которымъ относилась къ нимъ публика“. Одной изъ такихъ почтенныхъ попытокъ были, между прочимъ, *Библиографическія Записки* 1858—1861 гг., прекратившіяся, несмотря на свои выдающіяся достоинства, благодаря полному равнодушію къ нимъ читающей публики. Умирая, старая *Библиографическія Записки* обѣщали возобновиться „при болѣе благоприятныхъ обстоятельствахъ“. Издатель (антикварій П. П. Шибановъ) нашелъ въ настоящее время тѣ „благоприятныя обстоятельства“, которыя могутъ способствовать упроченію возродившихся *Библиографическихъ Записокъ*. Вышедшія до сихъ поръ двѣ книжки, не заключаая особенно выдающихся публикацій, производятъ, тѣмъ не менѣе, въ общемъ благоприятное впечатлѣніе: на ряду съ обширнымъ критическимъ и справочнымъ отдѣломъ (рецензіи, списокъ выходящихъ книгъ, содержаніе русскихъ журналовъ, иностранныя книжныя новости, госсиса и проч.) въ нихъ находимъ нѣсколько статей историко-литературнаго, біографическаго и археографическаго характера. Извѣстный историкъ Ив. Иг. Забѣлинъ напечаталъ здѣсь (№ 2) *Замѣтку о памятникахъ престонародной литературы* съ текстомъ небольшихъ статей, составляющихъ, по мнѣнію автора, списокъ съ листовъ лубочной печати, оставшихся неизвѣстными Д. А. Ровинскому. Проф. И. Н. Корсунскій и А. И. Остроглазовъ помѣстили біографіи архимандрита Леонида (Кавелина) и С. Д. Полторацкаго (съ портретами), А. А. Титовъ — обзоръ рукописей М. Я. Діева. Изъ архивныхъ матеріаловъ В. Н. Сторожевымъ напечатаны два любопытныхъ экземпляра дворянскихъ челобитій XVII вѣка и А. А. Гоздаво-Голомбѣвскимъ — документъ, касающійся изыятія изъ обращенія въ XVII вѣкѣ „Учительнаго Евангелія“ Кирилла Транквилиона. Если всѣ перечисленные во второй книжкѣ сотрудники (среди нихъ нѣсколько академиковъ и профессоровъ) будутъ дѣйствительно принимать участіе въ *Библиографическихъ Запискахъ*, то изданіе обѣщаетъ быть интереснымъ.

Русская Старина 1891 г. По примѣру прежнихъ лѣтъ, самостоятельнымъ историческимъ работамъ въ *Русск. Стар.* 1891 г. отведено самое начтожное мѣсто; ихъ всего четыре и, притомъ, сравнительно небольшихъ размѣровъ. Наиболѣе обширною работой является историко-біографическое изслѣдованіе Н. А. Бѣлозерской „Василій Троф. Нарѣжскій“ (№№ 5—8), начатое печатаніемъ еще въ 1888 г. Очеркъ г-жи Бѣлозерской, посвященный „родоначальнику натуральной школы, самобытному русскому романисту“, хотя и читается не безъ интереса, однако, сильно страдаетъ растянутостью и элементарностью авторскихъ приемовъ: авторъ не скупится на выписки и большая часть изложенія — простая передача содержанія романовъ Нарѣжскаго. Особо въ концѣ очерка рассказано содержаніе *Россійскаго Жилбласа* (передѣлка на русскіе нравы Лесажевской *Histoire de Gilblas*), запрещеннаго въ 1814 году цензурою по представленію гр. Разумовскаго (см. объ этомъ № 6, стр. 524) и обѣщаннаго изданіемъ полностью на страницахъ *Русск. Стар.* Кромѣ начала „обширной“, по отзыву редакціи, монографіи Н. К. Шильдера „А. И. Михайловскій-Данилевскій“ (№ 9), хотя и не выдержанной въ научномъ отношеніи, но обѣщающей быть интересной по эпохѣ и матеріалу, ею затронутымъ, читаемъ небольшіе очерки профессора В. А. Бильбасова: „Никиѣ Панинъ и Мерсье-де-Ларивьеръ“ (№№ 11 и 12) и А. Г. Брикнера: „Императрица Екатерина II

и докторъ Вейкардъ* (№ 12). Очеркъ г. Вильбасова—очень любопытенъ: это—исторія попытокъ Н. И. Панина ограничить власть Екатерины, закончившихся инцидентомъ съ Мерсье-де-ла-Ривьеромъ, который изученъ авторомъ по перепискѣ, сохранившейся въ государственномъ архивѣ и напечатанной имъ въ переводѣ (XI, 317; XII, 507—520). Ла-Ривьеръ былъ первымъ французомъ, рѣшившимся явиться въ Россію по приглашенію Екатерины, которой отвѣчали отказомъ и Вольтеръ, и Даламберъ. Онъ прославился своею защитой принципа свободы торговли, который, по справедливому замѣчанію г. Вильбасова (XI, 305), и „въ концѣ XIX столѣтія не понимается многими умами, смѣшивающими государственные интересы торговли съ частными интересами торговцев“. Узнавъ о Ла-Ривьерѣ изъ депеши барона О. Н. Штапельберга, Екатерина „закликала“ Н. И. Панина немедленно пригласить мариникскаго интенданта въ Москву; но русскій Панинъ ни на минуту не терялъ надежды ограничить власть императрицы,—французъ Ла-Ривьеръ считалъ монархію единственно разумною формою правленія. Человѣкъ, весьма пригодный для Екатерины, былъ не пригоденъ для Панина: авторъ *L'ordre naturel*, лебединой пѣсни монархизма, не можетъ остаться въ Россіи. Ла-Ривьеръ прибылъ въ Петербургъ въ началѣ октября 1767 г., а въ февралѣ 1768 г. уже представлялся императрицѣ въ прощальной аудіенціи. Такъ угодно было Панину не дать мѣста Ла-Ривьеру въ преобразовательной дѣятельности Екатерины. Очеркъ А. Г. Брикнера знакомитъ читателя съ личностью доктора М. А. Вейкарда, его положеніемъ при дворѣ Екатерины и его *Denkwürdigkeiten*, какъ историческимъ источникомъ. Любопытныя *Denkwürdigkeiten* Вейкарда эксплуатированы въ извѣстной обработкѣ; сочиненія нѣкоторыхъ другихъ иностранныхъ писателей воспроизведены въ *Русск. Стар.* въ переводахъ. Такъ, напечатаны въ переводѣ А. И. Брайдо (автора обзоровъ литературы русской исторіи во II и III томахъ *Историческаго Обзорнія*, изд. подъ ред. проф. Н. И. Карѣева) „Записки де-ла-Невилля о Московіи 1680 г.“ (№№ 9 и 11), въ переводѣ Е. П. Бурнашевой записки де-ла-Флиза „Походъ великой арміи въ Россію въ 1812 г.“ (де-ла-Флизь—поклонникъ Наполеона I, не пожелавшій служить Бурбонамъ и навсегда оставшійся въ Россіи, несмотря на то, что во Франціи долженъ былъ изъ-за послѣдняго обстоятельства потерять богатое наслѣдство; №№ 9, 10 и 12) и въ переводѣ Н. К. Шмидера записки Гагерна „Россія и русскій дворъ въ 1839 г.“ (№№ 1 и 2). Записки де-ла-Флиза никогда не были изданы и являются совершенною новостью. Авторъ, поклонникъ Наполеона, съ осужденіемъ относится къ его дѣятельности въ Москвѣ. Наполеонъ, находясь въ Москвѣ, издавалъ для Франціи рядъ декретовъ, касавшихся „самыхъ ничтожныхъ частей внутренней администраціи Франціи“. Эти мелочныя запятія дѣлали Наполеона неузнаваемымъ. „Не пустяшными дѣлами внутренней администраціи Франціи,—говоритъ де-ла-Флизь (X, 56),—слѣдовало ему заниматься, а вниенуть въ свое положеніе въ Россіи, настолько критическое, что мѣры выхода изъ него могли бы занять его мысли“. На ближайшее будущее въ Москвѣ Наполеонъ смотрѣлъ безпечно. Не упоминая о массѣ мелкихъ „матеріаловъ и замѣтокъ“ и отрывочныхъ сообщеній (напримѣръ, о дворянскомъ подку въ №№ 1, 3 и 4), отмѣтимъ рядъ помѣщенныхъ въ *Русск. Стар.* свѣдѣній о Н. В. Гоголѣ (№ 3), Ф. М. Достоевскомъ (№ 3), А. Н. Островскомъ (№№ 4, 6 и 7), Н. Д. Хвощинской (№ 2), М. Ю. Лермонтовѣ (№ 8), С. В. Ковалевской (№№ 9 и 10), И. Г. Рѣдкинѣ

(№ 8), И. Е. Андреевскомъ (№№ 7, 8 и 9), Т. Г. Шевченко (№ 5) и друг. Подавляющую массу содержанія *Русск. Стар.* за прошлый годъ, какъ и вообще, составляютъ записки и дневники. Въ теченіе цѣлаго года печатался дневникъ А. В. Никитенко за 1861—68 годы, возбуждшій при первомъ своемъ появленіи (въ 1868—90 гг. *Русск. Стар.*) громадный интересъ среди читающей публики. Дореформенная Россія, вырисованная въ дневникѣ со многими воюющими подробностями, снова предстала предъ взорами читателя во всей своей неприглядной внѣшности. Эпоха реформъ менѣе поддается перу автора дневника. Стоя слишкомъ высоко надъ будничною жизнью николаевской эпохи, онъ нѣсколько потерялся въ эпоху реформъ, во многихъ случаяхъ былъ ниже запросовъ минуты, ибо не послѣдовалъ за быстрымъ, неудержимымъ ростомъ нашей интеллигенціи. Въ дневникѣ все чаще и длиннѣе становятся его философствованія, а наблюденія далеко не отличаются такимъ разнообразіемъ и обиліемъ, какихъ можно было бы ожидать отъ человѣка, вращавшагося среди петербургскихъ ученыхъ и официальныхъ сферъ. Многое осталось для него непонятнымъ и какъ для слишкомъ близкаго наблюдателя, и какъ для наблюдателя во многихъ отношеніяхъ односторонняго. Его отношенія къ либеральной партіи были настолько же неустойчивы, насколько лишнею оказалась его служба во время министерства П. А. Валуева. Для Валуева онъ былъ слишкомъ либераленъ, а потому неудобенъ; для либеральной партіи онъ еще довольно консервативенъ (въ университетѣ многие не любили его, и Никитенко не могъ понять—за что).

Такое неестественное положеніе автора дневника, неприятое для него самого, порою становится неприятнымъ и для современнаго читателя. Зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, эти преждевременныя осужденія оппозитовъ и промаховъ либераловъ, которые еще только начинали жить или, вѣрнѣе, начинали учиться жить? Въ результатѣ стали получаться уже недоразумѣнія. Пресса „извѣстнаго“ направленія даже начинаетъ цитировать дневникъ въ своихъ интересахъ. Какое общее впечатлѣніе дается записками А. В. Никитенки 60-хъ гг., можно судить уже по тому, что на нихъ не обинуясь ссылаются для осужденія передовыхъ теченій 60-хъ гг. Въ одной недавно вышедшей компиляціи „Польскій мятежъ 1863 г.“ П. Д. Брянцева (Вильна 1892 г.) читаемъ апологію М. Н. Баткову (стр. 125—126) и М. Н. Муравьеву съ замѣчаніемъ, что послѣдній былъ чуждъ „космополитизма и дешеваго либерализма, каковыми недостатками, къ стыду Россіи, большинство нашей интеллигенціи шестидесятихъ годовъ страдало“, и въ доказательство этого страданія сдѣлана цитата на „Записки М. Н. Муравьева“ и „Дневникъ А. В. Никитенка“ (стр. 187—188). А, между тѣмъ, и о мнимомъ великомъ публицистѣ, и о М. Н. Муравьевѣ найдемъ въ дневникѣ нѣсколько далеко не лестныхъ эпитетовъ. Никитенко не разъ говоритъ о Батковѣ и его *Московскихъ Выдомостяхъ* (разсказана, между прочимъ, исторія съ извѣстнымъ предостереженіемъ *Московскимъ Выдомостямъ* и заслуживаето за газету Муравьева и гр. Д. А. Толстаго). Въ одномъ мѣстѣ (IV, 143; ср. также стр. 139, гдѣ рѣзкость сужденія доведена до *pes plus ultra*) дневника читаемъ, наприимѣръ, что „господинъ Батковъ сдѣлалъ нѣчто хорошее своею газетою и теперь считаетъ, что онъ купилъ этимъ право дѣлать всевозможныя гадости“. Но растерявшись и заявивъ въ своемъ дневникѣ, что все падаетъ и гибнетъ (I, 59; IV, 406), А. В. Никитенко, когда гр. Валуевъ открыто вступилъ на путь политики регресса, съ тоскою замѣчаетъ (въ ноябрѣ 1866 г.):

„свершилось то, чего так боялись люди мыслящие: наступает время поворота назадъ, время *реакции*“ (IX, 581). Стѣсненіе печати, возвышеніе престижа губернаторовъ въ прямой ущербъ интересамъ страны, стѣсненіе дѣятельности земства, канцелярскія замашки гр. Валуева встрѣтили въ авторѣ дневника горячаго порицателя, и Никитенко не жалѣлъ красокъ, чтобы нарисовать въ глазахъ потомства самый непривлекательный образъ гр. Валуева, слетѣвшаго съ своего поста за сокрытие начавшагося въ Россіи голода (1868 г.). „У насъ не знаешь, чему вѣрить,—пишетъ Никитенко (XII, 661),—существуетъ ли въ Россіи голодъ или нѣтъ? Оттовсюду приходили и приходятъ ужасающіе слухи. Въ *Голосъ* появилась превосходная статья (Мих. Пав. Розенгейма) по этому поводу. Наконецъ, по высочайшему повелѣнію, учрежденъ подъ предсѣдательствомъ Наслѣдника комитетъ, отъ имени котораго уже *архи-официально* объявлено о *голодѣ* и всѣ приглашаются къ пожертвованіямъ. Между тѣмъ, министръ внутреннихъ дѣлъ (Валуевъ) печатно увѣрялъ, что *голода* нѣтъ, а народъ такъ „терпитъ только нужду“. Онъ сваливаетъ всю вину на земство. Но, вѣдь, всѣ знаютъ, что земство связано по рукамъ и ногамъ новымъ узаконеніемъ, въ силу котораго предсѣдатели управъ и губернаторы имѣютъ почти неограниченную власть надъ земствомъ. Рядъ ироническихъ отзывовъ о засѣданіяхъ въ академіи наукъ, которымъ съ успѣхомъ вторятъ неместныя замѣчанія о ней *М. И. Венюкова* (см. въ *Русск. Стар.* его „Воспоминанія“, I, 139—140), рядъ курьезныхъ сообщеній о цензурныхъ придиркахъ, рассказъ объ университетскихъ волненіяхъ 60-хъ годовъ, желчныя отзывы о многихъ представителяхъ бюрократіи и проискахъ противниковъ освобожденія крестьянъ—вотъ темный фонъ, на которомъ авторъ выводитъ свои личные замѣтки, окрашенныя довольно замѣтно пессимизмомъ и скептицизмомъ. Въ общемъ, дневникъ Никитенка—цѣнный вкладъ въ нашу литературу мемуаровъ, къ которому сильно будетъ приковано вниманіе историка XIX вѣка *). Никитенко сурово отнесся къ министерствованію П. А. Валуева: Валуевъ является у него чиновникомъ съ головы до ногъ, человекомъ „бумаги“, вовсе не одареннымъ государственными смысломъ, карьеристомъ, который, достигнувъ власти, не задумался ступить на путь реакціи. Какъ разъ въ разсматриваемомъ году *Русск. Стар.* появился и „дневникъ“ самого гр. П. А. Валуева (№№ 4—11): онъ во многихъ случаяхъ даетъ возможность убѣдиться въ справедливости отзывовъ Никитенка. Умный, образованный и, въ то же время, довольно узкій бюрократъ, гр. Валуевъ невольно привлекаетъ къ себѣ вниманіе читателя драматизмомъ своего положенія: его испортили карьеризмъ и безшабашность русской жизни, правильно всмотрѣться въ которую онъ никакъ не могъ; у него не было того страшно тяжелаго прошлаго, которое навсегда закрыло путь Никитенкѣ для сочувствія реакціи и чиновническому бездушію. Читая дневникъ Никитенка, порою съ нѣкоторою дозой неудовольствія перелистываешь страницу, гдѣ онъ расфилософовался; у гр. Валуева съ досадою встрѣчаешь одну-двѣ страницы, наполненныя чисто-канцелярскими сообщеніями, ни для кого не интересными. Если Никитенко то и дѣло сомнѣвается въ способностяхъ нашихъ административныхъ дѣятелей высшаго полета, то Валуевъ въ этомъ случаѣ ни мало не отстаетъ отъ него, титулуя этихъ дѣятелей „*псевдо-государственными* мужами“. Валуевъ смѣется надъ славянофилами, которые, по его мнѣ-

*) Цѣнно сообщеніе Никитенка о способѣ, къ которому прибѣгли для осужденія покойнаго Н. Г. Чернышевскаго (V, 384).

нiю (IV, 168), склонны изобрѣтать изобрѣтенное, надъ „полицейско-отечественными газетами“, въ которыхъ нечего читать, надъ „канцелярскимъ языкомъ“ отечественной литературы, надъ „бездушною формалистикой“ нашего управленiя, но все это подвергается осмѣянiю авторомъ дневника въ 40—50-хъ гг., а не Валуевымъ министромъ. Въ Петербургѣ Валуевъ совершенно преобразуется въ чиновника, то рапортующаго, то докладывающаго, то собирающагося на официальный приемъ. Во время севастопольскихъ погромовъ, когда, по выраженiю М. Е. Салтыкова, какъ бы спѣшили „продать отечество“, Валуевъ пишетъ любопытную *Душу русскаю* (№ 5). Это—какая-то странная смѣсь глубокаго патриотическаго чувства, здравыхъ суждений и близорукихъ замѣчанiй. Апостолъ Николая I на ряду съ полнымъ разгромомъ результатовъ внутренней политики дореформенной поры, мистическая болтовня на ряду съ дѣльностью многихъ замѣчанiй (см. особенно стр. 355). Сравнительное изученiе дневниковъ А. В. Никитенка и гр. П. А. Валуева—глубоко поучительно: оно не только даетъ возможность знакомства съ современною имъ Россiей, разсмотрѣнной съ точки зрѣнiя академика и бюрократа, но и представляетъ любопытный случай для наблюденiя надъ выработкою мiросозерцанiя двухъ образованныхъ русскихъ людей, переживавшихъ сильные историческiе моменты.

Русскiй Художественный Архивъ, *выпускъ I*. Подъ этимъ заглавiемъ началъ въ нынѣшнемъ году въ Москвѣ свое существованiе новый художественный журналъ, издаваемый В. А. Головинимъ подъ редакцiей А. П. Новицкаго. Въ первый годъ предполагается выпустить шесть тетрадей in 4°, въ десять печатныхъ листовъ каждая и съ десятью снимками фототипiей съ произведенiй исключительно русскихъ художниковъ, не считая мелкихъ снимковъ, помѣщенныхъ подъ текстомъ въ заключенiи статей (*cul-de-lampres*). Цѣна журналу—безъ доставки 10 руб., съ пересылкой 12 рублей въ годъ. Въ своемъ вступительномъ обращенiи къ читателямъ редакцiя вспоминаетъ, между прочимъ, о прежнихъ попыткахъ изданiя у насъ специально художественныхъ журналовъ, существовавшихъ очень недолго и прекращавшихся вслѣдствiе малаго интереса, который вызывали эти изданiя въ русскомъ обществѣ. Говоря просто, наши художественныя периодическiя изданiя погибали отъ недостатка подписчиковъ. Редакцiя *Художественнаго Архива* объясняетъ это прискорбное обстоятельство ошибками самихъ издателей, состоявшими, главнымъ образомъ, въ томъ, что прежнiе журналы, преслѣдуя цѣль общаго художественнаго развитiя, отводили слишкомъ мало мѣста „своему родному, русскому искусству“ и „увлекались болѣе богатымъ матеріаломъ, представляемымъ искусствомъ чужеземнымъ“. На основанiи такого предположенiя *Художественный Архивъ* рѣшается сдѣлаться изданiемъ, „посвященнымъ изученiю русскаго искусства“. Мы не беремся судить, насколько правильно мнѣнiе редакцiи о причинахъ неуспѣха прежнихъ художественныхъ журналовъ и вѣренъ ли путь, который намѣчаетъ себѣ только что возникшее изданiе. Намъ,—признаемся,—не совсемъ ясно представляется даже задача, принятая на себя новымъ журналомъ. Что должно означать выраженiе: „журналъ, посвященный изученiю русскаго искусства“? Журналъ ли будетъ его „изучать“, или читатели по этому журналу будутъ „изучать“ отечественное искусство? Изученiе всякаго предмета возможно только при существованiи правильно и послѣдовательно составленнаго курса, и пужно оно лишь тѣмъ, кто самъ себя посвятилъ этому предмету. Такого курса журналъ дать не можетъ, и интересующiйся предметомъ ради его изученiя не такъ многочисленны, чтобы для нихъ

стоило издавать журналъ. Наша публика, какъ-то правильно замѣтила редакция *Художественнаго Архива*, очень интересуется выставками и всѣми новыми произведеніями „русскаго“ искусства; но едва ли менѣе того интересуется она и чужеземными художественными произведеніями. Въ этомъ легко было убѣдиться на французской выставкѣ 1891 г. и на другихъ бывшихъ у насъ выставкахъ картинъ иностранныхъ художниковъ. Большинство публики ищетъ въ журналахъ не обученія и не изученія какого-либо предмета, и даже не пособія къ „общему развитію“. Читателей каждаго журнала, въ томъ числѣ и спеціального, прежде всего, интересуеетъ самое „развитіе“ даннаго предмета въ настоящее время, то направленіе, въ которомъ совершается такое развитіе въ смыслѣ идейномъ и техническомъ. Мы отнюдь не отрицаемъ важности и полезности, болѣе того—необходимости „архивныхъ“ свѣдѣній, историческихъ справокъ по каждому предмету и по искусству, разумѣется, для чего можетъ и долженъ быть отведенъ особый отдѣлъ въ журналѣ. Но мы весьма опасаемся, что архивные документы по „русскому искусству“ не вызовутъ въ обществѣ того сочувствія, какое необходимо для успѣха повременнаго изданія. Отъ журнала требуется, главнымъ образомъ, большая отзывчивость къ современнымъ намъ явленіямъ общественной жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ и, равнымъ образомъ, требуется извѣстное идейное освященіе проходящихъ передъ нами явленій во всѣхъ областяхъ знаній и искусства. Мы думаемъ, что только такой журналъ, который сдумаетъ удовлетворить публику въ этомъ отношеніи, можетъ разсчитывать на прочный успѣхъ и на долгое существованіе.

Съ прекращеніемъ въ прошедшемъ году журнала *Вѣстникъ изящныхъ искусствъ*, въ Россіи не осталось ни одного спеціально-художественнаго періодическаго изданія. Этотъ очень существенный пробѣлъ замѣщается теперь *Русскимъ Художественнымъ Архивомъ*, являющимся, такимъ образомъ, единственнымъ органомъ, посвященнымъ важнымъ отраслямъ искусства—живописи и вазию. А потому весьма естественно желать, чтобы этотъ журналъ не суживалъ своей программы и не ограничивался бы положеніемъ историко-художественнаго изданія. Не отрицая очень серьезнаго значенія такого журнала, мы находимъ, что одного *Художественнаго Архива* недостаточно и что необходимо изданіе, знакомящее насъ съ современнымъ искусствомъ. Въ I-мъ выпускѣ *Архива* напечатаны слѣдующія статьи: *Михаилъ Дормидонтовичъ Быковскій, біографическій очеркъ, Дѣтство и юность гр. Федора Петровича Толстаго, Дневникъ и записки Н. А. Рамазанова, Письма А. И. Иванова къ сыну, Матеріалы къ описанію галлерей П. М. Третьякова, П. А. Федотовъ, Библіографія и Современная мѣтопись*. Статья о высокопалантивомъ архитекторѣ Быковскомъ составлена такъ сухо и скато, что напоминаетъ собою послужной списокъ покойнаго. Изъ другихъ статей наиболѣе любопытны записки Рамазанова; въ нихъ ярко выражены характеръ и взгляды на жизнь знаменитаго художника. Вотъ, между прочимъ, что онъ говоритъ о воспитаніи: „Звуки музыки дома и въ театрахъ и весь разнообразный міръ, какъ сценическаго искусства, такъ и художествъ, рано начали дѣйствовать на мою воспріимчивую, впечатлительную натуру и развивать ее. Я считаю такіа благопріятныя обстоятельства дѣтства однимъ изъ лучшихъ благъ въ мірѣ; съ этою обстановкой пробужденная душа размягчается, и самая тонкая чувствительность ко всему прекрасному быстро обнимаетъ зародышъ, а вмѣстѣ и все существо таланта“... „Эстетическое образованіе должно бытъ приложено въ воспитаніи каждаго ребенка, каждаго

юноши. Я просто въ восторгѣ, что нынѣшнія дѣтскія игрушки несравненно красивѣе и остроумнѣе прежнихъ. Разобщеніе съ міромъ облагороженной фантазіи и изяществомъ отнимаетъ у человѣка предельную жизнь". Эти положенія авторъ иллюстрируетъ и подкрѣпляетъ очень убѣдительными примѣрами. Онъ указываетъ, какое огромное вліяніе имѣетъ эстетическое воспитаніе на пониманіе добра и зла, на развитіе любви къ прекрасному и доброму и отвращеніе къ безобразному, дурному и злему. Теперешнимъ воспитателямъ слѣдовало бы для блага юныхъ поколѣній проникнуться высокими идеями Рамазанова; руководители нашихъ дѣтей, быть можетъ, ослабили бы пагубную систему засушиванія юныхъ сердецъ и мозговъ и ввели бы въ кругъ воспитанія и образованія облагораживающіе душу элементы эстетики, изящества и возвышающихъ душу наслажденій искусствами... Начало статьи о картинной галереѣ П. М. Третьякова посвящено Павлу Андреевичу Ѳедотову, знаменитому русскому жанристу, и его произведеніямъ, при чемъ приводятся нѣкоторыя выдержки изъ его воспомнаній, полныя интереса и поучительности для нашихъ молодыхъ художниковъ. Рассказывая о томъ, какъ онъ писалъ небольшую, но превосходную, всѣмъ извѣстную картину *Святость майора*, Ѳедотовъ говоритъ: „Не знаю, можетъ быть, есть такіе счастливицы, которыхъ воображеніе сейчасъ же даетъ нужный типъ. Я не принадлежу къ ихъ числу, а, можетъ быть, и слишкомъ добросовѣстенъ, чтобы игру фантазіи выдавать за возможное“. Далѣе художникъ передаетъ, какъ, послѣ долгихъ поисковъ, онъ нашелъ подходящаго для его картины купца, познакомился съ нимъ, „волочился за нимъ цѣлый годъ, изучалъ его характеръ“, писалъ съ него портретъ п— „тогда только внесъ его въ свою картину“. „Цѣлый годъ изучалъ я одно лицо, а чего мнѣ стоилъ другіа!“—заключаетъ свой рассказъ П. А. Ѳедотовъ. Такъ же поучительна исторія возникновенія женской фигуры на картинѣ *Вдовушка*. Вотъ,—скажемъ мы нашимъ молодымъ художникамъ,—какъ надо, какъ обязаны они писать свои картины, если хотятъ, чтобы то были вѣрныя художественныя произведенія, блестящія не однимъ только мастерствомъ техники, но и жизненною правдой, не имѣющею, впрочемъ, ничего общаго съ вторгающеюся въ область искусства такъ называемою „реальностью“. Теперь, болѣе, чѣмъ когда-либо, такая „реальность“ представляется опасною для истиннаго искусства, ибо къ ея услугамъ явилось могущественное орудіе—моментальная фотографія, вполнѣ точно передающая дѣйствительность, но отнюдь не передающая тѣхъ впечатлѣній, какія оставляетъ въ насъ эта самая „дѣйствительность“. Объ этомъ, впрочемъ, мы будемъ имѣть случай говорить въ другомъ мѣстѣ, при обзорѣ нынѣшней фотографической выставки. Изъ произведеній П. А. Ѳедотова менѣе другихъ извѣстны публикѣ два эскиза: *Смерть Фидельки* и *Сльдствіе смерти Фидельки*, снимки съ которыхъ приложены къ I выпуску *Художественнаго Архива*. За ознакомленіе публики съ такими образцовыми произведеніями искусства нельзя не поблагодарить редакцію журнала. Самые снимки превосходно исполнены фототипіей К. А. Фишера.

Эскизы эти—не просто жанръ и далеко не каррикатуры, хотя въ нихъ есть нѣчто „Гогартовское“, но не заимствованное и даже не навѣянное Гогартомъ, а настолько же сильное и вполнѣ самобытное. Это—сатира въ живописи, тотъ именно родъ живописи, за который, сколько намъ извѣстно, никто у насъ не брался, кромѣ П. А. Ѳедотова. Сатирическія черты сказываются во многихъ произведеніяхъ Ѳедотова: въ *Святость майора*, въ *Магазинъ*, въ эскизахъ *Житіе на*

чужой счетъ и *Первое утро обманутою молодою*. И не сатирую уже, а тяжелою драмой вѣетъ отъ такихъ его картинъ, какъ *Вдовушка*, *Мышеловка* и въ особенности *Старость художника*, женившася на бѣдной дѣвушкѣ въ надеждѣ на свой талантъ. П. А. Федотовъ принадлежитъ къ числу тѣхъ выдающихся русскихъ художниковъ, которые искали и открывали новые пути въ области искусства, но, къ глубочайшему сожалѣнію, не успѣли прочно проложить ихъ ни для себя, ни для желательныхъ послѣдователей. Смерть слишкомъ рано оборвала плодотворную дѣятельность очень большого таланта: П. А. Федотовъ умеръ въ ноябрѣ 1852 г. тридцати семи лѣтъ отъ роду. Въ приложеніи къ этому выпуску, кромѣ двухъ названныхъ фототипій, имѣются снимки съ двухъ эскизовъ В. К. Шебуева образовъ для церкви конно-гвардейскаго полка. Для знатоковъ-любителей такіе снимки представляютъ несомнѣнно большой интересъ; но мы сомнѣваемся въ томъ, чтобы большинство нашей публики отнеслось къ нимъ со вниманіемъ.

Снимки съ портретовъ М. Д. Быковскаго, проф. Андрея Ивановича Иванова и его жены и съ семейнаго барельефа гр. Ѳ. П. Толстаго мы не можемъ назвать удовлетворительными и думаемъ, что такія приложенія къ художественному журналу нисколько не способствуютъ развитію вкуса публики и мало подвигаютъ дѣло „взученія“ русскаго искусства. Еще при I-мъ выпускѣ даны снимки съ дѣтскихъ рисунковъ гр. Ѳ. П. Толстаго, съ неконченной гравюры Ѳ. И. Иордана и съ эскиза К. П. Брюлова, изображающаго распатіе. Такой выборъ художественныхъ произведеній для перваго номера въ особенности представляется намъ случайнымъ и едва ли оправдываетъ опредѣленное въ предисловіи назначеніе новаго журнала. То, что очень хорошо и очень важно, быть можетъ, для знатоковъ, покажется большинству публики и не важнымъ, и не любопытнымъ, и ни на что ненужнымъ. А журналъ не можетъ основывать свое существованіе только на сочувствіи знатоковъ, для журнала необходима „большая“ публика. Да и самъ художественный журналъ, по сознанію редакціи, выраженному въ предисловіи, и совершенно вѣрно выраженному, нуженъ не для знатоковъ, а для всего русскаго общества. Глубоко сочувствуя начинанію гг. Головина и Новицкаго и искренно желая имъ полного и прочнаго успѣха, мы указали на то, что считаемъ съ ихъ стороны промахами, неизбѣжными въ новомъ дѣлѣ, и позволимъ себѣ высказать въ заключеніе наше мнѣніе о томъ, что нужно дѣлать для достиженія такого успѣха. Мы думаемъ, что, по меньшей мѣрѣ, половина изданія и половина рисунковъ должны быть отведены современности, одинъ-два снимка и соотвѣтствующій текстъ слѣдуетъ отдѣлить для выдающихся произведеній иноземнаго искусства, остальные рисунки могутъ быть посвящены нашему прошлому; въ текстѣ надлежитъ дать мѣсто обзорамъ выставокъ, болѣе обстоятельнымъ, чѣмъ статейки въ *Соврем. антописи*, и рѣшительно необходимымъ отдѣлъ художественной критики, дѣльной, правдивой и компетентной настолько, чтобы она могла руководить общественное мнѣніе. Письма А. И. Иванова и дѣтство Ѳ. П. Толстаго любопытны, конечно, но мы думаемъ, что настоящее мѣсто для такихъ историческихъ документовъ въ историческомъ, а не въ спеціально-художественномъ изданіи, въ которомъ по части искусства-то и нѣтъ ни одной руководящей статьи. А такія-то именно статьи намъ и нужны всего въ настоящее время, когда и въ искусствѣ совершается важная эволюція, когда и въ немъ ведется идейная борьба, все болѣе и болѣе захватывающая всѣ проявленія мысли въ современномъ обществѣ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

„БИБЛИОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА“.

I. Книги.

	Стр.
Веллетристика: „Историческія повѣсти“ <i>П. В. Безобразова.</i> —„Болѣзнь зѣва“ <i>Ю. Е.</i> —„Офорти“ <i>Юліи Безродной.</i>	109
Философія: „Наука о мысли“ <i>Макса Мюллера.</i>	113
Исторія литературы и біографіи: „Литература и жизнь“ <i>Н. К. Михайловскаго.</i> —„Матеріалы для біографіи Гоголя“ <i>В. И. Шенрока.</i> —„Лента Бѣлинскаго въ пользу голодающих“.—„Всеобщая исторія литературы“ <i>Проф. Курчичикова.</i> —„Henrik Ibsen“, <i>par Charles Sarolea.</i>	116
Этнографія: „Сибирскіе инородцы, ихъ бытъ и современное положеніе“ <i>Н. М. Ядринцева.</i>	121
Политическая экономія и статистика: „Нужда и голодъ“ <i>А. А. Исаева.</i> —Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Тверской губ.“.	123
Юридическія книги: „Понятіе о преступленіи“ <i>П. П. Пусторослева.</i> —„Сборникъ рѣшеній варшавской судебной палаты по гражданскимъ дѣламъ“ <i>О. Федеровича.</i> —„Идеалы французской адвокатуры“ <i>Гр. Галущицкаго.</i>	127
Сельское хозяйство: „Удобреніе въ теоріи и на практикѣ“ <i>П. Бильдермина.</i> —„Русскій хлѣбъ“ <i>О. К. Арнольда.</i> —„Лѣсоводство“ <i>М. Турскаго.</i> —„Страхованіе отъ градобитій“ <i>В. А. Тарюнскаго.</i>	129
Техническія книги: „Курсъ гидравлики“ <i>И. А. Еленовича.</i> —„Химическая технология“ <i>Р. Ваннера.</i>	131
Учебники и дѣтскія книги: „Краткій курсъ естественной исторіи“ <i>И. Итоснова.</i> —„Латинская хрестоматія для низшихъ классовъ“ <i>С. Радецкаго и В. Соколова.</i> —„Каштанка“ <i>А. Чехова.</i>	133
Календари: „Новороссійскій календарь на 1892 г.“.—„Терскій календарь на 1892 г.“.	135

II. Периодическія изданія.

„Русскій Вѣстникъ“, январь — февраль.—„Библиографическія Записки“, январь—февраль.—„Русская Старина“ 1891 г.—„Русскій Художественный Архивъ“, вып. I.	136
---	-----

Вышелъ № 21 (мартъ 1892 г.) журнала

АРТИСТЪ

Содержаніе: *Гамлетъ*, въ переводѣ П. П. Глѣдича, актъ 3-й. Письма Островскаго. 6-я лекція о оценч. искусствѣ, П. Д. Воборыкина. Тяжелое воспоминаніе, разск. М. К. Тоголя. *Мимика и физиономика*, Пидерита. *России*, ст. Деля. Въ Австралии, разск. Е. Прядъ. *Мунъ-Сюлли*, ст. Catherine de O. Гоголевскіе уголки, соч. С. Н. Филиппова. *Тучка*, романсъ Ц. А. Кук. *Чаровница*, для ф.-п. Альбанск. Ж. Мейссонье (съ снимк. съ картинъ). *Соврем. обзорѣніе*, ст. Н. И. Иванова, С. Н. Крутикова и др. *Угаошая иокра*, др. въ 3 д., въ стихахъ С. Н. Чужиковъ. *Навожденіе*, ком. въ 3 д. гг. Крилицкаго и Воронежскаго. Приложенія: 5 листъ акварельн. рис. гр. В. Л. Солдогоуба къ *Сказкѣ о золот. пѣтушкѣ. Соора, 1814 г. и Охотники*, картины Мейссонье. Портреты: Гоголя (фотот.), Мейссонье и Мунъ-Сюлли.

Подписная цѣна НА ГОДЪ 10 руб., съ перес. 12 руб. На сезонъ (7 книгъ) 9 руб., съ перес. 10 руб. Допускается разсрочка. Отдѣльные №№ 2 руб. съ перес. Подписка приним. въ редакціи (Москва, Кудрино, д. Варгальскъ), у Печковской, „Нового Времени“, Вольфа и др.

Вышелъ № 11 журнала „Театральная библиотечка“. Содержаніе: *Бобы*, ком. въ 3 д. Н. И. Мердеръ, и *Джекъ*, др. Дода, въ пер. Н. Н. Ге. Отдѣльные №№ по 1 р. За томъ (4 книжки)—3 р. съ перес. Подписка 3 р. въ годъ, съ перес. 4 р., принимается только отъ подписч. на „Артистъ“.

ВЪ ПОЛЬЗУ ГОЛОДАЮЩИХЪ

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА:

„ИЗЪ ЭПОХИ ВЕЛИКИХЪ РЕФОРМЪ“.

Историческія справки

Гр. Джаншіева.

СОДЕРЖАНІЕ: Освобожденіе крестьянъ.—Отмѣна тѣлеснаго наказанія.—
Цензурная реформа.—Новый судъ и проч.

Цѣна 1 руб., съ перес. 1 руб. 18 коп.

Складъ въ конторѣ „РУССКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“.

Весь валовой доходъ отъ продажи полностью поступаетъ
въ пользу голодающихъ.

14 DAY USE
RETURN TO DESK FROM WHICH BORROWED

LOAN DEPT.

This book is due on the last date stamped below, or
on the date to which renewed.

Renewed books are subject to immediate recall.

30 Oct '61 MT	
REC'D LD	
FEB 21 1962	
MAR 2 1967 28	
IN STACKS	
FEB 16 1967 RECEIVED	
MAR 27 '67 -8 AM	
LOAN DEPT.	
SEP 25 1975	
LIBRARY USE MAR 20 '86	

LD 21A-50m-8,'61
(C1795s10)476B

General Library
University of California
Berkeley